

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

3 2044 010 125 102

PSlav 384.40

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

July 6422
end

Р. Слав 384, 40

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ IX, вып. 1.

СОДЕРЖАНІЕ.

Вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ въ комиссіи 1767 г. **Н. Н. Ойрсова.**

Памяти П. Д. Шестакова. **Н. А. Ойрсова.**

Толковая икона села Царицына. **Н. В. Сорокина.**

Материалы для исторіи развитія славянскаго жилища. **Н. З. Тихова.**

Ирихи у Чувашъ. **В. Е. Магнитскаго.**

Русскія имена и прозвища въ XVII в. **А. И. Соколова.**

Свадебные обычаи Казанскихъ Татаръ. **М. Н. Пинегина.**

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго университета.

1891.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Лк, 6422

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ IX, вып. 1.

СОДЕРЖАНІЕ.

Памяти П. Д. Шестакова. **Н. А. Фирсова.**

Вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ въ комиссіи 1767 г. **Н. Н. Фирсова.**

Толковая икона села Царицына. **Н. В. Сорокина.**

Матеріалы для исторіи развитія славянскаго жилища. **Н. З. Тихова.**

Ирихи у Чувашъ. **В. Е. Магнитскаго.**

Русскія имена и прозвища въ XVII в. **А. И. Соголова.**

Свадебные обычаи Казанскихъ Татаръ. **М. Н. Пинегина.**

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго университета.

1891.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

**Печатано по опредѣленію Общества Археологич, Историч и Этнографич
при Императорскомъ Базанскомъ университетѣ.**

И. д. Секретаря А. Александровъ.

Н. Н. ВѢРСОВЪ.

В О П Р О С Ъ
О Б Ъ Г Л Ъ Х Ъ И Р А З Б О Й Н И К А Х Ъ,

ПОДНЯТЫЙ ВЪ КОММИССИ
ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ ПРОЕКТА

НОВАГО УЛОЖЕНІЯ (1767 г.).

(Читано въ засѣданіи Казанскаго Общества Археологій, Исторіи и
Этнографіи).

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1890.

Печатамо по опредѣленію Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при
Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь Общества *П. Траубенбергъ.*

Вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ въ свое время былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ русской жизни. Всѣмъ давно извѣстны соціальныя причины бѣгства русскихъ людей изъ общества, и я объ этомъ предметѣ не стану распространяться; замѣчу только, что побѣги крестьянъ наиболѣе усилились въ эпоху крайняго развитія крѣпостнаго права, а именно во вторую половину XVIII столѣтія. Увеличеніе количества бѣглыхъ вело къ размноженію разбойниковъ. И правительство, и общество отмѣтили эту связь между побѣгами и разбойничествомъ, почему въ сущности то и другое является одной темой, однимъ вопросомъ.

На сколько же этотъ вопросъ былъ важенъ для русскаго общества того времени, — всего лучше намъ могутъ изобразить наказы, съ которыми депутаты изъ провинцій и уѣздовъ, по волѣ Императрицы Екатерины 2-й, явились въ Москву для участія въ извѣстной комиссіи, имѣвшей своею цѣлю составить проектъ Новаго Уложенія. Эти депутатскіе наказы, а равно и протоколы засѣданій комиссіи представляютъ замѣчательный матеріалъ для характеристики воззрѣній современниковъ на многіе общественные вопросы. Одинъ изъ послѣднихъ и составляетъ предметъ реферата, который я имѣю честь предложить вниманію настоящаго ученаго собранія.

Но прежде любопытно припомнить нѣкоторые факты, относящіеся къ знаменитой комиссіи. Такъ, напр., предъ ея открытіемъ депутаты приняли въ соборѣ присягу, въ которой просили Бога, чтобы Онъ отвратилъ ихъ отъ „корысти, дружбы, вражды и ненавистныхъ зависти, изъ коихъ *страстей* родиться бы могла суровость въ мысляхъ и жестокость въ совѣтахъ“. Затѣмъ, во дворцѣ, при эффектной обстановкѣ, говорились рѣчи; при этомъ одинъ изъ ораторовъ

ровъ, Новгородскій митрополитъ Дмитрій (Съченевъ) открылъ связь между законодательствомъ Юстиніана и Екатерины II-ой, отдавъ предпочтеніе мудрости русской Императрицы.

Произведеніе же этой мудрости—наказъ депутатамъ— читалось на другой день въ гравовитой палатѣ, гдѣ и начались засѣданія комиссіи подъ предсѣдательствомъ Александра Бибикова. Многочисленные депутаты отъ дворянъ, всѣхъ уѣздовъ, купцовъ, черносошныхъ крестьянъ, казаковъ и отставныхъ солдатъ изъ Наказа Императрицы, между прочимъ, узнали, что смертная казнь „потребна“ только для такого „гражданина“, который, „лишенъ будучи вольности, имѣеть способъ и силу, могущую возмутить народное спокойствіе“; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ смерть „гражданина, „ни полезна, ни нужна“ (Наказъ, § 210, стр. 167). Узнали также, что „мучительная строгость“ бесполезна (§ 207). Слушали депутаты и такія трогательныя рѣчи: „кто не объемлется ужасомъ, видя въ исторіи сколько варварскихъ и бесполезныхъ мученій, высканныхъ и въ дѣйствіе приведенныхъ безъ малѣйшаго совѣсти зазора людьми, давшими себѣ имя премудрыхъ? Кто не чувствуетъ внутри содроганія чувствительнаго сердца при зрѣлищѣ тѣхъ тысячъ безщастныхъ людей, которые оныя претерпѣли и претерпѣваютъ? и т. д. и т. д. „Кто можетъ, говоря я, смотрѣть на растерзаніе сихъ людей съ великими приуготовленіями?“ и т. д. и т. д. Во время чтенія такихъ и подобныхъ рѣчей многіе изъ депутатовъ плакали. Это однако не помѣшало имъ заявить о своихъ далеко не сентиментальныхъ требованьяхъ. Фабриканты, купцы, духовенство и даже казаки (домовитые) просили даровать имъ право владѣть крестьянами; дворянство вооружалось противъ этого, считая право владѣнія людьми своею привилегіей. Черносошные крестьяне просили, чтобы имъ правительство дозволило вести торговлю, а купцы протестовали, рассматривая торговлю своею монополіей и говоря, что ихъ положеніе и безъ того плохо, а съ дозволеніемъ торговать крестьянамъ они совершенно раззорятся. Многіе изъ дворянъ требовали уничтоженія петровскаго закона, дѣлающаго дворяниномъ каждаго, дослужившагося до офицерскаго чина; другіе, новыя дворяне, получившіе дворянство „за выслугу шпагой или перомъ“, конечно, оспаривали предложеніе первыхъ. . . Вообще, всѣ заявили о своихъ узко-эгоистическихъ пожеланіяхъ, вслѣд-

ствіе чего интересы ихъ неминуемо встрѣтились, и они спорили... Какъ-же они отнеслись къ вопросу о бѣглыхъ и разбойникахъ?

Въ депутатскихъ „наказахъ“ по этому вопросу мы найдемъ весьма много данныхъ; такъ мы можемъ узнать о томъ, какъ помѣщики мотивировали побѣги крѣпостныхъ, какъ жаловались на зло отъ побѣговъ и разбоевъ и какія предлагали мѣры для пресѣченія побѣговъ и уничтоженія разбойничества. Кромѣ того мы находимъ въ этихъ „наказахъ“ и другія, болѣе частныя, свидѣтельства и между ними указанія на то, куда убѣгаютъ крестьяне и гдѣ скрываются. Съ этихъ-то указаній мы и начнемъ свое изложение.

Изъ депутатскихъ наказовъ легко можно усмотрѣть, что случаи побѣговъ были наиболѣе многочисленны въ западной окраинѣ имперіи, откуда масса бѣглыхъ удалялась въ Польшу¹⁾. Вы то и дѣло читаете: „крестьяне отъ помѣщиковъ бѣгутъ въ Польшу цѣлыми семьями“. (14 т. Сбор. Имп. Ист. Общ., стр. 365, 261, 401). Пусторжевское дворянство, какъ и другія дворянскія общества прямо заявило, что его „бѣдныя жилища стоятъ близъ Польши“ и поэтому крестьяне бѣгутъ туда „единого ради того, чтобы тамъ быть вольными“ (14; стр. 295). Рославльскій уѣздъ тоже находился по близости къ Польшѣ, не далѣе 50 верстъ, и вотъ, какъ только крестьяне „услышатъ рекрутскій наборъ, рассказываетъ наказъ отъ дворянъ этого уѣзда, „почти всѣ годные бѣгутъ за польскую границу и оттуда выходятъ потаенно и, подговаривая отцовъ и родственниковъ своихъ, выходятъ за ту польскую границу“²⁾. Естественно, что въ Польшѣ рус-

¹⁾ Особенно много жалобъ изъ разныхъ уѣздовъ и пятинь Новгородской и Псковской провинцій. Въ тоже время голоса о побѣгахъ и разбойничествѣ несутся и съ сѣвера (напр., отъ вологодскаго дворянства, т. 8. стр. 551 и 552), и изъ центральной Россіи (напр., Суздальск. провинц., т. 8, стр. 533), и съ восточной окраины — этого стараго театра гулящихъ людей (Сарат. Уѣзд., т. 4. стр. 4).

²⁾ 14 т., стр. 425.

скихъ крестьянъ, убѣжавшихъ для воли отъ крѣпостнаго права и рекрутства, скопилось очень много. „По исчисленію“ смоленскаго дворянства ко времени комиссіи 67 года въ Польшѣ пребывало болѣе 50000 бѣглыхъ крестьянъ изъ одной Смоленской губерніи (14; стр. 420). Депутатамъ было извѣстно, что, кромѣ Польши, бѣглецы направлялись въ Лифляндію (14, 381), Эстляндію, Финляндію (14; 256) и особенно на Волгу; депутатъ отъ брянскаго дворянства Сергѣй Мясоѣдовъ сообщилъ въ одномъ изъ засѣданій комиссіи, что въ 1742 и 43 г.г., когда онъ состоялъ „въ командѣ для сыска бѣглыхъ“, имъ было найдено въ Саратовѣ и въ уѣздѣ по Волгѣ, на судахъ и въ хуторахъ, до 5000 бѣглыхъ крестьянъ, солдатъ, матросовъ и рекрутъ (4 т., стр. 117). Отмѣчено въ наказахъ и то, что немало бѣглаго люда шатается внутри государства. При рекрутскихъ наборахъ вообще укрывались „въ разныхъ мѣстахъ“: у купцовъ и разночинцевъ, которые обыкновенно держали бѣглецовъ до тѣхъ поръ, „пока съ помѣщика положенное число рекрутъ отдано не будетъ“ (4 т., стр. 475). Помѣщики также очень хорошо знали, что нерѣдко бѣглецы находили себѣ пріютъ на желѣзныхъ и стекляннхъ заводахъ, на фабрикахъ (4 т., 387).

Мы уже видѣли, что крѣпостное право и воинская повинность выставлялись, какъ причины побѣговъ. Въ наказѣ отъ псковской провинціи мы находимъ болѣе подробныя указанія причинъ побѣговъ, находимъ попытку представить классификацію бѣглецовъ. Послѣднихъ, по мнѣнію наказа, „три рода“. 1) Одни крестьяне бѣгутъ въ Польшу. И это происходитъ потому, что они знаютъ „польскія повеленія“: у поляковъ, „по ихъ вольности“, нѣтъ ни рекрутскаго набора, ни казенныхъ сборовъ, а за-то существуетъ свободная продажа вина и соли. 2) Другіе убѣгаютъ внутрь имперіи. На такое предпріятіе поощряетъ ихъ современное положеніе хозяйствъ „знатныхъ богатыхъ и сильныхъ людей“. Эти „сильные и богатые люди“ „по нынѣшнему состоянію“, говорится въ наказѣ, „имѣютъ весьма великія выгоды держать бѣглыхъ людей“. Если же кто и узнаетъ, гдѣ „подъ рукой сильнаго“ проживаетъ его „бѣглый человѣкъ“, „то радъ будетъ и тому“, когда „достанетъ“ его черезъ „нѣскольво лѣтъ“ и даже „съ немалымъ убыткомъ“ для себя. Въ виду этого псковское дворянство надѣется, что „о не-

держанія“ этих бѣглыхъ будутъ изданы „настрожайшія подтвержденія“. 3) Наконецъ, весьма много крестьянъ бѣжитъ въ Чухонщину и Лифляндію“. Да и какъ не бѣжать: нѣтъ ни форпостовъ, ни заставъ, выдачи бѣглыхъ оттуда не бываетъ почти никогда, сыскивать же и ловить ихъ совсѣмъ нельзя, „а особливо незнатнымъ“, владѣющимъ „невеликимъ числомъ душъ“. Даже скорѣе можно самого себя „безъ вѣсти потерять“, чѣмъ вернуть бѣглыхъ, которыхъ въ Чухонщинѣ и Лифляндіи „весьма довольное число“, главнымъ образомъ въ мызахъ „знатныхъ и богатыхъ господъ“. Отмѣтивъ всѣ изложенныя причины побѣговъ, дворянство псковской провинціи сдѣлало оговорку, что крестьяне бѣгутъ „безъ всякаго отъ владѣльцевъ своихъ отягощенія“ (14 т., стр. 266 — 268). Дворянство Псковскаго уѣзда добавляетъ еще одну весьма „важную“, по его мнѣнію, причину побѣговъ: „склонность и жадность народа“ къ „вольному употребленію вина“. И это мнѣніе мотивируется тѣмъ, что безъ вина русскій народъ „съ природы вліянной страсти обойтись не можетъ“, а между тѣмъ по близости кабаковъ нѣтъ: „кои есть—не ближе какъ въ семидесяти и осьмидесяти верстахъ“. За „вольное“ же употребленіе вина штрафъ очень великъ, вслѣдствіе чего „дѣлые дома разоряются“. При всемъ этомъ—Польша рядомъ, гдѣ въ каждой деревнѣ, „по вольности ихъ“, имѣется кабакъ, „что ихъ (русскихъ крестьянъ) весьма привлекаетъ“ (14 т., 381 и 382). И смоленское дворянство указывало на боязнь штрафа за корчемство, какъ на одну изъ причинъ побѣговъ, при чемъ, по его мнѣнію, убѣгали не только главные виновники этого преступленія, но и тѣ, „кто про то вѣдалъ или участникомъ былъ“. А „отъ вина нашихъ удержать не возможно“, категорично заявило смоленское дворянство (4 т., 421). Однако были, какъ мы видѣли и выше, причины посерьезнѣе; да и отмѣченные сейчасъ депутатскіе наказы не ограничились такимъ легкимъ объясненіемъ: въ числѣ причинъ бѣгства здѣсь помѣщены рекрутскіе наборы, „государственныя подати“ и „прочія разныя отягощенія“.

Расколъ выставлялся также причиной побѣговъ. „Когда, говорится въ одномъ изъ дворянскихъ наказовъ, „прельщенные къ расколу крестьяне отъ тѣхъ расколовъ своими помѣщиками отвращаемы бываютъ“, то „тѣ крестьяне чинятъ немалые побѣги и ихъ держать и укрываютъ въ своихъ домахъ раскольники же“ (т. 4; стр. 336).

Но это еще не все. Въ иныхъ мѣстностяхъ крестьяне бѣднѣли отъ неурожаевъ; напр., дворянство Вяземскаго уѣзда высказалось въ томъ смыслѣ, что отъ неурожаевъ „по нѣскольку лѣтъ“ крестьяне до того раззорились, что многіе изъ нихъ, „дворы свои оставя“, „пошли безвѣстно“ (14 т. стр. 454).

Бѣглецамъ вездѣ былъ пріютъ, потому-что, при недостаткѣ рабочихъ рукъ въ то время, помѣщики, заводчики, фабриканты не брезгали этою выгодною рабочею силой, не говоря уже о самихъ зажиточныхъ крестьянахъ. Помѣщики-поляки, разумѣется, не были исключеніемъ. Въ депутатскихъ дворянскихъ наказахъ мы часто читаемъ жалобы на то, что польскіе помѣщики не только охотно принимаютъ къ себѣ бѣглыхъ, но „подговариваютъ“ приходитъ къ нимъ еще не убѣжавшихъ крестьянъ изъ Россіи. Это приглашеніе имѣло успѣхъ. По сообщенію наказа отъ дворян Псковской провинціи бѣглецовъ въ Польшу до того „пріумножилось“, что „шихтамъ польскимъ“ негдѣ уже стало ихъ помѣщать „на своихъ земляхъ“. Тогда „многіе, узнавъ проворство Россійскихъ бѣглецовъ“, начали своихъ крестьянъ переселять „въ чужія и дальнія маестности“, а на оставшіяся свободными мѣста водворятъ русскихъ крестьянъ. Это повлекло за собой тотъ результатъ, что нѣкоторые польскіе помѣщики, прежде сами пахавшіе землю, теперь сдѣлались богатыми землевладѣльцами. По замѣчанію того же наказа, бѣглыхъ въ Польшѣ принимали также жида „для служенія“.

Кромѣ всего этого, мы встрѣчаемъ сѣгованья русскихъ помѣщиковъ на то, что имъ отъѣздъ въ Польшу „строжайше запрещень“, а поляки безпрепятственно пріѣзжаютъ въ Россію и подговариваютъ крестьянъ къ уходу (14; 367). Бѣгутъ за границу жены отъ мужей и мужья отъ женъ и тамъ, „согласясь съ другими надобными полами“, „остаюся вѣчно“; супруги, покинутые на родинѣ, „принуждены быть отъ молодости до старости безбрачными“, „или также, слюбясь съ другими, тоже уходятъ въ Польшу“. Особенно же, по мнѣнію, выраженному въ цитируемомъ сейчасъ наказѣ, жалѣть необходимо то, что бѣглецы теряютъ православную вѣру „безъ наималѣйшаго страха Божія“; не только сами они переходятъ въ католичество и униатство, но перекрещиваютъ и дѣтей своихъ подъ вліяніемъ ксендзовъ и униатскихъ поповъ; эти послѣдніе „стараются ихъ ласкать и

всячески въ вѣчное укрѣпленіе шляхетству приманивать“ (14 т., 297).

Само собой ясно, что на сколько польскимъ помѣщикамъ были выгодны побѣги изъ Россіи къ нимъ, на столько же и даже больше русскіе помѣщики терпѣли отъ этого экономическій ущербъ. Прежде всего имъ приходилось раззоряться отъ того, что они были обязаны платить подушныя деньги *и за бѣглыхъ*, слѣдовательно, „съ пуста“, по выраженію наказовъ. Бѣглецы вдобавокъ не исключались и изъ рекрутскихъ наборовъ (14 т.; 266, 297). Вслѣдствіе этого помѣщики были принуждены налагать подушныя деньги и исполненіе воинской повинности на оставшихся у нихъ крестьянъ и тѣмъ увеличивать еще болѣе и безъ того ихъ несчастное положеніе. А это усиленіе тягостей вело только къ новымъ побѣгамъ. Въ наказѣ отъ дворянъ Великолучнаго уѣзда мы встрѣчаемъ заявленіе о совершенной „невозможности“ оставшимся крестьянамъ платить за бѣглыхъ, которыхъ „такое множество“; здѣсь опредѣленно говорится, что отъ непосильныхъ платежей за бѣглыхъ крестьяне „принуждены бѣжать“ (14 т., 367).

Не мало вреда помѣщикамъ приносили побѣги и своей другой стороной. Дѣло въ томъ, что бѣглецы сформировывали разбойническія шайки и являлись грабить и жечь деревни прежнихъ своихъ господъ. Въ наказахъ мы постоянно читаемъ, что бѣглецы собираются въ Польшѣ „немалыми разбойническими партіями“, „явно“ оттуда приходятъ въ Россію, „разбиваютъ и грабятъ не только крестьянскіе, но и многихъ помѣщиковъ дома и чинятъ смертныя убійства и пожоги деревнямъ и возвращаются — опять въ свое жъ убѣжище“. А дворянство отъ этого „подвержено“ „многимъ опаснымъ и бѣдственнымъ случаямъ“ и „чувствуетъ несносное разореніе“ (напр., 14, 261, 266, 369). Поляки же не только не выдаютъ бѣглыхъ (по тому-что „не хотятъ, чтобъ сторонѣ Россійской какое удовольствие оказать“), но даже принимаютъ отъ разбойниковъ награбленное ими добро, укрывая его „въ своихъ маетностяхъ“. Такимъ образомъ „взятое у насъ, жаловались дворяне, „остается въ корысти ихъ“. Этого мало. Въ томъ же наказѣ мы находимъ свидѣтельство, что польскіе помѣщики снабжали разбойничьи шайки ружьями и порохомъ, посылали ихъ для грабежа въ Россію „и тѣмъ искореняли вся-

кій покой человѣческой“. Дѣло „дошло до того“, что „многіе помѣщики“ принуждены бѣжать изъ своихъ деревень въ виду нападеній разбойниковъ, „спасая только животъ свой“. Такіе отъѣзды дворянъ изъ помѣстій особенно неудобны въ вешнее и лѣтнее время, когда слѣдовало бы „наблюдать свою экономію, и на годъ заготовлять пропитаніе“. Не мало оказалось и такихъ помѣщиковъ, которые, потерявъ всѣхъ своихъ крестьянъ, отдають свои земли въ казну вмѣсто податей, требуемыхъ правительствомъ за ихъ бѣглыхъ крестьянъ; эти помѣщики „дѣйствительно уже сущую бѣдность претерпѣвають“ (14; 267). Въ виду этой бѣдности смоленское дворянство испрашивало нѣкотораго облегченія въ платежѣ подушныхъ денегъ. Указавъ на фактъ возвращенія иныхъ бѣглыхъ домой, но въ крайней нищетѣ, смоленское дворянство упрашивало правительство не брать податей съ возвратившихся бѣглыхъ, пока они „озаваживаются“, до новой ревизіи ¹⁾ (14; 419 и 420).

Въ комиссіи не ограничивались одними указаніями на рассматриваемое соціальное зло; здѣсь предлагались и мѣры въ его устраненію. Впрочемъ справедливость требуетъ замѣтить, что мѣры принимались правительствомъ и раньше, до составленія депутатскихъ наказовъ. Такъ для искорененія разбойниковъ часто посылались команды; но отъ этихъ командъ мало было толку. Въ одномъ изъ депутатскихъ наказовъ мы читаемъ: „хотя о истребленіи воровъ и разбойниковъ узаконеніе есть, но помощи мало“; причиной являлась та медлительность, съ которой дѣлались распоряженія: „злодѣи успѣвають“, поясняетъ наказъ, „разграбя многихъ, уйти на таковой же промыслъ въ другія мѣста и уѣзды“. (14; 265). Эти команды даже приносили обывателямъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, потому-что, будучи не въ состояніи ловить разбойниковъ, сами являлись бременемъ для населенія. „Посланныя отъ городовыхъ канцелярій, говорится въ одномъ наказѣ, „для сыска тѣхъ злодѣевъ воинскія команды, въ самую рабочую пору, безъ всякой очереди и порядку, берутъ въ понятые крестьянъ съ подводами, довольствуясь сверхъ того хлѣбомъ и харчемъ безденежно“ (14; 351).

И о возвращеніи бѣглыхъ въ Россію хлопотало правитель-

¹⁾ А брать только съ тѣхъ, которые убѣжали послѣ недавно бывшей ревизіи.

ство. Такъ въ 1762 и 63 гг. вышли указы, которыми русское правительство вызвало изъ Польши своихъ бѣглецовъ и обѣщало имъ пустыя мѣста для поселеній въ дворцовыхъ волостяхъ. Это мѣропріятіе для помѣщиковъ было весьма невыгодно, почему они его рѣшительно не одобрили. По мнѣнію дворянскихъ наказовъ сказанная правительственная мѣра ничего не принесла, кромѣ вреда. Въ чемъ же вредъ? Въ наказахъ мы находимъ нѣсколько отвѣтовъ на этотъ вопросъ.

1) Крестьяне, поселившіеся на пустыхъ земляхъ „не столько къ пользѣ, сколько ко вреду служатъ“: они подговариваютъ и проводятъ въ Польшу крестьянъ съ семействами, „какъ здѣшнихъ, такъ и состоящихъ отъ границы верстъ за 200“; кромѣ того возвратившіеся бѣглецы виновны въ томъ, что принимаютъ воровъ и разбойниковъ, а также подводятъ ихъ шайки для грабежа обывателей.

2) Вдобавокъ много объявилось такихъ бѣглыхъ, которые никогда не были въ Польшѣ, а сказываютъ что были; тѣмъ не менѣе они пользуются извѣстною „милостью“, т. е. селятся въ дворцовыхъ волостяхъ, отчего „помѣщики и владѣльцы чувствуютъ великую тягость“ (14; 257, 262, 298).

3) Наконецъ были и такіе бѣглецы, которые уходили „въ дальнія дворцовыя волости“ и тамъ заявляли, что они возвратились изъ Польши, прося при этомъ себѣ мѣсто для поселенія. Ихъ записывали, — будто бы, „безъ всякихъ справокъ“.

Мало утѣшалъ помѣщиковъ и законъ (1766 г.), радѣвшій исключительно объ ихъ выгодахъ, повелѣвая платить за бѣглыхъ въ Финляндіи и Эстляндіи ту же самую сумму, какую платили въ собственно Россіи. Бѣда заключалась въ томъ, что Россійскіе помѣщики въ Финляндію и Эстляндію „почти не имѣли вѣзда“, почему нельзя было и развѣдать о бѣглыхъ. „А тѣ, съ укоризной говорится въ наказѣ, „тѣ, у коихъ они живутъ, держатъ ихъ безъ всякаго опасенія; а тѣ бѣглецы, въ надеждѣ же ихъ прикрытія, являсь вторично и многократно, бѣгутъ обратно въ тѣ же мѣста, и чрезъ нѣсколько времени перемѣняя свои законы, остаются совсѣмъ въ тѣхъ мѣстахъ“ (14 т. 256).

Давно уже правительство считало одною изъ важнѣйшихъ причинъ побѣговъ то обстоятельство, что много находилось людей, съ удовольствіемъ принимавшихъ бѣглецовъ.

Въ 1754 г. былъ изданъ указъ о „немаломъ“ штрафѣ за держаніе бѣглыхъ. Но этотъ законъ былъ очень неудобенъ для людей, нуждавшихся въ рабочихъ рукахъ, и плохо исполнялся ¹⁾. Въ комиссіи 67 г. чернососные крестьяне отъ лица саратовскаго депутата Матвѣя Смирнова даже просили, чтобы для нихъ было сдѣлано ограниченіе дѣйствія упомянутаго закона. Они просили не взыскивать съ нихъ штрафныхъ денегъ за тѣхъ приходящихъ къ нимъ въ рабочую пору бѣглыхъ, которые пробудутъ у нихъ не болѣе недѣли. Помѣщики, разумѣется, протестовали противъ такой просьбы. Такъ, депутатъ отъ сыздальскаго дворянства графъ Андрей Толстой сазалъ: „если дать имъ это позволеніе, то отъ сего произойдетъ вредъ всему государству; ибо многіе, провѣдавши объ немъ, будутъ покидать дома свои и оставшимся на мѣстѣ причинять отягощеніе, а въ платежѣ государственныхъ и помѣщичьихъ доходовъ остановку“. Также Лихаревъ, депутатъ отъ рязанскаго дворянства, утверждалъ, „что такое дозволеніе можетъ подать поводъ къ побѣгамъ“ (4 т., 115 и 117). Словомъ, просьба чернососныхъ крестьянъ проваливалась. Депутатъ Ломоносовъ опредѣленно предлагалъ подтвердить саратовскимъ крестьянамъ, чтобы они отсылали въ мѣстную воеводскую канцеляцію всѣхъ тѣхъ, которые придутъ къ нимъ съ письменными видами. По его мнѣнію, такимъ путемъ „побѣги крестьянъ и прочихъ людей могутъ быть прекращены, а помѣщики и управляющіе у государственныхъ крестьянъ избавятся отъ большихъ безпокойствъ“ (4 т., 123).

Все это исходило изъ того убѣжденія дворянъ, по которому главными виновниками побѣговъ считались не владельцы крестьянъ, а пріемщики и укрыватели бѣглецовъ. Въ дворянскихъ наказахъ мы очень часто встрѣчаемъ разсужденія на эту тему. Для примѣра приведемъ разсужденіе дворянъ Переяславскаго уѣзда; въ ихъ наказѣ прямо объявляется, что „корень“ побѣговъ „держатели и укрыватели“. Почему же? А вотъ почему: „пріемщики и держатели, трактуетъ наказъ, „наивяще виновны, такъ какъ укрывательствомъ своимъ побуждаютъ и другихъ подобныхъ тѣмъ къ чиненію побѣговъ“. И дальше: „чѣмъ же бы менѣе было такихъ пріемщиковъ и держателей, тѣмъ менѣе бы было бѣглыхъ, и когда бы не имѣли они сыскать себѣ пристанища,

¹⁾ Онъ не помѣщенъ въ Полномъ Собр. Законовъ.

то и не попускало бы ихъ отваживаться оставлять свои жилища, а слѣдственно бы чрезъ то могло умалиться воровство“ (8 т., 498). Пристанодержатель считался опаснѣе вора и разбойника. Въ одномъ наказѣ за поимку „всякаго подозрительнаго человѣка“—„подговорщика или вора и разбойника, а *наипаче* пристанодержателя“ проэктировалось „награжденіе“ въ сумму не менѣе 50 руб. (14 т., 355). Какимъ же образомъ повліять на „держателей“, чтобы они впредь не осмѣливались принимать бѣглыхъ?

Дворяне были недовольны прежними правительственными мѣрами для пресѣченія укрывательства. Они въ комиссіи требовали за это преступленіе штрафъ въ 300 рублей „за мужескую душу“ на годъ и половину этой суммы „за женскую“. Такой штрафъ — для „пріемщиковъ“—помѣщиковъ. Если же въ данномъ преступленіи виновными оказались бы прикащики и старосты, то для нихъ испрашивалось битые *плетми* и—отдача въ солдаты годнымъ для службы, а негоднымъ—битые *кнутомъ* и ссылка на поселеніе „съ зачетомъ въ рекруты“¹⁾. Крестьянъ-пріемщиковъ, по дворянскому проэктору, ждало еще болѣе тяжкое наказаніе; дворяне просили бить ихъ кнутомъ, „а годныхъ—плетми“. Дальше же возмездіе должно было коснуться не только виновныхъ, но и ихъ одвосельчанъ, потому-что дворяне рекомендовали „править со всѣхъ живущихъ въ ономъ селѣ или деревнѣ крестьянъ вышеописанную сумму денегъ (т. е. 300 и 150 р.) и обидимаго удовольствоваться“. Тѣже самыя наказанія испрашивались „и за подговоръ къ побѣгу“ (8 т. 560). За пріемщиками были обязаны наблюдать „полицейскіе командиры“, а гдѣ ихъ нѣтъ,—сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе, которые за нерадѣніе должны были подвергнуться „тягчайшему штрафу“ и „жесточайшимъ тѣлеснымъ наказаніямъ“ (4 т., 373; *ibid.* 8, 465).

Дворяне считали недостаточными и прежнія мѣры правительства для поимки и возвращенія бѣглыхъ прежнимъ ихъ владѣльцамъ²⁾. Они требовали содѣйствія въ по-

¹⁾ Къ негоднымъ для военной службы помѣщики оказались еще строже; они просили: бить негодныхъ для службы кнутомъ,—ссылать ихъ въ каторгу (4 т., 424).

²⁾ Хотя просили также сыскивать бѣглыхъ по указамъ Петра В. 1721 и 22 гг. (4 т.; 373).

имкѣ бѣглыхъ („безъ всякаго послабленія“) со стороны самихъ дворянъ, ихъ прикащиковъ и старостъ, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ „подъ опасеніемъ Ея Имп. Велич. гнѣва и разоренія“ (4 т., 373). Въ депутатскомъ наказѣ отъ дворянъ Новгородскаго уѣзда (Бѣжецкой пятины) рекомендуется награда за поимку бѣглыхъ—10 рублей за „мужескій“ полъ и 5 р. за „женскій“ (14 т., 355). Затѣмъ испрашивали учрежденіе должностей земскихъ судей или становыхъ опекуновъ (въ другихъ наказахъ). Такъ, дворяне Дмитріевскаго уѣзда просили для себя *четыре* земскихъ судей, изъ которыхъ каждому пришлось бы имѣть „въ надзираніи своемъ по 11000 душъ“; дворяне Псковскаго уѣзда требовали ¹⁾, чтобы правительство „учредило становыхъ опекуновъ надъ каждами 10000 душъ“ (14 т., 377). Въ обязанности, какъ земскаго судьи, такъ и становаго опекуна, по провѣткамъ, должно было войти, между прочимъ, стараніе о поимкѣ бѣглыхъ. „Земскій судья, говорится въ наказѣ, „долженъ наистрожайше приказать сотскимъ и десятскимъ... крѣпко смотрѣть въ своихъ частяхъ, чтобы не держалъ никто бѣглыхъ и чтобы не было шатающихся безъ паспортовъ“. Сотскіе и десятскіе обязаны доносить о такихъ судьяхъ, а послѣдній — отсылать оказавшихся „подозрительными людьми“ „для слѣдствія въ надлежащія мѣста“ (8 т., 503). Точно также и становой опекунъ долженъ заботиться о поимкѣ бѣглыхъ по объявленіи объ нихъ помѣщиками (14 т., 379). Что же касается возвращенія бѣглыхъ ихъ прежнимъ владѣльцамъ, то въ 1765 г. (9-го ноября) было повелѣно о пойманныхъ и заключенныхъ въ полиціяхъ бѣглыхъ печатать въ газетахъ „съ такимъ изъясненіемъ, чтобы ихъ хозяева пріѣзжали бы за ними сами или, по крайней мѣрѣ, посылали за ними повѣренныхъ“; неисполненіе этого въ теченіи года влекло за собой то, что бѣглые опредѣлялись въ казенныя работы, а молодые отдавались въ ученіе ремесламъ и безвозвратно пропадали для своихъ господъ. Это дворянамъ очень не нравилось, и они просили, чтобы къ нимъ пересылали бѣглыхъ по прежнимъ увазамъ, „пре-

¹⁾ «Вмѣсто нынѣшнихъ уѣздныхъ комиссаровъ, кои хъ званіе, дѣла и безсильная власть давно уже вошли въ безпорочное презрѣніе».

проводя отъ города до города“. Эту просьбу помѣщики мотивировали бѣдностью многихъ изъ своей братіи, имѣющихъ „крестьянъ не болѣе, какъ человѣка по два и по три“, да „и тѣ, поясняя наказъ, „бѣгутъ, оставя своихъ господъ, и явятся въ поимкѣ въ дальнихъ городахъ“. Послать этимъ „владѣльцамъ“ некого за поиманными бѣглецами, и сами бѣжать часто не въ состояніи „за бѣдностью, старостью, увѣчемъ и за бытіемъ на службѣ“; нѣкоторые даже просто опасаются дальняго пути и имѣютъ на это нѣкоторое основаніе; ихъ на дорогѣ могутъ убить бѣглецы: „люди и крестьяне“, говорится въ наказѣ, „взявъ *безпричинную злость*“ „противъ своихъ господъ“¹⁾, ихъ убиваютъ „до смерти“, „зная, что за такія ихъ злодѣянія не только смертной казни“, но даже „пристрастныхъ допросовъ чинить не велѣно“. Въ добавленіе къ этимъ аргументамъ дворянство предсказывало еще то, что бѣглецы, зная объ опредѣленномъ для возвращенія ихъ господамъ годовомъ срокѣ, нарочно станутъ называть своими господами другихъ помѣщиковъ, чтобы тѣмъ самымъ протянуть время на годъ: „по простествіи же года, наступающіе владѣльцы тѣхъ своихъ людей и крестьянъ навсегда лишиться неповинно могутъ“ (4; 373 и 374). Въ Лифляндскихъ и Эстляндскихъ мызахъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, скрывалось много бѣглыхъ, дворяне испрашивали назначать ревизіи „не обходя ни одной души мужеска и женска пола“ (4 т. 385).

Будучи недовольны мѣрами, которыя предпринимались правительствомъ по отношенію собственно къ бѣглымъ, помѣщики не могли не отмѣтить недостаточности средствъ для искорененія разбойниковъ и воровъ. Мы уже знаемъ ихъ мнѣніе о воинскихъ командахъ; вслѣдствіе крайней слабости этихъ командъ, дворяне Новгородскаго уѣзда просили вербовать для поимки бѣглыхъ хотя и отставныхъ солдатъ, но „неувѣчныхъ бы и непрестарѣлыхъ, съ ружьемъ и мундиромъ“ (14 т. 342). Другіе дворяне были менѣ скромны. Они просили, чтобы давалось „вспоможеніе отъ стоящихъ въ близости полковъ“, „если партія разбойническая гдѣ либо окажется велика“ (14 т., 379).

¹⁾ «А особливо противъ тѣхъ, которые, не терпя ихъ плутовства и злодѣянія, отъ того (т. е. отъ безпричинной злости) стараются ихъ отвращать.

Помѣщики были недовольны и судомъ надъ разбойниками и ворами „*по формѣ*“; въ такомъ судѣ присягу принималъ отвѣтчикъ, который „къ закрытію злодѣйства своего“ могъ всегда дать ложную присягу, отчего „бѣдный хозяинъ... „на послѣдокъ“ „оставался въ чувствительномъ огорченіи“; были недовольны такимъ судомъ и испрашивали позволеніе выбирать для суда и другихъ дѣлъ *земскаго начальника* („начальника отъ земли“) изъ дворянъ (14; 352). А разъ воръ или разбойникъ пойманъ, онъ не могъ уже ждать отъ помѣщиковъ никакой пощады. Строгость помѣщиковъ особенно рельефно выразилась въ вопросѣ о *наказанияхъ* разбойникамъ. Правительство на бумагѣ было гораздо гуманнѣе своихъ благородныхъ подданныхъ. Не говоря уже о наказѣ императрицы, довольно упомянуть, что въ 1763 г. (10-го февраля) былъ изданъ указъ, во второмъ пунктѣ котораго повелѣвалось: — *ворамъ, сознавшимъ* во всемъ *на допросахъ, не „чинить“ ни пытокъ, ни „пристрастныхъ допросовъ“, а только „дѣлать довольныя увѣщанія“*. По мнѣнію же Судиславскаго „благороднаго“ дворянства „таковыя злодѣи“ не чувствуютъ „монаршаго матернаго милосердія, въ истинное признаніе не приходятъ отъ увѣщанія“ и, въ концѣ концовъ, законъ 1763 г. породилъ „множество разбоевъ и смертныхъ убійствъ“, „окромѣ татевныхъ и малыхъ воровскихъ дѣлъ, *которыхъ уже исчислить почти невозможно*“. Вслѣдствіе этого судиславское дворянство, „защищая животь свой и невинное отъ такихъ злодѣевъ страданіе и безпокойство“, просило у верховной власти объ изданіи „строжайшаго“ закона для уничтоженія воровъ и разбойниковъ. Судиславское дворянство при этомъ было на столько безпристрастно, что рекомендовало поступать, „какъ съ сущими злодѣями“, съ самими помѣщиками, еслибы они явились виновными „въ таковыхъ же богопротивныхъ дѣлахъ“ (4 т., 285 и 286). А за дворянами водились таки грѣшки, называемые разбойничествомъ. Въ Исторіи Россіи Соловьева собрано достаточно фактовъ помѣщичьихъ разбоевъ, въ которыхъ участвовали разнаго рода гардемарины, корнеты, ассесоры и даже дамы — дворянки. Для примѣра уважемъ на одинъ изъ такихъ фактовъ. Когда въ 1750 году была поймана одна изъ воровскихъ шаекъ, то отъ нея узнали, что отставной прапорщикъ Сабельниковъ „держалъ разбойную пристань“, отпуская разбойниковъ на ихъ промыселъ, по-

лучая известную долю изъ награбленныхъ денегъ, да и самъ „бздилъ на разбой“. Даже само дворянство, вообще воюя въ своихъ наказахъ съ разбойниками изъ народа, не оставило своимъ очень деликатнымъ вниманіемъ и помѣщичьяго грабежа: „нынѣ помѣщики, говорится въ наказѣ отъ дворянъ Лихвинскаго уѣзда, сдѣлавъ въ своихъ деревняхъ черезъ малую рѣчку мостъ, *грабительски* берутъ мостовое въ противность Е. И. В. указовъ“ (8 т., 446).

Какой же „настрожайшій“ законъ дворянство испрашивало для разбойниковъ? Далекое не новый; оно возвращалось къ юридическимъ принципамъ Уложенія. „По Уложенію, съ удовольствіемъ вспоминается въ одномъ изъ дворянскихъ наказовъ, „ворамъ и разбойникамъ, и становщикамъ, и смертоубійцамъ, и потому подобнымъ злодѣямъ чинить велѣно розыски, и пытки, и смертныя казни, а по указамъ оныя и въ приписныхъ городахъ производились. А нынѣ, кромѣ провинціальныхъ канцелярій, чинить не велѣно“. Отъ того-то, по мнѣнію наказа, воры и разбойники „размножаются“, „не страшась и суда Божія и не чувствуя монаршаго милосердія“. И вотъ дворянство „въ пресѣченіе“ зла просило, чтобы „по прежнему“ „чинили разбойникамъ *розыски и пытки* при воеводскихъ канцеляріяхъ; если это будетъ повелѣно, то наказъ общаетъ, что злодѣи переставутъ „размножаться“ (4 т., 420).

Изъ изложенныхъ въ известной системѣ мнѣній и указаній депутатовъ непосредственно вытекаетъ нѣсколько замѣчаній. Прежде всего мы должны отмѣтить тотъ общій фактъ, что голоса о бѣглыхъ и разбойникахъ раздаются почти исключительно изъ среды дворянства. Только дворянство живо заинтересовано этимъ вопросомъ; представители другихъ сословій къ нему довольно равнодушны. Если же чернососные крестьяне и вышли изъ равнодушія въ вопросѣ о бѣглыхъ, то ихъ просьба явилась совершенно противоположной просьбамъ дворянъ.

Неравнодушіе помѣщиковъ къ вопросу о бѣглыхъ и разбойникахъ, ихъ крайнее озлобленіе противъ этихъ гулящихъ людей вполнѣ понятны, потому-что никто больше дворянъ-владѣльцевъ не страдалъ отъ выставляемаго ими социальнаго зла. Между тѣмъ другое социальное зло—крѣпостное право, хотя и считалось дворянами одной изъ причинъ побѣговъ, но никто изъ нихъ не думалъ, что это—*главная* причина, почему мы и встрѣчаемъ на этотъ счетъ только

мухое указаніе въ депутатскихъ наказахъ. Напротивъ, мы видимъ со стороны дворянства завѣреніе, что побѣги прекратятся, если построже относиться къ пріемщикамъ, что разбой прекратится, если жестокими пытками и казнями правительство будетъ наказывать пойманныхъ „воровъ“. Стало быть, *главная* причина побѣговъ и разбойничества заключалась, по мнѣнію дворянъ, въ своеволіи и „безпричинной“ злости крестьянъ съ одной стороны и въ слабости правительственныхъ мѣръ—съ другой. Дворяне не одинъ разъ оговариваются, что крестьяне бѣгутъ „безъ всякаго отягощенія“ отъ помѣщиковъ, въ противность свидѣтельству Сиверса, писавшему въ 1766 г. Екатеринѣ, что крестьяне бѣгутъ отъ „тиранства господъ“. Дворяне вѣрно указывали на другія важныя причины побѣговъ — тяжелья экономическія требованія правительства и рекрутство, но они не помышляли даже объ юридическихъ ограниченіяхъ своей власти. Я не говорю уже объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, — идея, которую въ Россіи XVIII вѣка прониклось только нѣсколько высшихъ и гуманныхъ умовъ... Несомнѣнно сами крѣпостные могли бы высказаться въ комиссіи вполне удовлетворительно по своему вопросу, но они, за отсутствіемъ, не могли подать голоса...

Прошло не особенно много времени послѣ закрытія комиссіи, какъ грозный голосъ всѣхъ безправныхъ и обездоленныхъ послышался на восточной окраинѣ государства и заставилъ затрепетать правительство и всѣхъ владѣльцевъ людьми. Крѣпостные высказались... Государство снова, какъ при Разинѣ, заволебалось въ своихъ основахъ. Но какъ тогда, такъ и теперь средства государства оказались сильнѣе, чѣмъ у бунтующихъ массъ и оно, хотя и съ трудомъ, усмирило ихъ...

ПАМЯТИ

ПЕТРА ДМИТРИЕВИЧА ШЕСТАКОВА.

Мысли его объ общественномъ воспитаніи въ Россіи вообще и о просвѣщеніи инородческаго населенія сѣверо-восточной Россіи въ частности.

(Читано въ засѣданіи Казанскаго Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи 17 Декабря 1890 года по случаю исполнившейся первой годовщины его смерти Предсѣдателемъ Общества, заслуж. орд. проф. Н. А. Ойрсовымъ).

Петръ Дмитріевичъ Шестаковъ, который былъ очень близокъ къ нашему обществу, состоя въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, на самыхъ первыхъ порахъ его существованія, его предсѣдателемъ и организаторомъ его, находился почти двадцать лѣтъ во главѣ управленія учебно-воспитательнымъ дѣломъ въ Казанскомъ учебномъ округѣ.

Этотъ округъ былъ самымъ обширнымъ въ имперіи; къ нему причислено было 11-ть губерній, расположенныхъ по воднымъ системамъ Волги, Камы и Урала. На этомъ огромномъ пространствѣ рядомъ и часто среди русскаго населенія обитало и обитаетъ свыше 4 мил. инородческаго населенія, что конечно весьма значительно усложняло и затрудняло задачу учебно-воспитательнаго управленія въ сѣверо-восточномъ краѣ нашего государства. Уже этой непрерывной долговременности служенія покойнаго Петра Дмитріевича на высокомъ, отвѣтственномъ, постѣ главнаго начальника учебно-воспитательнаго дѣла въ этомъ краѣ достаточно, чтобы имя его и дѣятельность могли имѣть право на почетное и важное мѣсто въ исторіи нашего духовнаго развитія. Но это право его на вниманіе историка въ нашихъ глазахъ еще болѣе должно увеличиться,

если мы примемъ въ соображеніе тѣ, прежде не существовавшія условія общественнаго развитія Россіи, при которыхъ ему пришлось занимать означенный высокій постъ попечителя учебнаго округа въ нашемъ краѣ.

Петръ Дмитриевичъ явился въ Казани въ 1863 году въ должности помощника попечителя учебнаго округа и вскорѣ, за болѣзнію самого попечителя Стендера, сталъ управлять округомъ и наконецъ, по выходѣ послѣдняго въ отставку, въ 1865 году самъ назначенъ былъ попечителемъ. Это была блестящая пора въ исторіи Россіи, не только въ царствованіе императора Александра II, но и вообще въ нашей исторіи. То была пора недавняго освобожденія крестьянъ отъ вѣковаго рабства; то была пора, когда готовились къ обнародованію новые судебные уставы, положенія о земскомъ и городскомъ самоуправленіи, новый законъ о воинской повинности и другія важныя реформы, за тѣмъ осуществившіяся. Всѣ эти великія реформы могущественно подѣйствовали на учебно-воспитательное дѣло въ Россіи, повлекли за собою въ немъ также важныя измѣненія и нововведенія: въ 1863 году университетамъ дарованъ былъ новый уставъ, доставившій этимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ имперіи самоуправленіе и богатя, сравнительно съ прежнимъ временемъ, средства къ учено-педагогической дѣятельности, открывшій широко двери въ эти заведенія прошедшей среднюю школу молодежи и освободившій ее отъ прежняго стѣснительнаго наблюденія университетской инспекціи за ея внѣшнимъ поведеніемъ; при университетѣ нашемъ возникаютъ ученые общества: естественно-историческое съ отдѣленіями этнографіи и антропологіи; общество врачей; наше общество археологіи, исторіи и этнографіи; устраиваются съѣзды ученыхъ; возникаетъ благотворительное общество вспоможенія недостаточнымъ студентамъ нашего университета; появляется въ Казани новое высшее учебное заведеніе—Ветеринарный Институтъ; въ системѣ средняго образованія совершаются важныя измѣненія; въ гимназіямъ, радикально преобразованнымъ, прибавляются новыя среднія заведенія подъ именемъ реальныхъ училищъ; возникаютъ также прежде несуществовавшія женскія гимназіи и прогимназіи; въ Казани устраиваются высшіе женскіе курсы; въ системѣ нисшаго образованія происходятъ еще болѣе значительныя перемѣны: въ городахъ и селахъ возникаетъ такое множество начальныхъ школъ какъ

для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ, о которомъ прежде едвали кто и мечталъ; прежнія, сослужившія хорошую службу дѣлу народнаго образованія, уѣздныя училища должны уступить мѣсто училищамъ новаго типа подъ названіемъ городскихъ училищъ; устраиваются институты и семинаріи для приготовленія учителей какъ для этихъ послѣднихъ, такъ и для начальныхъ народныхъ училищъ. Наконецъ поднимается и разрѣшается въ извѣстномъ направленіи имѣющей, по справедливому выраженію гр. Д. А. Толстаго, значеніе важнаго государственнаго вопроса, вопросъ инородческій, или, частіе, вопросъ о дѣйствительномъ просвѣщеніи инородческаго населенія, въ громадномъ большинствѣ русскаго и христіанскаго только по имени, и о сближеніи его путемъ школьнаго ученія въ дѣйствительности съ русскимъ христіанскимъ населеніемъ.

Но эта преобразовательная пора славнаго движенія вмѣстѣ съ тѣмъ была самая тяжкая въ жизни Россіи. Такія великія освободительныя и просвѣтительныя идеи, которыми проникнуты вышеозначенные государственные акты, никогда не воплощаются въ осязательное дѣло безъ борьбы съ противоположными темными началами. И борьба обозначилась въ Русскомъ государствѣ сейчасъ же, какъ пронесся мощный голосъ Державнаго вождя Русской земли объ освобожденіи крестьянъ изъ подъ неволи. Въ 1863 году явственно обнаружившійся мятежъ въ предѣлахъ прежней Рѣчи Посполитой, гдѣ развилось наиболѣе сильно рабство, былъ отвѣтомъ на освободительную политику покойнаго Императора.

Возстаніе польское отпрыгнулось и на Волгѣ. Эта приволжская диверсія польскаго возстанія, начатаго подъ предлогомъ возстановленія польской политической независимости, какъ и самое возстаніе, имѣла печальный исходъ для виновниковъ ихъ. Но внутренняя борьба тѣмъ не менѣе не прекращалась; она выразилась въ слѣдующихъ явленіяхъ нашей жизни, засвидѣтельствованныхъ покойнымъ Петромъ Дмитриевичемъ публично (*Слово, произнесенное имъ 9 апр. 1879 г. въ актовомъ залѣ Университета по случаю спасенія жизни Имп. Александра II отъ злод. покушенія 2-го апрѣля. Прилож. къ цирк. по Каз. уч. округу № 4; 1879 г.*) и для каждаго изъ насъ извѣстныхъ. „Ты ли это святорусская дорогая наша земля, — приходится съ горечью воскликнуть, — въ которой чуть не каждый день убиваетъ себя кто-нибудь изъ сыновъ твоихъ, въ которой

дѣти поднимаются на родителей, не признавая не только родственнаго авторитета, но даже обязанностей своихъ въ отношеніи къ родителямъ; гдѣ не только не признается, но самымъ дерзкимъ образомъ, явно, на соблазнъ другимъ, нарушается святость домашняго очага, гдѣ являются исчадія духа лжи и тьмы, которыя, подъ предлогомъ общаго блага и счастья народнаго, не признають никакихъ правъ и никакихъ обязанностей, даже права и обязанности жить, которыя стоятъ за угломъ съ кинжаломъ и револьверомъ и ждутъ своихъ жертвъ, и чѣмъ болѣе личность имѣетъ заслугъ предъ отечествомъ, тѣмъ менѣе она безопасна, тѣмъ скорѣе она можетъ ожидать смерти изъ за угла отъ этихъ самозванныхъ распорядителей судьбами отечества, отъ этой болѣзненной накипи современнаго общества“ и гдѣ наконецъ (*Слово 1-го марта 1882 г. Цирк. по Каз. Уч. Окр. № 3-й; 1882 г.*) „царь освободитель, всю жизнь свою посвятившій сердечной заботѣ о благѣ горячо любимаго имъ народа, всю жизнь свою твердо державшій государственное знамя мира, законности, свободы и свѣта, палъ, какъ безстрашный боецъ, въ борьбѣ съ исчадіями мрака, стремящимися къ анархіи и сокрушенію всего строя общественной и государственной жизни Россіи“. Вліяніе этой среды стало проникать, хотя и не въ значительной мѣрѣ, и въ школу. Рядомъ, рука объ руку съ означеннымъ зломъ, появилось въ общественномъ организмѣ Россіи другая тоже весьма злокачественная язва: я разумью обвиненія, большею частью тайныя, изъ за угла, обвиненія, направленные противъ людей, совершенно не причастныхъ первому злу, напротивъ убѣжденных приверженцевъ великихъ освободительныхъ началъ, возвышенныхъ царемъ освободителемъ и мученикомъ, — обвиненія въ политической неблагонадежности. И прежде всего такія нападенія направлялись на самый беззащитный въ матеріальномъ отношеніи элементъ общества, который наиболѣе сочувственно отнесся къ преобразовательной дѣятельности правительства, — это на школу и первѣе всего на Университеты. Ко всѣмъ отмѣченнымъ преобразовательнымъ дѣяніямъ правительства, а равно явленіямъ жизни общества, отражавшимся и на жизни школы, покойный попечитель Петръ Дмитриевичъ поставленъ былъ чрезвычайно близко, или какъ исполнитель правительственныхъ распоряженій, или какъ инициаторъ новыхъ мѣропріятій и вообще какъ начальныи чловѣкъ учебно - воспита-

тельного дѣла въ обширной части имперіи. Если бы возможно было всесторонне разсмотрѣть долготѣнную административно-педагогическую дѣятельность покойнаго Петра Дмитриевича, которая при его жизни признавалась неоднократно и гласно въ высшей степени плодотворною и полезною и со стороны сослуживцевъ покойнаго, и остального общества, и наконецъ со стороны высшаго правительства, то это разсмотрѣніе составило бы въ высшей степени поучительныя главы изъ исторіи нашего духовнаго и общественнаго развитія въ переживаемую нами вторую половинѣ XIX столѣтія. Но это дѣло будущаго времени: это будетъ возможно тогда лишь, когда будетъ извѣстна официальная и частная переписка покойнаго, когда явятся на свѣтъ воспоминанія или даже простыя замѣтки людей, хорошо знавшихъ покойнаго и безпристрастныхъ, о дѣятельности его, и когда наконецъ можно будетъ пользоваться обширнымъ его дневникомъ, который онъ аккуратно велъ въ теченіи своей служебной дѣятельности въ Казани, внося въ него не только фактическія отмѣтки, но и часто секретныя бумаги и распоряженія, а равно и свои сужденія по поводу выдававшихся событій и тѣсно связанныхъ съ ними лицъ.

Не смотря на то въ дѣятельности покойнаго есть пунктъ, который и теперь имѣется возможность до нѣкоторой степени уяснить себѣ: это его идеи объ общественномъ воспитаніи въ Россіи вообще и о просвѣщеніи инородческаго населенія сѣверо-восточной Россіи въ частности. Вопросъ этотъ, думаю, не можетъ не представляться важнымъ, когда онъ примѣняется къ личности, стоявшей много лѣтъ во главѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ обширной и разноплеменной части Россіи. Позволю себѣ высказать и то мнѣніе, что этотъ вопросъ и въ настоящее время, когда поднимаются толки о необходимости измѣненія существующей системы общественнаго воспитанія, не только у насъ, но и за границей, — не лишень значенія современности. Къ счастью кромѣ личныхъ воспоминаній о покойномъ, съ которыми обстоятельства ставили насъ въ довольно близкое соприкосновеніе, мы имѣемъ для того источникъ, который можетъ быть доступенъ всякому, и на основаніи котораго можно провѣрить то, что имѣетъ быть сейчасъ сообщено. Это печатные труды покойнаго, помѣщенные большою частію въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Ихъ можно раздѣлить на три категоріи: а) труды, относящіеся къ области

педагогиче в) труды по классической литературѣ и с) труды по русской исторіи. Я не имѣю въ виду входить въ детальное разсмотрѣніе этихъ трудовъ со стороны ихъ научнаго достоинства. Для меня въ настоящемъ случаѣ эти труды, (которые, — не могу всетаки не высказать о нихъ общаго сужденія, — написаны съ полнѣйшею добросовѣстностію и свидѣтельствуютъ о замѣчательной эрудици и педагогической опытности покойнаго), — составляютъ главнымъ образомъ источники, изъ котораго я собралъ разбѣянные въ ихъ данныя для усиленнаго разрѣшенія поставленнаго вопроса. Поэтому труды по классической филологіи я долженъ оставить въ сторонѣ. Для первой части поставленнаго вопроса, къ которой я теперь приступаю, я пользовался слѣдующими печатными сочиненіями покойнаго Петра Дмитріевича, за доставленіе которыхъ мнѣ я приношу мою искреннюю признательность А. С. Рождествену, приводившему въ извѣстность бібліотеку покойнаго. 1) Географія Смоленской губерніи 1857 г. Оттискъ изъ памятной книжки Смоленской губерніи за 1857 г. 2) Общественное воспитаніе. Оттискъ журнала „Воспитаніе“ за 1861-й г. № 4. 3) Песталоцци. Его жизнь и практическая дѣятельность. Оттискъ изъ журнала „Воспитаніе“ за 1861 г. № 8-й и 9-й. 4) Очерки общественнаго воспитанія (безъ обозначенія, гдѣ и когда напечатано). 5) Суровый домъ близъ Хамбурга (Rauches Haus zu Hurn) Оттискъ изъ журнала „Воспитаніе“ за 1863 г. в) Мысли Н. Мих. Карамзина о воспитаніи. Каз. 1866 г. 7) Московскій Университетъ въ 1840-хъ годахъ. Русская старина 1886 г.

Относительно задачъ воспитанія вообще безъ различія, будетъ-ли то домашнимъ или общественнымъ, которыхъ касается покойный Петръ Дмитріевичъ, онъ высказывается въ названныхъ своихъ печатныхъ трудахъ весьма кратко, вѣроятно, въ томъ убѣжденіи, что этотъ вопросъ хорошо уже исчерпанъ. Задача воспитанія заключается, по его мнѣнію, въ томъ, чтобы изъ воспитанника образовать человѣка, т. е., чтобы изъ него вышелъ человѣкъ здоровый въ физическомъ отношеніи, съ твердымъ и честнымъ характеромъ и съ здравыми нравственно-религіозными убѣжденіями. Самая лучшая воспитательная среда—это семейство, мать и отецъ. Но это, по убѣженію Петра Дмитріевича, не значитъ, что ребенка слѣдуетъ воспитывать, не обращая вниманія на религію и на-

родность, къ которымъ онъ принадлежитъ по своему происхожденію. Здѣсь онъ является рѣшительнымъ противникомъ воспитательной теоріи Ж. Ж. Руссо. По убѣжденію покойнаго воспитывать молодое поколеніе, отрѣшаясь отъ національности и религіи и вообще отъ основныхъ, выработанныхъ отечественною исторіей, началъ, значитъ обезличивать питомцевъ. Примѣняя это убѣжденіе къ нашему отечеству, онъ, согласно съ мнѣніемъ Карамзина (мысли Карамзина о воспитаніи) является рѣшительнымъ противникомъ воспитанія дѣтей русскихъ подъ руководствомъ иностранцевъ, что было въ ходу въ теченіи слишкомъ ста лѣтъ и что не упразднено совсѣмъ, къ сожалѣнію, и теперь. „Чужестранецъ, говоритъ П. Д., по нашему крайнему убѣжденію, не долженъ быть домашнимъ воспитателемъ русскихъ дѣтей: изъ чужестранца нельзя сдѣлать русскаго; чужестранецъ имѣетъ свои, свойственные его національности, взгляды и убѣжденія, нравы и привычки, и хотя бы онъ и воздерживался отъ передачи ихъ на словахъ своему питомцу, онъ не въ силахъ не выдать на дѣлѣ, въ дѣйствіяхъ, сложившихся въ немъ убѣжденій, не въ силахъ не выказать своихъ нравовъ и привычекъ,—а извѣстно, что примѣръ дѣйствуетъ на ребенка быстрѣе и сильнѣе всякихъ словъ. И потому питомецъ воспитателя — иноземца никогда вполнѣ русскимъ не будетъ“ (Мысли Карамзина о воспитаніи 12—13). Еще рѣшительнѣе покойный выражался противъ обычая извѣстной группы русскихъ людей посылать своихъ дѣтей ранѣе зрѣлаго возраста въ науку за границу. Приведа цѣлый отрывокъ изъ статьи Карамзина „Странникъ“, проникнутый полнымъ отрицаніемъ этого обычая и дѣйствительно замѣчательный во многихъ отношеніяхъ, покойный отъ себя прибавляетъ: „Дай Богъ, чтобы родители не поручали воспитанія своихъ дѣтей иноземнымъ воспитателямъ; тогда и только тогда можемъ мы надѣяться, что между нами не будетъ русскихъ, любящихъ чужую землю больше своей родины, не будетъ англомановъ, галломановъ и всяческихъ мановъ, а будутъ русскіе, любящіе отечество и ставящіе его интересы выше всего“ (Тамъ же 14—15). Покойный, вмѣстѣ съ Карамзинымъ, не можетъ помириться и съ тѣми русскими, которые надолго оставляютъ родину, чтобы наслаждаться жизнію въ чужой землѣ. „Человѣкъ, который десять, двадцать лѣтъ можетъ пробыть въ чужихъ земляхъ, между чужими людьми, не тоскуя

о тѣхъ, съ которыми онъ родился подъ однимъ небомъ, питался однимъ воздухомъ, учился произносить одни звуки, играя въ младенчествѣ на одномъ полѣ, вмѣстѣ плакалъ и улыбался, — сей человѣкъ никогда не будетъ мнѣ другомъ“ (Слово Карамзина. Тамъ же, 15)“. Такимъ образомъ, по убѣжденію покойнаго Петра Д., воспитаніе всякаго русскаго человѣка должно быть всестороннее и національное, т. е. въ духѣ основныхъ началъ народности, выработанныхъ нашей исторіей, — православія и самодержавія. Но онъ очень хорошо зналъ, что рѣдкое семейство, хотя семейство и составляетъ главную воспитательную среду, въ силахъ дать подобное воспитаніе. Отсюда — необходимость общественнаго воспитанія, сознававшася съ издавна, о чемъ свидѣтельства приводитъ самъ же Петръ Дм. Говоря объ этомъ предметѣ, онъ въ своихъ печатныхъ сочиненіяхъ, не много говоритъ о томъ, чему слѣдуетъ учить въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а касается наиболѣе воспитанія или, точнѣе, воспитанія нравственнаго въ обширномъ значеніи этого слова, и рассуждаетъ о дѣлѣ не только на основаніи изученной имъ философской и педагогической литературы, древней и новой, но и на основаніи собственнаго опыта.

Дѣло общественнаго воспитанія въ странѣ онъ поставляетъ не только правомъ, но и обязанностью государства. Однако по вопросу объ обязательномъ обученіи всѣхъ безъ изыятія подданныхъ онъ не склонялся къ разрѣшенію его въ утвердительномъ смыслѣ. Впрочемъ онъ возрѣнія по этому вопросу печатно съ опредѣленностью не высказывалъ. Онъ находилъ, сколько я знаю изъ частныхъ съ нимъ бесѣдъ, законъ объ обязательной грамотности, предлагавшійся въ литературѣ, не нужнымъ, такъ какъ приведеніе его въ исполненіе не можетъ обойтись безъ принудительныхъ мѣръ, чего въ воспитательномъ дѣлѣ онъ не допускалъ, и излишнимъ потому, что сами городскіе и сельскіе обыватели силою вещей приведены будутъ къ мысли о необходимости для своихъ дѣтей заводить школы. „На первыхъ порахъ, говоритъ онъ, училищнымъ совѣтамъ, по нашему крайнему убѣжденію, слѣдуетъ озаботиться не о количествѣ, а о качествѣ школъ, чтобы послѣднія были рационально устроены и имѣли наставниковъ, хорошо подготовленныхъ и, что самое

главное, съ религіознымъ, нравственнымъ направленіемъ. Вполнѣ доброкачественная школа можетъ быть разсадникомъ не только хорошо развитыхъ учениковъ, но и полезныхъ народныхъ учителей (Мысли Карамзина о воспитаніи. 11)“.

Для того, что бы могли возникнуть такія школы, покойный совѣтуетъ училищнымъ совѣтамъ, „въ руки которыхъ передано народное образованіе,—относиться къ тяжелому и важному труду народныхъ учителей съ полнымъ уваженіемъ и озаботиться объ улучшеніи ихъ матеріальнаго, по истиннѣ горькаго, положенія. (Тамъ же)“.

Объ общественномъ воспитаніи женщинъ онъ высказался въ печати вполне опредѣленно. Онъ вполне признаетъ право женщинъ на допущеніе въ общественному воспитанію какъ въ высшихъ, такъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Передавая взглядъ Карамзина на женщину, Петръ Дм. пишетъ между прочимъ: „Какъ поразился бы Карамзинъ, если бы дожилъ до открытія нашихъ теперешнихъ женскихъ училищъ, имѣющихъ то важное преимущество передъ закрытыми женскими заведеніями, что они не отрываютъ дѣвицы отъ семьи, гдѣ ея настоящее мѣсто, какъ будущей матери, воспитательницы и хозяйки (Мысли Карамзина о восп. 17)“.

Покойный также вполне признавалъ право русской женщины и на высшее, общее университетское, образованіе и потому всѣми силами поддерживалъ существовавшіе въ Казани въ теченіи 10 лѣтъ высшіе женскіе курсы. Но признавая такимъ образомъ за женщиной право на общественное образованіе, онъ не былъ сторонникомъ полной женской эманципаціи; онъ не находилъ полезнымъ дать возможность женщинамъ“ выходить на политическую арену изъ лона семейнаго счастья, гдѣ на ихъ долю выпало завидное, высокое и святое предназначеніе. Благо той семьѣ, тому обществу и государству, гдѣ женщина воспитывается для семейной жизни и, не стремясь играть несвойственной ей роли мужчины, остается женщиною, стыдливою, скромною, трудолюбивою и бережливой помощницей мужа и любящей воспитательницей дѣтей“ (Тамъ же 21).

Говоря объ общественномъ воспитаніи, Петръ Дмитріевичъ разумѣлъ тѣ школы, куда сами родители добровольно отдаютъ своихъ дѣтей для обученія и воспитанія, добровольно, такимъ образомъ, передавая свои воспитательныя права лицамъ, облеченнымъ довѣріемъ со стороны государства и общественной

власти. Исходя изъ той основной мысли, что общественная воспитательная школа составляетъ замѣну естественной воспитательной среды, именно семьи, онъ и къ воспитателямъ и учителямъ общественныхъ школъ предъявляетъ соотвѣтствующія требованія. По его убѣжденію общественная школа должна во внутреннемъ своемъ строѣ походить на семью, руководиться началами любви, уваженія и той разумной строгости по отношенію къ питомцамъ, которыя предъявляютъ родители нормальной семьи къ своимъ дѣтямъ. Приведу нѣсколько выписокъ изъ печатныхъ трудовъ покойнаго съ цѣлю иллюстраціи этихъ и другихъ общихъ его положеній.

„Принимая на себя обязанность воспитателя въ общественномъ заведеніи, берегитесь брать роль только чиновника: чиновникъ воспитателемъ быть не можетъ, воспитатель не долженъ быть чиновникомъ“. Способами чиновничьяго отношенія воспитателя къ дѣлу, разыгрываніемъ роли начальника надъ воспитанниками, горделивымъ и тѣмъ болѣе пренебрежительнымъ къ нимъ, какъ существамъ глупымъ и нисшимъ, отношеніемъ и крикливыми приказаніями, а равно излишнею фамильярностію, никогда онъ не пріобрѣтетъ къ себѣ любви и уваженія со стороны воспитанниковъ,—этихъ главныхъ условій успѣха воспитательнаго дѣла. „Уваженіе и любовь—чувства; а чувство нельзя вложить предписаніемъ; нельзя приказать: люби и уважай такого-то, какъ можно приказать сдѣлать на караулъ цѣлому полку, не только одному солдату. Масса дѣтей, собранная съ воспитательною цѣлю, не полкъ, воспитательное заведеніе — не казарма, начальникъ ихъ, вѣрнѣе, главный воспитатель—не полковой командиръ. Дисциплина училища не можетъ и не должна быть матеріальная, а нравственная“.

„Не физическою силою и командою внушается чувство любви, уваженія и довѣрія..... Воспитатель, по нашему мнѣнію, долженъ быть *человѣкомъ*; тогда онъ скорѣе изъ воспитанника образуетъ *человѣка*. Если воспитатель желаетъ, чтобы воспитанникъ былъ близокъ къ нему, имѣлъ довѣріе, ему не слѣдуетъ становиться на ходули, какъ малы бы они ни были: ему слѣдуетъ поступать согласно съ своей природой, показывать себя такимъ, каковъ онъ есть, быть натуральнымъ. Дѣти, увидѣвъ и убѣдившись, что воспитатель открыто, прямо дѣйствуетъ съ ними, и сами отъ него не будутъ прятаться. А

если вы достигните того, что дитя не прячется предъ вами, а является такимъ, каково оно есть, вы уже много сдѣлали для успѣха въ дѣлѣ его воспитанія, потому что вы получили возможность узнать его внутреннія свойства, его характеръ, и, стало быть, можете дѣйствовать на него согласно съ его организаціей, можете развивать его индивидуально“ (Тамъ же). Только дѣйствуя такимъ образомъ, т. е., только относясь самъ почеловѣчески, съ любовью къ дѣлу воспитанія, воспитатель приобретаетъ, по мнѣнію покойнаго, педагогическую опытность и научится освобождаться отъ недостатковъ, вредящихъ дѣлу воспитанія“. „Всякій, пишетъ покойный П. Д.,—занимавшійся воспитаніемъ, собственнымъ опытомъ узналъ, какъ образуется и крѣпнетъ его характеръ, какъ, подобно наросшей корѣ, спадаютъ съ него горячность и жесткость. Многіе изъ насъ, поступая на чреду воспитательнаго служенія, пылки, горячи и иногда жестоки. Сами мы давно вышли изъ младенческихъ лѣтъ и нерѣдко позабываемъ, каковы мы были дѣтьми, каковы были наши взгляды и убѣжденія въ то давнее время, и потому насъ неприятно поражаютъ дѣтскія понятія и убѣжденія, столь сильно расходящіяся съ нашими. Мы понимаемъ, что они ложны и часто вредны и, изъ добраго, безъ сомнѣнія, желанія поскорѣе искоренить это ложное воззрѣніе дѣтей, пылаемъ, горячимся, прибѣгаемъ къ суровымъ мѣрамъ и нерѣдко этою горячностью и суровостію портимъ вначалѣ сіе дѣло, отдаляемъ отъ себя сердца нашихъ воспитанниковъ, лишаемъ ихъ довѣрія и сами себѣ заграждаемъ дорогу къ ихъ усовершенствованію. Но чѣмъ больше мы живемъ съ дѣтьми, чѣмъ зорче и внимательнѣе мы всматриваемся, тѣмъ яснѣе встаютъ передъ нашими глазами былые годы нашего дѣтства, и внутренній голосъ громко начинаетъ говорить намъ: вы сами были такими-же, сами также ложно смотрѣли на вещи, какъ эти дѣти, сами дѣлали такіе-же непростительные промахи. И подъ могучимъ говоромъ этого голоса, подъ сильнымъ вліяніемъ опыта, наша жесткость начинаетъ спадать, смягчается сердце, украшается волненіе крови, и голосъ нашъ въ разговорѣ съ дѣтьми изъ громкаго, крикливаго и грознаго становится мягкимъ, но чрезъ то болѣе внушительнымъ для нихъ. Не теорія воспитываетъ врача, а практика, самое дѣло. Тоже прилагается и къ воспитателю. Можно прочитать цѣлыя томы педагогическихъ сочиненій, выслушать полнѣйшій курсъ.

педагогике,—и не умѣть взяться за дѣло, не знать природы дѣтей. Но займитесь съ любовью воспитаніемъ дѣтей, поживите съ ними подольше, узнайте ихъ покороче, и вы увидите, что съ ними можно дѣлать дѣло, что они не такъ дурны и тупы, какъ о нихъ думаютъ и говорятъ взрослые; вы пріобрѣтете необходимый въ дѣлѣ воспитанія навыкъ, умѣнье управлять ребенкомъ безъ грозныхъ, раздирающихъ душу, криковъ, безъ ужасающихъ мѣръ“ (Тамъ же 7—8).

Но кромѣ довѣрія и любви воспитатель для успѣха дѣла необходимо долженъ пріобрѣсти со стороны воспитанниковъ уваженіе. Только при такомъ условіи онъ, по мнѣнію П. Д., можетъ рассчитывать на благотворное вліяніе на нихъ. Для этого онъ долженъ служить самъ для нихъ образцомъ безупречного человѣка въ нравственномъ отношеніи.

„Путь наставленій—долгій путь; самый краткій и дѣйствительный путь примѣровъ. *Longum iter per praeserta, brevis et efficax per exempla*“. Длинные разсужденія и морали мало трогаютъ учениковъ: ихъ логика простая, умъ прямой, они любятъ дѣло, а не слово. Голосъ дѣлъ вашихъ могущественнѣе подѣйствуетъ на нихъ, чѣмъ голосъ вашихъ устъ. Напрасно предаваться печальной иллюзіи, будто дѣти въ своемъ простодушномъ невѣдѣніи многого не понимаютъ и не замѣчаютъ.... Не надѣйтесь укрыть отъ ихъ зоркихъ глазъ даже тайны семейной жизни. Напрасны будутъ тогда ваши назидательно-нравственные уроки; на ваши рѣчи они будутъ апеллировать вашимъ дѣламъ; и самое малое, но вмѣстѣ самое худшее будетъ, если они, насмѣхаясь надъ вами, станутъ раздражать вамъ,—это зло неисправимое, потому что пороки проникнутъ мозгъ костей ихъ, сдѣлаются нравами всей ихъ жизни“ (Тамъ же).

Въ своей статьѣ „Очерки общественнаго воспитанія“ покойный, такъ сказать, въ лицахъ, очевидно взятыхъ имъ изъ дѣйствительности, даетъ указаніе на то, что педагога, даже въ извѣстномъ отношеніи почтенные, вредно вліяли на учениковъ средне-учебнаго заведенія, и это только въ силу того, что они за собой имѣли привычки нежелательнаго свойства. Одинъ, который былъ былъ инспекторомъ, предавался игрѣ въ карты съ пѣлію полученія прибыли; другой, который былъ директоромъ, въ сущности ничего не дѣлалъ, являясь въ заведеніе лишь на краткое время, во всемъ величій власти начальника;

третій—учитель немилосердо любилъ врать, четвертый—надзиратель отличался скупостью и пр. Съ тѣмъ, что онъ рассказываетъ относительно вреднаго вліянія такихъ недостатковъ воспитателей на воспитанниковъ, нельзя не согласиться. Но рождается вопросъ: гдѣ же найти воспитателей и учителей, совершенно свободныхъ отъ всякихъ недостатковъ и слабостей, дѣйствительныхъ, или почитаемыхъ за таковыя. Иной безупреченъ въ нравственномъ отношеніи совсѣмъ, но имѣетъ странныя привычки, которыхъ не осудить никакой кодексъ нравственности, но которыя дѣлаютъ его предметомъ смѣха и даже осмѣянія въ обществѣ и, стало быть, въ школѣ. Это возраженіе покойный признавалъ существеннымъ и не видѣлъ возможнымъ его устранить, называя общія свои педагогическія сужденія идеалами, *ria desideria*. Но имѣются качества, которыя неотложно слѣдуетъ требовать, по его мнѣнію, отъ воспитателя, будетъ-ли онъ сельскимъ учителемъ, директоромъ заведенія, профессоромъ и высшимъ начальникомъ учебно-воспитательнаго дѣла, и которыя присущіе ему недостатки и слабости въ состояніи всегда сдѣлать безвредными для дѣла воспитанія, поддерживая постоянное уваженіе къ нему въ воспитанникахъ.

Это достигается прежде всего, „когда воспитатель непременно будетъ оказывать уваженіе къ личности всѣхъ воспитанниковъ, потому что истертая, но полная вѣчной истины фраза—если ты хочешь, чтобы тебя уважали, уважай другихъ. Безъ уваженія къ воспитывающимся невозможенъ успѣхъ въ дѣлѣ воспитанія. Это уваженіе его къ воспитанникамъ высказывается въ ласковомъ, человѣческомъ обращеніи съ ними, въ удаленіи всего, что можетъ оскорбить человѣческое чувство въ нихъ“.... Такимъ постояннымъ уваженіемъ къ нимъ вы много сдѣлаете для ихъ воспитанія: вы своимъ примѣромъ перелбете и въ нихъ уваженіе къ другимъ, высокое, гуманное чувство, которое послужитъ и къ развитію чести, потому что уважающій подобныхъ себѣ и привыкшій къ уваженію своей личности не позволитъ себѣ безчестнаго поступка, чтобы не потерять уваженія людей, имъ уважаемыхъ, и къ развитію законности, потому что законъ вполнѣ уважается лишь тамъ, гдѣ въ уваженіи человѣческая личность“ (Общ. вост. 19).

Кромѣ любви къ принятому дѣлу воспитанія и уваженія къ личному достоинству питомцевъ, по мнѣнію Н. Д., необ-

ходимо, чтобы воспитатель былъ образцомъ для нихъ въ исполненіи порученнаго ему дѣла: поэтому всякія, подъ разными благовидными предлогами, уклоненія отъ исполненія обязанностей, принятыхъ воспитателемъ, манкировка уроками, или лекціями и т. п., по справедливому его замѣчанію, не внушая конечно къ нему уваженія въ воспитанникахъ, имѣютъ вредное вліяніе на нихъ въ томъ отношеніи, что незамѣтно ириучаютъ ихъ къ неправильному взгляду на долгъ служебный, лишая въ тоже время самаго воспитателя права предъявлять имъ законныя требованія объ исполненіи ими обязанностей. Но самымъ необходимымъ условіемъ, для успѣшности дѣла воспитанія, онъ признаетъ безусловную честность воспитателя вообще и правдивость въ сношеніяхъ его съ воспитанниками. Всякія уклоненія воспитателя отъ пути чести и нравственнаго долга, хотя бы они совершались и внѣ учебнаго заведенія въ родѣ, напр., легкой наживы способами, хотя и не преслѣдуемыми положительнымъ закономъ, но въ существѣ несомнѣстимыми съ понятіемъ о высоко-нравственномъ человѣкѣ, подрываютъ въ корень уваженіе къ нему въ воспитанникахъ и дѣлаютъ его вреднымъ для дѣла воспитанія, такъ какъ слабыхъ изъ нихъ возбуждаютъ къ желанію подражанія такому поведенію. По мнѣнію покойнаго воспитателя въ сношеніяхъ съ воспитанниками долженъ и поступать всегда правдиво, каждую вещь и отношеніе называть свойственными имъ именами, долженъ прямо свидѣтельствовать предъ воспитанниками на ихъ вопросы о незнаніи или маломъ знаніи того, о чемъ они спрашиваютъ, не скрывать незнанія или малаго знанія того, не прибѣгать къ уверткамъ и разнымъ хитросплетеніямъ, рассчитаннымъ на поддержаніе своего ученаго авторитета. Всякіе личныя счеты и интриги въ учебномъ заведеніи между его членами, окольные пути дѣйствій ихъ возбуждаютъ въ воспитанникахъ, которые скоро узнаютъ объ нихъ, не только чувство неуваженія, но и отвращеніе въ лучшихъ изъ нихъ, деморализируя слабыхъ.

Мысли покойнаго о воспитательномъ дѣлѣ, только что мною приведенныя, повидимому, имъ примѣнялись, главнымъ образомъ, къ высшимъ и среднимъ учебнымъ заведеніямъ. Но изъ статьи, напечатанной покойнымъ, когда онъ уже былъ не у власти, подъ заглавіемъ „Московский университетъ въ сороковыхъ годахъ“, видно, что онъ распространяетъ ихъ и на дѣателей воспитанія и образованія въ высшей школѣ, университетѣ. Дѣй-

ствительно, съ какою любовію и уваженіемъ покойный, самъ уже старикъ, для котораго дѣло воспитанія было за обычай, вспоминаеть о своихъ воспитателяхъ профессорахъ! За что онъ чтить ихъ память?

„За то, пишетъ онъ“, что мы выходили изъ университета со взглядомъ просвѣтленнымъ, намъ былъ указанъ путь для самостоятельныхъ научныхъ занятій, мы впитали въ себя уваженіе къ дѣлу, мы привыкли къ труду, что мы вынесли честныя нравственныя стремленія, которыя и были путеводною нитью нашей послѣдующей жизни. Вѣчная благодарность университету, насъ воспитавшему, и нашимъ благороднымъ незабвеннымъ наставникамъ“.

За эту же любовь къ воспитательному дѣлу, за это же пріученіе студентовъ посредствомъ своего примѣра къ честному и безкорыстному исполненію долга, за эту любовь и добродушіе, честность и прямоту въ отношеніи къ студентамъ, покойный пишетъ слово любви и уваженія непосредственному воспитателю зрѣлыхъ воспитанниковъ, инспектору Нахимову, не смотря на то, что въ поведеніи его находили странности и слабости, по обычаю, въ весьма замѣчательныхъ, выдающихся, дѣятеляхъ преувеличенныя.

Наконецъ покойный П. Д., говоря о качествахъ, необходимыхъ для воспитателя вообще, даетъ понять, какъ, по его мнѣнію, долженъ поступать человѣкъ, которому ввѣряется руководство ходомъ учебно-воспитательнаго дѣла въ цѣломъ округѣ. Это онъ выражаетъ, когда касается дѣятельности знаменитаго попечителя Московскаго учебнаго округа графа С. Г. Строганова. „Мы уважали, говоритъ покойный, графа Сергѣя Григорьевича и тогда, когда были студентами, и когда сдѣлались учителями. Онъ зналъ каждаго пзъ насъ, учителей, лично. Онъ часто посѣщаль университетъ и во время лекцій и во время экзаменовъ; на лекціи приходилъ онъ обыкновенно или вмѣстѣ съ профессоромъ, или до него; присутствовалъ на диспутахъ, нерѣдко посѣщаль гимназіи какъ въ Москвѣ, такъ и въ губернскихъ городахъ Московскаго округа, московскія уѣздныя и приходскія училища. Не смотря на свое аристократическое происхожденіе и огромное богатство, графъ былъ простъ въ обхожденіи, ласковъ, гуманенъ. Отъ него никогда не слышали крику, и громкихъ, а тѣмъ болѣе рѣзкихъ замѣчаній. Онъ всегда держаль себя съ достоинствомъ, говорилъ

тихо, спокойно выслушивая. Доносамъ онъ не имѣлъ вѣры, пока не разузнаетъ основательно истины“. Изъ дальнѣшаго повѣствованія покойнаго мы усматриваемъ, что графъ Строгановъ былъ безпристрастенъ, не давалъ въ обиду никого изъ своихъ подчиненныхъ, приходилъ охотно на помощь къ дѣйствительно нуждавшимся въ ней, какъ учителямъ, тамъ и учащимся. Не могу отъ себя лично къ сказанному не присовокупить моего личнаго мнѣнія, которое, вѣроятно, раздѣляютъ всѣ, хорошо знавшіе покойнаго, что въ портретѣ Московскаго попечителя гр. Строганова, имъ нарисованномъ, усматриваются характеристическія черты самаго покойнаго П. Д., какъ главнаго руководителя учебно-воспитательнаго дѣла въ нашемъ краѣ.

Отмѣченныя мною основныя педагогическія возрѣнія усвоилъ себѣ П. Д. въ большинствѣ ихъ ранѣе прибытія своего въ Казань.

Здѣсь онъ, смѣло можно сказать одно только, не измѣнилъ имъ нисколько. Но здѣсь онъ встрѣтился съ воспитательнымъ вопросомъ, который не былъ ему основательно извѣстенъ, пока онъ учился и затѣмъ служилъ въ Московскомъ учебномъ округѣ, какъ онъ впрочемъ не былъ извѣстенъ хорошо и многимъ другимъ педагогамъ, теоретикамъ и практикамъ, въ Россіи.

Около времени прибытія въ Казань покойнаго, на окраинѣ города, въ лачугѣ, заведена была частная школа для ученія дѣтей крещенныхъ татаръ. Въ началѣ существованія этой школы учениковъ ея нужно было считать единицами. Основатель этой школы былъ извѣстенъ лишь въ кругу немногихъ ученыхъ; обществу былъ совершенно неизвѣстенъ. Школа заведена была на его личныя средства, удѣлявшіяся отъ болѣе чѣмъ скромнаго содержанія по службѣ, составлявшаго единственный источникъ для пропитанія себя, жены и родныхъ.

Я, занимавшійся тогда инородческимъ вопросомъ какъ историкъ, товарищъ учредителя школы по университетскому преподаванію, съ величайшимъ интересомъ и вниманіемъ слѣдилъ за судьбами начинанія его; внимательно также прислушивался къ тому мнѣнію, которое высказывалось въ обществѣ по поводу этого начинанія; и долженъ сказать, что оно въ большинствѣ не пользовалось подобающимъ сочувствіемъ и одобреніемъ; самые скромные изъ цѣнителей этого дѣла выражали соболѣзнованіе, что такой почтенный человекъ, какимъ всѣ

считали Н. И. Ильминскаго, тратить свои силы и деньги на пустое предпріятіе. Но изъ этого пустаго предпріятія вышла и выросла цѣлая система просвѣщенія инородцевъ и сближенія ихъ посредствомъ школы съ русскимъ населеніемъ, дѣйствующая и теперь. Въ основу ихъ поставлено такое положеніе: это — учить инородцевъ, желающихъ быть не по имени только христіанами православной вѣры, слѣдуетъ такъ, что бы они понимали ученіе; этого достигнуть можно только тогда, когда ученіе вѣрѣ и другимъ правиламъ жизни, съ вѣрою православною связаннымъ, а равно богослуженію будутъ ведено на понятномъ для учащихся языкѣ, т. е., на ихъ родномъ, и когда ученіе и воспитаніе въ школѣ будутъ свободны отъ всякихъ принудительныхъ мѣръ и будутъ ведены въ духѣ евангельскомъ, съ любовію къ дѣлу и къ учащимся, съ терпѣніемъ и безкорыстіемъ, т. е., когда воспитатели и учителя въ ней будутъ обладать свойствами, которыя, какъ мы уже видѣли, покойный П. Д. признавалъ необходимыми и въ дѣлѣ воспитанія вообще. Въ сущности—это простая педагогическая аксіома, примѣнявшаяся отъ времени до времени къ инородцамъ и у насъ задолго ранѣе до появленія на западѣ педагогическихъ теорій въ этомъ смыслѣ, но потомъ у насъ забывавшаяся. Но извѣстно, что самыя простыя истины вмѣстѣ съ тѣмъ оказываются самыми трудными для пониманія. Такъ и эта простая истина о просвѣщеніи инородцевъ не сразу была понята и должнымъ образомъ оцѣнена въ Казани въ началѣ шестидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія. Но я не имѣю намѣренія здѣсь подробно излагать ходъ дѣла, зачатаго Н. И. Ильминскимъ и его сотрудникомъ о. Тимоѣевымъ, такъ какъ сравнительно недавно вышла въ свѣтъ книга подъ заглавіемъ „Казанская центральная крещено-татарская школа. *Матеріалы для исторіи христіанскаго просвѣщенія крещеныхъ татаръ. Напечатана иждивеніемъ попечителя школы, казанскаго 1-й гильдіи купца П. В. Щетинкина. Казань 1887*“. По этому превосходному труду, составленному многуважаемымъ Н. И. Ильминскимъ, читатель его можетъ шагъ за шагомъ прослѣдить исторію развитія и примѣненія къ дѣлу идеи, положенной въ основаніе этой школы и за тѣмъ, какъ она мало помалу, благодаря неусыпной энергической и безкорыстной дѣятельности учредителей школы, внимательному и высоко-просвѣщенному отношенію къ ней со стороны тогдашняго Мин. Н. Пр. Графа Д. А. Толстаго и со сторо-

ны, наконецъ, покойнаго Государя Императора Александра II и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, тогда Наслѣдника престола, и другихъ особъ Царственной семьи,— какъ она, эта идея легла въ основаніе цѣлой системы просвѣщенія инородцевъ. Изъ этого-же труда ясно открывається и то глубоко-сочувственное отношеніе покойнаго П. Д. къ дѣлу, начатому Н. И. Ильминскимъ съ самаго почти начала его (онъ разрѣшилъ открытіе школы крещено-татарской) и при дальнѣйшемъ его развитіи. Но покойный не ограничился дѣятельностью на этомъ пути какъ лишь просвѣщенный начальникъ учебно-воспитательной части въ обширномъ краѣ. Онъ пожелалъ уяснить себѣ дѣло христіанскаго просвѣщенія инородцевъ, силою исторіи введенныхъ въ составъ нашего великаго государства, чрезъ научное историческое изслѣдованіе дѣятельности прежнихъ насадителей среди нихъ христіанскаго просвѣщенія. Въ результатъ этого направленія въ дѣятельности покойнаго было появленіе въ печати нѣсколькихъ трудовъ, посвященныхъ этому вопросу и тѣсно связаннымъ съ нимъ вопросамъ по исторіи, археологіи и этнографіи сѣверовосточнаго края Россіи. Труды эти: 1) Св. Стефанъ, Первосвятитель Пермскій. (Изв. и уч. Зап. Каз. Ун. за 1868 г. вып. 1). 2) Чтеніе древнѣйшей зырянской надписи, единственнаго сохранившагося до сего времени памятника св. Стефана Велико-Пермскаго. (Ж. М. Н. Просв. за 1871 годъ). 3) Просвѣтитель Лопарей архимандритъ Θεодоритъ и св. Трифонъ Печенегскій (Ж. М. Н. Пр. 1868 г. 4) Родственно-ли Меря съ Вогулами? *По поводу сочиненій: Д. А. Корсакова „Меря и Ростовское княжество“ и графа А. С. Уварова—„Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ“.* (Учен. Зап. Каз. Унив. за 1873 г. № 1-й) 5) Напоминаніе о древнемъ городѣ Маджарѣ. Читано въ засѣданіи Казанскаго арх. съѣзда 1877 г. 31 іюля 6) Гдѣ книги, писанныя зырянскою или Пермскою азбукой, составленною св. Стефаномъ Велико-Пермскимъ? Читано въ засѣданіи того-же съѣзда 9-го августа 1877 г. 7) Замѣтка о вліяніи русскаго языка на инородческіе. Читано въ засѣданіи съѣзда 16 авг.—
Послѣдніе два труда еще не сдѣлались доступными для публики, такъ какъ второй томъ „Трудовъ четвертаго археологическаго съѣзда въ Россіи“, въ которомъ они напечатаны, еще не вышелъ въ свѣтъ, хотя и нужно ожидать скорого его появленія въ продажѣ.

Въ этихъ трудахъ, а равно въ рѣчахъ покойнаго попечителя, напечатанныхъ въ трудѣ г. Ильминскаго, мною названномъ, высказывается тотъ же взглядъ на просвѣщеніе инородцевъ, котораго держался и держится Ник. Ивановичъ. Поэтому я нахожу удобнѣйшимъ воздержаться отъ приведенія изъ нихъ соответствующихъ выписокъ въ настоящемъ сообщеніи. Но тутъ есть другая сторона дѣла, на которую я почитаю долгомъ обратить вниманіе общества. Это то, что покойный Петрѣ Дм., начавъ свои занятія съ цѣлю главнымъ образомъ разъясненія вопроса о христіанскомъ просвѣщеніи инородцевъ сѣверо-восточной Россіи, неизбѣжно долженъ былъ вступить и вступилъ въ область вопросовъ историческихъ, археологическихъ и этнографическихъ, которые составляютъ предметъ занятій нашего общества. Нѣкоторыя положенія, которыя высказалъ покойный въ поименованныхъ трудахъ, могутъ быть оспариваемы, такъ какъ и самъ покойный выдавалъ ихъ не въ видѣ непреложныхъ научныхъ истинъ, а въ видѣ научныхъ предположеній или гипотезъ. Но позволяю себѣ сказать, что самый строгій критикъ не откажетъ имъ въ признаніи научнаго ихъ достоинства въ виду совершенно научныхъ приемовъ въ изслѣдованіи взятыхъ имъ вопросовъ. Въ особенности это примѣняется къ тѣмъ мѣстамъ трудовъ покойнаго, гдѣ общаются историко-этнографическія свѣдѣнія объ инородцахъ. Тутъ онъ писалъ на основаніи предварительной солидной подготовки, на основаніи изученія языковъ инородческихъ и историческихъ источниковъ, и изданныхъ, и отчасти неизданныхъ.

Я со своей стороны позволяю себѣ думать, что трудъ покойнаго о Св. Стефанѣ Велико-пермскомъ не утратитъ на долго своего значенія, какъ особенно выдающийся своими научными достоинствами. Перечисленные мною труды покойнаго напечатаны ранѣе возникновенія нашего общества, которому съ такою честью и пользою послужилъ П. Д.; но между нимъ и научною дѣятельностію нашего общества особенно по инородческой этнографіи существуетъ родственная, преемственная, связь, такъ какъ наше общество не ослабѣваетъ на этомъ пути, выдѣливъ изъ среды своей такихъ дѣятелей, какъ покойный М. П. Веске и здравствующій теперь проф. Ив. Н. Смирновъ, который въ сегодняшнемъ же засѣданіи сдѣлаетъ сообщеніе, составляющее начало новаго обширнаго его этнографическаго труда. Такое направленіе занятій нашего обще-

ства, на мой взглядъ, слѣдуетъ признать заслуживающимъ полнаго вниманія не въ интересахъ только науки, но и въ интересахъ дальнѣйшаго христіанскаго просвѣщенія инородцевъ: чѣмъ лучше будетъ изученъ внутренній бытъ ихъ, тѣмъ вернѣе могутъ дѣйствовать истинные ревнители этого святаго дѣла. Отсюда я полагаю бы, конечно съ согласія наслѣдниковъ его, полезнымъ издать особой книгою труды перваго предсѣдателя нашего общества покойнаго П. Д., посвященные исторіи и этнографіи, разбѣянные теперь по разнымъ періодическимъ изданіямъ и потому трудно находимые, и старательно продолжать начатое имъ дѣло.

У насъ средствъ на то мало, или даже вовсе нѣтъ. Но я позволяю себѣ надѣяться, что благожелательное и просвѣщенное начальство Казанскаго уч. округа не откажетъ въ своемъ вниманіи къ нашему ходатайству о пособіи, съ которымъ совѣтъ общества предлагаетъ общему его собранію, въ настоящее его засѣданіе, войти къ Г. Министру Нар. Просвѣщенія.

Предсѣдатель Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ,

Заслуж. проф. Н. ВИРСОВЪ.

Толковая икона
НИКОЛАЕВСКОЙ ЦЕРКВИ

СЕЛА ЦАРИЦЫНА

(КАЗАНСКАГО УЪЗДА).

Съ приложеніемъ фотографическаго снимка.

~~~~~
Проф. Н. Сорокина.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1891.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологін, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь П. Траубенбергъ.

Прошлымъ лѣтомъ мнѣ удалось побывать въ селѣ Царицынѣ, отстоящемъ отъ Казани въ 6 верстахъ и осмотрѣть весьма интересныя древности. Но, прежде чѣмъ я изложу свои наблюденія, скажу два слова о томъ, что извѣстно намъ о прошломъ этого селенія.

Въ „книгѣ Казанскаго уѣзда 7075 г. государевыхъ царя и Великаго князя дворцовыхъ селъ и деревень и пустошей и селищъ“ упоминается дворцовое село Царицыно и въ немъ церковь Николая Чудотворца. До 1593 г. оно было за Андреемъ Плещеевымъ; а въ этомъ году дано въ помѣстье Троицкому Свяжскому монастырю. На мѣстѣ когда-то существовавшей церкви, въ 1829 г. выстроена каменная ¹⁾, которая красиво расположена почти на берегу быстрой Ноксы.

Кромѣ этихъ скудныхъ свѣдѣній, можно еще упомянуть и о томъ, что Пугачевъ, передъ тѣмъ какъ броситься на Казань, имѣлъ здѣсь свою главную квартиру. Рассказываютъ, что въ окрестностяхъ Царицына въ лѣсу были выкопаны глубокія ямы, гдѣ содержались плѣнники; но, эта молва не можетъ быть подтверждена ничѣмъ, такъ какъ никакихъ слѣдовъ отъ ямъ не осталось.

Затѣмъ, всѣ историки пишутъ, что въ день осады Казани, часть войска Пугачева двинулась именно изъ Царицына.

---

¹⁾ *И. Износковъ*. Списокъ населенныхъ мѣстъ Казанскаго уѣзда, съ краткимъ ихъ описаніемъ. 1885. стр. 14.

Вотъ то немного, что намъ извѣстно изъ прошлаго этого села. Никакихъ разсказовъ о пребываніи разбойничьихъ шаекъ мнѣ не удалось слышать.

6-го іюля (1889) я пріѣхалъ въ Царицыно и, благодаря любезному содѣйствію тамошняго духовенства, воспользовался случаемъ осмотрѣть церковныя древности.

Прежде всего была посѣщена мною совершенно развалившаяся деревянная часовня на кладбищѣ. Она теперь окончательно оставлена, крыльцо покривилось, стѣны носятъ слѣды дождевыхъ потоковъ.

Прямо противъ входной двери, на стѣнѣ, виситъ деревянный и чрезвычайно ветхій складень, одна сторона котораго отвалилась. Средина занята рѣзнымъ изъ дерева Николаемъ угодникомъ; правая рука его благословляетъ, на лѣвой замѣтенъ штифтъ, который по всей вѣроятности поддерживалъ исчезнувшую небольшую церковь; металлическая эпитрахиль носитъ слѣды красной краски и позолоты.

На створкахъ складня можно еще различить изображенія чудесъ святителя Николая, ликъ Матери Божіей, Великомученицы Варвары и нѣсколькихъ святыхъ, носящихъ имена жертвователей.

Въ верхней части надъ святителемъ Николаемъ икона Св. Троицы.

Кромѣ того, на стѣнахъ часовни висятъ, покривившись, еще нѣсколько большихъ иконъ, но до такой степени почернѣвшихъ, что нѣтъ никакой возможности опредѣлить даже какіе святыя изображены на нихъ?

Кѣмъ и когда выстроена часовня—неизвѣстно.

Но самый большой интересъ возбуждаетъ икона, находящаяся въ самой церкви и которую народъ называетъ „икона Неопалимыя купины“.

Разсказываютъ, что много лѣтъ тому назадъ, во время богослуженія, въ церковь взошла какая-то женщина съ ребенкомъ и поставила на одну изъ оконъ эту икону. Затеplивъ лампаду, она просила поддерживать огонь и скрылась, чтобы уже больше не являться.

Поддерживался ли дѣйствительно огонь въ лампадѣ— неизвѣстно, но я увидѣлъ икону на окнѣ, покрытую толстымъ слоемъ пыли, и безъ лампадки. Надо однако замѣтить, что жители села Царицына сильно вѣруютъ въ чудодѣйственную силу „Неопалимой купины“ и во время пожаровъ всегда выносятъ ее на мѣсто катастрофы, въ надеждѣ прекратить этимъ распространеніе огня.

При ближайшемъ знакомствѣ съ иконой, оказывается слѣдующее: нарисована она на доскѣ въ 54 сантиметра длины, 15 сантим. ширины и $3\frac{1}{2}$ толщины. Краски вообще сохранились превосходно, особенно въ срединѣ; только углы значительно потемнѣли, такъ что мѣстами съ трудомъ можно прочесть текстъ, заимствованный изъ пророчествъ Исаи и Іезекіиля.

Кромѣ того, нижняя часть иконы попорчена догорѣвшей восковой свѣчкой и здѣсь-же замѣтны довольно сильные дефекты. Тамъ гдѣ краска отпала, можно легко убѣдиться, что рисунокъ сдѣланъ по *левкасу* (употребляя терминологию сельскихъ иконописцевъ). Икона обведена коричневой полосой, образующей какъ-бы рамку около $4\frac{1}{2}$ сантим. ширины. Внѣшній край рамы состоитъ изъ красной и бѣлой полосокъ, внутренній—изъ очень тонкой красной черточки и болѣе широкой—черной.

Все внутреннее пространство закрашено сѣроватымъ фономъ, который былъ, вѣроятно, бѣлымъ. На этомъ-то фонѣ, какъ разъ по срединѣ, изображена звѣздвидная фигура, построенная изъ двухъ четырехугольниковъ: одного темно-

коричневого, совпадающего съ продольной и поперечной осями иконы, другой—ярко-красный, совпадающій съ діагоналями доски.

Верхній, темно - коричневый уголъ перваго четырехугольника занятъ изображеніемъ шестикрылаго серафима; на золотомъ его вѣнчикѣ можно разобрать надпись „*серафимъ*“.

Внизу, на противоположномъ концѣ, такое - же точно изображеніе и съ такою-же надписью.

Правый и лѣвый углы темнокоричневаго четырехугольника служатъ фономъ для летящихъ серафимовъ, съ золотыми вѣнчиками и буквами „*сера*“ (фимъ); оба серафима какъ-бы стремятся къ центру иконы, одинъ—справа, другой—слѣва.

Что касается до краснаго четырехугольника, совпадающаго съ діагоналями доски, то 1) на лѣво, вверху, на ярко-красномъ фонѣ представленъ ангелъ въ красномъ одѣяніи съ золотымъ вѣнчикомъ, золотой книгой въ рукахъ и золотыми-же крыльями; кругомъ надпись: „*святый евангелистъ Матфей описанъ ангеломъ толкованіе по сему Господь*“. 2) На право, вверху видѣнъ красный орелъ съ золотымъ вѣнчикомъ, золотой книгой и распростертыми золотыми крыльями; кругомъ надпись: „*святый евангелистъ Марко описанъ орломъ толкованіе возлете на небеса*“. 3) Внизу, на лѣво—красный левъ, съ открытою пастью съ золотымъ вѣнчикомъ, золотой книгой и золотыми крыльями; кругомъ надпись: „*святый евангелистъ Іоаннъ описанъ львомъ толкованіе во гробъ положися*“. 4) Направо, внизу красный телець съ золотымъ вѣнчикомъ, золотыми крыльями и золотой книгой, кругомъ надпись: „*святый евангелистъ Лука описанъ тельцомъ толкованіе миръ*“.

Прибавлю еще, что ангелъ, левъ и телець, хотя представлены ярко красными, одинаково съ фономъ гѣхъ треуголь-

никовъ, на которыхъ они находятся, но имѣютъ блики, хорошо сохранившіеся, чего нельзя сказать объ изображеніи орла. Кромѣ того, вѣнчики всѣхъ ихъ густо покрыты сплошной позолотой и только по внѣшнему краю проходитъ тонкая и рѣзкая бѣлая черта.

Надъ этой звѣздой, занимающей центръ иконы, на верху изображенъ Господь Саваофъ. Онъ представленъ сидящимъ на облакахъ ¹⁾, въ бѣлой одеждѣ ²⁾, съ строгимъ выраженіемъ лица и благословляющими руками. Длинная, остроконечная, раздвоенная борода и волосы сдѣланы какъ-бы съ просѣдью. Изъ-за потемнѣвшаго лика, на фонѣ большаго позолоченнаго вѣнчика, видна звѣзда, состоящая изъ двухъ четырехугольниковъ, подобно тому, который изображенъ посрединѣ иконъ: первый—темный, расположенъ такъ, что вокругъ головы образуется треугольникъ, какъ это рисуютъ у Всевидящаго Ока, другой (задній)—свѣтлый, сдѣланъ не симметрично. Пространство за всей фигурой наполнено ярко-краснымъ свѣтомъ, пронизаннымъ золотыми лучами, исходящими отъ большаго позолоченнаго вѣнчика, какъ отъ солнца. Подъ благословляющими руками находятся ангельскія головки съ крыльями, сіяніемъ и надписями „*херуви(мъ)*“.

Голова Господа Саваофа вдается въ рамку. На рамкѣ вверху надпись: „*Образъ Всевидящіе Око Господне*“; на лѣвой и правой сторонахъ рамы имѣются какъ бы особые образки, съ черными ободками и краснымъ фономъ. На первой изображенъ Ангель-хранитель въ бѣлой одеждѣ, съ золотыми крыльями и такимъ же вѣнчикомъ; лѣвая рука опущена, въ правой держитъ восьмиконечный красный крестъ, положенный на правое плечо; надъ головой на красномъ фонѣ надпись „*святый ангелъ хранитель*“.

---

¹⁾ Облака нарисованы очень хорошо.

²⁾ Складки и тѣни на одеждѣ сдѣланы коричневой краской.

На правой сторонѣ рамы нарисованъ мученикъ Александръ. Онъ изображенъ въ святительскомъ одѣянїи синяго цвѣта и съ широкимъ узорчатымъ золотымъ шитьемъ по подолу; тѣни и складки сдѣланы бѣлою краской. На плечи накинута красный плащъ, причемъ лѣвая рука отъ него свободна и лежитъ у пояса, а въ правой—держитъ осмиконечный бѣлый крестъ. Нижняя часть фигуры и лиць святителя очень попорчены, краска мѣстами отскочила. Кругомъ головы золотой, сплошной вѣнчикъ, а надъ головой, на красномъ фонѣ надпись: „святый мученикъ Александръ“.

Въ лѣвомъ углу иконы (на верху), на бѣломъ фонѣ, около Господа Саваофа, приведены слѣдующія слова:

„Книга пророка Исаїи, глава (6). Видѣхъ Исаїе Господа сядяща на престолъ висоцъ и исполнь домъ славы Его и серафимы стояху окрестъ Его шесть крылз единому и шесть крылз другому покрываху другъ ко другу и глаголаху святъ святъ святъ Богъ Господъ Саваофъ исполнь слава Его вся земля. И посланъ бысть ко мнѣ единъ отъ серафимовъ и въ руку своей имяше уль горя (щз) его - же клещами взять отъ алтаря и прикоснуса устамъ моимъ и рече: и прикоснуса сіе устомъ твоимъ отыметъ Господъ беззаконїя твоя и грѣхи твоя очиститъ“.

Въ лѣвомъ углу, внизу, изображенъ Исаїя, стоящій на одномъ колѣнѣ; вокругъ его находятся растенія, сзади какъ будто пень отъ срубленнаго дерева. Фигура имѣетъ ненатуральное положеніе и можно принять ее за сидящую на указанномъ пнѣ. Голова окружена золотымъ вѣнчикомъ, волосы на головѣ и длинная раздвоенная борода—сѣдые; одежда синяя съ бѣлыми бликами и такими-же складками. Нижняя часть фигуры закутана въ простой плащъ; руки съ благоговѣніемъ подняты, въ виду приближающагося серафима. Серафимъ изображенъ въ видѣ фигуры во весь ростъ и безъ

одежды; два красныхъ, расположенныхъ на крестъ, крыла прикрываютъ ноги, а четыре тавихъ-же красныхъ крыла расположены за плечами. Лишь серафима попорченъ, остался одинъ золотой вѣнчикъ; лѣвая рука свободно виситъ въ воздухѣ, правая вкладываетъ щипцами расваленный уголь въ уста Исаи.

Нѣсколько правѣе и ближе къ срединѣ (между лучами центральной звѣзды, львомъ св. Марка и серафимомъ), отдѣленный отъ Исаи и серафима съ углемъ густымъ слоемъ темныхъ облаковъ, нарисованъ другой летящій серафимъ въ тотъ моментъ, когда онъ беретъ щипцами уголь изъ „олтаря“. Фигура эта совершенно сходна съ первою; только на золотомъ вѣнчикѣ стоитъ подпись „сераѿи(мъ)“; самъ же „олтарь“ изображенъ въ видѣ шестиграннаго, продолговатаго сруба, съ полукруглымъ отверстіемъ по срединѣ; какъ воздухъ въ которомъ паритъ серафимъ, такъ и „олтарь“ ярко-краснаго цвѣта.

На правомъ углу (вверху) иконы, на бѣломъ фонѣ, по другую сторону изображенія Господа Саваофа, приведены слѣдующія слова:

„Книга пророка Іезекіиля. Глава 1. И видяхъ и се духъ воздвизайся грядяще отъ сѣвера и облакъ великій внемъ и свѣтъ окрестъ его и огнь блистаяся. Посредъ... животныхъ.. и яко подобіе чловѣка въ нихъ. И четыре лица единому и четыре крыла единому. И видехъ се коло едино на земли держащаяся животныхъ четырехъ и виденіе колесъ яко же аще-бы было коло въ колеси.... мнѣ сыне члов... ев... сей... и рцы... овомъ израилевымъ и отверзохъ уста моя и напита мя свиткомъ симъ“.

Въ правомъ углу (внизу) находится изображеніе колѣнопреклоненнаго пророка Іезекіиля въ синемъ одѣяніи, поверхъ котораго наброшенъ красный широкій плащъ. Лѣвая рука протянута, правая прижимаетъ къ груди бѣлый небольшой

свитокъ. Сѣдые волосы и такая же раздвоенная борода обрамляютъ темный ликъ, на которомъ выражается глубокое благоговеніе.

Пророкъ помѣщенъ на зеленоватомъ холмѣ, понижающемся тремя уступами въ лѣвую сторону; никакихъ растений вокругъ фигуры незамѣтно.

По направленію къ св. Іезекилю сверху, отъ звѣздовидной фигуры, занимающей центръ иконы, опускается длинное темное облако, изъ котораго протянута рука въ красномъ рукавѣ и предлагающая пророку свитокъ. Облако непосредственно исходитъ отъ яркаго пламени, которое на периферіи ограничено остроконечными огненными языками. Внутри этого пламени замѣчается четыре головы (ангела, орла, тельца и льва), окруженныя золотыми вѣнчиками и снабженныя четырьмя крыльями каждая. Нѣсколько ниже и лѣвѣе видно красное колесо и цѣлая система круговъ; какъ на ободѣ колеса, такъ и на кругахъ, изображены глаза (по пяти и семи). Наконецъ, свѣтлое облако розоватаго дыма проходитъ по краю огня, именно тамъ, гдѣ замѣчаются языки пламени.

Такимъ образомъ, внизу звѣздовидной фигуры, составляющей центръ иконы, мы видимъ съ одной стороны изображеніе видѣнія пророка Исаи, съ другой—видѣніе пророка Іезекиля. Раздѣляетъ эти видѣнія серафимъ на темномъ фонѣ, составляющій нижній конецъ темнаго четырехъ-угольника фигуры.

Въ срединѣ иконы видимъ три концентрическихъ желтыхъ круга или полоски. На вѣшнемъ надпись (вправо, сверху): „Умъ Исаія проявля(я) солнце издевическія утробы васьсія во тмѣ заблуждшимъ“. На среднемъ: „Величитъ душе моя Господа и возрадовася духъ мой о Бозь Спасъ моему яко призрѣ на смиреніе рабы своея се бо отъ нынѣ блажатъ мя вси роди“. На внутреннемъ: „Духъ Господенъ на мнѣ его же ради помаза мя благовѣстити нищ...“

Центръ иконы занимаетъ младенецъ Иисусъ въ синемъ одѣяніи и красномъ плащѣ; въ лѣвой рукѣ—свитокъ, правая—благословляетъ. Отъ него, черезъ красный фонъ круга, исходятъ золотые лучи. Вокругъ головы золотой вѣнчикъ съ крестомъ; по лѣвую сторону буква „Н“, по правую „Ѡ“, и надъ головой „Ѧ“; по бокамъ (на красномъ фонѣ) IC и XC . Кругомъ всей фигуры Спасителя вышеупомянутая надпись „*Духъ Господенъ на мнѣ*“ и т. д.

Отъ этого центрального круга съ Иисусомъ, отходятъ четыре огненные (красные съ золотомъ) луча, доходящіе до круга внѣшняго съ надписью „*Умъ Ісаіа проявляя*“ и т. д.

Все пространство между кругомъ съ надписью „*Духъ Господенъ на мнѣ*“ и вторымъ съ надписью „*Величитъ душе моя Господа*“ занимаетъ большой красный ликъ ¹⁾, подобный тому, какимъ изображается солнце (съ красными глазами, носомъ и ртомъ). Такимъ образомъ, Спаситель помѣщенъ какъ разъ между глазами этого лика, придающей всей иконѣ какой-то устрашающій характеръ, если позволено такъ выразиться. Багровый дискъ въ центрѣ сразу обращаетъ на себя вниманіе, а огненные глаза смотрять гнѣвно и свирѣпо.

Пространство между кругомъ съ изреченіемъ „*величитъ Душе моя Господа*“ (вторымъ по счету) и самымъ внѣшнимъ съ надписью „*Умъ Ісаіа проявляя*“ имѣетъ черный фонъ; на немъ вверху (какъ разъ надъ Спасителемъ) изображена голова Матери Божіей съ распростертыми руками, въ красномъ покрывалѣ съ золотымъ вѣнчикомъ и надписью по бокамъ головы „ MP “ и „ QY “ и, кромѣ того, пять серафимовъ: нижній, нарисованный en-face, съ вѣнчикомъ и надписью „*серафимъ*“ и четыре нарисованные въ $\frac{3}{4}$ оборота головы, съ

---

¹⁾ Только средняя часть иконы нѣсколько свѣтлѣе.

такими-же вѣнчиками и такими-же надписями, какъ-бы устремляющимися къ Спасителю; крылья серафимовъ и облака сдѣланы бѣлыми штрихами. Въ промежуткахъ между всѣми этими фигурами размѣщены звѣзды, большія и малыя.

Наконецъ, на бѣломъ общемъ фонѣ иконы, имѣются еще четыре фигуры ангеловъ: два верхнихъ съ золотыми вѣнчиками и такими-же крыльями стоятъ на одномъ колѣнѣ и держатъ въ рукахъ концы своихъ красныхъ верхнихъ плащей; два нижнихъ изображены летящими и съ свободными руками. Надъ верхними надписи „АГГЛІ“ , а надъ нижними „ГДНІ“ .

Проф. О. И. Буслаевъ, къ которому я посылалъ фотографическій снимокъ съ иконы, прося высказать о ней свое мнѣніе, пишетъ мнѣ слѣдующее:

а) „Царицынская икона относится къ разряду многочисленныхъ, содержанія символическаго. Эта икона „толковая“, каковы напр. „Единородный Сыне“; „Приидите, людие, триипостасному Божеству поклонимся“, „Во гробъ плотскъ“, а также цѣлыя молитвы лицевыя: „Вѣрую“, „Отче нашъ“, „Богородице Дѣво радуйся“ и друг., какъ показано у меня ¹⁾ въ „общихъ понятіяхъ о русской иконописи“, съ приложеніемъ рисунковъ (въ Музейскомъ Сборникѣ 1866 г.). Такимъ иконамъ соотвѣтствовали „Толковыя Псалтыри“ и „Толковыя Апокалипсисы“, какъ простые, такъ и лицевые.

б) Въ народѣ эта икона слыветъ подъ названіемъ „Неопалимой купины“ потому, что въ своемъ цѣломъ составѣ и характерѣ имѣетъ съ нею *много общаго*. По древнѣйшимъ изображеніямъ, точно въ такой-же геометрической фигурѣ явилась Моисею Богородица, въ типѣ Знаменія Пресвятой Богородицы, занимающая всю середину пылающаго куста.

Въ Царицынской иконѣ мѣсто Моисея занимаютъ пророки Исаія и Іезекіиль.

По происхожденію она позднѣе неопалимой купины и есть не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе того-же типа, въ которомъ изображеніе Знаменія Пресвятой Богородицы ведетъ

---

¹⁾ Подробное заглавіе слѣдующее: *О. Буслаевъ. Общія понятія о русской иконописи въ сборникѣ 1866 года, изданномъ обществомъ древнерусскаго искусства, при Московскомъ публичномъ музеѣ. Москва. 1866.*

свое начало къ временамъ катакомбной иконографіи. Надобно прислушиваться къ гласу народа: въ немъ чуются иногда звуки незапамятныхъ преданій.

с) Тексты изъ книгъ Исаи и Іезекіиля и ихъ обоихъ изображеніе даютъ разумѣть, что эта икона есть не что иное, какъ символическое представленіе и толкованіе пророчествъ, то есть, какъ бы одна изъ миниатюръ *толковаго* пророчества.

д) Осьмиугольный чертежъ, составленный изъ двухъ квадратовъ, называется въ иконографіи „осьмиугольнымъ *ореоломъ*“, когда обнимаетъ собою цѣлыя фигуры—одну или нѣсколько, и называется *нимбомъ* (т. е. сіяніемъ или вѣнцомъ), когда обнимаетъ только голову фигуры, какъ въ Царицынской иконѣ главу Саваофа. Происхожденіе и значеніе этого чертежа подробно объяснены въ моемъ „Лицевомъ Апокалипсисѣ“¹⁾.

е) Красное лицо, посреди котораго написанъ Іисусъ Христосъ, есть не что иное, какъ *Солнце*—это символическое представленіе пророчества: „*Солнце* (т. е. Христосъ) *изъ двѣхъ-скія утробы возсія*“,—такъ что это солнце есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ Христосъ. Объ изображеніи солнца въ видѣ

---

¹⁾ Въ письмѣ своемъ къ проф. Буслеву, я указывалъ на треугольникъ вокругъ головы Саваофа и имѣлъ неосторожность выразиться, что фигура эта похожа на ту, въ которой всегда изображается у насъ Всевидящее Око. На это, Ѳ. И. дѣлаетъ такого рода важную поправку: „икона названа „Всевидящимъ Окомъ Господнемъ“ въ надписи надъ фигурой Саваофа, къ которому конечно и относится. Но усмотрѣннаго въ замѣчаніяхъ треугольника на иконѣ вовсе нѣтъ, такъ какъ это одинъ изъ угловъ фигуры, о коей рѣчь будетъ въ слѣдующемъ пунктѣ (пунктъ д). Что-же касается до утверженія, будто такой треугольникъ „*всегда*“ рисуютъ у Всевидящаго Ока, то надобно знать, что представленіе глаза въ треугольникѣ есть пустая эмблема, заимствованная къ намъ съ Запада не ранѣе XVIII вѣка. У насъ - же изстари была икона Христа Младенца, подъ названіемъ *Недреманнаго Ока*: Онъ перевязанъ крестъ-на-крестъ ораремъ, какъ діаконь, и лежитъ на подушкѣ, нѣсколько приподнявшись. Есть и на Алоонѣ.“

лица—профиль и en face—смотр. тамъ-же, въ моемъ „Лицевомъ Апокалипсисѣ“.

f) Мученикъ Александръ стоитъ внѣ символическаго содержанія иконы. Это, можетъ быть святой во имя котораго нареченъ заказчикъ Царицынской иконы, или—иконописецъ, который ее писалъ; а можетъ быть, попалъ сюда и по какой другой случайности“.

Таково мнѣніе о Царицынской иконѣ нашего маститаго ученаго.

Что-же касается до времени, къ какому она относится и о чемъ проф. Буслаевъ забылъ упомянуть въ своемъ письмѣ, то, по словамъ проф. И. Н. Смирнова, который видѣлъ Ѳ. И. на съѣздѣ археологовъ въ Москвѣ, онъ относитъ икону къ XVII или, быть можетъ, къ концу XVI вѣка.

14 февраля 90 г.

Н. З. ТИХОВЪ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРИИ РАЗВИТІЯ СЛАВЯНСКАГО ЖИЛИЩА.

БОЛГАРСКІЙ ДОМЪ

И

ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ НЕМУ ПОСТРОЙКИ

ПО ДАННЫМЪ ЯЗЫКА И НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1891.

По опредѣленію Совѣта Общества Археологич, Историч и Этнографич
печатать дозволяется.

Секретарь *П. Траубенбергъ.*

БОЛГАРСКИЙ ДОМЪ

и относящіяся къ нему постройки по даннымъ языка и народныхъ пѣсень.

Въ области изслѣдованій о славянскихъ жилищахъ въ науку сдѣлано до сихъ поръ еще очень мало. Такой изслѣдователь на почвѣ древнѣйшей культуры Славянъ какъ *Krekz*, сказавши объ устройствѣ др.-слав. дома, т. е. собственно—приведя только названія отдѣльныхъ частей его, выражаетъ именно такого рода жалобу, что этой области нашего вѣдѣнія оказано очень мало должнаго вниманія, и единственное и пріятное исключеніе представляетъ небольшая статья гр. *Уварова*, помѣщенная во II т. Трудовъ московскаго археологическаго общества (*). Подобную-же жалобу, даже укоръ—высказалъ и *Heikel*, авторъ недавно вышедшаго труда о финскихъ жилищахъ; онъ говоритъ, что въ русской литературѣ нѣтъ окончательно ни одной работы, ни одной достойной упоминанія статьи, имѣющей своимъ предметомъ изслѣдованіе о жилищахъ,—существуютъ только въ высшей степени недостаточныя замѣтки, разсѣянныя преимущественно въ періодическихъ изданіяхъ (**).

(*) *Gregor Krek*. Einleitung in die Slavische Literaturgeschichte. 2-е изд. Graz 1887 г. стр. 145 прим.

(**) *Axel O. Heikel*. Die Gebäude der Čeremissen, Mordwinen, Esten und Finnen. Helsingfors 1888 p. XI. (Въ «Jurnal de la société finno-ougrienne» Т. IV).

Эти жалобы дѣйствительно справедливы, что и дало мнѣ поводъ заняться этимъ вопросомъ касательно той части славянъ, которая мнѣ болѣе всего доступна и которой я болѣе всего пока занимался.

Я не смѣю конечно претендовать на большое значеніе предлагаемаго вниманію общества моего реферата, а считаю его только сводомъ тѣхъ данныхъ, которыя имѣются главнымъ образомъ въ сборникахъ болгарскихъ народныхъ пѣсенъ ⁽¹⁾ и въ словарѣ Дювернуа ⁽²⁾. Я собралъ здѣсь всѣ стихи, имѣющіе названія дома, его частей, двора, построекъ, привелъ ихъ въ нѣкоторую систему и весь имѣвшійся въ рукахъ разрозненный матеріалъ старался облечь въ болѣе удобную для пользованія форму.—Матеріалъ, которымъ я располагалъ, является во многихъ отношеніяхъ очень-таки недостаточнымъ; такъ, напр., я не могу яснѣе сказать о формѣ дома, о его размѣрахъ, о наружныхъ украшеніяхъ, не могу ручаться за его положеніе относительно другихъ построекъ на дворѣ и т. п. Тѣмъ не менѣе позволяю себѣ думать, что

(1) Въ распоряженіи моемъ были слѣдующіе 4 сборника: а) *Безсоновъ*. Болгарскія пѣсни изъ сборниковъ Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и другихъ болгаръ (во «Временникѣ Императорскаго московскаго общества исторіи и древностей русскіихъ») М. 1855, кн. 21—22. б) *Верковићъ*. Народне песме македонски Бугара. Книга прва. Женске песме. У Београду 1860. в) *Качановскій*. Памятники Болгарскаго народнаго творчества. Вып. I. Сборникъ западно-болгарскихъ пѣсенъ. Спб. 1882. (въ Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ т. XXX. № 1). г) *Миладиновци* бр. Български народни пѣсни. Загребъ 1861.—Цитаты изъ этихъ сборниковъ указаны подъ слѣдующими сокращеніями: *Б*—Безсоновъ, *В*—Верковићъ, *К*—Качановскій, *М*—Миладиновци. Круныя цифры указываютъ на N пѣсни, а мелкія, помѣщенные рядомъ,—страницу Сборника.

(2) *Дювернуа*. Словарь Болгарскаго языка по памятникамъ народной словесности и произведеніямъ новѣйшей печати. М. 1885—89. I—VII (послѣднихъ двухъ выпусковъ здѣсь въ Казани еще не имѣется). Сокращенія, указанные имъ, но которыя не могли быть проверены мною, я отмѣчаю курсивомъ: *Д*.—*Догоп*. *Chansons populaires bulgares inedites*, Paris. 1875. Затѣмъ—*Пк*.—Показалець или Рѣководство, какъ да ся изискъвѣтъ и издирѣтъ най-стари чърти нашего бытія, языка, народопоколѣнія, стараго ни правленія, славнаго ни прошествія и проч. отъ *Г. С. Раковскаго*. Одесса 1859 г.

и въ предлагаемомъ видѣ рефератъ мой можетъ принести нѣкоторую пользу изслѣдователямъ на почвѣ славянской культуры—вообще, и славянскаго жилища—въ частности.

Большинство болгарскихъ построекъ, блг.—*граджеж* (Двр. 400) или *постройка* (Двр. 1779), необходимыхъ въ сельскомъ быту, заключается во дворѣ, называемомъ также *дворъ*, *двори*, *дворове*, *дворище* или же—*просторище* (¹) (Двр. 469): Болгарскіе *двори* или *дворове* въ пѣсняхъ постоянно имѣютъ эпитетъ *рамни* или *равни*, что указываетъ, вѣроятно, на то обстоятельство, что *двори* или располагаются въ равнинѣ, или выровнены нарочно; въ послѣднемъ именно случаѣ они иногда выстилаются камнемъ, почему и называются *камни* (М. 105₁₅₈) т. е. *камены* (К. 155₃₁₂). Хорошій дворъ долженъ быть чисто выметенъ (²), причемъ обязанность эта вполне возлагается на женщину (³). Обратная черта, т. е. грязь, запущенность двора представляетъ—такъ сказать—захудалость владѣльца (⁴).

Дворъ огороженъ *заборомъ*, вслѣдствіе чего называется также *обграда* (⁵); заборъ дѣлается изъ дерева (⁶) или иногда камня (⁷), и носить нѣсколько названій: *ограда* (⁷),

(¹) «Сяга селска къща има на около си голѣмо просторище, кое Българи въобще казвѣтъ дворъ» *Пк. 33*.

(²) «Земешъ керко, дворе да изметешъ» (В. 212₂₂₄); «двори биха разметени» (В. 36₄₅ 155₁₆₇, 202₃₁₅).

(³) «Димяна мете дворове со метлица босилкова, со лопата стратова (?) фрлила метла, лопата» (В. 288₃₁₃); «за нея елевъ (=лѣкарство) готовъ: мотива-та и лопата» (В. 293₃₂₁); дѣвойки двори метѣхъ (*Д. 29, 12*) «рано ѣ станѣла невеста, равни ѣ двори помела» (*Д. 25, 35—36*).

(⁴) «Двори-тъ буренясади» (В. I, 24₁₂₃), т. е. поросли бурьяномъ.

(⁵) «Средъ тайж обградѣ, т. е. селскій дворъ». (*Пк. 35*).

(⁶) (Юда) «гора (т. е. лѣсъ) грошеше (=ломала), двори градеше» (В. 1).

(⁷) «Годеникъ-тъ вали камъни и ги вози за направѣж на къщѣ или оградѣ» (*Ч. 72*).

дзиздѣ (¹) бедени (²) или дуваръ (³). Вѣроятно онъ представляетъ изъ себя иногда частоволь, причемъ кольца называются *пармадзи* (⁴). Деревянный заборъ замѣняется *плетнемъ*, который называется *плетъ*, *плетина*, *плетица* (⁵), *заплетъ* (Дюв. 714) или *калаломъ* (? Дюв. 917). Плетень дѣлается въ четыре ряда или яруса, называемыхъ *повой*, каждый повой—изъ прутьевъ (=пъртъ), которые втыкаются сразу по-два около каждаго плетневаго кола (=колъ или *притка*) (⁶). Пятый рядъ служитъ для прикрѣпленія первыхъ рядовъ, въ свою очередь этотъ пятый рядъ прутьевъ закрѣпляется особой деревянной наставкой, дощечкой, называемой *прилошка*, которая приближается къ каждому колу плетня и при этомъ обвивается еще тонкой сѣткой изъ прутьевъ (⁷). Чтобы плетень крѣпче держался, то снаружи и изнутри на разстояніи 3-хъ колевъ, ставятся *подпоры* или *подпорки* (⁸), которыя имѣются и у *дувара* (⁹). Все это сооруженіе своего рода—называется *мса*

(¹) «Преку дзиздѣ платно префѣрли» (105₁₆₉).

(²) «Фѣрли Шарца преѣ бедени» (М. 147₂₂₆); «сѣ фѣрли надъ бѣла бедена» (М. 145₂₂₆).

(³) «Дуваре се трясать» (К. 155₃₅₄); бутна (Марко) коня, презъ дувара преришна» (К. 155₃₅₂); см. также К. 132₂₈₄ и 166₃₉₁.

(⁴) «Имашъ Иванъ двореѣ Стамболони, на двори те скали отъ кара-грошъ, пармадзи-ти отъ флорина». М. 605₄₉₆.

(⁵) «Дворѣ ѣ обграденъ укрѣжно съ плѣтъ» (Пк 33); «Стоянъ презъ плета надниена» (М. 128₁₈₅); «ако си ергенъ, пресковни плетотъ» (М. 305₃₈₃). «си прескакала плетина». (М. 425₄₂₉); «а нѣкои назмавътъ тѣя плѣтенца лѣтъ съ гвѣжды лайна или прѣстъ» (Пк 34).

(⁶) «Плѣтъ-тъ обично—ѣ изплѣтенъ художественно отъ четиры повоѣ; а всякъ повоѣ ся плѣте съсъ два пърта кои ся подиждѣтъ единъ-подъ другы до сякъ колъ. А пятый повоѣ залита подпоренъ». Пк 34. Замѣтимъ, что у русскихъ плетень устраивается именно такимъ-же образомъ.

(⁷) Въ найгорный повоѣ сѣ' забити напъркъ, кѣси дръвчета отъ 4 пяди, коихъ звѣжтъ *прилошки*. Ти сѣ' уплѣтени съ потыко пъртие на поверхность, коѣ ся простира надъ обѣ странѣ плѣта, само отъ повоѣ, и на край на всякъ *прилошкѣ* забита ѣ клѣчка (=палочка, клинъ) да ся не разплита жертие то. Пк 34.

(⁸) «Пятый повоѣ залита подпоры, кои сѣ' исправени срѣщу колиѣ и отъ вѣтрѣ и отъ вѣнъ прѣвъ три кола разстоянія» Пк 34. (Дюв. 17:8).

(⁹) «Се дуаре одъ юначки глави, а подпоры одъ юначке носѣ» (К. 132₂₈₄, 147₃₂₇); «серебрны подпоры» (К. 152₃₄₆).

(Шк. 32); самый плетень въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ замазывается или коровьимъ пометомъ, или глиной (Дюв. 1665).

Чтобы попасть во дворъ, надо пройти чрезъ **ворота**, называемыя иногда „юлема врата“ т. е. большія „врата“ (¹), *вратня*, *вратникъ* (²) чрезъ которыя можно проѣхать. Наравнѣ съ этимъ названіемъ употребляется также *порта*, *порти* (-ты) (³). Очень нерѣдко при названіи *порта* имѣется эпитетъ *витѣ* (⁴), т. е. витыя ворота; возможно, что этотъ эпитетъ указываетъ на особаго рода украшеніе, вѣроятно—на рѣзъ въ бу, въ то время какъ существованіе другого эпитета: „шарены порты“ или „шарены врата“ (⁵) (=пестрыя) указываетъ на расписываніе воротъ к р а с е а м и. Кромѣ того имѣется выраженіе „тешки порти“ (⁶) потому ли, что они сдѣланы прочно, основательно, или потому, что они бываютъ иногда *жельзны*, *жельзници*, *самородъ одъ жельзо* (⁷) или *порты дежирове* (К. 75₁₅₉), *чимширъ порти* (М. 120₁₇₄, 211₁₈₈) и *порти челижо’и* (⁸) т. е. стальные. Порта имѣетъ *темель*—основаніе, фундаментъ, а въ данномъ случаѣ—по всей вѣроятности—воротные столбы (⁹).

Рядомъ съ *юлеми врата* въ заборѣ имѣются *мала врата* (¹⁰) или *мали порти* (В. 36₅). Эти *мала врата* называемыя также *вратници* (М. 143₃₁₃, 605₄₉₆), *вратничка* (В.

(¹) См. Б. I, 23₁₁₈; К. 39₁₀₇; М. 1₂, 33₂₈₃, 89₁₈₈, 92₁₈₇, 173₂₇₃.

(²) См. ниже слѣд. стран. прим. 2.

(³) См. В. 1, 3₄, 34₄₄, 155₁₆₇, 202₂₁₅; К. 39₁₁₇, 132₂₈₁; М. 70₁₀₁, 134₁₉₃, 171₂₆₅, 229₃₃₉.

(⁴) См. В. 287₃₁₈; М. 65₁₇, 88₁₈₁, 101₁₄₇, 105₁₅₈, 121₁₇₄, 145₂₂₂, 147₂₃₄.—Не указываетъ ли впрочемъ этотъ эпитетъ на особую форму воротъ, именно—съ перекладиной на верху въ косякахъ? Срв. Дюв. в. в. *витъ* 2.

(⁵) «Излезна (Елена) на шарены порты, ... почекай Петре, да отворимъ шарены врата» (К. 112₂₂₆).

(⁶) См. М. 159₂₅₀, 168₂₅₆, 173₂₇₃.

(⁷) См. М. 68₉₈, 121₁₇₄, 172₃₀₇.—Имѣются *порта позлатена* (К. 138₃₀₁).

(⁸) «Шъ чизма бие порта позлатена, порта ми се изъ темель круте». (К. 138₃₀₁).

(⁹) См. К. 232₂₈₈; М. 229₃₃₉, 334₃₉₃, 429₄₈₁.

(¹⁰) «Отвори (Недо) мала-та врата—вратничка» (М. 334₃₉₂).

118_{1,2}), *вратничка*, *вратниче* и *вертничко* ⁽¹⁾ вполне соответ-
ствуют нашей **калиткѣ** ⁽²⁾. Она называется также *капня*
или *протка*. (См. Дюв. 933 и 1953).

Голема врата бывают, по всей вероятности, дву-
створчатая, потому что слово *вратникъ* употребляется и в
значеніи *воротня* ⁽³⁾. Кроме того косвенное доказательство
нашего предположенія можно видѣть в употребленіи словъ
врата и *порты* во множественномъ числѣ. Надъ воротами
имѣется **навѣсъ**, называемый *полесокъ* ⁽⁴⁾. Материаломъ для
воротъ служатъ **доски**, сбиваемыя иногда не особенно плотно,
такъ что оставляется *процѣлъ* ⁽⁵⁾ или *отзѣвка* (Дюв. 1534),
т. е. щель и **прутья** (Пк. 34). Чтобы удобнѣе было отворять
ворота, придѣлываются *галки* ⁽⁶⁾—нѣчто въ родѣ кольца
или **скобы**, а для запора употребляются *ключеве*, *ключалки*,
лостове, *завѣрница* ⁽⁷⁾ и т. д.

Въ плетнѣ вероятно также дѣлаются в о р о т а, про-
ходъ въ немъ существуетъ несомнѣнно, на чтѣ указываетъ
между прочимъ слово *прѣлазъ* или *прелѣзъ* ⁽⁸⁾.

Но войдемъ теперь чрезъ описанныя в о р о т а въ самый
дворъ. Прежде всего мы остановимъ свое вниманіе на домѣ.

⁽¹⁾ «Она на вертничко стояла и урака торба держала» (К. 70_{1,49}).

⁽²⁾ «Вратникъ обычно оставяѣтъ единъ голѣмъ на истогъ и до него
едни малки врата; първы имъ служи да влизяѣтъ колия и добытѣтъ, а вто-
рыи да входяѣтъ человекци» Пк. 34. (Дюв. 273).

⁽³⁾ «Изъ улицѣ-тѣ ся влазило въ дворе изъ врата, които съ два врат-
ника ся отворяли на вѣтрѣ.» Дюв. 273.

⁽⁴⁾ «Старецотъ стретилъ едни умници кѣде се мѣчеле да го качееѣтъ
на полесокъ единъ волъ, за да се напасить отъ травата, шчо била израстена
на полесокотъ.» Дюв. 1746. «Нѣкон си (врата) сѣ отгорѣ *польсени* и покрити».
Ibid.

⁽⁵⁾ «Азъ... глѣдамъ презъ процѣлѣтъ на вратата, а то (момченцето)
обѣрща—обѣрща очицитеси,—тѣрси ма!» (Дюв. 1955).

⁽⁶⁾ «Шемширъ сѣ порти тракнули, сребърни *галки* дрѣвнѣли» Д. 44.
(Дюв. 1732).

⁽⁷⁾ См. Дюв. въ соответственныхъ мѣстахъ.

⁽⁸⁾ См. цитаты у Дюв. 1861.

Названіе *домъ* имѣется и у Болгаръ, но больше употребляется въ формѣ нарѣчій: *дома, домака* и т. п., т. е. дома, домой. Въ-сто этого слова сдѣлались употребительными названія *кѣща* ⁽¹⁾, *кашта*, *кѣшта*, ⁽²⁾ *куя* ⁽³⁾ или *куѣа* (В. 283_{,00}), *кукица* (М. 270_{,00}), затѣмъ—*ижа* (К. 120_{,00})=хижина, домъ, и наконецъ—*сарай, сарае* ⁽⁴⁾. Несомнѣнно, что послѣднее названіе, какъ указываютъ нѣкоторыя выраженія въ пѣсняхъ ⁽⁵⁾, означаетъ такую-же постройку какъ и *кѣща*, только отличающуюся нѣсколько своими размѣрами. Послѣднее выражается, по моему мнѣнію, эпитетомъ *вишни* или *високи*, очень часто сопутствующимъ понятію *сарай*. Домъ громадныхъ размѣровъ называется *керхана* съ эпитетомъ *висока*, (М. 77_{,07}) а небольшая *лачу-га* называется *колиба* (Дюв. 1003; К. 223_{,00}). ⁽⁶⁾

Посмотримъ теперь, какъ устроенъ домъ Болгарина. Самое зданіе состоитъ изъ стѣнъ, которыя носятъ у болгаръ тѣже названія, что и заборъ, именно: *зидове* (В. 222_{,41}, 282_{,00}; М. 162_{,00}), *бедени* (М. 121_{,74}), *дуваръ* (К. 120_{,00}, 216_{,00}); вромѣ того имѣется особое названіе, существующее и въ русскомъ языкѣ, — *стена* ⁽⁷⁾. Вдоль стѣнъ идетъ *заваленѣа*, называемая *пезуль*, *пазуль* и *пезуме*. Устраивается она на подобіе того, какъ у русскихъ, т. е. изъ плетня и земли ⁽⁸⁾. Въ стѣнахъ продѣланы *окна*, называемыя *прозорци* или

⁽¹⁾ См. М. 100_{,46}, 112_{,00}, 130_{,07}, 141_{,00}, 227_{,00}, 328_{,00}, 387_{,41}.

⁽²⁾ См. В. I, 23_{,11}, 51_{,00}, II, 117_{,07}; В. 71_{,00}, 139_{,47}, 181_{,00}, 212_{,00}, 215_{,07}, 222_{,40}, 252_{,07}; К. 76_{,00}, 94_{,00}, 101_{,00}.

⁽³⁾ См. М. 121_{,74}, 131_{,00}, 132_{,00}, 159_{,00}, 274_{,00}, 348_{,00}, 368_{,00}, 393_{,00}, 408_{,00}, 484_{,00}, 634_{,00}.

⁽⁴⁾ См. В. I, 10_{,00}; В. 112_{,11}, 200_{,00}, 255_{,07}, 275_{,00}, 290_{,00}, 296_{,00}, 309_{,00}; К. 114_{,00}, 124_{,00}, 155_{,00}, М. 70_{,00}, 159_{,00}, 177_{,07}, 289_{,00}, 592_{,00}.

⁽⁵⁾ «Остана свои куки, свои вишни сарай» (М. 159_{,00}); «ке пра'амъ куки-сарай» (М. 289_{,00}).

⁽⁶⁾ Существуетъ слово *папезеи* со значеніемъ исключительно «попсеа кѣща», т. е. дома священника. (См. Дюв. 1597).

⁽⁷⁾ «На стѣнѣтъ ѣж закачи» (В. I, 23_{,11}); «бучѣте харбии въ стѣнѣтъ» (В. I, 38_{,07}); см. также словарики къ сборнику В. В. Качановскаго подъ слов. *стена*.

⁽⁸⁾ См. Слов. Дюверн. 1611.

пръзорци (Б. I, 23₁₁₁; Д. 51; М. 133₁₉₁), *пенджери*, *пенджури* ⁽¹⁾ *баджа* ⁽²⁾ и *цаклота* ⁽³⁾. Пенджери или прозорци имѣють *стеъла*—*джамби* (М. 289₃₇₆, 408₄₁₁) и закрываются иногда *ставнями*, называемыми *облонъ* (Дюв. 1442), *капакъ* или *кюпсикъ* (Дюв. 932). Сверху болгарская къща имѣеть *покриво* или *покривъ* (Б. I, 23₁₁₁; В. 282₃₀₁; Дюв. 1741—2), т. е. *крышу*, называемую также *стръ(х)а* ⁽⁴⁾ и *ганды* (К. 119₁₁₆). Поддерживаютъ крышу особаго рода шести съ загнутыми на подобіе крюка концами, которые называются *куки*, вдоль идетъ *капа'ица* ⁽⁵⁾ или *капчугъ* (Дюв.), т. е. нѣчто въ родѣ желобка, по которому стекаетъ съ крыши дождевая вода. Они опираются на *било*, верхнее бревно домового сруба (Дюв. 95). Материаломъ для крыши служить или *солома* = *слама* ⁽⁶⁾ или *черепица* = *керамиде* (В. 222₄₁₁).

Кромѣ только что описанной къщи у Болгаръ имѣется *куня чардаклиа* (М. 408₄₁₁) или *со високи-те чардаци* (М. 393₄₁₈), т. е. двух-этажная (въ два *ката* или *пода* ⁽⁷⁾). Выраженіе *високи чардакъ* или *чардаци* употребляется почти постоянно ⁽⁸⁾, причеиъ слово „чардакъ“ замѣняется иногда словомъ *палати* или *пулати* (В. 136₁₄₇; М. 168₂₅₈) съ тѣмъ-же эпитетомъ *високи*. Снаружи чардака идутъ *тремове* или *тремо'и* ⁽⁹⁾, возвышаясь надъ нижнимъ этажомъ ⁽¹⁰⁾. Назва-

⁽¹⁾ (Б. I, 23₁₁₁; Д. 59; К. 39₁₀₇; М. 137₁₉₅, 289₃₇₆, 349₃₉₈, 408₄₂₁; Ч. 252).

⁽²⁾ «Та се качи в'рсь баджата» (В. 31₄₁); «однесе во своята къня и той си затвори баджи и мѣзгалки» (М. 2₃) «Санокъ (= всю ночь) си стояфъ на баджа-та, санокъ сумъ сеиръ гладала» (М. 368₄₀₅).

⁽³⁾ «Погледа (Никола) на цаклоту» (М. 92₁₃₇).

⁽⁴⁾ «Стрей му се бисеръ поднизане» (М. 121₁₇₄); см. также (Б. I, 23₁₁₁; Дюв. 1700 и К. 586).

⁽⁵⁾ «Гугушки се разгуга'е на твои те капа'ици». (М. 481₄₅₀).

⁽⁶⁾ «На кашта ми слама, у кашта ми слава» (К. 101₂₀₉).

⁽⁷⁾ См. Дюв. 945 и 1727.

⁽⁸⁾ См. Б. I, 51₂₄₈, 56₂₅₅, II, 96₈₁; В. 37₄₈, 76₈₃, 116₁₂₂, 158₁₆₉, 179₁₉₂, 249₂₆₉, 285₃₀₇, 297₃₂₅; К. 50₁₂₅, 83₁₇₁, 88₁₈₂, 90₁₈₆, 93₁₉₅, 131₂₇₉, 138₃₀₂, 154₃₅₀, 158₃₈₂, 214₅₂₈, 216₅₈₅, 218₅₄₅; М. 68₉₇, 69₁₀₀, 70₁₀₁, 79₁₁₁, 89₁₃₈, 153₂₄₁, 258₃₆₁, 367₄₀₄, 373₄₀₇, 628₅₀₂, 636₅₀₃.

⁽⁹⁾ См. В. 106₁₁₃, 216₂₃₇; М. 434₄₃₂, 507₄₅₉.

⁽¹⁰⁾ Заспала (Рада) на дворъ потъ тремоть» (М. 507₄₅₉).

нiю *тремове* соотвѣтствуютъ существующiя въ болгарскомъ-языкѣ слова *отводъ*—галлерей, *бухария* и *киошка* (1). Чардакъ несомнѣнно покрытъ *крышей*, надъ которой выдается иногда *баджа* или *тюнаци* (2), т. е. дымовая труба (3).

Но войдемъ теперь внутрь болгарскаго дома. Прежде всего мы поднимаемся на *крыльцо*, называемое *одъръ* (Дюв. 1468), съ досчатымъ поломъ—*потокъ* (Дюв. 1804) и отворяемъ дверь—*врати* (В. 139_{1,47}; Дюв. 272). Дверь держится на *косякахъ*, называемыхъ по преимуществу *дирекъ* (4) или *диречи*, *диредзи* (5), затѣмъ — *ступове* (В. 282_{3,4}), *колове* (К. 47_{1,19}) или—наконецъ — *стѣблове* (6). Въ основанiи въ косякахъ положенъ *порогъ*, обозначаемый словомъ *прагъ* (7) или *прадиште* (8). Диреки снабжены, вѣроятно, какими нибудь *скобами* или *кольцами*, на что имѣется въ пѣсняхъ только косвенныя указанiя (9).

Итакъ чрезъ эти *врати* мы входимъ въ самую *кѣщю* или *жю*. Въ большинствѣ случаевъ *поль* въ ней, называе-

(1) См. Дюв. 178, 964 и 1524.

(2) См. слов. при сборн. Качановскаго.

(3) Чардакъ иногда представляетъ изъ себя, по всей вѣроятности, просто вышку, съ которой можно далеко видѣть. Подтверженiе этому мы имѣемъ въ слѣдующихъ выраженiяхъ въ пѣсняхъ: «я излѣзь Яно отъ възъ на дворе да погледнеть отъ високъ чердакъ» (В. I, 56₂₈₅) и «коньо си в'рза (Стоянъ) *подъ* чердакъ, Стоянъ си качи на чардакъ» (В. 297₃₂₅). Очевидно, что чардакъ долженъ находиться отдѣльно отъ дома, если надо выходить наружу, чтобы влѣзть на него, и если можно *подъ чардакъ* привязать коня.

(4) См. В. 3₄; К. 94₁₉₉; М. 68₉₇; Дюверн. 508—9.

(5) См. а) В. 1, 222₂₄₁, 282₃₀₄; К. 124₂₈₃, 182₄₄₄, 183₄₄₉; М. 105₁₅₉, 173₂₇₆; б) М. 121₁₇₄, 634₅₀₃.

(6) См. Дюв. 509 *подъ* словомъ *дирекъ*.

(7) *Маниньки деца—прагове* (К. 47₁₁₉); «се на *прага* запрела» (=остановилась). К. 61₁₃₄ и Слов. Дюв. 1826.

(8) «Занела водица отъ черевца та илиснала на прадиште то» (К. 33₁₀₅). Дювернуа приводитъ выраженiе: «Тебе би Черно гурнала на малки врати *доленъ прагъ*» (Дюв. 1827), т. е. «бросила бы тебя, Черно, на дверь въ *нижний порогъ*». Не указываетъ ли это выраженiе на то, что какъ нижнiй брусъ въ дверной рамѣ, такъ и верхнiй называются одинаково—«*прагове*»?

(9) За *диречи* привязывается конь или прилетаются косы (К. 124₂₈₃, 182₄₄₄, 183₄₄₉) и наоборотъ—отвязываются (К. 94₁₉₉).

мый земля (Б. I, 23₁₁₃), *одъръ*, *подъ*, *потомъ* или *таванъ* ⁽¹⁾, чисто выметенъ ⁽²⁾ и только у дурного хозяина, который не прочь покутить, —, отъ тутуна (т. е. табаку) куея поплювана⁴ (М. 348₃₃₃). Мы можемъ обвинить взоромъ всю *одаю* (одау) ⁽³⁾, т. е. комнату, называемую также *прусть* (Пв. 31), *стая* ⁽⁴⁾ или *соба* ⁽⁵⁾. Она иногда довольно обширна: *широка одаа* (М. 91₁₃₃), у б р а н а к о в р а м и, почему и имѣеть эпитетъ *шарена* ⁽⁶⁾, т. е. пестрая. Сквозь *прозорци*, запираемые при помощи *мандало* или *мандалце*—особой деревянной **рогатки** ⁽⁷⁾, проникаетъ свѣтъ, который даетъ возможность рассмотретьъ всю *пожщину* (Дюв. 1743), т. е. относящееся къ дому и помѣщающееся въ немъ.

Вдоль стѣнъ стоятъ *високи диваны* ⁽⁸⁾, служащiе для болгарина и *скамьей* ⁽⁹⁾ и *ложемъ* ⁽¹⁰⁾. Такимъ образомъ въ послѣднемъ случаѣ одаа дѣлается *спальной* ⁽¹¹⁾, для названiя которой существуетъ особое слово *команъ* ⁽¹²⁾. Здѣсь

⁽¹⁾ См. Дюв. 1468, 1727 и 1804.

⁽²⁾ «Ке ме (т. е. цвѣтокъ) фѣрлатъ (=бросать) въ сретъ кѣщи, ка ке станать отъ утрина въ понеделникъ, земать метла и лопата, ке ме *сметатъ*, ке ме фѣрлатъ на бунице» (М. 387₄₁₄); «имамъ жена работна: често куея *метеше*—на трети день, на пети день» (М. 274₃₇₀); «редъ ми дошелъ, да *ометемъ* ижу» (К. 120₂₄₉).

⁽³⁾ См. В. 131₁₃₉; К. 75₁₅₉, 164₃₈₃; М. 168₁₅₈, 169₂₆₁, 180₂₆₁, 234₃₄₃, 428₄₃₀, 434₄₃₂, 475₄₄₈, 590₄₉₂, 592₄₉₂; Дюверн. 1465.

⁽⁴⁾ См. Дюв. 1153 (с. v. *лѣжа*) и 1783 (с. v. *порутенъ*).

⁽⁵⁾ «Мома Петра на плетеше въ *соба-та*» Д. 51 (Дюв. 1937); «ниѣ оба—во топла-та *соба*» М. 464₄₄₄.

⁽⁶⁾ См. В. 309₃₄₁; К. 185₄₅₅; М. 55₅₈, 88₁₃₁, 96₁₄₁, 145₂₂₂, 173₂₆₉, 193₃₀₉, 242₃₄₉, 308₃₈₄, 496₄₅₅, 500₄₅₆.

⁽⁷⁾ *Мандало* служить запоромъ и для дверей. См. Дюв. 1169.

⁽⁸⁾ См. Б. I, 23₁₁₃; В. 223₂₄₂; К. 169₃₉₅, 182₄₄₅, 216₅₃₈; М. 84₁₂₂, 96₁₄₁, 101₁₄₈, 168₃₅₈, 173₂₇₃, 180₂₈₂, 182₂₈₇, 191₃₀₄, 192₃₀₇.

⁽⁹⁾ «Марко *седитъ* на диванъ *високи*» (М. 84₁₂₂); «Тодоръ *седмалъ* на диванъ *високи*» (М. 191₃₀₄).

⁽¹⁰⁾ «Ясъ *ке легна* на диванъ *да спиа*» (М. 182₂₈₇).

⁽¹¹⁾ «Тызи *спиишь* (Момчиле) у ладны *одаи*» (К. 182₄₄₃); «ке влеза въ *шарена одаа*, ке легна да се *пресниа*» (М. 242₃₄₉); «Митре *лежитъ* боленъ по *одаа*» (М. 180₂₈₁).

⁽¹²⁾ См. Б. I, 25₁₂₆, 37₁₈₉; К. 49₁₂₄, 99₃₀₈; М. 134₁₉₂, 508₄₅₉.

постилается *легло*, *легло* (¹) или *мека* (=мягкая) *постеля*, *постелма*, *постельтя*, называемая также *бъла постеля* или *постеля басмалія* (²), а иногда — просто *рогозина* (³) т. е. **рогожа**. Для обозначенія собственно **кровати**, на которой стелется постеля, существуетъ нѣсколько особыхъ словъ: *одъръ*, *одровина*, *патъ*, *патѣцъ* и *ракла* (⁴).

Состоить постеля изъ **перины**, называемой *перница* съ эпитетами: *мека*, *шарена* (пестрая), *кумашлія* (атласная), *копринена* (шелковая) (⁵); тутъ-же лежать **подушки**, называемыя—во первыхъ — *озлавици* также *шарены* (К. 49₁₂), или *злавици* (⁶), *оламници* (М. 610₉₇) и *злавья* (К. 185₅₃), во вторыхъ — *душегъ* или *душеци* (⁷) и наконецъ — *проскефалъ* (⁸). Покрывается перина **одѣяломъ**, носящимъ названія: *завивка* (⁹), *прекрова* или *покрово* (¹⁰) и *юртанъ*, *юртанъ* (¹¹) съ эпитетами: *шаренъ*, *свиленъ* (шелковый) и *басма* (изъ узорчатаго полотна).

Кромѣ *дивана* имѣется и другая *мобилъ* или *мобель* (Дюв. 1228), т. е. **мебель** или *кѣщнина* (Дюв. 1094), напр.: **скамьи**—*скамлія* (К. слв. 585), *лавца* (Дюв. 1094), *одъръ* (Дюв. 1468), называемыя въ городскихъ болгарскихъ домахъ—*миндеръ* (¹²), *стулъ* (К. 21₆). Тутъ же, подлѣ скамліи или лавици, стоитъ **столъ**, называемый — во первыхъ—также *столъ* (¹³),

(¹) См. Б. I, 23₁₁₃; К. 121₂₅₃; Ч. 215.

(²) См. В. 112₁₁₈; К. 46₁₁₈, 113₂₂₇, 130₂₇₆, 187₄₆₁, 209₅₁₇; М. 55₆₅, 88₁₂₈, 297₃₇₉, 308₃₈₄, 397₄₁₈, 496₄₅₅, 500₄₅₆.

(³) См. В. 37₄₆, 122₁₂₈, 259₂₈₀; М. 336₃₉₈.

(⁴) См. Дюв. 1467, 1468, 1607, 2015.

(⁵) См. М. 55₆₅, 102₁₅₅, 244₃₅₀, 297₃₇₉, 336₃₉₈, 397₄₁₈, 434₄₃₂, 496₄₅₅, 500₄₅₆.

(⁶) См. К. 46₁₁₈, 113₂₂₇, 130₂₇₇.

(⁷) См. М. 297₃₇₉, 310₃₈₅; Дюв. 583.

(⁸) См. В. 37₄₆, 122₁₂₈, 207₂₂₀.

(⁹) См. В. I, 24₁₂₃; К. 46₁₁₈, 113₂₂₇.

(¹⁰) См. К. 69₁₄₆, 113₂₂₇.

(¹¹) См. В. 166₁₇₇; М. 102₁₅₅, 169₃₆₁, 297₃₇₉, 310₃₈₅, 434₄₃₂, 645₆₀₆.

(¹²) См. М. 174₂₇₅, 588₄₆₁; Дюв. 1212.

(¹³) См. В. 36₄₅, 330₃₆₀; М. 648₅₀₇, 667₅₁₃.—Замѣтимъ здѣсь, что это слово употребляется и въ значеніи *престола*: «сѣды (дете) на царскій столъ» (К. 113₃₃₁).

на которомъ хлѣбъ ѣдятъ ⁽¹⁾ и письма пишутъ ⁽²⁾, во вторыхъ—*тарпеца* ⁽³⁾, затѣмъ—*маса* ⁽⁴⁾, *прѣля* ⁽⁵⁾, *престола* ⁽⁶⁾ и набоонецъ—*софра*, *совра* ⁽⁷⁾ или *сохра* ⁽⁸⁾ съ эпитетами—*позлатена*, *златна*, *безцани камени* (т. е. соффи). Столъ покрывается салфеткой, называемой *мѣсалъ* и приготовляемой иногда изъ шерсти ⁽⁹⁾, на которую потомъ ставится всевозможная *нареда*, т. е. кушанья, питія и т. п. (Дюв. 1342).

Въ срединѣ вѣщи горитъ огонь—*огниште*, *кѣтъ* (В. слв.) или *оджакъ* ⁽¹⁰⁾. Неподалеку отъ очага стоитъ печь—*пещь* ⁽¹¹⁾ или *форуна*, *фурна* или *воруна*, *вурнѣя* ⁽¹²⁾ и *кюмбе* (Дюв. 1084). Промежутки между стѣнами и очагомъ называются *катъ* или *кланикъ* ⁽¹³⁾. Отъ этой печи идетъ по направлению къ дымовому отверстию, продѣланному или надъ очагомъ, или надъ дверью и называемому *дымникъ*, *дым-*

(1) «Столо стои, тои не слѣва, и ми кладе лѣбъ да яда» (В. 36₄₅).

(2) «Видофъ (два брата) край цѣрно то море, на столъ (=за столомъ) седе'е книа (=письмо) *пише'е*» (М. 648₃₀₇). Въ болгар. яз. имѣется и специальное названіе: *писалище* (Дюв. 1642) или *писмовникъ* (ibid. 1644).

(3) См. К. 2₆₉, 70₁₅₀, 112₂₂₈, 130₂₇₃, 136₂₉₅.—Это слово употребляется въ значеніи *столъ*—какъ предметъ и *столъ*—какъ кушанья.

(4) См. Дюв. 1175. Значеніе и этого слова двойное, подобно *тарпеца*.

(5) См. Дюв. 1961. Здѣсь приведены у Дюв. синонимы: *маса*, *столъ*, *тарпеца*, *софра*.

(6) Это слово употребляется въ двухъ значеніяхъ: *престола* и *столъ*. См. Дюв. 1884.

(7) См. К. 108₂₁₆, 137₂₉₈, 149₃₃₆, 158₃₆₄, 176₄₁₀; М. 84₄₁₇, 428₄₈₀.

(8) См. В. I, 15₇₃, 36₁₈₆.—Употребленіе послѣднихъ двухъ словъ двойное—подобно слову *тарпеца* или *маса*:

(9) «Прикры трапезѣ-тѣ съ *вѣланъ* мѣсалъ». См. Дюв. 1196.

(10) «Въ сретѣ куки огонь гореше» (М. 368₄₀₅); «на оджак-отъ—навалила силенъ оганъ» (М. 276₃₇₀). См. также Дюв. 1461.

(11) «Прѣдъ нежъ пещь ѣ огнище». *Лк. 32* (Дюв. 1461). Въ сборникѣ Милад. имѣется указаніе, что «въ кѣщи Стойна лѣпъ си пече» (М. 227₃₃₈) и что хлѣбъ печется въ печи: «опече (бѣли хлябове) на деветъ пещи» (М. 211₃₂₈). См. также Дюв. 1635.

(12) См. В. 315₃₄₇; К. 22₉₀, 124₂₆₂, 177₄₁₆, 185₄₆₂, 186₄₆₆ и слов.; М. 88₁₃₆, 145₂₂₅, 204₃₂₂, 242₃₄₉, 307₂₈₃.

(13) См. М. р. 534 словарь: *kat* и *klantik*.

мякъ или *куминь*, *коминъ* (¹), *труба*—*кюнкъ* или *кюнецъ* (²), которая иногда выдается наружу и называется *баджа* (см. выше). Труба прикрывается *вьюшкой*, для обозначенія которой имѣется слово *капакъ* (Дюв. 932) или *пюча* (Дюв. 1668). Кромѣ того въ печи устроены *отдушины*, называемыя *духло* (Дюв. 581), а въ трубѣ вдѣлана деревянная *ко-лодка*, снабженная *цѣпью* съ большимъ крюкомъ, на которомъ держатся котлы во время варки кушаній. На своемъ протяженіи цѣпь эта (= *верши*) имѣетъ еще нѣсколько меньшій крючокъ, при посредствѣ котораго она можетъ дѣлаться или короче, или длиннѣе. Весь снарядъ этотъ называется *веригница* (³).

Кромѣ очага и печи въ домѣ всегда имѣется *мангалъ*, т. е. желѣзный или глиняный *тазъ*, въ которомъ лежатъ горячіе угли. Всѣ приходящіе грѣются около него, нагрѣвается хорошо и сама комната (⁴). Иногда въ одаѣ стоятъ *сундуки*—*ковчег* и притомъ *шарени* (М. 145_{,111}, 193_{,00}); на стѣнахъ устроены *полки* (М. 280_{,77}, 661_{,12}), т. е. *полки* для посуды, *водники*—*крючки* для ведеръ съ водою и *подводники* (⁵)—доски подъ этими крючками, имѣющія тоже назначеніе, что и полицы. Кромѣ того по стѣнамъ (вѣроятно) развѣшено или только разставлено *оружіе* (⁶).

Надъ всей этой комнатою (*одая*) возвышается пото-

(¹) «Димъ и пушкѣъ (=чадъ), отъ дѣ излѣзва, зѣве ся по нѣкъдѣ си *куминъ*, а по нѣкъдѣ си *димнякъ*» Пк. 32 (Дюв. 588, 1009 и 1972).

(²) См. Дюв. 985 и 1084.

(³) «Посрѣды димняка има напрѣвы зажиздено дърво, кое зѣвѣтъ веригницѣ, защото отъ него выси закачена верига съ кука отъ едина край. Веригата има и посрѣдѣ малѣкъ кукицѣ и на долнѣй край другѣ по голѣмичкѣ; долная кука служи да закачѣтъ мѣдници (погрѣвачи) за варидбы; а срѣдняя служи да съкратавѣтъ веригѣ спорядъ потреби имѣтъ». Пк. 33. (Дюв. 215—6).

(⁴) См. Дюв. 1169.

(⁵) «Азъ го турнахъ въ подводник-отъ, капна капка удави го» (М. 280_{,77}) См. также Дюв. 1699.

(⁶) «Улезни шарены одая та си земли сабля димискія» (Е. 185_{,659}) или: «пуци го (дете Голомеше) въ шарена одаа, дега стое тешко-то оружіе» (М. 173_{,269}).

ЛОЖЬ — *таванъ* ⁽¹⁾, состоящій изъ досокъ, наложенныхъ на **перекладыны**, которыя называются каждая—*греда* ⁽²⁾. **Щели** (= *дупки, цепотины*) между досокъ замазываются обыкновенно коровьимъ пометомъ ⁽³⁾.—Въ этой же общей комнатѣ имѣется *скривалище* или *яма*, т. е. комната безъ оконъ, сокрытая очень искусно въ стѣнахъ и служащая для хранения всякихъ драгоценностей. Подъ поломъ устраивается иногда *зимникъ*, соответствующій вполне русскому **подполью** (**подполу**), гдѣ з и м о й сохраняется вино и всякія овощи. (Пс. 31).

Поднимаемся теперь по **лѣстницѣ**, называемой *скали* (М. 605₉₈) или *лэси* (К. слв.), **ступени** которой носятъ названіе *греда* или *грѣда* (Дюв. 407, 411),—поднимаемся въ **двери**—*вракя* (М. 393₁₁₈), ведущей на *высоки чардакъ*. Высота его, ширина и длина бывають иногда одинаковы ⁽⁴⁾. Въ немъ, какъ и въ нижнемъ этажѣ, имѣется *одаа* или *одая*, также *шарена* ⁽⁵⁾ или *ладна* ⁽⁶⁾ (холодная), съ **окнами** — *джамо'и* (= стекла) ⁽⁷⁾. Здѣсь также разставлены *търпези* (К. 83₁₁₁) и *дивани* (М. 628₀₂) съ *копринени перници* (М. 628₀₂), *шарени душеци* (М. 153₄₁) или *шилтина* (М. 628₀₂), которыя также покрываетъ *шарени јорганъ* (М. 258₆₁). Окна на чардакъ нерѣдко украшаются особаго рода **рѣшеткой**, называемой *пармаци* или *пармадзи* ⁽⁸⁾; въ этимъ словамъ почти

⁽¹⁾ См. Б. I, 23₁₁₃ и Кач. слов.

⁽²⁾ «И греди за тавани-те» (Д. 5, 19). См. также: В. 31₄₁; М. 263₈₆₄, 533₄₇₀, 660₈₁₁. — Качановскій въ словарикѣ своемъ приводитъ слово *греда* съ значеніемъ малоросс. *гряда*, которое по слов. Желеховскаго означаетъ: «über dem Ofen hervorstehendes Gerüst (Bretter, Geflecht) zum Aufbewahren des Geschirres u. zum Dörren mancher Früchte», что вовсе не подходитъ къ болгарскому значенію слова *греда*.

⁽³⁾ «А на таванъ-тъ дупки-тъ (цепотины-тъ) были замазаны съ краве лайно» (пометь). У. 238 (См. Дюв. 1096).

⁽⁴⁾ «Направи и високъ чардакъ; колко е високъ, толко е широко» (В. 249₂₆₉).

⁽⁵⁾ См. М. 258₃₆₀, 423₄₂₇, 628₆₀₂.

⁽⁶⁾ См. К. 83₁₇₁, 216₅₃₅.

⁽⁷⁾ «Куки немашъ, високи чардаци, шарени одаа, уба'и джамо'и» (М. 423₄₂₇).

⁽⁸⁾ См. М. 168₂₅₈, 177₂₇₇, 373₄₀₇, 393₄₁₆, 605₄₈₆.

постоянно присоединяется эпитетъ *дробни* или *чести*, т. е. частой, плотной. Кроме того имѣется здѣсь *полица*— что-то въ родѣ скамейки (¹), здѣсь-же виситъ иногда люлька—*люлтл*, *люльчица* (К. 47_{1,0}; М. 49_{5,7}), въ которой баюкають дѣтей (²). Приходятъ сюда на чердакъ и посидѣть, и пообѣдать, „*коприну прясть*“ (В. 179_{1,0}) и вина выпить (³).

Изъ пѣсенъ не видно, чтобы домъ дѣлился внутри на части, т. е. чтобы въ немъ находилось нѣсколько комнатъ. Только изъ словаря Дювернуа мы можемъ извлечь нѣсколько данныхъ, указывающихъ на то, что болгарскій домъ имѣеть отдѣленія, называемыя *раздѣлка* (Дюв. 1996); для этого устраиваются *перегородки*—*преграда* или *преградка* (Дюв. 1842). При помощи этихъ перегородокъ образуется—во первыхъ: *передняя*—*прустз*, темная комната, предназначенная между прочимъ для сундуковъ съ платьемъ (Дюв. 1957), затѣмъ—*столован*—*добрувалиште*, *трапезариа* (Дюв. 524) и также *прустз*; *гостинная*—также *прустз*, можетъ быть только отдѣльно отъ другихъ комнатъ; относительно этой гостинной Дювернуа приводитъ любопытную выдержку изъ одной болгарской книги: „слово прустъ въ старински нѣкои български кѣшти е студена лѣтна одая, чиста за гостіе“ (Дюв. 1957); изъ другихъ комнатъ указывается въ словарѣ на *дѣвственникъ*, назначаемый для молодыхъ (Дюв. 479), указывается и на нѣчто въ родѣ купальной комнаты—*стай* (⁴). Въ комнатахъ, можетъ быть какъ предметъ роскоши, имѣется иногда *гардеробъ*—*взстрѣбъ* (⁵), *шкафъ* въ стѣнѣ, имѣющій нѣсколько отдѣленій—*ракла* (Дюв. 2015), надъ кроватью имѣется *пологъ пердѣ*; слово это означаетъ также за на-

(¹) «Сѣ накачи (Мара Баирка) на чардак-отъ, сѣ приседна на полица» (М. 367₄₀₄).

(²) «Седнала кралювица... на високи те палати, край чести-те пармаци дете люля» (М. 168₇₅₈).

(³) «Наведе га на високи чарлаци на изнесе това руйно вино» (К. 138₃₀₂).

(⁴) «Стантѣ, които служатъ за кѣпане въ корито (лѣжитѣ), не трябва да служатъ за четене» (См. Дюв. 1153 подъ словомъ *лѣжа*—корыто).

(⁵) «Встрѣбъ—мѣсто, гдѣто ся турять дрѣхы-те. Ч. 121 (См. Дюв. 327,

в ѣ с к у или ш т о р у.—Все только что указанное нельзя считать принадлежностью каждаго дома,—я думаю, что это встрѣчается только въ городахъ.

Таково устройство болгарской еѣщи. Чтобы дополнить наше описаніе, посмотримъ, что за матеріалъ (*градиво* и *кересте*; Дюв. 400, 957) употребляется для постройки. Прежде всего, конечно,—дерево въ видѣ бревенъ (*соха*; ср. *креда*), затѣмъ—досокъ⁽¹⁾ (= *дѣска*, *штаница*; К. слв.) наконецъ—прутьевъ (*прѣтъ*, *прѣтъ*). Особенно интересна постройка послѣдняго рода. Въ одной пѣснѣ у Верковича мы читаемъ: „три девойке... идать въ гора (*мѣсъ*) да отсекають четири сохи (*бревна*) высоки, да направеть высокъ чардакъ“ (В. 116₁₁₈). Вѣроятно, что эти четыре бревна ставятся по угламъ, а промежутки между ними уставляются кольями и закладываются прутьями, что и называется *преплѣтъ*⁽²⁾ или *преплите* (К. 47₁₁₉). Образовавшійся плетень замазывается бѣлой глиной или известкой—*варъ*, *киречь* (Дюв. 197, 965) или *бѣлка*, *бѣлопрѣстница* (Пв. 31)⁽³⁾.—Кромѣ того, матеріаломъ для постройки служитъ *кирпичъ*, называемый или *керпичъ*, *кърпичъ* (В. 1; М. 665₅₁₈; Дюв. 966), или *керамида*, *черамида* (В. 1; Дюв. 957; К. слв. 591), *плита* и *плитня* (Дюв. 1666—67) или—наконецъ—*тугла* (К. 10₇₉ и 588 слв.); употребляется и простой *камѣнь*⁽⁴⁾ или каменные плиты—*плова*, изъ которыхъ тонкія идутъ главнымъ образомъ на крышу (Дюв. 1668).

(1) Кѣшта-та изгорѣ, дѣска по дѣска падахѣ. (В. II, 117₈₇); «чисти дѣски за подѣстѣните». Д. 5, 18 (См. Дюв. 586).

(2) «И редомъ колци за стѣните (да сберѣ), добри прѣтѣ за преплитанѣ... за повивъ коли юнаци погодени, за преплеть прѣтѣ моми неженени». Д. р. 9, 10. (См. Дюв. 1872).

(3) Такого рода постройка употреблялась уже давно на югѣ Россіи. Такъ на Траяновой колоннѣ (Пв. по Р. X.), мы имѣемъ уже изображеніе подобной постройки: на углахъ поставлено вертикально 4 бревна, промежутки же забиты досками. См. «Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества» статья гр. Уварова: «Жилища; деревянныя постройки».

(4) «Годеникъ-тъ вади камѣнѣ и гѣ вози за направѣ на еѣщѣ или оградѣ». Ч. 72 (См. Дюв. 1462 подѣ словомъ *ограда*).

Посмотримъ теперь на другія *прирады* (Дюв. 1901), т. е. *пристройки* и *службы*, находящіяся на дворѣ Болгарина. Прежде всего около кѣжши и ютится *чуланъ—задница* (Дюв. 672) и *кльѣтъ—задникъ* ⁽¹⁾, назначаемый для молодыхъ. Въ чуланѣ хранится все почти имущество болгарина и сѣстные припасы. Противъ дома или нѣсколько въ сторону устраивается *пешникъ* — простой навѣсъ на четырехъ столбахъ съ печью подъ нимъ, въ которой лѣтомъ пекутъ хлѣбъ и приготавливаютъ другую пищу. На заднихъ столбахъ устроены колышки, на которыхъ владутся печныя лопаты, вочерги (*ожягъ*) и помело (*помьтъ*) ⁽²⁾. Челю печи (= *уста печины*) закрываются нарочно приготовленной каменной плитой—*пюча* (*ibid.*).

Невдалекѣ отъ дома, нѣсколько къ сторонѣ, помѣщается *погребъ*, вырытый въ землѣ, почему и называется главнымъ образомъ *зевникъ* ⁽³⁾, *земникъ* ⁽⁴⁾ или *зимникъ* ⁽⁵⁾, съ эпитетами—*темни земницы* или *зимницы* и *ладны* (= хладны) *зевницы*. Кромѣ того существуетъ нѣсколько другихъ названій, напр.: *изба* ⁽⁶⁾—*глубока*, *тѣмна* и *студкна*; *земни клетки* ⁽⁷⁾, *длубоке подрумы* (К. 142₃₁₅), *подница* (Дюв. 1713), *понница* (Дюв. 1765), *понджа* (Дюв. 1766), *потонъ* (Дюв. 1804), *пивница* (К. 27₉₇) и наконецъ—*керали* ⁽⁸⁾, *килери* ⁽⁹⁾, *киляре* и *килари* ⁽¹⁰⁾ съ постояннымъ почти эпитетомъ—*земни*. Главнымъ назначеніемъ погреба служить хранить *руйно вино* ⁽¹¹⁾,

⁽¹⁾ См. Б. I, 23₁₁₅ прим.

⁽²⁾ См. выдержку въ слов. Дюв. стр. 1634.

⁽³⁾ См. К. 75₁₅₉, 83₁₇₂, 87₁₈₀, 92₁₉₂, 104₂₁₁, 182₄₄₅, 186₄₅₇, 188₄₆₂; М. 89₁₈₃; также Дюв. 766.

⁽⁴⁾ См. В. 287₃₁₂; К. 61₁₃₄, 71₁₅₁, 88₁₈₁.

⁽⁵⁾ См. Б. I, 15₇₅, 17₈₇, 23₁₁₈, 25₁₂₆; М. 172₃₆₆.

⁽⁶⁾ См. Б. I pp. 112—114; Дюв. 799.

⁽⁷⁾ См. Дюв. 977.

⁽⁸⁾ См. М. 144₂₁₈, 144₂₂₁, 189₃₀₁, 191₃₀₄, 201₃₁₉, 468₄₄₅, 590₄₉₂.

⁽⁹⁾ См. М. 259₃₆₁, 341₃₉₅, 383₄₁₃, 385₄₁₃, 412₄₂₂, 439₄₃₄.

⁽¹⁰⁾ См. В. 252₂₇₃; М. 341₃₉₅; также Дюв. 961.

⁽¹¹⁾ См. В. 287₃₁₂; К. 61₁₃₄, 75₁₅₉, 87₁₈₀, 88₁₈₁, 142₃₁₅; М. 590₄₉₂.

беречь шарени ковчедзи или сандаци (¹) съ рудо юначко или листо рудо, съ платно бобучерно, свильни пелени или-же хранить оружје хозяина (²).

У болгарина имѣется особое помѣщеніе для мясины (= *пльва*), употребляющейся въ кормъ скоту, которое называется *пльвникъ*, *пльвня*, *племна*. Онъ устраивается изъ плетня или камней и покрывается соломой или черепицей (³).

Скотъ,—лошади и коровы, овцы, свиньи помѣщаются въ *хлѣву*, называемомъ *хлѣвъ* или *хлавъ* (К. 590 слв.) и *вражъ* (Дюв. 404). Это—большей частью—продолговатое помѣщеніе, вырытое нѣсколько въ землѣ, стѣны котораго вымазываются бѣлой глиной или известкой; крышей служить настилка изъ прутьевъ или черепица (⁴). Для хлѣва имѣется достаточно названій, смотря по тому, какія животныя въ немъ помѣщаются.

Конюшня особенно богата названіями; такъ она именуется, во 1-хъ—*конюшница* или *конюшница* (⁵), во 2-хъ—*кашта потземница* (⁶), т. е. подземный домъ или помѣщеніе, затѣмъ—*земни керали* (⁷), *оборъ* (Дюв. 1444), *подникъ* (Дюв. 1713) и наконецъ—*яхъары* (⁸), *яхеры*, *яерьъ* (⁹), *яхыры*, *акхъръ* (¹⁰). Первое названіе имѣеть при себѣ почти постоянно эпитетъ

(¹) См. В. 252₂₇₃; К. 83₁₇₂, 92₁₉₂, 182₄₄₅, 186₄₅₇, 188₄₆₂; М. 172₂₆₆, 189₃₀₁, 201₃₁₉, 259₃₆₁, 341₃₉₅, 383₄₁₂, 385₄₁₃, 412₄₂₂, 432₄₃₄, 468₄₄₅.

(²) «Да улезнешь у ладне дзевници, да узмешь саблю ржавицу» (К. 186₄₅₇).

(³) «А за пльву имѣтъ особнѣхъ покритѣхъ отъ сламѣхъ или скѣделы стаѣхъ тоже отъ пертъя, а некои си отъ зидѣ каменѣхъ, какѣхъ зывѣтъ *пльвникъ*». Пк. 35 (Дюв. 774, 1662). См. также слов. Качан.

(⁴) «Хлѣвъ е обычно дълговата стая въ земѣхъ ископана нѣболко стѣна на долу и отъ страны съ каменѣхъ зидѣ измазана» Пк. 35 (Дюв. 774).

(⁵) См. В. 287₃₁₂, 301₃₂₉; М. 65₉₈, 88₁₂₈, 101₁₄₈, 123₁₇₈, 143₂₁₃, 173₂₆₉, 189₃₀₁, 201₃₁₉.

(⁶) «Слѣзела е Тодора кашти подземници, наседа бърза коня» (В. 123₁₂₉).

(⁷) «Влези си во земни керали, подседай ми боня шареного» (М. 96₁₄₁).

(⁸) См. К. 18₈₃, 155₃₅₂, 169₃₉₇, 183₄₄₇, 185₄₅₃, 186₄₅₇, 210₅₁₈.

(⁹) См. К. 50₁₂₆, 69₁₄₆, 87₁₇₉, 131₂₇₉, 156₃₅₅, 158₃₆₄, 191₄₇₂.

(¹⁰) См. В. I, 23₁₁₃, II, 89₅₀; К. 86₁₇₈, 107₂₁₅, 200₄₉₃; М. 326₃₉₀; Дюв. 41.

темни, а послѣднія—*ладны*. Нѣкоторыя изъ приведенныхъ словъ прекрасно показываютъ, что конюшня вырывается нѣсколько въ землѣ (*земни керала, кашта потземница*), не имѣетъ оконъ, почему она и *темна*, недостаточно защищена отъ холода, почему и *ладна* (хладна). Въ ней имѣются *ясле* ⁽¹⁾ (—*ясли*), въ которыя закладывается воръ для лошадей.

Овчарня также носитъ нѣсколько названій, напр.: *полта* ⁽²⁾, *кошары, кошери* ⁽³⁾, *еврекъ* или *трянкъ* ⁽⁴⁾, *тжрло, терло* ⁽⁵⁾, *мандра, мандричка* ⁽⁶⁾, *кшила* (Дюв. 1088)—зимняя овчарня, *бачило* ⁽⁷⁾, гдѣ вапираютъ стадо или на-ночь, или на зиму и *бачія* ⁽⁸⁾—загонъ для доенія овецъ.

Свиной хлѣвъъ называется *кочина* или *кочанъ* (Дюв. 1029), *курунный*—*курникъ* (Дюв. 1075), *комшарникъ* (ibid 997), *кочекъ* и *кочина* (ibid. 1029).

У Болгарина на дворѣ имѣется помещеніе и для зернового хлѣба—*амбаръ* или *хамбаръ* ⁽⁹⁾, раздѣленный на *сушви*, называемые *сѣстыцы* (Пл. 35) или *сѣк'и* ⁽¹⁰⁾; удѣлено мѣстечко и для дровяного сарая—*дровника* (Дюв. 569).

Рядомъ съ плѣвникомъ, описаннымъ нѣсколько выше, устроена еще плетневая *обграда*, гдѣ хранится сѣно

⁽¹⁾ «Бѣгай, курво, предъ коне у ясле!.. Она си ишла у ясле, предъ коня у ясле легла» (К. 130₂₇₆).

⁽²⁾ См. К. 212₅₃₀ и слов.

⁽³⁾ См. К. 98₁₀₅₇; «Запалила съм девет кошери, девет кошери съ млади овчери, кошери горѣжт, агнета горѣжт, овцете блѣжт, ара са дига» Д. 56, 8—17 (Дюв. 1030).

⁽⁴⁾ «*Еврекъ*—место у овчарницы, гди се яганци притвараю, да не би сисали матери» (В. слв.); см. также. В. 136₁₄₄ и Дюв. 594; «малко надалечко отъ вѣщи той си изгради единъ *трянкъ* за овчици тѣ» (Дюв. 594).

⁽⁵⁾ См. К. 119₂₄₈; М. 206₃₂₄, 234₃₄₈.

⁽⁶⁾ См. В. 155₁₇₅, 281₃₀₂; также Дюв. 1170.

⁽⁷⁾ См. В. 307₃₅₉ и слов.; М. 91₁₃₆, 205₃₂₈, 206₃₂₄, 472₄₄₇ и Дюв. 64.

⁽⁸⁾ См. М. 140₁₉₉ и Дюв. 64.

⁽⁹⁾ См. В. 255₂₇₇, 265₂₈₆; К. 214₃₂₇; М. 55₉₀, 234₃₄₈, 257₃₆₀, 481₄₈₁, 481₄₅₀, 566₄₅₃, 638₅₀₄. См. также Дюв. 29.

⁽¹⁰⁾ «Наполнамъ големи амбари, исполнамъ големи сѣкани» (М. 566₄₈₂)

и солома⁽¹⁾; послѣ молотбы хлѣба на гумнѣ. Гумно (В. 315₄₇), называемое также *врахъ*, устраивается въ самомъ дворѣ, въ срединѣ его или нѣсколько въ сторонѣ; въ самомъ центрѣ гумна вбитъ *колъ* называемый *стожаръ*⁽²⁾.

На дворѣ роется иногда *колодезь*, называемый *кладенуцъ*⁽³⁾, *чешма*⁽⁴⁾, *бунаръ*, *бунарче*⁽⁵⁾ или *възель* (Дюв. 312), иногда разуерашенный, почему и получаетъ эпитетъ *шарена чешма*⁽⁶⁾ или *бъла чешма* (М. 239₄₄). Гдѣ нибудь въ сторонѣ отведено мѣсто для навоза, собираемаго изъ хлѣвовъ⁽⁷⁾; этотъ навозъ носить названія: *бунимте*⁽⁸⁾, *дубре* или *дубриште*⁽⁹⁾, *губре* (Дюв. 437), *боклука* (Дюв. 130), *буклука*, *смътъ* (Дюв. 167) и *купище* (Дюв. 1073).

На дворѣ иногда можно видѣть возвышающееся *дерево*⁽¹⁰⁾, подъ которымъ виситъ *молька*, *леляйка*⁽¹¹⁾; это посланъ *одаръ*⁽¹²⁾.

(1) «Покрай плѣвника има друга обграда отъ плѣтъ, дѣ имѣтъ купн отъ сѣно, финь, борчакъ, просяница и друг.» Пк. 35 (Дюв. 1952).

(2) «Въ общаѣ обградѣ посрѣдѣ или настранѣ е оставлено празно уравнено мѣсто за *врахъ* (гумно—хърмацъ), дѣ си върхѣтъ жито и други, а на срѣдѣ враха има забитъ колъ, кого звѣжтъ *стожаръ*». Пк. 35 (Дюв. 274).

(3) См. К. 104₂₁₁; М. 145₂₂₅, Дюв. 972.—Колодезь имѣется не только внутри дворовъ, но и передъ ними, среди села и даже «край села» (См. К. 49₁₂₃, 147₃₂₆; М. 185₃₈₅).

(4) См. К. 112₂₂₄; М. 239₃₄₆, 605₄₀₆.

(5) «Влеза на дворѣ кет' иста'а, ак не бунаръ триста сѣжни глобокъ» (М. 142₂₀₅). См. также В. 4₅; М. 38₃₈, 372₄₀₆; Дюв. 172.

(6) См. К. 49₁₂₃, 112₂₂₄, 147₃₂₇.

(7) «Торъ-тъ (губре), что ся бира по хлѣвовети (ахъръ), бива двоаякъ» (Дюв. 41 и 437).

(8) См. Б. II, 88₃₈; В. 10₁₆; К. 49₁₂₅; М. 37₃₇, 302₂₈₁, 305₂₈₈, 576₄₈₇; Дюв. 173.

(9) «Она (майтя) си зема сѣкира и уби млади Стояна и погребѣ го у дубре» (К. 72₁₅₄); «тогова казѣ овенъ караджѣ: да рите това дубриште, тува е млади Стояне» (К. 72₁₅₈).

(10) «На сретѣ двори едно сухо дърво» (М. 106₁₈₁); «живникнала яболшница стрѣде дворѣ песочина» (М. 622₅₀₀).

(11) См. В. II, 64₁₁; К. 113₂₂₆; М. 194₃₀₉.

(12) «Потъ круша та има еденъ шаренъ одаръ...» (М. 469₄₄₆); «може спѣеть стрѣде дворѣ—на одаротъ» (М. 354₄₀₀).—Относительно *одаръ* см. также В. I, 23₁₁₈; М. 507₄₅₉, 524₄₆₆, 645₅₀₆.

или *постелка* (¹); тутъ же имѣются по временамъ и *столове*— въ данномъ случаѣ—*скамьи*, потому что употребляются для сидѣнья (²), иногда можно видѣть *просторе*, т. е. *песты*, на которыхъ развѣшивается бѣлье для просушки (³). За дворомъ или за домою красуется садъ (съ огородомъ), называемый *градина* (⁴), *баща*, *башта* (⁵), *багча*, *бабча* (⁶), *азбабча* (М. 570₁₃₃), *бастанъ* (⁷), *пилеворъ* или *пеливолъ* (Дюв. 1639) и наконецъ *саджца* (М. 621₅₀₀).

У Болгаръ имѣется, судя по пѣснямъ, *баня* (⁸), изъ которой „*Яна идетъ измѣна, истриена исклпана*“ (⁹); эта баня *теплая* (М. 440₁₃₃), но какъ она устроена, пользуясь только одними пѣснями, мы окончательно ничего не можемъ сказать за отсутствіемъ данныхъ.

Таковъ видъ болгарскаго двора со всѣми постройками; это—усадебъ въ нашемъ смыслѣ этого слова: все подъ руками, все въ порядкѣ, всякому живому существу и всякому предмету назначено свое мѣсто,—и все это собрано въ одной *обградѣ*, въ извѣстныхъ точно опредѣленныхъ границахъ.

Чтобы закончить—собственно говоря—перечень болгарскихъ построекъ, я долженъ назвать еще нѣсколько.—Въ

(¹) «Помети равни двори и постели пѣстрѣ постельѣ» (Б. I, 8₅₇); «си посла рамни дворъ и си посла мека постеля» (М. 468₄₄₃) «постелка му зелена мурава, завивка му отъ горѣ листѣ то» (Б. I, 24₁₃₂).

(²) «У двори ми среберни столе, на столе сѣды Иванъ Господаръ» (К. 101₃₀₉); «седне у дворево—на столове» (К. 19₂₄); см. также К. 18₂₃.

(³) «Вънка изляла басмѣ пелена да простне на позлатени просторе (=прѣте по които ся простиратъ дрѣхъ за сушеніе)». Дюв. 1948.

(⁴) См. Б. I, 4₃₇; В. 31₄₁, 113₁₁₈, 147₁₅₇; К. 9₇₆, 113₂₇₇; М. 111₁₃₅, 134₁₃₈, 270₂₆₈, 379₄₀₉, 381₄₁₀, 389₄₁₅.—Въ указанныхъ пѣсняхъ нѣрѣдко можно встрѣтить такое выраженіе, какъ: «затъ кашта та въ градина та». (См. В. 31₄₁, 147₁₅₇; М. 379₄₀₉, 381₄₁₀).

(⁵) См. В. 68₇₇, 200₂₁₃, 260₂₈₁, 277₃₀₈; К. 63₁₃₈.

(⁶) См. М. 185₂₈₅, 187₂₉₇, 327₃₉₁, 335₃₉₃, 357₄₀₁, 364₄₀₃.

(⁷) См. М. 427₄₃₀ и Дюв. 139.

(⁸) См. В. 68₇₇; М. 417₄₂₅, 426₄₃₉, 440₄₃₅.—Дюв. не замѣтилъ этихъ цитатъ въ сборникахъ пѣсенъ, почему не приводитъ ихъ, а даетъ только значеніе «минеральный источникъ» (Дюв. 57). Одно значеніе таково и есть.

(⁹) См. М. 417₄₂₅, 426₄₃₉.

пѣсняхъ очень часто фигурируетъ *меана* или *меана*, *меана* (¹), т. е. *кабачокъ*, называемый также *керма* или *к'рма* (²), *пшеница* (Дюв. 1637); это любимое мѣстечко героевъ—гайдуковъ, которые собираются сюда попить „вино и люта равія“. Слова *меана*, *крма* почти постоянно сопровождаются эпитетами *ладна*, *ладни*,—потому ли, что въ ней освѣжаются, или потому, что сама *меана* не отличается тепломъ. Въ одной пѣснѣ *меана* отождествляется съ *земляной*—*званица* (³), что проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на способъ ея постройки. Разъ она роется въ землѣ, то немудрено, что она и холодна—*ладна*.

Часто также встрѣчаемъ мы въ пѣсняхъ *темница*, *тюрьма*, называемая *темница*, *тевница* (⁴) или *зиданъ*, *занданъ*, *занданъ* (⁵). Конечно, она не представляетъ ничего привлекательнаго, и поэтому къ ней прилагается эпитетъ *темна* и даже *черна темница* (М. 106_{1,60}). Изъ чего и видѣтъ она строится, вообще—сказать трудно, въ одной только пѣснѣ она названа *дервена*, т. е. *деревянная* (⁶). Можно предполагать, также на основаніи одной пѣсни, что *тавница* бываетъ и на дворѣ: отъ нея (говорится въ этой пѣснѣ) и до дома идетъ *сеньтя*, т. е. *навѣсъ* (⁷), конечно не вездѣ и не всегда, надо думать, это бываетъ. Затѣмъ иногда въ пѣсняхъ указывается на *башни*, устраиваемыя во дворѣ (⁸) или отдѣль-

(¹) См. К. 39₁₀₆, 132₂₈₆, 133₂₈₉, 138₃₀₃, 204₅₁₄; М. 126₁₈₃; 127₁₈₃; Дюв. 1202.

(²) См. В. 304₃₀₅, 315₃₄₈; К. 199₄₉₁; М. 124₁₈₀; Дюв. 1062.

(³) «Та улезне (Марко) у ладне *меане*, ка улезна у ладне *званица*, тамо найде шесдесе айдуци». К. 139₃₀₆.

(⁴) См. В. 215₂₂₇, 321₃₅₄; К. 19₈₅, 39₁₀₈, 114₂₃₂, 216₃₃₂; М. 106_{1,60}, 141₂₆₁.

(⁵) См. В. 96₁₀₃; К. 83₁₇₀, 113₂₂₉, 123₂₅₈, 132₂₈₂; М. 67₉₃, 78₁₀₉, 138₁₉₆, 189₃₃₆; Дев. 788.

(⁶) «Отворилъ (Ангель тевничаръ) до деветь *дервене тевнице*» (К. 114₂₃₂),

(⁷) «На дете мама сеньтю правила, сеньтю одъ тавнице до сараѣ» (К. 114₃₃₃).

(⁸) «Бутна коня, презъ кале прелетнело... пообори тѣ високи чардаци» (К. 218₃₄₅); «Отишелъ Митра Нейти на дворе и излезе на куле високе» (К. 86₁₇₇).

но: ⁽¹⁾ для защиты отъ враговъ. Эти башни, называемыя *кале* ⁽²⁾, *кула* ⁽³⁾ или *батъ* ⁽⁴⁾; отличаются своей высотой ⁽⁵⁾; онѣ снабжены отверстіями (звратно для орудій) и окнами ⁽⁶⁾, построены, какъ говорится въ пѣснѣ, на временномъ основаніи ⁽⁷⁾ и сами сдѣланы изъ камня.

Изъ хозяйственныхъ построекъ должны быть указаны еще мельницы—мельница (М. р. 534, Дюв. 1189)—водяныя, называемыя *воденици* ⁽⁸⁾, *комларжа* (Дюв. 1001), и вѣтрянки — *вртенки* (Дюв. 292), *жержа* (*ibid.* 626). Въ нихъ конечно имѣется поставъ—*витель* (Дюв. 299), а въ водяной мельницѣ—*колесо—окно* (М. 265_{...});—*кузница—ковачница* (Дюв. 989), *кожемятня* или *сукновальня—валявица, вальяца* ⁽⁹⁾, *сальный заводъ—муджийница* (Дюв. 1248) и *складъ, складочный магазинъ—сламница* или *магазинъ* (Дюв. 1154).

Изъ другихъ построекъ, встрѣчающихся въ пѣсняхъ, но находящихся въ городахъ, назовемъ *кофейни—кафене* ⁽¹⁰⁾ или *кавене* ⁽¹¹⁾ и *салхана* ⁽¹²⁾—*бойня*; эти кофейни и салханы необходимы для болгарина, почему онѣ и говорятъ объ нихъ въ своихъ пѣсняхъ.

⁽¹⁾ «Я сумъ бѣла на Дунавъ на кула-та». М. 504₄₅₀.

⁽²⁾ См. Б. I, 15₇₅; К. 218₅₄₅; М. 10₉; Дюв. 917.

⁽³⁾ См. К. 86₁₇₇, 208₅₁₃, 211₅₁₉; М. 504₄₅₉, 517₄₆₃; Дюв. 1068.

⁽⁴⁾ «Рѣчь батъ значи по старо-български зданіе високо или крѣпость» (Дюв. 62).

⁽⁵⁾ «Отишелъ Митра Нейти на дворова и излезе на куле високе» (К. 86₁₇₇) «заградила Самовила вито кале ни на небе, ни на земя, загради го въ темень облакъ» (М. 10₉).

⁽⁶⁾ «Градиль (Димитре) кула камена сая съ седемдесе мазале (отверстіе) сая съ седемдесе пенджере (окно)». (К. 211₅₁₉). См. также Дюв.: *мазала* (р. 1158), *мзгала*, *мзжгала*, *мзгалка* (р. 1254).

⁽⁷⁾ «Дай ми Боже есенски дожеи, да откорнятъ (=чтобы отстала, отлепилась) кула отъ кремена» (М. 517₄₆₃).

⁽⁸⁾ См. К. 181₄₃₉, 216₅₃₁; М. 113₇₇₁, 137₁₉₅, 265₃₉₅, р. 531; Дюв. 259.

⁽⁹⁾ См. К. 181₄₃₉, 216₅₃₁; М. 137₁₉₅, 265₃₉₅; Дюв. 190.

⁽¹⁰⁾ См. Б. I, 37₁₈₈; К. 39₁₀₆; Дюв. 947.

⁽¹¹⁾ См. К. 209₅₁₅; Дюв. 906.

⁽¹²⁾ «Отправилъ Стоянтъ на Стамбулъ новъ салканъ хилядо овни» (Б. I, 19₉₆).

Мнѣ остается еще упомянуть только о лѣтнемъ жилищѣ—~~шатрѣ~~—*чадаръ, чадоръ* (1), дѣлающемся изъ полотна, а потому и называющемся *бѣли*, т. е. бѣлый; затѣмъ укажу на *шалапъ* овчара, въ которомъ онъ проводитъ лѣтнее время,—шалапъ, называемый *одая* (Дюв. 1465).

Передъ нами получается такимъ образомъ нѣкоторая картина болгарскаго жилища и различныхъ относящихся къ нему построекъ. Интересно было-бы теперь опредѣлить, насколько болгары самостоятельны въ дѣлѣ стройки, насколько они удержали древній, общеславянскій характеръ жилья, и насколько они позаимствовали отъ другихъ народовъ. Я не имѣю другого орудія для рѣшенія этого вопроса кромѣ какъ только языка,—орудія во многихъ отношеніяхъ всетаки несовершеннаго и недостаточнаго для даннаго случая. Всетаки, насколько буду въ силахъ, попытаюсь сдѣлать это.

Я приведу въ алфавитномъ порядкѣ указанныя мною названія жилища и построекъ, укажу, которыя изъ нихъ др.-слав. происхожденія, болгарскаго, затѣмъ—которыя изъ этихъ названій заимствованы и изъ какаго языка. Насколько возможно будетъ для меня, постараюсь отмѣтить, съ какаго вѣка имѣются извѣстныя слова въ древнѣйшихъ славянскихъ памятникахъ, и въ какихъ значеніяхъ употребляются они въ прочихъ славянскихъ нарѣчіяхъ (2).

(1) См. В. 76₈₅; М. 87₁₂₅, 88₁₂₆, 155₂₄₆, 158₂₄₈, 174₂₇₅.

(2) При этомъ я пользовался слѣдующими пособіями: 1) для опредѣленія вѣковъ, съ которыхъ начинаютъ встрѣчаться извѣстныя слова—трудомъ Миклошича: *Lexicon palaeo-slovenico-graeco-latinum* (MLP); для указанія, въ какихъ нарѣчіяхъ употребляется какое нибудь слово,—трудами Миклошича: «*Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*» (MEW.) и Будиловича: «*Первобытные славяне въ ихъ языкъ, бытъ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ*» (Будил.); для проверки указываемыхъ ими значеній обращался къ словарямъ: сербскому—Лавровскаго, чешскому—Кочечнаго (Кочесу), хорутанскому—Янежича (Janezic), польскому—Бартошевича; малорусскому—Желеховскаго и русскому—Дала; при указаніи турецкихъ словъ, заимствованныхъ болгарами, пользовал-

- 1) **азбафча**—садъ. Слово турецкое (см. **бафча**).
- 2) **амбаръ, хамбаръ**; это слово имѣется съ одинакимъ значеніемъ въ русскомъ яз.—**амбаръ**, малорусск. **амбаръ, оимбаръ**, сербск. **амбар**, словацк. **hambar** (MEW — Будил.); происхожденія турецкаго: **ambar**; араб. **em-bar, ambar** (Дюв.).
- 3) **ажъръ**—конюшня — имѣется еще на почвѣ сербскаго нарѣчія: **ажар, хар**; происходитъ отъ турецк. **âkhor** (Дюв.—MEW). Срв. **ажыръ**.
- 4) **бадѣа** 1)—овно; 2)—дымовая труба; въ послѣднемъ значеніи имѣется и въ сербскомъ языкѣ; происходитъ 1) отъ турецко-персидск. **bad'za** (Ценк.), 2) — отъ персид. **badja** (Дюв.).
- 5) **баня**—баня; встрѣчается въ значеніи „купальна“, „мѣсто гдѣ моются“ еще въ памятникахъ XIII в. Въ томъ же значеніи имѣется въ русскомъ, малорусск. и сербск. яз., между тѣмъ какъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ значеніе нѣсколько другое. Въ хорутанскомъ **banja**—ванна, корыто для купанья; въ польск.—**bania**—ванна; брюхастый, выпуклый сосудъ; въ чешск. **baně** и в.-лужицк. **banja**—все брюхастое, выпуклое: кружка; тыква (!) (Будил.—MEW); такое же значеніе имѣется и въ малорусск. (галицк.) нарѣчій (см. Жел.). Переходъ значенія очень любопытенъ.
- 6) **батъ**—башня, крѣпость. Происхожденіе этого слова непонятно.

ся словаремъ Ценкера (Zenkert: «Dictionnaire turc-arabe-persan»), при помощи котораго провѣрялъ большую часть словъ, указываемыхъ Миллошичемъ и Дювернуа. (Замѣчу, что у послѣдняго транскрипція турецкихъ словъ приурочена къ французскому правописанію и произношенію). Все таки нѣкоторые слова остались непровѣренными, не смотря на все мое желаніе, и въ этихъ случаяхъ я ссылаюсь прямо на Миллошича или Дювернуа (MEW.—Дюв.).—Надо сказать кромѣ того, что въ предлагаемомъ указателѣ приведены и объяснены только тѣ слова, которыя непосредственно относятся къ устройству дома и двора, но не указаны, напр., названія утвари, постели и т. п.

- 7) **баѣча, бахча**—садъ. Имѣется въ сербскомъ яз., затѣмъ въ русскомъ и малорусскомъ: *бахча, бакча*—садъ, огородъ; происхожденія турецко-татарскаго: *bakka* (Цень.), *bakhdje* (Дюв.), *bagca* (MEW) турецк.
- 8) **бачило**—зимняя овчарня, **бачия**—загонъ для доенія овецъ сопоставляются Миклошичемъ съ румынск. словомъ *bač*—старшій братъ, дѣлатель сыра и съ албанскимъ *bač*—старшій братъ, которыя и могли служить оригиналомъ для только что указанныхъ болгарскихъ словъ; встрѣчаются производныя отъ одного корня съ ними также въ сербскомъ яз. *бач*—пастухъ, *бачија*—мѣсто, куда сгоняютъ скотъ для доенія, въ чешск.—*bača*—главный пастухъ и въ польск. *basca*—пастухъ (MEW). Сравн. также русск. бачега арх. загородка на скотскомъ выгонѣ для мелкаго скота (Даль).
- 9) **башта, баца**—садъ имѣется также въ сербск. яз.—*башча*—садъ, огородъ и хорутан.—*basca*—садъ (Будил). Происхожденіе, вѣроятно, таково-же, какъ и слова *баѣча, бахча* (см. 7).
- 10) **бедень, —ни**—1) заборъ вокругъ двора; 2) стѣны дома. Имѣется въ формѣ *беден* и *бедем* въ сербскомъ языкѣ съ тѣмъ-же значеніемъ. Происхожденіе турецкое отъ *beden* (Цень.—Дюв.).
- 11) **било**—верхнее бревно домового сруба. Въ этомъ значеніи данное слово стоитъ одиноко среди славянскихъ нарѣчій, употребляясь только въ болгарскомъ языкѣ. Сравн. сербск. *било*—горный хребетъ. Происхожденія вѣроятно, славянскаго.
- 12) **боклувъ, булукъ**—навозная вуча отъ турецк. *boğluq* (Дюв.). Имѣется только въ болгарскомъ языкѣ.
- 13) **бостанъ**—садъ, встрѣчается еще въ сербск. яз. *бостан*—садъ, гдѣ растутъ дыни, въ польск. *basztan* и малорусск.

- баитанъ*—огородъ, гдѣ растутъ овощи (MEW); съ турецк. *bostan* (MEW.—Дюв).
- 14) **бунаръ, рче** = колодезь имѣется и въ сербскомъ яз. съ тѣмъ-же значеніемъ—*бунар*—колодезь; происходитъ отъ турецк. *bunar, roinar* (Дюв.).
- 15) **буниште**—навозная куча; это слово употребляется еще только въ сербскомъ яз. Мильопичъ объясняетъ его изъ греческ. *βουχόν* (*βουχός*?)—холмъ, куча (MEW).
- 16) **бухария**—галерея. Происхожденіе этого слова непонятно.
- 17) **бѣлилка, бѣлопрѣстица** (отъ *прѣсть*—глина)—бѣлая глина, употребляемая для обмазки плетней; въ Малоросіи бѣлая глина особенно употребительна для побѣлкахъ. Происхожденіе этихъ словъ чисто-славянское.
- 18) **валявица, валя'ица**—вожемятня или сукновальня, въ сербск. яз. мы имѣемъ тождественное слово по происхожденію и значенію — *валямца* или *валярица*. Происхожденіе чисто-славянское.
- 19) **варъ**—известь, встрѣчается въ письменности уже въ XIII в., но въ настоящее время существуетъ только у болгаръ.
- 20) **верига**—цѣпь отъ печной трубы въ очагу; это слово встрѣчается въ письменныхъ памятникахъ уже съ XI в., употребляется и во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ со значеніемъ „цѣпь“. (Будил.).
- 21) **веригница**—колодка въ трубѣ съ цѣпью (см. **верига**). Въ сербскомъ языкѣ существуетъ слово, соотвѣтствующее данному болгарскому, именно—*верижъача*—бревно, на которомъ виситъ цѣпь съ котломъ.
- 22) **вертнико**—калитка. Происхожденіе славянское (на почвѣ болгарскаго языка); въ другихъ нарѣчіяхъ тождественнаго слова не имѣется.
- 23) **вителъ**—поставъ мельничный,—слово, встрѣчающееся въ формѣ *витель* уже въ XV в. въ значеніи *machina*; существуетъ оно также въ сербск. яз.—*витао*—мото-

- вило, мельничное колесо (Вукъ) и въ хорутанск. *vitel* = мотвилло (Янеж.). Происхождение этого слова чисто славянское отъ корня *vi* (*vi-1* MEW).
- 24) **влагалница** = складочный магазинъ, складъ; встрѣчается еще въ XIV в.; происходитъ отъ славянскаго корня.
- 25) **воденица** = водяная мельница; имѣется и въ сербскомъ языкѣ въ той-же формѣ и съ тѣмъ-же значеніемъ. Образовалось уже на болгаро-сербской почвѣ отъ славянской основы.
- 26) **водникъ** = крюкъ въ стѣнѣ для ведеръ съ водой; слово только болгарское.
- 27) **воруна, форуна** = печь, слово происхожденія романскаго; сравн. латин. *forна* = печь. Въ данной формѣ встрѣчается только въ болгарскомъ языкѣ (срав. **вурна**).
- 28) **врата, — тня, — тникъ** = ворота. Уже памятникахъ XV вѣка встрѣчается это слово въ формѣ **врата** съ тѣмъ-же значеніемъ, имѣется и въ настоящее время во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ съ соответствующими иногда только фонетическими измѣненіями. По происхожденію — чисто древне-славянское, образованное отъ общаго индоевропейскаго корня. (MEW. — Будил.).
- 29) **врати, вракя** = двери — тако-же происхожденія. какъ и предыдущее слово; съ даннымъ значеніемъ употребляется въ большей части славянскихъ нарѣчій.
- 30) **вратицы, — ѣва, — тичка** = калитка; только что сказанное о происхожденіи слово **врати** нужно сказать и въ данномъ случаѣ. Употребляется только въ болгарскомъ языкѣ.
- 31) **вражъ** = гумно. Встрѣчается уже въ XIV в. въ значеніи „молотьба“. Въ тожественной формѣ, съ незначительнымъ только фонетическимъ измѣненіемъ, имѣется и на почвѣ русскаго и малорусск. нар. — *ворох* со значеніемъ „куча“, „сгребенный въ кучу, но невѣян-

ный еще хлѣбъ“ (Даль). Происхождение др.-славянское (MEW).

- 32) **врѣтенка**—вѣтряная мельница; имѣется только въ болгарскомъ языкѣ; образовано изъ славянскаго корня.
- 33) **вурнія, фурна**—печь, имѣется и въ сербскомъ яз. въ формѣ *вуруна, фуруна* съ тѣмъ-же значеніемъ. Происхожденія романскаго (срав. лат. *furnus*), можетъ быть чрезъ посредство турецкаго *furun* (MEW).
- 34) **въбелъ**—колодезь; Дювернуа (р. 312) сравниваетъ это слово съ ц.-слав. *оуболя, жболя*, встрѣчающимся въ рукописи XII в. въ значеніи *φορέαρ*, *puteum*—колодезь. Употребляется это слово только у болгаръ; происхожденіе греческое изъ *ἔμβολον* (Дюв.).
- 35). **ганды**—крыша. Употребляется только въ болгарскомъ языкѣ; преисхожденія турецкаго: *xanə damı* (Кач.), *khāne*—домъ и *dam*—крыша (Ценк.).
- 36) **градежъ**—постройка, встрѣчается въ письменности съ XVI в.; употребляется только у болгаръ; происхожденіе славянское (MEW).
- 37) **градиво**—строительный матеріалъ; это слово встрѣчается въ томъ-же значеніи и формѣ у сербовъ; происходитъ изъ др.-славянск. корня.
- 38) **градина**—садъ, имѣется въ памятникѣ XVI в.; въ указанномъ значеніи употребляется и въ сербскомъ языкѣ, причемъ въ послѣднемъ оно имѣетъ и другія значенія: заборъ, изгородь, плетень — болѣе первоначальныя. Происхожденіе такое-же, какъ и слова *градежъ*.
- 39) **гражъ**—хлѣвъ, имѣется въ формѣ *граждъ* (комьскъ) уже въ XI в.; употребляется только у болгаръ; происхожденіе то-же, что и слова *градежъ*.
- 40) **греда**—1) бревно, 2) перекладина (въ потолокъ дома), матица; въ первомъ значеніи встрѣчается уже съ XIII в. въ формѣ *града*, имѣется и во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Происходитъ несомнѣнно отъ указан-

- наго др.-славянскаго слова, но каково происхождение послѣдняго—точно не извѣстно (MEW).
- 41) **грѣда, грида**—ступени въ лѣстницѣ; имѣется только въ болгарскомъ языкѣ; каково происхождение этого слова, сказать трудно; можетъ быть оно стоитъ близко къ предыдущему, а можетъ быть и связано съ глаголомъ *градѣ*—иду.
- 42) **гумно**—гумно, мѣсто, гдѣ молотятъ хлѣбъ; въ письменности встрѣчается уже въ XI в. Во всѣхъ славянскихъ нарѣчιάхъ это слово употребляется съ тѣмъ-же значеніемъ, только въ полабскомъ *gumno*—садъ. Происхождение др.-славянское (MEW.—Буд.).
- 43) **гюбре**—навозная куча; имѣется и въ сербскомъ яз. въ формѣ *губре*; происхожденія турецкаго: *gubre* (Дюв.).
- 44) **дворъ**—дворъ, aula, Hof; встрѣчается въ памятникахъ съ XI в., употребительно во всѣхъ славянскихъ нарѣчιάхъ. Происхожденія др.-славянскаго отъ общей аrioевропейской основы (MEW.).
- 45) **джамо'и**—стекла, имѣется и у сербовъ; происхожденія турецкаго отъ *džam*—стекло (Ценк.), *džam* (Дюв.).
- 46) **дзиздѣ** см. **зид**—.
- 47) **дирекъ, —ци, —дзи**—восякъ, имѣется и въ сербскомъ яз.; происхождение турецкое отъ *direk* (Дюв.), *dirék* (MEW.).
- 48) **добрувалиште**—столовая, имѣется только въ болгарскомъ языкѣ; происходитъ отъ славянской основы.
- 49) **домъ**—домъ, domus, употребляется въ письменныхъ памятникахъ уже въ XI в., проходитъ по всѣмъ славянскимъ нарѣчιάмъ; происхожденія др.-славянскаго (MEW.—Будж.).
- 50) **дръвникъ**—дрвяной сарай, имѣется въ данной формѣ только въ болгарскомъ яз.; образовано изъ славянской основы.

- 51) **дуваръ**—1) заборъ вокругъ двора, 2) стѣны дома. Въ послѣднемъ значеніи имѣется и въ сербскомъ языкѣ. Происхожденія т у р е ц к а г о отъ *douvar* (Дюв.).
- 52) **духло**—отдушина въ печи, встрѣчается только въ болгарскомъ яз., образовано отъ славянской основы.
- 53) **дъска**—доска, встрѣчается въ письменности уже съ XIII в. употребляется въ томъ-же значеніи во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; слово з а и м с т в о в а н н о е въ далекое время, но отъ какого народа—затрудняется сказать и Миклошичъ (MEW); онъ сопоставляетъ его съ греческ. *δίσκος*, латин. *discus*, др.-верх.-нѣм. *disk*, *tisk*—Tisch—столь.
- 54) **дымнивь, дымняеъ**—дымовое отверстіе, встрѣчается почти во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ (Будил.), происходитъ отъ с л а в я н с к о й основы.
- 55) **дѣвственникъ**—комната для молодыхъ послѣ свадьбы, слово образовано на почвѣ уже болгарскаго яз. отъ с л а в я н с к о й основы.
- 56) **дюбре, дюбриште**—навозная куча; слово турецкое см. **гюбре**.
- 57) **егрекъ, игрякъ**—овчарня, употребляется только въ болгарскомъ яз., происхожденія т у р е ц к а г о *eguirek* (Дюв.), а послѣднее происходитъ вѣроятно отъ латинск. *grex*.
- 58) **жерва**—мельница; въ данной формѣ (жръка) встрѣчается еще въ XVI в. со значеніемъ „верхній камень въ мельничномъ поставѣ“; изъ современныхъ славянскихъ нарѣчій употребляется только у болгаръ; происходитъ отъ с л а в я н с к о й основы (сравн. русск. *жерновъ*).
- 59) **заднивь, задница**—чуланъ, въ этихъ значеніяхъ данныя слова имѣются только въ болгарскомъ яз. и псковск. говорѣ русск. яз.: „*задникъ*—нары; кутникъ, помость въ заднемъ углу“ и „*задница*“—задній покой въ избѣ, задняя клѣтъ, за избой“ (Даль); происходятъ отъ с л а в я н с к о й основы.

- 60) **занданъ, зенданъ, зонданъ, зънданъ**—тюрьма, встрѣчается въ формѣ *zindan* въ сербск. яз.; происхожденія турецкаго отъ *zundan* (MEW), *zindân* (Дюв).
- 61) **заплеть**—плетень, только болгарское слово; происходитъ отъ славянскоѣ основы.
- 62) **зевниѣъ, земниѣъ, зимниѣъ**—погребъ, употребляется только у болгаръ, происходитъ отъ славянскоѣ основы, причемъ названіе даетъ нѣкоторыя указанія на способъ стройки погреба. **Зевница**—меана, корчма, кабачокъ.
- 63) **земя**—поль, земля; встрѣчается въ письменности съ XI в., употребительно во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; происхожденіе — др.-славянское отъ ариевропейскоѣ основы (MEW.—Будил.); даетъ указаніе на то обстоятельство, что болѣе иногда служитъ почва, настилки-женедѣлается. Сравн. малорусск. обычай строить „хаты“ съ землянымъ поломъ, усыпая его только пескомъ и уливая водой.
- 64) **зидѣ, зидове**—стѣны дома, встрѣчается въ значеніи „стѣна“ въ глаголическихъ памятникахъ, употребляется во всѣхъ почти славянскихъ нарѣчіяхъ; происхожденіе др.-славянское (MEW.—Будил.).
- 65) **изжа**—домъ, хижина; въ формѣ *izja* встрѣчается уже въ памятникахъ XIV в., употребляется съ нѣкоторыми фонетическими измѣненіями во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; Миклошичъ производитъ его изъ германск. яз.: др.-верхн.-нѣм. *hus*, готск. *hus* (въ *gudhus*)—Нац. (MEW.—Будил.).
- 66) **изба**—погребъ; въ этомъ значеніи употребляется еще только въ хорватск. яз., въ остальныхъ-же нарѣчіяхъ славянскихъ данное слово означаетъ „жилую комнату“. Объясняется оно изъ др.-славянск. *istъба, istъбъка*. (MPL.—MEW.—Будил.), которое, можетъ быть, перво-

начально, потому что имѣеть соответствующія формы въ другихъ европейскихъ языкахъ (MEW.)

- 67) **кавене, кафене**—кофейня, заведеніе гдѣ пьютъ кофе; имѣется въ данномъ значеніи и формѣ только у болгаръ; заимствовано изъ турецкаго *qahvènè* (Дюв.).
- 68) **каламотъ**—плетень, плетневый заборъ; употребляется только у болгаръ; происходитъ отъ ново-греческаго *καλαμωτή* (Дюв.).
- 69) **кале**—башня; имѣется и у сербовъ; происходитъ отъ турецкаго *kal'a* (MEW.).
- 70) **капаица, капчугъ**—желобъ на крышѣ для стока воды; въ сербскомъ языкѣ словомъ *капавица* (= *капа'ица*) означается „дождевая вода стекающая съ крышѣ“; второе слово встрѣчается только у болгаръ. Происходятъ отъ славянскои основы.
- 71) **капагъ**—1) ставня, 2) въюшка въ печной трубѣ; въ первомъ значеніи имѣется и въ сербскомъ; происходитъ отъ турецк. *karak* (MEW.), *qarâq* (Дюв.).
- 72) **капия**—калитка, имѣется и у сербовъ; происходитъ отъ турецкаго *кари* (MEW.), *qарои* (Дюв.).
- 73) **капчугъ** см. **капа'ица**; **кафене** см. **кавене**.
- 74) **каты**—1) этажъ; встрѣчается и въ сербскомъ языкѣ; происхождение турецкое отъ *kat* (MEW.—Цень.), *qat* (Дюв.).—2) **каты**—промежутокъ между печью и стѣной; съ нѣкоторыми фонетическими измѣненіями встрѣчается и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ; происхожденія славянскаго (MEW.). — **кашта** см. ниже **кышта, кыща**.
- 75) **келаръ, кералъ**—погребъ, кладовая; *керали земли*—конюшня; въ данной формѣ и значеніи встрѣчается только у болгаръ; происходитъ отъ греческаго *κελλάριον*, ново-греческ. *κελλάρι*; сравн. латинск. *cellarium*, нѣмец. *Keller* (MEW.—Дюв.). Вторая форма образовалась изъ первой путемъ только перестановки звуковъ л и р.

- 76) **кересте**—строительный материалъ; имѣется только у болгаръ; происходитъ отъ турецкаго *kerastè, kirestè* (Дюв.).
- 77) **керамиде**—1.) Черепица на крышу, 2) кирпичъ; встрѣчается въ первомъ значеніи еще въ памятникахъ XIV в., имѣется и въ сербскомъ яз. въ формѣ *ћерамида* *ћеремида*; происходитъ отъ греческаго *κεραμίδς*, ново-греческ. *κεραμίδα* (MEW.), можетъ быть при посредствѣ турецк. *k'érémít* (ibid).
- 78) **керпичъ, кърпичъ**—необожженный кирпичъ; имѣется на почвѣ русскаго языка—*кирпичъ* и сербскаго—*ћерпичъ*; происхожденія турецко-татарскаго отъ *k'érpîç* (MEW), *kerpidj, kerpidj* (Дюв.).
- 79) **керхана**—громадный домъ; имѣется только у болгаръ; происходитъ отъ турецкаго *kiârkhane* (Дюв.).
- 80) **килари, киллари, килери**—погребъ; въ сербскомъ яз. тождественное по формѣ слово *киьер* значитъ „столовая, комната для бушанья“. Происхожденіе тоже, что и вышеуказаннаго слова **келаръ**.
- 81) **кйошка**—галлерей, балконъ; имѣется только въ болгарскомъ языкѣ; заимствовано отъ турецкаго *kieuschk* (Дюв.).
- 82) **киречь**—известка; употребляется только у болгаръ; происходитъ отъ турецкаго *kiredj* (Дюв.).
- 83) **кладенець**—колодезь, встрѣчается уже въ памятникахъ XVI в.; въ тождественной формѣ имѣется почти во всѣхъ славянскихъ нарѣчійхъ. Происхожденіе этого слова Миклошичъ ведетъ отъ германск. *kaldinga*—(MEW.).
- 84) **клавникъ**—промежутокъ между печью и очагомъ; кромѣ болгарскаго языка въ другихъ славянскихъ нарѣчійхъ не встрѣчается; происхожденіе непонятно.
- 85) **клетѣ земни**—погребъ; въ данномъ значеніи имѣется только въ хорутанск. нарѣчій, а въ прочихъ—употребляется или въ значеніи „чуланъ“, или „жилое помѣще-

- ніе, комната“. Въ письменныхъ памятникахъ встрѣчается уже съ XI в.; происхожденія др. - с л а в я н с к а г о (MEW.—Будил.).
- 86) **влюнезь**—труба; имѣется только у болгаръ; происхожденіе непонятно.
- 87) **ковачница**—кузница; въ данной формѣ имѣется еще на почвѣ сербскаго и хорутанскаго нарѣчій; происходитъ отъ с л а в я н с к о й основы.
- 88) **кокошарникъ**—куриный хлѣвъ, въ сербск. яз. имѣется въ формѣ *кокошар*; произведено отъ с л а в я н с к о й основы (MEW.).
- 89) **колиба**—хижина, лачуга; въ письменности встрѣчается уже съ XVI в.; употребляется также въ сербскомъ, чешскомъ, польскомъ и малорусск. яз.; происходитъ отъ греческ. *καλύβη*. Турки заимствовали это слово отъ славянъ въ формѣ *kaliba*.
- 90) **колиларка**—водяная мельница; употребляется только у болгаръ; происходитъ отъ с л а в я н с к о й основы.
- 91) **коль**—1) коль (въ плетнѣ); 2) **колове**—косыки; встрѣчается въ письменности съ XI., употребляется почти во всѣхъ славянскихъ нарѣчійхъ; происходитъ отъ с л а в я н с к о й основы (MEW.).
- 92) **коминъ**, **вуминъ**—дымовое отверстіе, въ данномъ значеніи имѣется еще на почвѣ сербскаго, хорутанскаго и польскаго яз. (Будил.), въ прочихъ-же какъ и въ памятникахъ XIV в., употребляется въ значеніи „печь“. Происхожденія р о м а н с к а г о, вѣроятно съ и т а л я н с к а г о *comino* (Будил.).
- 93) **конакъ**—спальня, ложе, имѣется и въ сербскомъ яз.; происхожденіе т у р е ц к о е отъ *qonaq* (Дюв.).
- 94) **конушница**, **конюшница**—конюшня; имѣется еще на почвѣ сербскаго и русскаго яз.; происхожденія с л а в я н с к а г о.
- 95) **кочанъ**—свиной хлѣвъ; **кочекъ**—куриный хлѣвъ, **кочина**—1) свиной хлѣвъ, 2) куриный хлѣвъ; проис-

- хожденія вѣроятно, германскаго отъ ср.-верхн.-герман. *kote*; имѣется съ нѣкоторыми фонетическими измѣненіями у сербовъ и поляковъ въ значеніи „куринный хлѣвъ“ (Будил.),
- 96) **кошары, кошери**—овчарня; въ письменности встрѣчается съ XIV в., имѣется съ тѣмъ-же значеніемъ во всѣхъ почти славянскихъ нарѣчіяхъ, происходитъ отъ др.-славянск. основы (MEW.—Будил.).
- 97) **к'рчма, керчма**—корчма, кабачокъ; въ письменныхъ памятникахъ встрѣчается только съ XVII в., но имѣется во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; происхожденія, вѣроятно, турецкаго-татарскаго (ср. MEW.).
- 98) **куея, кукица, кућа**—домъ; см. ниже **кѣшта, кѣща**.
- 99) **куки**—крюки, шести загнутые на концѣ крюкомъ (на крышѣ); имѣется также въ сербскомъ и ниже-лужицкомъ нар., какъ составная часть слова (коуконосъ) встрѣчается въ памятникахъ XVI—XVII в. Происхожденіе, вѣроятно, др.-славянское (MEW.).
- 100) **вула**—башня; встрѣчается и въ сербскомъ языкѣ; происходитъ отъ турецкаго *kulle* (MEW), *quille* (Дюв.).—**куминь** см. **коминь**.
- 101) **купиште**—навозная куча; въ этой формѣ встрѣчается только у болгаръ; происходитъ отъ др.-славянск. основы (MEW.).
- 102) **курникъ**—куриный хлѣвъ, имѣется только на почвѣ болгарскаго нарѣчія; произведено отъ др.-славянск. основы.
- 103) **кѣтъ**—очагъ, только болгарское слово; можетъ быть находится въ связи съ др.-славянск. **кѣтъ**—уголь.
- 104) **кѣшла**—зимняя овчарня, имѣется только въ болгарскомъ яз., происходитъ отъ турецк. *quchlâ, quchlâq* (Дюв.).
- 105) **кюмбе**—печь, встрѣчается только у болгаръ; происходитъ отъ турецк. *kumbed, gumbed* (Дюв.).

- 106) **кюонецъ**—труба, имѣется только въ болгарскомъ нарѣчїи, происходитъ отъ турецкаго *китек* (Дюв.).
- 107) **кюпсиѣвъ**—ставня,—только болгарское слово; происхождение непонятно.
- 108) **кѣпшта**, **кѣпца**—домъ, жилище, встрѣчается въ письменности съ XI в. въ значенїи „палатка“, а въ значенїи „хижина, домъ“—съ XIII в.; въ послѣднемъ значенїи, съ незначительными фонетическими измѣненїями въ формѣ, употребляется въ большинствѣ славянскихъ нарѣчїй; происхождение др.-славянское (MEW.—Будил.) Ср. **вапшта**, **вуея**.
- 109) **лѣси**—лѣстница; слово только болгарское въ данной формѣ; прочїя славянскїя нарѣчїя представляютъ сложные образования (Будил.); произведено отъ славянской основы.
- 110) **лѣса** = плетень — съ кольями, прутьями, подпорками; встрѣчается въ глаголическихъ памятникахъ, употребляется и въ прочихъ славянскихъ нарѣчїяхъ съ незначительными вариантами въ значенїи (Будил.); происходитъ отъ др.-славянск. основы.
- 111) **магазиня**—складочный магазинъ, происходитъ отъ турецк. *тахзан*; имѣется въ сербскомъ (*магаза*), русскомъ и малорусскомъ (*магазинъ*, *гамазень*) (MEW.).
- 112) **мангалъ**—глиняный или металлическій тазъ для горячихъ углей; имѣется и въ сербскомъ яз.; происходитъ отъ турецкаго *tangal* (MEW.—Дюв.).
- 113) **мандало**,—**лице**—рогатка для запора оконъ; имѣется и въ сербскомъ языкѣ въ формѣ *мандал*, но въ значенїи „засовъ для воротъ“; происходитъ отъ греческ. *μάνδαλος* при посредствѣ, вѣроятно, турецкаго *mandal* (MEW), *mándal'* (Дюв.).
- 114) **мандра**,—**ричка**—овчарня, имѣется и въ сербскомъ языкѣ; происходитъ изъ греческаго *μάνδρα*, можетъ быть—черезъ посредство турецкаго *mandra* (MEW.).

- 115) **меана, механа, межена**—кабачокъ, имѣется и въ сербскомъ яз. въ формѣ *механа*; происходитъ отъ турецк. *tejúhané* (MEW), *teikhané* (Дюв.).
- 116) **мельница**—мельница; въ данной формѣ имѣется еще только въ русскомъ и полабскомъ яз. (Будил.); происхожденія др. - с л а в я н с к а г о.
- 117) **мумджійница**—сальный, салотопенный заводъ—только болгарское слово; происхожденія, по всей вѣроятности, турецк. а г о (отъ *тѣт*—воскъ? Цень.).
- 118) **обграда**—дворъ; въ данной формѣ имѣется только у болгаръ; образовано отъ славянской основы.
- 119) **облонъ**—ставня; въ этомъ значеніи встрѣчается только у болгаръ; это слово можетъ быть родственно съ бѣлорусск. *болона*—оконное стекло и русск. *болонка*—стекло; послѣднія слова относятся къ одной основѣ *bolna* (MEW), изъ которой образовались: нов.-славян. *блана*—кожица, пергаментъ; чешск. *blána*—кожа, кора; польск. *blona*—кожа; русск. *оболонка*—кожица; и т. п. (MEW.).
- 120) **оборъ**—конюшня, сарай; встрѣчается въ письменности съ XVI в., употребительно съ нѣкоторыми отклоненіями въ значеніи во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ (Будил.); происхожденія др. - с л а в я н с к а г о.
- 121) **огниште**—очагъ; встрѣчается въ памятникахъ съ XVI в., употребительно во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; происходитъ отъ др. - с л а в я н с к о й основы.
- 122) **ограда**—заборъ, въ письменности встрѣчается съ XIV в., употребляется съ незначительными фонетическими измѣненіями во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; происходитъ отъ др.—с л а в я н с к о й основы.
- 123) **одаа, одая**—1) комната, 2) шалашъ овчаря; имѣется также въ сербскомъ и польскомъ яз., происходитъ отъ турецк. *oda*—комната, домъ (MEW—Дюв.).
- 124) **оджакъ**—очагъ; имѣется и въ сербск. яз. въ томъ-же значеніи, а кромѣ того въ значеніи „домъ, дворъ“; происходитъ отъ турецк. *odzak* (MEW), *odjēq* (Дюв.).

- 125) **одъръ**—1) крыльцо, 2) полъ, 3) скамья, ложе; въ послѣднемъ значеніи встрѣчается въ письменности съ XI в., употребляется почти во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; первыя два значенія представляютъ только развитіе изъ послѣдняго, исключительно на почвѣ болгарскаго нарѣчія; происхожденіе др.-славянское.
- 126) **окно**—колесо водяной мельницы; въ данномъ значеніи свойственно только болгарскому языку; происхожденіе др.-славянское; сравн. сербск. **окно**—колодезь.
- 127) **отводъ**—галерея, въ этомъ значеніи—только болгарское слово; происходитъ отъ славянской основы.
- 128) **пазуль, пезуль, пезулче**—завалинка у дома, земляная насыпь; имѣется только въ болгарскомъ языкѣ; происходитъ отъ ново-греческ. *πέζουλι*—подножіе (Дюв.). Раковский въ своемъ „Показалець“ объясняетъ слово *пазуль* отъ *пазити*—охранять т. е. *пазуль*—то, что охраняетъ кщжъ отъ дѣйствія воды на основаніе (Пк.32),—но это скорѣе народная этимологія а не дѣйствительное объясненіе слова.
- 129) **палати, пулати**—комната (во 2-мъ этажѣ—*чардакъ*) въ письменности встрѣчается уже съ XI в., употребительно во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; происходитъ отъ латинск. *palatium*, заимствованнаго въ очень древнее время (MEW.—Будил).
- 130) **пармадзи, —маци**—1) колья въ заборѣ, частоколь, 2) рѣшетки въ окнахъ; имѣется въ сербскомъ яз. въ значеніи „деревянная перегородка; происходитъ отъ, турецк. *parmaq* (Дюв.)
- 131) **пеливоль, пилеворъ**—садъ, имѣется въ памятникахъ XVI в., употребляется въ сербскомъ яз. (*перивој, пеливој, пеливја, -воје*) и въ хорутанскомъ (*perivoj*); заимствовано съ ново-греческ. *περιβόλι* (MEW.—Будил.); вторая форма представляетъ, быть можетъ примѣръ народной этимологіи (*пиле*—птица и *воръ* отъ основы *ver*—вертѣть, двигать).

- 132) **пенджери, пенджури**—окна, имѣтся и въ сербскомъ яз., происходитъ отъ турецк. *péndžéré* (MEW) *pendjèrè* (Дюв).
- 133) **пешниѣъ**—лѣтняя пекарня при домѣ; слово болгарское; образовано отъ славянскоѣ основы (см. слѣд. слово).
- 134) **пещь** = печь; въ письменности встрѣчается уже съ XI в.,—слово общее во всѣхъ славянскихъ нарѣчїяхъ, происходитъ отъ др.-славянскоѣ основы (MEW.—Будил).
- 135) **пивница**—1) погребъ, 2) кабачокъ; въ первомъ значенїи встрѣчается въ памятникахъ съ XIV в., употребляется во всѣхъ славянскихъ нарѣчїяхъ; образовано отъ др.-славянскоѣ основы (MEW.—Будил).
- 136) **плеть, плетина, —тища**—плетень, въ письменности встрѣчается съ XVI в., имѣтся съ незначительными фонетическими измѣненїями во всѣхъ славянскихъ нарѣчїяхъ; происходитъ отъ др.-славянскоѣ основы (MEW.—Будил).
- 137) **плита, плитня**—кирпичъ; въ первой формѣ имѣтся въ памятникахъ XVI в., встрѣчается въ русскомъ, малорусск. и хорватск. яз.; происхожденїя греческаго отъ *πλατῆρος*, но изъ давняго времени (MEW).
- 138) **плоча**—1) каменная плита, 2) вьюшка, крышка въ грубѣ, 3) заслонъ у печи; въ первомъ значенїи встрѣчается въ письменности съ XIV в., имѣтся и у сербовъ; происхожденїя, вѣроятно, германскаго (MLP.—MEW).
- 139) **плѣвниѣъ, плѣвня, племна**—сарай для мякины; въ первой формѣ имѣтся уже въ XI в., встрѣчается въ сербскомъ, чешскомъ, хорутанскомъ нарѣч.; происхожденїя др.—славянскаго (MEW).
- 140) **повой**—рядъ прутьевъ въ плетнѣ; въ данномъ значенїи имѣтся только въ болгарскомъ яз., происходитъ отъ славянскоѣ основы.

- 141) **подъ**—1) **поль**, встрѣчается въ древнѣйшихъ памятникахъ, употребляется и въ большинствѣ славянскихъ нарѣчій; происхождение др.-славянское отъ аrio-европейской основы (MEW.); 2)—**этажъ**, имѣется еще на почвѣ только сербскаго и хорутанскаго нарѣч., происходитъ отъ предыдущаго слова.
- 142) **подводникъ**—доска **подъ водникомъ** (см. это слово); чисто болгарское слово, образовано отъ славянской основы.
- 143) **подникъ**—**конюшня**,—только болгарское слово въ данномъ значеніи, образовано отъ славянской основы; даетъ нѣкоторое указаніе на способъ постройки конюшни.
- 144) **подница**—**погребъ**, встрѣчается въ письменности еще въ XIII в., но съ этимъ значеніемъ сохранилось только у болгаръ; происходитъ отъ славянской основы (сравн. **подъ**—1).
- 145) **подпоры**,—**рки**,—**волья**, подпирающіе плетень; имѣется въ письменности съ XIV в., употребительно съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями въ значеніи у всѣхъ славянъ; происходитъ отъ др.—славянск. основы.
- 146) **подрумы**—**погребъ**; имѣется въ сербскомъ (*подрум*) и польскомъ (*podgruna*): происходитъ отъ турецк. *bidurum* (Цень.). Сопоставлять съ греческимъ *ἵπποδρομιος* мѣшаетъ значеніе (MEW.).
- 147) **покривъ**, **покриво**—**крыша**; въ письменности встрѣчается съ XVII только вѣка; имѣется въ большей части славянскихъ нарѣчій; образовано отъ славянской основы.
- 148) **полесокъ**—**навѣсъ надъ воротами**,—слово только болгарское; образовано отъ славянской основы.
- 149) **понджа**—**погребъ**,—слово болгарское, происхождение непонятно, можетъ быть находится въ связи съ *понница* (см. слѣд. слово).

- 150) **поница** = погребъ, встрѣчается въ письменности съ XVI в., имѣется теперь только въ болгарскомъ языкѣ; происхожденіе сомнительно (ср. MEW).
- 151) **порта**, — **ти**, — **ты** = ворота; имѣется въ этомъ значеніи только у болгаръ; происхожденіе романское (срв. латинск. *porta*).
- 152) **постройка** = русск. постройка; имѣется въ нѣкоторыхъ изъ прочихъ славянскихъ нарѣчій; происходитъ отъ славянской основы.
- 153) **потземница кашта** = конюшня; слово болгарское — исключительно, образовано отъ славянской основы; показываетъ нѣсколько на способъ стройки конюшни.
- 154) **потонъ** = 1) полъ, полъ на крыльцѣ; 2) погребъ; — слово болгарское; Миклошичъ производитъ отъ греческаго *πάτωμα* (MEW.) (1).
- 155) **поята** = овчарня; въ значеніи „кровь, домъ“ встрѣчается еще въ XIII в., имѣется въ сербскомъ яз. съ значеніемъ „конюшня, сарай съ сѣномъ, комната“ и въ хорватскомъ — съ значеніемъ „сарай для мясины“; происхожденія др.-славянскаго (срв. *Fick*, *Vergl. Wört.* II, 638; MEW. — Будил.).
- 156) **прагъ**, **прадиште** = порогъ; въ письменности встрѣчается съ X в., употребляется во всѣхъ славянскихъ нарѣчійхъ; происхожденія др.-славянскаго (MEW. — Будил.).
- 157) **преграда**, — **два** = перегородка; въ памятникахъ встрѣчается съ XIII в., имѣется во всѣхъ славянскихъ нарѣчійхъ; образовано изъ др.-славянской основы.
- 158) **прелѣвъ**, **прѣлазъ** = проходъ въ плетнѣ; слово болгарское; происходитъ отъ славянской основы.
- 159) **приграда** = пристройка; встрѣчается въ памятникахъ уже съ XI в., имѣется еще въ русскомъ языкѣ, хотя

---

1) Значенія этого слова я никакъ не могъ провѣрить, потому что не нашолъ въ имѣющихся у меня словаряхъ.

глаголь *природити* употребляется и въ сербскомъ, и хорутанскомъ; происхожденія др.-славянскаго.

- 160) **прилошка**—деревянная дощечка на плетневыхъ вольяхъ; слово—въ данномъ значеніи—только болгарское; образовано отъ с л а в я н с к о й основы.
- 161) **притва**—воль; встрѣчается въ сербскомъ и хорутанск. нарѣч.; происходитъ отъ с л а в я н с к о й основы.
- 162) **прозорци, прѣзорци**—окна; обѣ данныя формы встрѣчаются въ письменности съ XIV в., имѣются въ формѣ *прозор* въ сербск., хорватск. и хорутанск. нарѣчіяхъ (Будил.); происходятъ отъ с л а в я н с к о й основы.
- 163) **просторище** = мѣстность, на которой расположенъ дворъ со всѣми постройками; въ формѣ *простор* имѣется почти во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; образовано отъ с л а в я н с к о й основы.
- 164) **протва**—валитка,—слово только болгарское; происхождение сомнительно; быть можетъ — славянской основы *tūk*—тыкать, протыкать?
- 165) **прутъ**—комната: 1) темная передняя, 2), столовая, 3) гостинная; имѣется въ памятникахъ XIV в. съ значеніемъ „паперть“; въ настоящее время существуетъ только у болгаръ; происхождение сомнительно (MEW.).
- 166) **прѣтъ, прѣтъ, пѣрътъ**—прутъ; въ памятникахъ письменности встрѣчается съ XIII в., съ незначительными измѣненіями имѣется во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; происхожденія др.-славянскаго.
- 167) **раздѣлка**—отдѣленіе (въ домѣ); въ данной формѣ имѣется только у болгаръ; происходитъ отъ с л а в я н с к о й основы.
- 168) **садища**—садъ; форма—болгарская; происходитъ отъ с л а в я н с к о й основы.
- 169) **салхана**—бойня,—слово имѣющееся только въ болгарскомъ языкѣ; происходитъ отъ т у р е ц к а г о *salkhâne* (Ценк.)

- 170) **сарай**—домъ, (дворецъ); въ данномъ значеніи употребляется иногда только въ сербскомъ яз.; въ русскомъ яз. имѣетъ значеніе „обширнаго хлѣва, навѣса“; происхожденія турецкаго отъ *sarh* (Ценк.)
- 171) **сеньтя**—навѣсъ („отъ тевницы до сарая“); въ письменности встрѣчается съ XVII только вѣка; съ незначительными измѣненіями въ формѣ имѣется во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; образовано отъ др.-славянскаго—*стѣнь* (изъ него—*стѣнь* и *тѣнь*), тождественнаго съ греческ. *σκιά* (MEW).
- 172) **скали**—лѣстница, встрѣчается въ памятникахъ съ XIII в., имѣется въ сербскомъ, хорватскомъ и русскомъ яз.; происходитъ отъ латинск. *scala* (MEW.—Будил.)
- 173) **слама**—солома (для крышъ), имѣется во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, образованно отъ аrioевропейской основы (MEW.)
- 174) **смѣтъ**—навозная куча; слово—болгарское, образовано отъ славянской основы.
- 175) **соба**—комната; употребляется еще въ сербскомъ и хорватск. нарѣч., происходитъ отъ мадарскаго *szoba* (Будил.).
- 176) **соха**—бревно, въ письменности встрѣчается съ XII в., имѣется и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ,—иногда съ указаннымъ, значеніемъ, а иногда—въ значеніи „орудія для пахоты; происхожденія др.-славянскаго (MEW.).
- 177) **стая**—комната; въ данномъ значеніи имѣется только въ болгарскомъ яз., въ прочихъ-же славянскихъ нарѣчіяхъ удержало значеніе „хлѣвъ, стойло“, съ которымъ встрѣчается и въ письменности съ XV в.; происходитъ отъ славянской основы (MEW.—Будил.).
- 178) **стена**—стѣна дома; въ письменности встрѣчается съ XI в., употребительно во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ съ незначительными только фонетическими измѣненіями;

происхожденія др.-славянскаго отъ аrioевропейской основы (MEW—Будил.)

- 179) **стрѣха**—крыша,—слово общее во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, въ памятникахъ встрѣчается съ XIV в., происхожденіе др.-славянское (MEW.—Будил.)
- 180) **ступове**—косяки,—форма, собственно говоря,—сербская; встрѣчается въ памятникахъ XIV в.; происходитъ отъ славянской основы (ср. слѣдующее слово).
- 181) **стѣлбове**—косяки, проходитъ по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ главнымъ образомъ—со значеніемъ „столбъ, прямо поставленный большой обрубокъ бревна“; въ письменности встрѣчается съ XIII в.; происхожденія др.-славянскаго (MEW).
- 182) **съсѣцы**,=секои (вм. съсекови)=сусѣви, отдѣленія въ хлѣбномъ амбарѣ; въ письменности встрѣчается съ XV в., употребляется почти во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ (MEW.); происходитъ отъ др.-славянской основы.
- 183) **таванъ**=1) потолокъ, 2) полъ; употребляется также въ сербскомъ яз; происходитъ 1) отъ турецк. *tavan*=крыша, потолокъ (Ценк.—MEW), а 2) — отъ турецкаго—же *tavan*=пятка, подножіе (Ценк. (')).
- 184) **тавница, тевница, темница**=тюрьма; въ письменности встрѣчается съ XI в., проходитъ по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ съ незначительными только фонетическими измѣненіями; происходитъ отъ др.-славянской основы (MEW.—Будил.)
- 185) **темель**=1) основаніе, фундаментъ, 2) воротные столбы (?); въ письменности встрѣчается съ XVI в., имѣется

---

¹⁾ Можетъ быть также, что значеніе *tavan*= потолокъ развилось изъ прежняго значенія тур. *tavan*=полъ, въ виду того, что въ двухъэтажныхъ домахъ потолокъ нижняго этажа есть въ тоже время полъ верхняго этажа.

- въ сербскомъ и хорватск. нарѣч., происходитъ отъ греческаго *θεμέλιον* (MEW.—Дюв.)
- 186) **терло, тѣрло**—овчарня; имѣется въ данномъ значеніи и у сербовъ; происходитъ отъ с л а в я н с к о й основы (MEW.)
- 187) **трапезариа**—столовая, заимствовано съ греческаго, употребляется у болгаръ и сербовъ.
- 188) **тремове, тремо'и**—галерея; въ данномъ значеніи имѣется еще только у сербовъ, между тѣмъ какъ въ памятникахъ славянскихъ и въ русскомъ яз. означаетъ „башня, вышка, свѣтлица.“ Происходитъ отъ греческаго *τέρεμνον* (MEW.)
- 189) **тугла**—кирпичъ; слово болгарское, происходитъ отъ турецк. *tugla* (MEW.—Ценк.)
- 190) **тюнаци**—дымовая труба (см. выше **кюнець**.)
- 191) **форуна, фурна**—печь (см. выше **воруна, вурна**.)
- 192) **хлавъ, хлѣвъ**—хлѣвъ; въ письменности встрѣчается въ формѣ *хлѣвъ* уже въ XI в., проходитъ по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ съ незначительными только измѣненіями фонетическими и семасіологическими; происходитъ отъ др.-славянск о й основы (MEW.—Будил.)
- 193) **цавлога**—окно, стекло, въ данной формѣ имѣется еще только въ сербскомъ языкѣ; въ формѣ *стѣкло* встрѣчается въ памятникахъ XIV в., существуетъ и во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; происхождение, по словамъ Миклошича, германское (MEW.)
- 194) **чадаръ, чадоръ**—шатеръ, встрѣчается во всѣхъ почти славянскихъ нарѣчіяхъ; происхожденія турецко—татарскаго отъ *çador* (MEW.—Ценк.)
- 195) **чардавъ, чардаци**—чердакъ, второй этажъ; встрѣчается еще въ русскомъ и сербскомъ яз., происходитъ отъ турецк. *çardak* (MEW.)
- 196) **черамида**—кирпичъ (см. выше **керамида**.)

- 197) **чешма**—колодезь, —слово только болгарское, происходитъ отъ турецк. *çeşme* (Цень.)
- 198) **штица**—доска (см. выше **дѣска**).
- 199) **ясле**—ясли; въ письменности встрѣчается съ XI в., употребляется во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; происхождение др.-славянское (MEW.—Будил.)
- 200) **яжары, яжеры, яеры, яжыры**—конюшня (см. выше **ажьрь**).

Попробуемъ теперь изложить тѣ выводы, которые можно сдѣлать на основаніи всего выше сказаннаго.

Прежде всего мы можемъ представить себѣ исторію развитія болгарскаго жилища, — исторію, скрывающуюся въ названіяхъ построекъ и сочетаніяхъ этихъ названій съ другими словами. Исходнымъ пунктомъ можетъ служить въ данномъ случаѣ прекрасный терминъ, представляющій выраженіе понятія „конюшня“, — **капта потземница**. Сочетаніе слова **капта**, означающаго постоянно „жилое помѣщеніе, — домъ“, съ **подземница**, т. е. подземный домъ, землянка, — прямо можетъ указывать на такое древнее жилище, которое вырывалось въ землѣ, но которое съ теченіемъ времени, оказавшись неудобнымъ для людей, обратилось въ помѣщеніе для животныхъ. По той-же причинѣ изъ жилища для людей образовался **зевниѣ**, **земниѣ** — **погребъ**. Подтверженіемъ того, что подобная переменна въ назначеніи извѣстной формы жилья возможна и иногда даже несомнѣнна, служитъ обращеніе др.-славянскаго и почти обще-славянскаго теплаго помѣщенія **изба** (=истба) на почвѣ болгарской — въ простой **погребъ** „глубокій, темный и студеный“. (см. выше. стр. 19.) Обратный переходъ также имѣетъ мѣсто въ болгарск. яз., именно: **стая** въ болгарск. яз. означаетъ вообще „помѣщеніе“ и въ частности — „комната“, между тѣмъ какъ въ др.-славянскомъ и въ прочихъ славянскихъ нарѣчіяхъ

это слово значитъ „хлѣвъ, стойло“; такимъ образомъ слово „стая“ приобрѣло сначала болѣе общее значеніе, а затѣмъ—частное: „комната“.

Какъ переживаніе обычая строить для жилья землянки остался, какъ мнѣ кажется, обычай выкапывать нѣсколько землю для устройства хлѣва (см. выше стр. 20 прим. 3).

Кромѣ землянки для жилища употребляетъ шалашъ изъ прутьевъ. Въ болгарскомъ языкѣ на это имѣется указаніе въ употребленіи слово одая въ значеніи какъ комнаты, т. е. жилого помѣщенія, и какъ шалаша овчара. Болѣе вѣское доказательство этого заключается, по моему мнѣнію, въ самомъ названіи кѣшта, которое въ др.-славянскомъ языкѣ означаетъ всякаго рода тѣнь; затѣмъ—палатку (изъ древесныхъ вѣтвей); съ этимъ словомъ несомнѣнно связано и слово *куста* ⁽¹⁾, хотя оно имѣется только въ русскомъ, малорусскомъ и хорватскомъ яз., и хотя въ письменности является въ формѣ *коуста* а не *кѣста*, но это уже въ памятникахъ XV в. и притомъ—русской редакціи.

Отъ землянки и древеснаго шалаша стали переходить къ деревянному жилью,—сначала къ постройкѣ изъ 4 столбовъ, врытыхъ въ землю, причемъ промежутки между ними были задѣланы или прутьями, или досками, затѣмъ—къ простому срубу изъ бревенъ, и то и другое—съ крышей, но безъ потолка. На послѣднее указываетъ, по моему мнѣнію, во первыхъ—отсутствіе въ болгарскомъ языкѣ роднаго слова для обозначенія потолка, а только—заимствованное и притомъ—въ позднѣйшее время отъ турокъ, а во вторыхъ—отсутствіе у всѣхъ славянъ общаго слова для обо-

---

(1) Если-бы слово кѣшта было родственно съ КѢТЪ=уголь, то на почвѣ русскаго языка получила бы форма *куча* и въ значеніи «шалашъ, хижина» но этого не имѣется, наоборотъ—форма *куща* очень употребительна и даже въ очень отдаленныхъ мѣстностяхъ (см. Даль слов.), такъ что заимствованія откуда нибудь нельзя и допустить.—Отсутствіе слова *куста* въ памятникахъ древнѣе XV в. еще не доказываетъ полнаго отсутствія его въ языкѣ болѣе ранняго времени.

значенія этого понятія „петолокъ“, что слѣдуетъ отнести еще въ очень древней исторіи жилища.—Землянка осталась всетаки и тутъ въ видѣ **подполья**, куда стали складывать для хранения разнаго рода пищу, затѣмъ одежду и т. п.—Настланаго пола не было, его замѣняла природная почва.

Тепло первоначально получалось отъ **огнища—очага**, на срединѣ, причеиъ дымъ шелъ въ отверстіе, которое служило въ тоже время и **о к н о м ѣ**; на это указываетъ между прочимъ, одновременное употребленіе слова **баджа** и въ значеніи—**д м о в а я** труба, и въ значеніи—**о к н о**.—**Печь** появилась гораздо позднѣе, какъ результатъ усовершенствованія внутренней обстановки жилья, но **о ч а г ѣ** всетаки остался тутъ-же на срединѣ кпшты. Если-бы топить печь въ домѣ и **лѣтомъ**, то прибавлялось-бы тепла и безъ дого уже въ теплое время,—поэтому, какъ мнѣ кажется, устраивается болгариниомъ **лѣтняя** кухня—**пешниезъ** внѣ дома, на дворѣ,—кухня, отъкрытая со всѣхъ соронъ, но защищенная только сверху.

Такова, по моему мнѣнію, исторія развитія болгарскаго жилища на основаніи предлагаемаго матеріала.

Затѣмъ, кромѣ того, что представить исторію жилища, мы можемъ констатировать зависимость болгаръ отъ чуждыхъ народностей,—главнымъ образомъ, конечно, отъ **т у р о к ѣ**, на долю которыхъ изъ всего количества разобранныхъ словъ приходится 57 примѣровъ, затѣмъ—зависимость отъ **г р е к о в ѣ**—16 словъ (впрочемъ изъ нихъ третья часть относится къ давнему времени) и наконецъ—къ зависимости отъ **р о м а н с к и х ѣ** народовъ (5 словъ и шестое—древнее: *скам*) и **г е р м а н с к и х ѣ**—5 словъ, изъ которыхъ 4 существовали въ славянскомъ языкѣ уже въ древности. Если прибавить еще **м а д я р с к о е** *соба* и 8 словъ **н е и з в ѣ с т н а г о** происхожденія, то чуждый элементъ въ названіяхъ жилища и частей его въ болгарскомъ яз. выразится числомъ 93, остальные-же 107 названій будутъ приходится на общеславянскія слова, встрѣчающіяся издавна уже въ памятникахъ письменности,

или—на слова чисто болгарскія, образовавшіяся отъ славянскихъ основъ.

Наконецъ послѣднее, что я могу отмѣтить изъ описательной части и лингвистической, это—параллельное какъ будто употребленіе названій чисто славянскихъ съ заимствованными, напр.: **врата** и **калитва**—тур. *капия*, роман. *порта*, а слав. *врата*, *врати*, *вратникъ*; **заборъ** и **стѣны**—тур. *беденъ*, *дуваръ*, а слав. *зидове*, *стена*, *ограда*; **крыша**—тур. *ианды*, а слав. *покривъ*, *стрѣха*; **вояжи**—тур. *дирекъ*, *диреци*, а слав. *колове*, *ступове*, *стѣклове*; **комната**—маляр. *соба*, тур. *одая*,—слав. *стая*, *прустъ*; **очагъ**—тур. *оджакъ*, слав. *огниште*; **печь**—тур. *кюмбе*, роман. *форуна*, *фурна*,—слав. *пець* и т. д. — Эти параллели какъ будто понижаютъ нѣсколько степень зависимости болгаръ отъ чуждыхъ народовъ, но мы не можемъ этого утверждать положительно. Причина заключается въ недостаткахъ сборниковъ, которые служили источникомъ для предлагаемой работы. Въ этихъ сборникахъ, исключая В. В. Качановскаго, никто изъ собирателей не отмѣчалъ точно, въ какой мѣстности и отъ кого записана пѣсня, поэтому и нельзя ручаться за непремѣнное существованіе параллелей въ извѣстной мѣстности ⁽¹⁾, а это было-бы очень полезно прослѣдить по картѣ и возможно было-бы вывести любопытныя заключенія.

---

(1) Существованіе параллелей очень возможно по моему мнѣнію, и появленіе ихъ очень понятно. Разъ приходилось невольно изучать языкъ властителей—турокъ или ихъ помощниковъ—грековъ фанариотовъ, то вслѣдствіе постоянной необходимости говорить на этихъ чуждыхъ языкахъ невольно вкрадывались въ болгарскій языкъ и слова турецкія и греческія, которыми болгары иногда замѣняли свои собственные, а потомъ даже забывали.— Всегаки утверждать это, какъ я сказалъ, пока нельзя,—нужны болѣе точныя изслѣдованія.

ОБЪ ПРИХАХЪ У ЧУВАШЪ.

Объ Ирихахъ у чувашъ краткія свѣдѣнія сообщаются многими авторами, писавшими о чувашахъ. Прежде чѣмъ сообщить нѣсколько новыхъ данныхъ, собранныхъ нами по этому предмету, я считаю умѣстнымъ сгруппировать въ одно уже имѣющіяся свѣдѣнія.

Неизвѣстный авторъ статьи о Чувашахъ прошлаго столѣтія говоритъ объ Ирихахъ слѣдующее: „Нѣкоторые изъ Чувашъ имѣютъ у себя домашнихъ идоловъ, называемыхъ ирихами, итярями (второе слово, повидимому, искажено наборщикомъ). Они почитаютъ ириховъ такими духами, кои могутъ причинять, по просьбѣ своихъ хозяевъ, вредъ и болѣзни ихъ сосѣдямъ, любятъ обитать въ свинцовыхъ кружкахъ, въ средину коихъ продѣта красная шерстяная нитка съ привязанной на концѣ кисточкой рябиновыхъ ягодъ, которую они ежегодно мѣняютъ, по созрѣніи новыхъ ягодъ. Сей приборъ, ими обожаемый, обернувъ чистымъ полотномъ и берестю, они подвѣшиваютъ подъ потолокъ, прикрѣпляютъ къ нему разныя оловячныя и свинцовыя бляхи и хранятъ въ чистотѣ. Ирихи бываютъ злые (хаяръ, въ подлинникѣ невѣрно ханіаръ) и смиренны (ивваги). Ирихамъ и тюрямъ (?) Чуваша приносятъ въ жертву бѣлыхъ утокъ, саламату съ масломъ и небольшія прѣсныя лепешки. Обрядъ жертвоприношенія имъ совершаются въ домахъ“¹⁾.

---

¹⁾ Сѣверный архивъ 1827 №Х и ХІ, стр. 139, 228. Въ 1888 г. статья о Чувашахъ перепечатана въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, редакціей коихъ надано сто отдѣльныхъ оттисковъ подъ заглавіемъ: О чувашахъ. Этнографическій очеркъ неизвѣстнаго автора XVIII ст. Съ предисловіемъ и примѣчаніями В. Магницкаго. Казань. 1888 г.

А. Θ. Фуксъ въ своихъ Запискахъ о Чувашахъ говоритъ: „Чуваши ни о чемъ такъ подробно не умѣютъ рассказывать, какъ объ Ирихѣ. Его дѣлаетъ Юмсъ, расплавляя олово и выливая его въ формочку. Ирихъ не простой кусокъ олова, но маленькій идолъ съ руками, ногами, глазами и величиною въ вершокъ. Ириха всегда ставятъ въ клѣткахъ, молятся ему и приносятъ ему жертвы. Жертва Ириху по чувашски называется *Кимерь*, по-русски—бисель, приготовляемый изъ яшной муки съ масломъ и съ водою; еще приносятъ ему въ жертву прѣсныя лепешки. Ириху молятся, когда болятъ глаза, зубы, уши или когда бываетъ сыпь и вереды. По простествіи десяти лѣтъ, опредѣляютъ въ жертву Ириху барана.—Рябиновую или липовую вѣтку, на которой виситъ Ирихъ, всякій годъ перемѣняютъ, бросая старую въ воду, а самъ Ирихъ всегда остается“ ¹⁾. К. Θ. Фуксъ въ отвѣтъ на это сообщеніе въ тѣхъ же Запискахъ пишетъ: „Чуваши не идолопоклонники. У нихъ нѣтъ идоловъ и ничего такого, чему бы они молились. Ихъ Ирихъ, или вѣточки, связанные изъ рябины, въ каждомъ (?) домѣ надъ дверьми находящіяся, служатъ имъ для удаленія недоброжелательнаго духа, вредящаго, какъ они думаютъ, достиженію супружеской цѣли“ ²⁾.

Протоіерей В. П. Вишневскій въ статьѣ о религіозныхъ повѣрьяхъ чувашъ ихъ Ирихѣ говоритъ такъ: „Ирихъ книгу приписываютъ разнаго рода сыпи на тѣлѣ, коросту, чирьи, болѣзнь глазную. Для умилостивленія его они устраиваютъ кузовья, и кладутъ въ нихъ рябиновыя вѣтки, кусочки олова, обрѣзки ногтей, волосы, бисель и хранятъ свои кузовья въ житницахъ“ ³⁾.

Бывшій адъютантъ-профессоръ Казанскаго Университета В. А. Сбоевъ въ своихъ письмахъ о чувашахъ, печатавшихся въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, опредѣляетъ ирихатакъ: „Ирихъ, божество, посылающее на людей разныя наружныя болѣзни, такъ-то: оспу, корь, чирьи, коросты, глазную болѣзнь и проч. Кого постигаетъ одна изъ такихъ болѣзней, тотъ долженъ принести ириху въ жертву гороховый

^{1) 2)} Записки Александра Фукса о чувашахъ и черемисахъ Казанской губерніи. Казань. 1740 г., стр. 93, 96 — 97 и 141.

³⁾ Казанскія Губернскія Вѣдомости 1846 г. № 23.

кисель и нѣсколько ягнать по назначенію іомси. У одного изъ ягнать отнимають голову и кладуть ее въ особый кузовъ, который обыкновенно вѣшается въ углу амбара, украшается разными вѣтвями, блесками и мелкими серебряными деньгами, и который называется также прихомъ и служитъ предохранительнымъ средствомъ отъ вышеупомянутыхъ болѣзней“. Въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же писемъ, по поводу сообщенія А. А. Фувсъ, онъ говоритъ: „Всѣ эти сказанія, противорѣчающія одно другому, совершенно несправедливы. Прихи были просто кадди или кузовья поставлявшіяся или вѣшавшіяся въ углу амбаровъ и наполнявшіяся костями принесенныхъ въ жертву животныхъ. Очень явно, что въ „Запискахъ о Чувашахъ“ принята случайная принадлежность предмета за самый предметъ. Точно надъ кузовьями съ костями жертвенныхъ животныхъ ставились иногда вѣтви, но къ нимъ привѣшивали не одинъ кусокъ олова, а многія блески, а у богатыхъ чувашъ—и серебряныя деньги. Ни объ идолообразномъ устройствѣ приха, ни объ рассказываемой „Записками о Чувашахъ“ церемоніи бросаніе стараго приха въ воду я ни прежде ни теперь не слыхалъ ни слова“¹⁾.

Н. И. Золотницкій въ статьѣ о жертвенныхъ приношеніяхъ чувашъ говоритъ: „Словомъ йрих, имѣющимъ настоящее значеніе „посвященія“, у чувашъ означается и предметъ посвященія и мѣсто посвященія (приношенія) и жилище того духа, которому дѣляется посвященіе, это же слово составляетъ общее именованіе и самихъ духовъ, которые при томъ имѣютъ частныя названія по своимъ свойствамъ, по качеству мѣстности, по имени селенія или владѣльца усадьбы, по именамъ христіанскихъ и мухамеданскихъ святыхъ и даже по именамъ древнихъ влaстителей. Духи эти не только переходятъ вмѣстѣ съ своими жилищами при перемѣщеніи послѣднихъ, но и размножаются, подобно киремети, посредствомъ отдѣленія частицъ отъ ихъ жилищъ“²⁾.

Профессоръ Е. А. Маловъ въ статьѣ: о вліяніи еврейства на чувашъ говоритъ: „Слово ирихъ (йирих), по нашему мнѣнію, имѣетъ совершенно иное значеніе“.

(¹) Исслѣдованія объ инородцахъ Казанской губерніи. Казань. 1855 г. стр. 124—125.

(²) Казанскія Губернскія Вѣдомости 1875 г. № 100.

„Я произвожу это слово отъ еврейскаго *яракъ*—прозя-
бать, произрастать, отсюда *яракъ*—молодая зелень, а также
ерекъ—зелень. Последнее слово особенно указываетъ на
прихъ-прихъ. Въ Библии слово *ерекъ* употребляется, когда
говорится о зелени (Псал. 36, 2. Быт. 9, 3. Исх. 10, 15.
Сравн. *ярокъ* зелень, мурава. Іов. 39, 8). Такимъ образомъ
слово *йирихъ* есть еврейское“¹⁾.

Позднѣйшіе авторы для выясненія значенія приховъ въ
жизни чувашъ сообщаютъ фактическихъ данныхъ болѣе,
чѣмъ мало. Такъ священникъ В. Я. Смѣловъ въ статьѣ
„Нѣчто о чувашскихъ языческихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ“
объ прихахъ говоритъ лишь слѣдующее: „Йирихъ—большую
частью какое-нибудь дерево, рѣдко—старый амбаръ. Йирихъ
посылаетъ наружныя болѣзни, особенно чирьи. Въ жертву
приносятся куски холста, серебряная монета, а для избав-
ленія отъ чиревъ—кружечки изъ олова. Кружечки эти пред-
варительно накладываются на чирей“²⁾.

Діаконъ В. И. Миролюбовъ въ статьѣ: „Изъ быта кре-
щенныхъ чувашъ (добавимъ—села *Чутеева*, Цивильскаго уѣз-
да) говоритъ „Йирихъ—это два, три отдѣльно растущія де-
рева, большую частью—вязовыя; духъ, обитающій въ нихъ,
менѣе зловреденъ для чувашъ, чѣмъ духъ киремети. Онъ
можетъ вредить людямъ только наружными болѣзнями, какъ-
то: вередями, ранами, и разною сыпью на тѣлѣ, поэтому и
жертва йириху приносится скромная. Онъ довольствуется
только перышками, косточками птицъ, разными привѣсоч-
ками, какъ-то: шелковыми ниточками, разными тухланами
(кружечками изъ бѣлой жести или свинца) и разными об-
носками обуви и т. п. Срубить одно изъ такихъ деревьевъ у
чувашъ считается также дѣломъ невозможнымъ. Еслибы кто
рѣшился поднять святотатственную руку на йириха, то такой
смѣльчакъ, по вѣрованію чувашъ, на всю жизнь останется
покрытымъ неизлѣчимыми струпами“³⁾.

Священникъ И. Архангельскій въ очеркѣ чувашской
народности говоритъ: „Славяне отводятъ для своего *чура*

---

¹⁾ О вліяніи еврейства на чувашъ (Опытъ объясненія нѣкоторыхъ
чувашскихъ словъ). Протоіерея Евеніи Малова. Казань 1882 г. стр. 16.

²⁾ Извѣстія по Казанской Епархіи 1880 г. № 20.

³⁾ Извѣстія по Каз. Епархіи 1889 г. № 21.

или домового помѣщеніе подь очагомъ или подь печью, а въ извѣстное время—передній уголъ подполья. Чуваши своихъ *йыя*, *йыйихъ*, *йыйра* помѣщаютъ, гдѣ хранятся главные плоды ихъ земледѣльческаго быта—зерновой хлѣбъ—т. е. въ амбарѣ. Нагляднымъ выраженіемъ этого помѣщенія служить кузовъ съ извѣстнымъ содержимымъ, который и зовется *йыйрихъ*. А такъ какъ изъ всѣхъ видовъ хлѣба у чувашъ преимуществуетъ рожь, то она и называется *йыйра-жъ*, а главные остатки, или отброски, т. е. отруби, называются *йыритъ*. Кузовъ помѣщается въ одномъ изъ угловъ амбара въ висячемъ, а если есть полки выше сусѣбовъ, въ стоячемъ положеніи. Въ кузовѣ находятся обрѣзки волосъ и ногтей, какъ предметы посвященія, принадлежащія организму посвящающаго, менѣе другихъ подверженныя разложенію. Сюда же кладутся кусочки олова *тухланъ*,—металла способнаго подниматься (?) (плавиться) скорѣе другихъ металловъ. Есть мнѣніе (чье?), что тухланъ замѣняетъ древняго фетиша чувашъ, маленькаго вершковаго идола, имѣющаго человѣческія формы, который готовится изъ олова (въ родѣ боговъ Лавана, украденныхъ Рахилью). Изъ распросовъ лучшихъ чувашъ по этому поводу, полнымъ довѣріемъ коихъ пользовался въ свое время пишущій эти строки, удалось узнать только то, что подобныхъ формъ нынѣ въ *йыйрихъ* нѣтъ; но у нихъ сохранилось преданіе, что ихъ прежде на память съ умершихъ „садчиковъ“, которые сажали (селили) чувашъ на извѣстныхъ мѣстахъ, дѣлали кузлы деревянныя или оловянныя, похожія на нихъ, садчиковъ. Какого размѣра были эти кузлы и гдѣ онѣ хранились, теперь чуваши не знаютъ. Кузлы эти носили имѣна тѣхъ садчиковъ, въ память коихъ онѣ сдѣланы; напр.: Юшанъ—дубовый, твердый (такъ ли? Юшанъ—дубъ, а дубовый по-чувашски Юшанранъ) и т. под. Тутъ же въ кузовъ кладутся обрѣзки холста, ситца, сукна, ремешки отъ выдѣланныхъ кожъ и овчинъ и даже щепочки отъ новаго сруба, вообще отъ всякихъ чувашскихъ обновъ. У чувашъ всякая обнова—въ обуви, въ одеждѣ, и въ жильѣ должна получить, такъ сказать, санкцію йыя или йыйихъ. Тутъ же кладутся мелкія монеты. Снаружи кузовъ украшается разноцвѣтными ленточками, а у богатыхъ серебряными монетами. Еще необходимую принадлежность *йыйриха* составляютъ вѣтки рябины, помѣщаемыя внутри и внѣ кузова... *Йыйрихъ*, въ которомъ обобща-

лось понятіе чувашъ объ умершихъ предкахъ.... наказываетъ чувашъ за отступленіе отъ завѣтовъ старины и порядка, переданнаго предками, и за неуваженіе ихъ памяти—болью въ поясницѣ, лишаями, коростой, скорбутомъ, чирьями, нарываами, глазными и другими накожными болѣзнями, къ которымъ чувашаи относятъ изъ міазматическихъ болѣзней оспу и корь по ихъ наружному виду“¹⁾.

Слово ирихъ нѣсколько разъ встрѣчается въ фельетонной статьѣ А. Жакмона: „Чувашаи въ Оренбургской губерніи“. но въ дѣйствительности авторъ подъ названіемъ ирихъ описываетъ жертвоприношенія чувашъ киреметямъ, Богу и въ честь покойниковъ; о самомъ же ирихѣ мы не находимъ у него ни одинаго слова“²⁾.

Перехожу къ изложенію свѣдѣній, собранныхъ непосредственно. Въ 1885 году бывшій учитель, чувашинъ села Тюрлемы, Чебоксарскаго уѣзда, Мак. Петр. Арзамасовъ доставилъ мнѣ подъ названіемъ ирихъ самодѣльную чувашскую куклу, изображавшую женщину. По его словамъ, эту куклу передалъ ему грамотный чувашинъ деревни Читламы того же уѣзда Григорій Петровъ Бычковъ, который добылъ ее тайно въ лачугѣ своего сосѣда, гдѣ она хранилась въ углу на полкѣ въ игрушечной зимней повозкѣ. Куклу отъ Арзамасова я приобрѣлъ и подарилъ бывшему секретарю Казанскаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи С. К. Кузнецову. Этотъ случай и побудилъ меня попытаться собрать объ ирихахъ новыхъ данныхъ.

Проѣзжая зимой 1887 г. Чебоксарскимъ уѣздомъ для осмотра училищъ, я просилъ нѣкоторыхъ учителей добыть мнѣ при случаѣ кузовъ, въ который складываются чувашами жертвенныя приношенія Ириху. Первымъ на мою просьбу откликнулся учитель *Толкинской* церковно-приходской школы, дьяконъ села Яндашева П. А. Троицкій. Въ мартѣ 1888 г. онъ прислалъ мнѣ слѣдующее письмо: „Въ бытность Вашу у насъ въ школѣ вы просили, чтобы мы доставили вамъ какъ-нибудь чувашскій ирихъ (въ школѣ при мнѣ былъ и законоучитель священникъ Г. И. Громовъ, котораго

---

¹⁾ Самарскія Епарх. Извѣстія 1886 г. № 13, 14 и 15. Намъ извѣстно, что авторъ наблюдалъ бытъ чувашъ въ Буинскомъ уѣздѣ Симбирской губ. въ Шемуршинскомъ приходѣ.

²⁾ Московскія Вѣдомости 1890 г. № 45 и 70.

П. А. Троицкій и подразумѣваетъ). Вы объясняли, что это есть какая-то кукла, но на самомъ дѣлѣ оказалось не кукла, а расплавленный свинецъ или олово, слитки коего нализаны на нитку, на подобіе серебряныхъ монетъ. Намъ удалось приобрести его случайно. Сосѣдъ мой Н. Е. Яндашевскій купилъ съ торговъ у односельца Аввакума Владимірова старый чувашскій амбаръ, который онъ и перевезъ къ себѣ на дворъ. Во время складыванія на дворѣ бревенъ изъ одного гнилаго бревна высыпались неожиданно упомянутые слитки. Было это въ присутствіи многихъ чувашъ. Нѣкоторые изъ нихъ помоложе, удивлялись: что это за штука? Но одинъ старенькій объяснилъ, что это есть „*прихъ*“ и рассказалъ употребленіе его. Ириху налилось горсти двѣ. Если вы таковымъ интересуетесь, то потрудитесь сообщить адресъ вашей квартиры, и я перешлю его вамъ, какъ вскроется Волга“.

Я, конечно, не замедлилъ отвѣтомъ и попросилъ П. А. Троицкаго записать и сообщить мнѣ тѣ объясненія, которыя сдѣлалъ старенькій чувашинъ объ употребленіи слитковъ.

Во второмъ письмѣ, отъ 20 апрѣля, П. А. Троицкій объ ирихахъ сообщилъ слѣдующее:

„Ирихъ—вещь родовая, наслѣдственная; переходитъ онъ изъ роду въ родъ, но съ того мѣста, гдѣ разъ назначено ему быть не трогается до сгніенія или случайнаго исчезновенія амбара или лагучи, въ которыхъ онъ хранится. По мнѣнію чувашъ, ирихъ есть какое-то цѣлебное вещество или божество, предохраняющее ихъ отъ глазныхъ болѣзней, веретовъ и другихъ подобныхъ нарывовъ; заболѣетъ, напр., чувашинъ глазами и вотъ онъ начинаетъ молить „ирихъ“.

Для моленья печется предварительно изъ пшеничной муки прѣсная лепешка. На этой лепешкѣ, до посадки ея въ печь, дѣлается по срединѣ концомъ скалки углубленіе, а по краямъ, пальцами рукъ, пять защиповъ. Когда лепешка испечется, начинаютъ варить „*нимеръ*“. Это есть родъ киселя. „*Нимеръ*“ готовится такъ: въ подвѣшенный надъ горномъ (вочахъ) котелъ наливаютъ воды, кладутъ потребное количество соли и начинаютъ кипятить воду; когда вода вскипитъ, пускаютъ въ нее извѣстную порцію пшеничной муки и коровьяго масла (*сю*) и снова смѣсь начинаютъ кипятить. Кипятятъ довольно долго. Наконецъ „*сю нимеръ*“ готовъ. Тогда на средину избы выставляютъ столъ, ставятъ

на него „сю нимеръ“, кладутъ упомянутую выше пшеничную лепешку и топоръ или косарь; передъ иконами на божницѣ затепляютъ восковую свѣчу и затѣмъ приступаютъ къ изготовленію „приха“.

Ирихи дѣлаются такъ: одна изъ старухъ иногда и стариковъ (изготовленіемъ ириховъ заправляютъ болѣе женщины, мужчины же участвуютъ побочно) беретъ въ руку широкую лучину, на средину ея кладетъ маленькій кусокъ олова или свинца и затѣмъ свободный конецъ лучины зажигаетъ, держа лучину подъ топоромъ или косаремъ; огонь, достигнувъ до середины лучины, гдѣ положено олово или свинецъ, расплавляетъ послѣдній, расплавившееся вещество капаетъ на топоръ или косарь, и вотъ—„прихъ“ готовъ. Топоръ или косарь кладутъ подъ расплавляемое олово или свинецъ потому, что съ нихъ застывшій сплавъ легко снимается, а это-де обстоятельство знаменуетъ то, что также легко прихъ долженъ очищать струны у просящихъ у него исцѣленія. Получившійся на топорѣ или косарѣ сплитокъ снимается и вздѣвается на нитку. Послѣ этого начинаютъ молить ириху, чтобы онъ избавилъ отъ такой-то болѣзни. Молятся ириху такъ: Сирлакъ пирѣ, ирихъ, косне тюрлетъ и т. д., т. е. Помилуй насъ, ирихъ; глаза исцѣли! Какъ мы тебя, ирихъ, бережемъ, такъ и ты насъ береги отъ всякихъ завѣдуемыхъ тобою болѣзней!

Послѣ молитвы прежде всего вырѣзаются средина лепешки съ сдѣланнымъ на ней углубленіемъ и края съ защипами, въ вырѣзанную средину лепешки кладется часть нимеря, отрѣзанныя части лепешки завязываются въ тряпку и опускаются въ кузовъ (йѣрѣх пѣрни, какъ намъ называлъ по-чувашски одинъ учитель чувашинъ); въ то же время въ кузову привязываются оловянные слитки и затѣмъ кузовъ уносится въ амбаръ или лачугу въ жертву ириху. Послѣ этого совершители обряда садятся за столъ сами и принимаютъ кушать все оставшееся за выдѣломъ ириху.

Изготовленіе приха и моленье ему совершаются тайно не только отъ сосѣдей, но и родственниковъ совершителей обряда.

У кого въ домѣ нѣтъ родоваго кузова, а вѣра въ ириху есть, тѣ изготовленный „ирихъ“ вѣшаютъ въ полѣ или въ лѣсу на кусточкахъ.

Объ прихахъ—заканчиваетъ письмо П. А. Троицкѣй—сообщила всѣ подробности старушка, которая при васъ сидѣла у насъ въ школѣ съ канчалушкой (прялкой); старикъ же, бывшій при выпаденіи приховъ изъ гнилого амбара въ с. Яндашевѣ, рассказывалъ мало, сухо, коротко“....

Къ сожалѣнію, и во второмъ письмѣ П. А. Троицкаго есть существенныя недомолвки. Такъ изъ его описанія не видно: кѣмъ и съ какими обрядностями снимается и приносится въ избу родовой кузовъ? Какъ располагаются передъ столомъ совершители обряда? Съ какими обрядностями привязываются къ кузову оловянные слитки и затѣмъ послѣдній уносится? Не менѣе жаль, что молитва ириху приведена П. А. Троицкимъ не сполна и не указано лицо, читающее молитву. Особенно важно бы знать: какъ называются почувашски мѣста въ полѣ или въ лѣсахъ, гдѣ вѣшаются слитки совершителями обряда, неимѣющими родоваго кузова? Вѣшаются ли слитки всегда на извѣстныхъ опредѣленныхъ мѣстахъ или же каждый разъ въ разныхъ? Отвѣты на эти вопросы важны для выясненія особенностей жертвоприношенія ирихамъ и киреметямъ, что этнографами постоянно смѣшивается.

Разсортировавъ доставленные мнѣ П. А. Троицкимъ слитки, я насчиталъ ихъ 121 экземпляръ. Въ этомъ числѣ оказались два слитка свинцовыхъ и 119 оловянныхъ. Слитки имѣютъ ту форму, какую сплавъ получилъ при паденіи на холодное желѣзо. Нѣкоторые кусочки олова упали на желѣзо видимо нерасплавившимися и за это забракованы. Самый большой слитокъ не болѣе 20-ти копѣечной серебряной монеты. По крайямъ слитковъ имѣется по одной дырочкѣ, въ которыя продѣты нитки, длиною отъ 1¹/₄ четверти до 1¹/₂ вершковъ. Каждый отдѣльный слитокъ нанизанъ на особую нитку. Нитки—льняныя, небѣленныя, въ большинствѣ случаевъ не крученныя (обрывки пряжи); одинъ слитокъ оказался нанизаннымъ на синюю крученую нитку. Концы нитокъ большею частію оставлены свободными для подвязыванія, у нѣкоторыхъ же онѣ связаны въ кольцо для подвѣшиванія слитковъ. По разборѣ слитковъ, остался пучекъ нитокъ безъ слитковъ.

Въ моихъ „Матеріалахъ къ объясненію старой чувашской вѣры“ Казань. 1881 г., въ выноскѣ на 82 стр., словъ чувашина села Абашъ Василія Якимова, говорится:

„Если желаютъ кому за что-либо отомстить, то загибаютъ йриха (т. е. слитую штучку) по поламъ, въ родѣ пирога, и при этомъ говорятъ: согни киреметь (ирихъ?) моего врага такъ, какъ я согнулъ этого йриха! Далѣе: иногда ворожецы рекомендуютъ кому либо изъ проходящихъ къ нимъ за совѣтомъ идти къ такой-то киремети (на мѣсто жертвенныхъ приношеній ириху?) отыскать близъ нея на его бѣду согнутаго йриха и разогнуть, чтобы бѣда прошла“.

Въ числѣ 121 слитка, доставленныхъ мнѣ П. А. Троицкимъ, пять слитковъ и дѣйствительно оказались согнутыми, но сплюснуты ли они съ указанной цѣлью или при переноскѣ слитковъ,—сказать положительно нельзя, потому что слитки сплюсчиваются при самомъ легкомъ нажимѣ на нихъ.

Вслѣдъ за П. А. Троицкимъ мнѣ доставленъ былъ кузовъ, съ привѣшенными къ нему оловянными слитками учительницей Абашевскаго сельскаго училища Чебоксарскаго уѣзда К. П. Богоявленской. Кузовокъ этотъ спитъ изъ бересты. Великою отъ $1\frac{1}{2}$ вершка въ вышину и $\frac{1}{2}$ вершка въ ширину. Въ отверстіе его, чтобы кузовъ не суживался, вставленъ изнутри черемуховый обручикъ, пришитый къ краямъ кузовка нитками. Снаружи къ отверстию прикрѣплена лямочка изъ крученаго лыка. Оловянные слитки, нанизанные на обрывки некрученой пряжи, разной длины, привязаны къ личной лямочкѣ въ мѣстѣ ея прикрѣпленія съ наружной стороны. По счету слитковъ оказалось 15; изъ нихъ два свинцовыхъ. Великою и по формѣ слитки одинаковы съ описанными выше. Согнутыхъ пирогомъ нѣтъ ни одного. Внутри кузовка было вложено 7 нохратокъ (изъ бѣлой жести кружечки),—одинъ величиною въ 15-ти копѣечную монету, остальные—съ горошину. По словамъ доставительницы, кузовокъ добытъ ея учениками изъ деревни Чиршъ вассы, Абашевскаго прихода. Кузовокъ видимо сдѣланъ недавно.

Въ іюнѣ 1887 года учитель - чувашинъ Кюгесьской школы Матвѣй Григорьевъ доставилъ изъ того же Абашевскаго прихода подъ именемъ „йерѣх пѣрни“ (приховъ кузовъ) четырехъ-угольную корзину, сплетенную изъ лыкъ. Къ сожалѣнію, этотъ доставитель счелъ неприличнымъ доставить корзину въ томъ видѣ, какъ она была доставлена ему, а предварительно вымылъ ее, оборвалъ всѣ принадлеж-

ности къ ней и выбросилъ подстилку, бывшую на днѣ. Доставленная Григорьевымъ корзинка по измѣренію оказалась: вышиной $2\frac{1}{4}$ вершка, такой же она ширины къ одному краю, а къ другому 2 вершка. Надъ отверстіемъ, какъ и у предшествовавшаго кузовка, веревочная лямка. Корзинка видимо давняя. Въ корзинку было вложено: 15 слитковъ, 10 нахратокъ, $7\frac{1}{2}$ ячменныхъ колобковъ и 4 восковыя свѣчи.

Всѣ слитки, бывшіе въ корзинѣ,—свинцовые, величиной вчетверо болѣе описанныхъ выше; отлиты они, повидимому изъ чайныхъ оберточныхъ листовъ и нанизаны на нитки.

Изъ числа нохратокъ двѣ—величиною въ горошину, остальные 8 въ серебряный пятикопѣечникъ.

Колобки, или какъ назвалъ ихъ по-чувашики предположительно одинъ чувашинъ, *тюрметъ*, походятъ на копѣечную булку, но вдвое менѣе. По краямъ колобковъ имѣется до 7 защиповъ, а въ серединѣ—углубленіе. У одного колобка въ углубленіи замѣтна бѣлесоватая засохшая масса, вѣроятно, пимерь. Края четырехъ колобковъ и одной половинки источены, повидимому, насѣжками.

Восковыя свѣчи длиной до $2\frac{1}{2}$ вершковъ, а толщиною въ стволъ вороньяго пера; одна изъ нихъ бѣлаго воска, остальные три желтаго. Свѣтельни у желтыхъ обожжены.

Доставитель корзинки, хотя и чувашинъ, но о культѣ приховъ чувашами ничего сообщить не могъ, потому что едѣтства жилъ въ г. Чебоксарахъ, гдѣ совсѣмъ обрусѣлъ.

Въ мартѣ 1889 г. былъ доставленъ мнѣ приховъ кузовъ учителемъ-чувашиномъ Яковымъ Ивановымъ изъ деревни Малыхъ Мемей (Куль башъ), Свияжскаго уѣзда. Мало-меминскій кузовъ сдѣланъ изъ вязовой коры, имѣетъ форму обыкновенныхъ русскихъ кузовьевъ. Вышиной отъ 3 верш., шириной по дну около 2-хъ вершковъ. Лямка для подвѣшиванія ниточная. Оловянные слитки привязаны въ мѣстахъ прикрѣпленія лямки съ обѣихъ сторонъ. Съ одной стороны кузова прикрѣплено пять оловянныхъ слитковъ и одинъ свинцовый, съ другой—девять. Кузовъ взятъ тайно изъ лагучи вдовы Анны Макаровой, считающейся въ деревнѣ ворожейей.

По собраннымъ до полученія этого кузова свѣдѣніямъ отъ учениковъ Мало Меминской шволы Братства св. Гурія,

въ деревнѣ Малыхъ Миляхъ ирихи имѣются въ пяти домахъ. Одинъ изъ владѣльцевъ ириха извѣстенъ въ деревнѣ подъ именемъ „*йерех-набай*“—дѣдушка, имѣющій ирихъ ¹⁾).

Въ жертву ирихамъ, вромѣ перечисленныхъ выше приношеній, въ Малыхъ Мемяхъ приносятся еще куриныя яйца, зачерненные сажей съ того или другого конца. Отъ тѣхъ лицъ, у которыхъ нѣтъ ириховъ, жертва ириху всовывается въ плетни и заборы, окружающіе усадебную осѣдность владѣльцевъ ириха. Разъ былъ такой случай, рассказывали мнѣ ученики. Чувашскіе мальчики, игравшіе на улицѣ, замѣтили повѣшенный на плетень оловянный слитокъ, сняли его на землю и стали хлестать прутьями. На другой день у одного изъ шалуновъ вскочилъ чирій. Родители этого мальчика, узнавъ объ участи его въ предшествовавшей проказѣ, для умилостивленія ириха поспѣшили принести въ жертву яйцо.

Бывшій учитель Бичуринскаго 2-хъ класснаго училища, Чебоксарскаго уѣзда, изъ чувашъ Ядринскаго уѣзда Ѳ. Н. Никифоровъ сообщилъ намъ, что словомъ ирихъ чуваша называютъ духа. Наружнымъ изображеніемъ его служитъ кукла, представляющая дѣвушку. Таковую куклу вложенную въ кузовъ съ жертвенными приношеніями ириху, онъ видѣлъ въ дѣтствѣ въ амбарѣ своего ододеревенца. Случилось такъ, что съ амбара вѣтромъ сорвало крышу, и деревенскіе мальчики, узнавъ объ имѣющемся въ амбарѣ ирихѣ, лазили въ амбаръ посмотрѣть ириха. Что касается рябины, то она у чувашъ считается вообще цѣлебнымъ средствомъ отъ вредоносныхъ духовъ. Такъ чуваша навѣшиваютъ части рябиновыхъ вѣтвей на шею дѣтямъ, больныхъ скорбутомъ, что по-чувашски называется „*Вубурь чумлатъ*“. Близъ мѣста нахождения ириховъ строго воспрещается исправлять естественныя нужды. Въ послѣднее время, по словамъ г. Никифорова, много ириховъ брошено чувашами въ рѣчку въ Тимирянекомъ приходѣ, Буинскаго уѣзда, подъ вліяніемъ поученій одного чувашина.

Лучшій экземпляръ ириха, въ формѣ кругаго небольшого лукошка, имѣется въ Миссіонерскомъ Пріютѣ въ Ка-

---

¹⁾ Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, въ дер. Татанашевой, былъ чувашинъ подъ названіемъ Ирихъ Хведеръ, т. е. Хранитель ириха Ѳедоръ. См. Матеріалы къ об. старой чув. вѣри. стр. 80.

зани. Тамъ же хранятся принадлежности приха, обнаруженнаго въ деревнѣ Масловой (Кивьяль), Чебоксарскаго уѣзда, подъ именемъ „*Мелимъ хузя*“ и описаннаго въ моихъ „Матеріалахъ къ объясненію старой чувашской вѣры (стр. 68—77). Н. И. Золотницкій названіе этого приха произвелъ отъ имени магометанскаго святаго, но, судя по тому, что прихи у чувашъ переходятъ изъ рода въ родъ по наслѣдству, что чувашскія языческія имена были одинаковы съ татарскими и что титуль „*ходжа*“ (татар. возъ, кузъ, чуваш. хозъ, хузъ) носили и чуваша, можно предполагать, что „*Мелимъ хузя*“ былъ предокъ тѣхъ чувашъ, у потомковъ коего онъ былъ обнаруженъ.

Отъ слова прихъ, кромѣ лицъ, и вещей носятъ названія селенія, рѣчки и острова. Такъ въ Чебоксарскомъ уѣздѣ существуютъ деревни: Ирихъ сирьмы (Ириховъ оврагъ) въ Кошвинскомъ и Акулевскомъ приходахъ. Въ томъ же Чебоксарскомъ уѣздѣ, въ юго-западномъ его углу, подъ деревнями Большое и Малое Карачурино Янгилединскаго прихода, Козмодемьянскаго уѣзда, протекаетъ рѣчка Йерекъ шу. На берегу этой рѣчки чувашами совершаются обильныя жертвенныя приношенія¹⁾. Въ ядринскомъ уѣздѣ рѣчка „*Йерекъ шу носъ*“ течетъ въ присурскихъ лѣсахъ, близъ Кошлоушскаго прихода.

Несомнѣнно отъ слова прихъ получилъ названіе „Ириховъ островъ“ на рѣкѣ Волгѣ, при деревнѣ Арахчиной, выше села Верхняго Услона. Съ этимъ названіемъ островъ упоминается въ одномъ документѣ подъ 1594 годомъ²⁾. До 1795 г. Иреховъ островъ принадлежалъ помѣщику Желтихину, а теперъ — городу Казани.

---

¹⁾ Волжскій Вѣстникъ 1887 г. № 201. (Корреспонденція изъ Чебоксарскаго у.).

²⁾ Село Верхній Услонъ. Извѣстія по Казанской Епархіи 1831 г. № 7.

РУССКІЯ ИМЕНА И ПРОЗВИЦА

ВЪ XVII ВѢКѢ.

Представляемый мною сборникъ русскихъ „мірскихъ“ именъ и прозвищъ извлеченъ изъ рукописныхъ документовъ, принадлежащихъ Казанскому Обществу Исторіи, Археологіи и Этнографіи: изъ писцовыхъ и отказныхъ книгъ, разныхъ грамотъ, челобитныхъ, наказныхъ памятей, судныхъ дѣлъ, явочныхъ, кабальныхъ и поручныхъ записей и т. п. Всѣ эти документы относятся къ Казанскому и Нижегородскому краю, къ разнымъ годамъ XVII-го столѣтія.

Считаю необходимымъ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній и объясненій.

Русскія личныя имена, на ряду съ христіанскими, были встарину весьма обычнымъ явленіемъ во всѣхъ слояхъ и сословіяхъ народа. Всѣмъ извѣстны такъ называемыя „княжія“ имена въ древнемъ періодѣ нашей исторіи. Въ XIII-мъ столѣтіи они встрѣчаются рѣже, а въ XIV-мъ уже совсѣмъ уступаютъ мѣсто христіанскимъ именамъ (*). Но въ народѣ имена такого рода, называвшіяся „мірскими“, жили еще въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, мало-по-малу выходя изъ употребленія—сперва въ высшемъ сословіи, а потомъ и въ простомъ народѣ. Въ XVII-мъ в. они весьма рѣдко встрѣчаются въ средѣ чиновныхъ и служилыхъ людей; но между посадскими людьми и особливо между крестьянами они попадаются еще очень часто, особенно въ начальныхъ годахъ столѣтія, хотя и уступаютъ по численности обыкновеннымъ христіанскимъ именамъ. Замѣтно однакожь, что въ теченіе XVII-го вѣка они становятся все менѣе и менѣе употреби-

---

(*) По замѣчанію Карамзина, послѣдній князь, носившій русское имя, былъ Ярославъ, сынъ Владиміра Андреевича Храбраго.

тельными, а къ концу его почти совсѣмъ исчезаютъ, перешедши въ простыя прозвища.

Рядомъ съ мірскими именами, съ самаго древняго времени появляются прозвища, которыя часто ничѣмъ не разнились отъ мірскихъ именъ. Стѣбитъ заглянуть въ родословныя книги, чтобъ увидѣть, какъ многочисленны и какъ разнообразны были прозвища, прибавлявшіяся къ именамъ въ княжескихъ и дворянскихъ родахъ (*). Именованіе по родамъ и фамиліямъ, вмѣсто прозвищъ, стало входить у насъ въ употребленіе съ конца XIV-го в., а въ XVI-мъ уже совсѣмъ утвердилось. Но въ простомъ народѣ прозвища сохранялись еще долго, сохраняются и въ настоящее время. Въ XVII-мъ в., какъ видно изъ разсмотрѣнныхъ документовъ, имена очень часто употреблялись какъ прозвища, и на оборотъ (**).

Изъ именъ, какъ мірскихъ, такъ и христіанскихъ, и изъ прозвищъ возникли фамильныя прозванія, получившія у великоруссовъ форму прилагательнаго имени съ окончаніями на *овъ*, *инъ*, *скій*, или въ родит. падежѣ ед. числа *ою*, *ово*, *аю*, или множ. числа *ыхъ*. *ихъ*: Захарьинъ, Романовъ, Мстиславскій, Солового, Щербатово, Дурново, Веселаго, Мертваго, Нагихъ и т. п.

Почти всѣ приведенныя въ моемъ спискѣ имена и прозвища принадлежатъ крестьянамъ и посадскимъ людямъ. Въ упомянутыхъ выше документахъ, изъ которыхъ извлечены они, обыкновенно обозначаются имя, отчество и фамилія или

(*) Напримѣръ: Василій Овчина, Данило Щеня, Федоръ Кутузъ, Иванъ Тугой-лугъ, Владиміръ Темносиній и мн. др. Даже попадаются явно насмѣшливыя прозванія: Баранья-голова, Дуракъ, Харя, Халало, Собака, Дубовый-носъ, Глухой и т. п. Очень часто прозвище было и именемъ (мірскимъ) лица, и вносилось въ родословные списки безъ прибавленія христіанскаго имени; такъ встрѣчаются: у Александра (Кутузова) дѣти Нематой да Посниекъ; у князя Ивана (Мещерскаго) дѣти Бархатъ да Аксамитъ и т. п.

(**) Въ одномъ Азбукovníкѣ (XVII-го в.), въ «предисловіи толкованію именъ человѣческихъ» говорится: «Прежде убо славяне, еще суще погани, не имѣяху книгъ, понеже не розумѣяху писанія. И того ради дѣтямъ своимъ даяху имена яко же восхитеть отецъ или мати дѣтицу, яко же суть сія: Богданъ, Важенъ, Второй, Третьякъ и прочая подобная симъ, яже нынѣ прозвища именуются».

прозвище (иногда же только имя и отчество, безъ прозвища), напимѣръ: Потѣха Ивановъ сынъ Опаринъ, Шестой Офонасьевъ сынъ Серебренникъ прозвище Кроха, Жданъ Клементьевъ сынъ Облоуховъ, Дмитрий Третьяковъ сынъ Ончиковъ, Васька Григорьевъ сынъ Ярило, Невѣжа Тимофеевъ сынъ Бобоѣдовъ, Алексѣйко Онуфреевъ а прозвище Попъ, Иванъ Ивановъ сынъ Ермолинъ прозвище Рогожа, Вавило прозвище Бажень, Первово сынъ Гагарина, Истома Ивановъ сынъ Трисисолома, Тимоха Меншово сынъ Сухая-заколотка, Мурза Онисимовъ Коротково, скоморохъ Жданко Веселой, Ивашка Тяжеловы-шубы, Васька Терентьевъ сынъ Татаринъ и т. п. Лица служилаго сословія почти всѣ носятъ христіанскія имена („молитвенныя“, какъ тогда называли) и обыкновенныя фамильныя прозванія въ нынѣшней формѣ. Только изрѣдка попадаются въ средѣ ихъ: Игуменъ Леонтьевъ сынъ Бѣлово, Бусурманъ Леонтьевъ сынъ Бѣлово, Курдюкъ Семеновъ сынъ Карамзинъ, Томило Семеновъ сынъ Карамзинъ, Одиноецъ Михайловъ сынъ Беклемишевъ, дьякъ Алмазь Чистого, дьякъ Бажень Степановъ, дьякъ Гуляй Золотаревъ, дьякъ Неупокрой Кокоскинъ, подьячій Ерманъ Баженовъ, городской прикащикъ Юшпанъ Лобановъ. Между духовенствомъ подобныя имена еще рѣже: мнѣ встрѣтились только имена поповъ Посникъ (т. е. Постникъ) и Девятой и прозвища Трубникъ и Списокъ.

Почти всѣ имена, судя по отчеству и прозвищамъ, а также по содержанию документовъ, мы должны отнести къ русскимъ людямъ. Правда, по имени и фамиліи не всегда можно догадаться о народности носившаго ихъ лица: такъ упоминаются между мордвой, даже не крещеной: Тишка Потѣшницъ, Гришка Башкинъ и т. п., попадаетъ торговый нѣмчинъ Романъ Юрьевъ сынъ Рѣзвой. Точно также и русскимъ людямъ, какъ извѣстно, давались имена явно инородческія: Бахтеаръ, Муса, Сабуръ, Санчукъ, Угримъ и др. Иногда въ документахъ обозначается народность лица: нѣмчинъ, литвинъ, мордвинъ, татаринъ; но не всегда.

По тогдашнему обыкновению, большая часть именъ внеслась въ списки въ уменьшительной формѣ; Митька, Олешка, Стенька, Ондрейко, Павликъ, Павелко, Володимѣрко, Десятка, Пятунка, Ермачко, Жданко, Огаѣца, Марьица, Батеринка, Оленка, Овдотьца; даже попадаются такія уничтожительныя отмѣтки: „вдова Федорка Елисеева дочеришко

Ивановская женишко“. Но дворянъ и священниковъ писцы прописывали правильнымъ, прямымъ именемъ. Въ челобитныхъ на имя царя уменьшительная форма имени считалась необходимой и для служилаго человѣка, и для простолюдина; при этомъ духовные люди именовали себя въ челобитныхъ „богомольцами“, дворяне и служилые люди „холопами“, а крестьяне „сиротами“: „бьетъ челомъ холопъ твой Петрушка князь Степановъ сынъ Асановъ“, „бьетъ челомъ сирота твой крестьянинъ Васька Игнатьевъ сынъ Горшковъ“.

Многія, въ настоящее время очень обыкновенныя, имена вовсе не попадались мнѣ въ разобранныхъ документахъ: такъ не встрѣчались Ольга, Вѣра, Надежда, Всеволодъ, Вячеславъ. Изъ приведенныхъ въ спискѣ русскихъ именъ были, какъ видно, болѣе употребительны: Жданъ, Бажень, Томило, Китай, Безсонъ, Смирной, Русинъ, Богданъ, Первой, Второй, Третьякъ, Гуляй, Дружина, Замятня, Казаринъ, Милота, Меньшикъ, Неустрой, Некрасъ, Нечай, Потѣха, Посникъ, Поздѣй.—Въ числѣ именъ, внесенныхъ въ списокъ, есть и такія, которыя, можетъ быть, происходятъ отъ обыкновенныхъ христіанскихъ: Елка (Елисей?), Дорошка (Дорофей?) и др.

Поводы, по которымъ какое-либо прозвище давалось известному лицу, были весьма разнообразны, но не всегда могутъ поддаться объясненію. Иногда прозвище указываетъ на родину или мѣсто происхожденія: Вологженинъ, Галичанинъ, Крымсково, Торопченинъ, Романовецъ, Городчанинъ, Нагай, Устюжанецъ; очень часто на ремесло или занятіе: Дровишникъ, Завошикъ, Калашникъ, Порубшикъ, Рогозинникъ, Рудометь, Щепетильникъ, Дружина Ивановъ сынъ, Нашивошникъ, Посникъ Нивифоровъ сынъ Сапожникъ, Власко Пахомовъ сынъ Своморохъ; часто также прозвище указываетъ на свойство человѣка, на тѣлесный недостатокъ: Веселой, Лихачъ, Молчанъ, Плакса, Нѣмта, Горбунъ, Корноухъ, Кривошея, Шумило Мининъ сынъ Безносой (*).

Нѣкоторыя, по-видимому, непонятныя имена и прозвища могутъ быть объяснены изъ мѣстныхъ народныхъ гово-

---

(*) Всего чаще встрѣчаются фамильныя прозванія въ нынѣшней формѣ: Ивановъ, Рукавишниковъ, Городчаниновъ, Крупениковъ и т. п.; они въ списокъ не внесены. Изъ прозвищъ, указывающихъ на родину, ремесло, тѣлесный недостатокъ, лишь немногіе вошли въ списокъ.

ровъ, какъ напр.: басалай, ваула, завьяла, копоской, котрахъ, курбатый, рахманный, салтыкъ, сарань, шадра, шима, шишга и мн. др.

Что касается до прозвищъ въ родѣ: Мерзлая-голова, Кривой-колпакъ, Набезденежь, Высокія-щи, Овсяной-разумъ, Подсѣки-жорова, Помойная-каша, „стрѣлецъ Матюшка прозвище Съ-копейкой-два-гроша“ и т. п.,—они представляютъ не что иное, какъ насмѣшливыя клички, какія и въ настоящее время нерѣдко встрѣчаются между простымъ народомъ, но клички, до такой степени закрѣпившіяся за извѣстными лицами, что онѣ внесены и въ официальные документы.

Нѣкоторыя имена и прозвища напоминаютъ такія же, встрѣчающіяся въ русской исторіи, или въ былинахъ, или въ сказкахъ: Басарга, Бахтеаръ, Булатъ, Буслай, Буславъ, Валгасъ, Вишата, Грязной, Добрыня, Дружина, Дунай, Дюкъ, Ермакъ, Замятня, Залѣшенинъ, Казаринъ, Калита, Кирша, Китай, Кобакъ, Колча, Кудашъ, Курдюкъ, Кучко, Лютой, Ляпунъ, Мирославъ, Мосяга, Мурза, Нагай, Несибанъ, Неумойка, Образецъ, Одинецъ, Окуль, Панъ, Пересвѣтъ, Ратманъ, Русинъ, Сабуръ, Салтанъ, Салтыкъ, Соловей, Сотко, Суръ, Суханъ, Тихомиръ, Тархъ, Торхъ, Угримъ, Уланъ, Уранъ, Ушакъ, Чермной, Шемяка, Якунь, Ярило и др. (*).

ИМЕНА.

Алмазь	Безсоль, Безсолво
Алтынъ	Безсонъ, Безсонко
Аталыкъ	Бирмашъ
Бажень, Баженко	Богатинка
Баимъ, Баимка	Братуля, Братуха
Бакалда	Будило
Басалайво	Булатъ
Батенко	Булгакъ
Батрачко	Буславъ
Бахтеаръ	Бусурманъ

(*) Въ представляемомъ спискѣ имена и прозвища внесены въ такой формѣ, въ какой они попадались въ документахъ. Такъ, вмѣсто окончаній *ий, ий* вездѣ стоитъ *ой, ей*: Смирной, Чистой, Горячей, Ворожей, Василей, Григорей и т. п. Въ уменьшительныхъ именахъ окончанія *ка и ко* употреблялись безразлично: Ивашка и Ивашко, Китайка и Китайко.

- Бухара
 Бѣлоусъ
 Бѣляй, Бѣляйка
 Вага
 Валгасъ, Валгаско
 Ваула
 Веденка
 Верещага
 Виша
 Внукъ
 Ворошилко
 Ворынай
 Всполохъ
 Второй, Вторунка, Вторуш-
 ка, Вторышка, Вторка
 Галанъ, Галаня
 Галинь
 Гладышъ
 Голуба (женское имя)
 Голча
 Гордюшка (Гордїй?)
 Горайко, Горайнко
 Грачь
 Грязной
 Гулимъ
 Гулиха
 Гулай, Гуляйко
 Гундоръ
 Густомѣсъ (въ другомъ мѣ-
 стѣ: Пустомѣсть)
 Девятой, Девятко
 Десять, Десятой, Десятка
 Добрыня, Добрынка
 Докува
 Долгишъ
 Дорогой, Дорогунка
 Дорошка (Дорожь? Доро-
 фей?)
 Достафя (женское имя)
 Дружина, Дружинка
 Дубена, Дубина
- Егупъ
 Елка (Елисей?)
 Ермакъ, Ермачко
 Жаденка
 Жданъ, Жданко
 Завьяль, Завьялко
 Залѣшенинъ
 Замятня, Замятенва
 Злоба
 Золотой
 Зукъ
 Игоша, Игонко, Игошка (Иг-
 натїй?)
 Игуменъ
 Истома
 Ишукъ
 Казаринъ, Казаринко
 Калина, Калинка (Калли-
 ния?)
 Кисель
 Китай, Китайка, Китачко,
 Китунка
 Кликунъ
 Кобякъ
 Ковеза
 Козанъ
 Колмакъ
 Конюшка (Кононъ?)
 Копенка, Купенка
 Копось, Копоско
 Копть (копотъ?)
 Кормило, Кормилко (Кор-
 нилїй?)
 Коротай, Каратай
 Коротвой
 Которхъ
 Кресниязъ
 Крупениязъ
 Крутикъ
 Кудашь
 Кудинъ (Акиндиинъ?)

Кунава (женское имя)
 Курбатъ, Курбатво
 Курдюкъ
 Кушко (Кучко?)
 Ластуха
 Лихачъ, Лихачво
 Лобанъ
 Любава, Любавка, Любка
 (женское имя)
 Любимъ, Любимво
 Лютой
 Май
 Макушка (Макарий?)
 Малець
 Малѣй
 Мамлей, Момлей
 Манъ
 Мардашъ
 Марецъ
 Мелеха, Мелешка (Мелен-
 тій?)
 Меньшой, Меньшикъ, Мень-
 шичко
 Милашка
 Милованъ, Милованка
 Милюта, Милютка
 Мирославъ
 Мишута
 Моклоъ
 Молчанъ
 Мосяга, Мосяшка (Моисей?)
 Мурза
 Надежа, Надежко
 Найдень
 Небаженъ
 Невѣжа, Невѣжка
 Невѣрка
 Нежданъ
 Неклюдь, Неклюдово
 Нелюбъ
 Некрасъ, Некраско

Непогода
 Несвитай
 Несмѣянъ
 Неупокой, Неупокойво
 Неустратей, Неустратка
 (Нивостратъ?)
 Неустрой, Неустройко
 Нехорошей, Нехорошко
 Нечай, Нечайко
 Новинко
 Ногавица
 Образецъ
 Овсяникъ
 Одиноць
 Оватко
 Окинша (Тавинфъ?)
 Окуль, Окулво
 Оничка (Аника?)
 Онцърео (Онисифоръ?)
 Ончутка
 Орѣхъ
 Останя
 Отай
 Охотка, Охотня
 Ощера
 Панко, Паникъ, Паня
 Пасынокъ
 Первой, Первушка
 Пересвѣтъ
 Плева
 Плохъ
 Подосенъ
 Подурай
 Поздѣй, Поздѣйко, Поздѣкъ,
 Позной
 Попко
 Пороша
 Посникъ, Постникъ, Пос-
 ничко
 Потѣха, Потѣшка
 Правоторхъ, Правоторъ

Присылко
 Пустомѣсть (см. Густомѣсь)
 Путило, Путилко
 Пѣнко
 Пѣшекъ
 Пятой, Пятво, Пятунка, Пятуня
 Ратманъ, Ратманѣо
 Рахманъ, Рахманинъ
 Рокита
 Рослякъ
 Роспутко
 Ростегайко
 Русинъ, Русинко, Русанъ
 Рюма
 Сабуръ
 Садошва (Садовъ?)
 Салтанъ, Салтанко
 Салтыкъ
 Самѣо, Самунка, Самышка
 (Самей? Самуилъ?)
 Саранъ
 Сарычъ
 Свинка
 Семейка (Самей?)
 Скурша
 Смирной, Смирка
 Смола
 Соболя, Соболка, Соболица
 (женск. имя)
 Содомъ
 Соловей
 Солодь
 Софрыга, Сыврыга
 Субота, Суботка
 Суворъ
 Сунбухъ

Суръ
 Сусло
 Терпило
 Тетюра
 Типунъ
 Тихомиръ
 Томило, Томилко
 Торота
 Торхъ
 Трегубъ
 Тренька, Трешка (Трифонъ?)
 Третьякъ, Третьячко
 Угримъ
 Уланъ, Уланко
 Уранъ
 Утѣшь
 Ушакъ
 Худякъ, Худячко
 Черемисинъ
 Четвертой, Четвертка
 Чечура
 Чистой
 Чувашъ, Чувашко
 Чура
 Шебяка, Шибяка
 Шеломъ
 Шестой, Шестакъ, Шестачко, Шестунка
 Широнка
 Ширяй
 Шиша, Шишка
 Шишига
 Шумило, Шумилка
 Шумъ, Шумка
 Юшманъ
 Явунко
 Явка, Янко.

ПРОЗВИЩА.

Бабенъ, Бабинъ, Бобенъ	Братченоеъ
Бабка	Брилка
Багоръ	Брохъ
Баженко	Брусеня
Байдара	Брюхо, Брюшко, Брюханъ
Байракъ	Бубенъ
Балашъ, Балашеноеъ	Будылиха (женское пр.)
Балуи	Булыгиha (женское пр.)
Банной	Булында
Баранъ, Боранъ, Баране- ноеъ	Булянка
Барыба, Барыбка	Бурда
Барышъ	Бурена
Басарга	Буслай
Батальщикъ	Бусурманъ
Бахматъ	Бухала
Бачной	Буя
Баюшъ, Ваюшка	Быдыльщикъ
Бибена	Бѣлово
Бибородой	Бѣлоноеъ
Бибводной	Бѣлуха
Бибрадной	Бѣляй, Бѣляйко
Бибсонъ, Бибсонка	Бѣсь
Бибхлѣбница	Бѣшеной
Бетя	Вага
Бибриглазъ	Валгасъ, Валгаско
Бибричь	Варака
Бибрюеъ	Ватошникъ
Библинъ, Библинникъ	Верещага
Бибобошъ	Веселой
Бибданъ, Бибдашко	Ветчина
Бибгомоль	Винникъ
Бибжедомъ	Винокуреноеъ
Биболото	Вишата
Бибольшая-борода	Водорѣзъ
Бибольшая-сѣвера	Вологда
Биборода	Волкъ, Волчоеъ, Волченоеъ
Биборона	Волчиха (женское пр.)
Биборсуеъ	Волынка
	Вельдй

Воробей	Дериглазь
Ворона, Вороней	Дешевой
Вострая-сѣкира	Двоешерстной
Вострой-обухъ	Догадай
Вотряга, Вятряга	Долгая-полка
Всячина	Долгина
Выморъ	Долгіе руви
Высокія-щи	Долгіе-понъи
Выщикъ	Долгополъ
Вялой	Домолега
Галаня, Галанка, Голаня	Домѣрщикъ
Галка, Галченкоъ	Дроздъ
Гладышъ	Дровишникъ
Глазырь	Дружина, Дружинка
Глухой, Глухово	Дружокъ
Гнуса, Гнуска	Дуда, Дуденовъ
Гогара	Дудоладъ
Годовикъ	Дудоръ, Дудора
Голенъ, Голеноеъ	Дунай
Голохребтикъ	Дюкирь
Голуба	Дюкъ
Голякъ, Голекъ	Едреной
Голята	Елпашъ
Горбина, Горбинка	Ень
Горе	Ершъ
Горохъ	Жадай, Жадайка
Горошъ	Жадной
Гортовина	Жареной
Горшокъ	Жаркой
Горячей	Жгибѣсовъ
Горячія-щи	Желепа
Гребень (род. пад. Гребеня)	Желтоногой
Греза	Живной
Грибовщикъ	Жидкой
Грудка	Жилы, Жилка
Груздъ	Жолобъ
Грязной	Жуекъ, Жучко, Жучоеъ, Жу- чноеъ
Губа	Журавль
Гусь, Гусенокъ	Забаль
Девятой, Девятого	Завошникъ
Дедюха	

Зажгимеровъ
 Зай, Заяцъ
 Заколяпа
 Заразко
 Зауморъ
 Захвораѣ
 Зеленой-возгра
 Зерщивъ
 Зобокъ
 Зубатой, Зубатого
 Зубъ, Зубокъ
 Зыгъ
 Иконникъ
 Истомка
 Казанченко
 Калачъ
 Калита
 Канокъ
 Капуста
 Карла
 Катышь
 Кашмаеъ
 Кирша
 Кисель
 Кислякъ
 Кликунъ
 Клокъ
 Клыкъ
 Клюва
 Князь
 Кобель
 Кобызъ (Кобза?)
 Кованенокъ
 Ковшесникъ
 Коза
 Козаеъ, Казаеъ
 Козанъ, Козонъ
 Козель
 Кока
 Кокура
 Колмакъ

Колободъ
 Колобъ
 Колтыря
 Колча
 Колыня
 Колюпанъ
 Кондаратецъ
 Конекъ, Коняшка
 Конюшенокъ
 Копенникъ
 Корела
 Корноухъ
 Корова
 Король
 Короткой, Коротково
 Корташъ
 Корюкъ
 Косило
 Костеря
 Костромка
 Костыль
 Котенокъ
 Которость
 Кочанъ
 Кочодыкъ
 Краденый
 Кривда
 Кривой-волпаеъ
 Кривоногъ
 Криворотъ
 Кривошея
 Кривошоеъ
 Кринка
 Кромина
 Кроха
 Крупной
 Кручина
 Крымсково
 Крячко
 Кудреватой
 Кузло

Куленоеъ
Куликъ
Кунаръ
Курапа
Лабута
Ладило
Латыня
Латышъ, Латышево
Легуня
Лепеха
Леплена
Лещъ
Лиса
Лихачъ
Лобоненокъ
Лосенокъ
Лоскутъ
Лось
Лохъ
Лошковой
Лунникъ
Лучникъ
Лытка
Любимъ, Любимво
Лягута
Ляма
Ляпунъ, Ляпушка
Ляскишъ
Макаренокъ
Макура
Малець
Малиненокъ
Малой, Малышъ
Масленикъ
Матора (Мотора?)
Медвѣдникъ
Медвѣдъ, Медвѣдко
Мердяха
Мерзлая-голова
Мертвой
Метальникъ

Мигунъ
Михуtenоеъ
Моклець
Моклоевъ
Молодой
Молчанъ
Морозъ
Морохотье
Мочало
Мошеникъ
Мошокъ, Мошненокъ
Муромецъ
Мутовка
Муха
Мыльникъ
Мытъянецъ
Мѣловшикъ
Мѣхъ, Мѣшокъ
Мѣшваръ
Мязря
Мяконьково
Набезденежь
Нагай
Найденъ
Нашивошникъ
Недѣлка, Недѣлька
Несоленой
Негунай
Неумоенко
Неустроева-палата
Нехорошей
Нечай
Нимава
Новикъ
Новоженя
Новошерстной
Нось
Нѣмта
Облость
Обметала
Обратчикъ

Обуменовъ
Овсяникъ
Овсяница (женское пр.)
Овсяной-разумъ
Огложена
Одиночество
Однолѣтокъ
Ожгибѣсовъ
Омокало
Оранка
Орель
Осмѣга
Охлюста
Охта
Панъ, Паненовъ
Пенельшъ
Пестъ
Петеля
Пила
Пищуля
Плакса
Плонка
Плошина
Плѣшакъ, Плѣханъ
Подгребальщикъ
Подлѣсной
Подосенокъ
Подсѣян-корова
Подшивала
Подъемщикъ
Полетай
Половинка
Помогай
Помойная-каша
Попъ, Попко
Порятникъ
Потираха
Потолока
Потѣшка
Прибытокъ
Пригнѣтъ (Пригнеть)

Приходець
Пришлой, Пришлецъ
Прѣзжей
Проданецъ
Прыткой
Прѣсной
Пузанъ
Пузо
Пустота
Пустоха, Пустошка
Пшенисной
Пшонка
Пыка
Пѣшей
Ревъ
Резанъ, Рязанъ
Репенокъ
Реутъ
Рогожа
Рогозинникъ
Рогъ
Родной, Родново
Розвождай
Роздьяконовъ
Розинникъ
Розсылщикъ
Розсыпка
Рожесникъ
Ронжа
Росказъ
Роспопа
Росторгуй
Роца
Рубецъ
Рудаекъ
Рудометь
Рукавинникъ
Рыбка
Рыболова (женское пр.)
Рыжая-корова
Рѣзвой

Рѣпа
 Рябь, Рябой, Ряба
 Ряха
 Самара
 Самочерной, Самочерново
 Свинка
 Свѣшникъ
 Семикъ
 Сибра
 Сивоха
 Синица
 Ситникъ
 Скоморохъ
 Съ-копейкой-два-гроша
 Скорая (женское пр.)
 Скоробогать
 Скочко
 Скугора
 Слабой
 Слащъ
 Сливало
 Слонъ
 Смола
 Сморкало
 Снѣгирь
 Собинка
 Соболь
 Соколя
 Соленой, Соленове
 Соловолокъ
 Солодена
 Соломяные-вудри
 Сотко
 Софрыга
 Списокъ
 Спиченовъ
 Сполахъ
 Стехоня
 Столешникъ
 Стошка
 Страшникъ

Стремоусть, Стромюусть
 Стрижъ
 Стрѣльникъ
 Стрюкъ
 Стульчикъ
 Ступа
 Суботка
 Судоплатъ
 Сурначей
 Сусана
 Сусло
 Сусоръ
 Суханъ, Суханка
 Сухая-заколотка
 Сухой
 Сушиленокъ
 Сырыченокъ
 Сыченой, Сыченово
 Сѣрой
 Тарара
 Тарарюха (женское пр.)
 Таровина
 Татарка, Тоторка
 Тяжелова-шуба
 Тезя
 Телица
 Темникъ
 Теплена
 Тина
 Толстикъ
 Толстоглазой
 Томилка
 Тонкой
 Топорище
 Торовой
 Торопъ
 Торпище
 Тотаринъ, Тутаринъ
 Третьякъ
 Трубникъ
 Трушникъ

Трясисолома	Четырехъ-братовъ
Турась	Чехоня
Тыркось	Чешиха
Тюлень	Чешокъ
Тюра	Чечура
Тяжелой	Чистого
Удальщикъ	Чортъ
Удебщикъ, Удобщикъ	Чувакъ, Чувикъ
Уклейщикъ	Чувашка
Унжа	Чура
Урюченко	Шабала
Усикъ	Шавенокъ
Утенокъ	Шадра
Утятникъ	Шайдуръ
Уфура	Шалей
Ушакъ	Шахтора
Фура	Шваль (род. пад. Шваля)
Халтура	Шварь
Хлысть	Шведъ
Ходокъ	Шворя
Холщевникъ	Шевель
Хомутина	Шелепа
Хорошъ (род. пад. Хороша)	Шемяка, Шемека
Хохлачъ	Шестеперь
Хрипунъ, Хрипуненокъ	Шибанъ
Хруна	Шиганъ
Хряпъ	Шило
Цапля	Широкой, Широково
Цыба, Цыбана	Ширяй
Часовникъ	Шитой
Чахлой	Шишига-бѣсъ
Чермной, Чермново	Шишка
Черная-головка	Шляхта
Черенокъ	Шмакъ
Чапура	Шмырь
Черной, Черного	Шоренокъ
Чернобровой	Шпынь
Чекунъ	Щапыга
Черепанъ	Щегола
Чернышъ	Щека
Чертице	Щецельникъ

Щепетильникъ, Щепетин-
никъ
Щербаеъ
Щетина
Щунка

Ялуна
Ярило
Ярыжка
Ярышъ.

А. Соголовъ.

СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ

КАЗАНСКИХЪ ТАТАРЪ.

I.

Свадьбы татаръ устраиваются почти исключительно черезъ свахъ-старухъ (аучи). Послѣднія необходимы въ силу навязаннаго магометанскимъ закономъ того обычая, что женихъ не долженъ видѣть своей невѣсты прежде, чѣмъ она сдѣлается его женою. Однако проворные парни и любопытныя дѣвушки, благодаря находчивости расторопныхъ старухъ, иногда отыскиваютъ случай еще и до сватовства взглянуть на своихъ суженыхъ. Вполнѣ понятное любопытство съ обѣихъ сторонъ такъ или иначе находятъ себѣ удовлетвореніе: какъ бы печальный взглядъ въ окно въ заранѣе условленное время,—встрѣча на улицѣ, при чемъ шаловливый вѣтерокъ во время распахнетъ покрывало, или незамѣтная щелка въ дверяхъ у общихъ знакомыхъ покажетъ жениху его суженую; когда та сидитъ въ гостяхъ у подруги. Получивъ нѣкоторое понятіе о намѣченной дѣвушкѣ, женихъ, а чаще отецъ ея, отправляетъ къ ея родителямъ сваху. При первомъ ея посѣщеніи родители невѣсты дадутъ обыкновенно уклончивый отвѣтъ: надо подумать,—приходи черезъ нѣсколько дней. Сваха уходитъ. Тотчасъ же начинаютъ собираться всевозможныя свѣдѣнія о женихѣ: о его лѣтахъ, о состояніи, поведеніи и т. д. Въ то же время посылаютъ муллѣ рублевку съ просьбой, чтобъ онъ записалъ свой сонъ въ слѣдующую ночь и объяснилъ его предзнаменованіе. Тотъ охотно исполняетъ это обычное порученіе и присылаетъ на другой день отвѣтъ: сонъ.

описанъ детально и дано разъясненіе его значенія ¹⁾ Въ случаѣ благоприятныхъ предзнаменованій и удовлетворительныхъ свѣдѣній о женихѣ родители рѣшаются дать свое согласіе на бракъ ихъ дочери съ тѣмъ или другимъ соискателемъ ея руки. Послѣ этого между родными жениха и невѣсты начинается настоящій торгъ о калымѣ и приданомъ. То и другое, конечно, пропорціонально состоянію семей. Калымъ—это тюркское слово и означаетъ плату за невѣсту. У казанскихъ татаръ слово *калымъ* не употребляется; его замѣнило арабское *магаръ* или— по мѣстному произношенію—*магаръ*, которое впрочемъ выражаетъ нѣсколько другое понятіе, чѣмъ калымъ. Размѣръ магаря почти невозможно опредѣлить. Въ Казани у богатыхъ татаръ онъ назначается въ одну, двѣ, пять и болѣе тысячъ рублей; въ деревняхъ же зажиточные платятъ до 500 руб., бѣдные—начиная отъ нѣсколькихъ рублей до сотни.

Сваха приводитъ наконецъ къ соглашенію стороны, при чемъ точно опредѣляется не только приданое невѣсты, но и подарки жениха, намѣчается ихъ цѣнность, выговаривается и то, всѣ-ли подарки или какіе изъ нихъ зачтутся въ магаръ. Послѣ этого происходитъ обрученіе.

Обрученіе у татаръ бываетъ двоякаго рода. Первое обрученіе—чисто народнаго происхожденія; называется оно *клоксіенсуци* (радость ушей) и состоитъ въ обмѣнѣ подарками: черезъ сваху женихъ даритъ невѣстѣ матерію на платье, бѣлила, румяны и фрукты, а невѣста отдариваетъ бѣльемъ; или шлетъ жениху подстилку подъ ноги во время молитвы, тюбетейку, суинно для казакина, бухарской матеріи для халата (чапанъ) или карманные часы. Другое обрученіе—*джеб-кабул* образовалось подъ вліяніемъ магометанства и представляетъ собою прототипъ свадьбы: мулла спрашиваетъ при свидѣтеляхъ черезъ родителей согласіе жениха и невѣсты и читаетъ молитву; хотя и не записываетъ брачующихся въ книгу. Это обрученіе

¹⁾ Такое предугадываніе будущаго по снамъ муллы весьма распространено у мѣстныхъ татаръ. Этотъ своеобразный оракулъ вопрошается при всякомъ сомнительномъ случаѣ жизни. Намъ извѣстенъ напр. слѣдующій случай: по смерти одного богача изъ мѣстныхъ татаръ при разборѣ его бумагъ было найдено болѣе тысячи снотолкованій; но заказу муллы обязанъ видѣть сны и объяснять ихъ. Такъ какъ такой привиллегіей пользуются изъ мѣстныхъ муллъ только двое, то понятно, какъ великъ ихъ доходъ отъ снотолкованій.

имѣетъ значеніе въ случаѣ развода; послѣ *джеб-кабул* женихъ и невѣста *de jure* расходятся уже какъ мужъ и жена, хотя таковыми они еще не были на самомъ дѣлѣ; между тѣмъ *клок-сіенсуци* не накладываетъ никакихъ правовыхъ обязательствъ.

Съ самаго дня помолвки женихъ почти ежедневно посылаетъ своей невѣстѣ подарки, частью обязательные, частью просто изъ любезной щедрости или вѣрнѣе—изъ хвастливаго самолюбія: шлются украшения изъ золота и серебра, изъ любимаго татарами жемчуга и цѣнныхъ камней; количество и цѣнность подарковъ, разумѣется, всецѣло зависитъ отъ состоянія и тщеславія жениха. За отсутствіемъ собственныхъ денегъ на покупку подарковъ женихъ прибѣгаетъ къ займамъ у своихъ друзей. Отказъ въ деньгахъ въ такомъ случаѣ считается теперь неудобнымъ, а было время, когда кадымъ уплачивался изъ сборныхъ средствъ членовъ рода. Лѣтъ сто назадъ близкіе друзья и родственники присылали жениху разныя вещи для подарковъ его невѣстѣ, чтобъ тѣмъ облегчить ему свадебные расходы.

Въ день свадьбы женихъ обязанъ непременно послать невѣстѣ кадку меду и кадку коровьяго масла. Масло и медъ составляютъ съ испоконъ вѣку необходимость и первое кушанье свадебныхъ пировъ. Кромѣ того отъ жениха посылаются пироги, жаренныя утки, гуси, индѣйки, бѣлый хлѣбъ въ видѣ огромныхъ караваевъ съ изюмомъ; все это должно быть въ четномъ числѣ. Эта провизія отправляется на нѣсколькихъ плетенкахъ или саяхъ, число которыхъ должно быть четнымъ; при выѣздѣ изъ двора такого обоза поворачиваютъ непременно направо, хотя бы ѣхать надо было и налѣво; конечно, для этого въ большинствѣ случаевъ приходится дѣлать объѣздъ, тѣмъ болѣе, что при выѣздѣ на невѣстинъ дворъ стараются принять направленіе на юговостокъ (къ Меккѣ).

Лѣтъ 50 тому назадъ свадебныхъ пировъ бывало помногу; начинались они за недѣлю и ранѣе до брака и происходили ежедневно поочереди у родныхъ жениха и невѣсты; въ одинъ день собирались женщины, въ другой—мужчины. Теперь же до свадьбы у невѣсты собираются лишь два знакомыя женщины, чтобы посмотрѣть на жениховыя подарки, при этомъ онѣ и сами привозятъ съ собой въ даръ матерію на платья.

Первый свадебный пиръ теперь устраивается въ домѣ невесты въ день свадьбы. Собираются нѣсколько муллъ и знакомыхъ мужчинъ со стороны невесты. Пріятели жениха между тѣмъ съѣзжаются къ нему на квартиру. Слегка закусивъ, они ѣдутъ гурьбой къ невестѣ на четномъ числѣ экипажей, одни безъ жениха: онъ остается дома. У невесты жениховыхъ гостей принимаютъ съ особымъ почетомъ. Наконецъ пріѣзжаетъ главный мулла, которому всѣ гости выражаютъ обычное почтеніе прикладываніемъ къ сердцу правой руки и произношеніемъ по арабски священнаго привѣтствія *ас саламу галейкам* (миръ вамъ), на что слѣдуетъ отвѣтить *ya галейкам-ассалам* (и вамъ миръ). Подходящимъ къ нему мулла подаетъ свои руки, и каждый беретъ ихъ обѣими руками такъ, чтобы большой палецъ правой руки обхватывался такимъ же ¹⁾.

Въ комнатѣ гдѣ принимаются гости, полъ устилается коврами или кошмами (стульевъ не бываетъ). Мулла садится на полъ въ переднемъ углу; всѣ слѣдуютъ его примѣру: сложивъ ноги по восточному, садятся и образуютъ кругъ; при этомъ отецъ жениха сидитъ на особой подушкѣ (кабын-миндара), которая нарочно готовится невестой; на подушкѣ бываетъ надѣто нѣсколько бархатныхъ или атласныхъ наволочекъ, вышитыхъ разноцвѣтными шелками; эту подушку въ слѣдствіи увозятъ отцу жениха вмѣстѣ съ другими подарками.

---

¹⁾ Позволивъ себѣ сказать нѣсколько словъ о татарскомъ приемѣ здороваться, мы считаемъ не безынтереснымъ привести и то объясненіе, какое даютъ мусульмане (ученые) этому приему. По преданію, записанному въ магометанскихъ книгахъ, пророки Илія и Елисей однажды подошли къ источнику живой воды: напившись этой воды, они оба приобрѣли бессмертіе. Вскорѣ Илія былъ взятъ на небо, а Елисей остался на землѣ; онъ и до сихъ поръ ходитъ по ней, постоянно мѣняя свой видъ. Каждый правовѣрный можетъ встрѣтить этого бессмертнаго въ образѣ своего знакомаго или незнакомаго, богача или нищаго, умнаго или глупаго, ученаго или безумнаго. Есть лишь одна примѣта, по которой можно узнать этого пророка: у него очень мягкіе большіе пальцы на рукахъ, потому что въ нихъ нѣтъ костей. Если правовѣрному удастся по этому свойству рукъ встрѣчнаго человѣка догадаться, что съ нимъ говоритъ Елисей, то онъ можетъ отъ него получить все, что только попроситъ. Чтобы не пропустить такого счастливаго случая заявить о своихъ желаніяхъ пророку, мусульмане и обхватываютъ такъ охотно при встрѣчѣ большіе пальцы другъ другу.

Мулла спрашивает отца невесты о магарѣ; затѣмъ выбираетъ кого нибудь изъ присутствующихъ и посылаютъ ихъ спросить невесту, согласна-ли она выйти за мужъ за такогото. Когда выборные свидѣтели возвратятся съ утвердительнымъ отвѣтомъ, то мулла начинаетъ читать молитву на арабскомъ языкѣ (хутбе):

„Хвала Богу, облагодѣтельствовавшему насъ способностью говорить и объясняться, удостоившему насъ красотою рѣчи и вліяніемъ слова! Онъ—Всевышній—все сотворилъ для пользы человека; Онъ запретилъ все, что вредно, и разрѣшилъ все, что полезно. Онъ предписалъ намъ сочетаніе бракомъ и запретилъ развратъ; Онъ—Всевышній—говорить (въ Алжорѣ): берите себѣ въ супружество изъ женщинъ тѣхъ, которыя вамъ понравятся, по двѣ по три или по четыре. О вѣчно-благодатный! намъ принадлежитъ воздаяніе, благодарность Тебѣ за милости Твои! О Руководитель всещедрый! на насъ лежитъ долгъ признательности за дары супружества! Господи, указывай намъ путь къ довольству и совершенству, и запечатлѣй всѣ наши дѣянія Твоимъ совершенствомъ! Мы свидѣтельствуемъ, что нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, единого, безтоварищнаго, и что Мухамедъ Его рабъ и посланникъ, одаренный всѣми превосходствами передъ смертными. Да будетъ благословеніе Божіе надъ лучшимъ изъ Его твореній—Мухамедомъ, посланнымъ отъ Бога съ чудесами, надъ его семействомъ—святыней, освѣщающей истину! Богъ, направляя насъ на путь истины—на Исламъ, опредѣлилъ супружество границею между дозволеннымъ и запрещеннымъ. Такъ говоритъ Пророкъ, да будетъ надъ нимъ благословеніе Божіе! Супружество есть мой суннетъ ¹⁾. Кто опровергаетъ мой суннетъ, тотъ не принадлежитъ мнѣ. Женящійся—любить, взятая въ замужество—любима. и магаръ между нами долженъ быть на основаніи обоюднато согласія. Благослови чету, испроси для нихъ милосердіе и блага Господни, ибо Онъ всемилосердъ и милостивъ“.

Послѣ такой молитвы слѣдуетъ на арабско-персидскомъ

---

¹⁾ *Суннетъ* означаетъ все то, что по преланію говорилъ и дѣлалъ Магометъ. Для праворѣснаго исполненіе суннета не предписано, а только рекомендуется; по этому женитьба,—какъ суннетъ, лишь похвальна, но не такъ обязательна, какъ напр. молитва, постъ и проч.

и татарскомъ языкахъ. весьма напыщенный и длинный монологъ, содержащій въ себѣ вопросъ, обращенный къ отцу не-
вѣсты:

„По повелѣнію Бога небесъ и міровъ, Творца свѣта и тьмы, и по суннету великаго пророка Мухаммеда Мустафы, да будетъ благословеніе Бога надъ нимъ и надъ всѣмъ его семействомъ, по правиламъ севты Имама Азама (господствующая севта въ здѣшнемъ краѣ), и по согласію Имама Абу-Юсуфа-ал-гази и Имама Мухаммеда сына Аль Хасана, придворнаго Ашибани (имена закондателей) и прочихъ Имамовъ, при свидѣтельствѣ присутствующихъ знатныхъ особъ, при согласіи обѣихъ сторонъ (жениха и не-
вѣсты) и при магарѣ такой то величины соглашается ли (отецъ не-
вѣсты) выдать свою дочь, заявившую свое согласіе такому - то (называется лицо, которое по порученію муллы спрашивало дѣвушку о согласіи), по правиламъ мусульманской религіи за того-то, сына такого то?

Слѣдуетъ отвѣтъ (въ прошедш. врем.): выдалъ.

Ты, такой - то (называется отецъ жениха), довѣренный ¹⁾ со стороны сына своего, соглашаешься-ли взять такую-то, дочь такого-то, при такомъ то количествѣ магара въ законное за-
мужество за своего сына?

Отвѣтъ: взялъ.—Аминь ²⁾.

Послѣ окончанія молитвы и вопросовъ мулла записываетъ новобрачныхъ въ книгу и дѣлаетъ въ ней отмѣтку о томъ, сколько уже выплачено магара и сколько еще слѣдуетъ уплатить его въ случаѣ развода. Тутъ же расписываются и сви-
дѣтели (вазим), уполномоченные со стороны не-
вѣсты и жениха. Этимъ заканчиваются брачныя формальности.

Послѣ молитвы и записи начинается пиръ. Разставлены передъ гостями на полу тарелки, разложены *деревяныя* ³⁾

---

¹⁾ Ни женихъ, ни не-
вѣста не могутъ присутствовать при обрядѣ; по-
этому ихъ отцы считаются какъ бы довѣренными для совершенія брака. Если нѣтъ отцевъ, то вмѣсто ихъ являются близкіе родственники или знакомые.

²⁾ Молитва и вопросы были напечатаны въ первый разъ на русскомъ языкѣ въ весьма рѣдкой въ настоящее время книгѣ д-ра Фукса: «Казанскіе татары», Казань, 1844 г. Здѣсь мы приводимъ то и другое съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями, въ видахъ большой близости къ подлиннику.

³⁾ У магометанъ употребленіе серебряныхъ ложекъ считается предосудительнымъ, какъ роскошь (исрафъ), а потому при муллахъ ихъ не подаютъ.

ложки, разостланы вмѣсто салфетокъ длинныя полотенца съ промадными вышивками по концамъ (я имѣю въ виду свадьбу въ среднемъ по состоянію классѣ). Наконецъ подаются на двухъ блюдахъ масло и медъ. Каждый изъ присутствующихъ беретъ на ложку и масла, и меда, намазываетъ то и другое на хлѣбъ и кушаетъ это необходимое свадебное блюдо съ торжественнымъ видомъ священнодѣйствія. Затѣмъ подаются другія блюда, число и разнообразіе которыхъ по истинѣ удивительны¹⁾.

Наконецъ послѣ продолжительнаго обѣда подаютъ гостямъ кружку разведеннаго на водѣ меда (шербетъ); каждый изъ гостей выпиваетъ изъ кружки по глотку или по два, и кладетъ на подносъ съ шербетомъ денегъ, начиная съ мелкой монеты: рубль, два, пять и больше, смотря по состоянію. Сборъ этихъ денегъ называется шербатомъ отъ того, что въ старину, какъ говоритъ д-ръ Фуксъ, эти деньги клали въ кубокъ съ медомъ (шербетъ) и относили въ комнату невѣсты, которая принятіемъ ихъ выражала свое согласіе на бракъ съ женихомъ,

Послѣ меда подается чай. Окончивъ чаепитіе и дружно прочитавъ про себя краткую молитву, гости поднимаются съ пола и разъѣзжаются. Свадебный обѣдъ кончился. Но новобрачный еще не является къ своей молодой; соединеніе ихъ пока лишь только формальное.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней устраивается другой свадебный пиръ — исключительно для женщинъ; называется онъ *булекъ-богу* — смотрѣть подарки. Въ 12 или 1 часъ дня гости начинаютъ съѣзжаться одна за другой, въ самыхъ богатыхъ нарядахъ; чапаны изъ бухарской шелковой матеріи закрываютъ ихъ лица. За ними ѣдутъ служанки съ узлами. Войдя въ комнаты, гости сбрасываютъ свои чапаны. Здѣсь

¹⁾ Вотъ приблизительно это меню: 1) пловъ съ бараниной, 2) супъ съ пельменями, 3) губадья (широгъ съ начинкой: риса, мяса, яицъ и еще риса), 4) пирогъ съ уткой, которому запекаютъ цѣликъ, 5) мясо вареное (съ хрѣномъ и варенымъ картофелемъ); жаренныя: 6) утка, 7) гусь, 8) индѣйка, 9) курица, 10) лещъ; холодныя: 11) гусь (съ хрѣномъ), 12) северюга или осетрина; сладкія: 13) паштетъ (пирогъ съ постилой), 14) кисель клюквенный съ густыми сливками, 15) взбитыя сливки съ беве, 16) олю (моченый бухарскій плодъ), 17) виноградъ и 18) яблоки крымскіе.

каждая желаетъ блеснуть своимъ нарядомъ и перещеголять другихъ. Камзолы въ родѣ древне-русскихъ душегрѣевъ, парчевые или изъ бархата разныхъ цвѣтовъ, съ золотыми обшивками, надѣты поверхъ богатыхъ шелковыхъ платьевъ, покроемъ покожихъ на домашнія блузы нашихъ дамъ, только несравненно шире этихъ блузъ. Передняя часть головы прикрыта бархатнымъ колпачкомъ, вышитымъ чуть не сплошь золотомъ или отборнымъ жемчугомъ; стоимость такого колпачка доходитъ до 400 руб. На рукахъ можно видѣть старинныя браслеты, широкіе, часто изъ матеріи, унизированной жемчугомъ, камнями, червонцами; множество колецъ, со всевозможными камешками, покрываютъ чуть не всѣ пальцы рукъ.

Каждая пріѣхавшая гостья должна сдѣлать невѣстѣ подарокъ; эти подарки и привозятъ служанки за своими господами въ узлахъ. Гостья, поздоровавшись со всѣми, идетъ къ столу, гдѣ разложены подаренныя вещи пріѣхавшихъ раньше ея. Сваха показываетъ ей эти предметы и рассказываетъ, кто и что подарилъ. Осмотрѣвъ все, гостья вынимаетъ привезенное ею и владеть свой подарокъ тутъ же на столѣ; затѣмъ садится на диванъ (вѣрнѣе — на нары, поставленные вдоль стѣнъ, покрытыя персидскими коврами и забросанныя подушками). Сваха тотчасъ же удовлетворяетъ любопытство гостей, показывая имъ новый подарокъ. Богатыя родственницы дарятъ для камзола парчи или бархата, шелковой матеріи на платье, дорогіе платки и т. п.; знакомыя привозятъ то же матеріи для платьевъ, вышитые колпачки, ленты и позументы для обшивки и т. д. Пріѣздъ гостей и разсматриваніе подарковъ продолжается довольно долго. Угощеніе начинается чаемъ; затѣмъ слѣдуютъ лакомства; наконецъ подается обѣдъ. Онъ начинается обязательнымъ свадебнымъ блюдомъ—масломъ и медомъ, которые кушаются опять съ таковой же благоговѣйною важностью, какъ и мужчинами; далѣе слѣдуютъ перечисленныя выше блюда. Все приготовлено на маслѣ и все очень жирно; понятно, что соленые огурцы и капуста уничтожаются быстро и въ большомъ количествѣ. Не смотря на то, что подается чуть не 20 кушаній, гостьями не пропускается ни одно блюдо.

По окончаніи продолжительнаго обѣда хозяйка даетъ женѣ мудлы нѣсколько рублей;—она раздаетъ деньги также

и бѣднымъ гостямъ, которыя являются на обѣдъ часто въ чужихъ нарядахъ. Всѣ развѣзжаются.

Проходитъ недѣля и болѣе времени. Наконецъ настаетъ заранѣ условленный день соединенія новобрачныхъ.

Часовъ въ 9—10 вечера сваха отправляется за молодымъ; для него отъ жены посылается особая лошадь. Въ домъ новобрачной ѣдетъ сваха впереди, а мужъ долженъ ѣхать позади. Когда молодой намѣревается отворить дверь въ комнату, гдѣ его ждетъ молодая, то въ сѣняхъ его останавливаютъ мальчики (братья или родственники жены) и просятъ денегъ, заявляя, что иначе не пустать его къ женѣ. Тотъ даетъ имъ нѣсколько копѣекъ или рублей, смотря по состоянію, и входитъ для него отерты.

Между тѣмъ молодая заранѣ готовится къ встрѣчѣ своего мужа. Одѣвши въ лучшее платье, она все-таки не должна имѣть на себѣ золотыхъ украшеній.

Въ Казани передъ первымъ приходомъ мужа новобрачная надѣваетъ мѣховой камзолъ и закрывается большимъ парчевымъ пологомъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ молодая прячется подъ кровать, подъ перину или подушки; мужу слѣдуетъ найти ее и отереть ей лицо. Часто случается, что въ этотъ моментъ онъ въ первый разъ видитъ свою жену и впервые разговариваетъ съ ней. Затѣмъ молодые молятся, пьютъ чай, ѣдятъ медъ и масло, медленно беря въ ротъ по маленькимъ кусочкамъ; при этомъ мужъ долженъ положить денегъ (обыкновенно—червонецъ) въ пользу жены. Притворенныя двери осаждаются любопытными родственницами и знакомыми, которыя въ щель высматриваютъ новобрачныхъ. Прислуживаетъ молодымъ—сваха; она-же въ деревняхъ устраиваетъ и брачную постель, за что получаетъ отъ мужа особую плату. Любопытно, что въ Казани должны готовить брачную постель снохи (жены братьевъ молодой), если таковыя есть, тетки или вообще родственницы; за это онѣ также получаютъ вознагражденіе.

Когда молодые повончатъ ужинъ и помолятся еще разъ, сваха желаетъ имъ спокойной и пріятной ночи, гаситъ огни и уходитъ. На памяти уже настоящаго поколѣнія вывелся въ Казани слѣдующій обычай. Женихъ пріѣзжалъ со своими друзьями; онъ уходилъ въ спальню, а тѣ начинали пировать. Подавались имъ совершенно тупые ножи, дѣльные пироги, не-

разрѣзанная дичь, безъ соли и перца, не откупоренныя бутылки безъ штопора; они должны были ухитриться все разрѣзать и откупорить. Замѣчательно, что подобный символическій обычай лѣтъ 50 томуназадъ практиковался и у русскихъ въ предѣлахъ Вятской губерніи.

На другой день послѣ первой брачной ночи рано утромъ молодые идутъ въ баню, которую топятъ родственники или сваха; мужъ оставляетъ тамъ деньги въ пользу тѣхъ, кто готовилъ имъ баню; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ прячетъ эти деньги такъ, что ихъ находятъ съ трудомъ. Въ тотъ же день являются подростки—родственники справляться о здоровьѣ новобрачныхъ; молодая даритъ имъ рубашки. Послѣ первой ночи супругъ дѣлаетъ своей женѣ самый богатый подарокъ по своему состоянію; но бываетъ и такъ, что не встрѣтивъ въ новобрачной желаемыхъ качествъ, на другой же день оставляетъ ее и беретъ у муллы разводную. Если же все обстоитъ благополучно, то молодой остается въ брачной спальнѣ три дня; за это время туда никто уже не входитъ, кромѣ свахи: она подаетъ молодымъ чай, пищу, воду и все необходимое. На четвертый день, послѣ утренняго чая, молодой уѣзжаетъ къ своимъ родителямъ. Вечеромъ отъ жены за мужемъ посылается лошадь, иначе онъ не пріѣдетъ, какъ-бы не желанный. Пріѣхавъ къ женѣ, онъ остается у ней до утра. Такъ повторяется каждый день въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ это время молодой избѣгаетъ встрѣчи съ тестемъ и тѣщей, пока не будетъ устроено особое свиданіе этихъ новыхъ родственникововъ,—при чемъ они обмѣниваются подарками. Затѣмъ мужъ можетъ уже и не каждыя сутки ночевать у жены. Молодая остается жить въ домѣ своихъ родителей и проводить у нихъ еще годъ, два, три иногда даже десять лѣтъ; время зависитъ отъ ихъ матеріальнаго достатка.

Наонецъ приходитъ время переѣхать женѣ въ домъ мужа. Начинается разборка приданого: наладываются сундуки, завязываются узолы, чистится посуда; затѣмъ все это ставится на подводѣ. Хвастливое тщеславіе заставляетъ размѣщать приданое на возможно большее число саней или дрожекъ. Между тѣмъ пріѣзжаетъ мужъ за женой; съ нимъ являются нѣсколько близкихъ друзей; ихъ угощаютъ обѣдомъ.

Въ деревняхъ сохранился еще такой обычай. Молодая посылаетъ со свахой изъ своей комнаты мужу въ подарокъ

бѣдную рубашку; ее беретъ одинъ изъ гостей и развѣдываетъ на дугѣ у лучшей кибитки такъ, что рукава обвиваютъ дугу, а станъ покрываетъ спину лошади. Въ эту кибитку садится молодая со свахой, а мужъ кучеромъ на козла. Всѣ уѣзжаютъ. Въ Мамадышскомъ уѣздѣ переѣхавшія за зиму въ дома своихъ мужей весной, при началѣ сабана, выѣзжаютъ на этотъ народный праздникъ тоже съ рубашкой (бѣдня—съ полотенцемъ) на дугѣ; эта рубашка или полотенце дарится одержавшему верхъ въ состязаніяхъ. Въ Казани этотъ обычай сгладился: у переѣхавшихъ зимой въ мужьямъ рубашки только выпрашиваютъ при началѣ сабана.

Подѣхавъ въ врыльцу мужнинаго дома, молодая сходитъ съ дрожекъ. Въ Казани ей въ это время подаютъ воды, и она омываетъ руки и ноги. Въ Тетюшскомъ же уѣздѣ для молодой владутъ на землю подушки, на которыя она и ступаетъ, а затѣмъ идетъ въ домъ по разостланнымъ коврамъ, кошмамъ или шубамъ и садится на нарахъ. Свекоръ проситъ ее, чтобъ она открыла лицо и показала ему, при чемъ даетъ ей денегъ. Тогда она снимаетъ покрывало, если впрочемъ позволить то мужъ.

Теперь начинаются обѣды (свадебныя?) въ домѣ молодого; гости собираются по три дня: сперва мужчины, затѣмъ женщины и наконецъ—дѣвушки-невѣсты. Бѣдятъ смотрѣть приданое, которое раскладывается по столамъ. Обѣды устраиваются одинаково съ тѣми, что были у невесты при свадьбѣ. Добавленіе состоитъ лишь въ томъ, что послѣ многочисленныхъ блюдъ гостямъ подаютъ на трехъ подносахъ громадной величины пирожное—*коктыш*; ему придаютъ полукруглую овальную форму и украшаютъ сверху узорами или цвѣтами; одинъ коктышъ готовится изъ тѣста съ медомъ (у бѣдныхъ только этимъ однимъ и ограничиваются), другой—изъ миндаля, третій—изъ орѣховъ; каждый изъ нихъ вѣсомъ доходитъ иногда до 2 пудовъ. Это пирожное заранѣе разрѣзывается и подается всѣмъ, начиная со старшихъ. Каждый гость или гостья беретъ по частицѣ и, немного отвѣдавъ, завертываетъ ее въ розданную заранѣе бумагу; а потомъ въ платокъ, чтобъ привезти домашнимъ свадебнаго гостинца.

Этимъ заканчиваемъ описаніе татарскихъ свадебныхъ порядковъ. Далѣе мы сдѣлаемъ попытку объяснить происхож-

деніе нѣкоторыхъ изъ нихъ; въ этомъ намъ поможетъ сравнительный методъ.

II.

Въ настоящее время та отрасль науки, которая занимается изслѣдованіемъ фактовъ бытовой жизни равныхъ племенъ и народовъ, исходитъ изъ того основнаго возрѣнія, что всѣ обычаи или унаслѣдованныя привычки, какъ-бы они ни были смѣшны и абсурдны на нашъ взглядъ, имѣли нѣкогда жизненное значеніе, были когда-то необходимы вслѣдствіе иныхъ формъ жизни. „Нѣтъ ничего въ обрядѣ или обычаѣ такого, чего-бы не было въ жизни“—вотъ формула этого принципа, предложенная Липпертомъ въ его Ист. первоб. культуры ¹⁾.

Сравнительное изученіе античной міеологіи, древнихъ авторовъ и современнаго этнологическаго матеріала установило существованіе среди первобытныхъ людей во 1-хъ—такой формы половыхъ отношеній, которая прямо противоположна современной моногаміи;—а именно: почти у всѣхъ извѣстныхъ народовъ; современныхъ и древнихъ, сохранились болѣе или менѣе ясно слѣды „безпорядочнаго полового сожитія“, при которомъ женщины состоятъ въ половой связи со всѣми и каждымъ изъ мужчинъ одного съ ними стаднаго соединенія; во 2, измѣненіе этого стаднаго состоянія въ такую организацію семьи и родственныхъ узъ, которая идетъ въ разрѣзъ съ обычнымъ для насъ преобладаніемъ мужчины и выражается въ такъ назыв. материнствѣ. Въ этомъ періодѣ человѣческой жизни при мимолетныхъ и переплетающихся соединеніяхъ мужчинъ и женщинъ конечно не могло быть и рѣчи о какой нибудь родственной связи между дѣтьми и отцомъ, потому что послѣдняго нельзя указать. Но постепенно происходитъ рожденіе новыхъ формъ жизни, въ силу той или другой необходимости. Старыя формы разлагаются, но не уничтожаются сразу: онѣ обладаютъ замѣчательной живучестью, и въ качествѣ *переживаній* сохраняются во всякой новой, болѣе совершенной ступени развитія. Такъ и безпорядочное половое сожитіе постепенно видоизмѣняется въ ту форму, при которой уменьшается число лицъ имѣющихъ общее на первыхъ порахъ

---

¹⁾ Lippert: Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Aufbau. 1887. 2 B.

право сожителства съ известной женщиной; при этомъ пользоваться всѣми женщинами стаднаго соединенія присваиваютъ себѣ право только племенные вожди, прочіе же мужчины, разбиваясь народственными группами, имѣютъ сношенія съ известными, опредѣленными женщинами. Дальнѣйшей формой является та, при которой къ половому общенію съ одною и тою же женщиной допускаются одни лишь родственныя другъ съ другомъ лица, обыкновенно дяди съ племянниками, потомъ отецъ съ сыновьями, наконецъ одни лишь братья. На этой почвѣ уже возникаетъ *левиратъ*, послѣдняя стадія при вымираніи первобытнаго общенія женъ. Левиратъ—это обязательное сожителство вдовы съ братомъ ея умершаго мужа, съ деверемъ или левиромъ, а также и сожителство съ нимъ или съ другими мужчинами жены въ случаѣ бесплодія ея мужа.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ первобытныя формы полового сожитія. Несомнѣнно, что ихъ пережило и татарское племя. Такое заключеніе у насъ получается какъ при анализѣ свадебныхъ обычаевъ, такъ и по даннымъ языка.

Языкъ—это вѣрный и надежный свидѣтель измѣненій въ жизни того или другаго народа. Языкъ часто говоритъ о существованіи въ первобытной жизни такихъ явленій, отъ которыхъ въ настоящее время почти не осталось слѣдовъ. Посмотримъ поэтому какъ обозначаютъ татары понятія ближайшаго семейнаго родства.

Ата(и)—отецъ, самецъ (*ата-лар*—отцы; башкиры такъ называютъ старшихъ братьевъ).

Атай—дядя, братъ (старшій), вообще старшій по возрасту; (въ тюркскихъ языкахъ и въ персидскомъ *ата*—значить—господинъ, князь; у казан. татаръ *ата-кчи*—влиятельный, почтенный человекъ).

Абзы (отъ *абыз*—ученый) старшій братъ, дядя, вообще человекъ старше говорящаго.

Ана(кай)—мать, самка; въ древнемъ языкѣ (у Баберъ Наме) *ана* означало мать и бабушку; теперь *дауани*—бабушка и старшая сестра матери.

Аби—бабка.

ана, абста(и) сестра старшая, тетка по матери, вообще женщина старше по возрасту.

тута—сестра, тетка (по отцу); *тутани*—барышня, дѣвица.

кыз—дочь.

ул (*угыл*)—сынъ

ир—мужъ, мужчина, мужикъ;

абдука въ древнемъ татарскомъ (у Рубчузи: Ист. про-
роковъ означало: мужъ, старикъ, „главный въ семействѣ“.

хатын—жена, женщина.

Всматриваясь въ значенія приведенныхъ словъ, мы замѣ-
чаемъ, что татарскій языкъ не имѣетъ особыхъ словъ для обо-
значенія кровнаго родства. Различается не кровная связь, а воз-
растъ членовъ семьи. *Ана* (я) и *абзы* означаютъ вообще мужчину
старше обращающагося къ нему съ рѣчью, будетъ-ли это дядя,
братъ или посторонній человѣкъ. *Ана*, *абстай* означаютъ женщи-
ну старше говорящаго, будетъ-ли она теткой, сестрой или про-
сто чужой, но уважаемой и старшей. Такимъ образомъ перво-
бытный татаринъ различалъ окружающихъ его мужчинъ и
женщинъ лишь по возрасту, но не зналъ еще кровной связи,
происхожденія отъ однихъ родителей. Онъ видѣлъ вокругъ
себя группу самцовъ—(*ата*), и самокъ—(*ана*). Женщины раз-
личали полъ (*угыл* и *кыз*) мелкоты, которая нарождалась отъ
нихъ; своихъ временныхъ самцовъ онѣ называли какъ и всѣхъ
мужчинъ (*ир*); въ свою очередь мужчины не различали сво-
ихъ самокъ отъ другихъ женщинъ (*хатын*).

Мужчина въ домѣ женщины являлся какъ бы гостемъ,
для отдыха послѣ охотничьихъ и военныхъ экспедицій, и дол-
женъ былъ подчиняться женщинѣ, отъ которой сперва полу-
чалъ даже пищу. Отсюда очень высокое у большинства перво-
бытныхъ народовъ положеніе женщины. Киргизъ и сейчасъ,
при полной власти мужа, называетъ жену *уй-деге*—хозяйка
дома, госпожа; сибирскій татаринъ—*бица*, а башкиръ *бича*—
госпожа.

Самое слово жениться—*ййлан*—собственно значить одо-
миться (у алтайцевъ *юйлен*—водвориться, у киргизъ—уй зна-
читъ домъ и жена); оно образовалось, на нашъ взглядъ, въ
тѣ времена, когда у татаръ еще не было современнаго поня-
тія *женитьбы*, а когда мужчина постоянно перекочевывалъ
изъ юрты одной женщины въ юрту другой, имѣя съ ними
мимолетную связь. Конечно при подобныхъ условіяхъ у перво-
бытныхъ татаръ не могло быть даже и самаго понятія семей-
ной жизни; это подтверждается отчасти данными ихъ языка:
семейство—*јагамат*-арабское слово; оно по всей вѣроятности

займствовано уже въ Магометанскій періодъ, при возникновеніи въ жизненной обстановкѣ такого новаго понятія, которому не нашлось подходящаго слова въ первоисточномъ языкѣ:

Съ теченіемъ времени установился обычай имѣть сажительство съ опредѣленными женщинами. Съ приобретеніемъ домашняго скота все болѣе росла власть мужчины, потому что онъ приобреталъ свои средства къ жизни. Женщина становится предметомъ владѣнія; возникаетъ патриархатъ, но материнство сохраняетъ ясные слѣды.

На этой-то ступени развитія брачныхъ институцій и застаютъ татаръ первыя наблюденія европейцевъ надъ ихъ жизнью. У Плана Карпина читаемъ слѣдующую характеристику семейной жизни татаръ (II, 2; IV).

„Каждый татаринъ имѣетъ столько женъ, сколько можетъ ихъ содержать. Татары женятся безъ разбора на всѣхъ родственникахъ, кромѣ матери, дочери или сестры отъ одной матери; на сестрахъ же отъ одного отца и на женахъ отцовскихъ нослѣ его смерти жениться могутъ. По смерти брата на вдовѣ обязанъ жениться младшій братъ или другой кто младшій изъ родственниковъ. На всѣхъ прочихъ татары женятся безъ разбора и повушаютъ ихъ у родителей дорогою цѣной. По смерти мужа жены рѣдко вступаютъ во второй бракъ, если только кто захочетъ жениться на своей невѣсткѣ или маихкѣ. Женившись татаринъ до тѣхъ поръ не считаетъ жену своею, пока она не зачнетъ отъ него и не родитъ; тогда только мужъ и получаетъ приданое, когда жена родитъ ему мальчика. Безплодную жену татаринъ отпускаетъ. Каждая жена его имѣетъ свою ставку; одинъ день мужъ ѣстъ, пьетъ и спитъ у одной жены, на завтра переходитъ въ ставку другой; впрочемъ у старшей бываетъ чаще. Они ни чѣмъ не различаютъ дѣтей прижитыхъ отъ наложницъ и отъ жещъ; отецъ даетъ каждому то, что хочетъ; если онъ вельможа, то и сынъ отъ наложницы дѣлается тоже вельможей“.

При рѣзко выраженномъ патриархатѣ здѣсь мы видимъ совершенно ясные слѣды материнства: половое сожительство въ близкомъ родствѣ; многоженство, признаніе родни лишь по матери и полное игнорированіе родственной связи по отцу; наконецъ левиратъ со всѣми своими характерными признаками. Слѣдовательно, татары назадъ тому 6¹/₂ вѣковъ находились въ переходномъ состояніи отъ материнства въ патриаркату, иначе

говора въ стадіи—*материнско-отеческой*. Изъ описанія ПIANO Карпини становится яснымъ, что левиратъ у татаръ составлялъ часть семейнаго договора, по которому вдовѣ не дозволялось выходить за мужа за лицо, постороннее для семьи мужа, иначе, какъ съ разрѣшенія родственниковъ послѣдняго, которые могли ее оставить при себѣ или отпустить, обыкновенно за выкупъ. Въ *материнско-отческомъ* періодѣ левиратъ становится съ другимъ принципомъ, неизвѣстнымъ при материнствѣ а именно, что вдовы отца по наслѣдству переходятъ къ сыновьямъ; при этомъ старшій сынъ беретъ своихъ мачихъ¹⁾. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи матеріаловъ, по которымъ бы могли преслѣдить измѣненія въ брачной жизни татаръ до нашего времени. При анализѣ современныхъ брачныхъ обычаевъ мы будемъ имѣть въ виду таковыя же у другихъ отраслей татарскаго племени и нѣкоторые указанія въ литературѣ прошлаго вѣка, у Палласа и Гмелина.

Слѣды материнства, столь ясныя въ описаніи ПIANO Карпини, сохранились и въ только что сообщенныхъ нами обычаяхъ настоящаго времени, когда у татаръ уже давно царитъ полный патріархатъ. Наиболѣе яснымъ на нашъ взглядъ переживаніемъ представляется долговременное пребываніе молодой у своихъ родителей и временныя посѣщенія ея мужемъ. Это несомнѣнные слѣды материнства. Къ таковымъ же мы склоны причислить и практикующійся въ Тетюшскомъ уѣздѣ бракъ *убтаомъ* невѣсты изъ отцовскаго дома къ жениху. Это рудиментъ отъ первобытнаго свободнаго брака, хорошо сохранившаяся у славянъ и русскихъ въ Сибири. Но человѣческія учрежденія состоятъ изъ такихъ же отдѣльныхъ наслоеній, какъ и земля, на которой люди живутъ. Такъ и здѣсь: въ остаткамъ отъ материнства примѣшались слѣды умыканія невѣсты, которое возникаетъ на почвѣ экзогаміи, при формированіи патріарха. Мужъ посѣщаетъ жену лишь поздно вечеромъ, какъ бы украдкой, скрывается отъ тестя и тещи. Подобный обычай имѣетъ мѣсто не у однихъ лишь татаръ; онъ встрѣчается у черкесъ до рожденія женой перваго ребенка, у нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ племенъ и въ средней Африкѣ, наконецъ существовалъ у спартанцевъ и на о. Критѣ.

¹⁾ См. Этнографич. Обзорѣніе кн. 5, ст. Тайлора.

Умыканіе невѣстъ—это почти общее явленіе у племенъ различныхъ расъ и странъ. Возникаетъ оно еще въ тѣ времена, когда распространено дѣтоубійство, жертвами котораго становятся по преимуществу дѣвочки. Недостатокъ женщинъ заставляетъ самцовъ за ними охотиться; въ дикомъ состояніи конечно употребляются и дикіе приемы. Австралійскій дикарь, напр., чтобы овладѣть женщиной чужаго рода, оглушаетъ ее ударомъ дубины и тащитъ въ ближайшій лѣсъ. По возвращеніи изъ лѣса устраивается примиреніе съ взбѣшенными родственниками путемъ какого нибудь выкупа. Понятіе о тяжести насилія съ бракомъ укореняется такъ глубоко, что остается въ употребленіи и послѣ того, какъ минуется надобность въ немъ. Мало по малу уводъ становится лишь брачнымъ обрядомъ съ большей или меньшею ясностью.

У татаръ на Кавказѣ свадьба сопровождается пиршествомъ, среди котораго женихъ врывается съ товарищами въ домъ и силой уводитъ невѣсту, разрѣзавъ ножомъ ей платье на груди. Въ Крыму одинъ изъ брачныхъ обрядовъ состоитъ въ схваткѣ между друзьями жениха съ родственниками невѣсты. У сибирскихъ татаръ послѣ брака устраиваются игры, на которыхъ молодой борется съ жениной родней. У башкиръ подобныя состязанія во время брачныхъ обрядовъ происходятъ нѣсколько разъ. У казанскихъ татаръ мы видимъ переживаніе этого обычая въ ослабленной формѣ: родственники невѣсты (мальчики) не пускаютъ въ ней жениха, пока онъ не дастъ выкупа. Затѣмъ, предъ входомъ молодаго въ спальню, его жена прячется въ комнатѣ, и ему нужно ее отыскать; это обычай практикуется впрочемъ не вездѣ. Здѣсь же, въ Казани, какъ мы уже сказали, молодая закутывается съ ногъ до головы въ теплую одежду и мужъ долженъ ее открыть. Непосредственно за этимъ обычаемъ слѣдуетъ другой, выражающій господство мужа надъ женой и желаніе помучить ее при первомъ же свиданіи: жена обязана разуть своего мужа, который заранѣе надѣваетъ ичеги на моврыя портянки, сверху смазываетъ ичеги саломъ, чтобы затруднить сниманіе ихъ; затѣмъ кушаетъ свой завязываетъ такъ, чтобы жена потратила не малое время на отысканіе концовъ и распутываніе узла.

Къ несомнѣннымъ признакамъ умыканія слѣдуетъ отнести и тотъ обычай (встрѣчаемый въ Мамад. у.), когда молодая жена, по приѣздѣ въ домъ мужа, ступаетъ на подушки,

ковры или шубы. Самъ по себѣ этотъ фактъ тѣмень, но онъ говоритъ кое-что при сравненіи его съ подобнымъ же у киргизъ Оренбургской губ., у которыхъ молодую везутъ свахистарухи; она сидитъ на простынѣ или коврѣ, который, по приѣздѣ къ мужу, старухи и тащатъ съ телѣги вмѣстѣ съ женой. Намъ кажется, что первый фактъ—видоизмѣненіе второго—особенно, если принять во вниманіе обычай отатарившихся черемисъ въ томъ же Мамадышскомъ уѣздѣ, у которыхъ подъ ноги молодой на подушку кладутъ денегъ; молодая ступаетъ на нихъ и три раза повертывается кругомъ, затѣмъ идетъ дальше, а деньги съ подушки разбрасываются во всѣ стороны собравшемуся народу. Не остатки ли это прежняго откупа роднымъ невѣсты за похищенную у нихъ дочь?

У татаръ подъ вліяніемъ магометанства сохранилась купля невѣсты въ самомъ чистомъ видѣ; первоначальный калымъ замѣнился магометанскимъ магаромъ. Какъ же примирить куплю невѣсты съ приданнымъ, которое дается за ней? Нельзя же одновременно продавать женщину и надѣлать ее приданнымъ. Эти два повидимому непримиримыя явленія существующія у многихъ народовъ и у русскихъ разныхъ губерній, находятъ себѣ разъясненіе именно на практикѣ ихъ у татаръ. Въ Гадаѣ, въ одномъ изъ важнѣйшихъ комментариевъ мусульманскаго права, о магарѣ (по тюркски—калымъ) прямо говорится, какъ о платѣ родителямъ невѣсты, за то, что они употребили свои средства на покупку приданнаго дочери¹⁾. У татаръ-крестьянъ въ предѣлахъ Казанской губ. этотъ мусульманскій взглядъ на магаръ подтверждается обычаемъ „дѣлать дочери приданое на деньги, полученные родителемъ съ ея жениха“. Объ этомъ обычаѣ говоритъ намъ неизвѣстный авторъ любопытнаго очерка „Народные обычаи у Татаръ Казанской губерніи“. „Приданое, говорится въ этой статьѣ, дѣлается родителями невѣсты на деньги, полученные съ жениха. Оно составляетъ собственность жены, и никто—ни мужъ, ни родственники его—не имѣютъ на него никакого права. По смерти жены, при ея бездѣтности, приданое поступаетъ къ ея родителямъ и родственникамъ, вообще къ тому семейству, изъ котораго она была взята. Но если послѣ нея останутся дѣти, то оно составляетъ ихъ собствен-

¹⁾ См. М. Ковалевскій: Первоб. право, ч. 2: Семья.

²⁾ Труды Казан. Статист. Комит. 1869 г.

ность“. Что на определенное количество калыма дается определенное же количество приданого, это подтверждают обычаи самоёдовъ, корель, а въ нашей губ. черемись, чувашъ, вотяковъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ *утреннемъ дарѣ* татаръ послѣ первой брачной ночи. Нашъ почтенный ученый, знатокъ первобытнаго права, М. Ковалевскій предложилъ слѣдующее определеніе и объясненіе этого весьма распространеннаго обычая. „Это есть прежде всего даръ, дѣлаемый мужемъ женѣ въ утро, слѣдующее за первой брачной ночью, во вторыхъ, — этотъ даръ имѣеть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда новобрачной является сохранившая свою дѣвственность дѣвушка; наконецъ, — цѣлью даренія является вознагражденіе мужемъ жены за потерянную ею въ сожителствѣ съ нимъ дѣвственность.—Предоставленіе мужемъ женѣ утренняго дара есть особый видъ купли, въ которой объектомъ продажи является не женщина и не право попечительства надъ нею ея родителей, какъ это имѣеть мѣсто при уплатѣ калыма, а право вступать съ нею въ половую связь“. Вполнѣ соглашаясь съ этимъ определеніемъ утренняго дара въ современномъ его видѣ, мы склонны думать, что это—такъ сказать—нравственное значеніе обычая явилось уже на болѣе поздней ступени развитія; происхожденіе же его, на нашъ взглядъ, кроется еще въ періодѣ материнства, когда человекъ, временно пользующійся извѣстною женщиной, долженъ доставлять ей и средства для пропитанія. Такъ у наировъ въ Индіи, у которыхъ материнство сохранилось почти въ чистомъ видѣ, мужчина-охотникъ долженъ принести женщинѣ, къ которой онъ приходитъ ночевать, дичи или звѣря для пищи, а богатый торговецъ дарить ей денегъ или цѣнныя вещи. Вотъ, по нашему взгляду, гдѣ эмбрионъ утренняго дара.

Покончивъ съ матеріальной стороной въ свадебныхъ обычаяхъ татаръ, сдѣлаемъ теперь указанія на переживанія отъ первобытной религіи. Прежде всего обратимъ вниманіе на обязательное свадебное кушанье медъ и масло. Всеобщая распространенность и обязательность этого блюда уже набрасываетъ на него нѣкоторую религіозную окраску. Когда же мы у крещеныхъ сибирскихъ татаръ видимъ обычай разводить во время свадьбы костеръ и лить въ огонь масло съ медомъ, или по крайней мѣрѣ масло, то для насъ становится яснымъ, что это первобытное возліаніе въ жертву богамъ, видоизмѣ-

нилось подъ вліаніемъ другой религіи и другаго образа жизни въ обязательное свадебное блюдо для гостей.

Упомянутый нами костеръ съ возліаніемъ масла— въ Сибири, затѣмъ омовеніе молодой рукъ и ногъ при входѣ въ домъ мужа, и разрѣзываніе ею хлѣба на ломти, что во многихъ мѣстахъ Каз. губ. бываетъ ея первымъ дѣломъ въ мужниномъ домѣ, и наконецъ— обычный пирогъ *кок-тыш*,—все это мы склонны сблизить съ греческимъ свадебнымъ ритуаломъ. Извѣстно, что у грековъ и римлянъ свадебные обряды были вызваны къ жизни весьма сильно развитымъ культомъ предковъ. Такъ переходъ невѣсты въ домъ жениха окружался у нихъ особой торжественностью и носилъ черты религіозной церемоніи. Въ Греціи молодые приближались къ очагу; въ это время новобрачную обливали чистой водой, и читались молитвы; затѣмъ молодые съѣдали пирогъ или хлѣбъ разломивъ его пополамъ. У римлянъ въ домъ жениха невѣстѣ также подносили огонь и воду: огонь— символъ домашнихъ боговъ, вода—для религіозныхъ возліаній при жертвоприношеніяхъ. Затѣмъ слѣдовало преломленіе тутъ же съѣдаемаго супругами пшеничнаго пирога.

Мы удалились въ далекую область классическаго міра, потому-что тамъ во всей силѣ и цѣлости дѣйствовалъ въ жизни первобытный культъ предковъ, не ясныя слѣды котораго проявляются и въ свадебныхъ обычаяхъ татаръ. Что у послѣднихъ также имѣло мѣсто поклоненіе предкамъ, въ этомъ мы убѣждены по имѣющимся уже въ нашемъ распоряженіи матеріаламъ, а извѣстно, что общія вѣрованія проявляются въ болѣе или менѣе одинаковыхъ формахъ; лишь постороннія вліанія способны ихъ подавить и видоизмѣнить. Поэтому на обязанности изслѣдователей народной жизни лежитъ высокая задача по разрозненнымъ и неяснымъ слѣдамъ возстановить прошедшее съ возможной ясностью и полнотой.

М. Пинегинъ.

Содержаніе вышедшихъ томовъ „Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“.

Т. I. Уставъ Общества, списокъ членовъ-учредителей Общества, Протоколы засѣданій Совѣта и Общаго Собранія. Проектъ Публичнаго Историко-Этнографическаго Музея, сост. В. М. Флоринскимъ.—Приложенія. Свѣдѣнія о древностяхъ, найденныхъ близъ деревни Увекъ. Описание русскихъ монетъ клада 4 сентября 1878 г. *В. К. Савельева*, и *Н. А. Толмачева*. О нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ матеріалахъ, служащихъ къ изученію исторіи Казанскаго края. *Д. А. Корсакова*. Замѣтки о городкахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Казанской губерніи. *И. А. Изюмова*. О замѣчательной Китайской монетѣ конца X или начала XI в., приобрѣтенной въ селѣ Болгарахъ. *В. П. Васильева*. 1879. Ц. 1 р.

Т. II. Годовой отчетъ за 1878 г. Протоколы засѣданій Общества.—Приложенія. Два городища Спасскаго уѣзда. *П. Фанагорскаго*. Объ историческомъ значеніи библиотеки Соловецкаго монастыря, хранящейся при Казанской Духовной Академіи. *П. В. Владимірова*. Замѣтки о городкахъ, курганахъ и древн. жилищахъ, находящихся въ Казанской губерніи *И. А. Изюмова*. Описание части клада русскихъ денегъ XV в., открытаго въ Казанскомъ кремлѣ 4 сент. 1878 г. *А. О. Лихачева*. Замѣтка о харатейномъ Евангеліи к. XIV или нач. XV в. *П. Д. Шестакова*. Нѣсколько словъ о могильникѣ, находящемся близъ деревни Анабьиной. *П. Д. Шестакова*. Описание монетъ, найденныхъ въ д. Карташихѣ Каз. г. *В. К. Савельева*. Описание городищъ и кургановъ, находящихся въ окрестностяхъ г. Сентилей Симб. губ. *М. И. Изюмщикова*. О старинномъ кладбищѣ близъ с. Биллярскаго Вят. губ. *А. Рязанцева*. Попытка объясненія одного мѣста изъ Булгарской дѣтописи Шерефъ-Эддина. *П. Д. Шестакова*. Выдержки изъ архива Елабужскаго духовнаго Правленія. *Его-же*. Описание дополнительной лекціи Джучидскихъ монетъ изъ развалинъ г. Укеба. *В. К. Савельева*. Описание чудескихъ вещей, пожертвованныхъ въ музей Общества *А. В. Теплоуховымъ*. Быть Вотяковъ Сарапульскаго уѣзда. *В. Кошурикова*. К. 1880. Ц. 1 р.

Т. III. О задачахъ дѣятельности К. О. И. А. и Э. *С. М. Шнилевскаго*. Лингвистическая замѣтка о названіяхъ Булгаръ, Билдиръ и Моркваша. *Н. И. Золотницкаго*. По поводу сообщенія *Н. И. Золотницкаго*. *П. Д. Шестакова*. Замѣтка о городкахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Каз. губ. *И. А. Изюмова*. Объ археологическихъ находкахъ, сдѣланныхъ въ Билярскѣ. *Его-же*. Описание Билярскихъ и Баранскаго городищъ. *В. А. Казаринова*. Замѣтка о Калмыкахъ Астрахан. губерніи. *П. Смирнова*. Изъ повѣдки въ село Шуматово Ядр. у. Каз. губ. (быть Чувашъ) *Б. К. Манитскаго*. О раскопкахъ близъ д. Палкиной на р. Чусовой. *П. И. Кротова*. У Вотяковъ Елабужскаго уѣзда. *Г. И. Потанина*. Изъ дорожныхъ замѣтокъ во время этногр. экскурсіи. *С. К. Кузнецова*. О Чаллынскомъ городищѣ. *А. М. Зайцева*. Одно изъ древнихъ булгаро-татарскихъ городищъ

въ Тет. у. *Е. Т. Соловьева*. Преданія Чувашъ и Татаръ Чебокс. у. Каз. г. *М. А. Арамазова*. Остатки древности въ с. Укегѣ. *Г. С. Саблукова*. Предварительное сообщеніе о раскопкахъ близъ с. Шурана. *П. А. Пономарева*. Предв. сообщеніе о раскопкахъ надъ Ройскимъ истокомъ. *С. К. Кузнецова*. Замѣтки о вышешоимъ раскопкахъ. *А. А. Штукенберга*. Краткое описаніе Краснослободскаго муж. монастыря (Пенз. г.). *Д. В. Ильченко*. Описаніе рус. сер. кофеекъ изъ склада 1881 г. *В. К. Савельева*. Описаніе двухъ коллекцій джуч. монетъ пожерт. обществу. *Его-же*. Описаніе клада золотоордынскихъ монетъ, найденнаго въ 1881 г. *Н. П. Заоскина*. Атамановы кости. *С. К. Кузнецова*. К. 1884. Ц. 2 и. 50 к.

Т. IV. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній за 1880—88 г. Приложенія.—Духовная *В. Н. Татищева*. Ө Мишаряхъ чистоп. уѣзда *В. А. Казаринова*. Свѣдѣнія о Мишаряхъ. *Е. А. Малова*

Т. V. Протоколы засѣданій Совѣта и общихъ собраній за 1882—1884 гг. Свибскій слѣдъ на биярской почвѣ. *А. Ө. Лихачева*. Особенности русскаго говора въ Урж. у. Вят. г. *В. К. Мамитскаго*. Смѣсь. К. 1884. Ц. 1 р.

Т. VI. Вып. 1 и 2. Нѣсколько словъ о русскомъ вліяніи на инородцевъ Казанскаго края. *И. Н. Смирнова*. Нѣсколько словъ о слѣдахъ употребленія у насъ фигурнаго письма. *Н. Ө. Высоцкаго*. Развалины древнихъ зданій при селѣ Болгарахъ. *В. А. Казаринова*. Одинъ изъ источниковъ исторіи Вятскаго края. *А. А. Спицына*. Незданныя грамоты изъ Аeonскихъ архивовъ. *В. В. Качановскаго*. Матеріалы для русскаго словаря. *А. Д. Жилина*. Обычай колядованія въ Симб. г. *М. Извожикова*. Каз. 1888. Ц. 1 р.

Т. VII. Исслѣдованія о нарѣчіяхъ Черемискаго языка *М. П. Веске*. Новая антропологическая находка въ с. Болгарахъ. *Н. Ө. Высоцкаго*. Древній Булгаръ и татарскія преданія о немъ. *А. Дмитриева*. Гдѣ былъ древній Булгарскій городъ Керманчукъ. *Е. Т. Соловьева*. Старая церковь въ селѣ Богородскомъ. *Н. В. Сорокина*. Черемисы. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова*. Каз. 1889. Ц. 2 р.

Т. VIII. Вып. I. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. *М. П. Веске*.

— Вып. II. Вотяки. Историко-этнографическій очеркъ *И. Н. Смирнова*. Каз. 1890. Ц. 2 р. 25 к.

— Вып. III. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній Каз. 1890. Ц. 25 к.

Т. IX. Вып. I. Вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ въ Коммисіи. *Н. Н. Өирсова*. Памяти П. Д. Шестакова. *Н. А. Өирсова*. Толкованіе икона села Царицына (съ фотографіей). *Н. В. Сорокина*. Матеріалы для исторіи развитія славянскаго жилища. *Н. З. Тихова*. Прихи у Чувашъ. *В. К. Мамитскаго*. Русскія имена и прозвища въ XVII в. *А. И. Соколова*. Свадебные обычаи Казанскихъ татаръ. *М. Н. Пинегина*. Каз. 1891. Ц. 1 р. 25 к.

Вып. II. Пермьки. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова*. Каз. 1891. Ц. 1 р. 75 к.

Всѣ изданія Общества, за исключеніемъ I и II томовъ, можно получать въ Казани у книгопродавцевъ *А. А. Дубровина* и *Н. Я. Ваммакова*, въ С.-Петербургѣ у *А. С. Суворина* и *Карбасникова*.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ IX, вып. 2.

ПЕРМЯКИ.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

И. И. Смирнова.

КАЗАНЬ.

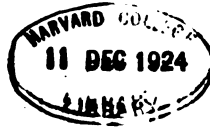
Типографія Императорскаго Университета.

1891.

1891 IX
7 X
8 XI
9 XII
10 XIII
11 XIV
12 XV
13 XVI
14 XVII
15 XVIII
16 XIX
17 XX
18 XXI
19 XXII
20 XXIII
21 XXIV
22 XXV
23 XXVI
24 XXVII
25 XXVIII
26 XXIX
27 XXX

△
Star 21. 20

P Star 384. 40

minot fel

Печатано по опредѣленію Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь П. Траубенбергъ.

5240
9/11/28

Памяти Михаила Петровича Вексе
посвящаетъ авторъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль, которую я преслѣдовалъ, выпуская свой третій историко-этнографическій очеркъ, остается таже, что и прежде: дать научно систематизированный и восполненный личнымъ наблюденіями сводъ данныхъ объ избранной народности. Для выполненія ея пришлось совершить путешествіе по Чердынскому и Соликамскому уѣздамъ Пермской губерніи—и за содѣйствіе, оказанное мнѣ въ этомъ отношеніи, считаю своимъ приятнымъ долгомъ принести благодарность Совѣту Императорскаго Казанскаго Университета.

Оглавленіе.

	<i>Стран.</i>
Глава I.	
Обзоръ литературы, посвященной исторіи и этнографіи Перми (Коми)	3—77.
Глава II.	
Очеркъ исторіи Пермьковъ	77—177.
Глава III.	
Внѣшній бытъ Пермьковъ	177—207.
Глава IV.	
Семейныя и общественныя отношенія	207—232.
Глава V.	
Духовное творчество Пермьковъ	232—289.

Глава I.

Обзоръ литературы, посвященной исторіи и этнографіи Перми
(Коми).

Periplus Otheri et Wulfstani. Script. rer. Danic. T. II. Hafniae. Ed. Langebeki. 1773.

Отерь, современникъ Алфреда Великаго, совершилъ путешествіе къ С. Двинѣ во второй половинѣ IX в. Въ разсказѣ объ этомъ плаваніи, записанномъ съ его словъ Алфредомъ В., онъ первый упомянулъ о Біарміи. Мы находимъ необходимымъ привести его извѣстіе цѣликомъ въ виду искаженій, которымъ оно подвергалось въ нашей литературѣ. „Тутъ увидалъ онъ огромную рѣку, которая далеко (*longissime*) проникала въ глубь страны. У устьевъ ея онъ остановился и не рѣшался войти въ рѣку изъ страха предъ жителями, такъ какъ земля по другую сторону рѣки имѣла многочисленное населеніе. Страна по правую сторону рѣки была-бы совсѣмъ пустыней, еслибы случайно не появлялись по мѣстамъ многіе рыболовы, охотники, которые всѣ были Финны... Біармы въ большомъ количествѣ населяютъ свою страну, но онъ не рѣшился въ нее проникнуть. Страна же Терскихъ Финновъ (*Terfina Land*) была пустынна... Біармы много съ нимъ разговаривали о своей землѣ и сосѣднихъ земляхъ, но онъ не знаетъ, правду-ли они рассказывали, такъ какъ не видалъ этого собственными глазами. Ему кажется (*arbitrari se*), что Финны и Біарміицы говорятъ однимъ языкомъ“ (р. 71).

Немного свѣдѣній даетъ намъ человекъ, который лично посѣтилъ Двинскій край и былъ въ состояніи объясняться съ Біармійцами на родномъ для нихъ языкѣ. Въ пересказахъ и вольной передачѣ извѣстія Отера значительно измѣняются. Strinholm, а за нимъ Г. Полевой въ своихъ „Очеркахъ Русской Исторіи“ приписываютъ Отеру вещи, которыхъ онъ никогда не говорилъ: будто онъ нашелъ Біармію хорошобработанной съ густымъ осѣдлымъ населеніемъ ¹⁾; заблужденіе это встрѣчаемъ мы и у почтеннаго изслѣдователя пермской старины А. А. Дмитриева ²⁾. У Отера, какъ мы уже видѣли, нѣтъ никакого намека на осѣдлость Біармійцевъ; онъ говоритъ только объ ихъ многочисленности; что же касается словъ объ обработанности страны, то они относятся не къ Біарміи, а къ той подчиненной Норвегіи (Halogaland) Финнской области, въ которой Отеръ былъ сборщикомъ дани ранѣе, чѣмъ поступилъ на службу къ Альфреду. Самую крупную цѣнность въ извѣстіяхъ Отера, конечно, имѣютъ слова, относящіяся къ тождеству языковъ Финскаго и Біармійскаго. Эти слова, сказанныя человекомъ, который зналъ финскій (лопарскій) языкъ, имѣютъ капитальное значеніе въ вопросѣ о народности жителей двинскаго низовья.

2. Скандинавскія саги. Scripta Hist. Islandorum. T. I—XII. Hafniae. 1828—1846.

Путешествіе Отера открыло для предприимчивыхъ Норманновъ новый край, въ которомъ они могли искать себѣ славы и богатства. Въ теченіе IX—XII вѣковъ сюда направляется рядъ походовъ, которыя болѣе или менѣе подробно воспѣты въ сагахъ. Мы не можемъ къ сожалѣнію воспользоваться этимъ матеріаломъ во всемъ его объемѣ—частію потому, что онъ недоступенъ намъ по языку, частію потому, что не все изданное оказалось возможнымъ найти подъ руками.

¹⁾ Strinh.—Wikingszüge. Полевой I. с. 148—150.

²⁾ Перм. Стар. I, 32.

Къ періоду отъ половины IX в. до конца X в. по со-
держанію и къ XII в. по времени составленія относится Eiga
или Eiggills Saga. Эта сага съ латинскимъ переводомъ и примѣ-
чаніями издана въ 1809 г. и составляетъ объемистую книгу
въ 772 стр. Отрывки изъ нея также съ латинскимъ пере-
водомъ помѣщены въ Antiquitates Celto-Scandicae. Ни того,
ни другаго изданія мы не имѣемъ подъ руками. Изъ крат-
каго изложенія Саги у Мюллера („Sagenbibliothek“) мы узнаемъ
только то, что Эйгиль, современникъ Эриха Кровавой Сѣвиры,
предпринималъ экспедицію въ Біармію для сбора даней.

Сагами, разсказывающими о походахъ въ Біармію Эри-
ха Кровавой Сѣвиры, сына его Гаральда Графѣлля, Гагена
Адельстейна, Harald Hårfagers Saga, Gåkon Iarls Saga — (по-
мѣщены, кажется, всѣ въ сборникѣ Heimskringla) мы не могли
воспользоваться, такъ какъ переводы ихъ намъ неизвѣстны.

О Herrods-Saga, отрывки изъ которой приведены въ кни-
гѣ Schaeffer'a Larroonia, мы можемъ судить только по вы-
держкамъ изъ нея, помѣщеннымъ у Mone въ его „Gesch. d.
Heidenthum in Nördl. Europa“. Она, какъ и разсматриваемая
ниже сага о походѣ Торера-Собаки, между прочимъ гово-
рить о роцѣ и идолѣ біармійскаго божества Юмала, но фан-
тастичнѣе по своему содержанію: заборъ вокругъ святилища
и самый идолъ, оказывается, были очень искусно сдѣланы изъ
драгоценнаго дерева, украшены золотомъ и драгоценными
камнями, которые своими лучами освѣщаютъ окрестности;
корона Юмала украшена была 12 драгоценными камнями; его
кольцо стоитъ 300 марокъ; его золотая чаша такъ велика,
что изъ нея могутъ напиться четверо мужчинъ; всѣ эти богатства
(роца и дворъ) принадлежали, по словамъ саги, біармійско-
му королю Геркеру.

Нашъ разборъ ограничивается главнымъ образомъ той
частью сагъ, которая въ извлеченіи нашла себѣ мѣсто въ
жизнеописаніяхъ Олафа Труггсона и Олафа Святаго.

Въ „Исторіи Олафа Труггсона“ помѣщенъ между прочимъ
сжатый разсказъ объ экспедиціи Гаральда Графѣльда въ Біар-

мію около 965 г. Гаральдъ выдержалъ борьбу съ Біармійцами у устья Двины и опустошилъ страну на значительномъ пространствѣ. Разсказъ интересенъ по отрывку изъ Harald Gråföls Saga, въ которомъ говорится, какъ Гаральдъ заставилъ біармійскіе роды бѣжать.

Изъ латинскаго перевода этого отрывка оказывается, что Біармійцы, повидимому, имѣли укрѣпленія (городки). Приводимъ его:

Loquens animose oppressor regulorum
Ardentem gladium rubefecit
In oriente, ubi fecit gentes
Trans oppida fugere Bjarmicas
... nactus est arbiter virorum
In ripa Vinae clarum nomen.

Стрингольмъ даетъ нѣсколько отличный переводъ этого отрывка

Der Weitfeierte, der Könige gezwungen,
Färbte in Osten sein Schwert,
Da sach ich Bjarmalands Männer fliehen
Nordwärts vom brennenden Dorf.

Разнорѣчіе двухъ переводовъ имѣетъ для насъ существенное значеніе. Вопросъ идетъ о томъ, имѣли-ли Біармійцы укрѣпленные городки, подобно Коми, Югрѣ и Лопи, или жили въ открытыхъ деревняхъ.

„Исторія Олафа Св.“ нашла себѣ мѣсто 1) въ сборникѣ извѣстномъ подъ названіемъ Heimskringla и составленномъ Снорро-Стурлезономъ въ XIII в. 2) въ такъ называемомъ Codex Flateyensis и цѣломъ рядѣ другихъ рукописныхъ сборниковъ XIII в. Исландскій текстъ, помѣщенный въ одномъ изъ сборниковъ, составленныхъ нѣсколько позже Снорро-Стурлезона, въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія изданъ въ латинскомъ переводѣ въ коллекціи Scripta Hist. Island. IV—V. Оригиналъ, которымъ пользовались переводчики,

отличается лишь стилистически отъ текста, помѣщеннаго въ Heimskringla.

Въ „исторіи Олафа Св.“ имѣетъ мѣсто наиболѣе извѣстная у насъ сага о походѣ Тореръ-Гунда и Карли въ Біармію. Сага эта передана Карамзинымъ, Савельевымъ въ книгѣ „Мухамедд. нумизматика“ и въ „Очеркахъ Русской Исторіи“ Полеваго. Савельевъ приводитъ ее въ редакціи „Heimskringla“ по Стрингольму. Пересказъ г. Полеваго сдѣланъ, какъ кажется, независимо отъ Савельева. Въ „Очеркахъ“ его мы читаемъ, что къ Карлу и Гунштейну присоединился Тореръ-Гундъ. Въ „исторіи Олафа“ по этому поводу сказана болѣе содержательная и характерная фраза: „Тореръ Собака послалъ къ братьямъ гонцовъ съ извѣстіемъ, что онъ то же въ это лѣтъ о рѣшилъ отправиться въ Біармію, и желалъ-бы плыть вмѣстѣ и поровну раздѣлить барышъ и добычу, которые приобрѣтутъ“. Затѣмъ у г. Полеваго мы имѣемъ фразу „у кого было золото или товаръ, получили хорошій барышъ“; въ „И. О.“ сказано менѣе опредѣленно: „У Карла было много денегъ и онъ купилъ большое количество шкуръ“. Погребальныя обычаи Біармійцевъ у г. Полеваго представляются хорошо извѣстными всѣмъ викингамъ, участвовавшимъ въ экспедиціи, въ „И. О.“ о нихъ сообщаетъ Тореръ, какъ человѣкъ бывалый; онъ-же предлагаетъ и грабежъ. Самый погребальный обычай у г. Полеваго описанъ не точно; помѣщаемъ для сравненія его текстъ и текстъ „И. О.“

„Оч. Р. И.“

„долю (умершаго) хоронили у нихъ въ землю на священномъ мѣстѣ за городомъ, а надъ могилой ссыпали высокій холмъ или ставили надъ ней небольшую лагужку...“

„И. О.“ (S. N. I. IV, 276).

„quam rescipiam in sylvas, extractis tumulis aut domibus conditam abdi, terra et argento commixtis“
(„каковыя деньги уносили въ лѣса, устраивая надъ ними холмы (курганы) или дома и смѣшивая деньги съ землей“...)

Въ ближайшій такой лѣсъ отправились и викинги. Ни о какомъ храмѣ Юмала, который будто-бы стоялъ рядомъ съ мѣстомъ погребенія и о которомъ говорятъ Стрингольмъ, Савельевъ и Полевой, въ „И. О.“ нѣтъ ни слова. Нѣтъ рѣчи о храмѣ, нужно думать, и въ редакціи Olaf-Saga въ Heimskringla. Моне, пользовавшійся этой редакціей, положительно заявляетъ, что у Біармійцевъ не было храмовъ.

Въ глубинѣ лѣса викинги нашли деревянную загородъ (*seripentum ligneum*, а не храмъ Юмалы) съ воротами. Тореръ и Карли перелѣзли черезъ тынъ отодвинули засовы и открыли ворота. Тореръ сообщил своимъ спутникамъ, что въ этой оградѣ (*in has a gea*) есть курганъ (*tumulus*), въ которомъ золото перемѣшано съ серебромъ и землей. Викинги поднялись на курганъ, собрали сколько могли денегъ, выбирая изъ одеждъ (*vestibus excerptas*) вмѣстѣ съ землей, которую не отдѣляли въ торопяхъ. Затѣмъ Тореръ высыпалъ за пазуху деньги изъ чаши, стоявшей на колѣнахъ у идола Юмалы, и захватилъ ее за дужку (*apsam*), которой была она снабжена. Карли воспользовался массивнымъ ожерельемъ (*crasso monili*). Въ передачѣ г. Полеваго дѣло представляется такъ, какъ будто викинги ограбили не могильникъ, а храмовое имущество. „Добыча, выпавшая на долю викинговъ была такъ велика, что каждый захватилъ съ собою серебра столько, сколько могъ унести. Но имъ все казалось мало; добрались они и до самаго изображенія Юмалы. . . Трескъ и возню викинговъ въ храмѣ услышали подошедшіе между тѣмъ сторожа. . .“ О храмѣ и хранящихся въ немъ еладахъ говоритъ и Савельевъ, хотя рядомъ упоминаетъ и могилы.

Эймундова сага, извѣстная у насъ по переводу Сеновскаго, относится также къ цѣлу сагъ, повѣствующихъ объ эпохѣ Олафа Святаго. Интересъ ея по отношенію къ Біарміи заключается въ томъ, что она даетъ до нѣкоторой степени возможность судить о южныхъ границахъ Біарміи по норманскимъ представленіямъ. Святополкъ, разби-

тый братомъ своимъ Ярославомъ въ борьбѣ изъ-за Кіевскаго Стола, бѣжить въ Біармію и возвращается оттуда въ Кіеву съ войскомъ, состоявшимъ изъ біармійскихъ всадниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Біармія Эймундовой саги начиналась не особенно далеко отъ Кіевской или южной Руси т. е. захватывала собой полосу средней Россіи.

Къ началу XIII вѣка относится помѣщенный въ X т. I. S. H. (р. 266) рассказъ о послѣднемъ набѣгѣ викинговъ на Біармію—Андрея Скιάльдарбанда и Ивара Утвики. Рассказъ этотъ любопытенъ между прочимъ по тому, что въ немъ заключается извѣстіе о торговлѣ Норманновъ съ Сүздалемъ. Раньше Скιάльдарбанда въ Біармію отправился между прочимъ нѣкій Огмундъ родомъ изъ Spanheim'a. Этотъ Огмундъ отправился съ товарами въ Regnum Sudurdalorum или Sursdali. По отношенію къ Біарміяцамъ онъ заключаетъ извѣстіе, что ихъ король былъ въ это время во враждѣ съ Норвежцами (Halogenses) и Біарміяцы перебили спутниковъ Огмунда, выждавъ зимы. Скιάльдарбандъ съ товарищами произвели въ отмщеніе большой грабежъ въ Біарміи и привезли громадную добычу изъ шкуръ и чистаго серебра.

Какую историческую и этнографическую цѣнность имѣютъ наши саги? Шлецеръ очень сурово отнесся къ этому источнику, усматривая въ немъ однѣ глупыя выдумки. Въ болѣе мягкой формѣ подобное-же скептическое отношеніе проявляютъ въ сагамъ Карамзинъ, Савельевъ и позднѣйшіе изслѣдователи. Въ наше время, благодаря развитію археологическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, возможна другая оцѣнка. Установимъ сначала тѣ черты быта Біарміяцевъ, которыя можно констатировать изъ сагъ. Біарміяцы имѣли князей. Богатства ихъ состояли изъ шкуръ, серебра въ слиткахъ и денегъ. Въ области вѣрованной саги отмѣчаютъ, что Біарміяцы имѣли бога по имени Юмала, поклонялись его деревянному истукану, хоронили въ урганахъ и вѣдали съ усопшимъ его имущество—въ вещахъ и деньгахъ. Ни одна изъ этихъ бытовыхъ чертъ не находится въ противорѣчій съ тѣми данными, которыми мы располагаемъ относительно древнихъ обитателей

нашего сѣвера. Саги говорятъ о Біармійскихъ конунгахъ—мы знаемъ князей у Суми, Лопарей, Перми, Югры. Если послѣдующіе историки, какъ Саксо Грамматикъ, заговорили о Біарміи, какъ могущественномъ государствѣ, существовавшемъ еще до Р. Х., то это уже ихъ вина. Саги говорятъ объ укрѣпленіяхъ въ которыхъ скрывались отъ Норманновъ Біармійцы; земляныя укрѣпленія (города, linna, kar) извѣстны съ XII в. у западныхъ Финновъ, Перми и Югры. Саги представляютъ Біармійцевъ обладателями мѣховъ, серебра и денегъ; что мѣха, были главнымъ богатствомъ нашихъ сѣверныхъ инородцевъ, не нужно доказывать. Не противорѣчатъ даннымъ исторіи и особенно современной археологіи и извѣстія о серебрѣ въ слиткахъ и деньгахъ. Мы знаемъ, что еще московскій князь просилъ съ Новгорода серебра закамскаго или закаменскаго; слитки серебра въ видѣ прутьевъ открыты были въ нынѣшнемъ столѣтіи не въ одномъ пунктѣ пермской территоріи; воспоминаніе объ этихъ слиткахъ, какъ мы увидимъ ниже, до сихъ поръ сохранилось въ языкѣ Пермяковъ называющихъ рубль—ш а т ь, т. е. п р у т ь. О томъ, что сѣвернымъ инородцамъ извѣстны были и монеты, свидѣтельствуетъ археологія, константировавшая присутствіе персидскихъ, арабскихъ и другихъ восточныхъ монетъ на нашемъ Сѣверѣ. Въ области вѣрованій саги также въ основныхъ чертахъ не представляютъ ничего невѣроятнаго. Имя Юмала извѣстно западнымъ Финнамъ-Чухнамъ, Эстамъ и Лопарямъ (Юммаль, Юбмаль). Курганное погребеніе констатировано на С. З. и въ средней Россіи многочисленными археологическими изслѣдованіями; тѣже изслѣдованія обнаружили обычай класть съ усопшимъ его вещи и деньги.

Что кладбища и мѣста моленія у Финновъ соединяются, мы знаемъ изъ данныхъ относительно Вотяковъ. Обычай огораживанія кладбищъ или мольбищъ широко распространенъ у всѣхъ нашихъ Финновъ—Черемисъ, Вотяковъ. Обычай устраивать надъ усопшимъ нѣчто вроде домика извѣстенъ у Маньсовъ и у современныхъ русскихъ Двинянъ. Деревян-

ные идолы известны у Лопарей, Пермьяковъ, Югры; идолы съ чашей на колѣнахъ известны были въ Обдоріи. Обычай одѣвать идоловъ, украшать ихъ серебромъ былъ въ ходу у Пермьяковъ эпохи св. Стефана и у Югры. Сотникъ Памъ обвиняетъ Стефана предъ Пермьяками въ томъ, что онъ «съ нарочитыхъ кумировъ сѣмавъ пелено и помета отрочищу своему и сей створи въ нихъ гащи и онуца и ногавица...» Новицкій говоритъ относительно Вогульскихъ и Остяцкихъ кумировъ, что они повиваются холстами, сукнами, кожами; „Старикъ Обскій“ былъ «одѣянъ одеждою червленою съ золотой грудью». Нахрачевъ истуканъ описывается «одѣянъ одеждою зеленою»; предъ нимъ лежали принесенные поклонниками кафтаны. Можетъ быть обиліе одеждъ надѣтыхъ на идола Біарміицевъ и наложенныхъ около него вызвало слова Herrods Saga: „его одежда была дороже трехъ кораблей наполненныхъ богатѣйшимъ грузомъ, плавающихъ по греческому морю». Существованіе при идолахъ стражей также известно у сѣверныхъ инородцевъ. Кондійскаго идола, по словамъ Новицкаго, охраняли два стража въ червленыхъ одеждахъ, съ украшенными копьями въ рукахъ. Даже такія известія сагъ, какъ упоминаемая въ Herrods Saga принадлежность кладбища и идола Юмалы пермскому королю или князьку не противорѣчитъ тому, что мы знаемъ относительно сѣверныхъ инородцевъ. У Новицкаго въ его «Описаніи Остяцкаго народа» мы находимъ слѣдующее сообщеніе «...достигохомъ жилища сихъ нарицаемые юрты Нахрачевы отъ имени начальствующаго тамъ Нахрacha Евплаева, иже есть начальникъ, державецъ и служитель того сквернаго истукана... Сей Нахрачь державецъ бѣше сего кумира... Обскіе и прочихъ протокъ шайтанчики, си есть служители кумировъ, прихождаху къ сему державцу кумира и дарами умолаху, да въ ихъ селенія отпустить“.

Подводя итогъ всѣмъ этимъ сопоставленіямъ, мы имѣемъ полное право сказать, что видимъ въ исландскихъ сагахъ очень цѣнный историко-этнографическій источникъ. Думаемъ,

что сопоставленіе бытовыхъ чертъ, которыя окажутся въ незатронутыхъ нами сагахъ, съ историко - этнографическими данными, которыми мы располагаемъ относительно отдѣльныхъ Финскихъ племенъ и разширеніе этихъ свѣдѣній, только подтвердитъ нашъ выводъ.

Но этотъ народъ, культура котораго обрисовывается предъ нами въ сагахъ—эти Вјагмас не были нашими Пермьяками и Зырянами. Почитаніе Юмала, курганное погребеніе, согласно съ извѣстіями Отера и филологическихъ данными, которыя констатированы Кастреномъ, Шюгренемъ и Веске относительно древняго населенія Подвинья, заставляютъ насъ считать древнихъ Біармійцевъ представителями западно-финской вѣтви.

Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. т. т. I—X. Спб. 1841—1885.

Первый русскій лѣтописецъ приводитъ въ своемъ перечнѣ народовъ, населявшихъ восточно - европейскую равнину сдѣлавшееся извѣстнымъ на западѣ уже за два слишкомъ вѣка имя народа Пермь. Онъ не входитъ, какъ Отеръ, въ область вопросовъ о языкѣ, которымъ говорила Пермь, но даетъ болѣе точное опредѣленіе занимаемой ею территоріи. Въ то время, какъ Отеръ говоритъ только, что Біармы жили на В. отъ устья Двины, нашъ лѣтописецъ отводитъ своей Перми болѣе опредѣленное мѣсто между Заволоцкой Чудью съ одной стороны, Печерой и Югрой съ другой. Въ виду того, что Печерой является народъ, жившій въ бассейнѣ рѣки того же названія, территорію Перми нужно искать по первоначальному лѣтописцу на З. отъ Печеры, ближайшимъ образомъ въ бассейнѣ Вычегды.

Новгородскія лѣтописи представляютъ нѣсколько новыхъ данныхъ, уясняющихъ положеніе земель, занятыхъ Пермью и отношеніе ихъ на В. Новгороду. Мы узнаемъ изъ нихъ, что Югра и Печера занимали земли въ бассейнѣ Печеры. Подъ 1185 г. лѣтопись сообщаетъ, что избіени быша Печерскія данники и Югорскіе на Печерѣ. Западная гра-

ница Перми опредѣляется тѣмъ, что Двинская область вошла въ составъ Заволочья («идоша Новгородцы съ княземъ Юрьемъ на Заволочье, и придоша на Двину», «посла рать на Двину за волокъ», «взя всю землю Заволоцкую, на Двинѣ по госты вси на щить»).

Эпоха Стефана привлекаетъ къ Пермскому краю вниманіе всей Русской земли и заставляеть лѣтописцевъ обмолвиться нѣсколькими словами о древней религіи Перми. Эти немногія слова имѣють очень крупную цѣнность для исторіи: они дополняютъ, какъ мы увидимъ ниже, новыми чертами картину вѣрованій, набросанную Епифаніемъ. Изъ Новгород. лѣтописи мы узнаемъ о поклоненіи звѣрямъ, деревьямъ, огню и золотой бабѣ. Никоновская лѣтопись даетъ дальнѣйшія черты—говоря о поклоненіи „домомъ, водѣ, солнцу, каменію, воломъ, козамъ (лѣтопись, кажется смѣшиваетъ боговъ, храмы и жертвы). Другое крупное событіе въ жизни Перми — подчиненіе подъ власть Москвы—даетъ лѣтописцамъ поводъ сообщить нѣсколько цѣнныхъ свѣдѣній относительно организаціи и культуры Перми—таковы напр. извѣстія о городеахъ и князьеахъ въ Никоновскомъ лѣтописцѣ.

Житіе св. Стефана. Памят. Стар. Р. Лит. Изд. Куш.-Безб. IV. Слб. 1862.

Житіе св. Стефана при всѣхъ своихъ несовершенствахъ является цѣннымъ источникомъ для древней исторіи народа Перми. Епифаній былъ современникомъ Стефана и составилъ свой рассказъ на основаніи того, что слышалъ отъ самаго Стефана и его учениковъ. Реторичность и искусственность формы не помѣшала ему сообщить цѣнные свѣдѣнія о предѣлахъ страны, занятой Пермскими, и ихъ внутреннемъ бытѣ. Для того, чтобы оцѣнить географическія извѣстія біографа, слѣдуетъ принять во вниманіе то, что мы знаемъ о Перми изъ предшествующей эпохи. О Перми, Печерѣ и Югрѣ упоминаетъ первоначальная лѣтопись; объ этихъ странахъ, какъ владѣніяхъ Новгорода, говорятъ договорныя грамоты—но большее, что можно извлечь изъ обоихъ источниковъ, заключается въ томъ, что Пермь можно считать на З. отъ Печеры, какъ

сама Печера является на З. отъ Югры. Въ договорныхъ грамотахъ границы Перми выставляются нѣсколько подробнѣе. Пермь стоитъ между Заволочьемъ и Терской областью съ одной стороны, Печерой и Югрой съ другой. Мы узнаемъ не только восточныя, но и западныя границы ея. Вопросъ о томъ, до какихъ предѣловъ доходила Пермь на З., зависитъ отъ того, что понимать подъ именемъ Заволочья и Трѣ. Если мы Заволочье ограничимъ страной на В. отъ Бѣлозера и Подвиньемъ, а Трѣ нынѣшнимъ Кольскимъ полуостровомъ, то можно будетъ принять, что Пермь представляла страну, заключенную между С. Двиной и Печерой. У Епифанія свѣдѣнія о Перми обильнѣе: онъ говоритъ намъ о рѣкахъ, орошающихъ страну, и областяхъ, съ которыми она сосѣдитъ. Съ точки зрѣнія современныхъ примемовъ топографіи можно, конечно, многое сказать относительно описанія Перми, сдѣланнаго „премудрымъ“ монахомъ XIV в. Прежде всего онъ не ориентировать читателя. Мы не знаемъ, что лежало на С., что на Ю., какая область откуда примыкала, какое значеніе имѣли рѣки при разграниченіи страны. Затѣмъ Епифаній не достаточно отдѣляетъ одну отъ другой двѣ Перми, о которыхъ онъ знаетъ. Въ перечнѣ народовъ, сосѣдившихъ съ Пермью, оказывается Пермь Великая, глаголемая Чусовая. Въ перечнѣ рѣкъ мы встрѣчаемъ съ одной стороны, что Вымь обходить всю землю Пермскую, съ другой стороны обходить и проходить сквозь всю землю Пермскую и Кама. Ясно, что біографъ слышалъ о двухъ областяхъ, носящихъ имя Пермь, но не считъ нужнымъ отдѣлить ихъ одну отъ другой, хотя довольно точно опредѣлили территорію Перми Чусовской (область нынѣшнихъ Пермьковъ): Кама, дѣйствительно, обходя своимъ верхнимъ теченіемъ на З. и С. Пермьскую территорію, проходитъ сквозь нее, когда поворачиваетъ къ Ю. близъ Чердыни. Границы Перми Сѣверной также выяснятся нѣсколько, если мы примемъ во вниманіе, что Вычегда, по Епифанію, истекаетъ изъ земли Пермской—ясно, что Пермь простиралась на В. по крайней

мѣрѣ до истоковъ этой рѣки. Дальнѣйшимъ указаніемъ на границы Вымской или Вычегодской Перми является то обстоятельство, что Епифаній отграничиваетъ ее съ С. З. отъ Пинежанъ (Пинеги)—иноязычниковъ, съ В. отъ Печеры, Югры и Вогуличей, съ Ю. и Ю. З. отъ Вилежанъ, Вычегжанъ, Двинянь, Устюжанъ, Южанъ, Сырьянь, Гайанъ, Вятчанъ, съ Ю. В. отъ Перми Чусовской. Всматриваясь въ эти сбитыя безпорядочно названія пограничныхъ мѣстъ и народовъ, мы приходимъ къ заключенію, что границы Вымской Перми эпохи Епифанія совпадаютъ съ границами нынѣшняго Зырянскаго племени. Начиная съ Ю. В. Зыряне дѣйствительно имѣютъ на своей границѣ Пермскій край, Кайскій округъ, земли по теченію р. Вятки въ предѣлахъ Слободскаго у. и примыкающую къ нимъ Сырьянскую волость, съ Ю. З. бассейны Виледи и Юга, течение Вычегды, С. Двины и верховья Пинеги на З. (близъ границъ Яренскаго у.), на С. Тиманскую тундру и бассейнъ Печеры съ Самоѣдами. Что представляется болѣе или менѣе неяснымъ въ топографіи Епифанія, это сосѣдство Перми съ Лопью и Корелой. Нѣтъ сомнѣнія, что это сосѣдство имѣло мѣсто на З., но въ настоящее время Корелы живутъ на С. З. отъ Двины главнымъ образомъ въ Кемскомъ уѣздѣ и только незначительный процентъ ихъ встрѣчается въ Архангельскомъ и Онежскомъ уѣздахъ, а Лопари занимаютъ исключительно Кемскій уѣздъ. Затрудненіе это устраняется однако результатами, въ которыхъ пришли Шюгрень, Кастрень и Веске въ своихъ изслѣдованіяхъ о древнихъ жителяхъ Заволочья. Названныя изслѣдователи совершенно точно, какъ увидимъ мы далѣе, доказали, что бассейнъ Пинеги входилъ въ область поселеній Западныхъ Финновъ, которые у русскихъ назывались Корелами, и самая рѣка обязана имъ своимъ названіемъ. Пинежане-иноязычники, нужно думать, составляли одно и тоже съ Корелой и Лопью.

Обращается къ бытовымъ даннымъ относительно Перми. Критика этой части труда Епифанія должна быть построе-

на на сравненіи его извѣстій съ тѣмъ, что мы знаемъ относительно быта родичей и сосѣдей Зырянъ. Важнѣйшую часть извѣстій „премудраго“ монаха составляютъ указанія, относящіяся къ вѣрованіямъ и культу древнихъ Пермлянъ. Мы узнаемъ, что Пермь была народомъ, видѣвшимъ вокругъ себя массу боговъ—въ лѣсахъ, рѣкахъ, озерахъ, — боговъ, которые подавали своимъ поклонникамъ удачу въ ловѣ. Какъ назывались эти боги, Епифаній не считаетъ нужнымъ говорить, но его извѣстія о существѣ ихъ окажутся безусловно достовѣрными, если мы сравнимъ то, что онъ сообщаетъ, съ тѣмъ, что мы знаемъ о Вотякахъ и другихъ родичахъ и сосѣдяхъ Перми. Въ области культа сравнительное изслѣдованіе констатируетъ также полную достовѣрность извѣстій Епифанія. Разберемъ эти извѣстія по группамъ.

1. Идолы боговъ. Изъ отдѣльныхъ мѣстъ житія св. Стефана оказывается, что Пермяне дѣлали изъ дерева челоуѣкообразныя изображенія своихъ боговъ, большаго или меньшаго размѣра. Намеки на существованіе идоловъ встрѣчаются и у Вотяковъ. О деревянныхъ идолахъ Лопарей говорятъ писатели XVI и XVII в. Деревянныхъ идоловъ имѣли и имѣють до настоящаго времени Остяки.

2. Мѣста моленія. Помѣщенія, гдѣ стояли изображенія боговъ, у Епифанія называются „кумирницами“, „мольбищами“. Какой видъ они имѣли, изъ житія не видно: но можно догадываться, что это были деревянные постройки, такъ какъ въ другихъ мѣстахъ они называются храмами и ихъ можно было истреблять огнемъ. Въ кумирницахъ стояли идолы и передъ ними жертвенные столы — „жертвица“, „требица“, которыя Стефанъ опровергивалъ; здѣсь-же помѣщался складъ жертвенныхъ вещей. Кумирницы находились подъ охраной особыхъ лицъ, которыхъ Епифаній называетъ „кумирниками“ и „идолослужителями“. Особыя деревянные сооруженія для религіозныхъ цѣлей сохраняются до сихъ поръ, какъ мы знаемъ уже, у Вотяковъ (куа, бадзымъ-куа). Деревянные сараи, какъ помѣщенія для боговъ и хранилища приносимыхъ

ими жертвъ, извѣстны и Уграмъ. При этихъ сараяхъ живутъ у Маньсовъ служители „шайтанчики“ боговъ, которые по временамъ развѣзжаютъ за подаваніями и охраняютъ ихъ имущество.

3. Жертвы. Жертвы состояли у Пермь изъ звѣринныхъ шкуръ, которыя они надѣвали на идоловъ или вѣшали около нихъ, и изъ металлическихъ вещей—золота, серебра, олова. Въ такомъ видѣ жертвоприношенія остаются и до сихъ поръ у сибирскихъ инородцевъ.

4. Жрецы. Посредниками между толпой и богами являлись у Пермь особые люди, которые называются у Епифанія одержимыми волшебеніемъ, кудесниками, обаянниками. Эти люди имѣютъ способность „выпускать боговъ“ на того или другаго человѣка, добывать черезъ нихъ свѣдѣнія съ самыхъ дальнихъ концовъ міра; они получаютъ это искусство отъ своихъ родителей и передаютъ его дѣтямъ. Черты, которыми характеризуются пермскіе кудесники, хорошо знакомы всякому, кто занимался бытомъ нашихъ сѣверныхъ инородцевъ. Эти „одержимые волшебеніемъ“ — близкіе родичи лопарскихъ нойдовъ XVI в. и современныхъ сибирскихъ шамановъ. Какъ колдуны кудесники и обаянники, они наконецъ являются предками вотяцкихъ туно и пермяцкихъ „вѣжливецъ“. Препирательство Стефана съ Памомъ — яркая картина изъ древняго пермяцкаго быта; pendant къ ней мы имѣемъ въ книгѣ Харузина „Русскіе Лопари“. На стр. 223 г. Харузинъ приводитъ разсказъ объ испытаніи, которому подвергнулъ искусство лопарскихъ нойдовъ узнавать, что „сдѣлается въ дальней странѣ“, одинъ путешественникъ, и тождественное съ памовскимъ объясненіе, которое далъ нойда своей неудачѣ.

Кромѣ этихъ важнѣйшихъ указаній испорченный реторикой разсказъ Епифанія заключаетъ въ себѣ данныя, на основаніи которыхъ мы можемъ составить нѣкоторое, хотя блѣдное, представленіе о вѣшнемъ бытѣ Пермь—ихъ жилищахъ, занятіяхъ, оружіи, объ ихъ общественныхъ отноше-

ніяхъ и характерѣ зависмости отъ Москвы. Въ то время, какъ Новгородцы продолжаютъ называть Пермскія земли своей областью, онѣ, по Епифанію, были уже въ рукахъ Москвы, платили туда дань и получали оттуда чиновниковъ (тивуновъ, доводчиковъ и приставниковъ). Новгородцы рисуются въ трудѣ Епифанія какъ временные, хотя и не желанные для Пермичей, гости—(ушкуйники, разбойницы). Эти извѣстія Епифанія нуждаются въ обстоятельномъ комментарий, такъ какъ находятся въ противорѣчій съ тѣмъ, что мы знаемъ о Вымской Перми въ XV в. Едва-ли при существованіи Вымскихъ князей въ краѣ могли имѣть мѣсто Московскіе чиновники, состоявшіе обыкновенно при намѣстникахъ, тиуны и ихъ доводчики. Примирить эти противорѣчія можно только при предположеніи, что рѣчи Пама относятся къ Пермьякамъ, жившамъ въ Устюжскомъ округѣ, который дѣйствительно еще до Стефана перешелъ въ руки Москвы. Большое мѣсто житія св. Стефана—обиліе реторики; упрекнуть его въ невѣжествѣ, шарлатанствѣ или искаженіи фактовъ мы не можемъ. Суровые приговоры митрополита Евгенія и акад. Шюгрена, изъ которыхъ первый говоритъ, что „житіе“ Епифанія отличается болѣе риторическими разсужденіями, чѣмъ историческими разъясненіями, а второй по поводу топографии Перми замѣчаетъ, что она можетъ только спутать, но не выяснитъ представленія о предѣлахъ Перми—мы считаемъ несправедливыми и неосновательными. То, что сообщаетъ Епифаній, блѣдно, неполно, но всегда вѣрно дѣйствительности. Мы оцѣнимъ трудъ нашего монаха, если сравнимъ его извѣстія съ тѣмъ, что осталось на З. отъ географическаго наслѣдства викинговъ.

Descriptio Groenlandiae auctore Ivare Bardsonio (Antiquitates Americanae. Ed. Rafn. Hafniae. 1837. p. 281—318).

Хорографическій трудъ Ивара Бардсона представляетъ собою яркое проявленіе того упадка географическихъ свѣдѣній, который наступилъ въ Скандинавіи съ прекращеніемъ норманскихъ походовъ. Иваръ былъ Гренландецъ по

происхожденію и жилъ въ XIV или XV в. т. е. былъ почти современникомъ Епифанія. Описанію Гренландіи у него предшествуетъ краткое описаніе всей земли. Описывая Европу, Иваръ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о Біарміи: „На С. отъ Норвегіи находитъ Финмархія. За ней береговая линія склоняется на Ю. и потомъ на В., прежде чѣмъ дойдемъ до Біарміи, которая находится въ данническихъ отношеніяхъ къ русскому царю (*Gardensi regi*). Отъ Біарміи тянутся земли до пустынь на С. до границъ Гренландіи“. Другой отрывокъ повторяетъ это извѣстіе съ легкими измѣненіями: „близъ Даніи лежитъ малая Швеція, тутъ находится Эйландія, потомъ Готландія, потомъ Гельсингія, потомъ Вермія и двѣ Квенландіи, которыя дальше, чѣмъ Біармія, простираются къ С. Отъ границъ Біарміи идутъ чрезъ Гиперборейскія страны различныя необитаемыя земли до границъ Гренландіи“. Своеобразныя представленія о Біарміи ясно свидѣтельствуя о томъ, что потомки викинговъ осповательно забыли край, который эти послѣдніе такъ охотно посѣщали.

Карта *Fra Mauro*. Матеріалы для историко-географическаго атласа Россіи. Спб. 1871.

На этой картѣ, составленной въ 1459 г., имѣется примѣчаніе относительно Пермій и Пермлянъ, въ которомъ составитель карты рисуетъ Пермлянъ чертами сѣверныхъ звѣролововъ и вородцевъ: они изображаются живущими въ землѣ, въ пещерахъ; одѣвающимися въ звѣриныя шкуры. Пермяне снабжали, по *Mauro*, русскихъ торговцевъ соболями и горностаями. Извѣстія *Mauro* не совпадаютъ съ тѣмъ, что говоритъ Епифаній—напр. въ отношеніи жилищъ, но мы не имѣемъ основанія заподозрить ихъ въ виду тѣхъ данныхъ о развитіи пермскаго жилища, которыми располагаемъ. *Mauro*, по всей вѣроятности, говоритъ о восточныхъ, печерскихъ Пермьяхъ—такъ какъ въ этой области между Печерой и Ураломъ преимущественно водились соболи. *Mauro* не помѣщаетъ на картѣ ни Камы, ни Печеры, ни С. Двины.

Дорожникъ или «Указатель пути въ Печеру, Югру и къ р. Оби».
Около нач. XVI в.

Этотъ памятникъ русской географической литературы мы знаемъ по латинскому переводу помѣщаемому въ „Запискахъ о Московіи“ Герберштейна. Сообщая рядъ новыхъ географическихъ данныхъ о сѣверномъ краѣ, дорожникъ знакомитъ насъ и съ обитателями русскаго сѣвера — европейскаго и азіатскаго — Самоядью близъ Пустозерска, Вогуличами съ Сосвы и Оби и Югричами съ Оби. Заключались-ли въ „дорожникѣ“ тѣ этнографическія данныя о Пермяхъ, которыя мы находимъ у Герберштейна, опредѣленно сказать нельзя. Мы склоняемся къ предположенію, что Герберштейнъ заимствовалъ ихъ изъ другихъ русскихъ источниковъ.

Герберштейнъ. Записки о Московіи. Спб. 1866.

О Перми и Пермичахъ въ мемуарахъ Герберштейна находятся скудныя свѣдѣнія. Любопытны извѣстія о дани лошадей и мѣхами, которую будто-бы платили Пермьки, о продолжающемъ идолослуженіи язычниковъ Пермьковъ и объ употребленіи собакъ въ качествѣ вьючныхъ животныхъ.

Discorso di Moscovia. del Franco Tierolo. Monum. histor. Russiae. Tom. I.

Нѣсколько замѣчаній о Перми брошенныхъ Tierolo показываютъ только его полное невѣдѣніе относительно этой области. Г. Tierolo увѣряетъ, что Пермь была завоевана Батыемъ (da Baido Tartaro) и освобождена Иваномъ III. Физическія свойства и границы страны намѣчены самыми общими чертами.

Писцовыя книги.—Книги сошнаго письма Чердынскія и Чердынскаго уѣзда. Писца Яхонтова. Изд. Шишонко. Пермь. 1880.

Писцовыя книги Соликамскаго и Кунгурскаго у.у. Изд. Шишонко. Пермь. 1872.

Извлеченія: Пермская лѣтопись—изд. Шишонко, «Пермская Старина» Дмитриева. Вып. 1—2.

Писцовыя книги по Чердынскому, Усольскому уѣздамъ и Строгановскимъ вотчинамъ Яхонтова, Кайсарова, Елиза-

рова и Бѣльскаго являются важнѣйшимъ послѣ лѣтописей и актовъ источникомъ для исторіи Пермиковъ въ XVI и XVII в. Библиографическія свѣдѣнія объ этихъ книгахъ читатель найдетъ въ почтенномъ трудѣ А. А. Дмитриева. Мы отмѣтимъ здѣсь лишь то значеніе, которое имѣютъ они для изученія прошлаго Пермиковъ. Составители писцовыхъ книгъ не говорятъ, въ сожалѣнію, о народности тѣхъ тяглыхъ людей, земли которыхъ они описываютъ, не отдѣляютъ отчетливо пришлаго русскаго населенія отъ туземнаго, но ихъ записи позволяютъ все-же хотя до нѣкоторой степени судить о составѣ населенія отдѣльныхъ уѣздовъ Пермской земли. Чисто русскія населенія можно отличить отъ пермяцкихъ по характернымъ русскимъ названіямъ—Блиново, Гузнищево, Распопино, Красноперово, Хребтово и др. Не такъ ясно дѣло относительно селеній, которыя имѣютъ не русскія названія, но рускихъ по именамъ насельниковъ. Очень вѣроятно, что между ними большинство составляли крещеные Пермяки, но положительныхъ указаній книги все-же не даютъ. Затѣмъ мы встрѣчаемъ указанія на поселки, обязанные своимъ происхожденіемъ другимъ инородцамъ—родичамъ и сосѣдямъ Перми. Въ Чердынскомъ уѣздѣ Кайсаровъ описываетъ деревни Вотскую, гдѣ судя по прозвищамъ жителей Вотяки жили рядомъ съ Пермяками и Зырянами (Оверька Лунеговъ, Сенка Зырянъ), Остяцкую на Вишерѣ, Чувашево тамъ-же; кромѣ цѣлыхъ селеній, основанныхъ чуждыми Перми элементами, мы встрѣчаемъ инородцевъ-одиночекъ въ Пермяцкихъ селеніяхъ—Вотиновъ (Я. 28, 34, 39), Югриновъ (31), Зырянъ (15, 33). Писцовыя книги заключаютъ въ себѣ цѣлый рядъ древнихъ Пермяцкихъ именъ, которыя позволяютъ намъ съ одной стороны опредѣлить долю Пермиковъ въ посадскомъ и деревенскомъ населеніи края, съ другой стороны связь съ Пермью ряда Чудскихъ городищъ.

Другой рядъ цѣнныхъ указаній, заключающихся въ писцовыхъ книгахъ, представляютъ собою данныя, относящіяся

къ внѣшнему быту. Писцовыя книги позволяютъ дѣлать заключенія о характерѣ осѣдлой жизни (размѣрѣ деревень), количества поземельной собственности и формахъ земледѣльческаго хозяйства; мы встрѣчаемъ здѣсь указанія на двупольную систему, перелогъ, пашенные лѣса—однимъ словомъ на всѣ тѣ черты, которыя характеризуютъ современное хозяйство Вотьяковъ и Пермяковъ, затѣмъ свѣдѣнія о характерѣ владѣній другими угодьями, напр. рыбными ловлями. Раскрывая картину экономическаго быта страны въ пору своего составленія, писцовыя книги позволяютъ заглянуть и въ прошлое, сообщая рядъ извѣстій о покинутыхъ древними насельниками городищъ и селищъ.

Не слѣдуетъ, наконецъ, оцѣнивая значеніе писцовыхъ книгъ, игнорировать и то расширение чисто-географическихъ свѣдѣній о Пермской землѣ, которое создаютъ онѣ, сообщая намъ длинный рядъ названій мелкихъ рѣчекъ, озеръ и другихъ водъ. Многія изъ этихъ названій служатъ показателями предѣловъ бывшей Пермской территоріи. При всѣхъ своихъ крупныхъ достоинствахъ этотъ источникъ не всегда однако внушаетъ къ себѣ довѣріе. Мы увидимъ въ текстѣ примѣры крайне небрежнаго, а можетъ быть и недобросовѣстнаго отношенія къ фактамъ (извѣстія Кайсарова о пустынности рѣкъ, принадлежащихъ Строгановымъ).

Книга большому чертежу. Спб. 1838. «Древ. Рос. Идрогр.» Спб. 1773.

Книга большому чертежу—первый и драгоцѣнный памятникъ московской гео-и-картографіи—представляетъ обобщеніе тѣхъ свѣдѣній о сѣверо-востокѣ Россіи, которыя накопились у русскихъ людей. Памятникъ этотъ даетъ опредѣленный смыслъ термину «Пермь Великая», приурочивая его къ теченію Камы. По сравненію съ писцовыми книгами „Книга Большому Чертежу“ бѣдише данными; она даетъ нѣсколько новыхъ географическихъ фактовъ (притоки Вишеры Вельсуй и Ульсуй), но обходитъ молчаніемъ всѣ притоки Камы между Усольемъ и устьемъ Чусовой. Въ изданіи 1680 г. эти пропуски въ

нѣкоторыхъ отношеніяхъ дополненій. Упомянуты рѣки Зырянка, Ленва, Яйва. Но съ дополненіями возникли и неточности. Составители книги слышали о чудскихъ городищахъ и Майкорѣ, но помѣстимъ ихъ не на Иньвѣ, о которой они умалчиваютъ, а на Зырянкѣ. Строгановскія владѣнія на правомъ берегу Камы остались безъ вниманія, можетъ быть—потому, что для государственныхъ цѣлей свѣдѣнія о нихъ были ненужны.

А к т ы и г р а м а т ы.—Собраніе Госуд. грам. и догов. т. I—V. Акты историч. т. I—V. Спб. 1841—43. Дополн. къ акт. историч. т. I—V. 1846—1853. Акты Археограф. Экспедиціи. т. I—IV. Спб. 1836—1838. Перм. лѣтопись—Изд. Шишонко.

Въ ряду актовъ, относящихся во множествѣ къ исторіи пермской земли мы должны прежде всего упомянуть о договорныхъ грамотахъ Новгорода съ великими князьями Владимірскими и Московскими, въ которыхъ Пермь упоминается въ числѣ Новгородскихъ волостей; исключительно - важное значеніе имѣютъ посланіе митрополита Симона, уставная грамота Пермичамъ и дарственные грамоты Строгановымъ. Посланіе Симона заключаетъ въ себѣ черты для характеристики вѣрованій и быта Пермяковъ (указаніе на левиратъ). Уставная грамота 1553 г. имѣетъ значеніе первостепеннаго историка для характеристики тѣхъ отношеній, въ которыя стали Пермяки къ Москвѣ послѣ прекращенія власти собственныхъ князей. Къ великому сожалѣнію, издана эта грамота съ большими пропусками, касающимися существеннаго промысла Пермяковъ — охоты. Текстъ уставной грамоты не даетъ возможности опредѣлить, что въ ней относится къ Пермякамъ, какъ народности, и какъ жителямъ пермской территоріи. Грамота употребляетъ выраженіе Пермичъ, Пермитипъ, Пермякъ безразлично въ смыслѣ „людей пермскіе земли“.

Можно предположить, что люди, считающіеся по луткамъ, должны быть Пермяками. Неясность границъ между двумя группами пермскаго населенія даетъ себя особенно

чувствовать въ отдѣлѣ о судебномъ процессѣ. Единственнымъ средствомъ разобраться въ терминахъ является характеръ судебной пошлины—денежной или бѣлками. Можно предположить, что всѣ тѣ статьи, въ которыхъ денежной единицей является бѣлка, имѣютъ отношеніе непосредственно къ Пермскимъ. Уставная грамота важна помимо приведенныхъ уже отношеній еще и тѣмъ, что она даетъ возможность уяснить до нѣкоторой степени характеръ управленія Пермью въ пору самостоятельнаго и вассальнаго существованія—мы встрѣчаемъ въ ней указанія на отношенія, установленныя грамотами пермскихъ князей.

Грамоты уясняютъ вопросы, которые остаются темными въ писцовыхъ книгахъ. Мы говорили уже, что писцовыя книги говорятъ просто о крестьянахъ, не входя въ подробности относительно ихъ происхожденія. Грамоты позволяютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ подставить вмѣсто неопредѣленнаго „крестьянинъ“ опредѣленное Пермскъ. Примѣръ представляетъ челобитная Инвенскаго крестьянина Баяндина и Обвинскаго Плотникова о причисленіи ихъ по платѣ дани въ Усолье. Изъ книги сошнаго письма Яхонтова мы знаемъ, что въ 1579 на Инвѣ были деревни Купрось, Кудымборъ, Туманское городище (Майкоръ), на Обвѣ—погость Обва, Кривая, Наволова, Федорова; по именамъ и прозваніямъ насельниковъ можетъ догадываться, что между этихъ селеній значительный процентъ составляли Пермьки, но положительныхъ основаній для того, чтобы признать эти селенія пермскими въ книгѣ Яхонтова все-же не даетъ. Челобитная Баяндина и Плотникова проливаетъ яркій свѣтъ на этотъ вопросъ. Пермичи уставныхъ грамотъ, крестьяне писцовыхъ книгъ выступаютъ здѣсь, какъ представители опредѣленной національности. „Обвинскаго и Инвенскаго стану крестьяне, писали Чердынцы или Пермичи въ отвѣтъ на челобитье названныхъ крестьянъ, были съ ними истари, какъ и Пермь во вращеніе приведена. . .

Пермичи обнищали и врозь разбрелись по льготнымъ мѣстамъ—къ нимъ на Обву и на И л ь в у.

Особенную цѣну имѣють грамоты для исторіи колонизаціоннаго движенія. Для характеристики экономическаго быта грамоты важны своими указаніями на вліяніе климата. Капитальное значеніе для уясненія разнообразныхъ сторонъ пермскаго быта имѣють акты, относящіеся къ владѣніямъ Строгановыхъ. Длинный рядъ ихъ открывается грамотой 4 апр. 1558 г. Мы знакомимся изъ этихъ грамотъ съ характеромъ, который имѣла страна отъ устья Лысьвы до устья Чусовой, съ отношеніями, въ которые становились новые владѣльцы къ отхожимъ Пермькамъ, съ составомъ колонистовъ. Акты раскрываютъ присутствіе пермяцкаго населенія тамъ, гдѣ мы предположили его на основаніи мѣстныхъ названій („средняя Пермская дуброва, гдѣ Пермьки живутъ“), освѣщаютъ процессъ, путемъ котораго свободные люди постепенно обратились въ крѣпостныхъ.

Подобно писцовымъ книгамъ акты обогащаютъ изслѣдователя значительнымъ количествомъ географическихъ, археологическихъ и этнографическихъ свѣдѣній. Укажемъ для примѣра два названія урочищъ — Молебный врагъ близъ р. Шаквы, Молебный камень по Сылвѣ, дающія указаніе на мѣста моленій, на рядъ названій неизвѣстныхъ по писцовымъ книгамъ городищъ: Анюшкорь, Рябово городище (?), Лашкаръ, Патрино городище, Гурдино городище, Атламышево городище, Ашкаръ, Кашкарово городище.

Эбергартъ Избраннедесъ. Путешествіе и журналъ по указу Великихъ Государей, Царей и Великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича отправленнаго изъ Москвы въ Китай 9. И. посланникомъ въ 1692 году, марта 14. — Древ. Рос. Вивліоюза. Изд. II, часть VIII. М. 1789. 360—475.

Избрандесъ ѣхалъ чрезъ Вологодскую и Пермскую губерніи и даетъ нѣсколько любопытныхъ замѣчаній относительно

населенія. Городъ Тотьму онъ называетъ Тотма-лѣтъ. Не имѣя подъ руками оригинала, мы не можемъ сказать, въ какой степени точно передается названіе въ русскомъ переводѣ. Приставка лѣтъ во всякомъ случаѣ является интересной. Не означаетъ - ли она на языкѣ мѣстнаго населенія города или селенія? Относительно Сольвычегодска интересно замѣчаніе о живущихъ въ немъ «художникахъ» а наипаче серебряныхъ и мѣдныхъ дѣлъ мастерахъ. Отсюда И. проѣхалъ черезъ землю Зырянъ (С г р е н о в ъ въ рус. пер.), черезъ волость Усги. Здѣсь онъ сдѣлалъ наблюденіе, которое даетъ намъ мѣрку для оцѣнки филологическихъ показаній путешественниковъ «языкъ сего народа. . . съ Ливонскимъ имѣетъ нѣкоторое сходство, ибо нѣкоторые изъ людей моихъ, кои Ливонскаго языка искусны, имѣли съ тамошними обхожденіе, разумѣли и они заимно ихъ рѣчи понимать могли. . .» Изъ этого факта И. сдѣлалъ заключеніе, что Зыряне ранѣе жили по Лифляндскимъ и Курляндскимъ границамъ. Зыряне ни одеждой, ни жилищами, ни бытомъ, по мнѣнію путешественника, не отличались отъ Русскихъ, но управлялись своими выборными судьями и въ случаѣ недовольства апеллировали въ Москву «въ канцелярію иностранныхъ дѣлъ».

Ph. I. Strahlenberg. Das Nord-und Oestliche Theil von Europa und Asia. Stockholm. 1730.

Относительно Пермской области въ книгѣ Штраленберга всего нѣсколько строкъ. Онъ отождествляетъ ее съ Біарміей древнихъ, сообщаетъ на основаніи русскихъ лѣтописей о св. Стефанѣ и перечисляетъ составляющія ее части: Iuga, Suchna, Wologda, Wiatka, Cholmogorod, Lop-Corela, Petschora, Ugoria oder Wogulitza, Samojedja, Pertassi, Permecki, Gami und Tjchusowaja“. Рѣки „обходящія и проходящія“ (wolche. . durchschnitten und umgeben..“). Эту область по Ш. слѣдующія; Двина, Печера, Сухона, Югъ, Вымъ, Вычегда, Вятка и Кама. Изъ топографическихъ данныхъ относительно Перми очевидно, что Ш. положилъ въ основу своихъ замѣчаній о

Перми топографію Епифанія, но по своему перетолковалъ нѣкоторыя его выраженія: вмѣсто сосѣдящихъ земель у него явились области, входящія изстари въ составъ большой страны („Diese grosse Landschaft begriff vor Alters folgende Districte unih Länderejen in sich...“). „Пермь глаголемая (Гамаль) Чусовая“ обратилась при этомъ въ „Per-meckî, Gami, Tschussoyaja“.

Новицкій. Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ. 1715—1884. Спб.

Сочиненіе Новицкаго — крупнѣйшій памятникъ старой этнографической литературы русской,—имѣетъ лишь косвенное значеніе для изслѣдователя Пермяковъ.

Авторъ сообщаетъ ходячее въ его время возрѣніе, что Остяки образовались изъ Пермлянъ, которые для спасенія своей вѣры переселились за Уралъ.—На стр. 75 мы видимъ точное указаніе на юртъ, основанный Памъ-сотникомъ, состязался съ св. Стефаномъ и бѣжалъ потомъ за Камень.—Основаніемъ для такого возрѣнія служить сходство языка. Новицкій не признаетъ самостоятельнаго Остяцкаго языка и говоритъ, что различіе нарѣчія, которымъ говорятъ народъ на верхнемъ и среднемъ теченія Оби, отъ Пермскаго обуславливается тѣмъ, что переселенцы подверглись вліянію Татаръ и другихъ Тюркско-Монгольскихъ народовъ Сибири; тамъ, гдѣ, какъ въ низовьяхъ Оби, зауральскіе Пермяне находятся въ постоянномъ общеніи съ европейскими, они сохранили свой языкъ неизмѣннымъ. Взглядъ Новицкаго и его современниковъ на происхожденіе Остяковъ, конечно, не можетъ быть принятъ въ настоящее время во всей полнотѣ. Мы знаемъ, что языкъ Вогуловъ и Остяковъ существенно отличается отъ нарѣчій пермской группы, но сообщенныя имъ возрѣнія относительно древней судьбы Остяцкой страны и ея отношеній къ судьбѣ Перми заключаютъ въ себѣ зерно правды и находятся въ согласіи съ фактами существованія пермскихъ мѣстныхъ названій въ за-каменской сторонѣ.

Рычковъ. Дневныя Записки. Спб. 1770.

Во второй части журнала Рычкова описывается путешествие по Соликамскому и Чердынскому уѣздамъ. Страницы, посвященные этому краю, не заключая въ себѣ этнографическаго матеріала, любопытны по извѣстіямъ археологическаго характера и народнымъ преданіямъ. Рычковъ видѣлъ еще на городищѣ села Рождественскаго на Обвѣ множество дикаго камня, кирпича и муравленыхъ плитъ, слышалъ преданія о воротахъ изъ дикаго камня.—Представленія Рычкова о прошломъ Пермскаго края навѣяны, кажется, сагами. Онъ считаетъ Соликамскій уѣздъ древней Біарміей, „въ которой обитали Чуди, соединенные съ нѣкоторыми поколѣніями Славянскаго народа“. О торговлѣ Пермской онъ говоритъ на основаніи Штраленберга и находитъ рассказы о ней согласными съ „великимъ множествомъ остатковъ пространныхъ древнихъ селеній, свидѣтельствующихъ древнее величество страны“.

Gunnlaugs—Saga. Hafniae. 1775.

Книга интересна для насъ по упоминанію объ Orvarodds-Saga, которая заключаетъ въ себѣ не только рассказъ о приключеніяхъ Олда и Асмунда въ Біарміи, но и свѣдѣнія о Гардарикѣ и сосѣднихъ съ нею земляхъ.

Лепехинъ. Путешествіе. Спб. 1780—1805. Ч. III—IV.

Извѣстія Лепехина, представляются, кажется, единственнымъ источникомъ для ознакомленія съ Пермскими, который даетъ намъ XVIII ст. Тѣмъ съ большимъ сожалѣніемъ слѣдуетъ отнестись къ тому обстоятельству, что они слишкомъ кратки. Лепехинъ видалъ Пермскихъ и Вятскихъ Пермяковъ, но о тѣхъ и другихъ говоритъ лишь мимоходомъ. Существенно цѣннымъ изъ всѣхъ его данныхъ можно назвать характеристику быта Пермяковъ заводскихъ и указаніе на обычай приносить на счетъ общества въ жертву быка и барана. IV часть заключаетъ въ приложеніи между прочимъ сводъ литературныхъ данныхъ о Біарміи-Перми.

Н. С. Поповъ. Хозяйственное Описаніе Пермской губерніи Спб. 1813, III

Скудныя этнографическія извѣстія «Хозяйственнаго Описанія» о численности Пермяковъ въ отдѣльныхъ волостяхъ Чердынскаго и Соликамскаго у.у. въ настоящее время имѣютъ уже историческое значеніе въ виду обрусѣнія этого народа. Въ Юрлинской волости онъ считаетъ ихъ напр. 1271 чл., а по даннымъ 1886 г. ихъ было здѣсь уже совершенно обрусѣвшихъ 794 ч.

Такое же историческое значеніе имѣетъ извѣстіе о костюмѣ, напр. объ обычаѣ носить шапки изъ краснаго сукна.

Немногія страницы, посвященныя Поповымъ Пермьямъ имѣютъ цѣну главнымъ образомъ благодаря археологическимъ указаніямъ, заключающимся въ нихъ.

Берхъ. Путешествіе въ Чердынь и Соликамскъ. Спб. 1821.

Книга Берха до сихъ поръ сохраняетъ интересъ для историка и археолога благодаря тому, что заключаетъ себѣ выводы изъ единственныхъ болѣе или менѣе научныхъ раскопокъ чудскихъ городищъ. Берхъ раскопалъ траншеями городища Чердынское, Искоръ и Уросъ и не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ битыхъ изъ глины печей и небольшого количества желѣзныхъ и мѣдныхъ вещей. Берхъ скептически относится къ предположенію о торговыхъ сношеніяхъ Перми съ Востокомъ и Западомъ. Скептицизмъ этотъ въ настоящее время, въ виду археологическихъ открытій, представляется такъ же мало основательнымъ, какъ и скептицизмъ Шлецера. По вопросу объ отношеніи Перми къ Біарміи книга Берха заключаетъ нѣсколько основательныхъ замѣчаній. Берхъ совершенно правильно полагаетъ, что Біармія была „при берегахъ Ледовитаго моря“.

I, F. Erdmann. Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland. Leipz. 1826. II, 2.

Эрдманъ воспроизводитъ въ своихъ замѣткахъ о Пермскомъ краѣ фантазіи, которыя возникли у него подъ впечат-

леніемъ тождества именъ Біарміи и Перми. „Пермская губернія принадлежала безспорно къ тому великому государству, изъ обломковъ котораго произошли въ настоящее время столь разсѣянные Финнскіе народы, и была преимущественнымъ мѣстомъ жительства Біармійцевъ, которые дали ей и свое имя и потомками которыхъ являются Пермьки“. Эта великая, по соображеніямъ автора, Пермь получила первый потрясшій ее въ основаніяхъ ударъ еще въ V в. въ эпоху великаго переселенія народовъ, въ XII в. она была разрушена окончательно Чингисханомъ. Фантазируя по поводу прошлаго, Эрдманъ проявляетъ невѣдѣніе относительно настоящаго. Потомковъ древнихъ Біармовъ - Пермьковъ онъ находитъ въ Верхотурскомъ, Камышинскомъ, Екатеринбургскомъ, Оханскомъ уѣздѣ; въ Соликамскомъ же и Чердынскомъ уѣздахъ жителями являются Вогулы (finnische Nationen, namentlich Wogulen), въ послѣднемъ вмѣстѣ съ Зырянами.

Энциклопедическій лексиконъ, изд. Плюшаромъ. т. XI, XII. Спб. 1838.

Подъ словами: „Бармія“, „Вогуличи“, „Вымь“, „Вымскіе князья“, „Весленга“, „Воненга“, „Войпель“ сообщаются любопытные факты и соображенія на счетъ Вычегодской Перми, принадлежащія по большей части Надеждину. Авторъ увѣренъ въ тождествѣ Зырянъ съ Біармами Отера, хотя ничемъ не подкрѣпляетъ своего положенія. По поводу Зырянскаго названія Выми „Ем-ва“ высказывается, подъ вліяніемъ Лепехина предположеніе, не жила-ли ранѣе на этой рѣкѣ Емъ нашихъ лѣтописей.

Мельниковъ. Дорожныя Записки на пути изъ Тамбовской губерніи въ Сибирь. III. От. Зап. т. IX, XIII, XVIII.

Путевыя записки Мельникова мало даютъ историку и этнографу. Авторъ мелькомъ говоритъ о городищахъ, высказываетъ курьезное предположеніе на счетъ того, что селенія

съ названіями на гортъ и каръ основаны Норманнами. Главное значеніе статьи для своего времени заключалось въ томъ, что авторъ довольно подробно описываетъ пермскія находки и даже даетъ таблицы съ рисунками ихъ.

Хлопинъ. Нѣсколько словъ о Пермяхъ. Изв. Геогр. Общ. 1849.

Статейка Хлопина представляетъ собою поверхностную характеристику внѣшняго и внутренняго быта Пермьковъ. Въ отношеніи внѣшняго быта авторъ ограничивается немногими словами относительно устройства дома, занятій и пищи, въ области внутренняго—онъ затрогиваетъ вѣрованія и обряды ихъ, то и другое слишкомъ сжато и блѣдно. Извѣстія автора о преобладающихъ занятіяхъ Пермьковъ имѣютъ въ настоящее время уже чисто - историческое значеніе. Больше интереса представляютъ сообщенія о колдунахъ. Изъ обычаевъ авторъ отмѣчаетъ приношеніе можжевелника и пихтовыхъ кражиковъ въ ночь на В. четвергъ. Замѣтка о Пермьцкихъ музыкальныхъ инструментахъ на половину уже имѣетъ историческое значеніе (трехструнная скрипка). Свадебный обрядъ описанъ коротко и совершенно безцвѣтно: ни одной особенности, характеризующей пермьцкій обрядъ, авторъ не въ состояніи оказался отмѣтить. Говоря о похоронныхъ и поминальныхъ обрядахъ Хлопинъ отмѣтилъ нѣсколько интересныхъ деталей (поясочки, мочало и челпанъ на гробъ, вѣра, что покойники питаются паромъ).

Самую цѣнную часть замѣтки Хлопина составляютъ его извѣстія о распространеніи Пермьцкаго племени, Мы имѣемъ здѣсь указанія на происхожденіе нѣкоторыхъ — «русскихъ» селеній Пермской губерніи. Замѣтки о вѣрованіяхъ ничего не въ состояніи дать изслѣдователю благодаря своей безцвѣтности и неумѣстному юмористическому тону. Единственнымъ интереснымъ указаніемъ въ этой сферѣ можно считать указанія на обычай носить защитыми въ ладонкахъ растенія и относить лѣсному дядѣ табакъ.

Н. Поповъ. Этнографическія замѣтки о Пермскихъ. Ж. М. В. Д. 1852.
Ч. 39.

Статья Попова посвящена населенію крайняго сѣвера пермяцкой территоріи — Гаинской вол. Чердынскаго у. Въ 50-хъ годахъ это былъ одинъ изъ самыхъ глухихъ угловъ. По сравненію съ короткими замѣтками Хлопина статья Попова заключаетъ въ себѣ нѣсколько новыхъ подробностей относительно устройства дома (жерновки противъ печи), костюма (бѣлый шабуръ), музыкальныхъ инструментовъ; замѣчанія о похоронномъ и поминальномъ обрядѣ очень сжаты; нѣкоторую цѣнность имѣетъ указаніе на роль женщины. Помимо указанныхъ сторонъ статейка любопытна благодаря упоминанію двухъ языческихъ Пермскихъ именъ.

Хлоповъ. Хозяйственный и нравственный бытъ Пермиковъ. Ж. М. Гос. Имущ. 1852. II.

Статья Хлопова заключаетъ нѣсколько не безынтересныхъ данныхъ относительно занятій (охоты), вѣрованій (примѣты лѣшаго, жертвы ему, водяныя силы), музыкальныхъ инструментовъ, обрядовъ свадебныхъ и похоронныхъ. Относительно старины Пермской Хлоповъ держится Берха. Противъ рассказовъ о богатствѣ Перми онъ возражаетъ тѣмъ, что „монетъ никогда находимо не было“.

Макарій (архим.). Распространеніе христіанства въ предѣлахъ Пермской епархіи. Ж. М. Н. Пр. 1857, I.

Статья архимандрита Макарія заключаетъ въ себѣ нѣсколько цѣнныхъ свѣдѣній о распространеніи христіанства въ уѣздахъ Чердынскомъ, Соликамскомъ, Пермскомъ и Оханскомъ. Кромѣ того въ ней заключаются важныя для исторіи Перми указанія на предѣлы распространенія Остяковъ.

Луканинъ. Движеніе народонаселенія въ Соликамскомъ уѣздѣ.

— Движеніе народонаселенія въ Чердынскомъ уѣздѣ.

Роговъ. Движеніе народонаселенія въ Инвенской дачѣ.

Вѣст. Р. Геогр. Общ. 1855, III; 1857, V.

Работы Луканина и Рогова заключаютъ въ себѣ, помимо интересныхъ статистическихъ фактовъ, нѣсколько любо-

пытныхъ этнографическихъ данныхъ—таковы въ особенности свѣдѣнія о степеняхъ обрусѣнія, представляемыхъ Пермьяками въ отдѣльныхъ приходахъ края, о характерѣ пермяцкаго хозяйства, о брачномъ возрастѣ, „незаконныхъ“ рожденіяхъ, объ уходѣ за дѣтьми.

Роговъ. Матеріалы для описанія быта Пермьяковъ. Ж. М. В. Д. 1853. т. 29.—Пермскій Сборникъ. т. II. Москва. 1860.

Статья Рогова составляетъ главный литературный источникъ для изученія быта Инвенскихъ Пермьяковъ. Наибольшую цѣнность имѣютъ заключающіяся въ ней этнографическія данныя. Экскурсіи автора въ область исторіи и филологіи нельзя назвать удачными. Объясненіе слова «Біармія» изъ пермяцкихъ словъ б и — огонь, а р — маленькая рыбка, м у—земля (земля маленькой рыбки) можетъ быть интересно только, какъ филологическій курьезъ. Сообщение о томъ, что на югѣ Пермской области жили Болгары, могло бы имѣть цѣнну, еслибы авторъ чѣмъ нибудь подтвердилъ его.

Взглядъ г. Рогова на предметы, находимые въ чудскихъ городищахъ и ямахъ, заслуживаетъ уваженія по своей осторожности: «памятники, открытые въ Пермской странѣ, вѣроятно, принадлежатъ не однимъ Пермьякамъ, но и другимъ народамъ; что-же было собственностью Пермьяковъ и что другихъ — различить нѣтъ возможности». Тоже должны мы сказать о значеніи, которое авторъ приписываетъ въ дѣлѣ опредѣленія древнихъ жилищъ Пермьяковъ мѣстнымъ названіямъ. Указанія на современныя жилища Пермьяковъ въ настоящее время отчасти приобрѣли уже значеніе историческихъ. Вопросъ объ обрусѣнии Пермьяковъ затронуть г. Роговымъ, къ сожалѣнію, только слегка.

Говоря о древней культурѣ Пермьяковъ, г. Роговъ основывается исключительно на той картинѣ, которую рисуетъ относительно Финновъ Тацитъ. Данныя языка, существенно важныя въ этомъ отношеніи, онъ совершенно игнорируетъ, хотя болѣе, чѣмъ кто либо изъ писавшихъ о Пермьякахъ,

могъ ими воспользоваться. Большое мѣсто статьи г. Рогова, какъ это ни странно было бы ожидать отъ составителя Пермскаго словаря, составляютъ объясненія мѣстныхъ, главнымъ образомъ рѣчныхъ названій. Большую часть этихъ объясненій слѣдуетъ считать неудачной. Причина заключается въ томъ, что г. Роговъ ставитъ задачу объясненія въ томъ, чтобы найти одно или два слова, изъ сочетанія которыхъ могло бы получиться данное названіе, не заботясь о томъ, какой смыслъ будутъ имѣть эти слова; напр. р. Кордозъ (кор — лубъ + доз — посуда) = лубяная посуда, р. Шеметь — ввась, Весляна — мѣра, Пыль — мука, Полва — вода, которой надо бояться (пол — бойся + ва), Суроль — право живи, Вежай — крестный, воспріемникъ, Кула — умираю, Чыр — громъ. Придумывая такія объясненія, г. Роговъ не задавался, по видимому, вопросами: есть ли что нибудь подобное въ названіяхъ другихъ народовъ, напр. Русскаго, каковы способы образованія мѣстныхъ и въ частности рѣчныхъ названій у Пермяковъ. Если бы онъ принялъ во вниманіе то обстоятельство, что рѣка называется у Пермяковъ иногда по свойствамъ прилегающей мѣстности или ея собственнымъ, иногда по роду, который на ней поселился, иногда (очень рѣдко) по поселеніямъ расположеннымъ на ея берегахъ, онъ не сталъ бы переводить названія Лячканшоръ — дави вода, Гайва — ау! вода, такъ какъ они образовались изъ сочетанія слова в а съ именемъ насельника и должны быть переведены Гаева рѣка, Лячканова рѣка, какъ Кочкоръ — Кочевое городище, Мечкоръ — Мечевое городище (ср. Мечкино озеро), Челва — Челова рѣка, ср. Чел-ыбъ.

Характеристика быта Пермяковъ, сдѣланная г. Роговымъ, стоитъ внѣ сравненія съ тѣми скудными данными, которыя мы имѣемъ отъ его предшественниковъ. Авторъ даетъ весьма удачную антропологическую характеристику Пермяковъ — отмѣчая два типа, бѣлокурый и черный — обрисовываетъ характерными чертами нѣкоторыя ихъ психическія особенности. Переходя къ вѣрованіямъ Пермяковъ, г. Роговъ

сообщаетъ, въ какихъ видахъ представляютъ они себѣ водянаго, лѣшаго, сусѣдку. О роли колдуновъ онъ немного прибавляетъ къ тому, что мы знаемъ отъ Елифанія. Существенную новостъ составляетъ описаніе черъ-ошвана. Дѣлая характеристику семейныхъ отношеній, г. Роговъ сообщаетъ о любопытномъ обычѣ, въ силу котораго члены семьи и работники называются именемъ домохозяина, о склонности Пермяковъ къ семейнымъ раздѣламъ, о развитіи помочей.

Въ описаніи проводъ рекрута заслуживаетъ вниманія указаніе на обычай провожаемаго благодарить печь за то, что она его выкормила. Къ лучшимъ страницамъ очерка г. Рогова нужно отнести тѣ, на которыхъ онъ описываетъ устройство пермяцкихъ домовъ и селеній и по пути сообщаетъ о суевѣрныхъ обрядахъ, соединенныхъ съ закладкой новаго дома и переходомъ въ него. Такихъ обстоятельныхъ описаній немного можно указать въ литературѣ, посвященной инородцамъ.

Статья, помѣщенная г. Роговымъ въ „Пермскомъ сборникѣ“, представляетъ собою окончаніе его очерка Пермяковъ. Здѣсь мы имѣемъ подробное описаніе пермяцкой одежды, пищи, праздниковъ. Говоря объ этихъ послѣднихъ, авторъ сообщаетъ нѣсколько деталей, сближающихъ съ одной стороны Пермяковъ съ Вотяками (гаданіе объ урожаѣ по зернамъ въ Васильевъ вечеръ), съ другой знакомящихъ насъ съ переживаниями старыхъ жертвоприношеній. Въ ряду игръ, описанныхъ г. Роговымъ, слѣдуетъ отмѣтить игру въ жены съ сопровождающими ее пѣснями, которыя указываютъ на заимствованіе у русскихъ.

Съ особенной подробностью описана въ очеркѣ пермяцкая свадьба и роль въ ней колдуновъ - вѣжливцевъ. Описаніе родинъ, похоронъ и поминокъ заключаетъ въ себѣ цѣныя указанія на пермяцкую старину.

Пермскій Сборникъ. Т. I, II. Москва. 1859—1860.

Первая книжка этого, къ сожалѣнiю, скоро прекратившагося изданiя, содержитъ прекрасную и рѣдкую по своему замыслу статью о. Словцова „Соликамская деревня въ XVI в.“, „Замѣтку о пермскихъ древностяхъ“ Ешевскаго (съ двумя таблицами рисунковъ) и статью Крупенина „Краткiй историческiй очеркъ заселенiя и цивилизацiи пермскаго края“. Во второй книгѣ, кромѣ продолженiя разсмотрѣнной уже статьи Рогова, напечатаны статья Ешевскаго „Пермскiя древности въ Лазар. Институтѣ вост. яз.“, „Указатель сочиненiй, въ которыхъ заключаются статистическiя и географическiя свѣдѣнiя о Пермской губернiи“ И. Чупина, „Указатели“ статей о Перми въ Перм. Губ. В. и „Каз. Изв.“ S. (Смышляева). Статью Крупенина мы разсмотримъ подѣ слѣдующимъ №. О статьяхъ Ешевскаго слѣдуетъ сказать, что въ нихъ впервые было отмѣчено сходство древнихъ болгарскихъ вещей съ чудскими и сообщены со словъ Соликамскаго уѣзднаго учителя Любимова, что при раскопкахъ городищъ были найдены человѣческiя остовы, обращенные головой на Ю.

Historische Skizze des Culturzustandes im Gouvernement Perm. Ermans
Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. Bd. XXII.
Berlin. 1863.

Статья эта представляетъ собою пересказъ вышеназванной статьи Крупенина. Авторъ рѣшительно, хотя безъ доказательствъ, высказывается противъ отождествленiя Перми съ Биармiей. Онъ отрицаетъ даже торговыя сношенiя съ В. и З., не предполагая очевидно о существованiи монетъ, добытыхъ въ Пермской почвѣ. Статья обильно снабжена редакцiонными примѣчанiями, исполненными вѣры въ авторитетъ Кастрена и тождества древней «цвѣтущей» Биармiи съ Пермью. Редакцiя снабжаетъ кромѣ того текстъ статьи вопросительными и восклицательными знаками, которые подчасъ свидѣтельствуетъ о ея собственномъ плохомъ пониманiи дѣла; таково напр. удивленiе по поводу того, что у Чуди было много городковъ и низкая

культура (стр. 87); редакція увѣрена, что существованіе городковъ свидѣтельствуетъ объ очень плотномъ осѣдломъ населеніи. — Обзоръ событій со времени поселенія русскихъ въ Пермскомъ краѣ до XVIII в. сдѣланъ и сжато, но согласно съ источниками.

- Sjögren. Die Syrjänen, ein historisch—statistisch—philologischer Versuch.
— Über die älteste Wohnsitze der Iemen.
— Wann und wie wurden Sawolotschje und die sawoloksehen Tschuden russisch (Gesamm. Schr. I). Спб. 1861.

Изслѣдованія Шюгрена имѣютъ право на исключительное вниманіе при рѣшеніи вопроса о предѣлахъ древней Біарміи и ео ipso границахъ древней территоріи народа Коми. Шюгрень выдвинулъ рядъ новыхъ данныхъ, которыми можетъ пользоваться историкъ при изслѣдованіи этого предмета. Этими источниками являются мѣстные названія, личные имена (прозванія), народныя преданія, особенности русскаго говора страны.

Особенно рельефно выдвинулъ онъ значеніе мѣстныхъ названій. „Во всякомъ случаѣ, читаемъ мы на стр. 304, основательное изученіе рѣчныхъ и другихъ названій можетъ имѣть для исторіи Россіи благотворныя и можетъ быть неожиданныя послѣдствія. Нужно только сначала основательно изучить инородческіе языки, на которыхъ говорятъ внутри Россіи“. Шюгрень самъ широко, хотя не всегда удачно, пользуется этимъ источникомъ и приходитъ благодаря ему къ новымъ и во всякомъ случаѣ весьма любопытнымъ соображеніямъ.

Значительная часть изслѣдованія посвящена вопросу о древнихъ жилищахъ Перми. Родиной Коми Ш. считаетъ верховья Камы, сѣверную часть Пермской губерніи и Уральскій хребетъ. Отсюда они двинулись частію на В., частію и главнымъ образомъ на З. и С. З. На В. „Пермскіе народы“ простирались до Сибири и были или вытѣснены Югрой или смѣшались съ ними. Западной границей онъ прежде всего

принимаетъ Двину. „Западнѣе Устюга не все нерусское является финскимъ; нѣкоторыя изъ мѣстныхъ названій являются аналогичными съ зырянскими“. Такія названія онъ находитъ: въ Тотемскомъ уѣздѣ Йолга, Сивежь, Ловчижь, Киршенга, Кочинга, Ележь, Едма, Возболъ (только одно изъ этихъ названій Едма можетъ быть въ дѣйствительности признано Зырянскимъ), въ Кадниковскомъ Шингоръ, Шорега, Томашъ, Шиченга, Чухта, дер. Котлакса, въ Вологодскомъ уѣздѣ Петомъ, Почеба, Лухать, Ненба, П о л о м б а ж ь, Ч а р м а, В о с и м а, Шоболга, Л а п с а р а: Грязовскомъ Каргачъ, Ченягъ, Катласъ, Висья, Камья, Тиуенга, Обнора, въ Вельскомъ Еважь, Пырчила, Содмешъ, Шаренга, Вожга. Давши свой перечень, Шюгрень оговаривается, что между перечисленными названіями нѣкоторыя могутъ быть и Л о п а р с к и м и. Относительно южной границы Шюгрень ограничивается таинственнымъ замѣчаніемъ: „На югѣ трудно провести съ опредѣленностью былия границы Коми. Въ настоящее время они занимаютъ крайній С. З. и крайній С. В. Вятской губерніи. Я з н а ю одна ко, что они должны были жить въ этой губерніи гораздо южнѣе, хотя въ настоящее время не могу провести опредѣленную пограничную черту. Рѣка Вятка во всякомъ случаѣ образовала, какъ показываетъ біографъ св. Стефана, по крайней мѣрѣ позднѣйшую границу“. Вступивши въ область Вятской губерніи, Шюгрень не останавливается на ней: „мимоходомъ могу замѣтить, что Зыряне простирались и дальше, такъ какъ многія мѣстныя названія въ Костромской губерніи и даже Владимірской могутъ быть произведены изъ Зырянскаго языка. Они идутъ даже далѣе и подходятъ къ древней столицѣ—Москвѣ“. Шюгрень самъ сознавалъ неубѣдительность своихъ положеній. „То, что я теперь мимоходомъ написалъ относительно Зырянъ, могутъ счесть за химеры“ и общался со временемъ обстоятельно защитить притязаніе Пермяковъ и Вотяковъ на такія далекія области.

Капитальное значеніе имѣетъ вопросъ о сѣверныхъ границахъ Пермской земли, такъ какъ отъ того или другаго рѣшенія

его зависить другой вопросъ—объ отношеніяхъ Перми къ Біарміи. Шёгрень начинаетъ съ положенія, что Зыряне по Печерѣ доходили до Пустозерска, который у нихъ носить названіе *Sardog*—край моря. Переходя къ Мезени, онъ отмѣчаетъ зырянскія названія ниже Усть-Важки: Росова, Выжлецъ, Пеза (Печа?), Гоежа, Вырьюга (зырянское + фин.), дер. Мырина (вѣроятно), Шигма, Юрома, Сова, Парсова (вѣроятно), Пырышня и Кеда. Въ бассейнѣ Пинегы въ Архангельской губерніи онъ находитъ названія, которыя или дѣйствительно зырянскія или кажутся таковыми (!). Пожуга, Покшенга могутъ быть и Зырянскими, Косвей, Сылуга и Пылнюга являются вѣрнѣе Зырянскими, хотя и съ финскими приставками, озеро Тиноватское, Кылма, Кочкома, Кошура, Матвера, Поча еще менѣе сомнительны. Погость Перемь, Сова, Варсова, Пырышня и Кеда, Черка, озеро Малотыцкое, Инца, Нырсенга, Кучема, Бачъ, Чусса, Кыргусъ, Чугя, Пукшенга, Паленга, у Ледовитаго Океана по замѣчанію Шёгрена *klingen ganz Syrjanisch* и на этомъ основаніи онъ считаетъ возможнымъ предполагать въ этомъ краѣ бывшее присутствіе Зырянъ. Тутъ же онъ встрѣчаетъ и чисто-финскія названія.

Затѣмъ въ Архангельскомъ уѣздѣ зырянскими кажутся Шёгрёну Маймакса, Ненокса, Кумбышь, Лодма, Ижда, Муксома, Вавчуга, Пермилово, Лявля, Юрасъ. Авторъ признаетъ впрочемъ, что на нижней Двинѣ меньше зырянскихъ названій и они сосредоточиваются на В. отъ рѣки. Отъ Холмогоръ Двина становится, по его мнѣнію, болѣе зырянской. Здѣсь кажутся ему зырянскими названія рѣкъ Погрима, Моджа, Веча, Мигласъ, Кумбыжь, Кадыжь, Ракурсорка, Колесара, Чачва, Ухвась, въ Шенкурскомъ у. Пукса, Ледъ, Поча, Пеза, Пашта, Лыгмасъ, Кемасъ, Кушева, Пышема, Южуга, Ваенга, Урасъ, Кора, Шужега, Кысема, Ундышь, Рыкушь, Медъ, Ваджа, Нондрусъ, Ягозеро; въ Сольвычегодскомъ Вагмасъ, Ваймашъ, Ераташь, Пучега, Шокма,

Нюгмасъ, Ездренга, Кестважъ, Ягрышъ, Сужега, Нечмашъ, Соленга, Тадима, Севтра, Кустышъ, Ньюба, Гапъ, Ествашъ, Хоргова, Койша, Сивняшъ, Шаткурья, Вадога, Уйаважъ, Анвижъ, Шулега, Милгишъ, Кундышъ, Тырашъ, Вайа, Лотча, Реважъ, Палишъ, Мотарсорка, Торсорка. Исходя изъ предположенія, что всѣ эти названія зырянскія, Шюгрень приходитъ къ заключенію, что Зырянскія жилища простирались нѣкогда по Двинѣ до Ледовитаго Океана. Самое имя Двины Шюгрень считаетъ зырянскимъ (в ы н с и л а).

Цѣнность выводовъ покойнаго академика зависитъ, конечно, отъ основательности его филологическаго діагноза. Имѣя предъ собою массу нерусскихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежащихъ не одному инородческому языку названій, онъ пришелъ къ естественному выводу, что въ Заволочьи обитало не одно, а нѣсколько инородческихъ племенъ. При такихъ условіяхъ онъ долженъ былъ для пріурочиванія отдѣльныхъ названій тому или другому народу имѣть объективныя основанія—ясно выраженные признаки, благодаря которымъ названія одного народа отъ названій другаго могъ-бы отличить всякій читатель и продолжатель его работъ. Мы не можемъ сказать, чтобы покойный академикъ далеко ушелъ въ этомъ направленіи. Онъ не довольствуется, конечно, тѣмъ, что въ данномъ языкѣ имѣется комплексъ звуковъ, тождественнымъ съ опредѣляемымъ названіемъ, чтобы пріурочить его къ этому языку; у него нельзя найти курьезовъ въ родѣ „рѣка размышленія“, „я умираю“. Взамѣнъ этихъ грубыхъ нелѣпостей Шюгрень вноситъ однако не менѣе вредный въ научномъ отношеніи субъективизмъ. Онъ называетъ то или другое названіе зырянскимъ, финскимъ не на основаніи морфологическаго анализа и справки съ словарями, а исходя изъ в п е ч а т л ѣ н і я, которое оно производитъ на его слухъ. Названія Сова, Пырышня, Кеда, Нырсенга, Кучема—*klingen ganz syrjanisch*; чисто по зырянски, читаемъ мы на стр. з в у ч а т ь Бачъ, Чуса, Пыргусъ, Чугя, Пушшенга, Паленга. Всякій, конечно согла-

сится, что подобный критерій отличается крайней неопредѣленностью и можетъ завести въ дебри самой безпросвѣтной фантастики. Шьогренъ самъ признаетъ иногда недостаточность своего критерія. На стр. 290 мы имѣемъ рядъ названій, которые ему кажутся Финскими; въ примѣчаніяхъ онъ говоритъ однако: „нѣкоторыя немногія изъ этихъ названій могутъ быть и Зырянскими“, на стр. 300 перечисляя рядъ Зырянскихъ названій, онъ замѣчаетъ „нѣкоторыя изъ этихъ названій могутъ быть и Лопарскими“. На стр. 323 мы читаемъ новое замѣчаніе въ этомъ родѣ: „во всей Двинской области мы имѣемъ кромѣ Пермскихъ и Лопарскихъ, которые не всегда въ состояніи точно отличить другъ отъ друга, и Финскіе слѣды... Трудность объясняется тѣмъ, что перечисленные народы болѣе или менѣе родственны“.

Недостаточная увѣренность въ филологическомъ чутьѣ обнаруживается и въ проблематической формѣ опредѣленій: на страницахъ, посвященныхъ опредѣленію сѣверныхъ границъ Біарміа, Шьогренъ въ обилии разсыпаетъ *wahrscheinlich*, *höchst wahrscheinlich*, *mag sein*: деревня Мырина, вѣроятно, носить зырянское названіе, какъ и Шигма и Юрома“, „Шиднема — полузырянское, полуфинское“; Шулонема признано зырянскимъ названіемъ, но въ скобкахъ замѣчено: „оно можетъ быть и финскимъ“, „Покшенга можетъ быть и зырянскимъ“, „Косвей, Сылуга и Пуолюга вѣроятно же можно признать зырянскими, хотя они имѣютъ финскія приставки“, „Кылма можетъ быть и зырянскимъ, Кочкома, Кошура, Мытевра, Поча еще менѣе подлежатъ сомнѣнію“. „Нырсенга и Кучема звучатъ совершенно по зырянски“. Въ Архангельскомъ уѣздѣ Шьогренъ находитъ своеобразныя названія, которые для мѣстныхъ Зырянъ, какъ и для него, звучатъ по Зырянски; „Погрима, Модја, и Веча кажутся скорѣе Зырянскими“, „въ Шенкурскомъ зырянскимъ можетъ быть Пукса, вѣроятнѣе Поча, Поля“,

„Туда на сольвыгодской границѣ навѣрное Зырянское“. „Къ зырянскимъ названіямъ, въ высокой степени вѣроятно, принадлежатъ Вагмасъ, Веймашъ, Ераташъ, Пучега, Шокша, навѣрно Нюгмасъ, Ездренга, Кестважъ“.

Дѣйствительно-ли однако зыряно-пермяцкими являются всѣ тѣ названія, на основаніи которыхъ Шюгрень строитъ свои выводы. Обратимся для рѣшенія этого вопроса къ ихъ разсмотрѣнію. Примемъ прежде всего во вниманіе, что Коми и Финны-Корелы принадлежатъ къ двумъ различнымъ группамъ финнскаго міра и достаточно рѣзко различаются по языку, чтобы названіе одного народа можно было принять за названіе другаго. Что-же мы видимъ? Перечисляя названія, которыя дали ему право заключать, что древнѣйшими обитателями Заволочья были Корелы-Финны, Шюгрень приводитъ слѣдующія: Ухто ма, Лахо ма, Урдома, Удима, Кодьма, Хайма, Соде н га, Лудо н га, Юм ы ш ъ, Авн е га, Синег а, Сойга, Луп ь я.

Обращаясь къ названіямъ, которыя Шюгрень считаетъ зырянскими, мы встрѣчаемъ: Кучема, Лодма, Ижма, Погрима, Пышема, Кысема, Нырсе н га, Пувшенга, Паленга, Ваенга, Ездренга, Соденга, Шуж е га, Пучега, Сужега, Шулега, Кумб ы ш ъ, Кадыжъ, Ундышъ, Ягрышъ, Кустышъ, Кундышъ, Мод ь я, Чугя, Вадья, Вайа, затѣмъ Куше ва, Чач ва, Раку-с ор, Мота-с ор, Тор-с ор, Коле с ор а, Миглы с ъ, Лагмасъ, Кемасъ, Вагмасъ, Нюгмасъ, Вай ма ш ъ, Ераташъ, Кест ва ш ъ, Нечмашъ, Ест ва ж ъ, Упаважъ, Тырашъ, Реважъ, Шат-к ур ь я.

Изъ сопоставленія двухъ разсмотрѣнныхъ группъ оказывается, что первая половина „зырянскихъ“ названій по типу (по суффиксамъ) не отличается нисколько отъ „финнско-корельскихъ“. Мало того названіе Соденга фигурируетъ и въ спискѣ финнскихъ и въ спискѣ зырянскихъ названій. Единственный выводъ, который можно сдѣлать изъ этого факта—тотъ, что финнскихъ названій нельзя отличить по типу отъ зыря-

но-пермязцкихъ и, стало быть, всякая попытка разграничить области, которыя нѣкогда занимали оба народа, должна считаться неосуществимой. Такъ-ли это однако на самомъ дѣлѣ? Чтобы провѣрить діагнозъ Шюгрена, возьмемъ рѣчныя названія изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ Финны и Коми сохранились всего чище и дали первыя названія водамъ. Въ Соликамскомъ уѣздѣ по обѣ стороны Камы мы видимъ массу рѣчныхъ названій съ суффиксами в а и ш о р ь, въ предѣлахъ Финляндіи преобладающими рѣчными названіями являются названія съ суффиксомъ жоки: Кеми-жоки, Симо-жоки, Карась-жоки, Ивала-жоки, Патсъ-жоки, Типо-жоки, Лутмо-жоки и т. д. и т. д. Между финскими и пермязцо-зырянскими рѣчными названіями оказывается при этомъ сопоставленіи такая т и п и ч е с к а я разница, что смѣшать ихъ представляется безусловно невозможнымъ.

Разбираясь на основаніи констатированныхъ выше признаковъ среди обѣихъ группъ, мы приходимъ къ заключенію, что среди quasi-финскихъ рѣчныхъ названій нѣтъ ни одного дѣйствительно финскаго, а среди quasi-зырянскихъ или пермязцкихъ таковыми могутъ быть признаны 5—6 вверху по Двию отъ Холмогоръ: въ Холмогорскомъ у. Ракусорка, Чачва, въ Шенкурскомъ у. Кушава, Ваджа; въ Сольвычегодскомъ Мотасорка, Торсорка. Этихъ 5—6 названій еще слишкомъ недостаточно для того, чтобы признать С. Двину пра-зырянской рѣкой. Что касается соображеній на счетъ того, что названіе Двина зырянское и стоитъ въ связи съ словомъ в ы н сила, то онѣ могутъ вызвать только недоумѣніе на счетъ филологическихъ принциповъ Шюгрена. Если Финны (принимая этотъ терминъ въ широкомъ смыслѣ), согласно законамъ своей рѣчи, опускаетъ начальное *d* въ названія рѣки и называетъ ее Вина, мы это понимаемъ. Но подъ вліяніемъ какихъ побужденій Русскіе, если бы они взяли у Зырянъ рѣчное названіе, прибавили *d* въ началѣ его, этого, навѣрное, не объяснить никто. Не лучше-ли было-бы предположить, что первоначально рѣка называлась у Финновъ *Divina*, и

только въ послѣдствіи съ исчезновеніемъ короткаго гласнаго *i* Финны перестали произносить и начальный *d*.

Кромѣ звуковаго впечатлѣнія Шюгрень опредѣляетъ національность названія еще однимъ путемъ—географическимъ. Встрѣтивъ на территоріи былого Заволочья названіе, которое имѣетъ еще мѣсто положимъ на территоріи, занимаемой Пермьяками или Зырянками, онъ считаетъ его пермяцкимъ или зырянскимъ; такъ онъ поступаетъ напр. съ названіями притоковъ Пинеги — Илешъ, Вотча, Пира, Нјула, Нюча. Этотъ родъ опредѣленія можетъ, конечно, имѣть нѣкоторое значеніе, но употреблять его можно только тогда, когда названій мало для того, чтобы опредѣлить типъ, а языкъ, изъ котораго они могутъ быть истолкованы, исчезъ. Къ болѣе или менѣе прочнымъ выводамъ этимъ путемъ прійти нельзя.

Мы должны быть увѣрены, что всѣ названія занятаго даннымъ народомъ района принадлежатъ ему, не заимствованы у другихъ насельниковъ, и эта увѣренность можетъ быть только результатомъ тщательнаго филологическаго изслѣдованія. Притомъ Шюгрень пользуется этимъ способомъ далеко не послѣдовательно. Принявъ его принципъ, мы должны были-бы признать лопарскими всѣ названія на *енга*, *онга*, которыя въ изобиліи встрѣчаются въ Заволочьи по теченію Двины въ частности, такъ какъ рѣки съ такими названіями встрѣчаются въ занятомъ Лопарями углу Кольскаго полуострова, а нѣкоторыя названія оказываются прямо тождественными (*Ваенга*). Можетъ быть даже, что въ этомъ случаѣ мы оказались бы ближе къ истинѣ, чѣмъ Шюгрень, такъ какъ часть мѣстныхъ названій въ области Двины по типу приближается къ Лопарскимъ. Припомнимъ Шужега, Пучега, Авнега, Синега, которыя легко разлагаются на Шуж-юга, Пуч-юга, Авн-юга, Син-юга. Непрочность, точнѣе негодность фундамента, на которомъ держится гипотеза Шюгрена на счетъ первоначальнаго совпаденія границъ страны Коми и Біарміи Скандинавовъ, заставляетъ насъ отнести къ ней отрицательно. Эта несостоятельность основнаго содер-

жанія обширнаго изслѣдованія Шюгрена не мѣшаетъ однако тому, чтобы признать за его трудомъ крупное научное значеніе. Не говоря уже о матеріалѣ—извѣстіяхъ о древнихъ городищахъ, извлеченныхъ изъ писцовыхъ книгъ и личныхъ наблюдений, о сводѣ народныхъ преданій и личныхъ именъ, мы должны признать, что Шюгрень первый предпринялъ попытку опредѣлить территорію, на которой жили древніе Коми, и сдѣлалъ нѣсколько удачныхъ шаговъ для ея выполнения.

Castren. Bemerkungen über Sawolotscheskaja Tschud. Nord. Reisen und Forsch. V. Kl. Schr. S. Pet. 1862.

Въ статьѣ, заглавіе которой мы выписали, Кастрень разсматриваетъ вопросъ о народности древнихъ Двинанъ—Заволоцкой Чуди, Біармовъ тожь. Рѣшается вопросъ въ пользу З. Финновъ. Нѣкоторые изъ аргументовъ, на которыхъ основано такое рѣшеніе, отличаются чрезмѣрной тонкостью и въ силу этого представляются сомнительными: таковы напр. соображенія, что именно Западные Финны съ ихъ трудолюбіемъ, любовью къ земледѣлію, и стойкимъ характеромъ были народовъ, наиболѣе способнымъ къ тому, чтобы бороться съ дикой сѣверной природой. Большую цѣнность имѣютъ указанія на мѣстныя названія, особенности русскаго говора въ Архангельской губерніи, физическій типъ и обычаи. Въ истолкованіи мѣстныхъ названій Кастрень впадаетъ однако въ ошибку Шюгрена: онъ не подозреваетъ какъ будто, что мѣстныя названія у всѣхъ Финновъ строятся по опредѣленнымъ типамъ изъ опредѣленныхъ элементовъ. На стр. 95 онъ объявляетъ названія деревень Ижма, Лодма, Уйма, Сюземская (конечно отъ р. Сюзмы) финскими, хотя по типу онѣ пермскія и перенесены съ пермскихъ названій рѣкъ, истолковывая ихъ изъ опредѣляющихъ +таа земля, что имѣетъ формальный смыслъ, на стр. 96 онъ объясняетъ названіе Сурминская (дорус. Сурма) изъ глагола *s u g m a* = портить, что является уже вовсе бессмыслицей, на стр. 105 названіе

рѣки Цильма онъ производитъ уже отъ фин. прилагательнаго *kuilma* холодный. Біармы - Финны, по Кастрену, жили отъ Бѣлаго моря до Камы; слѣды ихъ открыты въ Тобольской губ. и должны идти до Алтая. Слѣдомъ Финновъ на нижней Печерѣ является будто - бы названіе Асопольская отъ *asun* жить, тогда какъ это названіе состоитъ изъ сочетанія по ле съ личнымъ пермскимъ именемъ А с ъ. По отношенію къ Коми онъ допускаетъ, что они двигались за Корелами на С. З. и достигали отдѣльными группами сѣверной Двины. Финнами считаетъ Кастрень и Чудь сѣверо-восточную, Печерскую. Противъ такого толкованія говоритъ то, что, какъ первые насельники, Финны должны были оставить послѣ себя слѣды въ названіяхъ главныхъ водъ, а этого нѣтъ, 2) Чудь преданій застали Русскіе, а при Русскихъ здѣсь были только Коми и Югра. Интересны указанія на Чудскіе памятники Печерскаго края.

Исторія Пермской Епархіи. Перм. Епар. Изв. 1867—1868 г.

Статья начинается съ изложенія языческихъ вѣрованій Пермяковъ. Авторъ въ христіанскомъ смыслѣ истолковываетъ представленіе Пермяковъ объ Іенѣ (создатель неба и земли). Бѣольшую часть фактическихъ данныхъ онъ заимствуетъ у автора „Сказанія о жизни и трудахъ Св. Стефана“—А. М. Въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ вводитъ въ свой трудъ ошибки и другихъ авторовъ: такъ со словъ Попова онъ утверждаетъ, что главнымъ идоломъ почти у всѣхъ жителей Перми былъ Іомала; преданіе записанное Новицкимъ относительно пермяцкаго происхожденія частію Остяковъ, дойдя черезъ „Странникъ“ до нашего автора, вызвало у него соображеніе, что „всѣ идолы Пермяковъ съ распространеніемъ христіанской вѣры въ Пермской странѣ перешли съ удалившимися Остяками въ Березовскій край“.

П. К-овъ. Распространеніе и утверженіе христіанства въ древней Перми. Перм. Епарх. Изв. 1868.

Соображенія автора о древней культурѣ Перми, основанныя на рѣчахъ, вкладываемыхъ Елифаніемъ въ уста Пермяковъ, не выдерживаютъ критики. Дѣятельность преемниковъ Стефана—Исаакія, Герасима—возстанавливается гадательно при помощи „вѣроятно“, „несомнѣнно“.

Шестаковъ. П. Д. Святой Стефанъ Великопермскій. Каз. 1868.

Покойный П. В. Шестаковъ трактуетъ болѣе подробно, чѣмъ названные авторы, вопросъ о Св. Стефанѣ. Онъ даетъ обзоръ источниковъ и пособій и разборъ текстовъ, оставшихся послѣ зырянскаго просвѣтителя.

Европеусъ. Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ сѣверной и средней Россіи до прибытія Славянъ. Ж. М. Н. Пр. 1868, т. III, 55—71.

Г. Европеусъ выступаетъ съ теоріей, которая частію находится въ противорѣчій съ Шюгреновской, частію дополняетъ ее. Въ то время, какъ Шюгренъ отдастъ все древнее Заволочье Финнамъ—Кореламъ, авторъ разсматриваемой статьи утверждаетъ, что Финнскія поселенія на В. отъ Нарвы не спустились южнѣе широтъ Финнскаго залива, Ладожскаго озера, Бѣлоозера, а на В. не заходили за предѣлы Пинеги. Уже въ предѣлахъ теченія С. Двины Финнскія названія, по мнѣнію г. Европеуса, чередуются съ древне-Остяцкими и Финны, вступивши въ область этой рѣки, вытѣснили прежнихъ насельниковъ. Воспоминанія о Югрѣ сохранились въ Архангельской и Вологодской губерніяхъ въ названіяхъ деревень Югорская, Югринская, въ прозвищахъ Югринъ и массѣ угорскихъ мѣстныхъ названій, которая наполняетъ западную половину Вологодской губерніи и небольшую часть ея за Двиной. Югорскія же племена Весь, Меря и Муромы, судя по мѣстнымъ названіямъ, занимали территорію отъ Бѣлоозера до Оки.

Гипотеза Европеуса цѣликомъ основана на объясненіи мѣстныхъ названій изъ нарѣчій угорской группы. Отъ достоинства этихъ объясненій зависитъ поэтому и достоинство гипотезы. Рядъ угорскихъ названій открывается у нашего автора объясненіемъ рѣчнаго названія Печенга. Г. Европеусъ допускаетъ два объясненія этого названія изъ остяцкаго языка: *petse* (сосна) + *jink* (вода, рѣка) или *petseng* сосновый. Съ точки зрѣнія аналогіи съ другими Финскими названіями рѣкъ можно допустить оба толкованія: мы имѣемъ, напр. въ Пермско-Зырянскомъ: Ижма—изъ (камень) + ва (вода) и Бод-ја (ивовая) съ опущеннымъ шоръ. Первое толкованіе можно было бы предпочесть, такъ какъ оно болѣе соотвѣтствуетъ обычному построенію Финскихъ мѣстоназваній, но насъ удерживаетъ отъ этого то обстоятельство, что мы не встрѣчаемъ у современныхъ представителей угорской группы названій, въ которыхъ *jink* чувствовалось-бы такъ раздѣльно, какъ ва и шоръ у Перми. Второе толкованіе имѣетъ за себя болѣе данныхъ въ современной угорской номенклатурѣ. Мы имѣемъ рядъ рѣчекъ въ области Сѣвернаго Урала близкихъ по типу: Сординг-я, Локчин-я, Ляпин-я. Можно предположить, что и заволоцкія названія на нга имѣли первоначально этотъ же типъ. Позднѣе я исчезло также, какъ въ нѣкоторыхъ пермскихъ названіяхъ ва, и осталась одна опредѣляющая часть. Этотъ процессъ наблюдается, кажется, въ названіяхъ современной Угры: одинъ изъ притоковъ Кось-ю носитъ названіе Кожанъ. Для того, чтобы безъ колебаній принять толкованіе г. Европеуса, слѣдовало-бы выяснитъ только одинъ вопросъ: мы встрѣчаемъ названія съ окончаніемъ на нга или на территоріи, занятой въ настоящее время Лопарями, или, какъ въ Финляндіи, на такихъ мѣстахъ, гдѣ ранѣе жили Лопари; не могутъ-ли эти названія съ такимъ-же успѣхомъ быть истолкованы изъ Лопарскаго? Нѣкоторое основаніе для того, чтобы поставить такой вопросъ заключаются въ томъ, что первая часть названія Печенга *petše*—сосна одинаково звучитъ въ Лопарскомъ и Остяцкомъ языкахъ. Како-

во бы не было рѣшеніе этого вопроса, положительная заслуга Европеуса состоитъ въ томъ, что онъ ограничилъ районъ, въ которомъ мы должны производить поиски.

Далѣе у г. Европеуса слѣдуетъ группа окончаній, которыя онъ считаетъ Угорскими—jога, jега, јага (въ русскомъ ега). Въ виду того, что нѣкоторыя изъ этихъ окончаній имѣютъ Лопари (jога) и Самоѣды (јага), не говоря уже о возможности измѣненій въ устахъ русскаго народа Финнскаго jоки, вопросъ о приуроченіи ихъ къ одной изъ этихъ народностей долженъ быть рѣшенъ анализомъ опредѣляющихъ частей. Если эти опредѣляющія части будутъ объясняться изъ угорскихъ нарѣчій, вопросъ будетъ рѣшенъ положительно въ пользу послѣднихъ. Г. Европеусъ избираетъ для подтвержденія своего положенія неудачный въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ примѣръ. Дано Печуга. Разлагается оно на печ(е) + йуга || йога. Но отъ этого вопросъ не рѣшается. Обѣ части совершенно тождественно въ Лопарскомъ нарѣчій и въ Остяцкомъ. Въ пользу толкованія г. Европеуса и здѣсь впрочемъ говорятъ данныя современной угорской номенклатуры. На л. л. 122 — 124 карты Стрѣльбицкаго мы имѣемъ образцы того, какъ измѣняются въ устахъ русскаго человѣка угорскія названія сложные съ яга: мы имѣемъ Наябу-яга, Хай-яга и Парныво (Парны-яга), Лимп ега (Лимп-яга).

Слѣдующимъ названіемъ, которое даетъ новый угорскій суффиксъ, является Печегда. Г. Европеусъ истолковываетъ его изъ двухъ угорскихъ словъ печ + ша гет (рукавъ рѣки). Толкованіе съ конструктивной стороны чрезвычайно удачно. Оно даетъ намъ ключъ къ уясненію происхожденія другихъ тождественныхъ названій—Вычегда, Шижегда. Но г. Европеусъ идетъ дальше. Къ слову ша гет онъ приводитъ и окончаніе рѣчнаго названія В о л о г д а и аналогичныхъ. Тутъ предполагается довольно длинная исторія: ша гет перешло въ сагет (ср. Шаготь, Сохоть рѣки въ Яр. г.) сагет въ тагет, тагет въ лагет (ср. Лехта, Лехоть—тамъ-же) которое въ русскомъ языкѣ приняло форму логда (лохта). Чтобы

соображенія г. Европеуса возымѣли въ данномъ случаѣ цѣну для историка, нужно было бы выяснитъ, не говоря уже о звуковыхъ соотвѣтствіяхъ, принадлежать-ли формы шагет, тагет и лагет отдѣльнымъ нарѣчіямъ угорской группы или онѣ представляютъ собою ступени развитія слова въ одномъ нарѣчьи или языкѣ.

Изъ угорскихъ нарѣчій объясняются у г. Европеуса окончанія везъ (vez—вода. М.), болъ (folyo—рѣка. М. А не falu деревня?), бо й (изъ того же корня съ переходомъ l въ j), похта, бахта (погот—деревня. Ост.).

Спеціально о Коми г. Европеусъ высказывается мимоходомъ. На стр. 65 мы читаемъ, что имъ принадлежатъ рѣчныя названія на сора, сера, шеръ южнѣ Бѣла озера. Здѣсь они жили ранѣ Веси.

Въ томъ видѣ, какъ изложена гипотеза г. Европеуса, она заслуживаетъ, безъ сомнѣнія, полного вниманія, какъ удачная попытка подойти къ разрѣшенію одного изъ сложныхъ вопросовъ исторической географіи. Въ пользу истолкованія суффикса болъ изъ угорскихъ нарѣчій говоритъ тотъ фактъ что есть рѣчки по близости Урала въ предѣлахъ кочеванія Маньзовъ, носяція названія съ суффиксомъ болъ, напр. Хамъ-болъ—притокъ Косъ-ю. Можно пожалѣть во всякомъ случаѣ, что г. Европеусъ не осуществилъ своего плана издать на русскомъ и нѣмецкомъ [языкахъ свои обширныя статьи изъ «S u o m i» по тому же вопросу.

Европеусъ. Объ Угорскомъ народѣ. Спб. 1874.

Рефератъ г. Европеуса посвященъ дальнѣйшей разработкѣ того-же вопроса. Авторъ точнѣ опредѣляетъ территорію древней Югріи и положеніе ея относительно другихъ Финнскихъ племенъ. Онъ отводитъ древнимъ Финнамъ-Кареламъ территорію около Ладожскаго и Онежскаго озеръ и всю Біармію—старую и новую—отдастъ во власть Югры безъ всякой примѣси Финновъ. Всматриваясь въ карту, которая представляетъ собою резюмѣ его соображеній, мы замѣчаемъ,

что авторъ прихотливо и безъ всякихъ аргументовъ дѣлать между финскими племенами великую Восточно-Европейскую равнину. Принявши за исходную точку для своего обозрѣнія карты г. Европеуса Казань, мы будемъ имѣть территорію Казани и земли отъ нея до Калуги на З., на С. отъ устья Ветлуги до Сѣв. Океана во владѣніяхъ Югры; въ текстѣ Югрѣ отводится пространство, заключенное между Ураломъ и С. Скандинавіей, Ильменемъ и истоками Волги съ В. на З., между Окой и Ледовитымъ океаномъ съ Ю. на С. Правый берегъ Волги до Нижняго считается за Чувашиами. Черемисы вопреки свидѣтельству первоначальной лѣтописи оказываются на территоріи между верхнимъ теченіемъ Вятки (отъ нынѣшняго Нолинска) до истоковъ Сысолы и нынѣшняго Кая, Зыряне съ Вотяками отъ устья Кильмези (притокъ Вятки) до сліянія Сосвы съ Лозвой съ одной стороны и по лѣвому берегу Камы отъ ея устья чрезъ Кунгуръ до Та в ды. Область нынѣшнихъ Пермьковъ представляетъ на картѣ пустое мѣсто между владѣніями Черемисъ и Зырянъ. Г. Европеусъ увѣряетъ своихъ читателей, что его карта составлена на основаніи мѣстныхъ названій, но не даетъ себѣ труда перечислить ихъ основные типы. Мы самымъ положительнымъ образомъ можемъ засвидѣтельствовать, что ни одного собственно-черемисскаго названія нѣтъ на томъ пространствѣ, которое онъ отводитъ Черемисамъ, и съ другой стороны зыряно-пермьскія рѣчныя названія съ окончаніями на ва и шоръ встрѣчаются въ значительномъ количествѣ на территоріи, которая такъ щедро отмежевана Югрѣ. Два этихъ факта свидѣлствуютъ, что г. Европеусъ въ одномъ случаѣ не знаетъ типичныхъ черемисскихъ названій, въ другомъ замалчиваетъ существованіе невыгодныхъ для него данныхъ. Изъ обоихъ вытекаетъ заключеніе, что почтенный авторъ не достаточно ясно представлялъ себѣ права Югры на отведенную ей территорію, т. е. не располагалъ совокупностью несомнѣнно Югорскихъ типичныхъ названій.

Научное достоинство новаго труда во всякомъ случаѣ ниже предшествовавшаго. Г. Европеусъ за время, отдѣляющее этотъ трудъ отъ перваго, имѣлъ случай встрѣтить возраженія со стороны защитниковъ Шюгреновской теоріи и пришелъ въ сильное раздраженіе. Въ отвѣтъ на попытку противниковъ отстоять старую теорію онъ урѣзываетъ у древнихъ Финновъ и тѣ скромные предѣлы, которые отвелъ имъ въ 1868 г., и объявляетъ Югорской всю территорію отъ Онежскаго озера до Урала, отъ С. Океана до Оки. По пути съ Финнами онъ изгоняетъ съ территоріи Югры и Зырянъ, забывая ихъ почти пѣликомъ въ Сибирь. Съ успѣхами на пути одолѣнія соперниковъ древней Югры у г. Европеуса измѣняется все ученое поведеніе; онъ уже не доказываетъ, не объясняетъ, а категорически вѣщаетъ: количество „угорскихъ“ названій возрастаетъ до 36; сюда попадаютъ:

1) суффиксы, образовавшіеся изъ заимствованныхъ словъ (ранда—берегъ = strand, порга—порогъ), 2) суффиксы взятые изъ финскихъ нарѣчій различныхъ группъ (ватъ—мордов., ва—зыряно-перм., 3) суффиксы отвлеченныхъ словъ, никогда ни у какого народа не встрѣчающіеся въ мѣстныхъ названіяхъ.

Категорично, безъ всякихъ разсужденій читателю сообщается значеніе другихъ „югорскихъ“ суффиксовъ: — д а л ь = вершина рѣки, д о р ь = озеро, к а л ь = деревня, домъ, м а р ь, м е р ь = гора, н о р ь = мысъ, п а л д а, — п а л ь, — п е л ь = поле, я н г а = болото. Нельзя сказать, чтобы тонъ г. Европеуса находился въ соотвѣтствіи съ основательностью его положеній. При пересмотрѣ его списка „угорскихъ“ окончаній мы встрѣчаемъ рядъ такихъ, которыя во всякомъ случаѣ не принадлежатъ языкамъ живыхъ представителей угорской семьи. Н е м а есть Финнское пјемі, в а—Зырянское, К у р ь я—Зырянское, л е н д а—родичъ эстон. lippa—городище (Веске. Сл. Ф. К. О.) ш е р а, ш о р а (-сара, -сора)—Зыряно-Пермязское. Если всѣ эти суффиксы угорскаго происхожденія и заимствованы на-

родами, которые ими пользуются въ настоящее время, то это надо было доказать.

Тонъ ученаго прорицателя не покидаетъ г. Европеуса и въ другихъ вопросахъ. На стр. 11 намъ сообщается, что у г. Европеуса имѣеть въ рукахъ явныя доказательства тому, что нарѣчіе Важской Чуди въ Шенкурскомъ уѣздѣ ближе всего къ языку нынѣшнихъ Остяковъ, а нарѣчіе насельниковъ Юга и Ветлуги—къ нарѣчію Вогуличей. Какія эти доказательства, авторъ не считаетъ нужнымъ сообщить.

На той-же стр. 11 мы имѣемъ положительное заявленіе, что частью древней Югріи была Великая Пермь русскихъ лѣтописей, Біармія Скандинавовъ. Эта Югрія была единымъ государствомъ.

Принимая съ сожалѣніемъ въ расчетъ всѣ невыгодныя для дѣла особенности изслѣдованія г. Европеуса, мы считаемъ все же возможнымъ констатировать, что онъ далъ нѣсколько новыхъ фактовъ, увеличивающихъ вѣроятность его гипотезы. Суффиксы—н о р,—п о с т,—б а с л я,—т о р,—д о р могутъ быть признаны безспорно угорскими и г. Европеусъ истолковалъ ихъ совершенно согласно съ общимъ характеромъ восточно-финнской терминологіи природы. Провѣряя толкованія, которыя даетъ г. Европеусъ своимъ окончаніямъ, на основаніи скуднаго матеріала, имѣющагося у насъ подъ руками, мы можемъ признать угорское происхожденіе за суффиксами: —гумус, —кол. Оба слова встрѣчаются въ нарѣчій Ляпинскихъ Вогуловъ именно съ тѣми значеніями, которыя даетъ имъ г. Европеусъ.

Кл. Поповъ. Зыряне и Зырянскій край. Изв. Имп. М. О. Люб. Ест. Антр. и Этн. т. XIII, вып. 2-й. М. 1874.

Не смотря на свое заглавіе, книга г. Попова имѣеть нѣкоторыми своими частями прямое отношеніе къ Пермьякамъ, не говоря уже о томъ, что изслѣдованіе, посвященное родственному народу, является существенно важнымъ пособіемъ при изученіи современнаго быта Пермьяковъ.

Въ первой главѣ своей книги г. Поповъ касается вопроса о древнихъ Біарміяцахъ и рѣшительно считаетъ ихъ Зырянами. То обстоятельство, что по свидѣтельству Отера Біарміяцы говорили финскимъ языкомъ, его мало смущаетъ.

Мнѣніе, высказанное относительно Зырянъ на стр. 3, не мѣшаетъ г. Попову на слѣдующей страницѣ предложить читателямъ другое, мало съ нимъ согласное: „всѣ встрѣчающіяся у Нестора названія чуждскихъ народовъ суть мѣстныя географическія названія почти однородной этнографической массы, отдѣльныя части которой еще не успѣли выработать себѣ особыхъ болѣе или менѣе своеобразныхъ физиономій“.

Во второй главѣ, касающейся обрусѣнія Зырянъ, мы встрѣчаемъ существенно важное для насъ указаніе: что въ чуждскихъ ямахъ близъ г. Вельска и въ другихъ зырянскихъ уѣздахъ Вологодской губерніи встрѣчаются „мѣдныя коньки“, мѣдныя бусы (6). Это указаніе драгоцѣнно для опредѣленія района распространенія бронзовыхъ издѣлій такъ называемаго „Чудскаго“ типа.

Для рѣшенія вопроса о Чуди имѣютъ значеніе указанія автора на то, что „сами Зыряне слѣды жилищъ своихъ предковъ называютъ, какъ и русскіе, чуждскими могилами, считая Чудъ народомъ чуждымъ себѣ и даже враждебнымъ“.

Прямое отношеніе къ нашей задачѣ имѣютъ страницы, трактующія о древней культурѣ Зырянъ и Пермьяковъ. Авторъ удачно опредѣлилъ типъ древняго жилища предковъ нынѣшнихъ Зырянъ и Пермьяковъ, воспользовавшись свидѣтельствомъ Ибн-Доста о жилищахъ въ землѣ Булгаръ. По вопросу о томъ, знакомы ли были предки Зырянъ съ земледѣліемъ, г. Поповъ проявляетъ слишкомъ большой скептицизмъ къ даннымъ языка. Онъ убѣжденъ, что „въ очень многихъ языкахъ есть собственные слова для обозначенія понятій (вещей?), заимствованныхъ у другихъ народовъ“ 2) что у Зырянъ существуютъ собственные термины для вещей, которыя они узнали въ новѣйшее время: овесъ и пше-

ница, напр., имѣють зырянскія названія, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ зырянскаго края стали извѣстны лишь съ 1845 г. (стр. 14). Авторъ не принимаетъ во вниманіе того, что вопросъ объ относительно древности зырянскихъ терминовъ и ихъ культурно-историческомъ значеніи можетъ быть разрѣшенъ только послѣ сравнительнаго изученія всѣхъ нарѣчій Пермской группы. Соображенія г. Попова о питаніи древнихъ Зырянъ заслуживаютъ полнаго вниманія.

Большую честь г. Попову дѣлаетъ то, что онъ, говоря о древнемъ семейномъ строѣ, отмѣтилъ существующія въ источникахъ указанія на левиратъ или ужичество у древнихъ Пермяковъ.

Разсужденія г. Попова о древней религіи Пермлянъ нельзя назвать особенно удачными. Истолкованіе имени божества „Вой-пель“ (вой—сѣверъ + пель—ухо) отдаетъ комизмомъ, сближеніе же Золотой Бабы съ Юмала слишкомъ натянуто.

Гораздо болѣе интереса, чѣмъ теоретическія соображенія г. Попова, представляютъ приводимыя имъ въ этой главѣ зырянскія преданія. Разсказъ Вышерскихъ Зырянъ объ оленѣ, прибѣгавшемъ въ часовнѣ для жертвы, безусловно тождествененъ съ аналогичнымъ же разсказомъ Гидаевскихъ Пермяковъ, записаннымъ г. Ивановымъ. Сказка или преданіе объ Ягъ-Мортѣ или лѣсномъ, боровомъ человѣкѣ, сильно испорченная риторически-литературной передачей, любопытна по заключающемуся въ ней воспоминанію о борьбѣ Зырянъ съ каѣмъ то черно-волосымъ племенемъ.

Списокъ населенныхъ мѣстъ Пермской губерніи. Спб. 1875.

Этнографическія свѣдѣнія о Пермякахъ заимствованы изъ статей Рогова. Значеніе важнаго источника списку придаютъ названія населенныхъ мѣстъ и урочищъ, позволяющія опредѣлить древнюю территорію племени. Введеніе представляетъ между прочимъ хорошій сводъ историческихъ, археологическихъ и этнографическихъ данныхъ о Пермякахъ.

Aspelin. I. R. De la civilisation préhistorique des peuples permien
et de leur commerce avec l'orient. Leide. 1878. 26 p. (Travaux
de la 3-me Session du Congrès des Orientalistes. Vol. II).

Извѣстный финскій археологъ считаетъ область Пермь-
ковъ, Вотяковъ и Зырянъ Біарміей Скандинавовъ. Съ осо-
беннымъ вниманіемъ онъ останавливается на серебряныхъ
сосудахъ, которые находятся въ Пермской почвѣ и прихо-
дитъ къ заключенію, что Чудь предъявляла на нихъ ббольшой
спросъ, чѣмъ на монеты. Существенный интересъ и новизна
реферата г. Аспелина состоитъ въ томъ, что онъ отвергаетъ
принятое мнѣніе, будто предметы эти приходили черезъ Бул-
гаръ съ Волги и выдвигаетъ гипотезу, по которой торговымъ
путемъ былъ Иртышъ. Основаніемъ для этой гипотезы явля-
ется то обстоятельство, что всѣ почти серебряные сосуды
византійскаго и восточнаго происхожденія найдены не на бе-
регахъ Волги, а въ предѣлахъ Пермской губерніи.

A. Teplouchoff. Ueber die prähistorischen Opferstätten am Uralgebirge.
Archiv für Anthropologie. Bd. XII. 201—232. 1880.

Статья покойнаго А. Θ. Теплоухова затрогиваетъ во-
просъ о назначеніи такъ называемыхъ „костищъ“. Авторъ
считаетъ ихъ за мѣста языческихъ жертвоприношеній. Осно-
ваніями для такого предположенія являются 1) преданія о
языческихъ храмахъ, находившихся неподалеку отъ нихъ,
2) фактъ, что кости являются пережженными и собран-
ными въ большомъ количествѣ какъ бы въ ящикахъ.
Присутствіе въ костищахъ значительнаго количества ко-
стяныхъ стрѣлъ онъ объясняетъ обычаемъ приносить въ
жертву стрѣлы, который, подобно нынѣшнимъ Вогуламъ,
могли имѣть и Пермьки. Такими-же жертвами являются, по
мнѣнію автора, и горшечки съ продѣланными по краямъ дву-
мя круглыми отверстиями для подвѣшиванія. Онъ ссылается
на подобный обычай кочевыхъ Финновъ, не указывая къ со-
жалѣнію, какихъ именно. Присутствіе маленькихъ горшеч-
ковъ онъ объясняетъ тѣмъ, что въ нихъ предлагались бо-

гамъ тавіа приношенія, какъ кровь, медь, воскъ и т. п. Относительно бусъ, между которыми встрѣчается и вызолоченныя, А. Θ. Теплоуховъ высказываетъ предположеніе, что онѣ входили въ составъ ожерелій, которыя навѣшивались поклонниками на шею идоламъ. Примѣровъ такого обычая у сосѣдей Чуди онъ къ сожалѣнію не указываетъ. Бронзовую статуетку, найденную на одномъ костыщѣ близъ Обвы, онъ считаетъ идоломъ. Последнимъ родомъ жертвенныхъ приношеній являются маленькіе желѣзные ножички. Путь, которымъ идетъ авторъ къ рѣшенію вопроса—сопоставленіе съ современными и исторически - извѣстными у инородцевъ формами культа — совершенно правиленъ. Статья покойнаго А. Θ. Теплоухова много выиграла бы въ доказательности, если бы онъ не ограничился немногими извѣстіями о Вогулахъ.

Памятная книжка Пермской губерніи на 1880 г. Пермь. 1880.

IV отдѣлъ книжки заключаетъ въ себѣ статистико-этнографическій очеркъ губерніи, заключающій въ себѣ нѣсколько страничекъ о Пермякахъ — заимствованіе изъ статей Рогова. Нѣкоторое значеніе имѣютъ статистическія указанія, сравнительно съ спискомъ населенныхъ мѣстъ Пермской губерніи болѣе новыя.

А. П. Ивановъ. Матеріалы къ антропологии Пермскаго края. Тр. Каз. Общ. Естеств. Т. X, вып. 1. Каз. 1881.

Небольшой очеркъ г. Иванова представляетъ собой цѣнное прибавленіе къ литературѣ о Пермякахъ. Мы встрѣчаемъ въ немъ нѣсколько интересныхъ преданій и обычаевъ, относящихся къ вопросу о Чуди. Преданіе объ оленѣ, прибѣгавшемъ для закланія въ день Св. Ильи пророка, любопытно по своему, полному тождеству съ таковымъ - же у Зырянъ. Г. Ивановъ не вдается въ обсужденіе вопроса о Чуди, но склоняется, повидимому къ мысли, что Чудь и Пермяки не одинъ и тотъ-же народъ. „Смотря на лица Гидаевцевъ, чи-

таемъ мы на стр. 13, вслушиваясь въ ихъ рѣчи, ихъ преданія и сказки... я невольно прибрѣталъ убѣжденіе, что передъ мной не о б р у с ѣ в ш і е Пермяки, не потомки новгородцевъ-завоевателей, а потомки когда-то сильной и великой Чуди"... Самую цѣнную часть очерка г. Иванова составляетъ, конечно, описаніе его археологическихъ открытій.

Добротворскій. Пермяки. Вѣстникъ Европы. 1883. № 3, 4.

Г. Добротворскій долгое время жилъ среди Пермяковъ, овладѣлъ ихъ языкомъ и потому находился въ счастливыхъ условіяхъ для этнографическихъ наблюдений. Его очеркъ начинается съ обзора историческихъ судебъ Пермяковъ. Любопытнѣе всего въ этомъ обзорѣ пермяцкія преданія о братьяхъ Осяясѣ и Ожьясѣ, въ которомъ имѣется намекъ на человѣческія жертвоприношенія у Пермяковъ, затѣмъ преданія о Чуди. Говоря о культурѣ древнихъ Финновъ, г. Добротворскій неархеологически понимаетъ слова „городъ“ и выводитъ заключеніе, что Финны вынесли изъ Азіи значительное культурное развитіе: „задолго до колонизаціи Біарми и Югорской земли здѣсь была высокая культура“. Частности историческаго отдѣла статьи г. Добротворскаго не всѣ выдерживаютъ критику. Неизвѣстно, напр., на какомъ основаніи онъ утверждаетъ, что уже въ XI в. Новгородцы овладѣли Холмгородомъ, который якобы описываетъ Отеръ. Говоритъ о томъ, что прочныхъ жилищъ Пермяки себѣ не строили для того, чтобы не жаль было бросать ихъ, когда подойдутъ Русскіе, можно только, не обращая вниманія на исторію развитія жилища у восточныхъ Финновъ. Тѣ постройки, которые описываетъ г. Добротворскій (очень обстоятельно, скажемъ кстати), имѣютъ мѣсто у Вотяковъ и др. Финновъ. Древнюю соціальную организацію П. г. Добротворскій описываетъ „по догадкамъ“, не объясняя, на чемъ эти догадки основаны. На основаніи словъ гижны—писать и лыдны—читать онъ предполагаетъ, что у Пермяковъ когда-то существовала письменность—въ нашемъ смыслѣ этого слова.

Переходя къ современному быту Пермяковъ, авторъ даетъ прекрасную картину ихъ жилья, орудій труда, средствъ передвиженія, костюма. Говоря о пищѣ, г. Добротворскій мимоходомъ даетъ читателю возможность замѣтить, что онъ мало знакомъ съ языческимъ финскимъ культомъ. Онъ объясняетъ напр. обычай, запрещающій употребленіе въ пищу зайцевъ и пѣтуховъ, тѣмъ, что оба животныя нѣкогда приносились въ жертву и составили табу для простаго смертнаго. Почтенный авторъ не сдѣлалъ бы, конечно, такого объясненія, если-бы зналъ, что Финны, держащіеся язычества, поѣдаютъ жертвенныхъ животныхъ, а не воздерживаются отъ ихъ употребленія.

Характеризуя нравственность Пермяковъ, г. Добротворскій впадаетъ въ обычную ошибку всѣхъ авторовъ, говорящихъ о высокой честности Финновъ: онъ утверждаетъ, что воровство не было Пермякамъ извѣстно до знакомства съ Русскими. Какъ-же объяснить въ такомъ случаѣ присутствіе въ пермяцкомъ языкѣ собственныхъ словъ, означающихъ воровство?

Умственные способности Пермяковъ и ихъ общественный строй авторъ обрисовываетъ мѣткими, характерными чертами.

Вѣрованія Пермяковъ изложены очень сжато. Авторъ не воспользовался драгоцѣннымъ матеріаломъ—миѳологическими сказками. Въ толкованіи Пермяцкаго дуализма онъ дѣлаетъ ошибку, считая Кереметя чудскимъ богомъ. Чертей онъ не отличаетъ отъ лѣсовиковъ. Остатки древняго культа въ видѣ обрядовъ, сопровождающихъ важнѣйшіе моменты общественной и частной жизни, обрисованы у г. Добротворскаго сжато—можетъ быть, по недостатку матеріала.

Брачный обрядъ въ его существенныхъ особенностяхъ представленъ очень рельефно. Г. Добротворскій устанавливаетъ даже моменты въ исторіи развитія брака. По пути затрогивается вопросъ о положеніи женщины и дѣтей въ пермяцкой семьѣ. Погребальный обрядъ въ связи съ воззрѣніями на загробную жизнь очерченъ также достаточно ясно.

Шишонко. Пермская летопись. Пер. I—V. Кн. I—VI. Пермь. 1881—1887.

Книга Шишонко представляет собою совершенно своеобразное явление въ русской литературѣ. Первоначальный планъ изданія заключался, повидимому, въ томъ, чтобы расположить по годамъ извѣстія о Пермской землѣ и касающіеся ея акты. Но объ этомъ планѣ можно только догадываться; такъ затемненъ онъ безчисленнымъ множествомъ вставокъ, сдѣланныхъ кстати и не кстати. Благодаря этимъ вставкамъ изданіе превратилось въ бібліотеку, въ которой нашли себѣ мѣсто перепечатки значительнаго количества издавнаго о Пермскомъ краѣ матеріала. Пользоваться этимъ изданіемъ благодаря отсутствію оглавленія и указателя чрезвычайно трудно. Собственныя разсужденія издателя составляютъ самую слабую сторону сборника.

П. П. Семеновъ. Географическій Словарь Рос. Имп. Спб. 1884.

В. Ф. Миллеръ. Описаніе коллекціи Дашковскаго Этнограф. Музея. Москва. 1887.

Въ обоихъ названныхъ трудахъ изслѣдователь имѣеть указаніе литературы, относящейся къ Пермьякамъ. „Описаніе“ кромѣ того заключаетъ точныя свѣдѣнія о пермяцкомъ костюмѣ.

Подосеновъ. Пермьки. Перм. Еп. Изв. 1886, № 1—4.

Статья г. Подосенова не закончена. Г. Подосеновъ задался цѣлью провѣрить сообщенія Добротворскаго о Пермькахъ въ виду того, что „описаніе этого послѣдняго не подходитъ къ тому, что извѣстно о Пермькахъ Пермской губерніи“, и дать самостоятельную характеристику Пермскихъ, главнымъ образомъ Инвенскихъ Коми. Онъ разсылалъ въ теченіе года краткія программы къ лицамъ, близко знакомымъ съ бытомъ Пермьковъ, между прочимъ къ Пермькамъ учителямъ. Авторъ не даетъ чисто - этнографическаго матеріала и ограничивается разработкой историческихъ вопросовъ. Онъ предлагаетъ данныя, имѣющіяся у Добротворскаго и Рогова по вопросу объ отно-

шеніяхъ Пермьяковъ къ Чуди. Переходя къ вопросу объ отношеніяхъ Пермской земли къ древней Біарміи, онъ склоняется къ мысли о тождествѣ этихъ двухъ понатій и по пути приводитъ съ глубокой вѣрой въ его точность курьезное истолкованіе словъ Біармія изъ словъ Би (огонь) + ар (рыба) + му (земля). Біарміицы-Пермяки были въ то же время и Чудью.

Родиной Пермьяковъ г. Подосеновъ считаетъ Ср. Азію; на какомъ основаніи, это его тайна. Фактъ присутствія въ Западной Сибири рѣкъ съ пермяцкими названіями онъ совершенно правильно истолковываетъ, какъ результатъ благопробыванія здѣсь Пермьяковъ. Западные границы пермяцкой страны г. Добротворскій проводитъ близъ г. Вятки.

Разсуждая о древней культурѣ Пермьяковъ, г. Подосеновъ выражаетъ на основаніи присутствія словъ гижны — (писать) и лыдны — читать предположеніе, что Пермяки имѣли когда-то свою письменность. Этотъ выводъ нельзя, конечно, причислить къ такимъ, которые обогащаютъ науку положительными приобрѣтеніями. Г. Подосеновъ, вѣроятно, нѣсколько измѣнилъ бы его редакцію, еслибы обратилъ вниманіе на то, что первое слово кромѣ значенія писать имѣетъ значеніе чертить, дѣлать узоры (какъ и русское слово писать), а второе — значеніе с ч и т а т ь. Принимая во вниманіе эти опущенныя авторомъ значенія, мы прійдемъ къ болѣе скромному и болѣе сообразному съ культурой Пермьяковъ предположенію, что имъ извѣстно было искусство изображать знаками числа и, конечно, угадывать по знаку изображенное число. Заговоривъ о пермяцкой письменности, г. Подосеновъ воспользовался случаемъ, чтобы сообщить — въ первый разъ, если не ошибаемся — о такъ называемыхъ «кабалахъ», которыя раскладываются въ лѣсу на пняхъ въ видѣ ходатайства предъ лѣшимъ.

Маліевъ. Антропологическій очеркъ племени Пермьяковъ. Тр. Каз. Общ. Естеств. Т. XVI. в. 4. Каз. 1887.

Выполнивъ свою задачу — антропологическую характеристику Пермьяковъ — г. Маліевъ сообщаетъ нѣсколько дан-

ныхъ этнографическаго характера—о видѣ жилищъ, костюмѣ, пищѣ и питъѣ, о свободѣ добрачныхъ половыхъ сношеній. Новаго эти данныя ничего въ себѣ не заключаютъ. Къ очерку приложенъ списокъ извѣстныхъ автору статей о Пермьякахъ, заключающій въ себѣ нѣсколько №№ не упомянутыхъ у В. Θ. Миллера.

Пермяки Ошибскаго прихода. Перм. Еп. Вѣд. 1889, № 13—14.

Авторъ, бывшій 12 лѣтъ священникомъ въ самомъ глухомъ изъ Пермцевыхъ приходовъ Соликамскаго уѣзда, имѣлъ возможность хорошо ознакомиться съ бытомъ своихъ прихожанъ и сообщить о нихъ не мало любопытнаго. Количество сообщаемыхъ имъ новыхъ фактовъ не соотвѣтствуетъ однако средствамъ, которыми онъ располагалъ. Авторъ сочувственно относится къ своимъ бывшимъ прихожанамъ, увѣряетъ читателей, что въ ихъ жизни проглядываетъ природный умъ, но не иллюстрируетъ своей характеристики фактами. Какъ служитель церкви, онъ останавливается, конечно, главнымъ образомъ на вѣрованіяхъ Пермьяковъ — да и въ этой сферѣ онъ отдаетъ почти все свое вниманіе усвоенію Пермьяками христіанства, не заглядывая глубоко въ область языческаго міровоззрѣнія.

Къ числу сообщеній, которыми авторъ обогащаетъ литературу о Пермьякахъ, мы относимъ указанія на то, что Пермьяки называютъ всѣхъ святыхъ и изображающія ихъ иконы богами, предполагаютъ, что эти боги, подобно людямъ, имѣютъ семьи, являются источниками несчастій и болѣзней, требуютъ жертвъ, что они, далѣе, остерегаются покупать новыя иконы, чтобы не купить бога, который можетъ надѣлать зла, приписываютъ новой иконѣ несчастія, которыя случаются въ дому послѣ ея приобрѣтенія, и стараются въ такомъ случаѣ отдѣлаться отъ нея. Въ область нашихъ свѣдѣній о семейномъ бытѣ Пермьяковъ авторъ вноситъ указанія на своеобразный обычай, въ силу котораго за крещеніе ребенка жена платитъ своими заработанными деньгами, на обы-

чай братъ, если дѣти не живутъ, въ кумовья перваго встрѣчнаго, на мотивы, въ силу которыхъ преслѣдуется супружеская невѣрность. Погребальный обрядъ и поминки описаны авторомъ довольно блѣдно, но все же не безъ нѣкоторыхъ новыхъ деталей (обычай сбрасывать землю съ покрова, чтобы она не давила покойнаго), характеристика возрѣній на жизнь души послѣ смерти. Можно пожалѣть, что авторъ—по извѣстнымъ, конечно, ему соображеніямъ—умолчалъ о вещахъ, не зная которыхъ онъ не могъ. Мы говоримъ о кровавыхъ жертвоприношеніяхъ. Въ Ошибскомъ приходѣ, какъ и въ другихъ, имѣются часовни, куда приносятъ курицъ, барашковъ живыхъ или зарѣзанныхъ, цѣлыхъ или частями, въ жертву «богу». Извѣстно, конечно, автору и настоящій смыслъ пусканія больной скотины «на міръ»; скотина назначается богу, который наслалъ на нее болѣзнь, но поступаетъ за вычетомъ крупной доли на обще-деревенскую трапезу также въ пользу духовенства.

Б. Поповъ. Древнѣйшіе города Перми Великой — Искоръ и Покча. Перм. Епарх. Вѣд. 1889, № 19—21.

Статья о. Попова любопытна по нѣсколькимъ мѣстнымъ преданіямъ, помѣщеннымъ въ ней—объ Искорской пристани, торговомъ движеніи по Ляновѣ и приспособленныхъ для него прудахъ, объ Искорскихъ владбищахъ, о мѣстѣ жительства Покчинскаго князя. Нѣкоторое историческое значеніе имѣетъ указаніе на хранящуюся въ архивѣ покчинской церкви рукопись отъ 1625 г., въ которой упоминается о пожняхъ, пожертвованныхъ церкви княземъ Пермскимъ Матвѣемъ.

Представленіе о. Попова о характерѣ общественныхъ отношеній въ Перми до подчиненія ея въ Москвѣ, не совсѣмъ вѣрное въ деталяхъ, ближе подходитъ къ дѣйствительности, чѣмъ разсужденія другихъ писателей о г о с у д а р я х ъ Біарміи - Перми. Онъ допускаетъ существованіе нѣсколькихъ князьковъ; «князьки жили въ главныхъ (?) городкахъ, около

которыхъ было много (?) другихъ селеній, называвшихся впоследствии „городищами“.

А. Дмитріевъ. Пермская старина. Вып. I—II. Пермь. 1889—90.

Исслѣдованіе г. Дмитріева имѣетъ значеніе очень цѣннаго пособія при изученіи исторіи Пермьяковъ. Въ первомъ выпускѣ авторъ посвящаетъ значительное количество страницъ вопросамъ объ отношеніи Біарміи Скандинавовъ къ Перми, Чуди къ Пермьякамъ. Выводы, къ которымъ онъ приходитъ на основаніи тщательной критики матеріаловъ, мы считаемъ возможнымъ причислить къ прочнымъ пріобрѣтеніямъ нашей исторической науки. Разрѣшивши съ успѣхомъ предварительные вопросы, г. Дмитріевъ посвящаетъ почти все свое вниманіе исторіи колонизаціи велико-пермскаго края и переходу значительной части его изъ достоянія государственнаго въ частное. Авторъ пользуется здѣсь указаніями актовъ и писцовыхъ книгъ, приводитъ подробныя извлеченія изъ тѣхъ изъ нихъ, которые не напечатаны, и этимъ поднимаетъ свою книгу на степень источника. Историкъ Пермьяковъ найдетъ въ трудѣ г. Дмитріева сводъ данныхъ, объясняющихъ тотъ капитальный важности фактъ, что бѣльшая часть Пермьяковъ очутилась въ крѣпостной зависимости отъ Строгановыхъ — фактъ, представляющій собою явленія безпримѣрное въ исторіи отношеній русскаго государства къ инородцамъ.

А. Спицинъ. Вещественные памятники древнѣйшихъ обитателей Вятскаго края. Вятка. 1889.

Брошюрка г. Спицина представляетъ извлеченіе изъ его обширнаго исслѣдованія о Вятскихъ древностяхъ, исполненнаго по порученію М. Арх. общества. Въ отдѣлѣ о Чудскихъ древностяхъ мы встрѣчаемъ гипотезу, касающуюся древнихъ торговыхъ отношеній Перми, гипотезу близкую къ той, которую высказалъ Аспелинъ.—Сношенія Перми съ Востокомъ возникли черезъ Уралъ и Сибирь. Персидскіе куп-

цы, отыскивая рынки для сбыта своихъ товаровъ, пробираются по слѣдамъ Сибирскихъ инородцевъ черезъ Уралъ въ Европу и устраиваютъ на верховьяхъ Камы мѣновой центръ, который превращается съ теченіемъ времени въ постоянную факторію. Эта факторія стягиваетъ къ одному политическому центру звѣроловныя и частью пастушескія племена, знакомитъ ихъ съ земледѣліемъ и разными удобствами культуры. Персидскіе и вообще восточные купцы заносятъ сюда отъ бирскихъ племенъ моду на бронзовыя шумяція привѣски. Факторія превратилась въ колонію и перемѣстилась съ верховьевъ Камы на ея низовья ближе къ волжскому пути. Тамъ возникли Болгары.—Г. Спицынъ идетъ дальше Аспелина, приписывая восточнымъ купцамъ такое значеніе, на которое нѣтъ никакихъ намековъ въ доступныхъ намъ источникахъ. Въ виду того, что рефератъ даетъ только тезисы, а доказательства ихъ должны найти свое мѣсто въ будущей книгѣ г. Спицына, мы не считаемъ своевременнымъ входить въ подробное разсмотрѣніе его гипотезы.

Взглядъ, высказанный г. Спицынымъ на чудскія городища, далекъ отъ преувѣличеній, къ которымъ приходятъ авторы, пользующіеся неподходящимъ масштабомъ. Г. Спицынъ предполагаетъ, что Чудь селилась отдѣльными родовыми группами и городища ихъ (кары) служили не столько укрѣпленіями, сколько центрами административными, торговыми и судебными. Если мы будемъ принимать три послѣдніе пышные термина въ самомъ элементарномъ ихъ значеніи, соображенія г. Спицына нужно будетъ признать вполне справедливыми. Г. Спицынъ высказываетъ по пути и совершенно независимо отъ Альквиста соображеніе, что самое искусство построения городищъ Чудь переняла отъ Булгаръ.

А. А. Спицынъ. Чудскія древности въ Звѣдинскомъ граф. Вят. Губ.
Вѣд. 1889, № 60—62.

Статья г. Спицына, заключающая извѣстія о находкахъ г. Шатрова, содержитъ помимо цѣнныхъ археологическихкихъ

новостей (писанный камень съ Колыча, подвѣски съ ремнями, развалившійся ременный поясъ, остатки бревенчатой постройки) преданія о Чуди и въ высшей степени интересное сообщеніе о Чудскомъ камнѣ, на который Пермаки въ семикъ приносили съѣстное.

Лыткинъ. Зырянскій край при епископахъ Пермскихъ и Зырянскій языкъ. Спб. 1889.

Книга г. Лыткина состоитъ изъ двухъ частей. Въ первую входитъ статья «Пятисотлѣтіе Зырянскаго края» перепечатанная изъ Ж. М. Н. Пр. за 1883 г., жизнеописаніе св. Стефана и свѣдѣнія о Пермскихъ спискахъ послѣ Стефана, во вторую материалы по Зырянскому языку — словари и тексты. Въ первой статьѣ, которая для историка имѣетъ наибольшее значеніе, можно отмѣтить прямо противорѣчащее источникамъ увѣреніе, что св. Стефанъ былъ Зырянинъ: «я внутренне убѣжденъ въ томъ, что Стефанъ по мужской или женской линіи Зырянинъ, какъ братья Кирилль и Мееодій Славяне. Въ характерѣ Стефана много зырянскаго: добросердечіе, правдивость, трудолюбіе, твердость, пылливость и трезвость ума; его переводы на Зырянскій языкъ обнаруживаютъ, что онъ и думали по зырянски, а не по русски, какъ это дѣлаютъ новые переводчики Зыряне». Эта любопытная тирада свидѣтельствуешь конечно о живости воображенія у г. Лыткина, отчасти о его пылкомъ зырянскомъ патріотизмѣ, но, какъ историческое положеніе, она неудачна: историки привыкли скептически относиться къ такимъ тонкимъ вещамъ, какъ внутреннее убѣжденіе.

На слѣдующихъ страницахъ статьи г. Лыткина мы встрѣчаемъ детали, которыя поражаютъ насъ своей новизной. Мы узнаемъ, что въ концѣ 1379 г. Стефанъ проповѣдывалъ въ Котласѣ (Пырасѣ), потомъ въ Гамѣ и въ 1380 г. появился въ Йем-дынѣ (Усть-Вымѣ). Г. Лыткинъ не считаетъ нужнымъ говорить, основывается ли эта хронологія на свидѣтельствахъ.

источниковъ (?) или составляетъ продуктъ внутренняго убѣжденія. Только благодаря ученой точности г. Кл. Попова мы имѣемъ возможность опредѣлить источникъ нѣкоторыхъ изъ этихъ извѣстій. Московскій этнографъ приводитъ въ своихъ „Зырянахъ“ преданіе о пребываніи св. Стефана въ Гамѣ (Гамской волости).—Въ разсказѣ о состязаніи св. Стефана съ Памомъ мы видимъ продуктъ внутренняго убѣжденія г. Лыткина возведеннымъ уже на степень безспорнаго историческаго факта: „образованный Зырянинъ Стефанъ не отказался и отъ предложенія необразованнаго Зырянина Пама. . (?)“—Главная цѣнность статьи г. Лыткина состоитъ въ установленіи хронологіи, отсутствіе которой рѣзко чувствуется въ житіи Епифанія. Соображенія на счетъ политическаго значенія Пермской епископіи безусловно справедливы. Вопросъ о причинахъ непрочности заложеннаго Стефаномъ зданія Пермской письменности рѣшается слишкомъ односторонне. Г. Лыткинъ винитъ во всемъ русскихъ преемниковъ Стефана: „преемники Стефана были русскіе люди и думали по русски; они не заботились о Зырянской граматѣ въ школѣ—имѣли малое смотрѣніе за малымъ колесомъ въ школѣ св. Стефана“, по своеобразному выраженію автора—и русская грамота воцарилась въ этой школѣ. Мы увидимъ, что Пермскихъ епископовъ можно и не винить въ умышленномъ игнорированіи зырянскаго дѣла, въ противу-зырянской интригѣ — говоря излюбленнымъ языкомъ нашего времени. Еще въ концѣ XV в. епископъ Филофей даже подписывался по зырянски въ своихъ посланіяхъ къ паствѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ 1492 г. Пермская епархія была соединена съ Вологодской, а потомъ въ нее включены были и Двинскія волости, они не могли уже болѣе заниматься исключительно Зырянами; люди подобныя Филофею, конечно, составляли между ними исключеніе. Зырянская школа и грамота были предоставлены вниманію самихъ Зырянъ и вымерли медленной смертю.

Послѣ обзора дѣятельности св. Стефана г. Лыткинъ переходитъ къ вопросу о терминахъ „Пермь“, „Пермь Великая“ и „Зырянинъ“ съ намѣреніемъ „уяснить затемненный нашими учеными“ смыслъ ихъ. Нельзя сказать, чтобы нашъ авторъ выполнилъ свое намѣреніе съ успѣхомъ. Онъ производитъ слова Пермь отъ парма—поросшая лѣсомъ возвышенность и думаетъ, что Пермь первоначальной лѣтописи представляетъ собою возвышенность, находящуюся между верховьями Ижмы и Вычегды и переходящую въ Тиманскій кряжъ. Г. Лыткинъ не смущаетъ то обстоятельство, что предполагаемая (даже географически) парма лежала въ сторонѣ отъ воднаго пути къ Югрѣ, который шелъ по Вычегдѣ, двумъ Мылвамъ и Печерѣ. Не ограничиваясь своимъ открытіемъ, онъ увѣряетъ, что эту именно парму знали Норманны подъ именемъ Beormas, что и русская лѣтопись и Норманны говорятъ о территоріи, а не о народѣ—о возвышенной пармѣ, а не о Зырянахъ. Мы видимъ въ этихъ увѣреніяхъ нѣкоторое затемненіе смысла историческихъ терминовъ, но виноваты тутъ уже не ученые, а эрудиція нашего „уясняющаго“ автора. Прежде всего каждому извѣстно и г. Лыткинымъ не опровергнуто, что Біармія Отера находилась на В. отъ Двины; затѣмъ Biarmas у Отера является именемъ народа, а страна называется по нимъ уже Bjarmaland. Несторъ также говоритъ о Перми, какъ о народѣ: „и се суть иніи язъци, иже дають дань Руси. . Пермь, Печера“, „въ Афетовы же части сѣдитъ Русь, Чудь и вси язъци. . . Пермь, Печера. . .“

Соображенія г. Лыткина на счетъ происхожденія слова Зыряне - Сырьяне едва ли способны удержаться въ наукѣ. Оказывается что названіе С ы р ь я не происходитъ отъ слова с е р е н ь—рыхлый снѣгъ и означаетъ Сысольцевъ, жителей Сысолы, которая называется у Зырянъ Сыетыль - ва талая вода. Названіе будто бы сочинено Стефаномъ. Въ 1570 г. слово Серьяне - Сысоляне замѣняетъ прежнее слово Пермьяне.—Мы думаемъ, что г. Лыткинъ 1) напрасно припи-

сываетъ Стефану сочиненіе слова Сырьяне 2) напрасно приурочиваетъ его къ Сысолѣ.

Независимо отъ св. Стефана и гораздо раньше 1570 г. въ актахъ, касающихся Вятскаго края, упоминается Сырьянская волость въ Слободскомъ уѣздѣ. Увѣрять, что съ 1570 г. слово Зыряне стали замѣнять Пермiane нѣтъ основанія, такъ какъ въ актахъ, относящихся къ тяжбѣ Самоѣдовъ Мезенской тундры съ Зырянами они еще называются Пермьяками. Этотъ терминъ встрѣчается затѣмъ въ 1574 г. въ писцовой книгѣ Пустозерской волости. Предоставляя настоящимъ лингвистамъ истолкованіе слова, замѣтимъ только, что оно въ широкомъ распространеніи у за-уральскихъ инородцевъ, которые называютъ страны на западъ отъ Урала Зырянской стороной (Сыран-паль) въ противоположность восточной, Вогульской — Манзи-паль.

Обращаемся къ Великой Перми, „великой пармѣ“ — по соображеніямъ г. Лыткина. Это отроги Урала, прорѣзывающіе страну между Чусовой, Вишерой и Камой, распространенные будто-бы въ видѣ плосковерхой возвышенности. „По обширности своего распространенія эта парма есть великая“. Въ географическомъ комментарий г. Лыткина любопытно прежде всего то, что предполагаемая великая парма лежитъ за предѣлами исторической Великой Перми. Эта послѣдняя имѣла своимъ центромъ Чердынъ и распространялась на Западъ отъ Камы. Затѣмъ страна между Вишерой, Чусовой, Камой и Ураломъ вовсе не представляетъ собою сплошной возвышенности, которая могла-бы называться великой пармой въ отличіе отъ меньшихъ пармъ, которыя въ большомъ количествѣ извѣстны въ Пермскомъ краю. „Западная часть губерніи, читаемъ мы въ введеніи къ „Списку населен. мѣстъ“, вся покрыта отпрысками горъ, расположенныхъ почти безъ всякой видимой связи между собою“. Уѣзды Чердынскій, Соликамскій и Пермскій покрыты обширными лѣсами, которые прерываются топкими болотами. Плоская возвышенность идетъ сѣвернѣе и западнѣе между бассейнами Печеры и С. Двины

съ одной стороны и Камы съ другой. Отроги Урала и такъ называемые камни обособлены одинъ отъ другаго долинами рѣкъ и низменностями, носятъ всѣ обособленныя и не русскими данными названія, напр. Полюдовъ камень, Кваркушъ. Гдѣ обширная мѣстность называется у туземцевъ пармой, она такъ же зовется и русскими. Такова парма на С. отъ Печеры и Уньи.

Веске. Славяно-Финскія культурныя отношенія по даннымъ языка.
Каз. 1890.

Трудъ преждевременно утраченнаго русской наукой исследователя на своихъ первыхъ страницахъ заключаетъ цѣнный матеріалъ для уясненія вопроса о первоначальномъ населеніи Заволочья. Покойный Веске, пользуясь новыми матеріалами, подробно разработалъ вопросы только затронутые Шюгреномъ и Кастреномъ. Въ основныхъ своихъ воззрѣніяхъ онъ уклоняется отъ Шюгрена. Въ то время, какъ тотъ считаетъ названіе Двины Зырянскимъ, Веске производитъ его отъ Финнскаго віэно—спокойный, не объясняя какъ и Шюгрень, откуда взялось въ русскомъ названіи начальное *д*.

Слѣды пребыванія Кореловъ по среднему и нижнему теченію Двины Веске усматриваетъ въ названіяхъ 1) рѣкъ — Пинега (піэни—малый + йоки рѣка), Онега (эно большой + жоки рѣка), 2) урочищъ, каковы Суло-нем-ская (суло открытый + нјэми коса) и подобныя ему, затѣмъ на половину русифицированныя К э г—островъ, К а с к о—горская, П у р—наволокъ, Р а в д а—горка, Х о л м о—горы, Марь е—горская, С е л г—озеро и, что является особенно цѣннымъ дополненіемъ работъ Шюгрена и Кастрена, въ языкѣ русскаго населенія, сохранившемъ массу терминовъ, относящихся къ преобладающимъ занятіямъ населенія: таковы термины относящіяся къ рыболовству и явленіямъ сѣверной природы: вальчакъ, лохъ, кирьякъ, лопшаты, салакуша, сельдь, макса, сойма, мылка, торбать, салма, шалга, кенда, мегъ, юркой, шора, кочви, хонга, конда, мянда и мн. др.

Первую группу этихъ слѣдовъ мы не можемъ еще считать безспорно Финнской: характеръ окончанія приближаетъ ее къ Лопарскому и предполагаемому древне-Зырянскому йога. Что касается послѣдней группы, то ея карельское происхожденіе доказано Веске неоспоримо.

Спеціально по отношенію къ Пермскимъ и Зырянамъ книга Веске содержитъ весьма любопытныя частныя соображенія относительно названій нѣкоторыхъ рѣкъ (Югъ, Вель, Уфтуга, Тотма) и одно общаго характера на счетъ значенія суффикса *ма*. Мы касались вопроса объ этомъ суффиксѣ въ очеркѣ „Вотяки“ и пришли на основаніи сопоставленія опредѣляющихъ частей къ названіямъ съ суффиксами и *ва* къ предположенію, что оба суффикса тождественны по значенію. Веске приходитъ къ тому-же выводу другимъ путемъ, констатируя въ финскихъ нарѣчіяхъ чередованіе губныхъ *б*, *в*, *м*, и такимъ образомъ позволяетъ включить суффиксъ *рѣчныхъ* названій *ма* въ число признаковъ былаго пребыванія насельниковъ пермской группы.

Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. III. Древности временъ переселенія народовъ. Спб. 1890.

Пермскимъ древностямъ въ этой книгѣ страницы 72—95. Ближайшее значеніе этихъ страницъ заключается въ цѣломъ рядѣ новыхъ данныхъ относительно находокъ, извлеченныхъ изъ Пермской почвы. Послѣ свудныхъ указаній, заключающихся въ извѣстныхъ книгахъ Савельева и Смышляева и введеніи къ списку населенныхъ мѣстъ Пермской губерніи, III выпускъ „Р. Д.“ представляетъ въ этомъ отношеніи цѣлое богатство. Вторую заслугу составителей рассматриваемаго выпуска составляетъ классификація находокъ на греко-византийскія и восточныя сассанидскія и анализъ ихъ съ точки зрѣнія мотивовъ и стилия. — Попытка связать Перми древности съ древностями Сибири, Кавказа, Южной Россіи и Западной Европы очень интересна. Не все въ ней доказательно и ясно, связь

между вещами Сибири и Донской Области выступает въ книгѣ гораздо очевиднѣе, чѣмъ таковая между древностями Пермскими и Сибирскими, но попытка авторовъ цѣнна уже по тому одному, что не позволяетъ послѣдующимъ изслѣдователямъ Вятскихъ и Пермскихъ древностей игнорировать остальной міръ и фантазировать на тѣму о самобытной чудской культурѣ. Гипотеза на счетъ причины, вызвавшей появленіе среди привозныхъ вещей главнымъ образомъ блюды — употребленіе ихъ въ культѣ—представляется вполне правдоподобной и, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, подтверждается фактами, которые остались неизвѣстными авторамъ. — Можно пожелать, чтобы въ дальнѣйшихъ выпускахъ такъ-же сравнительно былъ затронутъ и другой матеріалъ, представляемый „подземной Пермью“.

Дополненія. Историко-географическое описаніе Пермской губерніи, сочиненное для атласа 1800 г.

Описаніе содержитъ извѣстія о кочевьяхъ Вогуловъ по Вишерѣ, о пещерахъ-мольбищахъ ихъ по Яйвѣ и Лобвѣ, о различіяхъ нарѣчій Вогуль Кунгурскихъ, Чердынскихъ и Верхотурскихъ. Относительно Пермяковъ можно отмѣтить, что авторъ „Описанія“ знаетъ еще Пермяковъ по р. Юму. О древней Біарміи онъ разсуждаетъ въ духѣ изслѣдователей прошлаго вѣка — говоритъ о „мужествомъ и войнами славныхъ князьяхъ“, о благоустройствѣ этого государства въ глубокой древности еще до Р. Х. и его знатнѣйшемъ городѣ Чердыни, о торговлѣ съ Индіей. Басни о союзѣ съ Біарміяцами Финландскаго короля Юкола VII (!), о побѣдѣ Біарміяцевъ надъ войсками датскаго короля Регнера Лодброка сообщаются съ полной серьезностью.

Ersch und Gruber. Allgem. Encykl. der Wiss. III. Sect. P. Leipzig. 1842.

Авторъ статьи подъ заглавіемъ *Perm*, подобно составителю „Описанія“ толкуетъ о „durch kriegerische Tapferkeit berühmten Fürsten“ Біармовъ, правившихъ ими еще

задолго до Рюрика. Въ общемъ статья не представляетъ ничего новаго для читателя, знакомой съ русской литературой предмета. Въ статьѣ подъ титуломъ *Vjagmaland* приводятся между прочимъ басни Саксо Грамматика о повелителяхъ Біарміи.

Пермяки. Москвитянинъ. 1847. I.

Историческая часть статьи составлена главнымъ образомъ по Карамзину; этнографическая послужила предметомъ плагіата для Хлопина (В. Геогр. общ. 1849.), если, впрочемъ, не написана имъ-же безъ подписи. Пользовался этой статьёй, не называя ея, и авторъ замѣтки въ Ж. М. Г. И. (образецъ пѣсни).

Antiquités Russes d'après les monum. histor. des Islandais et des anc. Scandinaves. Vol. I—II. Copenhague. 1850—1852.

Монументальный сборникъ, извѣстный подъ этимъ заглавіемъ, попалъ намъ въ руки послѣ того, какъ была уже составлена замѣтка о сагахъ. Здѣсь заключаются извлечения изъ большей части тѣхъ сагъ, которыя мы лишь упомянули въ этой замѣткѣ.

Saga af Hálfri ok Hálfrekkum рассказываетъ о конунгѣ *Hjörleifr'n*, который совершилъ экспедицію въ Біармію и *tumulum effringebat*.

Orvarodds-saga содержитъ свѣдѣнія о моленіи Біармійцевъ, и любопытныя данныя о разграбленномъ Оддомъ и Асмундомъ вурганѣ на берегу Двины. „Сюда, если кто нибудь умираетъ или рождается, бросаются пригоршни полныя серебра и праха (*huc enim, quisquis e vita decesserit, item si quis in lucem editus fuerit, manus argento plenae et tantundem pulveris terrestris comportandae sunt*). Въ рассказѣ о томъ, какъ викинговъ накрыли Біармійцы, встрѣчается какъ-будто намекъ на то, что у Біармійцевъ было въ большой цѣнѣ желѣзное оружіе. *Vobiscum arma commutare volunt et quidem arma argentea ferreis*, говоритъ

Викингамъ отъ лица Біармійцевъ бывшій среди нихъ норвежець. Въ *Heidreks konungs-saga* имѣется указаніе на то, что чрезъ Біармію совершились набѣги на восточныя страны.

Saga af Herraudi ok Bosa заключаетъ свѣдѣнія о характерѣ поселеній въ Біарміи. Герраудъ и Бози, пробираясь черезъ Двинскій лѣсъ встрѣтили здѣсь строенія, служившія жильемъ для одиночной семьи. Жилье состояло изъ маленькой лачужки (*coenaculum*).

Извлеченія изъ саги о Гаральдѣ прекрасноволосомъ заключаютъ краткія извѣстія о походахъ въ Біармію. Изъ саги о Гаральдѣ Графельдѣ приводится тотъ отрывокъ пѣсни сопутствовавшего ему скальда Глума Гейра, который нѣсколько вольно переводитъ Стрингольмъ (*nordwärts vom brennenden Dorf || a regione ardentis territorii in boream versa*).

Разсказъ о походѣ Карли извлеченъ изъ *Heimskringla* и не заключаетъ въ себѣ ничего существенно отличающагося отъ редакціи S. H. I.

Извлеченія изъ *Egils-saga* заключаютъ сухое извѣстіе о походѣ Эриха Кровавой Сѣкиры въ Біармію; такъ-же бѣденъ бытовыми чертами отрывокъ изъ *Kormaks-saga*.

Во второмъ томѣ сборника содержится кромѣ историческаго матеріала и географическій: *Fragmentum Orcaden-se historiae Norvegiae*, въ которомъ заключается извѣстіе, что *Biarmones* живутъ на В. отъ Норвегіи за Финнами и Корелами (*Kyrgiali et Kweni, Cornuti Finni*), описаніе и *fac-simile* „земнаго круга“ изъ одного исландскаго сборника XII ст. (на этомъ кругѣ на В. отъ Исландіи написано: *Biarmar habitavit hic*), географическія извѣстія, принадлежащія аббату Николаю Тангейрарскому и извлеченныя изъ книгъ Гаука Эрлендсона и Скальгольта, любопытныя по заключающемуся въ нихъ представленію о Біарміи, какъ странѣ отдѣленной отъ Гренландіи необитаемыми пустынями.

Арх. Макарій. Пермскія древности. Записки Имп. Р. Археол. Общ.
Т. VIII. 1856.

Статья Арх. Макарія представляет болѣе подробное, чѣмъ у Мельникова и Попова, обзорѣніе пермскихъ древностей. Авторъ говоритъ о городищахъ, не ограничиваясь названіями, но и описывая ихъ, сообщаетъ преданія о чудскихъ могильникахъ, мѣстахъ побоищъ, находкахъ съ древними вещами.

Самуилъ Пеннъ. Матеріалы для исторіи Пермскаго края. Перм.
Губ. Вѣд. 1858. № 6, 7.

Статья заключаетъ въ себѣ сжатые извѣстія о чудскихъ древностяхъ края (между прочимъ о серебряныхъ прутьяхъ, выпахаиваемыхъ изъ земли), знакомитъ съ народными представленіями о чудакахъ (крѣпкіе карлики), даетъ очеркъ границъ, въ которыхъ жило пермское племя и характеристику древнихъ его вѣрованій (по лѣтописямъ).

Смышляевъ. Исторіки и пособія для изученія Пермскаго края.
Пермь. 1870.

Книжка г. Смышляева составляетъ очень цѣнное справочное пособіе для всѣхъ, изучающихъ Пермскій край, включая въ себѣ рядомъ съ другими свѣдѣнія относящіяся къ области археологіи, исторіи и этнографіи.

Koskinen. Finnische Geschichte. Leip. 1874.

Авторъ книги, посвященной западнымъ Финнамъ, профессоръ Гельсингфорскаго университета, на нѣсколькихъ страницахъ трактуетъ о древнѣйшихъ временахъ Финновъ, проявляя необыкновенную, хотя и не особенно основательную, хронологическую пунктуальность относительно событій, самое существованіе которыхъ нуждается въ доказательствахъ. Финны - Корелы около 100 г. по Р. Х. подъ вліяніемъ толчка, даннаго какими-то средне-азіатскими народными передвиженіями, двинулись съ Волги на С. по Югу,

Сухонѣ и Двинѣ, откуда потомъ распространились въ странѣ великихъ озеръ. Часть этихъ Кареловъ, направившись по Двинѣ, столкнулась съ обитавшей тамъ ранѣ Пермью и изъ этого соединенія образовалось обширное Пермское государство. Біармы покорили сосѣднихъ Лопарей и брали съ нихъ дань мѣхами. Позднѣе около 700 г. начинается новое движеніе Финновъ на З. подъ вліяніемъ толчка, который дали Булгары, направившіеся въ концѣ VII в. съ Дуная на С. и основавшіе тамъ Великую Булгарію (sic!).

Сообщая свои открытія, профессоръ Коскиненъ, видимо думаетъ, что онѣ не нуждаются въ доказательствахъ и не даетъ себѣ труда указать, на чемъ основываетъ свои положенія.

Чупинъ. Географическій и статистическій словарь Пермской губерніи. Пермь. 1876.

Трудъ Н. К. Чупина остался, къ сожалѣнію, недоконченнымъ. Въ вышедшихъ выпускахъ сообщены свѣдѣнія о селахъ Верхъ - Язвенскомъ, Вильгортѣ, Гайнѣ, Губдорѣ, (Я)Енидорѣ, Искорѣ и пр.

Пермяковъ Чупинъ вполне отождествляетъ съ Зырянами и описываетъ подъ этимъ послѣднимъ именемъ, о границахъ ихъ поселеній онъ замѣчаетъ, что въ былое время Пермьяки простирались гораздо далѣе на Ю., судя по названіямъ урочищъ (которыхъ впрочемъ не приводитъ). Эти Зыряне по предложенію Чупина обрусѣли или вымерли. Описывая с. Ильинское, Чупинъ сообщаетъ о чудскихъ городищахъ и могильникѣ въ его окрестностяхъ и приводитъ списокъ книгъ и статей, въ которыхъ заключаются о немъ свѣдѣнія. Самой важной для Пермяковъ изъ помѣщенныхъ въ словарь статей является статья о р. Иньвѣ и живущихъ на ней Пермьякахъ, также снабженная библиографическими указаніями.

Глава II.

Очеркъ исторіи Пермьяковъ.

Пермьяки нашего времени представляют собою южную вѣтвь того племени, которое было извѣстно нашимъ лѣтописцамъ подъ именемъ Перми и включало въ себя рядомъ съ предками Пермьяковъ и предковъ нынѣшнихъ Зырянъ. Въ XVI в. этнографическій терминъ Пермь замѣняется производнымъ Пермьяки. Мы встрѣчаемъ его въ этомъ значеніи въ трехъ актахъ XVI в.—уставной грамотѣ, данной Московскимъ царемъ Усольцамъ и Чердынцамъ въ 1553 г., въ жалованной грамотѣ Канинскимъ и Тиманскимъ Самоѣдамъ въ 1545 г. и въ писцовой книгѣ Пустозерской волости 1574 г. Терминъ Пермьяки во всѣхъ трехъ документахъ имѣетъ такое-же широкое значеніе, какъ и Пермь. Въ уставной грамотѣ 1553 г. онъ означаетъ пермяцкое и русское населеніе Чердынскаго и Соликамскаго уѣздовъ, въ актахъ, относящихся къ Самоѣдамъ подъ Пермьяками (вмѣстѣ съ Печорянами) разумѣются нынѣшніе Зыряне, отбивавшіе у Самоѣдовъ звѣриные промыслы. До конца XVI в. мы не знаемъ, стало быть, Пермьяковъ въ нынѣшнемъ значеніи этого слова. Широкое значеніе русскаго названія вполне совпадаетъ съ границами названія, которое даютъ себѣ сами Пермьяки—Коми, Коми-йась, Коми-отиръ; какъ и названіе Пермьяки, названіе Коми распространяется на Вологодско-Архангельскихъ и Вятско-Пермскихъ представителей племени. . Общность самоназванія указываютъ на то, что нынѣшніе Пермьяки и Зыряне

считаютъ и считали себя во всѣ времена членами одного этнографическаго организма. Принимая въ расчетъ это обстоятельство, мы не имѣемъ, естественно, ни возможности, ни основанія отдѣлять исторію Пермяковъ и особенно ея древнѣйшій періодъ отъ исторіи Зырянъ.

Первый вопросъ, который долженъ поставить себя изслѣдователь, приступающій къ исторіи Пермяковъ, это вопросъ о ихъ древней родинѣ—были-ли они аборигенами занимаемыхъ нынѣ земель или пришли въ нихъ откуда нибудь извнѣ. Отвѣтъ на него заключается прежде всего въ мѣстныхъ названіяхъ Зыряно-Пермяцкаго края. Разбираясь въ этихъ названіяхъ, мы можемъ опредѣлить этнографическія наслоенія края, что принадлежало когда-то племени Коми и что другимъ этнографическимъ элементамъ. Отличить съ извѣстной точностью Зыряно - Пермяцкія названія отъ всякихъ другихъ для изслѣдователей болѣе или менѣе знакомыхъ съ нарѣчіями Пермской группы не представляетъ большихъ затрудненій. Зыряно - Пермяцкія названія рѣкъ, ручьевъ, болотъ, озеръ, горъ и населенныхъ мѣстъ сводятся къ нѣсколькимъ рѣзко опредѣленнымъ типамъ.

Для обозначенія текучихъ водъ служитъ цѣлый рядъ названій. Въ области нынѣшнихъ Пермяковъ преобладаютъ названія, составленныя изъ слова в а (вода, рѣка) или шоръ—рѣчка съ какимъ нибудь опредѣляющимъ свойства отдѣльной рѣки или ручья словомъ: Йог-ва = сорная вода (рѣка), Лем-ва (Лем-пу-ва) = черемуховая вода, Кось-ва = сухая, перебористая рѣка, Лоз - ва = синяя рѣка, Виль - ва = новая рѣка, Галья - шоръ = галистая рѣка, Горт - шоръ = дворовая рѣка (рѣка съ жильемъ на берегу), Ыб - шоръ = полевая рѣчка, Оша - шоръ = медвѣжья рѣчка, Вой - шоръ = сѣверная рѣчка, Слуда - шоръ = слудистая рѣчка, Ара - шоръ = рыбная рѣчка, Коче-шоръ = заячья рѣчка.

Окончаніе в а замѣняется въ устахъ Русскихъ и, повидимому, даже близкихъ къ Коми Вотяковъ окончаніемъ м а. Въ виду того, что суффиксъ м а въ рѣчныхъ названіяхъ

имѣть, какъ мы увидимъ, очень широкое распространеніе, мы считаемъ существенно важнымъ выяснить его истинное значеніе. Со временъ Кастрена въ русской исторической наукѣ принято мнѣніе, что ма есть ничто иное, какъ финское таа—земля. Авторитетъ извѣстнаго финнолога помѣшалъ русскимъ изслѣдователямъ обратить вниманіе на крупную несообразность, заключающуюся въ этомъ толкованіи: слово, означающее землю, въ сочетаніи съ различными опредѣлителями употребляется для обозначенія текучей воды. Такого нелѣпаго построенія названій не представляется на всемъ пространствѣ финскаго міра: сами западные Финны, языку которыхъ принадлежатъ слова таа, употребляютъ въ названіяхъ рѣкъ јокки (Шюха-јокки, Сіурна-јокки, Лива-јокки), Лопари—јога, Маньзы, Остяки и Вогулы—југанъ, јага, Мордва—лей, Черемисы—ангеръ, Вотяки—шуръ, Пермьки—извѣстные уже намъ ва и шоръ. Одного изученія конструкціи финскихъ рѣчныхъ названій достаточно было-бы для того, чтобы поставить врестъ надъ Кастреновской догадкой и предположить, что мы имѣемъ въ окончаніи ма или слово, означающее воду, рѣку въ нарѣчьи какого нибудь исчезнуващаго финскаго племени, или искаженіе Пермско-Зырянскаго ва. Въ своемъ очеркѣ „Вотяки“ мы на основаніи сравненія опредѣляющихъ частей въ рѣчныхъ названіяхъ на ва и ма констатировали, что корни опредѣлители въ тѣхъ и другихъ названіяхъ во многихъ случаяхъ являются общими и заключали отсюда 1) что ма, какъ и ва, означаетъ воду 2) принадлежитъ вмѣстѣ съ своими опредѣлителями къ словарю пермской группы и 3) можетъ представлять слово для обозначенія рѣки въ нарѣчьи той исчезнувшей вѣтви Перми, которая называется Чудью и жила ранѣе Вотяковъ на занимаемыхъ ими нѣнѣ земляхъ.

Одновременно почти съ нами того-же вопроса вознудился покойный М. П. Веске въ своемъ изслѣдованіи «Славяно-Финскія культурныя отношенія по даннымъ языка». Въ названіяхъ мѣстъ Сѣверной и Средней Россіи, говоритъ онъ

на стр. своего труда очень часто употребляется окончание *ма*. На первый взгляд кажется, что это финское *maa*, но *ма* встречается также, какъ суффиксъ въ словахъ прибалтійскихъ, а также прикамскихъ и другихъ нарѣчій. Кроме того мы имѣемъ ясныя признаки существованія звуковаго закона въ финскихъ нарѣчіяхъ, по которому звуки *б* (*п*) и *в* переходятъ въ *м*. . . На основаніи этого можно думать, что *ма* въ названіяхъ рѣкъ болѣе или менѣе часто замѣняетъ собою Зырянское *ва*. . . Изъ этой цитаты не вполне ясно считаль-ли Веске форму *ма* параллельной *ва*, какъ мы, или видоизмѣненіемъ ея въ устахъ Финновъ не - Зырянъ; приведенные имъ примѣры допускаютъ то и другое толкованіе (саарва фин. и саарма эст., усма и усва въ фин. съ одной стороны и морд. бальманъ, рус. болванъ съ другой).

Въ настоящее время мы располагаемъ новыми данными, которыя не измѣняя нашихъ мнѣній на счетъ суффикса *ма*, позволяютъ иначе взглянуть на происхожденіе его. Въ числѣ крупныхъ притоковъ Печеры на нашихъ большихъ и малыхъ картахъ фигурируетъ Иж-ма. Кастренъ не обинуясь считаетъ это названіе финскимъ (*iso* — большой + *maa* земля). Между тѣмъ у Латкина въ его описаніи путешествія на Печеру находятся положительныя доказательства того, что названіе Ижма есть искаженное зырянское Изъ-ва (каменистая рѣка). Латкинъ приводитъ сказанную ему Самоѣдомъ-проводникомъ по зырянски фразу „изба Ижемцевъ—„Изъ ватась-лэнъ корка“. Тоже отношеніе между суффиксами *ма* и *ва* представляется въ другомъ примѣрѣ, который даетъ намъ „Книга Большому Чертежу“. Въ числѣ западныхъ притоковъ Оби упоминается здѣсь Ло с ма. Просматривая карту теченія Оби въ Тобольской губерніи, мы не находимъ рѣки съ такимъ названіемъ, но судя по положенію ея — выше, т. е. южнѣ Войкара — можно съ увѣренностью сказать, что мы имѣемъ дѣло съ нынѣшней Лозвой или Лозьвой. И здѣсь зыряно-пермязцкій суффиксъ *ва* въ устахъ русскихъ людей, а можетъ быть и Вогуловъ, превратился въ *ма*. Двухъ этихъ

примѣровъ достаточно для того, что констатировать фактъ превращенія в а въ устахъ не-Пермяковъ въ м а. Этотъ фактъ въ соединеніи съ тѣмъ, что было высказано ранѣе нами и Веске, дѣлаетъ несомнѣннымъ, что бѣльшая часть рѣчн ы х ъ названій на м а имѣютъ пермское происхожденіе и, встрѣчаясь массами, можетъ свидѣтельствовать о быломъ пребываніи въ томъ или другомъ краѣ народа Коми.

Въ предѣлахъ Вологодской губерніи рядомъ съ названіями на м а и в а встрѣчается рядъ новыхъ, составленныхъ изъ словъ, обозначающихъ текучую воду или русло, съ какими-нибудь опредѣлителями. Таковы въ названіяхъ притоковъ Печеры:

- а) л я г а: Йогра - ляга (Вогульская рѣчка), Ичедь-ляга (маленькая рѣчка, ложбина, оврагъ), Иждедь-ляга (большая рѣчка), Шарь-ляга.
- б) ј о л ь (рѣчка): Сотсемъ - јоль, Йод - јоль, Иджид-јоль (большая рѣчка), Вѣжа-јоль (прит. Выма).
- в) ю (йу — рѣчка): Узь - ю, Пирсь - ю, Кось-ю (сухая рѣчка), Сарь - ю, Рась-ю, Сѣдь-ю (черная рѣчка), Маткинъ-ю, Сой-ю,
- г) в о ж ь (рукавъ): Лун-вожь, Шод-вошь, Люн-вожь,
- д) т ы (рѣчка): Сядей-ты,

въ названіяхъ притоковъ Вычегды:

- е) ю г ь: Югъ, Нюрюкъ (болотистая рѣчка), Кортюгъ (железистая рѣчка).

Мы причисляемъ суффиксъ югъ къ пермскимъ, опираясь на соображенія покойнаго Веске, который въ цитированномъ уже нами трудѣ выразилъ предположеніе, что окончаніе югъ представляетъ собою ту древнюю, близкую къ ј о к и, ј о г а, јага, југанъ форму, изъ которой развилась позднѣе зырянская форма ю. Принимая толкованіе покойнаго ученаго, мы не руководствуемся исключительно вѣрой въ его филологическій авторитетъ. Въ пользу его говорить то весьма харак-

терное обстоятельство, что суффиксъ ю г ъ встрѣчается по большей части въ названіяхъ притоковъ рѣкъ, которыя носятъ названія на м а и, стало быть, имѣютъ пермское происхожденіе.

Въ числѣ притоковъ М о л о м ы мы имѣемъ: Веролоукъ, Кузюкъ, Шублюкъ, Шульдюгъ.

Въ притокъ Ветлуги В о х м у впадаютъ: Нерюкъ, Карюгъ, Мастюгъ, Парюгъ, Нюрюгъ, Кортюгъ, Юрюкъ.

Другой притокъ Ветлуги П у ш м а имѣетъ притоки: Пинюгъ, Телюгъ, П е г н ю г ъ, Тистюгъ, Кичугъ.

Кромѣ названій, вполне сохранившихъ въ русской передачѣ свою зырянскую форму, мы имѣемъ названія, утратившія родовой суффиксъ и сохранившія одну опредѣляющую часть. Такія названія имѣютъ мѣсто главнымъ образомъ въ обрусѣвшихъ частяхъ края. Такое исчезновеніе суффикса имѣло мѣсто уже въ XVII в. Въ «Книгѣ Большому Чертежу» мы читаемъ: „а отъ Волвы 80 верстъ пала въ Печеру рѣка М ы л о большое. . . а рѣка Мыло большое течетъ изъ рѣки Мыла меньшаго“. Въ этихъ рѣкахъ Большое и Меньшее М ы л о мы узнаемъ двѣ М ы л ы — притокъ Печеры и притокъ Вычегды. Аналогичное явленіе констатировалъ Латкинъ въ 40 - хъ годахъ текущаго столѣтія: притокъ Печеры Вел-ва назывался уже въ его время просто Вель безъ родового в а.

Въ ряду исчезающихъ по мѣрѣ обрусѣнія суффиксовъ вмѣстѣ съ в а стоитъ и суффиксъ ш о р ъ: мы имѣемъ въ краю, населенномъ еще сохранившими свою народность Пермьяками, названія, составленныя изъ слова шоръ — рѣчка и опредѣляющаго прилагательнаго на ја (ья): Бадья-шоръ (ивовая рѣчка), Изья-шоръ (каменистая рѣчка), Кошья-шоръ, Вія-шоръ, Сенья-шоръ, Сывья-шоръ; въ обрусѣвшихъ частяхъ того-же Пермцаваго края мы имѣемъ эти названія уже въ сократившейся формѣ—Бадья.

Фактъ, который мы констатируемъ, даетъ намъ право отнести къ числу зыряно - пермцацкихъ по своему происхожденію рѣчныя названія съ окончаніемъ на я (ја).

Новый типъ названій не представляетъ уже собой признака, на основаніи котораго мы безошибочно въ состояніи заключить о быломъ пребываніи въ краѣ Перми. Суффиксъ я (ја, јаа, јага) встрѣчается въ вогульскихъ названіяхъ рѣкъ. Въ виду того, что Вогулы, какъ мы увидимъ далѣе, были нѣкогда сосѣдями Пермяковъ въ Чердынскомъ и Соликамскомъ уѣздахъ, отличить пермяцкое неполное названіе отъ полнаго вогульского можно только съ словарями обоихъ языковъ въ рукахъ.

Въ связи съ рѣчными названіями стоятъ названія урочищъ или населенныхъ мѣстъ, расположенныхъ по верховьямъ, по теченію или въ устьяхъ рѣкъ; первыя имѣютъ въ окончаніи и л ъ, вторыя д о р ъ, третьи д и н ъ:

иль (вершина): Верхъ-иль, Шоръ-иль, Ык-иль (М. Арх.).

доръ (край): Пол-ты-доръ, Кожмо-доръ, Вежа-доръ.

динъ (устье): Мшел-динъ, Чор-динъ.

вожь (пространство между двумя сливающимися рѣками, рукавъ): Ош-вожь.

Рядомъ съ названіями рѣкъ слѣдуетъ отмѣтить названія стоячихъ водъ, озеръ и болотъ: озеро—ти (ты), болото—нюръ (н'оръ).

Слѣдующую группу признаковъ представляютъ названія для различныхъ видовъ суши и населенныхъ мѣстъ. Родовыми частями въ такихъ названіяхъ являются:

а) парма (лѣсистая возвышенность): (и) Лема-парма,

б) мысь (рус.): Каса - масъ, Бѣль-мысь, Муръ-мосъ, Кватъ-пель-мысь, Галямъ-мысь, Кузь-мысь, Илеш-мысь, Роскытъ-мысь, Лапыдъ-мысь,

в) йуръ (вершина): Носъ-йуръ, Кэчъ-йуръ, Вонъ-йуръ, Ыджитъ-йуръ, Шоръ-йуръ, Сава-йуръ, Ударъ-йуръ, Жиеъ-йуръ,

г) выръ (гора):

д) верось (гора): Пувья-вересь, Вижья-вересь, Инъва-вересь, Чеша-верось,

е) ыбъ (ибъ, поле): Качанъ - ибъ, Яг - ибъ, Шер - ибъ, Цел-ибъ, Пукс-ибъ, Ош-ибъ, Гир-ибъ, Нипанъ-ыбъ,

- ж) ди (островъ): Шежемъ-ди,
- з) горть (домъ, дворъ, деревня): Виль-горть, Пешни-горть, Шишни-горть, Чини-горть, Поза-горть,
- и) сѳртъ (изба) Актыль-сортъ, Сам-сортъ, Ы б - с ѳ р т ь,
- к) грездь (деревня),
- л) коръ (варъ, городъ): Кудым - варъ, Меч - коръ, Дой-коръ, Май-коръ,
- м) позъ (гнѣздо): Сюз-позъ,
- н) инъ (мѣсто) Мозейнъ (?), Важва-инъ,
- о) кулась (промежутокъ между какими либо урочищами): Кы-вер-кулась, Кы-к-ер-ка-ва-са-съ, Пэ-ль-к-о-ва-са-съ, Кы-к-ш-ор-ка-ла-са-съ, Павгемъ-коваса-съ,
- п) покать (рус.): Ой покать, Лун-покать,
- р) пальникъ (рус.): Шайтанъ-пальникъ, Васка-пальникъ, Зюль-пальникъ,
- с) шутемъ (оставленная пашня): Ы д ж и т ь - ш у т е м ь,
- т) вичъ (лугъ): Нюр-вичъ (болотистый лугъ)*.

Въ виду того, что поля, горы, мысы, долинки, покаты, пальники находятся или находились во владѣннн челоувѣка, большая часть названій такихъ урочищъ составлена изъ личнаго имени съ тѣмъ или другимъ родовымъ названіемъ. Это обстоятельство вызываетъ необходимость знакомства съ личными пермяцкими именами. По отношенію къ тѣмъ именамъ, которыя образовались изъ своеобразно-приносимыхъ христіанскихъ, затрудненій не представляется: всѣ они имѣютъ мѣсто въ словаряхъ Рогова и Видемана, но значительная часть несомнѣнно личныхъ именъ имѣетъ не христіанское, а языческо-пермяцкое происхожденіе. Слѣды такихъ именъ сохранились въ ф а м и л і я х ь современныхъ Пермяковъ и въ древнихъ памятникахъ въ родѣ актовъ и писцовыхъ книгъ. Въ виду важности этого матеріала, приводимъ здѣсь списокъ личныхъ именъ, извлеченный нами изъ писцовыхъ книгъ Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ.

Баб-во	Ч.	Бакшей-во	Ч.
Баз-овъ	—	Бакъ	—

*) Названія, напечатанныя разрядкой, взяты нами изъ поземельныхъ книгъ Пермяцкихъ волостей Соликамскаго уѣзда.

Басарыга	Ч.	Жебег-овъ	Ч.
Бебяк-овъ	—		
Береенъ (?)	—	Зав-инъ	—
Биб-инъ	—	Зай-еяъ	—
Бизай-евъ	—	Зезя	—
Бузд-овъ	—	Зең-ко	—
Булгач-ко	—	Зибъ	—
		Зубол-евъ	—
Вакор-евъ	—	Зыкъ	—
(Вахра)	—		
Варач-евъ	—	Идег-овъ	—
(Варуча)	С.		
Вилесъ	Ч.	Кагиль	—
Вистама	—	Каиб-овъ	—
Воблачъ	—	Каудал-ка	—
Вожъ (?)	—	Кетовъ	— (Титовъ?)
Возер-овъ	—	Кибан-овъ	—
Волег-овъ	—	Кичаз-инъ	—
Вотинъ	—	Кой	—
Выз-овъ	С.	Колтыря	—
Вымятей-ко	Ч.	Конша	—
Вят-ка	—	Копан-ко	—
		Кошвар-евъ	—
Габай-евъ	— (Ср. Габ-овъ	Кропачъ	—
Гай	— починовъ въ	Кунъ	—
(Гашко)	— Бѣлоев. вол.		
	Солик. у.).	Лазга	—
Дал-ко	Ч.	Левкасъ	С.
Дез-евъ	—	Лунег-овъ	Ч.
Дей	—		
Демшовъ	—	Мелекъ	—
		Мер-ко	—
Ез-евъ	—	Мивос-евъ	—
(Ес-ка)	—	Мич-ко	—
		Моготъ	—

Мозданъ	—	Снобула-евъ	—
Мозяръ	—	Сыре-евъ	—
Мурза (?)	—	Сюб-овъ	—
Маншур-овъ (?)	—		
Муш-ка	—	Тей-ко	—
Мармыш-кинъ (?)	—	Тетюкъ	—
		Тоблагуй	—
Навит-ка	—	Толыг-овъ	—
Нѣмта	—	Трей-ко	—
		Тулугъ	—
Обай-евъ	—	Тунег-овъ	—
(Одинецъ)	—		
Озяк-овъ	—	Уд-кинъ	—
Овчанъ	—	Ужег-овъ	—
Олехъ	— Ср. Олек-вич	Урай	—
Он-ко	— ур. въ Бѣлоев.	(Ур-кинъ)	—
Остыня	— вол. Сол. у.)		
		Хар-ко	—
Парок-инъ	—	Хозяшъ	—
Паршевъ	—		
Пеняй	—	Чаз-евъ	—
Печенидынъ	— (?)	Чаусъ	—
Пигас-ко	—	Чеш-ковъ	С.
Под-овъ	—	Чуван-овъ	Ч.
		Чюгай-ко	—
Рак-инъ	— (Ср. Рака-вич-	Чюкля	—
Ратег-овъ	— уроч. въ В.	Чудовъ	—
Рид-инъ	— Инв. вол.		
Росой	— Солиб. у.)	Шавшук-овъ	—
Рудач-ко	—	Шад-ко	—
		Шадра	— (Ср. Шадра-
Сар-ко	—	Шамга	— шутэмъ-уро-
Сартак-овъ	—	Шебан-овъ	— чище въ В.
Семек-овъ	—	Шипида	— Инв. вол.
Сит-ко	—	Шир-ка	— Солиб. у.),

Шомш-инъ —	Яворъ —
Шуд-овъ —	Ям-овъ (?) —
Юш-ко —	Яруш-инъ — (?)

Къ этому списку мы присоединяемъ:

А) личные имена и прозвища, сохранившіяся въ современныхъ фамиліяхъ Пермьковъ:

Андыр-евъ.	Жак-овъ.
Баж-инъ.	Исып-(овъ).
Бак-(инъ).	Кивил-евъ.
Балич-евъ.	Кольчур-(инъ).
Бармат-овъ.	Кон-инъ.
Барт-овъ.	Коньг-инъ.
Бат-(инъ).	Кочаш-(евъ).
Бач-евъ.	Кучевас-овъ.
Баянд-(инъ).	Кушман-овъ.
Брезг-(инъ).	
Бус-овъ.	Лехан-(овъ).
	Логач-(евъ).
Важуй-евъ.	
Вылес-(овъ).	Март-(инъ).
	Мазе-(инъ).
Гут-(овъ).	Майбур-овъ.
	Миз-евъ.
Дозмор-овъ.	Мильчак-овъ.
Долд-(инъ).	Мошег-овъ.
Дурс-инъ.	
	Надым-(овъ).
Епано-въ.	Нис-(овъ).
Еп-инъ.	
Ес-(винъ).	

Ольк-(овъ).
 Олькан-(овъ).
 Оныш-(овъ).
 Отег-(овъ).

Пальш-инъ.
 Пикул-евъ.
 Пол-инъ.
 Перш-инъ.
 Под-(вины).
 Подьян-овъ.
 Порс-евъ.
 Посют-инъ.
 Пыстог-овъ.

Рен-евъ.
 Ратег-овъ.

Сакул-инъ.
 Салкин-овъ.
 Сайкан-(овъ).
 Сам-(ковъ).
 Сампо-(евъ).
 Седег-(овъ).

Суран-овъ.
 Сыркан-овъ.
 Сыстер-(овъ).

Тун-евъ.
 Туля-евъ.

Ут-евъ.

Хозяш-(евы).

Цыб-инъ.

Чакил-(евы).

Чет-инъ.

Чугаин-овъ.

Шабун-инъ.

Шайдур-овъ.

Шаньшер-овъ.

Ябур-(овъ).

Яр-(ковъ).

Яраш-(евъ).

В) личные имена, сохранившіяся въ названіяхъ урочищъ (извлечены изъ постатейныхъ земельныхъ книгъ, хранящихся въ волостныхъ правленіяхъ Соликамскаго уѣзда).

Аз-(овый мысъ).
 Азбак-(овско).

Бибей-(логъ).
 Бирися-(мысъ).
 Болясъ-(грива).
 Боско-(шутэмъ).

Будю-(мысъ).

Гаргонь-(ево поле).

Гуша-(шутэмъ).

Джель(пальникъ).

Дзява(—)

Дзюльганъ (сай).

Дюдю-(логъ).

Ельган-(мысь).

Ерашъ-(мысь).

Жигин-(ыбъ).

Зюд-(ыбъ).

Зюль-(пальникъ).

Кальчик-(йыръ).

Каб-юр-(пальникъ).

Кама-мысь.

Канюкъ-(шутэмъ).

Качить-(мысь).

Кудым-(ово).

Коника-мысь.

Курэгъ-(мысь).

Курила-(мысь).

Кыч-юръ-(пальникъ).

Кырнышъ-(мысь).

Лапыдъ-(мысь).

Лечкан-(ова).

Ляган-(овско).

Матысь-(вэръ).

Моско-(шутэмъ).

Мочканъ.

Мурмар-(овско).

Мус-(ыбъ).

Мэдэръ-(мысь).

Носко-(мысь).

Оннк-(ова).

Онок-(овско).

Осек-(йыръ).

Паскить-(логъ).

Печкана-(вичъ).

Пичканъ-(пальникъ).

Путрач-(евско).

Пиньга-(мысь).

Посай-(сай).

Ректан-(овско).

Род-(евъ-мысь).

Роскытъ-(мысь).

Рыжокъ-(мысь).

Саис-(ыбъ).

Саран-(ыбъ).

Серго-(мысь).

Ситэсъ-(пальникъ).

Силькан-(вичъ).

Турап-(овской логъ).

Узикъ-(вичъ).

Чара-(ыбъ).

Чигасъ-(пальникъ).

Чувыля-(мысь).

Чулимъ-(пальникъ).

Чульган-(овскій йыръ).

Чурскан-(ултъ).

Чикман-(овская старица).

Шагай-(мысь).

Шеричъ-(вичъ).

Имѣя въ своемъ распоряженіи рядъ признаковъ, по которымъ можно распознать мѣстности, носящія зыряно-пермяцкія названія, мы можемъ перейти къ изслѣдованію предѣловъ, въ которыхъ жило когда-то пермское племя.

Начнемъ нашъ обзоръ съ губерніи, гдѣ Пермьки до сихъ поръ составляютъ плотную, обособленную языкомъ и бытомъ массу — Пермской. Въ настоящее время пермяцкія селенія расположены главнымъ образомъ въ области западныхъ притоковъ Камы: Иньвы, Пожвы, Яйвы, Лысьвы и впадающихъ въ нихъ Юсьвы, Егвы, Вильвы, въ Соликамскомъ уѣздѣ и Косы съ ея притоками въ Чердынскомъ. Названія рѣкъ, прорѣзывающихъ страну на Ю. отъ бассейна Иньвы, позволяютъ намъ констатировать въ ней слѣды былаго, теперь обрусѣвшаго пермяцкаго населенія. Мы имѣемъ здѣсь прежде всего Обву съ массой притоковъ, носящихъ пермяцкія названія: Дарья - шоръ, Кича - шер(свой), Кызь - ва, Поль - ва, Сива, Лысьва, Лип - ва, Язь (ягъ) - ва, Сюрва, (Челва, Нердва), затѣмъ внизъ по Камѣ отъ устья Обвы — Туй-ва, Ласьва, Нытва, Сива составляющая нижней частью своего теченія границу между Пермской и Вятской губерніями. Кромѣ рѣчныхъ названій слѣдами Пермьковъ въ этой области являются названія деревень — Пермскаго уѣзда Мош-евской, Чакула-евской, Чакул-евъ, Габ-ина, Чикмановъ мысъ, Рос-ина, Ошмас-ка, Рочашер-ка, Азова, Щетина, Дюлдина, Кочева, Бажина, Люкина, Жай-горская, Шадрина, Волегова, Кочевъ, Реневъ, Зозмуровъ, Бачина, Жакова, Естюнько, Чузганова, Кочина, Вилес-овъ, Вазьевъ, Мошова, Кишова, Кошьяшорская, Помозовская; въ Соликамскомъ уѣздѣ южнѣе Обвы: Машева, Кыскоръ, Бабаева, Нюрвичъ, Юревожъ, Чел-ева, Чикманъ, (Буткановы), Харина, Помосова, на С. и З. отъ Обвы: Югова, (Чудскихъ), Шадрята, Данькова, Мутчеръ, Ярина, Батина, Юнжашоръ, Визята, Сарова, Ошева, Якина, Мошина, Канина, Лямпина, Чалова, по теченію Чермоса поч. Олевовской. На С. отъ Иньвы въ бассейнѣ р. Кондаса, поч. Уроль, р. Лозшеръ, Равшеръ, затѣмъ Лысьва, Лызыбъ.

Въ предѣлахъ Чердынскаго уѣзда Пермѣи занимають въ настоящее время западный уголъ — главнымъ образомъ бассейнъ р. Косвы. На В. отъ Камы мы находимъ ихъ только въ приходѣ села Верхъ-Язвы, но названія рѣкъ позволяютъ утверждать, что край этотъ издавна былъ извѣстенъ Пермѣямъ. Они дали названія всѣмъ рѣкамъ, впадающимъ въ Каму со стороны Урала. Начиная съ самой сѣверной изъ нихъ Колвы мы имѣемъ Язву, Вильву—притоки Вишеры, Ульвичъ, Яйву, Косьву, Чусовую (Чусва) съ притоками Койва, Вильва, Усьва, Сылва (+Щавва). Помимо рѣчныхъ названій мы имѣемъ здѣсь пермѣцкія названія урочищъ и населенныхъ мѣстъ: Цыдвинское (Сѣд - ва), Ныроби, Искоръ, Пам-горть, Виль-горть, Кушман-гор(т)ское, Лев-мортговскій, Покча, Серегово(?), Губдоръ, Редикоръ, Чигир-иб-ское, Вельгуръ, Мошева, (Сурмогъ), Чикманъ, Нюрловская, Асовское (на Ю. отъ Чусовой), Мечка (здѣсь-же). Теченіе Сылвы составляетъ рѣзкую границу пермскихъ названій на Ю. На С. В. и З. эти названія переходятъ за предѣлы Пермской губерніи. По близости отъ границы между этой губерніей и Вологодской мы имѣемъ двѣ Мылвы, идя по которымъ вступаемъ въ бассейны Печеры и Вычегды. Не настаивая на пермѣцкомъ происхожденіи названій южныхъ притоковъ Печеры—Унья, Кисунья, Палья—мы имѣемъ возможность безъ малѣйшихъ колебаній назвать зыряно-пермѣцкими притоки Илыча: Егра-ляга, Ичедь-ляга, Сотсемъ-ель, Увъ-ю, Пирсъ-ю, Кось - ю, ос. Шежемди, ос. Мачеласта - ди, Саръ - ю, сел. Юрт-му, Морт-йуръ, Когиль-динъ, Лагодинъ, р. Иджедь-ляга, Шаръ-ляга, притоки Мылвы Расъ-ю, Иод-юль, притоки Печеры Коснодюдъ, с. Епино, Сойвинское, Пыре-динская, ос. Войзимъ-ди, ос. Шоръ-ди, Кузь-ди, р. Сай-ю, оз. Гудырья, с. Лемты-бож-ская, р. Матвинъ-ю, ос. Кучпозья-ди, с. Лемты, ос. Ошкумась-ди, р. Иджидъ-юль; притоки Шугура—Иджидъ-патокъ, Сѣдь-ю, Ичень-потокъ, въ предѣлахъ Архангельской губерніи р. Кожва съ притоками Лунвошь (Липанка)—(л. 122) притоки Усы Шаръ-ю, Кось-ю, Саръ-ю.

Седъ-ю, Лемва, Колва, (л. 105) Расъ-ю, Сой-ва съ притоками Люн-вошь, Шод-вошь, с. Кодач-дин(ская), Иж-ма (Изьва) съ селеніями Лачег-ская, Кушъ-Коджъ, Розъ-динъ, Чувви-динъ, далѣе на З. р. Цильма съ притоками Косма, Мыла, Пижда; выше Усть-Цильмы притоки Печеры Нечева, Сосъя.

Въ обширныхъ бассейнахъ Вычегды и Сухоны зыряно-Пермяцкими оказываются названія урочищъ и населенныхъ мѣстъ, начиная съ верховьевъ первой: с.с. Баджольская, Вильгортская, Помоздинская, р. Помозъ, с.с. Седъ-ты-динъ, Вполдинъ, р. р. Вишера (?), Нившера (?), с. Пас - вомын - ская, Сужа-ибъ, рр. Сужель, Зул - обь (ыб), с. Зулобдинская, р. Гудва, притоки Выма: Помрасъ, Изясъ, Ніолачь (стрѣла), Чисва, Йора, Памъ, Комычь (Комидзъ), Йола (Йол-ва), Божъ-ю, Тодья (болотистая), с. Керасъ, р. Кылтова, Вежа-жоль, с. Грездъ, Нундо - Керасъ, Сереговское, Ероздинская, р. р. Пывва, От-жоль, Екта-жоль, Нжоль, (Муръ-я, Идяш - я, Такая), с. Ибская м. и б. По Вычегдѣ до Усть-Выма: Сотчемская, Нуръ-жоль, Сад - ель, Коввицкое, Полтыдоръ, Кожмодоръ, Ліаты, Ижел-ти-нская, отъ Усть-Выма: с.с. Какви-цы, Тыдор-ская, Керас-ская, Ролты, Выз-дин-ская, Каса-масть, Аба-бачъ, Ель, Кочма, на З. отъ Яренска: Непшоръ, Ягвель, Ир-овское (Ир-ты), Грездъ, Целибское, р. Лен-ва, (ср. Лен-ва), р. Гиджегъ (?), Шенома, р. Юль, с. Ельская, р. Лупья (?), р. Чакулва, с. Язинская гора (?), по Виледи (Вилегодская Пермца писц. книгъ) селенія: Язинець (?), Нырма, Зыково, въ бассейнѣ с. Двины въ предѣлахъ Вологодской губерніи р. Тойма, область Пермогорье. По западному берегу Сухоны до Устюга: р. Узьма, д.д. Посегова, Кушева, Сянеги (?), Кошево, Пучегуръ, на З. отъ Устюга: с. Конегиво, по Югу и его притокамъ: с. Карасово, Чел-ма, Чупаново (?), Ханюгъ, Вачево, Илимова, Кочевская, Ярцова, Вяткина гора, Сакулевская выставка, пог. Учотскій, с. Лойма, Ракинская, р. Нюла, р. Лудожоль, с. Векшоръ, Вильгортъ, по верховьямъ Лузы: Тунег-овская, р. Лунья, Сѣтка, Чекма.

На З. отъ впаденія Юга въ Сухону пермскія названія встрѣчаются въ первый разъ около Тотмы: рѣка Тотма и ея притокъ Полюкъ, и на Ю. З. отъ нея Толшма съ притоками Ельшма, Сингома, Шерошма. Изъ бассейна Толшмы мы вступаемъ въ бассейнъ Костромы. Кострому можно было-бы принять границей рѣчныхъ названій на ма. На западъ отъ нея въ предѣлахъ Ярославской губерніи крупныя рѣки носятъ уже названія съ другими окончаніями. Устьемъ Костромы и теченіемъ Волги какъ бы отграничиваются на Ю. З. названія на ма, но пройдя на картѣ югозападный уголь Костромской губерніи и вступивши во Владимірскую, мы находимъ рѣки Вязму и Ухтому, которыя приводятъ насъ къ главной рѣкѣ губерніи—Клязьмѣ. Впадающія съ С. В. губерніи въ Клязьму рѣки носятъ названія съ окончаніями на и хъ: Люл-ихъ, Та-ихъ, Тюл-ихъ, Ланд-ихъ. Въ какомъ отношеніи стоятъ эти названія къ названіямъ съ суффиксомъ ю г, предоставляютъ судить филологамъ.

Идя вверхъ по теченію рѣки мы вступаемъ въ Московскую губернію. Здѣсь намъ встрѣчается рядъ рѣчныхъ названій пермскаго типа: кромѣ Клязьмы на С. отъ нея Яхрома (притокъ Сестры), Вѣдома, на югъ Моск-ва рѣка—названіе этой послѣдней сохранила чистую пермскую форму и уже Шюгреномъ было признано пермскимъ—на крайнемъ югѣ губерніи Прот-ва, вступающая частью своего теченія въ С. В. уголь Калужской губерніи. Южнѣ Протвы мы уже не встрѣчаемъ рѣчныхъ названій разсматриваемаго типа. Тутъ уже идутъ южно-Финнскія названія.

Обращаемся къ странѣ на С. отъ Сухоны и Вычегды и пойдемъ назадъ по теченію этихъ рѣкъ. Въ бассейнѣ Кубины мы имѣемъ притоки: Кизьма, Нишма, Шурма, М о л а , Ножма, Пигома, Ухтома, Катрома. Затѣмъ рѣчныя названія Пермскаго типа встрѣчаются въ значительномъ количествѣ на Ю. отъ Бѣла - озера: Визьма (прит. Андозы) р. Кумсара (?), р. Шулма, р. Улозара, р. Мотома, р. Конома (прит. Шексны), р. С и з ь м а (прит. Шексны), р. К и ч м а , р. Ельма (прит. Куб. оз.).

Въ предѣлахъ Вологодской губерніи пермскими являются названія притоковъ Вага: Вель, Пежда, Вотчава (!), притоковъ Сухоны: двѣ Пелшмы.

На С. и З. отъ Яренска мы имѣемъ: р. Тыла-жоль (прит. Яренги), притоки Вашики Чурма, Мышаель, Юртама, Юла, Туйтума, Силва, с.с. Ибская, Гамшоръ, Вожагоръ, Чирышоръ, Ночья-шоръ, Чоняшоръ, Почашоръ, Кейшоръ, Сожда, с.с. Важгортской, Паспонское, Вильгортская, р. Пучкома, притоки верхней Пинеги: Нжоль, Маева, Выя (?).

Притоки Мезени: Ирва, Вожелъ, Дерта-жоль, Микшерская, Муч-дин-ская, Семчайоль; селенія Вил-иб-ская, Мавар-иб-ская, Вел-ыб-ская, Раз-горт-ская, Нижне-Велыб-ская, Сел-ыб-ская.

Переходимъ къ третьему поясу, включающему въ себя бассейны Вятки и Камы.

По М о л о м ѣ мы имѣемъ названія—Пермятская, Езевская, Расовской, Ожеговской, р. Лучум-вара, Азовской, Зыковской, Кошкаревской, Одеговской, Патринское, по р. В е л и к о й : Шибановское, Перминovo, Зоново, Шурской, Зоновской, Баковской, Перминовская, Зоновской 2, Петра Зонова, Зоновская, Пермьяковскій, Перминovo, по Л ѣ т к ѣ въ Вологодской г. Учагоръ, Норитва, Д о н д-жоль, Бардышъ-жоль, Сетка (Сѣд), Арцаель, въ Вятской губ. Лекма, Сова, по Чепцѣ Зонова, Изегова, Лячинская, по К о б р ѣ Косныревской, Пермятской, Пермьякова, притоки Вятки: Небычь, Лекма, Пермская, Реневской, по Холуницѣ: Пермьяковская, Брезгинская, по верховьямъ Камы: р. Има, Юва (Парышъ) Ньюба, с. Шерабская, д. Алкибская, Лязебская, Кичаново, Безгачева, Лозыбская, Вылыбская, Ашебановское, Лозебская 2, (р. Кымъ), р. Чусь, р. Кужва, Волва, Сюзъва, Лытва, Сова.

На Ю. отъ Чепцы и линіи, которую можно провести отъ устья этой послѣдней до верховьевъ Ветлуги Вятская губернія представляетъ длинный рядъ рѣчныхъ названій пермскаго происхожденія: въ Глазовскомъ уѣздѣ Кострома,

Барма, Дизма, Лекма, Сизма, Сима, Лема, Ухтым-ка, Кузема, Урома, Елом-ка, Бухма, Пижда, Пожда, Кенма, Обма; въ Малмыжскомъ уѣздѣ: Ирма, Лекма, Болма, Кульма, Тушма, Вошторма, Тыжда, Шошма, Шурма, въ Яранскомъ Шошма, Удюрма, Уртыма, Курема, Шуйма, Урма, Има, Нурма, Ошма, Пижда, Турма, въ Котельницкомъ Молома, Пижда, Ошма, Илома, Содом-ка, въ Уржумскомъ Сукма, Олма, Вочерма, Шекма, Кичма, Торма, Вошма, въ Елабужскомъ Тойма. Кромѣ этихъ имѣющихъ полную Пермскую форму названій мы имѣемъ названія типа Мыль, утратившія свои суффиксы:

Коса || Косва
 Лоза || Лозва
 Юсь || Юсьва
 Иж || Иж-ва (ма).

Для того, чтобы яснѣе показать пермское происхожденіе этихъ названій позволяетъ себѣ выписать изъ очерка „Вотяки“ списокъ, въ которомъ сопоставлены многія изъ этихъ названій съ Пермскими на ва

Пож-ма	въ Вятск. губ.	Пож-ва	въ Пермск. край.
Виль-ма	— — —	Виль-ва	— — —
Нерт-ма	— — —	Нерт-ва	— — —
Сиб-ма	— — —	Сиб-овка	— — —
		(отъ Сиг-ва)	
Сизь-ма	— — —	Сизь-ва	— — —
Ур-ма	— — —	Ур-ва	— — —
Пол-о-ма	— — —	Пол-овка	— — —
Мол-овка	— — —	Мол-овская	— — —
		(Мыльва)	
Ед-о-ма	— — —	Яд-ва	— — —
Кос-ма	— — —	Кос-ва	— — —
Урд-о-ма	— — —	Урд-ва	— — —
Нур-ма	— — —	Нор-о-ва	— — —
Ош-е-ма	— — —	Ош-евка	— — —

Си-ма	—	—	—	Си-ва	—	—	—
Чол-ма	—	—	—	Чел-ва	—	—	—
Шош-ма	—	—	—	Сос-ва	—	—	—
Об-ма	—	—	—	Об-ва	—	—	—

Не однѣ названія рѣкъ Вятской губерніи говорятъ о быломъ Пермскомъ населеніи ея. Названія нѣкоторыхъ Чепецкихъ городищъ объясняются также изъ личныхъ Пермцевыхъ именъ. Таково напр. названіе Дондыкаръ; вспомнимъ Долды въ Черд. уѣздѣ, р. Донд-юль, притокъ р. Лѣтки. Изъ совокупности этихъ данныхъ можно вывести заключеніе, что Чудью Вятской губерніи, какъ и Пермской, были древніе Коми.

Рѣки съ пермяцкими окончаніями встрѣчаемъ мы и на В. отъ Урала въ бассейнѣ Оби: Лоз-ва, Сос-ва, Как-ва, Нязь-ва. Онѣ исчезаютъ только на Ю. отъ Верхотурья. Можно предположить, что названіе самой Оби имѣетъ пермское происхожденіе. Вспомнимъ случай исчезновенія суффикса в а въ названіи рѣкъ Мыл-вы съ одной стороны и названіе одного изъ притоковъ Камы Об-ва. Исторія превращенія Мылвы въ Мылъ-Мыло можетъ дать намъ основаніе для того, чтобы предположить аналогичное превращеніе Об-вы въ Обь. Наше предположеніе имѣетъ за себя еще то основаніе, что Маньзы (Остяки и Вогулы) называютъ эту рѣку по своему Ась. Страна по нижнему теченію Оби носитъ зырянское названіе Обдорія, Обдоръ (Объ + дор — край, Пообье). Не однѣ рѣки западной окраины Сибири говорятъ намъ о Коми; расположенные по ихъ теченію городки имѣютъ также пермяцкія названія.

Въ книгѣ Б. Ч. мы читаемъ: „а отъ Носоваго семьдесятъ верстъ съ правой стороны Оби градъ Ирва (Ир-каръ?).

А отъ Ирви сорокъ верстъ В о й-к а р ь или н о ч н о й.

А выше Войкара У р к а р ь или Б ѣ л ы й.

А на устьѣ тоя рѣки (Казыма) градъ Казымъ.

А выше того на другой странѣ сорокъ верстъ рѣка Казымъ, а на ней градъ Кенчиваръ.

А выше Чамаша семьдесятъ верстѣ градъ Шоркаръ.

А выше семьдесятъ верстѣ Нецгакоръ.

А выше того сто пятьдесятъ верстѣ на Оби Карымбанъ (кар).

А по рѣкѣ - жь по Оби по другому по лѣвому берегу ниже рѣки Пумини рѣки пала рѣка Падъ. А на устьѣ тоя рѣки градъ Сабдинъ (Саб + динъ).

А выше двадцать верстѣ Сускаръ или Роговой.

А по Сосвѣ ниже Ляпина градъ Искаръ.

А ниже Воронья пятьдесятъ верстѣ Хюликаръ.

А ниже Хюликара шестьдесятъ верстѣ Естынь.

И на усть рѣки Сосвы съ вышнія страны Хахтынъ (ин. Мах-тынъ).

Почти всѣ города носятъ названія, которыя въ полной формѣ имѣютъ на концѣ пермское слово каръ — городъ. Если-бы наше предположеніе относительно основателей городищъ покоилось только на одномъ суффиксѣ каръ, можно было - бы возразить, что это слово могло быть въ этой-же формѣ и у Маньсовъ. Но мы имѣемъ въ книгѣ Б. Ч. переводъ нѣкоторыхъ названій, который ясно обнаруживаетъ ихъ пермское происхожденіе: Вой-коръ = ночной (вой-ночь, сѣверъ + коръ — городъ), Ур-коръ = бѣлій, бѣличій (ур-бѣлка + каръ). Относительно перевода Сус-коръ мы можемъ замѣтить, что онъ не совпадаетъ съ пермскими значеніями *suś* и *sos*; не объясняется-ли неправильность перевода ошибкой въ рукописи?

Городки, которые занесены были на Большой Чертежъ, извѣстны были еще подъ тѣми-же названіями въ началѣ XVIII. Въ „Описаніи народа Остяцкаго“ у Новицкаго мы встрѣчаемъ напр. Шоркарскіе юрты.

Рядъ страницъ занятыхъ данными, позволяющими констатировать слѣды пребыванія Пермскаго племени, даетъ намъ возможность начертать границы территоріи, на которой могло жить это племя. На В. этой границей можно считать рѣку Обь до Березова. Южнѣе этого пункта восточной границей является линія между Б. и сл. Нейвой.

Южная граница, начинаясь у устья Нейвы идетъ по Чусовой и отъ ея устья по Камѣ до устья Вятки, затѣмъ ломаной линіи по верховьямъ южныхъ притоковъ Вятки до Кукарки, гдѣ черезъ Пижму она переходитъ въ область сѣверныхъ притоковъ Ветлуги—Вохмы, Векмы, Шоймы; отсюда она идетъ по границѣ между губерніями Костромской и Вологодской до верховьевъ Костромы и спускается по теченію этой рѣки до Клязьмы. Въ предѣлахъ Владимірской губерніи она идетъ по Клязьмѣ, въ Московской спускается еще южнѣе и идетъ по Протвѣ, захватывая маленькій уголъ Калужской губерніи.

Мы дошли до крайней югозападной точки Пермской территоріи. Отъ верховьевъ Протвы мы начнемъ обзоръ западныхъ и сѣверныхъ границъ. Въ предѣлахъ Московской губерніи границами Перми служатъ З. и С. границы губ.; вступая въ предѣлы Владимірской губерніи, граница идетъ по с. и с. з. границамъ этой послѣдней, затѣмъ по границѣ между Ярославской и Костромской губерніи до верховьевъ Костромы и предѣловъ Вологодской губерніи. Въ Вологодской губерніи граница Пермскихъ названій совпадаетъ по большей части съ границами этой губерніи и Новгородской (отъелоняясь въ область послѣдней черезъ притоки Шексны), Олонецкой, Архангельской и по теченію Вашки идетъ до Усть-Вашки, отсюда по линіи, которую можно провести до верховьевъ Цильмы, затѣмъ по Цильмѣ, Печерѣ до устья Усы, по Усѣ до точки, гдѣ она поворачиваетъ на С. и идетъ параллельно Уральскому хребту; проведя линію отъ этой точки до Обдорска мы замкнемъ территорію, въ предѣлахъ которой имѣемъ слѣды пребыванія Перми.

Отмежевавъ для Перми (Коми) громадное пространство, мы далеки отъ того, чтобы утверждать, будто она занимала его 1) одновременно, 2) на всемъ протяженіи 3) и безъ сосѣдей — совладѣльцевъ. Это — предѣлы, въ которыхъ совершалось въ теченіи вѣковъ передвиженіе племени, послѣ борьбы съ болѣе ранними насельниками страны. Оставивъ на время за-уральскую часть Перми, мы

можемъ раздѣлять территорію ея отъ Урала до меридіана Бѣла-озера линіей теченія Сухоны и Вычегды на двѣ крупныя части: сѣверную и южную. На С. мы будемъ имѣть страну, которую Пермь нашла уже ранѣе населенною. Страна на Ю. отъ названныхъ рѣкъ въ свою очередь дѣлится на двѣ части теченіемъ р. Юга. На З. отъ этой рѣки до истоковъ Сухоны, захватывая обширную территорію на С. до Ледовитаго океана и на Ю. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти до Волги, жило какое-то племя, которое давало рѣкамъ названія на н г а. Этому народу принадлежать прежде всего, по нашему мнѣнію, названія самыхъ крупныхъ рѣкъ очерченной территоріи—Сухоны, Двины и Мезени. Какъ названія рѣкъ, которыя чаще всего обращались въ устахъ русскихъ, эти названія должны были сильнѣе всего исказиться. Мы думаемъ, что первоначальныя, хотя тоже руссифицированныя отчасти формы двухъ изъ нихъ сохранилось въ названіяхъ мелкихъ рѣчекъ — Суконька (Суконьга) и Меженга. Можно предположить, что и Двина образовалась изъ болѣе ранняго Двинга.

За этими названіями крупныхъ рѣкъ слѣдуютъ массы болѣе мелкихъ.

Въ бассейнѣ Сухоны между Кадниковымъ и Тотьмой—Уфтанга, Нобянга, Норинга, Печенга, Войманга, Моланга, Паршанга, Луженга, Велшенга; между Тотьмой и Устюгомъ—Леденга, Юрмонга, Рудинга, Единга, Норинга, Шуйшинга, Шукшинга, Шевинга, Печенга, Суконька, Карженга, Коченга, Саланга, Нюксен-ица, Селменга, Сученга.

Около Тотьмы рѣчныя названія на н г а переходятъ массой въ многоводный бассейнъ Ваги: Тавреньга, Силенга, Роменга, Шадреньга, Гавреньга, Наренга, Нарменга, Шадранга, Меженга, Ратен(ская), Пекшенга (притоки Вели); Ковшенга, Коленга, Яхреньга, Терменга, Печенга, Сельменга, Коленьга, Сивенга, Меленга, Тевтенга, Кокшенга, Колендренга, Шадреньга, Соденьга (2), Орсанга, Пакшенга, Шеренга, Вамшеранга, Сельменга, Леменга, Киршинга, Пешпереньга, Паденьга, Неленга, Егренга, Двиница (притоки Вага).

Бассейнъ Вага соприкасается съ бассейнами Кубенскаго и Чарондскаго озеръ и верховьями Сѣверной Двины. Здѣсь имѣютъ мѣсто Сямженга, Шиченга, Пулчинга, Полчинга, Кубина, Молменга, Яхренга, Верденьга, Печенга, Уненга, Пухманга, въ бассейнѣ Чарондскаго озера Модлана, Вонданга, Шавен - скій, въ бассейнѣ Двиницы Карбона, Каржинка, Шоренга, Левинга, Волонка.

Далѣе на С. разсматриваемыя названія подходятъ къ озеру Лачъ: Нермонга, Нименга, Чаженга, Тихменга; однопочно онѣ встрѣчаются въ бассейнѣ Онежскаго озера и р. Онеги: Куржанга, Ялчанга, Елменга, Нименга.

По С. Двинѣ разсматриваемыя названія поднимаются ниже слиянія Сухоны и Вычегды по обѣ стороны почти до Холмогоръ; отсюда онѣ расходятся на В. къ Мезенской губѣ, на З. къ Кольскому полуострову.

На Ю. отъ линіи Сухоны-Вычегды мы встрѣчаемъ большой массой эти названія въ бассейнахъ Юга и примыкающихъ къ нему своими верховьями Ветлуги и Унжи. Притоками Юга являются: Шаржанга, Шепшенга, Анданга, Ляменга, Шишменга, Корманга, Нюненга; Нуренка, Кичменга, Ваденьга, Шапженга, Шобанга, Монманга, Шаржинка, Енанга, Кулозенга, Кильченга, Яхренга, Шарденьга, Луженга, Кершенга, Шарженга, Анданга, Шелшенга, Ляменга, Кишшенга, га, Киншенга, Кержен-ецъ, Ладонга, Шишинга, Кунданга, Печен - ижка, Кувшинга, Пеженга, Андронга, Курденьга, Енанга.

Притоки Унжи (въ Костромской губерніи): Шишменга, Корманга, Нюненга, Лунданъ, Нуренка, Морханга, Пеженга, Корманга, Ломенга, Пойманка, Першенка, Юрманка, Пумена, Суеманка, Сеженка, Лоймина, Печенка, Езанъ.

Притоки Ветлуги: Сырденка, Якшенка, Вохтонка, Яшанга, Ляленка, Лапшинга, Юранга (Йорынгъ въ устахъ Черемисъ), Лупшанга, Шуванга; Кержен-ецъ, Пумина.

Чтобы облегчить лингвистическое изслѣдованіе этихъ названій, приводимъ ихъ въ алфавитномъ порядкѣ:

Анданга,
Андронга,
Ваън-ица,
Вайенга,
Вамшеранга,
Велшенга,
Верденьга,
Весленга,
Визенга,
Воденга,
Войманга,
Волонка,
Вонданга,
Вохтонка,
Гавренга,
Единга,
Езань,
Елменга,
Енанга,
Карбона,
Карженга,
Кержен-ецъ,
Кершенга,
Кильченга,
Киншенга,
Кипшенга,
Киршинга,
Кичменга,
Ковшенга,
Коленга,
Колендренга,
Коржинка,
Карманга,
Кочинга,
Кубина,

Кукшинга,
Кулозенга,
Кунданга,
Курденьга,
Куржанга,
Ладонга,
Левинга,
Леденга,
Леменга,
Лойминга,
Ломенга,
Луженга,
Лунданъ,
Лупольга (?),
Лупшанга,
Ляменга,
Меженга,
Меленга,
Модланга,
Моланга,
Молменга,
Монманга,
Морханга,
Наренга,
Небянга,
Нермонга,
Нименга,
Норинга,
Норменга,
Нуренка,
Нюксен-ица,
Нюенга,
Орсанга,
Паденьга,
Павшенга,

Паршенга,
Пеженга,
Пекшенга,
Пекшеренга,
Пеленга,
Першенга,
Печенга,
Пойманка,
Полчинга,
Пулчинга,
Пумина,
Пурманга,
Роменга.
Рудинга.
Сананга,
Сеженка,
Селменга,
Сивенга,
Силенга,
Соденьга,
Суконька,
Сученга.
Сямженга,
Тавен-скій,
Тавреньга,
Таменка,
Тевтенга,

Терменга,
Тихменга,
Уненга,
Уфтанга,
Чаженга,
Шабанга,
Шадренга,
Шанженга,
Шаржонга,
Шарденьга
Шевинга,
Шепшенга,
Шеренга,
Шиченга,
Шипинга,
Шоренга,
Шуванга,
Шуйшинга,
Шубшинга,
Юрманка.
Юронга,
Ягремка (?),
Яшвенга,
Ялчанга,
Яхренга,
Яшанга.

Существованіе таковой массы однородныхъ названій за-
ставляетъ предположить въ намѣченномъ краѣ тоже явленіе,
которое имѣетъ мѣсто въ областяхъ съ массами однородныхъ
названій на ва (Пермскій край) и зей (Поволжье отъ
Нижняго до Саратова) — т. е. бывшее присутствіе какою-то
крупной народности. Определить эту народность можно бу-
детъ тогда только, когда всѣ данныя ею названія будутъ

научно истолкованы при помощи живыхъ Финнскихъ нарѣчій.

Если-бы при опредѣленіи мѣстныхъ названій въ обрусѣвшихъ инородческихъ краяхъ можно было руководствоваться тѣмъ, въ области какого живаго Финнскаго народца имѣютъ мѣсто названія даннаго типа, тогда пришлось-бы всѣ наши названія счесть Лопарскими: на Кольскомъ полуостровѣ, гдѣ на памяти исторіи жили и живутъ только западные Финны и Лопари, мы имѣемъ рядъ не только такихъ по типу, но прямо тождественныхъ названій. Исходя изъ этого факта, мы могли-бы предположить, что народъ, оставившій на пространствѣ между Волгой и Ледовитымъ океаномъ многочисленныя рѣчныя названія съ окончаніями на нга, были Лопари. Въ пользу этого предположенія можно было бы привести нѣсколько фактовъ. Въ Лопарской народной поэзіи сохранилось воспоминаніе о великанахъ Калмезахъ, съ которыми ихъ предки вели когда-то борьбу. Имя Калмезовъ извѣстно и въ настоящее время. Его носитъ часть Вотяковъ, живущая на Ю. отъ Чепцы до Камы. Затѣмъ одинъ изъ корифеевъ современной Финнской филологіи, мадьярскій академикъ Буденць высказываетъ убѣжденіе, что Лопари нѣкогда входили въ составъ сѣверно-финнской группы вмѣстѣ Пермскими и Угорскими племенами (Пермяками-Зырянами, Вотяками, Мадьярами, Вогулами и Остяками)¹⁾. Почти одновременно съ Буденцомъ Коскиненъ въ своей „Финнской исторіи“ высказалъ—къ сожалѣнію, ничѣмъ не мотивируя и не подтверждая его, — предположеніе, что западные Финны жили когда-то по среднему теченію Волги и двинулись на С. по теченію Юга. Путь, намѣчаемый для Финновъ, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, Коскиненомъ, совпадаетъ съ путемъ, по которому распространяются названія на нга: бассейнъ Юга почти соприкасается съ бассейномъ Ветлуги, а въ этомъ послѣднемъ мы имѣемъ крайній южный предѣлъ распространенія этихъ названій.

¹⁾ Prichard. Naturgesch. d. Menschh. III, 356. Budenz. Über die Verzw. d. Ugr. Spr. 38.

Какъ ни привлекательна однако гипотеза о быломъ со-
сѣдствѣ Лопарей и Коми въ бассейнахъ Сухоны и Вычегды,
она можетъ быть окончательно принята только въ томъ случаѣ,
если конструція и значеніе разсматриваемой группы названій
будетъ истолковано научно изъ Лопарскаго языка, если
будетъ объяснено, почему въ названіяхъ рѣкъ, несомнѣнно
данныхъ Лопарями, нѣтъ суффикса нг или нга съ пред-
шествующимъ гласнымъ, и если наконецъ будетъ доказано,
что на Кольскомъ полуостровѣ не было до Лопарей другихъ
населенниковъ. Пока изслѣдованій въ этомъ направленіи не про-
изведено, историкъ долженъ считаться съ другой гипотезой на
счетъ народности, которая оставила послѣ себя рассматри-
ваемые названія. Эта гипотеза принадлежитъ г. Европеусу.
Авторъ извѣстныхъ статей „Объ Угорскомъ народѣ...“ и „О
племенахъ, жившихъ въ С. В. Россіи до пришествія русскихъ“
считаетъ названія съ окончаніями на нга Угорскими и истол-
ковываетъ ихъ двояко—или какъ прилагательная (Petseng —
сосновый) или какъ составленныя изъ остяцкаго jink (eng у
Erdman'a) + опредѣляющее слово.

Второе толкованіе по конструціи болѣе соотвѣтствуетъ
общимъ условіямъ образованія мѣстныхъ Финскихъ назва-
ній, но противъ него можно сказать, что у современныхъ
Угровъ мы не знаемъ рѣчныхъ названій такого типа.

Правдоподобнѣе первое толкованіе. Г. Европеусъ не со-
всѣмъ точно возстановилъ древне-угорскую форму такихъ
названій, какъ Печенга. Онъ довольствуется формой Печенг,
между тѣмъ современные Угры, употребляя въ названіи
прилагательное, сопровождаютъ его словомъ обозначающимъ
рѣку—ја. Наиболѣе крупный примѣръ представляетъ назва-
ніе Сосвы — Ляпинг-ја. Печенга также могла образоваться
изъ формы Petseng-ja—(сосновая рѣка). Переходъ отъ такой
формы къ современной черезъ форму Печенга вполнѣ возмо-
женъ. Принадлежность названій на нга древнимъ угорскимъ
населенникамъ можетъ быть доказана однако только тогда,

когда онѣ будутъ истолкованы изъ словарей Остяцко-Вогульскихъ нарѣчій. Вѣроятность такого факта можно допустить, принимая во вниманіе, что въ нѣкоторыхъ угорскихъ названіяхъ урочищъ на В. склонѣ Урала имѣютъ мѣсто прилагательныя, близкія къ изслѣдуемымъ.

Мезень	Мэзынг
Пеленга	Палянг
Сырденга	Сортынг
Тевенга	Тобинг

Въ пользу гипотезы г. Европеуса говоритъ и то обстоятельство, что названія на нга встрѣчаются съ другими несомнѣнно угорскаго происхожденія; таковы напр. Унжа (р. въ Костр. г.), объяснимое изъ ост. *unža* = сосна, Тафта въ бассейнѣ Сухоны между Тотьмой и Кадниковымъ, близкое къ вогульскому названію Лозвы Тавт (*Taut*, р. Тавда) = рукавъ, притоки ея Важ-болъ, Сон-болъ, имѣющіе своихъ родичей близъ Урала. При настоящихъ условіяхъ Финнской филологіи, когда нѣтъ ни Лопарскихъ, ни Югорскихъ словарей, достойныхъ этого названія, вопросъ о народности, населявшей бассейнъ Сухоны и земли на С. и Ю. отъ него, долженъ оставаться открытымъ.

Не касаясь вопроса о народности населявшей этотъ край, мы отмѣтимъ одинъ фактъ, до нѣкоторой степени характеризующій отношенія ея къ Коми.

Этотъ фактъ какъ будто намекаетъ на то, что неизвѣстный народъ, сосѣдя съ Коми, захватывалъ у этихъ послѣднихъ занятія ими рѣчки и называлъ ихъ пермскими именами съ приставкой своего слова, обозначающаго рѣку.

Нѣкоторыя изъ названій на нга представляются сложными изъ пермскихъ названій съ окончаніями на ма (ва) и шоръ съ угорскимъ или лопарскимъ (?) суффиксомъ нга

Молм-анга	ср. Молома (В. г.)	+ нг
Вамшер-анга	— Вамшоръ	+ —

Пекшер-анга	— Пекшоръ	+ нг
Кичм-енга	— Кичма	+ —
Норм-анга	— Нурма (В. г. + Норова П. г.)	+ —
Пойм-анга	— Пойма	+ —
Пухм-анга	— Пухма	+ —
Сукм-анга	— Сукма	+ —
Войм-анга	— Войма	+ —
Корм-анга	— Корма	+ —
Лойм-анга	— Лойма	+ —
Терм-анга	— Терма	+ —
Тихм-енга	— Тихма	+ —
Юрм-анга	— Юрма	+ —

Еслибы Коскиненъ далъ какое нибудь обоснованіе своей гипотезѣ о движеніи западныхъ Финновъ съ Волги на С. по бассейну Юга, отмѣчаемый нами вполне былъ-бы понятенъ, какъ понятно было-бы и то, что названія на нга какъ будто разрываютъ территорію Коми, отбрасывая Пермскія названія на Э. къ Тотъмѣ, на В. къ бассейну Сысолы.

Вопросъ о народности, которую встрѣтили Коми въ области Вычегды, разрѣшается болѣе положительнымъ образомъ. Что Коми не одни населяли берега Вычегды, несомнѣнно. Всѣ болѣе или менѣе крупныя воды края имѣютъ двойныя названія: Вычегда у Зырянъ называется Йож-ва, Вымъ—Йом-ва, Сысола—Сыктыл-ва, Ухта (притоки Выма)—Сыква. Какой народъ далъ незырянскія названія, отчасти выяснилъ г. Европеусъ. Онъ очень удачно истолковалъ названіе Вычегды изъ Югорскихъ словъ *vut* (травы) + *šaget* (рукавъ). Югорское названіе Вычегды должно, конечно, свидѣтельствовать о томъ, что первыми насельниками на ея берегахъ—или по крайней мѣрѣ сѣверномъ—была Югра и что русскіе застали ее здѣсь, вступая впервые въ край.

Въ пользу пребыванія Югры на всемъ теченіи Вычегды говорятъ и другія мѣстныя названія: названіе притока Вычегды Воль можетъ быть истолковано изъ вогульскаго уоль-

рукавъ; названіе озера Син-доръ послѣдней своей частью обличаетъ несомнѣнно угорское происхожденіе. Названіе р. Егры (Йогра), впадающей въ Сухону на З. отъ Устюга, можетъ свидѣтельствовать, что Югра заходила на З. дальше устья своей Вычегды.

Выводы относительно территоріи Югры, сдѣланные нами на основаніи мѣстныхъ названій, подтверждаются нѣкоторыми, хотя и скудными историческими данными. У Епифанія въ „плачѣ Пермскихъ людей“ мы читаемъ: „быхомъ поношеніе с у д ѣ д о м ѣ налимъ иноязычникомъ Лопи, Вогулицамъ, Югрѣ и Пинезѣ“ „...иноязычницы Вогулицы наступаютъ...“ Югра, стало быть, были ближайшими сосѣдями Вымичей еще въ XIV в. Въ первой половинѣ XV в. епископъ Питиримъ, имѣвшій свое пребываніе въ Вымѣ, обращаетъ въ христіанство какихъ-то Вогуличей и дѣлается затѣмъ жертвой своей миссіонерской ревности. Вогульскій князь Асыка нападаетъ на Вымъ и Питиримъ гибнетъ въ его рукахъ¹⁾. Данныя, которыми мы располагаемъ относительно этого событія позволяютъ предположить, что Вогуличи эти кочевали неподалеку отъ усть - Выма по Вычегдѣ. Въ пользу ихъ ближайшаго сосѣдства говоритъ сопоставленіе датъ ихъ крещенія и крещенія Перми Великой: Камскіе Пермьки были крещены восемь лѣтъ спустя послѣ смерти Питирима въ 1463 г. его преемникомъ Іоной. Затѣмъ слѣдуетъ обратить вниманіе на отношенія Асыки къ Вятской вольницѣ, съ которой онъ вмѣстѣ предпринимаетъ набѣгъ на Усть - Вымъ. Едвали это соглашеніе могло - бы имѣть мѣсто, еслибы Асыка кочевалъ гдѣ нибудь около Урала. Вятчанамъ безспорно хорошо была извѣстна область Асыки. Черезъ 12 лѣтъ послѣ услуги, оказанной вогульскому князю, они уже опустошаютъ его область вмѣстѣ съ Пермьками и захватываютъ его самого въ плѣнъ. Надеждинъ въ статьѣ „Вогулы“ въ Энцикл. Лекс. Плюшара приво-

---

¹⁾ П. С. Р. Л. IV, 147. Мак. «Ист. Цер.» 17, 320.

дить выдержку изъ Вымской рукописи, въ которой положительно заявляется, что Вогулы жили недалеко отъ Выма. Въ той - же статьѣ онъ, не указывая источника, заявляетъ, что Вогулы еще въ нынѣшнемъ столѣтїи забредали въ Усть-Сысолскій уѣздъ. Съ конца XV в. мы имѣемъ рядъ историческихъ свидѣтельствъ объ отношенїяхъ Югры къ Перми. Въ 1481 г. Андрей Мишневъ побилъ Вогуличъ подъ Чердынемъ ¹⁾. Откуда могли явиться подъ Чердынь Вогуличи, мы узнаемъ изъ грамоты 1607 г., которой констатируется присутствїе ясачныхъ Вогуловъ на Вишерѣ. Вслѣдствїе затрудненїй по платежу ясака эти Вогуличи разбрелись разво по городамъ, на Березовъ и на Верхотурье и на Пермь Великую ²⁾. Грамата, данная въ 1653 Ныробскому причту, упоминаетъ о томъ, что въ 1652 „завоевали въ Чердынскомъ уѣздѣ Вогуличи“, не опредѣляя точно, гдѣ жили эти Вогуличи ³⁾. Въ 164 писецъ Михаилъ Кайсаровъ не нашелъ Вогуловъ на Вишерѣ, но это обстоятельство было объяснено: „Вишерскїе Вогуличи въ одномъ мѣстѣ юртами не живутъ, а живутъ переходя по малымъ рѣчкамъ, гдѣ кому добыча... а иные Вогуличи для соболинныя добычи ходятъ въ сибирскїя мѣста за Камень ⁴⁾“. Изъ грамоты данной Вишерскимъ Вогуличамъ въ 1689 г. мы узнаемъ о существованїи вогульскихъ поселенїй на верхнемъ теченїи Печеры ⁵⁾. Извѣстїя о пребыванїи Югры на Печерѣ восходятъ къ болѣе раннему времени. Въ Новгородской лѣтописи подъ 1185 г. заключается извѣстїе, что нъ Печерѣ были побиты печерскїе и югорскїе данники. Кромѣ того можно сдѣлать предположенїе о кочевьяхъ Вогуличъ въ бассейнѣ Колвы, такъ какъ по показанїямъ Вогуличъ Русскїе не ходили за Березовый

---

¹⁾ Перм. Лѣтоп. I, 31. Ср. Арханг. Лѣт.

²⁾ Ibid. ib. I, 175.

³⁾ Ibid. ib. III, 306.

⁴⁾ Ibid. ib. III, 1090.

⁵⁾ Ibid. ib. V¹, 404.

Камень—гору, съ которой беретъ начало крупнѣйшій притокъ Колвы Березовка. Историческія данныя позволяютъ констатировать пребываніе Югры — Вогуловъ и Остяковъ— и на другихъ южнѣ впадающихъ лѣвыхъ притокахъ Камы— Яйвъ, Косьвъ и наконецъ Чусовой. Сибирская лѣтопись подъ 1582 годомъ сообщаетъ, что пелымскій вогульскій князь увлекъ въ борьбѣ съ Русскими Сылвинскихъ и Косвинскихъ инородцевъ ¹⁾).

Изъ житія Преп. Трифона очевидно, что Остяцкія кочевья были на мѣстѣ нынѣшняго города Перми и захватывали всю Чусовую. Остяки въ Чердынскомъ уѣздѣ упоминаются вмѣстѣ съ Вогулами. Отъ 1662 г. мы имѣемъ документъ, свидѣтельствующій между прочимъ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, имѣвшихъ у нихъ мѣсто въ важныхъ случаяхъ общественной жизни ²⁾). Кайсаровъ нашелъ на Вишерѣ Остяцкую деревню ³⁾). Прибавимъ къ тому, что говорятъ историческія свидѣтельства, названія, въ которыхъ звучитъ имя Вогуловъ: рѣчка Вогулка—притокъ Иньвы близъ Купроса, рѣчка Вогулка притокъ Косьвы, рѣчка Вогулка притокъ Печеры, селенія Вогулята, Вогульскій, Юрта Вогула на Печерѣ— и мы будемъ имѣть рядъ безспорныхъ доказательствъ въ пользу того, что въ періодъ отъ половины XV до конца XVII в. Маньсы жили еще на пространствѣ между Усть - Вымомъ и Ураломъ по рѣкамъ Вычегдѣ, Печерѣ и восточнымъ притокамъ Камы—Колвѣ, Вишерѣ, Яйвъ, Косьвъ и Чусовой.

Установивши на почвѣ историческихъ данныхъ выводъ, слѣданный относительно Югры на основаніи мѣстныхъ названій, мы позволяемъ себѣ мимоходомъ указать, что догадки относительно былаго пребыванія Югры въ намѣченныхъ нами предѣлахъ высказывались еще въ XVIII в. Татищевъ и Бол-

---

¹⁾ Перм. Лѣтоп. I, 49.

²⁾ Ж. М. Н. Пр. 1857. XCIII, 245.

³⁾ Писц. кн. Черд. у.

тинъ считаютъ бассейнъ Юга областью Югры ¹⁾, Шлецеръ считаетъ Вычегду южной границей югорской земли ²⁾. Ни одинъ изъ этихъ изслѣдователей, по справедливому замѣчанію Лерберга, не оставилъ однако своихъ догадокъ доказательствами ³⁾. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей въ области русской исторической географіи проф. Замысловскій высказываетъ близкое къ нашему предположеніе: „по всей вѣроятности югорская земля, платившая Новгороду дань, лежала въ предѣлахъ великой европейской равнины и не переходила за естественный рубежъ ея на С. В.“ ⁴⁾.

Въ бассейнѣ Печеры Югра держалась до недавняго сравнительно времени и дала названія одному изъ верхнихъ притоковъ Илыча — Манзейгумъ-я (рѣка Манза), Шугуру и его притокамъ Халмеръ — Сале-урръ, Панг-соры-я, восточнымъ притокамъ Косъ-ю — Юнь-яга, Наябу-яга, Хам-болъ, Лимпега, Хай-яга — и Лемвы — Парны-яга, Ньгаде-юганъ, Тум-болова-юганъ, Мудази-юганъ.

Передвиженіе Югры на В. представляетъ собою результатъ борьбы, въ которой Югрѣ принадлежала оборонительная роль. Югра ассимировалась, отступала, пока главная масса ея не перешла наконецъ черезъ Уралъ. Тогда, вѣроятно, сложились вогульскія опредѣленія восточнаго и западнаго склоновъ Урала — зырянская сторона, вогульская сторона. Борьба эта не остановилась у подножія Урала: мы видимъ ее еще и теперь. Югра уступаетъ постепенно оба склона Урала Перми — Зырянамъ. Н. И. Кузнецовъ въ своей статьѣ „Природа и жители восточнаго Урала“ констатируетъ тотъ фактъ, что среди Вогуловъ въ слѣдствіе того слабо развито въ настоящее время оленеводство, что на уральскихъ горныхъ пастбищахъ они встрѣчаютъ себѣ конкурентовъ въ

---

¹⁾ И. Р. II, 424; I, 48.

²⁾ «Весторъ». II, 50, 51; III, 112

³⁾ Лербергъ. Исслѣдованія. — Югрія, 4.

⁴⁾ «Герберштейнъ». 138.

Зырянахъ, которые постоянно съ ними ссорятся ¹⁾). Латкинъ съ другой стороны говоритъ, что Зыряне съ Усть-Мылвы (Мыэл-динъ, Троицкій погостъ) ходять артелями въ зауральскіе лѣса на звѣриный промыселъ ²⁾). Это вторженіе въ область Югры не обходится, конечно, безъ борьбы. Тотъ-же Латкинъ рассказываетъ, что зауральскіе Маньсы, случалось, обижали зырянскихъ промышленниковъ; бывали драки и насилія; бывало и такъ, что промышленники платили зауральской Югрѣ нѣчто въ родѣ оброка свинцомъ и порохомъ за право охотиться въ ея лѣсахъ ³⁾). О томъ, какъ въ былое время Пермь вытѣсняла Югру, можно догадываться, смотря на отношенія между Ижемскими Зырянами и Самоѣдами больше-земельской тундры. Въ прошломъ столѣтіи, читаемъ мы у Латкина, Ижемцы имѣли едва 10,000 оленей, тогда какъ Самоѣды владѣли 150,000 головъ. Въ 40-хъ годахъ картина была уже другая: „въ настоящее время, пишетъ Латкинъ, бѣдные жители тундры едва имѣютъ свободный просторъ на своей родовой собственности. Стада Ижемцевъ многочисленны. Они уже по необходимости должны были завладѣть лучшими пастбищами. И въ Малоземельской тундрѣ дѣйствуютъ Ижемцы ⁴⁾“. Стада Самоѣдовъ, говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ-же авторъ, перешли въ руки Ижемцевъ, а сами Манчи (?Самоѣды?) превратились въ пожизненныхъ работниковъ у своихъ смѣлыхъ, предприимчивыхъ сосѣдей ⁵⁾).

Факты, которые мы до сихъ поръ привели, свидѣтельствуютъ, что на очерченномъ нами пространствѣ Коми жили 1) не одни 2) не одновременно, а передвигались постепенно съ Ю. на С. въ область Югры. Отношенія Коми къ народу, кото-

---

¹⁾ Изв. Р. Г. О. т. XX, 742.

²⁾ Зап. Р. Г. О. VII, 57.

³⁾ Ibid. 80.

⁴⁾ Ibid. 107.

⁵⁾ Ibid. 150.

рый жилъ на З. отъ р. Юга, недостаточно ясны. Что онѣ изстари занималъ теченіе Суховы, слѣдуетъ уже изъ самаго названіе этой рѣки. Но какимъ образомъ Коми являются на З., въ бассейнѣ Костромы, Вязьмы, Москвы - рѣки, занимая островъ окруженный югорскими и болгарскими Финнами? Этотъ вопросъ равно какъ и вопросъ о томъ, когда жила Пермь за Ураломъ въ области Обскаго бассейна и жила-ли она тамъ или только заходила на промыслы, мы оставляемъ открытымъ. Если-бы Кастреновская гипотеза о движеніи всѣхъ Финновъ съ Алтая имѣла подъ собой болѣе прочный фундаментъ, фактъ былъ-бы объяснимъ. Мы могли-бы предположить, что часть Перми и Югры оторвалась отъ своихъ восточныхъ родичей, зашла далеко на З. и образовала территории Мери, Московско-Клязьменской Перми и Веси, отдѣленные потомъ отъ своихъ восточныхъ родичей народомъ, который создалъ рѣчные названія на вг. Къ сожалѣнію гипотеза Кастрена только остроумна, но мало доказательна. Можно было-бы объяснить Пермскій островъ на З. и при помощи догадки Коскинена: западные Финны, двигаясь съ Волги по Югу разорвали бывшія тамъ пермскія поселенія и отбросили часть Перми на З. Къ сожалѣнію эта гипотеза еще менѣе доказана, чѣмъ Кастреновская. По отношенію къ Сибири можно замѣтить, что мѣстныя названія при всей своей импозантности еще не могутъ въ данномъ случаѣ имѣть рѣшающаго значенія. Русскіе шли за Уралъ, несомнѣнно, по зырянскимъ дорогамъ и съ зырянскими проводниками. Эти проводники называли имъ рѣки и города по своему; въ то же время исконное угорское населеніе называли тѣ и другіе на своемъ языкѣ, другими именами, но эти имена становятся извѣстными только благодаря любознательности позднѣйшихъ изслѣдователей: Сосва фигурируетъ на всѣхъ картахъ, Ляпин-ја только у новѣйшихъ путешественниковъ. Аналогію этому явленію можно указать въ бассейнѣ Усы, гдѣ всѣмъ Русскимъ извѣстны Зырянскія названія притоковъ, а Самоѣдскія нашли себѣ мѣсто, кажется, у одного только Латкина.

Въ странѣ на З. и на С. З. отъ Устюга нужно предполагать кромѣ Югры и собственно финское или корельское население. Въ Устюжскомъ и Сольвычегодскомъ уѣздахъ, справедливо говоритъ Шюгрень, видны слѣды большаго смѣшенія языковъ и народовъ, какъ будто три сливающіяся здѣсь рѣки — Сухона, Югъ и Вычегда привлекли ихъ сюда изъ разныхъ областей. Слѣды Кореловъ остались въ личныхъ именахъ (фамиліяхъ) туземнаго населенія (Корелинъ). Шюгрень указываетъ ихъ и въ мѣстныхъ названіяхъ, но въ виду неопредѣленности, которая отличаетъ у него этотъ родъ основаній, мы не имѣемъ возможности придавать ему большаго значенія. Воспоминаніемъ о Финнахъ является здѣсь и въ Яренскомъ уѣздѣ, по Шюгрену, названіе области Гамская (Емь).

Исслѣдованіе мѣстныхъ названій показало намъ, что на пространствѣ, которое нынѣ занимаютъ и прежде занимали Коми, нѣтъ другихъ слѣдовъ, кромѣ оставленныхъ этими послѣдними и Югрой (+ Лопари?). Слѣдовъ какой бы то ни было другой народности не въ состояніи открыть самое тщательное исслѣдованіе. Между тѣмъ преданія нынѣшняго Пермскаго края говорятъ объ исчезнувшей Чуди. Территорія, занятая Чудью и покрытая ихъ опустѣвшими жилищами, начиналась, по указаніямъ Строгановскихъ актовъ, по берегамъ Камы ниже Перми. По правымъ притокамъ ея Тулвѣ, Лысвѣ, Сюзвѣ, Нытвѣ, Югу, Очеру и Ошапу и ихъ притокамъ отъ устья до вершинъ были „селища чудскія и заросли и озерка и островки и наволочки дикіе“.

Чудь представляетъ собою тотъ народъ, который застали, по преданіямъ, и Русскіе при своемъ появленіи въ Соликамскомъ краю. Одни изъ пермскихъ разсказовъ о ней тождественны съ тѣми, которые въ ходу на всемъ пространствѣ между Двиной и Ураломъ—Чудь зарывалась въ ямы и погребала себя подъ землей (Берхъ)—другіе отличаются по мотиву: г. Ивановъ близъ деревни Побойще слышалъ преданіе, по

которому Русскіе, появившіеся въ этомъ краѣ, встрѣтивши Чудь побили ее.

Мы имѣли уже случай разсматривать вопросъ о Чуди въ очеркѣ „Вотяки“ и выразили тамъ предположеніе, что Чудь, о которой говорятъ предки Вотяковъ, принадлежала къ Пермской группѣ. Въ настоящее время мы болѣе опредѣленно формулируемъ тоже воззрѣніе: Чудь народныхъ преданій и Русскихъ актовъ представляетъ одно и тоже съ предками современнаго населенія Сѣверо - Западной части Пермской губ.—Пермяками на З., Уграми на В. Вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ нужнымъ замѣтить, что имя Чудь не представляетъ собою созданія народовъ Пермской группы, а заимствовано ими у Русскихъ пришельцевъ, которые имъ обозначали туземное населеніе. Доказательствомъ этого служитъ между прочимъ то, что названіе, которымъ Пермяки обозначаютъ древнее населеніе „Чучвѣ“ и которое встрѣчается въ сложныхъ именахъ, Чучка - шоръ напр. — есть испорченное русское прилагательное чудскіе. Одного этого обстоятельства достаточно было бы для того, чтобы предположить, что Чудью назывались предки нынѣшнихъ Пермяковъ. Но мы имѣемъ рядъ другихъ доказательствъ.

Памятникомъ исчезнувшей якобы Чуди должны, конечно, служить тѣ названія урочищъ, которыя мы встрѣчаемъ на ея опустѣвшей территоріи. Чтоже говорятъ намъ эти названія? Городокъ, въ которомъ засѣли первые колонисты, привлеченные Строгановыми на пустопорожнюю землю, называется Кам-корь. Въ верстѣ отъ этого городка находилась рѣчка, которая носила названіе Пыскор - ки. Оба названія объясняются изъ Пермскаго языка и означаютъ Камскій городъ и Пыскскій городъ; оба города называются по рѣкамъ, на которыхъ они стоятъ. Рѣки покойнутаго якобы Чудью края носятъ также Пермскія названія—Сива, Обва, Лысва и т. д.

Переписныя книги и другіе акты XVI и XVII ст. даютъ намъ новый матеріалъ для рѣшенія вопроса о Чуди. Встрѣчая здѣсь прозвища Чудиновъ, Чудинъ, урочища съ

названіями „Чудинова новина“, мы имѣемъ полное основаніе заключить, что та Чудь, которая будто бы оставила свои жилища на Строгановскихъ земляхъ, и съ которой, по русскимъ преданіямъ, пришлось столкнуться первымъ колонистамъ, не перевелась вся—представители ея жили среди призванныхъ Строгановыми Русиновъ, Вотиновъ—и обособлялись отъ этихъ послѣднихъ прозвищами. Чудины распаивали новыя нетронутыя еще плугомъ земли. Эти Чудины и потомки ихъ Чудиновы были Пермьяками. Въ пользу тождества тѣхъ и другихъ говоритъ то, что среди разнообразныхъ прозвищъ по народностямъ мы не встрѣчаемъ въ Пермскомъ краѣ прозвищъ Перминовъ или Пермьяковъ. Пермяне, явившіеся съ С. на Строгановскія земли, въ отличіе отъ представителей другихъ народностей назывались Чудинами. Потомки этихъ Чудиновъ Чудиновы до сихъ поръ существуютъ въ Пермскомъ краѣ, образуя цѣлые поселки и ничѣмъ не отличаются отъ сосѣднихъ Пермьяковъ. Мы имѣли случай познакомиться съ населеніемъ дер. Чигасовой Бѣлоевской волости Соликамскаго уѣзда. Деревня составляетъ исключительное достояніе одного рода Чудиновыхъ; выселокъ изъ нея Виль-Чигасова имѣетъ уже припущениковъ съ другими родовыми прозвищами. По языку и быту Чудиновы ничѣмъ не отличаются отъ другихъ Пермьяковъ. Обособляются какъ будто нѣкоторые Чигасовцы черными густыми волосами и черными глазами, но заключать изъ этого, что они сохранили физическія черты старой Чуди и считать эту послѣднюю антропологически обособленной отъ Пермьяковъ группой мы не имѣемъ основаній. Вспомнимъ, что Чудь или Пермь стояла въ торговыхъ сношеніяхъ съ Болгарами, Татарами, подвергалась нашествіемъ Тюрковъ съ Ю., сосѣдила съ Угорскими племенами, которыя характеризуетъ черный цвѣтъ волосъ и глазъ, и мы будемъ имѣть простое объясненіе того, что среди Пермьяковъ имѣютъ мѣсто черноволосыя особи.

Памятники, приписываемые Чуди, также говорятъ въ

пользу тождества ея и Перми. Крупнѣйшимъ изъ нихъ являются, конечно, городища—**в а р ы** или **к а р и л ы**.

Перечень городищъ, находящихся въ предѣлахъ Пермскаго края — въ уѣздахъ Оханскомъ, Пермскомъ, Соликамскомъ и Чердынскомъ — находится у Рычкова („Дневныя Записки“), Попова („Хозяйств. Опис.“), Мельникова („Путевыя письма“), въ „Спискѣ населенныхъ мѣстъ“ и у А. П. Иванова („Къ антропологии Пермскаго края“—наиболѣе полный). Мы имѣли случай во время нашего путешествія по Соликамскому и Чердынскому уѣздамъ напасть на слѣды нѣсколькихъ новыхъ городищъ въ бассейнѣ Иньвы, которыя и приводимъ въ послѣдовательномъ порядкѣ рядомъ съ известными уже.

На крайнемъ западѣ бассейна въ истокахъ Кувы и Иньвы мы предположили на основаніи рѣчнаго названія Кочкоръ существованіе городища (Кочкоръ разлагается на **к о р ь**—городъ + **К о ч ь**—личное пермяцкое имя) и городища по этой рѣчкѣ дѣйствительно оказались: на одномъ изъ нихъ и теперь стоитъ деревня **Г о р о д и щ е**; около него находится озеро, которое въ поземельныхъ книгахъ волости носитъ названіе „Чудское городище“, въ Васюковской десятнѣ у дер. Карпъ - Васькиной имѣется паръ, который въ тѣхъ-же книгахъ пишется „кѣръ-туй“. Неопредѣленность написанія не позволяетъ сказать съ увѣренностью, имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ городищемъ или просто съ возвышенностью.

Въ Верхъ-Инвенской волости въ Вижайской десятнѣ по статейнымъ книгамъ значатся: городище близъ дер. Ярашовой, городище близъ дер. Зотиной, въ Визяевской десятнѣ рѣчка Городище-шоръ, во Внуковской десятнѣ урочище близъ дер. Внуковой **к ы р'-и л ь**, которое своимъ названіемъ напоминаетъ вотяцкіе и зырянскіе **к а р - и л ы**. Въ Йогвинской волости, въ Новожиловскомъ обществѣ имѣется урочище **К о ш - к ы р ь**, въ названіи котораго **к ы р ь** можетъ обозначать возвышенность и городище.

Въ Ошибской волости урочище Городище имѣется въ Патраковскомъ обществѣ, въ Бѣловской волости въ Мальцевской десятиѣ есть городище близъ дер. Першиной и тутъ же Мечкорь-ягъ, Мечкорь-ыбъ, въ Перковской десятиѣ Городищенскій логъ, Кэръ - туй, въ Бѣловской десятиѣ городище у дер. Бражкиной, рѣчка Кочворь.

Въ Архангельской волости въ Пронинской десятиѣ городище у дер. Капилиной и Слудиной, городище у дер. Чакиловой, по р. Чуткомашору, въ Антипинской десятиѣ дер. Дойкаръ (2 городища), въ Архангельской десятиѣ имѣется урочище Кырь - увтъ, въ Баяндинской десятиѣ урочище Чумъ-корь, въ Мартинской городище у дер. Карасовой и связанное съ нимъ урочище Кыр-ив-йыръ, городище у дер. Мартиной (у этой деревни, кажется, есть и другое городище), городище у дер. Габовой, урочище Кыр - ив - йыръ у дер. Верх. Волпы. Въ Кудымкорской волости урочище Кыр-ив-йыръ у дер. Сервы. Любезности П. А. Вологодина, редактора „Перм. Губ. Вѣд.“, мы обязаны рукописными свѣдѣніями о городищахъ въ приходѣ села Верх-Юсвенскаго близъ деревни Гырчиковой на берегу Юсвы и Ручевой около р. Сивашера, о чудскомъ кладбищѣ по близости села Верхъ-Юсвы и Чучкомъ молитвищѣ или мольбищѣ въ 1½ верстахъ отъ деревни Ыкъ на правомъ берегу Иньвы (груда истлѣвшихъ лошадиныхъ и коровьихъ костей).

Рядомъ съ названіями городищъ считаемъ умѣстнымъ привести извлеченныя изъ тѣхъ-же поstateйныхъ книгъ названія Чудскихъ и вообще старыхъ урочищъ: въ В. Инвенской волости въ Харинскомъ обществѣ Ва жъ - г о р д ъ, м о г и л ь н и к ѣ - й ы р ъ, ж и л и щ е, — въ Взязевскомъ обществѣ старое жилище, старое дворище, въ Таскаевскомъ обществѣ кладбище, Чучкой мысь у дер. Пестеровой, Чучкой логъ и Чучкой мысь у починка Карабатова, въ Галининскомъ обществѣ Ва жъ - г о р д ы м ъ, во Внуковскомъ обществѣ Ва жъ - г о р т ѣ; въ Йогвинской волости въ Йогвинскомъ обществѣ Ва жъ - о в а н у дер.

Чишиловой, Ва ж-о-в-а-н у дер. Тереновой, Ва ж-г-о-р-т-у-л-т въ Поносовскомъ обществѣ, въ Новожиловскомъ обществѣ Ва ж-д-в-о-р-и-щ-е, въ Сергинскомъ обществѣ д-в-о-р-и-щ-е; въ Ошибской волости — Чучкой вичъ (покосъ, лугъ), старое дворнще, въ Бѣлоевской волости въ Гуринской десятиѣ старое дворнще, Чутка шоръ.

Старое дворнще, въ Карбасовской десятиѣ у дер. Растригиной Чудовско, въ Бѣлоевской десятиѣ — Ва жъ-г-о-р-тъ, въ Кувинской вол. починокъ Чудовъ, въ Васюковской десятиѣ Чутскій Гэбъ по р. Кочкору (озерко), могильникъ, — въ Архангельской вол. р. Чучко(ма) шоръ, поч. Чютовъ, въ Баядинской десятиѣ чутской могильникъ; въ Купросской волости въ Аксеновскомъ обществѣ курганъ, въ Кудымкорской волости Чед-вичъ (?), Сю съ к-а-й-ы-ръ близъ дер. Якиной, въ Шадринскомъ обществѣ Ва ж-г-о-р-тъ, жилище, убище, чудское жилище, старое жилище (у дер. Остаковой), въ Борисовскомъ обществѣ могильникъ у дер. Софоновой (частию распаханъ, частию подъ покосомъ), старое жилище у дер. Солдатовой, въ Петрушинскомъ обществѣ могильникъ (гаръ и пашня) у дер. Петрушино.

Мы можемъ съ полнымъ убѣжденіемъ предположить, что въ предѣлахъ Соликамскаго и западной половины Чердынскаго уѣзда такъ называемыя Чудскія городища и селища принадлежатъ предкамъ нынѣшнихъ Пермьяковъ и старыхъ Коми, а не какой нибудь особой исчезнувшей народности. Въ этомъ прежде всего убѣждаетъ насъ языкъ. Разъ Коми и вся пермская группа имѣетъ слово для обозначенія города, городища (гаръ), ей несомнѣнно извѣстно было сооруженіе, обозначаемое этимъ словомъ. Затѣмъ весьма важнымъ является то обстоятельство, что не одинъ суффиксъ к-а-ръ въ названіяхъ чудскихъ городищ можетъ быть признанъ достояніемъ пермской группы. Опредѣляющія части нѣкоторыхъ изъ этихъ названій также несомнѣнно пермскаго происхожденія. Они состоятъ изъ лич-

ныхъ пермяцкихъ (языческихъ) именъ. Приведемъ названія чудскихъ городищъ, извѣстныхъ въ пермскомъ краѣ и сопоставимъ ихъ съ пермяцкими личными именами, извлеченными изъ нашихъ списковъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что и тѣ названiя, которыя не поддаются въ настоящее время точному опредѣленiю, выяснятся, когда мы будемъ располагать большимъ количествомъ старо-пермяцкихъ личныхъ именъ.

Названiя городищъ.   Личныя имена.

Въ бассейнѣ Иньвы, начиная съ ея верховьевъ

Кыс-коръ (Солик. у. на Ю. отъ р. Обвы).

Коч-коръ	Коч-
Ноп-кыръ	?
Меч-коръ	Мич-ко, Меч-(кино озеро)
Кудым-коръ	Кудым-овы
Дой-каръ	?
Чумъ-коръ	?
Май-коръ	?
Анюш-коръ	?

въ Чердынскомъ уѣздѣ

Реди-коръ	Рид-инъ
Гяб-(ево городище)	Гяб-овъ (починокъ въ Бѣлоевск. вол. Соликамскаго у.)
Крым-коръ	
Рябово городище	Рябъ...
Лаш-каръ	?
Патр-(ино городище)	Патр-авовы
Гурд-(ино городище)	?
Атламыш-(ево городище)	?
Аш-кар(ка)	?
Уд-каръ	Ут-евъ
Кошкар-(ево городище)	Кошкаревъ.

Уже этихъ основанiй было-бы достаточно для того, чтобы поставить вѣдъ сомнѣнiя привадежность по крайней

мѣрѣ части Чудскихъ городищъ Перми. Но мы располагаемъ еще однимъ, историческимъ аргументомъ. Городища Ис-корь (точнѣе Изь-каръ) и Покча (малое) были въ концѣ XV в., въ эпоху покоренія Перми, достояніемъ Пермскихъ князей. Лѣтопись, называетъ ихъ, рассказывая о покореніи Перми. Важнымъ свидѣтельствомъ въ пользу Пермскаго происхожденія каровъ является затѣмъ то обстоятельство, что въ области Западныхъ Коми (Зырянъ) мы встрѣчаемъ кары въ ихъ живомъ значеніи на цѣлыхъ 2½ столѣтія ранѣе чѣмъ на Камѣ. Подъ 1219 г. мы читаемъ въ первой Новгородской лѣтописи: „поиде Семьюнъ Ёминъ на Тоймокары и не пусти ихъ Ярославъ съвозе свою землю“. Шюгрень давно уже указалъ, гдѣ находились эти кары—недалеко отъ границы Солвычегодскаго уѣзда съ Архангельской губерніей по рѣкамъ верхней и нижней Тоймамъ, гдѣ до сихъ поръ сохраняются городища, называемыя народомъ Чудскими ¹⁾. Мы называемъ Тоймокары пермскимъ словомъ, такъ какъ оно очевидно состоитъ изъ двухъ Пермскихъ словъ каръ городъ и Тойма моховая рѣка и значитъ Тойминскіе городки. Въ состояніи покинутыхъ укрѣпленій кары встрѣчаются на всей территоріи нынѣшней Зырянскаго племени. Въ писцовыхъ книгахъ встрѣчаются указанія на Княжой городокъ и „Княжой мысъ“ на р. Яренгѣ выше г. Яренска. Преданіе о князѣ, жившемъ на этомъ мысу, слышалъ еще въ нынѣшнемъ столѣтіи Шюгрень во время своего путешествія. Въ томъ же уѣздѣ по писцовой книгѣ 1707 г. значится деревня Новоселокъ, что было Чудское городище надъ рѣкой Вычегдой, да къ ней припущена деревня Карабиль (вершина городищенскаго поля—по Зыр.), тутъ же находится рѣчка Карашоръ (городищенская). Въ Усть-Сысольскомъ уѣздѣ на р. Вотчѣ неподалеку отъ границы Вятской губерніи писцовая книга показываетъ городокъ, который до сихъ поръ у Зырянъ называется Кариль.

---

¹⁾ Шегр. I. с. 336.

Писцовая книга говоритъ еще объ одномъ Чудскомъ городкѣ неподалеку ¹⁾).

Въ числѣ памятниковъ Чуди оказываются далѣе серебряные слитки въ видѣ прутьевъ въ палецъ толщиной и аршинъ длиной ²⁾). Если наше предложеніе, что Чудь была предками нынѣшнихъ Пермяковъ, основательно, мы должны были бы найти въ языкѣ или преданіяхъ послѣднихъ какіе нибудь слѣды знакомства съ такими слитками. Обратимся съ этимъ соображеніемъ къ главнѣйшему памятнику Пермяцкой старины языку. Выбирая изъ словарей Рогова и Видемана термины, относящіеся къ торговлѣ и монетѣ, мы встрѣчаемся съ словомъ *ш а т ь*, которое имѣетъ значеніе *п р у т а* и *р у б л я*. Замѣтимъ, что это слово, не представляетъ собою какого нибудь архаизма: оно до сихъ поръ живетъ въ устахъ народа и замѣняетъ употребляющіяся у другихъ нашихъ инородцевъ слова *м а н е т ь*, *т е н ь г а*, *а к ч а*. Несомнѣнно, стало быть, что Пермяки жили въ краю городищъ въ то время, когда *р у б л ь - п р у т ь* былъ мѣновой единицей.

Послѣднимъ самымъ загадочнымъ родомъ памятниковъ Чуди являются въ Пермскомъ краѣ разнообразныя подвѣски и литыя изъ бронзы изображенія животныхъ. Назначеніе массы этихъ предметовъ, наполняющихъ между прочимъ цѣлые шкафы въ знаменитой коллекціи Ѳ. А. Теплоухова, выяснилось бы, если бы мы имѣли передъ собою достаточно полныя собранія предметовъ, характеризующихъ бытъ Сибирскихъ инородцевъ. Ключъ къ Чудской загадкѣ находится, несомнѣнно, въ Сибири. Оттуда шли металлы, изъ которыхъ изготовлялись Чудскія вещи, такъ какъ сѣверный Уралъ не обнаруживаетъ признаковъ Чудскихъ копей; оттуда приходили съ матеріаломъ и формы.

Обстоятельнаго изслѣдованія Чудскихъ древностей русская археологическая наука ожидаетъ отъ Ѳ. А. Теплоухова,

---

¹⁾ Шегр. 1. с. 423—428.

²⁾ Роговъ. Матер. 49.

обладающаго самой большой и систематической их коллекціей. Мы затрогиваемъ этотъ вопросъ въ самыхъ общихъ чертахъ на основаніи матеріала, имѣющагося въ музеѣ Казанскаго Археологическаго Общества. Разберемъ прежде всего въ этихъ Чудскихъ находкахъ и установимъ категорию, на которыя онѣ распадаются. Въ первую категорию мы должны выдѣлить вещи, которыя имѣютъ всеобщее распространеніе до сихъ поръ и отличаются только нѣкоторыми особенностями формы—кресты, серьги, перстни, пряжки, изъ орудій труда топоры, ральники и пр. За вычетомъ этихъ послѣднихъ вещей у насъ останется 1) немногочисленная группа предметовъ ясно восточнаго происхожденія (сассанидскія и арабскія монеты и утварь) 2) группа мѣдныхъ предметовъ, составляющая самое таинственное во всемъ „Чудскомъ“ наслѣдствѣ. Въ эту послѣднюю группу входятъ: изображенія животныхъ и птицъ, пестрая масса предметовъ, которые обозначаются неопредѣленнымъ именемъ подвѣсовъ. Всмотриваясь во всѣ эти предметы, мы замѣчаемъ, что большая часть ихъ—даже изображенія животныхъ и птицъ, дѣйствительно, приспособлены къ подвѣшиванію. Догадка, которую мы дѣлаемъ на основаніи характера Чудскихъ вещей, вполне оправдывается данными, которыя мы имѣемъ въ литературѣ. На рисункахъ Ешевскаго, Вологодина, въ коллекціи Чудскихъ вещей покойнаго Первухина можно видѣть маленькія сердцевидныя бляшки, относительно которыхъ можно было предположить, что онѣ нашивались на какую нибудь часть одежды. Въ „Дневныхъ Запискахъ“ Рычкова мы имѣемъ извѣстіе, что около городища у села Рождественскаго на Обвѣ былъ найденъ въ числѣ другихъ предметовъ кожаный поясъ „украшенный множествомъ бляхъ на подобіе сердечекъ“...¹⁾; такой же поясъ найденъ въ 1889 г. Шатровымъ. Раскопки, произведенныя г. Шатровымъ въ Зюздин-

---

¹⁾ Дн. Зап. II, 76.

скомъ краѣ, показали, какъ много можетъ выясниться, если вмѣстѣ съ покупкой «находокъ» будутъ вестись правильныя археологическія изслѣдованія мѣстностей, содержащихъ чудскія вещи. На одномъ изъ склоновъ Тиминскаго городища на р. Колычѣ г. Шатровъ нашелъ обычныя чудскія подвѣски, но при этомъ обнаружилъ вещь, о которой можно было только догадываться, рассматривая находки: «каждая подвѣска была прикрѣплена къ какой-то части костюма при помощи ремешка, продѣтаго чрезъ особое отверстіе въ верху бляшки и снабженнаго 4—6 мѣдными бусами». На Носковскомъ городищѣ г. Шатровъ нашелъ бляхи прикрѣпленныя къ кожѣ и обрывки покрытыхъ ими кожаныхъ поясовъ¹⁾. Изъ этихъ фактовъ очевидно, что древній Чудской костюмъ состоялъ изъ кожаныхъ одеждъ, украшенныхъ подвѣсками, которыя прикрѣплялись къ одеждѣ ремнями.

Не находя въ современномъ пермяцкомъ костюмѣ никакихъ указаній на то, чтобы Пермь когда нибудь употребляли металлическія подвѣски, мы имѣли-бы основаніе отрицать древне-пермяцкое происхожденіе этихъ вещей. Но не слѣдуетъ забывать, что современный пермяцкій костюмъ есть костюмъ русскій и заключать на основаніи его о костюмѣ дорусскихъ временъ нѣтъ основанія. О древнемъ, оригинально-пермяцкомъ костюмѣ можно только догадываться на основаніи данныхъ языка. Уже въ Очеркѣ „Вотяки“ мы имѣли случай констатировать, что древній костюмъ Пермина состоялъ изъ выдѣланныхъ шкуръ. Основные элементы костюма чудскаго и древне-пермяцкаго, стало быть, совпадаютъ и предположеніе, что онъ украшался подвѣсками, становится вполне правдоподобнымъ. Понятіе о такомъ костюмѣ можно составить, обратившись къ Сибирскимъ инородцамъ. Въ Музеѣ Отечества въ Казанскомъ Университетѣ нахо-

---

¹⁾ В. Г. В. 1889 г. № 60—62.

дится костюмъ „сибирскаго шамана“—къ сожалѣнію, безъ точнаго обозначенія народности, отъ которой онъ полученъ. Детальное разсмотрѣніе этого костюма можетъ привести въ очень поучительнымъ сближеніямъ. Костюмъ состоитъ изъ кожаной рубашки съ капюшономъ. Капюшонъ отдѣланъ громаднымъ количествомъ подвѣшенныхъ на ремешкахъ изображеній людей, животныхъ, рыбъ. Отмѣчая напередъ различіе въ металлѣ, въ формахъ, остановимся на томъ, что типически характеризуетъ нашъ шаманскій костюмъ и проливаетъ свѣтъ на чудскія находки: мы видимъ костюмъ, сдѣланный изъ звѣриной кожи и отдѣланный массой гремучихъ предметовъ, между которыми фигурируютъ и изображенія живыхъ существъ. На фотографіяхъ Первухинской коллекціи мы видимъ нѣчто въ родѣ петель, по своей формѣ тождественныхъ съ такими-же петлями на нашемъ шаманскомъ костюмѣ. Эти послѣднія въ состояніи намъ объяснить и способъ прикрѣпленія чудскихъ петель и ихъ назначеніе. Такіе-же погремушки подъ именемъ „цать“ и „взоровъ“ упоминаетъ Новицкій въ своемъ „Описаніи о народѣ Остяцкомъ“. Устанавливая аналогію между новѣйшимъ шаманскимъ костюмомъ и древне-Чудскимъ, мы не хотимъ связать, что всѣ подвѣски и фигурки, которыя извлечены изъ пермской почвы принадлежали къ костюму пермскихъ шамановъ: костюмъ шамана того или другаго народа въ наше время можетъ быть переживаніемъ костюма, который ранѣе носили всѣ его родичи. — Кромѣ декоративнаго назначенія фигурокъ можно предположить и другое. Бывшій Вологодскій губернаторъ Мельгуновъ нашелъ въ зырянской сторонѣ мѣдныя фигурки, изображавшія соболей, лисицъ. Зыряне на счетъ этихъ находокъ сообщили ему, что эти фигурки отливались Вогулами для приношенія въ жертву богамъ ¹⁾; ту-же роль могли онѣ играть и у Чуди-Перми.

---

¹⁾ Перм. Лѣт. I,

Послѣднимъ важнымъ свидѣтельствомъ въ пользу прямой связи между Чудью и Пермью является обычай „помянуть Чудаковъ“. Этотъ обычай впервые отмѣченъ А. П. Ивановымъ. Въ селѣ Гидаевѣ, по его словамъ, въ семьѣ дѣти носятъ на чудскія кладбища блины и оставляютъ ихъ тамъ, говоря: „помяни Господи Чудскаго дѣдушку, Чудскую бабушку“)“. Мы обратились, съ цѣлью изслѣдовать распространение этого обычая, къ г. Шатрову въ Зюзино Глазовскаго уѣзда съ вопросомъ, не практикуется-ли онъ и тамъ и получали утвердительный отвѣтъ. „Въ семьѣ, пишетъ намъ г. Шатровъ, и въ прочіе поминальные дни, какъ въ старину было принято, носятъ на Чудскіе могильники яства, полагая ихъ въ берестяныя коробочки („чуплюшки“) съ личнымъ перевѣсельцомъ. Вѣшая эти коробочки на сосны и ели, растущія на могильникахъ, говорятъ: „помяни Господи Чудака NN (называютъ имя, которое переходитъ изъ рода въ родъ)“. Въ этомъ обычаѣ слѣдуетъ видѣть прямое свидѣтельство о родствѣ, соединяющемъ нынѣшнихъ Пермяковъ и былую Чудь.

Установивши тождество Чуди и Перми, обращаемся къ тѣмъ даннымъ, которыя характеризуютъ культуру древнихъ Пермяковъ. Въ нашей литературѣ имѣется не малочисленная группа изслѣдователей, которая разсматриваетъ настоящее Пермяковъ, какъ результатъ упадка нѣкогда высоко-культурнаго племени. „Въ древности Біармія была богатой и славной страной, читаемъ мы одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей Пермяковъ г. Маліева, она имѣла своихъ князей, укрѣпленные города; жители ея занимались выплавкой металловъ, торговлей мѣхами... Судя по оставшимся въ предѣлахъ губерніи многочисленнымъ городищамъ и укрѣпленнымъ мѣстамъ... нужно думать, что населеніе древней Перми было очень густое и что оно стояло на довольно высокой ступени развитія“²⁾). Въ преувеличенныхъ представленіяхъ на

---

²⁾ «Къ антроп. Пермскаго края». 12.

¹⁾ «Матеріалы для антроп. Пермяковъ». Тр. К. О. Е. т. XVI, в. 4,

счетъ пермской культуры винять обыкновенно Норманновъ съ ихъ сагами. Мы видѣли однако, какъ мало неправдоподобнаго по существу имѣютъ саги. Если о Пермькахъ, отождествляя ихъ съ Біармійцами, разсуждаютъ, какъ о павшемъ величїи, виноваты не Норманны, а тѣ позднѣйшіе изслѣдователи, которые или не достаточно точно передавали свѣдѣнія сагъ или прилагали къ явленіямъ древне-пермскаго быта не тотъ масштабъ, который былъ нуженъ. Г. Маліевъ напр. изъ того факта, что Чудь-Пермяки имѣли к о р ы, отъ которыхъ остались городища, и князей, дѣлаетъ, измѣряя эти явленія европейской исторической мѣркой, совершенно правильно ложныя заключенія: „Біармія была богатой и славной страной. . . имѣла очень густое населеніе и довольно высокую степень развитія. . .“ Мы увидимъ ниже, какіе выводы можно дѣлать, оставаясь на той-же фактической почвѣ. Для правильныхъ выводовъ относительно древне-пермской культуры нуженъ прежде всего настоящій масштабъ. Этотъ масштабъ мы можемъ установить на основаніи данныхъ языка и аналогїи съ явленіями быта родственныхъ народовъ. Въ очеркѣ „Вотяки“ мы дали сжатую характеристику древняго быта Пермской группы на основаніи культурныхъ словъ. Здѣсь мы приводимъ ее, дополняя чертами, относящимися собственно къ Коми и извлеченными изъ зыряно-пермяцкихъ словарей Рогова, Латкина и Видемана.

Жилищемъ Коми была первоначально землянка, затѣмъ появившаяся на поверхности земли постройка. Въ пользу этого предположенія говоритъ исторія слова *gort* у Зырянъ: оно значитъ землянка, домъ, деревня. Уже Кастрень, основываясь на данныхъ языка, приписывалъ Зырянамъ чудскія ямы Мезенской и Печерской областей. Землянки внутри могли выкладываться деревомъ. Около с. Ильинскаго въ былое время находили нѣчто въ родѣ погребовъ съ опущенными въ землю срубами. Значеніе этихъ срубовъ уясняется характеромъ древнихъ остяцкихъ построекъ. „А живутъ въ лѣсахъ темныхъ, читаемъ мы въ „Описаніи новой земли

сирѣчь Сибирскаго царства“, надъ водами; зимныя юрты деревянныя въ земляхъ, аки въ погребѣхъ отъ великихъ мразовъ“¹⁾). Постройки, возвышающіяся надъ поверхностью земли, распадаются на два типа, для обозначенія которыхъ служатъ слова вичь-ку, керъ-ку. Оба слова сложныя и состоятъ изъ ку съ опредѣляющими вичь и керъ. Что такое представляетъ собою слово ку, представляемъ рѣшать филологамъ. Позволимъ однако себѣ высказать предположеніе, что ка или ку въ языкѣ Коми можетъ оказаться близкимъ къ вотяцкому куа съ одной стороны и куд, куда, кот въ другихъ финскихъ нарѣчіяхъ съ другой. Сочетаніе слова кота съ словомъ, обозначающимъ матеріалъ, изъ котораго сдѣлана постройка, имѣетъ мѣсто въ архитектурной терминологіи западныхъ Финновъ (Heikel). Можно думать, что по этому-же типу построены и пермяцкія названія. Керъ означаетъ бревно, вичь — жердь; керку представляетъ собою, стало быть, бревенчатую постройку, вичь-ку постройку изъ жердей. Настоящее значеніе слова вичку—церковь—какъ будто не допускаетъ относить его къ числу старыхъ пермяцкихъ архитектурныхъ терминовъ, но мы думаемъ, что есть основаніе считать терминъ вичку предшествовавшимъ христіанству и получившимъ благодаря этому послѣднему новое значеніе. Пермяки одни изъ извѣстныхъ намъ инородцевъ имѣютъ собственный терминъ для обозначенія христіанскаго храма; Вотяки употребляютъ искаженный русскій терминъ tserk, Черемисы цѣркэ (черкэ), Чуваши—шюргэ. Не значитъ-ли это, что у нихъ еще въ языческую пору былъ спеціальнѣйшій терминъ для обозначенія храмовъ, тѣхъ кумирницъ, о которыхъ говоритъ между прочимъ Епифаній въ житіи св. Стефана, и этимъ терминомъ было вич-ку? То обстоятельство, что въ техническомъ отношеніи вич-ку пред-

---

¹⁾ Сибирь въ XVII в. М. 1890, 73. Ср. Добровъ. Пермяки. В. Е. 1883, III. 234.

ставляетъ низшую ступень по сравненію съ кер-ку, не можетъ служить возраженіемъ. Вотяцкая куала также представляетъ болѣе первобытную постройку по сравненію съ избой, а между тѣмъ она служитъ и домовымъ и общественнымъ храмомъ. Первобытный типъ постройки является даже условіемъ пребыванія въ ней божества. Вотяцкій воршудъ, какъ богъ-предокъ, обитаетъ въ куалѣ и тѣсно связанъ съ ея очагомъ. У Пермьяковъ также обиталищемъ боговъ могли служить постройки древнѣйшаго типа (не эти-ли вич-ку разумѣются у Епифанія подъ словомъ „привѣжки“, въ которыхъ стояли идолы?).

Вич-ку, какъ легкая постройка, занимаетъ мѣсто среди ряда подобныхъ построекъ, которыя были извѣстны Коми и имѣли назначеніе лѣтняго жилья. Общими терминами для обозначенія такихъ сооружений являются чомъ, чомья. Слово чомъ, какъ и обозначаемое имъ явленіе, принадлежитъ бесспорно къ самому глубокому періоду пермяцкой старины. На зырянскомъ сѣверѣ оно имѣетъ значеніе такого-же основнаго термина для обозначенія жилища, какъ слово к у д а у Черемисъ, какъ до м ъ у Русскихъ. Стоитъ всмотрѣться въ тѣ значенія и сочетанія, съ которыми оно является у Видемана: шалашъ, клѣтъ, jep-tšom — божница, rop-tšom — собачья клѣтка, затѣмъ dōra-tšom холстовая палатка, lobosa tšom, lus-tšom — шалашъ изъ вѣтвей и листьевъ, rōl-tšom балаганъ изъ досокъ. Имѣющееся въ словарѣ Видемана мѣсто stšamja шалашъ, ш а л а ш ъ л ѣ т н і й (щамья) намъ кажется неправильно записаннымъ чамья, которое имѣетъ общее съ словомъ чомъ происхожденіе. Въ перечисленныхъ значеніяхъ отразилась вся исторія чума. Было время, когда чомъ былъ единственной формой жилища, извѣстной Коми рядомъ съ пещерой - землянкой: затѣмъ съ появленіемъ бревенчатаго жилья онъ обратился въ лѣтній шалашъ или клѣтъ, соответствующую вотской к у а. Этотъ моментъ засталъ въ Перми св. Стефанъ. Вспомнимъ, что онъ искалъ идоловъ Пермьяковъ въ привѣжкахъ, т. е. въ постройкахъ при „вѣжахъ“.

Таковыми постройками могли быть, какъ у современныхъ Вогуловъ, легкіе чомы или чомји. Матеріаль и формы чома были, вѣроятно, различны. Въ самую раннюю пору онъ могъ сооружаться изъ древесныхъ вѣтвей и набросанныхъ на нихъ листьевъ.

Къ позднѣйшему времени относится чомъ изъ бревенъ—вер-ка, кер-ку. Древнѣйшимъ типомъ его является современный пывсянъ или пылсянъ. Эта бревенчатая постройка, служащая баней при другомъ жильѣ и единственнымъ жильемъ охотника. Названіе пывсянъ представляетъ собою эпитетъ (парильная), которымъ обозначалась кер-ку опредѣленнаго назначенія; у Видемана мы находимъ его въ древнемъ сочетаніи съ вер-ку—пывсянъ вер-ку. Объ устройствѣ пывсянъ вер-ку можно догадываться—независимо отъ положительныхъ указаній путешественниковъ—изъ тѣхъ пермяцкихъ словъ, которыя имѣютъ отношеніе къ жилищу. У Коми существуютъ слова для обозначенія потолка—jirk, пола (помоста) джодж, окна—öşyn (ср. öşinmöc), двери—ыбöc, ödzös, ös, крыши—велт.

Назначаясь преимущественно для зимняго жилья, бревенчатая постройка имѣла постоянное огнище. Древнѣйшій типъ его сохранился въ землянкахъ, о которыхъ говорятъ пермяцкія преданія. Это было просто востеръ, разложенный посреди ямы. Высшую стадію развитія огнища представляетъ гор, вот. гур. Въ словаряхъ Видемана, Лыткина и Рогова слово гор переводится по русски печь. Изъ этого перевода нельзя сдѣлать никакихъ заключеній о типѣ огнища, обозначаемаго даннымъ словомъ. Типъ этотъ разъясняется, когда мы обратимся къ помощи языка. Альквистъ ставитъ вотяцкій терминъ для обозначенія огнища гур въ связь съ угорскими—вогульскимъ küŋ, остяцкимъ ког или киг. Эту связь можно, конечно, распространить и на пермскій г о р. Общность термина для обозначенія огнища даетъ намъ право искать его древній типъ у Угорскихъ родичей Перми. Исслѣдователи быта Маньсовъ, г.г. Гондатти,

Кузнецовъ и др. сообщаютъ, что въ зимнихъ юртахъ этихъ ивородцевъ помѣщается въ углу нѣчто въ родѣ камина — „остовъ камина и трубы, говоритъ г. Кузнецовъ состоитъ изъ жердей и все это замазано усердно глиной, а два-три большихъ камня служатъ очагомъ ¹⁾“. Г. Гондатти описывая вогульскую печь, говоритъ, что она сдѣлана „въ видѣ дупла съ выемкой спереди ²⁾“. Въ подобной печи можно только варить на разведенномъ огнѣ; у Вогуловъ надъ огнищемъ, дѣйствительно, спускается крюкъ, на который привѣшивается котелъ съ тѣмъ или другимъ варевомъ. Такъ пользовались своимъ гор и старые Коми. Котелъ (пѳрт) былъ у нихъ единственной посудой для приготовления кушанья; не даромъ его вляли всегда съ умершимъ въ могилу. Данные языка позволяютъ предположить, что часть Коми, сѣверные Зыряне, и до сихъ поръ не забыли этого стараго способа готовить кушанье. Мы имѣемъ у С. Коми слова *gor - mödtsan*, *kl'uka*, *myttsan* — крюкъ передъ печкой, *ratšvodz*, би-видзянь, би-точжан, *gogna* — очагъ.

Огонь, составлявшій насущную принадлежность такого жилья, добывался въ раннюю пору треніемъ двухъ кусковъ дерева, позднѣе при помощи огнива (бива) и кремня (бивартанъ, *bi-pestan*, б і я-и з).

Мебель первобытнаго Пермскаго жилья составляли: столъ (пызанъ) и обрубки дерева, замѣнявшіе стулья (джѳкъ, пувѳсъ, увѳсъ пувалынъ).

Постелью Коми служила звѣриная шкура (оль-пасј).

Незагороженное пространство около дома — дворъ, улица — называлось *ѳтѳр*, *purys'*, *lud*. Загороженное — *potšös*, *kytšul*, *purjög* для скота *karta*, *jöz*, *gid*. Это послѣднее слово впоследствии получило значеніе хлѣва. Передъ избой устраивалось нѣчто въ родѣ сѣней — *zap*, *zap-vidz'jan*. Въ виду

---

¹⁾ Изв. И. Р. Геогр. О. т. XVIII, 740.

²⁾ Предв. отч. о поѣздкѣ въ С. З. Сибирь. М. 1838. 66.

того, что гортъ значить и домъ и деревня, мы имѣемъ основаніе утверждать, что Пермязкое селеніе составлялось постепенно изъ жилищъ разрастающагося рода. Сѣверные Коми выработали для обозначенія деревни особые термины—грездъ, сиетъ. У Пермязковъ за гортѣмъ слѣдуетъ непосредственно в а р ь. Въ XVI—XVII вѣкахъ слово каръ служило для обозначенія городища, въ настоящее время во многихъ мѣстностяхъ Пермязкаго края Пермязки уже перестали понимать его, взятое отдѣльно. Съ былымъ своимъ значеніемъ оно до сихъ поръ сохранилось у Вотяковъ и Зырянъ.

Для того, чтобы имѣть правильное понятіе о древней культурѣ Пермязи, слѣдуетъ по возможности точно выяснить смыслъ явленія обозначаемаго словомъ каръ. Мы имѣли уже случай замѣтить, что въ названіяхъ древнихъ каровъ по большей части заключаются личныя имена. Это-же явленіе имѣетъ мѣсто и въ названіяхъ нынѣшнихъ деревень. Принимая во вниманіе то, что происходяція отъ личныхъ именъ названія деревень объясняются обыкновенно именемъ перваго насельника, родоначальника ея настоящихъ обитателей, можно предположить, что древне-пермязскіе кары были также поселеніями родовъ, объединенныхъ воспоминаніями о предкѣ и основателѣ кара. Съ такимъ предположеніемъ согласны вполне размѣры каровъ. Отличіе древнихъ каровъ отъ современныхъ деревень состояло только въ томъ, что первые были защищены рвами и валомъ, а вторые являются открытыми.

Картину Пермязкой страны въ эпоху существованія каровъ мы можемъ возстановить путемъ аналогіи съ явленіями быта родственныхъ Коми Угорскихъ племенъ. На рубежѣ XV и XVI в.в. былъ предпринятъ завоевательный походъ за Уралъ въ бассейнъ Оби. Занесенные въ лѣтопись результаты этого похода для насъ въ высшей степени поучительны. Воеводы, начавши свой походъ съ Ляпина городка, „поимали 33 городы, да взяли 1009 лучшихъ людей, да 50 кня-

зей привели. Да Василей же Бражникъ взялъ 50 городовъ да 50 головъ...¹⁾“

Изъ количества городковъ и отношенія его къ количеству князей и лучшихъ людей очевидно, что городки были поселеніями чрезвычайно мелкихъ общественныхъ союзовъ, вѣроятнѣе всего родовъ.

Первая Новгородская лѣтопись даетъ отчетливую по своимъ деталямъ и единственную, если не ошибаемся, картину жизни древнихъ югорскихъ городковъ. Въ 1192 г. Новгородскіе данщики отправились въ Югру за данью, взяли одинъ городъ, подошли къ другому. Югра, имѣвшая во главѣ князя, затворилась въ городеѣ. Новгородцы стояли 5 недѣль и ничего не могли сдѣлать. Югра просила „данщиковъ“ потерпѣть, не губить своихъ смердовъ, а на самомъ дѣлѣ „копила вой“. Сколько этихъ воевъ могло помѣститься въ градѣ, можно догадываться по тому, что Югра не рѣшалась сразу напасть на Новгородцевъ, а завлекала ихъ въ градъ обманомъ сначала 12, потомъ 30, потомъ 50 и такъ истребляла и только послѣ этого сдѣлала вылазку и перебила большую часть остальныхъ (уцѣлѣло только 80 человекъ). Новгородцевъ, судя по этимъ цифрамъ, было самое большее 300 человекъ; столько-же приблизительно въ теченіи 5 недѣль оказалось возможнымъ собрать изъ района, въ которомъ находился сильный по сравненію съ другими градъ. Аналогія съ явленіями Югорскаго быта, намъ кажется, должна разсѣять туманъ, который заутываетъ Чудскія городища и заставляетъ видѣть грандіозныя картины тамъ, гдѣ имѣетъ мѣсто очень скромная дѣйствительность.

Стоя у устьевъ рѣчекъ, впадающихъ въ какую нибудь крупную рѣку, эти вары служили укрѣпленіями, которыя были постояннымъ жительствомъ для князька, прикрытіемъ для рѣки, по которой промышлялъ родъ, и убѣжищемъ въ минуту опасности.

---

¹⁾ Замясл. «Гербершт.» 435; ср. Бѣляевъ. «Геогр. свѣд.» 247—250.

Главнымъ занятіемъ предковъ нынѣшнихъ Коми была охота. Объ этомъ свидѣтельствуесть обиліе относящихся къ ней терминовъ. Для ловли звѣрей мы имѣемъ западни (вулэмъ), сѣти (кыйэтъ, кыйанъ, везот), для мелкихъ звѣрей ловушки-западни (налькъ, пилемъ). Терминъ, который служитъ для обозначенія охоты, указываетъ точно на ея характеръ — кы й ны-в ы й ны = ловить-убивать. Охотничьимъ и боевымъ оружіемъ являются лукъ и стрѣла (вуджь, нјолъ); стрѣлы носились въ колчанѣ (нјол - дов). Для рыбной ловли служила острога (адзъвас). Наконечники стрѣлъ въ отдаленную эпоху были костяные. О широкомъ употребленіи кости для этой цѣли свидѣлствуютъ многочисленныя костища Пермской и Вятской губерній. Металлы въ примѣненіи къ вооруженію являются у Коми, кажется, подъ влияніемъ сосѣднихъ народовъ. Чудь, настолько позволяетъ объ этомъ судить языкъ, знала только два металла—серебро и мѣдь, для нихъ она имѣетъ свои названія. При этомъ мѣдь имѣетъ общее названіе у восточныхъ и западныхъ Финновъ. Утилизировала она мѣдь для вооруженія и въ какой мѣрѣ — могутъ выяснитъ однѣ археологическія изслѣдованія. Языкъ можетъ констатировать только, что процессъковки былъ извѣстенъ предкамъ Коми; мы имѣемъ въ языкѣ ихъ собственныя слова для обозначеніяковки и ея орудій: дорны—ковать, dogög—кузнечная работа, ушканъ (пукшанъ?) — кузнечный мѣхъ, вартанъ—молотъ (било). Можно думать что эти термины возникли при обработкѣ мѣди.

Рядомъ съ охотой у древнихъ Коми занимало мѣсто и земледѣліе, хотя и не въ значительной степени. Они знали пшеницу (шогды), ячмень (id), овесъ (zög, tög, tes'). Относительно ржи Альевистъ высказываетъ предположеніе, что Финны познакомились съ ней позднѣе благодаря Германцамъ, Литовцамъ и Славянамъ; Кеппенъ напротивъ думаетъ, что всѣ эти народы узнали роль отъ Финновъ. Орудіемъ обработки земли у Коми служили, какъ показываютъ согласно съ языкомъ преданія, копыль (gög). вмѣстѣ съ копыломъ

употреблялась примитивная борона. Это орудіе называется у Коми пивја—зубастая. Первичной формой ея былъ древесный стволъ съ обрубленными слегка сучьями. Удобрение земли до знакомства съ Русскими, какъ мы увидимъ ниже, Пермькамъ было неизвѣстно. Въ XVI в. по извѣстіямъ писцовыхъ книгъ у Коми имѣла мѣсто переложная система. Для жнитва употреблялся серпъ (черла, черва). Изъ растений, дающихъ волоно, Коми пользовались коноплемъ (пышь, кѡн?).

Вопросъ о домашнихъ животныхъ, которыя извѣстны были первобытнымъ Коми, представляетъ значительныя затрудненія. Мы имѣемъ для обозначенія коровы mös, быка öska, öš, овцы mež, лошади vöi. Представляютъ-ли эти слова продуктъ собственнаго творчества или они заимствованы въ отдаленное время у сосѣднихъ народовъ, рѣшается различно. Въ виду того обстоятельства, что, по Альквисту, западные Финны заимствовали у Германцевъ названія для коровы, лошади, овцы, козы, свиньи, можно считать несомнѣннымъ, что въ пору отдѣленія своего отъ общаго корня западные Финны не были знакомы съ скотоводствомъ даже въ его элементарныхъ формахъ. По аналогіи можно было-бы предположить, что и Коми познакомились съ названными домашними животными позднѣе, чрезъ сосѣдей. Трудна, подобнаго тому, который выполненъ Альквистомъ для западныхъ Финновъ,—сравненія финскихъ культурныхъ словъ съ однозначными словами въ языкахъ сосѣднихъ народовъ—мы не имѣемъ для Финновъ восточныхъ, не имѣемъ поэтому и прочныхъ основаній для рѣшенія этого сложнаго вопроса. Представляя эту сторону дѣла послѣдующимъ изслѣдователямъ-лингвистамъ мы приведемъ лишь матеріалы для него. Grimmъ сопоставилъ западно-финское названіе теленка vasikka съ санскр. vaska, имѣющимъ тоже значеніе. Доннеръ собралъ изъ западно-финскихъ нарѣчій (вепск., эстонск., лопарск.) всѣ слова имѣющія родство съ словомъ vasikka, Буденць присоединилъ къ нимъ зырянское mös (v || m), Андерсонъ съ формой vasikas сблизилъ чер. ũškūzh, пер. öska.

Прибавимъ съ своей стороны слѣдующія сопоставленія:

Зыр. *meġ*—овца, зенд. *maescha*.

Зыр. *völ*—лошадь, гот. *folo*.

Представляемъ специалистамъ судить, въ какой степени основательны эти сближенія, касающіяся коровы, овцы и лошади и какъ слѣдуетъ на нихъ смотрѣть.

До нѣкоторой степени вопросъ о животныхъ, извѣстныхъ Коми, можно рѣшать и на основаніи историческихъ данныхъ. Лошадь была еще въ X вѣвѣ рѣдкимъ животнымъ на С. В., какъ свидѣлствуютъ Арабы. Въ пермскомъ краѣ ѣзда и позже происходила на собакахъ (Лербергъ. Изсл. Югр. 15). Свидѣтельство Герберштейна, что Пермь платила дань конями и мѣхами, не противорѣчитъ нашему положенію. Герберштейнъ включаетъ въ составъ Перми земли, занятія Тюркскими кочевниками, и они-то, конечно, давали Москвѣ коней въ то время, когда Пермь давала мѣха. Рядомъ съ собакой для передвиженія у Коми употреблялся олень (вѣр). Въ настоящее время только сѣверные, Ижемскіе Зыряне занимаются оленеводствомъ. Но было время, когда оленя, какъ домашнее животное, знало и южные Коми—Пермяки и Вологодскіе Зыряне. Въ пользу этого говоритъ сохранившееся у тѣхъ и другихъ воспоминаніе объ обычаѣ оленеводовъ приносить оленей въ жертву богамъ. Въ с. Гидаевѣ Слободскаго уѣзда А. П. Ивановъ, въ Усть-Сысольскомъ уѣздѣ г. Кл. Поповъ записали преданія, въ которыхъ олень фигурируетъ въ видѣ жертвы. „Въ день св. Ильи пророка, рассказывали г. Иванову обрусѣвшіе Пермяки села Гидаева, въ опредѣленный часъ прибѣгалъ на площадь олень. Народъ приносилъ его въ жертву святому. Но какъ-то олень въ урочный часъ не явился. Рѣшили заколоть быка. Запоздавшій олень все таки прибѣжалъ, но видя, что все кончено, убѣжалъ обратно въ лѣсъ. . .“¹⁾

---

¹⁾ I. с. 13.

Экипажъ, въ который запрягался олень, представляли собою сани (додј). Колесныхъ экипажей Коми не знали. Объ этомъ свидѣтельствуеъ языкъ: для обозначенія понятія запрягать Коми употребляютъ слово д о д ѣ а н ы, происходящее отъ додж. Нѣкоторыя изъ принадлежностей упряжи восходятъ своимъ происхожденіемъ къ періоду нераздѣльной жизни всѣхъ Финновъ. Для обозначенія оглобли у Коми имѣется слово о ж , которое стоитъ безъ сомнѣнія въ связи съ мордовскимъ аѣја, финск. аіа, эстонск. аіа, вепск. аіѣ. Другіе термины, повидимому, составляютъ достояніе пермской группы, напр. мегыр-дуга. Заговоривши о способахъ передвиженія, приведемъ и другія данныя, представляемыя въ этомъ отношеніи языкомъ. Орудіемъ передвиженія по снѣгу служили лыжи (лѣампа), по водѣ лодки (пыж), снабженныя веслами (певыс).

Простѣйшіе способы обработки продуктовъ земледѣлія и скотоводства сложились у Пермьяковъ, несомнѣнно, самостоятельнымъ путемъ. Приготовленіе муки, которая имѣетъ у Коми собственное названіе, производилось при помощи камней. Процессъ размола обозначается словомъ и з а н , которое можно перевести дѣйствовать камнемъ. Для той же цѣли могла служить, какъ она служитъ въ спеціальныхъ случаяхъ и теперь у родичей Коми Черемись, ступа съ пескомъ (гыр, тоин). Употребленіе ручныхъ жерновцовъ, имѣющее мѣсто у Пермьяковъ и теперь, восходитъ своимъ началомъ также къ отдаленной эпохѣ исторіи Коми. Коми имѣетъ спеціальнѣй глаголь для обозначенія процесса приготовленія жернововъ (сидзыны).

Употребляя въ пищу продукты скотоводства, Коми умѣли вялить мясо (шурѣтны), печь или жарить (пѣжавны, пѣжны), знали сметану (нѣк), творогъ, сыр (рис').

Въ до-русскій періодъ Коми познакомились съ растеніями, дающими волокно (сѣдзј), научились добывать это послѣднее при помощи мялки (нѣарнѣак), сучить изъ него

нитки (сунјсј, тучмкыны), дѣлать изъ нитовъ моты (ректан, шорт), заготовлять основу (рокас).

Изъ орудій пряжи, тканья и шитья имъ были извѣстны станъ (таб), берды (кісј, анј-борд), веретено (чера), челновъ (суса), прялка (печжан), игла (рѣт), шило (пышжан).

Самостоятельно (по крайней мѣрѣ по отношенію къ Русскимъ) Коми дошли до потребности измѣрять пространство и вѣсъ. Для обозначенія разстояній у нихъ служили чумкасы (разстоянія отъ одного колѣна рѣви до другаго) и величина, соотвѣтствующая сажени (сыв). Единицей вѣса является величина, которая обозначается словомъ синј, ѡшан, ѡшлан и переводится Русскими— фунтъ.

Въ пору, предшествующую подчиненію подъ власть Москвы, Коми ознакомились съ торговлей и мѣновыми единицами. Въ словарь Коми имѣются слова для обозначенія купли (нѡбны-купить), продажи (вузалыны-продавать), цѣны (дон), мѣновыхъ единицъ и денежныхъ знаковъ (шатј-прутъ, рубль, сјам-чешуя, деньги, гым-грошъ), прибыли (сѡдтѡм), убытка (чинтѡтѡм). Кредитныя отношенія также сдѣлались извѣстными Коми еще въ эту эпоху. Они имѣютъ слова для обозначенія займа (одзјесј). Объ основахъ пермскаго кредита мы уже имѣли случай говорить въ изслѣдованіи „Вотяки“.

Общественныя отношенія у древнихъ Коми отличались уже нѣкоторой сложностью. Кромѣ семьи съ ея членами Коми знали и болѣе сложный союзъ, во главѣ котораго стояли князья. Для обозначенія группы, связанной отношеніями родства, общностью происхожденія Коми имѣютъ нѣсколько терминовъ: телец, увтыр. Нѣсколько терминовъ служатъ и для обозначенія совокупности людей, не связанныхъ такой общностью: јѡз (народъ, люди, ч у ж і е), отир (народъ, община), чјукѡр (случайное собраніе, толпа, шайка).

Для исторіи семьи языкъ не представляетъ у Коми такого богатаго и прозрачнаго матеріала, какъ у Черемисъ и Вотяковъ. Древнѣйшее состояніе пермской семьи мы представили уже въ книгѣ „Вотяки“. На первоначальную не-

опредѣленность родственныхъ отношеній указываютъ значенія словъ ныль (дочь, дѣвушка), зон (парень, сынъ). На позднѣйшія стадіи развитія половыхъ отношеній указываетъ появленіе словъ модзь (любовница) рядомъ съ словомъ, означающимъ жену (гѣтырь, инжа), bygul', tsurka для обозначенія ребенка, рожденнаго внѣ брака. Можно предполагать, что терминъ для обозначенія тестя (сјор-аи = поздній отецъ) имѣетъ не случайное происхожденіе и возникъ въ ту пору, когда мужъ не бралъ въ свой домъ жену, а самъ поступалъ въ домъ ея родителей и, стало-быть, становился ихъ позднимъ сыномъ. Къ отдаленной порѣ жизни Пермьяковъ относится явленіе усыновленія. Коми имѣютъ два термина для обозначенія пріемнаго дитяти, которые заключаютъ въ себѣ, кажется, темный намекъ на символику усыновленія (пи = пазуха, пріемное дитя, гѣг-пи = пуповое дитя).

Говоря объ общественной организаціи Пермьяковъ, мы должны упомянуть, конечно, и о князьяхъ (ѳксы). Терминъ, обозначающій князя, находится, вѣроятно, въ близкомъ родствѣ съ словомъ, означающимъ собраніе, сходка (ѳксјан, ѳксѣм) и можетъ обозначать чловѣка, который собираетъ около себя народъ. Составить себѣ представленіе о томъ, что представляли собою Пермскіе князья, мы будемъ въ состояніи только тогда, когда сопоставимъ историческія данныя о Пермскихъ князьяхъ съ народными преданіями и аналогичными явленіями изъ жизни родственныхъ племенъ.

Историческія свидѣтельства о пермскихъ князьяхъ относятся къ XV ст. Князья этой эпохи — уже христіане — извѣстны на Вымѣ, въ Искорѣ, Покчѣ. Преданія называютъ и другихъ князьковъ, сидѣвшихъ по городкамъ (кары). Въ „Дневныхъ Запискахъ“ Рычкова мы имѣемъ извѣстія о князьяхъ Купросскаго городка и Вильгора. Пермская земля дѣлилась такимъ образомъ между многими князьями, сидѣвшими въ отдѣльныхъ городкахъ, и представляла картину, аналогичную съ той, которую констатируютъ для Югріи наши лѣтописи съ XII до конца XV в. Князья жили постоянно въ город-

бахъ, которые обыкновенно ставились въ устьяхъ рѣчекъ и обезпечивали обладанія этими послѣдними; подданные, собирались къ нимъ въ случаѣ опасности и защищались за земляными валами.

Проникновеніе христіанства въ Великую Пермь сопровождалось несомнѣнными переменами въ гражданскихъ отношеніяхъ. Въ Пермскомъ краѣ явились церкви и монастыри, источникомъ существованія для которыхъ обыкновенно служили жалованныя земли. Удовлетвореніе первыхъ потребностей ихъ свидѣтельствуетъ, что князья Пермскіе имѣли поземельную собственность, изъ которой дѣлали влады. Съ первыми дарами церкви почувствовалась впервые и потребность въ грамотѣ: дареніе по русскому обычаю было скрѣпляемо соотвѣтствующимъ актомъ. Позднѣе, когда, вѣроятно, между церковными учрежденіями и мѣстнымъ населеніемъ возникли поземельныя тяжбы и стали доходить до князьковъ, явилась потребность облекать въ писанную форму судебныя постановленія князей. Такъ могли явиться „судебныя и правящія грамоты“ Пермскихъ князей, которыя были дѣйствительны до 1553 г. почти въ теченіи полустолѣтія со времени прекращенія власти самостоятельныхъ Пермскихъ князьковъ. Скудные факты, которыми мы располагаемъ относительно Пермскихъ князей, позволяютъ сказать, что государственное развитіе Перми прекратилось, дойдя до такой ступени, до которой оно не доходило ни у одного изъ сѣверно-финскихъ, а, можетъ быть, и вообще у всѣхъ Финскихъ племенъ.

Та несложная культура, которой владало племя Коми, съ очень ранняго времени пришла въ соприкосновеніе съ болѣе сложной культурой арійскаго, семитическаго и туранскаго востока. Хронологію этого соприкосновенія можно установить приблизительно благодаря предметамъ восточнаго производства. Первое мѣсто между ними въ смыслѣ хронологическаго показателя занимаютъ монеты. Въ 1846 г. во владѣніяхъ графа Строганова было найдено 11 сассанидскихъ монетъ, которыя по опредѣленію академика Дорна относятся къ 441—594 г.

нашей эры. ¹⁾ Къ V-же вѣку, къ эпохѣ императора Анастасія (491 — 518), относится византійская серебряная чаша, найденная въ 16 верстахъ отъ Чердыни. Персадскими издѣліями Сассанидской эпохи оказались вещи найденныя въ Красноуфимскомъ уѣздѣ. Не позже V вѣка, стало быть, прямо или черезъ посредство Булгаръ въ Пермскомъ краѣ возникло знакомство съ востокомъ и его произведеніями. Чего искали здѣсь восточные купцы извѣстно. Они вывозили съ С. прежде всего мѣха, рѣже мамонтовы кости, которыя поступали въ подѣлки. Для уясненія древней культуры Перми важны тѣ восточные предметы, которые поступали въ обмѣнъ за мѣстные товары. По предметамъ ввоза мы судимъ обыкновенно о потребностяхъ населенія и его экономическихъ ресурсахъ. Нѣкоторыя изъ вещей привознаго происхожденія могутъ легко ввести изслѣдователя въ заблужденіе на счетъ покупныхъ способностей древней Перми: можно подумать напр., что быть тѣхъ людей, которые вымѣнивали свои мѣха на драгоценныя чаши, соотвѣтствовалъ и во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ сказывающейся въ этихъ покупкахъ роскоши утвари. Явленія изъ быта родственней Перми Югры въ состояніи однако разъяснить присутствіе такнхъ дорогихъ блюдъ въ Перми. Къ числу несомнѣнныхъ заслугъ составителей III выпускъ „Рус. Др.“ принадлежитъ разъясненіе того значенія, которое имѣли онѣ въ бытѣ древнихъ Пермлянъ. Намъ указываютъ на современныхъ Вогуловъ, о культурѣ которыхъ не можетъ быть спора и у которыхъ Бремъ и Финшъ нашли возлѣ идоловъ оловянные англійскія и двѣ серебряныя тарелки стараго происхожденія. На употребленіе металлическихъ блюдъ Вогулами при жертвоприношеніяхъ мы имѣемъ указаніе и въ статьѣ А. Ѳ. Теплоухова.

---

¹⁾ Сав. Мух. Нумизм. 159.

Точныя данныя о восточномъ ввозѣ въ Пермь мы будемъ имѣть только тогда, когда въ нашихъ рукахъ будетъ подробный перечень и описаніе восточныхъ предметовъ, найденныхъ въ предѣлахъ Пермской и Вятской губерній. Такого описанія русская наука ожидаетъ отъ *Θ. А. Теплоухова*. Пока приходится довольствоваться тѣми категоріями, которыя установилъ для всего сѣвера *Савельевъ*. Восточные купцы сбывали, говоритъ онъ, сѣверянамъ бисеръ, бусы, цѣпочки, ожерелья, запастья, кольца, булавки, пуговики, бляхи для украшенія одеждъ и конской сбруи, стальные клинки ¹⁾). Почти всѣ эти категоріи предметовъ мы встрѣчаемъ и въ Пермскихъ находкахъ. Вліяніе сношеній съ востокомъ отразилось такимъ образомъ всего виднѣе на туалетныхъ украшенияхъ. Между привозными вещами съ трудомъ можно выдѣлить вещи, приготовлявшіяся ближе въ Болгарахъ. На громадномъ пространствѣ отъ Ярославской губерніи до Пермской встрѣчаются характерныя гребенки—съ двумя конскими головами, обращенными въ противоположныя стороны. Уже покойный графъ *А. С. Уваровъ* высказалъ предположеніе, что въ землю Мери коньки проникали съ востока изъ Волжской Булгаріи. Мы думаемъ, что въ самой Булгаріи эти вещи были сначала привозныя, а потомъ фабриковались по привознымъ образцамъ. Мотивъ двухъ соединенныхъ шеями и обращенныхъ въ противоположныя стороны коней представляетъ несомнѣнное достояніе иранскаго, персидскаго искусства. Мы видимъ его очень часто на капителяхъ древне-персидскихъ колоннъ. Какъ всѣ любимые мотивы, онъ, конечно, примѣнялся къ массѣ другихъ вещей и такимъ образомъ былъ занесенъ на Волгу и Каму.

Чтобы представить себѣ народъ съ тѣми несложными формами быта, которыя мы намѣтили на основаніи языка, и съ тѣми потребностями, о которыхъ говорятъ археологическія данныя, обратимся еще разъ къ аналогіи. Вотъ что расска-

---

¹⁾ Сав. Мух. Нумизм. ХС.

зываетъ Страбонъ о Массагетахъ; „одни изъ Массагетовъ живутъ на горахъ, другіе на равнинахъ, третьи въ рѣчныхъ болотахъ, четвертые на островахъ среди болотъ... Массагеты хорошіе пѣхотинцы и всадники, употребляютъ луки, мечи, панцири и мѣдныя сѣкеры, пояса у нихъ золотые, какъ и діадемы... Живя на островахъ и не имѣя посѣвовъ, ѣдятъ они корни и дикіе плоды, одѣваются древесною корою, такъ какъ не имѣютъ стадъ, пьютъ сокъ, выжатый изъ древесныхъ плодовъ. Обитатели болотъ питаются рыбой, одѣваются въ шкуры тюленей, выходящихъ изъ моря. Горные жители питаются также плодами деревьевъ, овецъ имѣютъ мало и не убиваютъ ихъ, ради шерсти и молока... Жители равнинъ не обрабатываютъ земли, а питаются стадами и рыбой, какъ кочевники, по скифски...¹⁾“. Въ этой драгоценной для историка и археолога картинѣ, мы имѣемъ ключъ къ вопросу о томъ, въ какой степени употребленіе драгоценныхъ вещей служить показателемъ высокой культуры. Такъ же мало, какъ золотыя діадемы Массагетовъ, могутъ говорить о высокой культурѣ народа и тѣ серебряныя вещи, которыя найдены въ Перми.

Археологическія данныя говорятъ главнымъ образомъ о серебряныхъ издѣліяхъ. Данныя языка позволяютъ констатировать, что при помощи восточныхъ и притомъ иранскихъ торговцевъ Чудь и Югра ознакомилась и съ другими металлами. Золото у представителей обѣихъ группъ имѣетъ иранское названіе — зарни (зенд. *zaganja*). Предполагаютъ, что и бронза, для которой нѣтъ названія въ угоро-финскихъ языкахъ, была первоначально неизвѣстна Финскимъ народамъ²⁾. Съ этимъ сплавомъ и издѣліями изъ него познакомили Чудь Иранцы-сосѣди или торговцы. Въ послѣднее время значительное ко-

---

¹⁾ Рус. Древ. III, 19.

²⁾ Ahlquist. *Cultarwört.* 66.

личество ученыхъ склоняется къ мысли, что ближайшимъ къ угро-финнскимъ племенамъ и наиболѣе повліявшимъ на нихъ иранскимъ племенемъ были Массагеты. Они заняли склоны Алтая, оттиснувши на С. по Енисею Сибирскія племена и ввели въ употребленіе сплавъ, составные элементы котораго имъ въ обиліи давалъ алтайскій хребетъ. Они же оставили на Югѣ Сибири свои памятники. Иранцы въ очередь усвоили бронзу у Ассирійцевъ. Третьимъ металломъ, съ которымъ Чудь ознакомилась чрезъ Иранцевъ, нужно считать желѣзо. Пермскія и Угорскія слова для обозначенія желѣза — ост. *kart*, вот. *kort*, Зыр. *kört*, Вогул. *ker* — Шрадеръ сопоставляетъ съ староиран. *karēta*, новоперс. *kārd*, бухар. *gard*, Курд. *ker*, означающими желѣзный ножъ и предполагаетъ, что Финны назвали желѣзо именемъ *ka*, которая изъ него дѣлалась и привозилась къ нимъ ¹⁾). Въ пользу предположенія Шрадера говоритъ безспорно то, что одной изъ важныхъ статей торговли съ С. начиная съ XI в. было желѣзо. Вспомнимъ лѣтописный рассказъ Гюраты Новгородца.

Не безъ вліянія восточныхъ, иранскихъ и тюркскихъ элементовъ развивалось у Коми и земледѣліе. Филологи обратили вниманіе на совпаденіе значеній западно-Финнскаго *ka*-*hu* и иран. *ka*-*schu* копать, пахать. Можетъ быть въ связи съ Финнскимъ *ka*-*hu* стоитъ и корень *gbr*—встрѣчающійся въ Пермскихъ терминахъ для обозначенія сохи-копыла и процесса паханія (копанія). Капитальные продукты земледѣлія—зерно и печеный хлѣбъ у Коми носятъ также заимствованныя, восточныя названія. Пермское *p'ap'* Мункачи сближаетъ съ перс.—осман. *pap*, татар. *вирг.* и *джагатайскимъ pap*, *tus'* съ татар. *töŕ*, чуваш. *tüŕ*, *коиб-кар*, *tus'* ²⁾). Слово *sur* пиво еще Альквистъ сопоставлялъ съ чувашскимъ *sra*; Мункачи прибавляетъ *tat*.

---

¹⁾ Шрадеръ. Сравн. языков. 282.

²⁾ *Munkacsi. Votjak Nyelymutat. Bud. 1884. 162.*

siġa, коиб. serä, алт. siġa, куманское siġa. Кеппенъ, отвергая заимствованіе изъ татарскаго и допуская обратный переходъ, припоминаетъ, что Volleg въ своемъ изслѣдованіи „Die Finnischen Sprachen“ отмѣтилъ сходство Финнскаго слова съ санскр. siġā, и спрашиваетъ: „нельзя-ли признать въ словахъ первобытное родство?“

Благодаря тюркамъ, можетъ быть, Коми познакомились и съ лошадыю. Названіе животнаго, повидимому, не тюркское, но тѣ приборы, съ помощью которыхъ лошады приспособляется для верховой ѣзды, несомнѣнно, заимствованы у тюрковъ. Сѣдло öпуг, безспорно, находится въ родствѣ съ вотяцкимъ епег, а это послѣднее Мункачи ставятъ въ связь съ чуваш. in'ег, якут. inig, джагат. iger. Узда сермечъ есть также Тюркское слово (ср. чуваш. чермечъ). Съ данными языка относительно сѣдла вполне согласны извѣстія старыхъ путешественниковъ. Лепехинъ напр. не нашелъ сѣдла у Сысольскихъ Зырянъ.

Тюрки познакомили Пермь съ овощами: лукомъ—сугоні (ср. тат. sugan, осм. sogan, алт. sogono, чув. sogano), рѣдьбой—кушманъ (чув. kušman), рѣпой—сјортни (чув. saġik) ¹⁾.

Проводниками Тюркскаго вліянія въ Пермь служили главнымъ образомъ Булгары. Изслѣдователи давно уже обратили вниманіе на сходство многихъ „Чудскихъ“ и Булгарскихъ вещей. Можно предполагать, что Булгары являлись среди Пермь не только торговцами, но и колонистами. На такую мысль наводитъ существованіе селеній съ названіями Булгары на Югѣ Пермскаго края въ уѣздахъ Оханскомъ и Пермскомъ. (Ср. нас. м. №№ 25, 4515).

Позднѣе, чѣмъ связь съ Востокомъ, зараждаются отношенія въ Славянскимъ племенамъ Руси. Уже въ XII в. Пермь платила дань Новгородцамъ. Судя по извѣстіямъ о

---

¹⁾ Munkacsí. I. с. 140, 142.

ближайшихъ сосѣдахъ Перми—Югрѣ—дань состояла въ мѣхахъ и серебрѣ. Уплативши сборщикамъ извѣстное количество того и другаго, Коми жили вполне самостоятельно своей несложной жизнью. До XV в. они сохранили своихъ князюшекъ, до конца XVII самостоятельно избираемыхъ судей.—Не подчиняя долгое время Коми политически, Русскіе постепенно завоевываютъ ихъ культурно. Достаточно обратить вниманіе на заимствованныя у Русскихъ слова, чтобы видѣть, какъ разносторонне сказалось на Коми сосѣдство съ ними. Прежде всего это вліяніе обнаружилось на жилищѣ. Въ к е р е ѣ Коми рядомъ съ обрубками дерева, представлявшими единственную мебель, явились л а в ы, л а в и ц ы (вабичъ); изба стала строиться съ подъизбицей, голбцемъ (голубничја); въ избѣ явился отдѣльный отъ крыши потолокъ съ м а т и ц е й (матичја), полати (повать) у оконъ оконницы (рамы). Рядомъ съ старымъ огнищемъ гор появилась русская печь (patš). Изъ занятій больше всего русскому вліянію подверглось земледѣліе. Какъ ни низко стояло и теперь стоитъ русское земледѣліе, для Коми, ковырявшаго землю копыломъ, оно все же было образцомъ, достойнымъ подражанія. Русскій земледѣлецъ хотя плохо, но удобрялъ землю навозомъ (навозомъ), и Пермскій заимствовалъ у него обычай вмѣстѣ съ словомъ (навозомъ). Вмѣсто выжженныхъ въ лѣсу полянъ, гдѣ зерна засѣвались между пнями подчерченныхъ деревьевъ, Коми нашли у Русскаго обширныя поля, раздѣленные м е ж а м и на полосы, вмѣсто копыла соху съ желѣзными ральниками, которыми можно было взрывать почву правильными бороздами. Всѣ эти вещи съ обозначившими ихъ словами вошли въ пермяцкій обиходъ. Мы видимъ въ пермяцкомъ языкѣ слова м е ж а, п о л о с а, з а г о н ъ, р а л ь н и к ѣ. Число культурныхъ растений увеличилось л ь н о м ѣ (лјонъ), я б л о н е й (јабвонъ). Подъ одно заимствовано было еще нѣсколько орудій—вилы (вива), лопата (вопата). Съ русской системой земледѣлія неразрывно связана и жизнь сравнительно крупными группами—деревнями съ

дворами расположенными въ линію и улицей между двумя рядами домовъ. Коми заимствовали у русскихъ сосѣдей слова деревня, улица. Подъ вліяніемъ сосѣдства Русскихъ у Черми явились мельницы въ видѣ особыхъ, общественныхъ сооруженийъ внѣ дома (мельничја). На дворѣ съ развитіемъ земледѣлія явились новыя постройки—жытннкъ. Изъ животныхъ благодаря Русскимъ Коми ознакомились съ свиньей; любопытно, что другой терминъ для обозначенія этого животного заимствованъ у тюреовъ (донгусъ). Въ костюмъ благодаря сосѣдству съ Русскими стали проникать овчина вмѣсто шкуръ дикихъ звѣрей, затѣмъ сапоги, сарафаны.

Изъ посуды появились ставечъ, воканъ, стопка, сулеја, ыжбонъ. Матеріалы для построекъ увеличились тјосомъ.

Особенно сильное вліяніе произвелъ на Пермьковъ семейный строй Русскихъ съ его богатой терминологіей, приспособленной къ обозначенію тонкихъ отѣвковъ отношеній. Коми заимствовали слова родня, семья, теть, свать, женихъ, невѣста, дѣдъ, (в)дова, зеть, наслѣдникъ, (в)нукъ, челядь. Мы рассмотримъ позднѣе, въ главѣ о семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ, культурно-историческое значеніе этихъ заимствованій.

Ознакомивъ сосѣдей Пермьковъ съ жизнью болѣе или менѣе крупными сочетаніями, Русскіе дали имъ и рядъ новыхъ словъ для обозначенія вытекающихъ изъ такой жизни отношеній — артиль, вытј, заквадъ, законъ, имѣнјо, козяинъ, наквадъ, помочј, рјаднитны, с(т)рошныи, сусѣдъ.

Въ концѣ XIV вѣка произошло событіе, которое далеко подвинуло ассимиляцію Коми съ Русскими—среди нихъ благодаря проповѣди св. Стефана утвердилось христіанство. Дѣятельность Пермскаго просвѣтителя представляетъ собою оригинальнѣйшую картину изъ исторіи старой Руси. Аналогію для нея указать только можно въ дѣятельности Кирилла и Меѳодія. Юноша изъ причетнической семьи въ Устюгѣ, увлека-

емый жаждою знанія, поступаетъ въ монастырь, который обладалъ большою по тогдашнимъ понятіямъ библіотекою. Здѣсь онъ дѣлитъ свое время между монашескими подвигами и чтеніемъ, жадно ловитъ случаи побѣсѣдовать съ начитанными людьми. Изученіе Св. Писанія и духовной литературы оказывается не въ состояніи наполнить всей его жизни. У него зараждается мысль о другой болѣе широкой дѣятельности. Стефанъ рѣшаетъ сдѣлаться просвѣтителемъ Перми, приступаетъ къ изученію пермскаго языка, переводитъ на пермскій языкъ русскія богослужебныя книги и составляетъ для Пермсково новую азбуку—однимъ словомъ воспроизводитъ все то, что было сдѣлано для Славянства Кирилломъ и Меѳодіемъ. Исполнивъ эти предварительныя работы, онъ отправляется въ Москву, чтобы получить отъ митрополита благословеніе на свой миссіонерскій подвигъ. Епископъ Коломенскій, занимавшій тогда временно вакантную митрополичью кафедру съ полнымъ сочувствіемъ отнесся къ предпріятію молодаго монаха. Стефанъ проникаетъ въ Пермь и начинаетъ свою проповѣдь. Каковы были вѣрованія, съ которыми приходилось бороться проповѣднику, мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, въ главѣ о религіи Пермсково. Здѣсь мы будемъ только разсматривать условія, при которыхъ происходила миссіонерская дѣятельность св. Стефана. Крещеніе Пермчанъ совершилось не такъ, какъ крещеніе другихъ нашихъ инородцевъ—Черемисъ, Чувашъ, Вотяковъ. Тамъ миссіонерская дѣятельность предпринималась по почину государства; миссіонеры шли на проповѣдь, снабженные для обращающихся льготами отъ податей и повинностей и подарками, но въ тоже время опираясь на ресурсы государства въ борьбѣ съ формами языческой старины. Здѣсь миссіонеръ выступаетъ на свое поприще одинъ, имѣя лишь нравственную поддержку русской церкви. Успѣхъ его проповѣди цѣлкомъ зависѣлъ отъ того обаянія, которое производила на дикихъ Пермчанъ его нравственная сила. Не разъ его жизни грозила опасность, но онъ шелъ неуклонно къ своей цѣли. Безстрашное спокойствіе, съ которымъ онъ разрушалъ

жертвища и встрѣчалъ смерть, обезоруживала язычниковъ. На первыхъ порахъ у него мало было учениковъ, но это были убѣжденные прозелиты, которые находились въ постоянномъ духовномъ общеніи съ своимъ учителемъ. Они составляли духовную дружину, съ которой ему было уже легче вести свое дѣло. Для удовлетворенія потребностей своей маленькой паствы св. Стефанъ устроилъ церковь на мѣстѣ слиянія Выма и Вычегды. Съ этой позиціи открывалась возможность дѣйствовать на С. по Выму и В. по Вычегдѣ. Послѣ каждаго столкновенія съ язычниками около Стефана оставалось нѣсколько новыхъ прозелитовъ; люди, пытавшіеся дѣйствовать противъ него оружіемъ, возвращались къ нему для мирнаго состязанія на словахъ; были и такіе, которыхъ привлекало къ Стефану любопытство взглянуть на воздвигнутую имъ невиданную постройку — церковь. Какъ ни просты были ея формы, она все-же производила сильное впечатлѣніе на людей, которые знали чумы, землянки да грубыя керки; эти люди расходилась, унося смутное предчувствіе на счетъ предстоящей побѣды новой вѣры. Біографъ не говоритъ, какъ долго продолжалась такая дѣятельность св. Стефана, и констатируетъ прямо ея результатъ. Пермяне раздѣлились исподволь на двѣ половины: одна усвоила новую вѣру, другая осталась вѣрна старинѣ и пыталась насиліями надъ христианами остановить распространеніе новаго ученія. Послѣ того, какъ эти попытки не привели къ желанному результату, масса приняла новое ученіе. Съ этого момента наступить новый фазисъ въ дѣятельности пермскаго апостола. Настала пора пустить въ дѣло изобрѣтенную азбуку и книги. Св. Стефанъ убѣждаетъ всѣхъ и старыхъ и малыхъ учиться грамотѣ и самостоятельно дополнять свое духовное развитіе. Этотъ призывъ также не остался безъ результата. Нашлась вучка неопитовъ, которая овладѣла созданной Стефаномъ Пермской грамотой. Стефанъ назначилъ ихъ священниками, чтецами и пѣвцами и съ ихъ содѣйствіемъ сдѣлалъ новые переводы священныхъ книгъ на Пермскій языкъ. Эти

первые зырянскіе грамотѣи сдѣлались помощниками его и въ дѣлѣ обученія народа. Для потребностей обширной паствы одной церкви оказалось уже недостаточно и Стефанъ соорудилъ рядъ новыхъ по мелкимъ рѣчкамъ и погостамъ. Язычникамъ изъ наступательнаго положенія пришлось перейти въ оборонительное и спасать своихъ боговъ отъ Стефана и его учениковъ, которые обходили, истребляя идоловъ, лѣса, погосты, поля, дома и привѣжки. Въ этотъ моментъ выступаетъ въ имя языческой старины Памъ, бывшій и шаманомъ и правителемъ (сотникомъ) въ Вымской сторонѣ. Онъ пытается бороться противъ Стефана его - же оружіемъ, убѣжденіемъ и ласками. Судя по неяснымъ намекамъ Епифанія, его политика не оставалась безъ результата. Стефанъ скорбѣлъ, что Памъ разрушаетъ то, что онъ создаетъ. Памъ между тѣмъ все шире и шире развѣтывалъ свою дѣятельность. Опираясь на значеніе, которое Пермаки, подобно другимъ сѣвернымъ инородцамъ, приписывали шаманамъ, онъ вызвалъ Стефана на обычное у шамановъ состязаніе, которое должно было рѣшить, кто изъ нихъ двухъ сильнѣе.

Сначала соперники должны были взявшись за руки пройти черезъ разоженный костеръ. Если-бы это испытаніе кончилось безъ рѣшительнаго перевѣса для того или другаго, оба должны были опуститься въ прорубь на дно Вычегды и выйдти изъ другой проруби въ условленномъ мѣстѣ. Народъ съ восторгомъ привѣтствовалъ рѣшеніе, которое должно было положить конецъ постояннымъ спорамъ и раздорамъ. По предложенію Стефана зажгли какую - то постройку. Когда постройка разгорѣлась, Стефанъ протянулъ руку Паму, чтобы двинуться вмѣстѣ съ нимъ въ огонь. Наступилъ рѣшительный психическій моментъ. Отъ твердости духа противниковъ зависѣло все. Шаманомъ овладѣлъ страхъ и онъ отшатнулся. Побѣда Стефана была рѣшена. Чтобы сильнѣе повліять на толпу, онъ начинаетъ силой тащить соперника къ огню и доводитъ его до того, что тотъ бросается

предъ нимъ на колѣна и умоляетъ о пощадѣ. Торжествующій Стефанъ смѣло вызываетъ его на слѣдующее испытаніе — водой. И здѣсь шаманъ въ послѣднюю минуту обнаружилъ страхъ. Язычество потерпѣло въ лицѣ его рѣшительное поражение. Стефанъ безпрепятственно могъ теперь заканчивать начатое дѣло—крестилъ тѣхъ, которые еще оставались язычниками, переводилъ на пермскій языкъ книги съ русскаго и даже съ греческаго, и наконецъ отправился въ Москву хлопотать объ основаніи Пермской епископіи. Выборъ митрополита естественно остановился на самомъ просвѣтителѣ Пермьянъ. Не объ одномъ этомъ пришлось Стефану хлопотать въ Москвѣ; онъ долженъ былъ защищать и свою пермянскую азбуку и свои переводы. Рядомъ съ восторженными почитателями своей дѣятельности Стефанъ встрѣтилъ въ Москвѣ людей, которые говорили, что если ужъ Пермьянъ нужна грамота, то этой грамотой должна быть русская: она уже выработана; оставалось только научить ей Пермьяковъ. Въ этихъ рѣчахъ какъ-будто чувствуется смутное стремленіе къ сознательной ассимиляціи инородцевъ. Но большинство было еще далеко отъ этихъ стремленій. Въ дѣятельности Стефана привѣтствовали новую побѣду христіанства, припоминали Кирилла и Меодія и не заботились о томъ, будетъ ли отъ этой побѣды выгода Руси. Толки о значеніи дѣятельности Стефана, кажется, занимали Москву и Русь до самой его смерти. Въ страницахъ Епифаніевскаго житія чувствуется живой полемическій задоръ. Епифаній называетъ противниковъ Стефана людьми скудными умомъ, выдвигаетъ въ защиту его дѣла то, что съ раздѣленіемъ языковъ явилось раздѣленіе культурное — „раздѣлишася и нравы, и обычаи, и уставы и законы и хитрости. . .“ Въ отвѣтъ на замѣчанія о несовершенствахъ Стефановой азбуки — „яко нѣсть гораздо устроена азбука си, достойно есть починивати ю. . .“—Епифаній говоритъ, что и греческую азбуку много разъ исправляли и совершенствовали.

Взглядъ Епифанія былъ, повидимому, господствующимъ взглядомъ на дѣло Стефана русскихъ людей. Его ближайшіе преемники считали себя обязанными идти по его пути, изучали Пермскій языкъ и пользовались имъ въ своихъ сношеніяхъ съ паствою. Москва спокойно смотрѣла на событія, происходившія въ Перми. При наличности такихъ условій судьба, которую имѣло созданіе Стефана, приобрѣтаетъ высокой исторической интересъ. Возводя пермскій языкъ на степень книжнаго, обособляя Пермлянъ кромѣ того отъ единовѣрныхъ Русскихъ и алфавитомъ, Стефанъ заложилъ зданіе самобытной пермской культуры. Русская власть, въ его пору уже чувствовавшаяся надъ Пермью, не ставила препятствій для того, чтобы вести дальше его начинаніе. Въ обществѣ большинство, какъ мы видимъ у Епифанія, сочувствовало зарожденію новой христіанской культуры. Исторіи предстояло рѣшить, могло ли Пермское племя выполнить возложенную на него просвѣтителемъ задачу. Со времени крещенія Перми до полного подчиненія ея власти Москвѣ прошло столѣтіе. За это время Пермiane могли безпрепятственно продолжать начатое Стефаномъ дѣло, даже распространить его на родственныхъ Вотяковъ и Югру. На дѣлѣ получилось другое—новыхъ пермскихъ книгъ, кажется, не появлялось, а тѣ, которыя были написаны Стефаномъ, со временемъ затерялись. Величая мечта молодого устюжанина кончилась ничѣмъ. Исторія направила пермскій народъ на иной путь—на путь сліянія съ русскимъ народомъ.

Полукочевому народцу, проводившему почти все время въ охотѣ и рыбной ловлѣ, не имѣвшему крупныхъ центровъ осѣлости, класса людей, свободныхъ отъ заботы о насущномъ хлѣбѣ, отдѣленному громадными лѣсными пространствами даже отъ такихъ культурныхъ центровъ, какъ Москва, оказалась не подъ силу задача, возложенная на него св. Стефаномъ. Разливающаяся русская колонизація, возникновеніе политическихъ отношеній къ Москвѣ съ своей стороны дѣлали лишнимъ для немногихъ людей, выдѣлявшихся изъ пермской тол-

пы, трудъ перевода книгъ, которыя были для нихъ понятны и на русскомъ языкѣ.

Преемники св. Стефана на Усть - Вымской каедрѣ исподволь продолжали его дѣло. Исаакій крестилъ Печерцевъ, Пятиримиъ Вогуличей. Въ 1456 г. христіанская проповѣдь проникла на Каму. Иона крестилъ нынѣшнихъ Пермьяковъ. Это событіе не нашло такого историка, какъ Епифаній. Въ лѣтописяхъ кратко сказано: «крести Великую Пермь и князя ихъ и церкви поставилъ и игумены и попы» ¹⁾. Извѣстіе лѣтописи, кажется, относится къ Чердыни и ближайшимъ окрестностямъ. Около 30 лѣтъ спустя Герберштейну говорили въ Москвѣ, что Пермьяки далеко не все крещены: «до сихъ поръ многіе изъ нихъ остаются идолопоклонниками, живя разсѣянно въ лѣсахъ; монахи и отшельники не перестаютъ обращать ихъ отъ заблужденій и суетнаго служенія идоламъ» ²⁾. Самая проповѣдь не имѣла, повидимому, такого глубоко - захватывающаго вліанія, какъ проповѣдь Стефана. Пермьяки внѣшнимъ образомъ принимали христіанство, но продолжали держаться своихъ старыхъ обычаевъ, приносили жертвы идоламъ, вступали въ браки, недопускаемые церковью. Христіанскій культъ былъ понятъ ими, какъ и другими нашими инородцами, грубо, примѣнительно къ формамъ своего стараго. Первые церкви были воздвигнуты, по преданію, на мѣстахъ языческихъ мольбищъ. Въ новыхъ храмахъ, новому Богу они продолжали служить такъ же, какъ и своимъ старымъ богамъ. Въ пермяцкомъ краѣ до сихъ поръ существуютъ часовни, куда въ опредѣленные дни приносятъ мясо курицы, барановъ, коровъ. Есть пункты, гдѣ въ собственномъ смыслѣ приносились въ жертву гекатомбы. Еще лѣтъ 10—15 тому назадъ въ Кочѣ Чердынскаго уѣзда закалалось до 80 быковъ, которые тутъ-же по-

---

¹⁾ Карамз. И. Г. Р. VI. Прим. 629.

²⁾ Замѣсл. «Гербершт.». 421.

ѣдались и раздавались нищимъ. Можно съ полной увѣренностью сказать, что всѣ часовни, куда приносятся до сихъ поръ жертвы, существуютъ на мѣстахъ азыческихъ моленій. Относительно зырянскаго края на этотъ счетъ существуютъ положительныя указанія. Когда въ Вымѣ разламывали деревянную Архангельскую церковь, подъ алтаремъ нашли сгнившій пень священной березы, который Зыряне разобрали по кусочкамъ ¹⁾.

Съ водвореніемъ христіанства въ пермскомъ краѣ устанавливается духовная связь его съ Москвою. Епископы Велико-Пермскіе, будучи поставлены Московскими митрополитами, явились естественными проводниками московскихъ политическихъ стремленій. Пермь почти до самаго паденія Новгорода считалась въ числѣ Новгородскихъ областей, но прочная власть Новгородцевъ въ краѣ едва-ли простиралась далѣе XIII в. Съ того момента, какъ на водномъ пути Новгородцевъ въ Пермь, Печеру и Югру выросъ Устюгъ, опиравшійся на Ростовскую землю, господство Новгорода на Востокѣ было поколеблено. Въ XIV в. Устюжане нападаютъ на Новгородскихъ сборщиковъ дани. Съ переходомъ Устюга подъ власть Москвы положеніе Новгородцевъ становится еще болѣе шаткимъ. Иванъ Калита въ 1332 уже требуетъ съ Новгородцевъ сребра закамскаго и подкрѣпляетъ это требованіе посланкой отряда въ Заволочье, на двинскія волости. Переходъ Устюга въ руки Москвы знаменуетъ собою начало водворенія политической власти Москвы среди Перми. Тѣ изъ Пермьковъ, которые жили въ Устюжской области по Сухонѣ и Югу, подпали, вѣроятно, вмѣстѣ съ Устюгомъ подъ власть Москвы. Допуская такое предположеніе, мы приобретаемъ возможность примирить данныя актовъ съ извѣстіями біографа ст. Стефана. Акты говорятъ намъ, что до 1471 г. Новгородъ считалъ Пермь своей волостью, біографъ Стефана между тѣмъ

---

¹⁾ Шшонко. Перм. Лѣт. I, 5.

вкладываетъ въ уста Пама жалобы на Москву, откуда идутъ “дани тяжкія и тіуны и приставницы“. Эти жалобы представляютъ дѣло такъ, какъ будто Пермь Вычегодская въ эпоху Стефана не имѣла уже самостоятельнаго существованія и управлялась московскими чиновниками. Въ плачѣ Пермскихъ людей заключаются намеки на тѣ же отношенія — Пермь скорбятъ, что лишились печальника передъ Московскимъ княземъ. Несостоятельность такихъ извѣстій по отношенію къ Перми Вычегодской очевидна изъ того, что еще въ XV в. мы имѣемъ въ лѣтописяхъ указанія на Вымскихъ князей ¹⁾. Князья фигурируютъ и на надписяхъ, которыя сопровождаютъ рѣзбу на посохѣ св. Стефана, исполненную въ XV—XVI в. ²⁾.— Москва дѣйствовала въ отношеніи Перми съ большою осторожностью. Пермь имѣли своихъ князей, Новгородцамъ Московскіе князья не препятствуютъ назвать Пермь своей волостью и въ то же время съ 1449 г. именуютъ себя князьями Ростовскими и Пермскими. Въ то же время московскій митрополитъ Іона называетъ области Вымь, Сысолу и Вычегду вотчиной великаго князя. Новгородцы фактически сами смотрѣли уже на эти области, какъ на чужія. Они воевали въ нихъ и уводили въ полонъ тысячи жителей ³⁾. Подчиненіе Вятки въ 1459 г. увеличивало наступательныя силы Москвы. Въ 1471 г. въ качествѣ исконнаго владѣнія князя Московскаго упоминается уже бассейнъ Важки съ соприкасающимися мѣстностями по теченію Вычегды ⁴⁾. Въ то же время къ Москвѣ окончательно перешла вся Вологодская область ⁵⁾. Пермь Вымская и Камская были теперь отрѣзаны отъ Новгорода владѣніями Московскаго князя. Присоединить ихъ къ Москвѣ не составляло уже затрудненія.

¹⁾ Подробности у Дмитріева. «Перм. Ст.» I, 158—165.

²⁾ Перм. Лѣтоп. I, 16.

³⁾ Акты Ист. I, № 261.

⁴⁾ Акты Арх. Эксп. I, № 94.

⁵⁾ Кар. И. Г. Р. VI, 366.

Предлогъ нашелся въ видѣ обиды, нанесенной гдѣ то въ Перми Московскимъ торговцамъ. Какимъ путемъ была присоединена Пермь Вымская, источники не говорятъ. Архангельская лѣтопись рассказываетъ только о походѣ на Пермь Камскую. Князь Ѳеодоръ Пестрый и Гаврила Нелидовъ овладѣли нынѣшнимъ Чердынскимъ Покамьемъ—разрушили пермскіе городки, въ числѣ которыхъ были Искоръ, Покча, Уросъ, Чердынь, взяли въ плѣнъ князьковъ пермскихъ Коча, Бурмата, Мичкана, Зырана и Михаила Чердынскаго. Любопытна добыча, которую послали побѣдители въ Москву — 16 сороковъ соболей, 29 поставовъ нѣмецкаго сукна, 3 панцыря, шлемъ и 2 булатныя сабли. Глухое воспоминаніе о борьбѣ съ Русскими подъ Чердынемъ до сихъ поръ живетъ среди Пермяковъ. Забывъ о томъ, что они были когда-то независимыми, Пермяки помнятъ объ этой борьбѣ и думаютъ, что она должна повториться передъ кончиной міра.

Изъ скудныхъ свѣдѣній о завоеваніи Перми очевидно, что Москвичи мирнымъ путемъ проникали ранѣе туда уже. Есть извѣстія, позволяющія предположить, что русская колонизація предшествовала здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, завоеванію. Берхъ относитъ къ 1430 г. основаніе перваго Русскаго поселенія на Усоли. Посадскіе Калининковы основали будто-бы въ это время солянныя варницы близъ села Верхъ-Боровскаго, и потомъ перенесли ихъ на р. Усолку ¹⁾. Предположеніе, что самый Чердынь основанъ въ XV в. Новгородцами не выдерживаетъ критики: во первыхъ Чердынь былъ политическимъ центромъ Перми и находился подъ властью туземнаго князя, во вторыхъ Новгородцамъ въ XV в. было уже не до колонизаціи такихъ далекихъ владѣній, когда приходилось бороться за ближайшія—за Вологду и Двинскую область.

---

¹⁾ Путеш. въ Черд. и Сол. у. 3.

Событія 1472 г. измѣнили главнымъ образомъ отношенія Перми къ сосѣдямъ. Независимые пока еще вогульскіе князья стали видѣть теперь уже въ князьяхъ пермскихъ своихъ враговъ и слугъ Москвы и избрали Пермскія области предметомъ своихъ нападений. Въ 1481 г. Чердынь пришлось уже русскими силами спасать отъ подошедшихъ Вогуловъ. Опасность грозила и Вымской Перми. Объ этомъ можно заключать изъ того, что стараніями Вымскаго епископа Филофея было достигнуто въ 1485 г. соглашеніе между Югорскими и Вымскими князьями, по условіямъ котораго Югры влялись не нападать на Пермичей. Тревога Югры была основательна. Въ 1483 г. мы видимъ, дѣйствительно, Пермьяковъ бою о бою съ Русскими въ походѣ противъ Югры за Уралъ ¹⁾. По отношенію къ внутреннему положенію на первыхъ порахъ никакихъ рѣзкихъ перемѣнъ не произошло. По прежнему Пермьяки управлялись своими собственными князьями; по прежнему платили дань—только не въ Новгородъ, а въ Москву. Тридцать лѣтъ держались эти отношенія. Сынъ и преемникъ Московскаго подручника въ Чердынѣ Михаила—Матвѣй сдѣлалъ, кажется, попытку обратить зависимыя отношенія отъ Москвы въ номинальныя—улыонялся отъ платежа дани, не обращалъ вниманія на требованія Московскаго князя. Изъ Москвы было сдѣлано предостереженіе, но Матвѣй не обратилъ на него вниманія. Въ 1505 г. ему пришлось однако убѣдиться, что Москва не номинальная власть по отношенію къ Перми. Воспользовавшись пожаромъ, случившимся въ Чердыни Иванъ свелъ съ княжескаго стола пермскаго князя, какъ нерадящаго о своей странѣ и замѣнилъ его своимъ намѣстникомъ ²⁾. Пермьяки съ полнымъ спокойствіемъ отнеслись къ этой перемѣнѣ. Умирая, Иванъ передалъ своему сыну Василию III Вычегду, Вымь, Удору, Сысолу и Пермь Великую, какъ волости Московскаго государства.

---

¹⁾ Перм. Лѣт. I, 31.

²⁾ Ibid. 33.

Послѣ прекращенія власти національныхъ князьковъ Пермьки стали управляться Московскимъ намѣстникомъ, который имѣлъ своей резиденціей Чердынь. Переходъ власти не означалъ измѣненія стараго порядка. Намѣстники не имѣли права перерѣшать приговоровъ или отмѣнять грамоты Пермскихъ князей. Намѣстникъ собиралъ съ Пермьяковъ дань, чинилъ судъ, оберегалъ отъ враждебныхъ сосѣдей-инородцевъ. Онъ имѣлъ цѣлый штатъ подчиненныхъ ему чиновниковъ—тіуновъ, цѣловальниковъ, доводчиковъ и праведчиковъ. Тіуны вѣдали по преимуществу судебныя дѣла, цѣловальники собирали подать, пошлины, производили торговлю регаліями—виномъ и пр. Подати собирались особыми чиновниками—данниками или бѣльщиками. Намѣстникъ получалъ свое содержаніе натурой: извѣстное количество денегъ при пріѣздѣ и по праздникамъ Рождества, Пасхи и Петрова дня.

Отношенія Пермьяковъ къ намѣстнику и размѣръ тѣхъ повинностей, которыя они должны были ему уплачивать опредѣлялись спеціальнымъ государственнымъ актомъ—установленной грамотой. Пермское населеніе высоко цѣнило этотъ актъ, которымъ дѣятельность намѣстника ставилась въ опредѣленные границы. Когда эта грамота сгорѣла и администрація начала дѣйствовать произвольно—судить безъ цѣловальниковъ—населеніе Перми отправило въ Москву депутатовъ отъ городскихъ и сельскихъ людей съ тѣмъ, чтобы выхлопотать новое подтвержденіе ея. Эти депутаты представляли въ числѣ другихъ интересовъ и интересы ясачныхъ Пермьяковъ. Пермьки, судя по грамотѣ, жили тогда исключительно охотой и платили налогъ (ясакъ) съ лука. Злоупотребленія намѣстничьихъ агентовъ выражались между прочимъ въ томъ, что они писали лишніе луки.

Желаніе Пермьяковъ было удовлетворено. Новая грамота опредѣляла размѣръ содержанія, которое должны были платить ясачные Пермьки намѣстнику и его штату. „Съ пятнадцати сотъ луковъ, со шти сотъ сорока пяти луковъ на

Рождество Христово за 1400 бѣлокъ четырнадцать рублей, по двѣ деньги за бѣлку, на Великъ день — за 700 бѣлокъ 7 рублей, на Петровъ день за 700 бѣлокъ 7 руб.“ Сборъ повинностей по грамотѣ должны были производить старосты и люди добрые, Пермьки сами. Чиновники намѣстника не имѣли права ѣздить по погостамъ писать луки. Распредѣленіе повинностей между собою Пермьки должны были производить также сами. Въ избѣжаніе лишнихъ расходовъ намѣстникъ не долженъ былъ ранѣе года мѣнять чиновниковъ или переводить доводчиковъ изъ одного погоста въ другой. Грамата входитъ въ мельчайшія подробности отношеній чиновниковъ къ поселенію. Предусматривая возможность злоупотребленій при требованіи доводчиками прокорма при поѣздкахъ, грамата говоритъ: „что (Пермькъ) самъ ѣсть, тѣмъ и доводчика кормить“.

Помимо тѣхъ данныхъ, которыя представляетъ грамата для опредѣленія отношеній населенія къ намѣстникамъ, мы находимъ въ ней указанія на юридическіе обычаи, имѣвшіе мѣсто въ Пермской землѣ (у Пермьковъ спеціально, или у всего населенія?). Спорные вопросы—по поводу займа, грабежа или драки, воровства, убійства, поджега, клеветы и ябедничества, рѣшались, оказывается, полемъ, т. е. поединкомъ. Судъ долженъ былъ производиться съ участіемъ выборныхъ цѣловальниковъ, старосты и лучшихъ людей. „Лихихъ“ людей, преступность которыхъ засвидѣтельствуютъ подъ присягой 5—6 „добрыхъ людей“, Пермьки имѣли право выгонять вонъ изъ своей земли.

Для уясненія той организаціи, которую имѣли Пермьки въ эпоху уставной грамоты, важно счисленіе луковъ сотнями по двумъ группамъ и взиманіе поборовъ со знамени. Мы имѣемъ здѣсь, повидимому, указанія на тройное дѣленіе Пермьковъ: о первой крупнѣйшей группѣ можно догадываться по тому, что число луковъ сосчитано не въ общей суммѣ—а пятнадцать сотъ и 645; другую группу представляетъ сотня луковъ, третью знамя. Подъ знаменемъ слѣдуетъ ра-

зумѣть родъ, имѣющій общій знакъ собственности—тамгу *).

Въ началѣ XVI в. прекратилась политическая самостоятельность Перми. Во второй половинѣ его были заложены основы для другаго крупнаго явленія въ исторіи Пермьяковъ—закрѣпощенія большей части ихъ за русскими помѣщиками. Въ 1558 г. громадная территория по обѣ стороны Камы отъ устья р. Лысвы до устья Чусовой переходитъ въ собственность Аникія Строганова. Для того, чтобы понять это явленіе нужно перенести въ ту эпоху колоссальныхъ территориальныхъ пріобрѣтеній, которая открывається повореніемъ Казани и заканчивается у береговъ Восточнаго Океана. Въ 1552 г. падаетъ Казань, въ 1554 г. Астрахань и въ

---

*) Грамата, съ содержаніемъ которой мы ознакомились, относится обыкновенно къ 1553 г. Берхъ, который ее отыскалъ и издалъ, думалъ, что она была дана въ 1505 г. когда князей замѣнили намѣстники. Г. Дмитриевъ, перепечатавшій ее въ своей «Пермской старинѣ» (1 вып.) раздѣляетъ мнѣніе Берха. Мы думаемъ, что это единственно-правильный взглядъ на время дарованія грамоты. Въ грамотѣ есть мѣсто, которое по нашему мнѣнію ясно показываетъ, что оригиналь ея данъ непосредственно за установленіемъ намѣстничества. «О земляхъ и о рѣкахъ и озерахъ и всякихъ угодьяхъ судъ за три года, а далѣ того о земляхъ не судити; и первыхъ судовъ и грамотъ князей Пермскихъ не посуживати читаемъ мы въ ней. Это мѣсто свидѣтельствуетъ, что грамота была издана въ такое время, когда власти имѣли дѣло съ массой споровъ изъ за права владѣнія землями и угодьями. Правительство считало нужнымъ назначить довольно долгій срокъ для улаженія этихъ споровъ и предупредить, что оно не беретса перерѣшать постановленія Пермскихъ князей. Такимъ періодомъ, когда Пермичамъ могло показаться, что теперь должны измѣниться всѣ основы владѣнія и пользованія землями и угодьями (включая сюда и права, данныя Пермскими князьями), могъ быть только періодъ перехода отъ самостоятельнаго управленія къ намѣстническому.

Другимъ свидѣтельствомъ въ пользу принадлежности грамоты къ началу XVI в. служитъ характеръ пермскаго быта. Грамата представляетъ Пермьяковъ охотниками, считаетъ ихъ по лугамъ, опредѣляетъ платежи бѣлками. Писцовая книга Яхонтова говоритъ уже исключительно о земледѣльцахъ; само собою разумѣется, больше вѣроятности предположить, что эта перемѣна совершилась въ 70 лѣтъ подъ вліяніемъ прилива русскихъ колонистовъ, чѣмъ въ 25, отдѣляющія эту книгу отъ 1553 г.

руви Москвы переходят громадныя земли Поволжья отъ Василя до Каспійскаго моря. Одновременно основывается русская власть въ земляхъ Башкиріи. Въ 1655 г. территориальныя приобрѣтенія *de jure* переходятъ за Ураль. Князь Сибирскій Едигеръ отдается съ своими людьми подъ власть Москвы. Если мы прибавимъ къ этому приобрѣтенныя въ началѣ XVI в. Югорскія земли и перешедшую въ непосредственное вѣдѣніе московскаго правительства Пермь, то окажется, что въ распоряженіе Москвы поступила колоссальная территорія отъ Ледовитаго моря до Каспійскаго съ С. на Ю. отъ устья Суры до Урала съ З. на В. Эта территорія была извѣстна Русскимъ людямъ лишь настолько, насколько можно было ознакомиться съ ней, плывя по главнымъ воднымъ артеріямъ—Вычегдѣ, Печерѣ, Камѣ, Бѣлой и Волгѣ.

Обратить громадный край въ дѣйствительное достояніе русскаго народа и государства предстояло не безъ борьбы. Борьбѣ приходилось прежде всего съ кочевниками, занимавшими земли на Югъ отъ Камы и Чусовой и все Зауралье. Между тѣмъ государственныя ресурсы нужно было какъ разъ въ это время напрягать для борьбы на два фронта—съ Ногаями, отрѣзывавшими Москву отъ Чернаго моря, и Нѣмцами, державшими въ своихъ рукахъ Балтійское. Государство страшно нуждалось въ приспособленныхъ къ военному дѣлу служилыхъ людяхъ и отпускало ихъ на В. въ комически маломъ числѣ. Понятно при такихъ условіяхъ, что оно хваталось за всякое средство удержать за собой безъ затраты служилыхъ людей новоприобрѣтенныя земли и не стояло за тѣмъ, чтобы вознаграждать людей, которые изыскивали такія средства, даже обширными пространствами пустопорожней земли. Человѣкомъ, предложившимъ такое средство для Перми, явился Аникій Строгановъ—богатый Вологодскій (точнѣе Соль-Вычегодскій) солепромышленникъ и землевладѣлецъ. Онъ испрашиваетъ для своего сына Григорія „пустопорожнія земли“ по Камѣ съ обязательствомъ устроить на нихъ „городки за свой счетъ и въ городкахъ пушкы и цищали учинити и пушварей и пи-

щальниковъ и воротниковъ устроить для береженія отъ Нагайскихъ людей и иныхъ ордъ“. Заселить земли онъ обязывался не племениными, не тяглыми людьми, рудъ серебряныхъ, мѣдныхъ, и оловяныхъ не разрабатывать ¹⁾. Принимая на себя въ замѣнъ за пустопорожнія земли защиту отъ враждебныхъ инородцевъ заселенныхъ земель Перми Великой, Строгановы по условіямъ XVI в. предлагали государству выгодный договоръ. Вопросъ заключался въ томъ, дѣйствительно - ли эти земли были пустопорожними, не нарушала - ли отдача ихъ чьихъ нибудь интересовъ. Москва не имѣла обычая, отбравши у покоренныхъ народовъ земли, обращать туземцевъ въ рабовъ для завоевателей. Предъ царскими фискомъ были равны Русскій, Черемисинъ, Пермязъ и Вогуль. При добрыхъ намѣреніяхъ Московскому правительству недоставало, въ сожалѣнію, знаній на счетъ того, что ему попало въ руки. Аника Строгановъ не считалъ нужнымъ просвѣщать въ географіи грознаго царя. Въ своей челобитной онъ сообщаетъ только поперечникъ того пространства, которое намѣревался прибрать въ рукамъ. Какую ширину имѣла просимая территорія, предоставлялось догадываться изъ ходатайства о позволеніи по рѣчкѣ, впадающимъ въ Каму до вершинъ и по озерамъ „лѣсъ стѣчь, пашни расчистя пахать и дворы ставить“. Что это были за рѣчки, какъ онѣ назывались, въ просьбѣ не было даже упомянуто; между тѣмъ въ числѣ ихъ оказываются съ правой стороны Иньва, вытекающая изъ Глазовскаго у. Вятской губерніи и имѣющая 160 в. длины, Обва, начинающаяся также по близости Вятской губерніи и занимающая своимъ бассейномъ на протяженіи 200 верстъ обширное пространство въ нынѣшнихъ уѣздахъ Оханскомъ и Пермскомъ; съ лѣвой стороны Яйва берущая начало на Уралѣ и имѣющая длину 300 в., Косьва, впадающая въ Каму нѣ-

---

¹⁾ Перм. Лѣтоп. I, 51.

сколько ниже Иньвы, съ теченіемъ въ 280—300 в¹⁾). Испрашивая для себя земли по теченію этихъ рѣчекъ до ихъ вершинъ, Строгановъ простиралъ свои желанія на громадное пространство отъ границъ между нынѣшними губерніями Вятской и Пермской до Урала съ З. на В. и отъ Ласвы до Чусовой съ С. на Ю. Это пространство опредѣляется въ 3,415,840 десятинъ²⁾). Вопросъ о принадлежности его былъ разрѣшенъ въ челобитной самымъ короткимъ образомъ: Строгановъ категорически заявлялъ, что испрашиваемыя земли пусты, „пашни на нихъ не паханы, дворы не ставали, въ цареву казну ни каковаго дохода не бывало и нынѣ не отданы никому и въ писцовыхъ книгахъ, и въ купчихъ и въ правящихъ то мѣсто не написано ни у кого“. Дѣло представлялось вполне вѣрнымъ; для пущей убѣдительности сдѣлана была даже ссылка на писцовыя книги, которыхъ относительно Пермской области еще и не было. Не упомянуто было только о Пермьявахъ, которые могли имѣть здѣсь, если не постоянныя жилища, то угодья. Но о нихъ догадались спросить въ Москвѣ. Дать справки могъ прибывшій въ Москву съ пермской данью Пермязъ Кадауль. Кадауль сообщилъ правительству, что у Пермязовъ въ тѣхъ мѣстахъ ухожеевъ (промысловъ) нѣтъ. Предполагаютъ, что Кадауль продалъ Строгановымъ свое свидѣтельство и интересы родичей Пермязовъ. Въ какой степени были точны его свѣдѣнія, можно судить изъ того, что Яхонтовъ, составлявшій по порученію Московскаго правительства въ 1579 г. т. е. черезъ 15 лѣтъ послѣ полученія Строгановыми дачи, писцовыя книги по Пермскимъ землямъ, отнесъ въ составъ отхожаго Чердынскаго стаѣна бассейны тѣхъ-же Иньвы, Обвы, Яйвы и Косьвы. Это отчисленіе могло состояться лишь по тому, конечно, что на данной территоріи находились поселенія и угодья

---

¹⁾ Сп. н. м. Перм. губ. Спб. 1874.

²⁾ Дмитр. «Перм. Стар.» I, 101.

государственныхъ вѣрстанъ. Границы отхожаго стана по направленію къ Камѣ видны изъ того, что по Яхонтову въ отхожемъ станѣ находятся на Иньвѣ Кудымворъ, Купросъ, Туманская, Юсьва на притокѣ Иньвы того-же названія, Кува на притокѣ Иньвы того-же названія, на Обвѣ—погость Обва (нынѣ Ильинское), Кривая наволока и Оедорово. Внѣ отхожаго стана оставалась сравнительно узкая полоса вдоль Камскаго берега до Ильинскаго по Обвѣ и Майкора по Иньвѣ¹⁾. Уже одно существованіе цѣлыхъ погостовъ въ отхожемъ стану способно представить въ настоящемъ свѣтѣ Строгановскія увѣренія на счетъ пустопорожности камскихъ земель. Писцовыя книги заключаютъ и другія, косвенныя доказательства того, что пашни здѣсь были пахиваны и до Строгановскихъ поселенцевъ. Въ писцовыхъ книгахъ Яхонтова мы находимъ любопытныя соотношенія между числомъ населенія и количествомъ культивированной земли. Вокругъ Яйвенской слободки было три починки, которымъ принадлежали 399 четей пахатной земли и 111 дес. пашеннаго лѣса, т. е. всего 1112 дес., въ Сылвенскомъ округѣ за тремя деревнями и пятью починками значилось 2847 четей т. е. 7117 дес. пашни и 222 дес. пашеннаго лѣса. Трудно допустить, чтобы горсть людей въ состояніи была въ 15 лѣтъ обработать такую громадную площадь дикаго лѣса. Вѣроятно, старое населеніе было согнано.

Правительство само, повидимому, не совѣмъ довѣряло просителю и отдало ему просимыя земли съ важной оговоркой „во всякія угоды Пермичамъ и въ земляныя и въ лѣсныя отъ Лысвы рѣки по Камѣ, по рѣчкамъ и озерамъ и до вершинъ и до Чусовыя рѣки у Григорія не вступаться ни въ которыя угоды въ новыя, а владѣютъ Пермичи старыми уxoжеи, которыми изстари владѣли, и Григорій владѣеть своими новыми уxoжеи, а что будетъ намъ

---

¹⁾ Дмитр. «Перм. Ст». I, 84.

Григорій по своей челобитной ложно челомъ билъ и то ся моя грамота не въ грамоту“¹⁾).

Правительство удерживало за собой такимъ образомъ право по полученіи новыхъ, противорѣчащихъ свѣдѣній взять свое рѣшеніе относительно отданныхъ земель назадъ. Такихъ свѣдѣній въ Москву не доходило. Пользуясь царскимъ довѣріемъ, Строгановы продолжаютъ выпрашивать новыя земли. Въ 1568 г. Строгановскія дачи были увеличены теченіемъ Чусовой и впадающихъ въ нее притоковъ съ обязательствомъ, чтобы владѣльцы за свой счетъ поставили тамъ городки и крѣпости. Черезъ 15 лѣтъ послѣ первой дачи благодаря работамъ Яхонтова Москва приобрѣла возможность судить о томъ, ложно-ли билъ челомъ Григорій Строгановъ и воспользоваться оговореннымъ въ дарственной грамотѣ правомъ отобрать подаренныя земли, но ссориться съ Строгановыми въ эту пору было невыгодно. Съ утвержденіемъ Строгановыхъ на Чусовой возникаютъ враждебныя отношенія къ Остякамъ и Вогуличамъ, которые жили по этой рѣкѣ, и сибирскимъ ихъ родичамъ. Въ 1573 г. Пелымскій князь Бехбелей переходитъ Уралъ, опустошаетъ окрестности Чердыня и Кая, оттуда проникаетъ въ Строгановскія владѣнія и грозитъ Камгорту, Кергедану и городкамъ по Чусовой, Яйвѣ и Солвѣ. Строгановы напали на грабителей въ горахъ и съ трудомъ одолѣли ихъ. Въ томъ-же году на Чусовой городъ совершаетъ нападеніе братъ Сибирскаго царя Маметкулъ. Результатомъ этого нападенія было то, что Строгановы получили отъ царя разрѣшеніе ходить на Сибиряковъ войной и бунтовщиковъ подъ царскую руку проводить. Въ 1574 г. имъ предоставленъ былъ во власть незавоеванный еще бассейнъ Тобола. Въ ту пору, какъ составлялась писцовая книга Яхонтова, Строгановы организовали уже Сибирскую экспедицію изъ волжскихъ воеинговъ — промышлявшаго разбоемъ донскаго

---

¹⁾ Перм. лѣт. I, 53.

казака Ермака съ товарищами. Казацкіе отряды быстро рѣшили дѣло въ пользу Руси и Строгановыхъ. Въ то время, какъ изъ Москвы шли къ послѣднимъ грозныя царскія грамоты, въ которыхъ они обвинялись въ нарушеніи государственныхъ интересовъ, изъ Сибири на Русь отправлялся Иванъ Кольцо, чтобы отдать покоренную страну подъ высокую руку царя Московскаго.

Наслѣдникъ грознаго царя былъ не изъ тѣхъ людей, которые способны на энергическія дѣйствія. Строгановы при немъ не только удержали за собой свои колоссальныя владѣнія, но получили въ 1597 г. даже прибавку—земли лежащія по притокамъ Камы отъ Лысьвы (ниже Чусовой) до Ошапа отъ устья до вершинъ. Этими притоками были Лысьва (60 верстъ длины), Сюзьва (50 в.), Нытва (50 в.), Очеръ (80 в.)¹⁾. Новый участокъ прекрасно закруглялъ Строгановскія дачи по правому берегу Камы. Верховья полученныхъ рѣчекъ сходились съ верховьями рѣчекъ бассейна Обы. Первому царю изъ дома Романовыхъ было также не совсѣмъ удобно заводить съ Строгановыми счеты. Строгановы были кредиторами казны въ тяжелую пору водворенія на Руси порядка. Они ссудили до вступленія на престолъ Михаила на нужды государства 423,706, ссужали его и послѣ (въ 1673 г. при Алексѣѣ Михайловичѣ эта ссуда, не смотря на платежи, достигала до 417,056 рублей)²⁾. Михаилъ Ѳедоровичъ не только не поднималъ вопросовъ о Камскихъ рѣчкахъ, но даже подарилъ въ 1615 г. Строгановымъ еще нѣсколько новыхъ отъ устья Ошапа до устья Тулвы близъ Осы; такъ что Строгановскія владѣнія на всемъ югозападѣ почти совпали съ границами Пермской губерніи и Вятской.

Когда въ 1623 г. поручена была Кайсарову новая опись Пермскихъ земель, Строгановы, повидимому, не считали болѣе нужнымъ играть съ правительствомъ въ жмурки и

---

¹⁾ Перм. Лѣтоп. I, 121.

²⁾ Дмитр. «Перм. Ст.» II, 156.

показали, какія рѣчки и они считаютъ своей собственностью: „да въ рѣку-же Каму, читаемъ мы у Кайсарова въ писцовой книгѣ Строгановскихъ вотчинъ, впади въ той-же ихъ межѣ рѣка Обва, да рѣка Косьва, да рѣка Иньва“. Слѣдующая за тѣмъ фраза показываетъ, какъ составлялъ Кайсаровъ свои книги. Онъ находитъ возможнымъ утверждать послѣ того, какъ Яхонтовъ описалъ „отхожіе“ погосты и деревни на Обвѣ и Иньвѣ, что „по тѣмъ рѣкамъ по обѣ стороны отъ устей до вершинъ и въ той межѣ берега пустыи и острова и рѣки малыя, которыя впади... въ Обву, и въ Косьву и въ Иньву отъ устей и до вершинъ и озерка лѣшіе съ истока и лѣса дикіе съ рыбными и звѣринными ловлями и со всякими угодыми ихъ Максимовы да Ивановы ¹⁾)... Писецъ безцеремонно обходитъ существованіе ряда извѣстныхъ правительству селеній въ бассейнѣ Иньвы и Обвы и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ маленькую поправку къ дарственной 1558—1564 г.: не однѣ ужъ рѣчки Иньва, Обва и Косьва оказываются въ Строгановской межѣ, но и ихъ притоки отъ устьевъ и до вершинъ. „Часть отхожаго стана“ Чердынцевъ благодаря этому канцелярскому приему обращалась для правительства въ пріятное воспоминаніе.

Москва пока не обращала на невыгодныя для нея бумаги вниманія и продолжала распоряжаться населеніемъ отданныхъ земель и самими землями. Въ писцовой книгѣ Усольскаго уѣзда, составленной въ 1647 г. Елизаровымъ, Иньва и Обва все еще считаются государственнымъ достояніемъ. Елизаровъ показываетъ здѣсь новые погосты—Купрось, Майворь, Нижнюю Юсьву, на Обвѣ Рождественскій, Карагай, Георгіевскій, Богородицкій. Обвинскія селенія составляли особую Обвинскую соху.

Книги Елизарова вводятъ насъ въ новый періодъ отношеній Строгановыхъ къ правительству. Строгановы выража-

---

¹⁾ Перм. стар. I, 127.

ютъ уже притязанія на владѣніе погостами, которые были основаны государевыми крестьянами. Елизаровъ заноситъ Майкоръ въ число селеній, принадлежащихъ Дан. Ив. Строганову ¹⁾. Этотъ захватъ встрѣтилъ протестъ съ стороны населенія. Затѣмъ нѣсколько ранѣе по жалобѣ „Чердынцевъ и Усольцевъ“ подъячій Антипинъ на основаніи царскаго указа отписалъ къ Обвинской сохѣ отъ вотчины Дан. Строганова одна дц а т ь д е р е в е н ь ; тутъ было между прочимъ село Кыласово на Иньвѣ. Строгановы продолжали однако предъавлять на нихъ свои притязанія и Елизаровъ вноситъ ихъ въ свою переписную книгу Строгановскихъ владѣній въ качествѣ отписныхъ деревень, которыми нынѣ владѣетъ Данила-жъ Строгановъ ²⁾.

Населеніе Инвенскаго и Обвинскаго бассейновъ между тѣмъ быстро расло. „Изъ многихъ мѣстъ на Обву и на Иньву крестьяне селятся многіе и пашни у нихъ великія и мѣсто теплое и земли родимые и хлѣбъ и медъ и хмѣль у нихъ родится на всѣ годы...“, читаемъ мы въ одной мѣстной крестьянской челобитной. Въ числѣ переселенцевъ на Обву и Иньву были и Чердынцы—Пермичи ³⁾.

Черезъ 15 лѣтъ со времени составленія Кайсаровскихъ книгъ Инвенскій и Обвинской районъ уже называется станомъ, жители его продолжаютъ считать себя государевыми крестьянами, но уже не Чердынскаго, а Усольскаго уѣзда.

Путаница отношеній съ 40-хъ годовъ XVII в. все болѣе и болѣе увеличивается. Въ 1560 г. оказалось, что и Лысьва, которую въ качествѣ безлюдной и никому не принадлежащей рѣки получилъ Строгановъ и пожертвовалъ Пыскорскому монастырю, была занята Усольцами: „Пыскорскаго монастыря архимандритъ съ братьей... по рѣкѣ по Лысьвѣ, писали Усольцы царю—и до вершины сѣнными повосы и пашенными

¹⁾ Перм. Стар. II, 92.

²⁾ Ibid. 98.

³⁾ Ibid. 50—51.

землями и лѣсами и рыбными ловлями завладѣли насильствомъ и нашу Усольскую тяглую землю у податныхъ тяглыхъ людей поотнимали и подь завладѣ и владомъ поймали ¹⁾“.

Государство продолжаетъ держаться за свои права до самаго конца XVII в. Писцовыя книги Бѣльскаго въ числѣ государственныхъ владѣній считаютъ извѣстную уже намъ Обвинскую соху. Въ числѣ прибылыхъ погостовъ и селеній мы видимъ у Бѣльскаго на Обвѣ погосты Срѣтенскій (дер. Вотчина), Георгіевскій (Кривецъ), Николаевскій. На Инвѣ также государственные крестьяне еще держались противъ Строгановскихъ захватовъ: „деревня Майкорь... да деревня Мартынова на устьѣ рѣки Оны, а въ ней крестьянскихъ дворовъ девять и тѣ послѣдніе той деревни Майкора крестьяне живутъ за Великимъ государемъ въ деревнѣ Быковѣ, а деревни Мартыновы живутъ за В. Г. и писаны въ тѣхъ деревняхъ въ погосту Майкору...“ ²⁾.

Всматриваясь въ исторію отношеній между Строгановыми и правительствомъ мы приходимъ къ заключенію, что эти отношенія при постоянномъ ростѣ населенія могли кончиться двояко — или возвращеніемъ уступленныхъ Строгановымъ земель по Камѣ по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ отхожаго стана въ казну или отдачей Строгановымъ поселившихся на ихъ земляхъ людей. Отхожій станъ обращалъ въ фикцію владѣніе рѣчками и до ихъ вершинъ; „владѣніе рѣчками“ въ свою очередь дѣлало невозможнымъ существованіе въ ихъ области государевыхъ крестьянъ. Игнорировать грамоты, данныя въ пору полного невѣдѣнія о размѣрахъ государственной территоріи, становилось затруднительнымъ. Въ концѣ XVII в. эти запутанныя отношенія выяснились въ интересахъ Строгановыхъ. Размежеваться съ Строгановыми, выдѣлить по недоразумѣнію отданный имъ отхожій станъ на

---

¹⁾ Перм. Стар. II, 106.

²⁾ Ibid. 167.

основаніи оговорки въ грамотахъ 1558—64 г., правительство не сочло удобнымъ. Строгановскіе интересы представлялъ тогда хитрый дѣлецъ Григорій Дмитріевичъ, государственные—молодой, размахисто-щедрый къ своимъ любимцамъ Петръ. Строгановъ ловко повернулъ дѣло въ свою пользу. Сначала, въ 1688 г. онъ заручился обычнымъ подтвержденіемъ всѣхъ прежнихъ грамотъ. Въ 1691 сдѣланъ былъ новый шагъ въ смыслѣ устраненія государства отъ Пермскихъ земель. До сихъ поръ государство было ихъ верховныхъ собственникомъ и утверждало во владѣніи ими каждое новое лицо. Григорій Строгановъ добился того, что всѣ, когда бы то ни было пожалованныя земли обращались въ вѣчное и потомственное владѣніе Строгановскаго рода. Этотъ государственный актъ не можетъ идти въ сравненіе съ тѣмъ, что было сдѣлано Грознымъ. Тамъ государство дѣйствовало въ географическихъ и статистическихъ потемкахъ, но все-же пыталось оградить интересы народа. Здѣсь отреченіе отъ территоріи отхожаго стана наступаетъ послѣ того, какъ этотъ станъ былъ изслѣдованъ и описанъ Яхонтовымъ, Кайсаровымъ, Елизаровымъ и Бѣльскимъ, послѣ того, какъ была получена возможность сопоставленіемъ данныхъ, добытыхъ писцами, съ утвержденіями челобитныхъ обличить ихъ несостоятельность. Добившись полного отреченія правительства отъ Пермской территоріи, ловкій дѣлецъ далъ правительству немножко вздохнуть, занимая его сравнительно мелкими просьбами—въ 1695 г. относительно притока Косы Лолога, въ 1697 относительно Лены и Зырянскихъ соляныхъ промысловъ. Въ 1700 онъ сдѣлалъ послѣдній ходъ въ результатахъ котораго трудно было уже сомнѣваться. Основываясь на признанномъ уже фактѣ, что со времени жалованныхъ грамотъ Грознаго земли по Обвѣ, Инвѣ, Косвѣ и другимъ камскимъ притокамъ явились въ мѣжахъ, въ дачахъ и урочищахъ Строгановыхъ, Григорій Строгановъ обращаетъ вниманіе правительства на то, что на тѣхъ его вотчинныхъ земляхъ „крестьяне и бобыли поселились до писцовъ и послѣ писцовъ и къ уѣзду Соли Камской припи-

сались и живутъ въ тѣхъ мѣстахъ и всякими угодами владѣютъ... самовольствомъ своимъ, безъ государева указа и безъ крѣпостей“ и на этомъ основаніи испрашиваетъ себѣ погосты бывшаго отхожаго стана. Если-бы правительство дорожило свободной тяглою силой, оно могло - бы свести своихъ крестьянъ или вознаградить Строгановыхъ другой свободной территоріей — но въ эпоху Петра такое рѣшеніе было невозможно. Петръ мало цѣнилъ свободную народную силу. Указомъ 1 іюля 1700 г. погосты отхожаго стана были отписаны къ Григорію Строганову; 22 мая 1702 г. это прикрѣпленіе было утверждено на вѣчныя времена¹⁾. 14 тысячъ человѣкъ м. п. обратились изъ свободныхъ людей въ Строгановскихъ крѣпостныхъ. Черезъ 15 лѣтъ правительство увидало, какимъ результатомъ сопровождалось его распоряженіе. Во всѣхъ Пермскихъ имѣніяхъ Строгановыхъ оказалось 5,324 пустыхъ двора и 33,235 человѣкъ обоего пола бѣжавшихъ съ своихъ земель. Въ этихъ тысячахъ были, конечно, въ немаломъ числѣ и крестьяне бывшаго отхожаго стана.

Не однимъ закрѣпощеніемъ сопровождался для Пермцевъ тотъ фактъ, что значительная часть ихъ очутилась на Строгановскихъ земляхъ. Съ этой поры начинается и ихъ постепенное обрусѣніе. Путешественникъ, имѣвшій возможность ознакомиться только съ Пермскими волостями по Инвѣ отъ вершинъ ея до Купроса, можетъ сказать, что вѣка, въ теченіи которыхъ Пермцы прожили подъ русской властью, прошли безслѣдно въ смыслѣ ихъ уподобленія съ государствующей народностью. Но стоитъ припомнить ту массу пермцевъ названій рѣчекъ и селеній, которую предлагаетъ намъ Русскій Обвинскій край и Пермскій уѣздъ вообще, чтобы увидѣть результаты сожительства Русскихъ съ Пермцами.

Сѣверо-Западная часть Пермской губерніи (уѣзды Оханскій, Пермскій, Соликамскій и Чердынскій) представляетъ

---

¹⁾ Перм. стар. II, 176.

на значительномъ пространствѣ картину, которую мы видимъ въ средней Россіи — въ губерніяхъ Владимірской, Ярославской, Московской: массу нерусскихъ названій урочищъ и населенныхъ мѣстъ при сплошь русскомъ населеніи. Различіе заключается въ томъ, что здѣсь мы по большей части обазываемся въ состояніи опредѣлить чуждыя русскому духу имена, назвать народность, которая оставила ихъ послѣ себя. Справляясь съ данными выше списками личныхъ Пермскихъ именъ и типами мѣстныхъ названій, читатель не затруднится признать, что южные уѣзды намѣченнаго края заключаютъ въ своихъ мѣстоназваніяхъ массу слѣдовъ, оставленныхъ жившихъ тамъ Пермцами. Таковы въ О х а н с к о м ъ у ѣ з д ѣ: Тельбаны, Олекина, Коналы, Лунева, Пермечата, Рябовской, Леушканова, Волегова, Видящерскій, Габова, Челпановскій, Мошевскій, Чекулаевскій, Перемка, Перемскій, Даньки, Пачина, Мартинъ, Пермяковъ, Кочевашевъ, Зайганова, Лышово, Чалово, Кочева, Гавина, Кусцерская, Козгова, Ярина, Омигина, Ожегова, Зюкайское, Леханова, Бакина, Шитоева, Микова, Кышева, Мошова, Т(п?)ыстогова, Пермякова, Чудинова, Рочева, Ужегова, Осьзанова, Чикулева (Чакули), Потвина, Габенцова, Кычанова, Тулпышева, Канаева, Самылова, Жакова, Попылка, Омышова, Азова, Кашарова, Дюльдина, Челпанова, Патруково, Зенцова, Кучманова, Пермьки, Кычева, Данькова, Сашилова; въ Пермскомъ кромѣ перечисленныхъ уже на стр. 90: Кычанова, Копылы, Качва, Поспа, Суздалы, Чикилева, Шульгина, Самцова, Пермякова, Дылдина, въ Соликамскомъ по лѣвую сторону Камы: Тунегова, Олековъ, Кырдымъ, по правую Пыскоръ, Накарная, Рунева, Патрушевъ мысъ, Данской, Касибъ, Кычибъ, Вяткина, Кысьва, Чузева, Ошвожа, Кокшарова, Лечванова (по Ласъвѣ и Кондасу), по Иньвѣ Азовская, Кыласовская, Турья-шоръ, Зелева, Мочга, Янина, Чикманова, Корева, Сюзева, Сыскина, Перина, Пастыгова, Шабова, Онохова, Ярина, Пачева, Юшманова, Чужева, [Олекова (по бер. Камы), Явинская, Алиновской], Азовъ,

Дзюгыровъ, въ Чердынскомъ уѣздѣ по Колвѣ Кушпелева, Якина, Ручибъ, Езова, Колчагортъ, Камгортъ, Гавина, Кушова, Зуева, Курсыбъ, Мысагортъ, Искоръ, Ныробъ, Селькова, Исанева, Ветланъ, Урцова, Равшеръ, Гадья, Тулпанъ, Першина,—Янидоръ, Черпосыбъ, Ускаебъ, Лекмартовская,—по Вишерѣ Редикоръ, Велгуръ, Мартина, по Язвѣ—Суибъ, по Печерѣ Пачгина.

Всматриваясь въ поднимающуюся предъ нами картину обрусѣнія мы замѣчаемъ, что оно находится въ зависимости отъ почвы—на годной для земледѣлія песчано-глинистой почвѣ Пермскаго, Оханскаго и Ю. З. части Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ оно совершилось скорѣе, чѣмъ на С. Эта зависимость не парадоксъ. Ассимилировалъ Пермьяка не чиновникъ, не учитель, а русскій крестьянинъ - колонистъ; крестьянину-же нужны были главнымъ образомъ годныя для земледѣлія почвы; онъ садился гуще и раньше тамъ, гдѣ почва была лучше; по мѣрѣ того, какъ такія почвы занимались, онъ постепенно поднимался на С. Въ верховьяхъ Иньвы русскіе переселенцы явились лишь въ текущемъ столѣтіи. Въ связи съ ходомъ и направлениемъ русской колонизаціи стоитъ и обрусѣніе Пермьяковъ. Въ 1629 г. Пермьяки жили въ округѣ Очерскаго острожка на Ю. З. отъ г. Перми. Въ раздѣльномъ актѣ Строгановыхъ мы встрѣчаемъ деревню „Средняя Дуброва Пермская, что Пермьяки живутъ“, и деревню Пермскую „надъ Камой рѣкой въ заостровкѣ“¹⁾. Въ переписныхъ книгахъ по Строгановскимъ владѣніямъ въ этомъ краѣ на крестьянскихъ дворахъ фигурируютъ рядомъ съ захребетниками и подворниками въ качествѣ особаго элемента Чердынцы и Усолъцы. Теперь въ этомъ краѣ живетъ чисто русское населеніе.

Обрусѣніе Пермьяковъ продолжается медленными, но вѣрными шагами, безъ всякихъ искусственныхъ мѣръ и не оставляя

---

¹⁾ Перм. стар. II, 74.

въ русѣющемъ населеніи никакой горечи противъ господствующей народности. Въ настоящее время наиболѣе чисто сохранившіеся Пермьяки занимаютъ долину Иньвы, но и здѣсь дѣло обрусѣнія дало уже важные результаты. Заводы — Майкорскій и Пожвинскій на В., Кувинскій на З. — являются пунктами, изъ которыхъ исходитъ естественная руссификація. Волости Майкорская и Купросская — и въ особенности селенія, по имени которыхъ носятъ онѣ свои названія — представляются уже въ значительной степени обрусѣвшими. Здѣсь все говоритъ объ изчезновеніи Пермязкой старины: типическія Пермязкія двускатныя крыши съ зобастыми коньками (охлупнями) на крышахъ, съ расписанными дегтемъ уялючинами, уступаютъ мѣсто избѣ съ четырехскатной крышей, въ женской одеждѣ шамшура уступаетъ мѣсто платку, пермязкій языкъ вытѣсняется замѣтно русскимъ. Здѣшній Пермязкъ желалъ-бы, чтобы его принимали за Русскаго и на категорическій вопросъ: „ты Пермязкъ?“ нехотя отвѣчаетъ: „не скроешь, Пермязкъ“. Пермязкій духъ начинаетъ ясно чувствоваться только тогда, когда путешественникъ вступить въ область Архангельскаго прихода. Здѣсь, затѣмъ въ приходѣхъ Йогвинскомъ, Ошибкомъ, Бѣлоевскомъ и Верхъ-Инвенскомъ можно еще изучать болѣе или менѣе чистаго Пермязка. Русскіе элементы проникли, конечно, и сюда, но ихъ вліяніе еще не на столько сильно, чтобы стереть съ населенія печать его индивидуальности. Дальше на З. мы вступаемъ опять въ полосу руссифицированнаго Пермязчества. Кувинская и примыкающія къ ней съ С. Юмская и Юрлинская волости Чердынскаго уѣзда населены уже такими Пермязками, дѣти которыхъ будутъ только смутно помнить, что когда-то въ ихъ краю говорили на другомъ, нерусскомъ языкѣ. Типичнымъ образцомъ обрусѣвшаго Пермязкаго селенія является село Юрла. Здѣсь не слышно уже другой рѣчи, кромѣ русской; на вопросъ, живутъ-ли въ селѣ Пермязки, отвѣчаютъ отрицательно. Наблюдатель, который при опредѣленіи народности населенія, основался — бы только на этихъ данныхъ,

неминуемо заключилъ - бы, что село населено Русскими, но стоитъ заглянуть въ списки обывателей, переполненные Пермскими фамиліями, стоитъ прислушаться къ характерному русскому языку, въ которомъ вмѣсто *ф, х, я* слышатея *н, к, зя*, всмотрѣться въ названія урочищъ, которыя встрѣчаются въ рѣшеніяхъ волостнаго суда, и наконецъ въ востюмъ обывателей, чтобы ихъ національность опредѣлилась. Типичный рыжій Пермякъ съ характернымъ пермяцкимъ выговоромъ — ямщикъ, везшій меня отсюда въ Усть-Зулу—на вопросъ, не Пермякъ - ли онъ, отвѣтилъ: „нѣтъ, я Руськой“, — но, когда я спросилъ его, не говорили-ли у нихъ въ селѣ прежде по пермяцки, онъ отвѣтилъ, что у него только три года тому назадъ умеръ дѣдушка, который постоянно дома говорилъ по пермяцки. Этотъ - же ямщикъ по моей просьбѣ сообщилъ мнѣ, гдѣ въ ихъ приходѣ живутъ „Руськіе, которые говорятъ дома по Пермяцки“. Такихъ селеній оказалось въ приходѣ три-четыре близъ Юрлы, но и въ нихъ Русскій языкъ употребляется безразлично наравнѣ съ Пермяцкимъ. Юмская волость представляется уже чисто-русской. Сосѣдняя съ Юрлинской волостью Усть-Зулинская также въ сильной степени русифицирована. Во всѣхъ трехъ названныхъ волостяхъ Чердынскаго уѣзда жители считаютъ уже себя русскими и говорятъ, что пермяки живутъ за р. Косой (на С.).

Перевравшись за Косу въ Кочевскую волость, мы, дѣйствительно, попадаемъ въ область чистаго пермяцкаго населенія—снова на улицахъ и въ домахъ слышится пермяцкая рѣчь, видны мелкія особенности Пермской архитектуры. Лѣтъ 30 тому назадъ здѣсь нельзя еще было найти челоуѣка, который могъ-бы говорить по русски. Въ настоящее время картина уже измѣняется. Обрусѣніе начинается и здѣсь и идетъ тѣмъ-же путемъ, что и въ другомъ глухомъ лѣсномъ угольѣ Пермскаго края, въ Ошибскомъ приходѣ. Въ высокой степени интересны съ психологической точки зрѣнія тѣ пути, по которымъ идетъ начинающаяся ассимиляція. Русскій

языкъ, какъ языкъ обыденнаго домашняго разговора, не имѣетъ еще здѣсь права гражданства: говорятъ всѣ по Пермцѣ, но русская пѣсня и русская загадка на игрищахъ, русскія присказки на свадьбахъ, русскіе наговоры и заговоры въ различныхъ случаяхъ, требующихъ участія колдуна, являются въ нѣкоторомъ родѣ обязательными. Женщины и дѣвушки, обыкновенно едва умѣющія связать нѣсколько словъ по русски, поютъ съ величайшимъ усердіемъ русскія пѣсни, въ мѣру своего усердія, конечно, искажая ихъ, и выслушиваютъ длинныя, цвѣтистыя, заученныя отъ русскихъ рѣчи и прибаутки дружекъ на свадебныхъ пирахъ. Произведенія русскаго народнаго творчества проникаютъ такимъ образомъ къ Пермцѣ раньше языка, завоевывая и подготавливая почву для этого послѣдняго. Прежде чѣмъ Пермцѣ научается говорить болѣе или менѣе правильно по русски, онъ является уже русскимъ въ выдающіеся моменты своей жизни. Не менѣе сильно обрусѣніе въ верховьяхъ Камы. Здѣсь Кеппенъ насчитывалъ въ 40-хъ годахъ до 4600 Пермцѣ. Въ настоящее время людей, говорящихъ переполненнымъ руссизмами Пермцѣмъ языкомъ можно только найти въ двухъ-трехъ деревняхъ. Нагляднымъ примѣромъ обрусѣнія здѣшнихъ Пермцѣ служитъ слѣдующій фактъ. Учитель Зюздинской церковно-приходской школы г. Шатровъ собиралъ для насъ по данной ему программѣ свѣдѣнія о Зюздинскихъ Пермцахъ. Въ программу между прочимъ входилъ вопросъ: какъ называется у мѣстныхъ Пермцѣ душа, какъ тѣнь. Распрашивая по этому поводу своихъ земляковъ, г. Шатровъ только отъ стариковъ могъ добиться, что въ старину душа обозначалась словомъ л о л ь. Вятскій статистикъ г. Романовъ полагаетъ, что населеніе сосѣдней Кайской области сплошь состоитъ изъ обрусѣвшихъ Пермцѣ¹⁾. Факторами обрусѣнія и здѣсь являются заводы—Омутницкій, Залазин-

---

¹⁾ Добр. Перм. В. Е. 1833 III, 400.

скій, на которые, по словамъ А. П. Иванова, Верхо-Камскіе Пермьяки чуть не поголовно отправляются по зимамъ. Г. Добротворскій, наблюдавшій Пермьяковъ Орловскаго уѣзда, говорить, что особенно сильно обрусѣніе замѣчается въ смѣшанныхъ деревняхъ; здѣсь Пермьяки говорятъ по русски, родятся съ ними и перенимаютъ всѣ мелочи быта. „Русскій крестьянинъ для такого Пермьяка идеаль, онъ копируетъ его даже въ мелочахъ, въ походѣхъ, въ одеждѣ, въ постройкахъ, во всемъ“ — Русскій крестьянинъ колонистъ, исподволь занимая край, также исподволь ассимилировалъ и продолжаетъ ассимилировать коренное пермяцкое населеніе. Государство здѣсь еще менѣе, чѣмъ въ Черемисскомъ и Воляцкомъ краяхъ, проявляло ассимиляторскія наклонности; до 1861 г. оно было въ сторонѣ отъ главной массы Пермьяковъ — Инвенскихъ. Съ тѣхъ поръ оно дѣйствуетъ путемъ школы (пока еще очень слабо). Въ интересахъ дѣла было - бы въ высшей степени важно, если - бы при обученіи русскому языку принимались указанія жизни т. е. наибольшее вниманіе отдавалось - бы произведеніямъ русскаго народнаго творчества, обаяніе котораго такъ замѣтно испытываютъ Пермьяки.

Глава III.

Внѣшній бытъ Пермязковъ.

Приступая къ очерку современнаго быта Пермязковъ, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ по поводу того, въ чемъ полагаемъ главную задачу его и чѣмъ обусловливаемъ придаваемый изложенію порядокъ.

Задача частной этнографіи заключается, думаемъ мы, въ томъ, чтобы раскрыть тѣ особенности духа, которыми отличается данный народъ и которыя сказываются въ его творчествѣ, въ созданной имъ культурѣ. Система, въ которой мы будемъ излагать факты, опредѣляется отношеніемъ между различными видами человѣческаго творчества. Первымъ и элементарнымъ видомъ творческой дѣятельности человѣка, первымъ показателемъ творческихъ силъ его духа является, конечно, приспособленіе природы къ основнымъ его потребностямъ—творчество въ области внѣшняго быта: добыча и приготовленіе пищи, устройство жилья, одежда. Направленіе и характеръ этой дѣятельности опредѣляется свойствами среды, окружающей человѣка, и тѣми силами тѣла и духа, которыми онъ располагаетъ. Понятно поэтому, что и въ нашемъ случаѣ на первомъ планѣ должна стоять характеристика природы, среди которой живетъ Пермязкъ, и его собственныхъ свойствъ. Слѣдующая категория явленій, на которой мы остановимъ наше вниманіе, опредѣляется безъ труда. За потребностями въ пищѣ и кровѣ слѣдуетъ потребность продолженія рода.

Изслѣдованіе условій, которыми обставляется удовлетвореніе этой потребности, приводит насъ одновременно къ первобытнымъ формамъ общественнаго союза и брака. Къ тѣмъ-же вопросамъ можетъ подойти изслѣдователь и съ другой стороны. Знакомясь съ родомъ пищи и способами ея добыванія, мы знакомимся попутно и съ тѣмъ вліяніемъ, которое имѣетъ тотъ или другой способъ удовлетворенія первыхъ жизненныхъ потребностей на отношенія человѣческихъ особей другъ къ другу, другими словами на размѣры и формы сотрудничества. Изъ отношеній, основанныхъ на потребности продолженія рода и сотрудничествѣ, вытекаетъ такимъ образомъ цѣлая масса явленій, которыя обнимаются терминами „семейныя и общественныя отношенія“.—Это творчество социальныхъ формъ.

Около человѣческаго труппа зараждается рядъ явленій высшаго порядка — идеи о сверхчувственномъ и культъ усопшихъ. Здѣсь демаркаціонная черта между человѣкомъ и животнымъ. По одну сторону ея въ области творчества, направленнаго на сохраненіе особи и рода, возможны аналогіи мажду тѣмъ и другими,—по другую всякая возможность такихъ аналогій исчезаетъ. Мы вступаемъ въ высшую область творчества, въ область идей о происхожденіи, сущности и взаимныхъ отношеніяхъ явленій окружающаго міра, въ область первобытной философіи и религіи природы. Эта область обнимаетъ собою языкъ, поэзію, вѣрованія и культъ.

Сдѣлавши эти вводныя замѣчанія, мы считаемъ возможнымъ перейти непосредственно къ предмету.

Область, занятая поселеніями Пермяковъ, захватываетъ въ Пермской губерніи западную половину уѣздовъ Чердынскаго, Соликамскаго (считая отъ Камы) и С. З. уголь Оханскаго, въ Вятской губерніи С. В. уголь Глазовскаго уѣзда. Чтобы составить общее понятіе о природѣ этого обширнаго края, возьмемъ соотвѣтствующіе листы карты Стрѣльбицкаго. Краски, которыми они покрыты, скажутъ намъ, въ чемъ заключаются ея характеристическія особенности. Зеленая краска

означаетъ лѣса, синія или сѣрая — покрытыя жидкимъ лѣсомъ болота, бѣлое, незакрашенное пространство — пашни. Сѣверная половина края приблизительно до бассейна Иньвы представляетъ на картѣ, за вычетомъ небольшого пространства въ бассейнѣ Зулы и Юма, почти сплошное зеленое пространство съ вкрапленными въ него крупными синими и сѣрыми пятнами; бѣлыя пятна выглядятъ на этомъ зеленомъ морѣ маленькими, одиноко стоящими островками. По теченію Иньвы и въ особенности на югъ отъ нея въ бассейнѣ Обвы незакрашенное пространство постепенно занимаетъ все большіе и большіе размѣры.

Показанія карты въ настоящее время уже только приблизительно. Не смотря на короткій срокъ, отдѣляющій насъ отъ времени ея составленія, зеленую краску во многихъ и многихъ мѣстахъ приходится теперь счистить, путешественникъ проѣзжаетъ открытыми полями тамъ, гдѣ можно было бы предполагать сплошной волокъ.

За то было время, когда для карты только и нужны были двѣ краски зеленая и синія. Когда, въ половинѣ XVI в., земли нынѣшнихъ Пермиковъ переходили во владѣніе Строгановыхъ, по Обвѣ, Иньвѣ и ихъ притокамъ стояли „дикие лѣса“.

Въ эту далекую пору для Пермьява былъ важнѣе всего тотъ животный міръ, который населялъ лѣса и воды края — онъ его питалъ и одѣвалъ. И этотъ міръ былъ достаточно разнообразенъ. Многочисленные рѣчки и озера были богаты рыбой, въ лѣсахъ водились соболи, куницы, бобры, лисицы, олени, лоси, не говоря уже о медвѣдяхъ, волкахъ, бѣлкахъ и множествѣ пернатой дичи — тетеревовъ, рябцовъ и т. п.

Воспоминаніемъ объ этомъ богатствѣ является уставная грамота, данная Цермичамъ въ началѣ XVI в. Въ ней еще идетъ рѣчь о соболяхъ, счетъ дани и разнаго рода поборовъ ведется на бѣлки.

Когда въ краю появились русскіе колонисты-земледѣльцы, лѣса стали убывать, вмѣстѣ съ ними стала убывать и доро-

гая дичь и Пермяку пришлось обратить побольше вниманія на ту почву, на которой стояли питавшіе его когда-то лѣса. Результаты ознакомленія оказались неутѣшительные. Пермякъ увидалъ, что низкія мѣста совсѣмъ негодны для земледѣлія: на нихъ—по мѣстамъ на протяженіи цѣлыхъ десятковъ квадратныхъ верстъ—цѣлое лѣто стояла, какъ стоитъ и теперь, вода. Немногимъ лучше оказались и болѣе возвышенныя лѣсистыя пространства Чердынскаго и сѣверной части Соликамскаго уѣздовъ. Громадный Юксѣвскій волокъ, который на протяженіи 90 верстъ тянется по дорогѣ изъ Соликамска въ Кай, рядомъ съ болотами тогда, какъ и теперь, заключалъ песчаныя пространства, на которыхъ росли лишь сосна да верескъ (показатель бесплодной почвы). Бесплодныя земли подъ такими лѣсами шли и дальше на З. въ предѣлы Вятской губерніи по р. Вурламу ¹⁾. Тамъ они сливались съ громадными болотистыми пространствами Слободскаго и С. части Глазовскаго уѣздовъ ²⁾. Не легко оказалось воздѣлывать хлѣбъ даже и тамъ, гдѣ землю находили болѣе или менѣе подходящей. Сосѣдство громадныхъ болотъ порождало тавія климатическія явленія, при которыхъ урожай могъ считаться рѣдкимъ счастьемъ: на С. Чердынскаго уѣзда и теперь до іюня возможны убивающіе растительность морозы. Кто хотѣлъ заниматься земледѣліемъ, шелъ на Ю. въ „Отхожій станъ“, на Иньву, на Обву. Тамъ подъ смѣшанными лѣсами изъ сосны, ели, пихты, лиственницы Пермякъ находилъ „родимыя“ земли. Въ теченіе XVI—XVII в. здѣсь, какъ мы знаемъ уже, выросъ цѣлый рядъ деревень и погостовъ, окруженныхъ на далекое пространство „пальниками“, „пашенными лѣсами“, „шутемами“ и пожнями. Сѣверъ до половины нынѣшняго столѣтія оставался, отчасти и теперь остается страной, гдѣ вѣрнымъ промысломъ можетъ быть только охота: и Пермякъ, и Русскій каждый годъ запахиваютъ свои.

¹⁾ Поповъ. Хозяйст. опис. Перм. губ. I, 89.

²⁾ О природѣ этого края см. Ивановъ «Кама—рѣка» Волж. Вѣст. 1883.

поля, но не каждый годъ жнуть; хлѣба то вымерзають, то вымокають, то подвергаются какому нибудь другимъ стихійнымъ бѣдствіямъ.

Мы познакомились съ средой, которую Пермьку предстояло приспособить къ своимъ потребностямъ. Познаваемымъ теперь съ нимъ самимъ, съ тѣми физическими и духовными силами, которыми онъ располагалъ и располагаетъ для приспособляющей творческой работы. Здѣсь этнографу нужна помощь антрополога. Дѣло антрополога опредѣлить достоинство сложной машины, какой является тѣло представителя данной народности, выразить въ цифрахъ maximum и minimum работы, которую она способна выполнить, и дать рядъ другихъ необходимыхъ указаній. Къ сожалѣнію эта помощь—дѣло будущего и, кажется, неблизкаго.

Антропологическія изслѣдованія проф. Маліева не были продолжителей, какъ будто измѣреніями, которыя были произведены надъ 100 субъектами изъ 80 т. Соликамскихъ и Чердынскихъ Пермьковъ сдѣлано все. Г.г. земскіе врачи могли бы, конечно, детальными мѣстными изслѣдованіями внести не мало важныхъ поправокъ въ выводы г. Маліева, но объ этихъ изслѣдованіяхъ что-то не слышно. А между тѣмъ такія изслѣдованія могли-бы имѣть не одинъ теоретическій интересъ.

Г. Добротворскій, изучавшій Пермьковъ Вятской губерніи и главнымъ образомъ Орловскихъ говоритъ очень рѣшительно о ихъ вырожденіи. „Племя это идетъ быстрыми шагами къ вырожденію и можно съ увѣренностью сказать, что ему не долго существовать на бѣломъ свѣтѣ, что оно уже доживаетъ свои послѣднія минуты. Свѣтлаго народа тамъ нѣтъ—говорятъ Русскіе про Пермьковъ.—изродился. По собственному сознанію Пермьковъ, они стали б о л ь н о ж и д е и. И дѣйствительно, жидки. Рѣдкій изъ нихъ доживаетъ до 50 лѣтъ. Къ 35 годамъ женщина теряетъ уже способность дѣторожденія ¹⁾“.

---

¹⁾ Вѣст. Евр. 2883, III, 252.

говорить тотъ-же авторъ въ другомъ мѣстѣ. Признаковъ этого вырожденія и кромѣ сифилиса очень много. Мелкій ростъ и слабосиліе Пермьяковъ зависятъ не только отъ климатическихъ условій и племенной организаціи, но и имѣютъ характеръ патологическій и составляютъ одинъ изъ признаковъ дегенераціи. Мало того, высшее выраженіе дегенераціи—безплодіе встрѣчается здѣсь очень часто. Причины этого факта ясны: проституція, относительное неравенство лѣтъ мужа и жены, распространившееся за послѣднее время пьянство и вообще эксцессы *in Baccho et Venere* какъ выражаются ученые доктора ¹⁾“. Въ числѣ факторовъ вырожденія г. Добротворскій считаетъ и соприкосновеніе Пермьяковъ съ Русскими. „Среди всеобщаго разложенія сохранились только тѣ семьи, которыя живутъ въ лѣсныхъ починкахъ, вдали отъ большой дороги, городовъ и русскихъ поселеній. Чистота крови спасла ихъ отъ вырожденія ²⁾“.

Нельзя сказать, чтобы условія, при которыхъ г. Добротворскій дѣлаетъ свой конечный выводъ, внушали особенное довѣріе. Авторъ видимо смѣшиваетъ физическое вырожденіе и разложеніе національныхъ нравовъ и формъ быта: рядомъ съ признаками физическаго вырожденія—малымъ ростомъ, слабосиліемъ, безплодіемъ—у него фигурируютъ такія вещи, какъ русское сосѣдство, пьянство, проституція—эксцессы *in Baccho et Venere* (по отношенію къ послѣднимъ, скажемъ мимоходомъ, Русскіе сосѣди уже ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаны отвѣтственными). Этому смѣшенію двухъ разнородныхъ явленій слѣдуетъ приписать, конечно, и ту спасительную роль, которую, кажется, одинъ г. Добротворскій приписываетъ чистотѣ крови. Затѣмъ относительно каждаго изъ признаковъ вырожденія г. Добротворскому приходится вѣрить на слово: что Пермьяки мельчаютъ, вытекаетъ будто-бы изъ наблюденій мѣстныхъ русскихъ му-

---

¹⁾ Вѣст. Евр. 1883. III, 264.

²⁾ Ibid.

живовъ; что жизнь у нихъ сокращается, слабосиліе увеличивается, бесплодіе становится замѣтнымъ, категорически утверждаетъ самъ авторъ, статистики въ подобныхъ дѣлахъ онъ не признаетъ.

Сообщенія г. Добротворскаго заинтересовали антропологовъ - спеціалистовъ и вызвали, если не ошибаемся, путешествіе къ Пермьякамъ проф. Маліева. Г. Маліевъ отправился въ Пермскую губернію, произвелъ тамъ сотню измѣреній, собралъ свѣдѣнія о рождаемости и такъ-же категорически, какъ и г. Добротворскій, высказался въ противоположномъ смыслѣ—никакихъ признаковъ вырожденія у Пермьяковъ констатировать нельзя. Получилось два категорическихъ и противоположныхъ, но трактующихъ въ сущности о разныхъ предметахъ положенія: Пермьяки (Вятскіе) вырождаются, говоритъ г. Добротворскій; нѣтъ, Пермьяки (Пермскіе) не вырождаются, возражаетъ г. Маліевъ. Охотниковъ разобратъ въ этомъ недоразумѣніи не нашлось. Ни одинъ обладающій спеціальной подготовкой человекъ не далъ себѣ труда продѣлать по отношенію къ Вятскимъ, Орловскимъ и Глазовскимъ Пермьякамъ то, что сдѣлалъ г. Маліевъ относительно Инвенскихъ, или взятыя за разработку одного изъ частныхъ вопросовъ, затронутыхъ г. Добротворскимъ (таковы напр. вопросы о предпологаемомъ уменьшеніи роста, долговѣчности, плодовитости и т. п.). Вопросы эти, можетъ быть, мелки, но отъ невниманія къ нимъ, отъ теоретической необоснованности связанныхъ съ ними конечныхъ выводовъ сами эти выводы лишаются того пракческаго, прикладнаго значенія, которое они могли бы имѣть при другихъ условіяхъ.

Представимъ себѣ слѣдующее, не выходящее изъ сферы возможнаго, положеніе: земство (Вятское или Пермское) прислушивается къ тому, что говоритъ наука о населеніи, интересы котораго оно призвано блюсти, представимъ, что оно готово принять къ свѣдѣнію и руководству вещи, въ теоретическихъ интересахъ констатированныя учеными. Къ чему придетъ такое просвѣщенное земство, ознакомившись съ ра-

ботами гг. Добротворскаго и Маліева?—Кто ихъ знаетъ, въ лучшемъ случаѣ скажетъ всякій практикъ, можетъ быть, наши Пермьки вырождаются, а можетъ быть и не вырождаются; подождемъ, когда будетъ яснѣе.

Не лучше выйдетъ, когда мы взглянемъ на дѣло и съ другой стороны. Еслибы кто нибудь предложилъ „жаждущимъ дѣла“ представителямъ мѣстной интеллигенціи прослѣдить, какъ велико среди Пермьковъ число блондиновъ и брюнетовъ, особей съ темными и свѣтлыми глазами, не отличаются-ли по плодовитости въ ту или другую сторону смѣшанные браки между представителями свѣтлаго и темнаго типовъ, вся эта интеллигенція—въ Перми, въ Вяткѣ, въ Казани—сочла-бы для себя такое предложеніе жестокой обидой, насмѣшкой. А между тѣмъ отъ такой обидчивости и лежащихъ въ основаніи ея понятій о дѣлѣ остались-бы въ убыткѣ тѣ-же воображаемые просвѣщенные земцы. Предположимъ, что они, не дожидаясь, когда наши мѣстные антропологи заблагоразсудятъ заняться вопросомъ о вырожденіи Пермьковъ, зададутся на всякій случай вопросомъ, не даетъ-ли наука какихъ нибудь указаній на противодѣйствующія вырожденію условія и нѣтъ-ли такихъ условій въ области, занятой Пермьками. Намекъ на присутствіе этихъ предохраняющихъ условій даетъ между прочимъ г. Добротворскій (хотя онъ и не совсѣмъ „наука“): Пермька можетъ спасти чистота крови, огражденіе отъ смѣшенія съ Русскими. Настоящая наука скажетъ тѣмъ-же земцамъ, что обновленіе крови посредствомъ метисаціи наоборотъ является однимъ изъ факторовъ, противодѣйствующихъ вырожденію. Захочется нашимъ земцамъ выяснить, имѣетъ-ли у Пермьковъ мѣсто метисація и какими послѣдствіями на самомъ дѣлѣ она сопровождается. . . и прійдется снаряжать для рѣшенія этихъ вопросовъ экспедицію на подобіе хозяйственно-статистическихъ: литература даетъ до нельзя тускляя указанія. И еще разъ безплодно опустится поднятая практикомъ рука.

Констатируя такое неутѣшительное положеніе дѣла, мы не преувеличиваемъ. Сопоставимъ, въ самомъ дѣлѣ, то, что даетъ намъ литература. „Съ виду Пермьяки сухіе, тощіе, съ какимъ-то грязно-желтымъ цвѣтомъ кожи, говоритъ г. Добротворскій. Узкія плечи, тонкая и короткая шея, плоская, недоразвитая грудь, кривыя, короткія ноги—все это указываетъ на слабость и хилость сложенія. Голова небольшая, угловатая, бѣлокурые жидкіе волосы... никогда не выются и не сѣдѣютъ. Между 20—22 годами у Пермьяковъ появляется маленькая борода; у многихъ ея совсѣмъ не бываетъ. Глаза узкіе, подслѣповатые, по большей части голубые, какъ и у всѣхъ народовъ финскаго племени... Вздернутый носъ и поздри, нѣсколько вывороченные наружу... Скулы у многихъ сильно выдвигаются... Ростомъ они, по крайней мѣрѣ, на 1¹/₂ вершка ниже средняго типа, который мы привыкли встрѣчать въ Великороссіи. Точно также не обладаютъ и физической силой...¹⁾“.

За 25 лѣтъ почти до г. Добротворскаго въ 1859 г. антропологическую характеристику Инвенскихъ Пермьяковъ далъ г. Роговъ. „Пермьяки по преимуществу мелкаго роста, сухощавы, но в р ѣ п к и, ш и р о к о п л е ч и, имѣютъ короткую тонкую шею, грудь плоскую; голова чаще малая, чѣмъ большая, угловатая, носъ чаще короткій слегка вздернутый, волосы русые, рѣдко черные, глаза зелено-сѣрые, каріе, рѣдко сѣрые и еще рѣже голубые и черные... Всмотриваясь въ фізіономію Пермьяковъ легко отличить два различные типа. Одинъ типъ главный: свѣтлорусые или рыжеватые волосы, широкое лицо, сѣрые глаза, вздернутый широкій носъ, толстые губы, круглый подбородокъ. Другой типъ: волосы темнорусые, лицо продолговатое, кожа смуглая, глаза каріе или темнокаріе, носъ прямой, узкій, губы тонкія, подбородокъ острый²⁾“.

¹⁾ Добр. I. с. 251.

²⁾ Роговъ. Ж. М. В. Д. 1859. т. 29, 65—66.

Капитальное отличие Роговской характеристики от характеристики г. Добротворскаго заключается въ томъ, что первый констатируетъ среди Пермяковъ два типа. Отдѣльныя черты, которыми характеризуются тотъ и другой типъ, намѣчены только приблизительно. Мы не производили специальныхъ антропологическихъ наблюдений во время своего путешествія по Пермскому краю, но общее впечатлѣніе, которое осталось у насъ послѣ соприкосновенія съ сотнями Пермяковъ, не совсѣмъ совпадаетъ съ характеристикой г. Рогова. Узкое лицо, тонкій, прямой носъ, тонкія губы, сѣрые глаза мы видѣли напр. у чистыхъ блондиновъ и наоборотъ у людей съ смолисто-черными волосами въ Верхъ-Инвенской, Бѣловской и Йогвинской волостяхъ мы встрѣчаемъ довольно часто широкія скуластыя лица, вогнутые широкіе носы. Иногда вмѣстѣ съ густыми смолисто-черными волосами встрѣчались сѣрые глаза и бѣлокурая скудная растительность на бородѣ и усахъ. Вопросъ о чертахъ характерныхъ для представителей обоихъ типовъ, можетъ быть рѣшено только статистическимъ путемъ и не теперь. Г. Маліевъ въ своемъ антропологическомъ очеркѣ Пермяковъ даетъ намъ, правда, цифры—на 100 наблюдавшихся имъ субъектовъ онъ отмѣчаетъ 63 блондина, 32 брюнета съ темной кожей и 5 шатеновъ, 44 человѣка съ голубыми глазами, 42 съ сѣрыми, 14 съ карими, 61 человѣкъ съ прямымъ тонкимъ носомъ, 16 съ приплюснутымъ, 17 съ широкимъ—но изъ этихъ цифръ не видно, какъ сочетаются эти отдѣльныя черты, какой процентъ представляютъ напр. сочетанія бѣлокурыхъ волосъ, сѣрыхъ глазъ, прямого носа и тонкихъ зубовъ и т. п.

Въ матеріалахъ, которые даетъ литература какъ будто намѣчается, что на В. въ предѣлахъ Селижамскаго у. Пермьки скрещивались съ какой то народностью темнаго типа—да простятъ намъ антропологи эту вольность терминологіи—но въ какомъ отношеніи стоитъ этотъ фактъ къ физическому превосходству Инвенскихъ Пермяковъ надъ ихъ Вятскими родичами, остается неяснымъ.

Въ ожиданіи лучшаго будущаго, когда мѣстные изслѣдователи подарятъ науку рядомъ специальныхъ антропологическихъ работъ по поводу Пермяковъ, подберемъ то немногое, что даетъ наличная литература: на З. въ предѣлахъ Вятской губерніи Пермяки обладаютъ меньшимъ запасомъ физическихъ ресурсовъ для борьбы съ природой, чѣмъ на В. въ Пермской — тамъ они мельче, слабѣе. Забравъ этотъ несложный антропологическій багажъ, мы направляемся къ нашей основной цѣли—духовной характеристикѣ народа. . . и останавливаемся на распутии. Передъ нами двѣ дороги. Ступивши на одну, мы должны напередъ дать читателю свои обобщенія и приводить факты, какъ иллюстрирующій матеріалъ; по другой мы можемъ идти къ нашей цѣли объ руку съ читателемъ, вмѣстѣ съ нимъ всматриваться въ факты, анализировать ихъ, вмѣстѣ обобщать и дѣлать изъ нихъ выводы. Мы избираемъ эту вторую дорогу: мы будемъ раскрывать черты духовной природы Пермяка въ его творествѣ, въ явленіяхъ созданной имъ культуры.

Наше знакомство съ Пермякомъ должно начаться съ дѣятельности, направленной на добываніе пищи. Было время, когда Пермякъ жилъ охотой; мы знаемъ это время еще изъ актовъ начала XVI в. Позже охота и рыболовство удерживались только на С. въ Чердынскомъ уѣздѣ. Въ настоящее время и тамъ Пермякъ живетъ уже главнымъ образомъ земледѣліемъ. Земледѣльческая техника Пермяковъ не сложна. До сихъ поръ еще легко прослѣдить Пермяцкое земледѣліе до его первоначальныхъ, исходныхъ формъ. Пока была возможность безпрепятственно пользоваться казенными и помѣщичьими лѣсами, Пермякъ работалъ огнемъ: его посѣвы дѣлались или на „гаревыхъ мѣстахъ“ или на „пальникахъ“. Въ виду того, что „пальникъ“ есть уже созданіе человѣка, а „гаревое мѣсто“ даръ природы слѣдуетъ предполагать, что пермяцкое земледѣліе началось съ приспособленія къ посѣву выгорѣвшихъ отъ тѣхъ или другихъ причинъ—напр. отъ молніи, зажегшей лѣтомъ дерево—лѣсныхъ пространствъ.

Позже Пермь самъ уже сталъ „пускать огонь“, пользуясь идеей, которую дала ему природа. Эти выгорѣвшія и выжженные пространства Пермь воздѣлывалъ при помощи копуши (гѣрь) и сучвастой еловой плахи—раскапывалъ копушей землю между обгорѣвшими пнями, бросалъ въ нее сѣмена и заборанивалъ „зубастой“ плахой (пинья).

Воспоминаніе о такомъ способѣ обработки земли еще до недавняго времени сохранялось у Пермьковъ Глазовскаго уѣзда, какъ и у родичей ихъ Вотьяковъ ¹⁾. На пальникѣ или гари Пермь дѣлалъ одинъ за другимъ нѣсколько посѣвовъ и, истощивши почву, выжигалъ новую кулигу или „пальникъ“. Брошенный пальникъ („шутѣмъ“) постепенно заросталъ мелкимъ лѣсомъ и лѣтъ черезъ 15 снова выжигался. Въ настоящее время ни на государственныхъ, ни на помѣщичьихъ земляхъ Пермь уже не можетъ дѣлать новыхъ „пальниковъ“: размежеваніе съ помѣщиками въ 1871 г., законъ объ охраненіи государственныхъ лѣсовъ изданный въ 1864 г. положили конецъ старой системѣ хозяйства. Пермьки нашего времени переживаютъ критическій періодъ: приемы хозяйства у нихъ остались почти безъ измѣненія, а земли стало меньше, не говоря уже о томъ, что она истощена. Нѣкоторое время послѣ 1861—1864 г. г. Пермьки еще могли перебиваться: земли было еще въ особенности у государственныхъ крестьянъ столько, что они могли оставлять часть ея отдыхать въ „шутѣмахъ“. Съ приростомъ населенія бывшіе Строгановскіе крѣпостные оказались уже не въ состояніи широко практиковать систему перелога и пришлось вести обычное русское хозяйство. Только еще въ лѣсныхъ волостяхъ — Верхъ-Инвенской, Ошибской, Тиминской и отчасти Бѣловской возможны „пальники“ на остаткахъ общественныхъ лѣсовъ. Не знавшій въ былое время обычая удобрять свою ниву, Пермь постепенно былъ вынужденъ унавоживать ее. Доходность земли оказалась въ полной зависимости отъ ко-

---

¹⁾ Блиновъ. Инородцы. С. В. части Глаз. у.

личества скота, которымъ располагалъ Пермскъ, а оно было въ общемъ не велико. Въ Инвенской дачѣ въ 1850 г. на 35000 населенія на площадь въ 92 т. десятинъ пахатной земли съ „путедами“ считалось 10 т. лошадей, 6 т. жеребятъ, 8 т. коровъ, 9,500 телятъ, 6 т. свиней, 16 т. овецъ и 2 т. козъ. Понятно что при такихъ условіяхъ даже состоятельный Пермскъ могъ уваживать только $\frac{1}{7}$ своей пашни, а бѣднякъ могъ покрыть удобреніемъ всего какую-нибудь $\frac{1}{11}$ долю пахатной площади ¹⁾. Съ тѣхъ поръ условія въ общемъ не улучшились. Недостатокъ удобренія заставляетъ Пермска выбирать для посѣва такіе сорта хлѣба, которые требуютъ его меньше. Наименѣе прихотливымъ сортомъ оказался ячмень. Въ Вятской губерніи, по словамъ г. Добро-творскаго, ячменемъ засѣвается большая часть яроваго и озимаго поля. Въ Инвенской дачѣ, въ лучшихъ почвенныхъ и климатическихъ условіяхъ, ячмень уступаетъ мѣсто ржи и овсу — въ особенности послѣднему. Не имѣя подъ руками новѣйшихъ статистическихъ данныхъ, мы не можемъ сказать, въ какомъ отношеніи стоитъ количество добываемаго Пермскими хлѣба къ ихъ потребностямъ. Смотря на бросающуюся въ глаза худобу Пермска сравнительно съ нашими Казанскими инородцами, на мелкій и тощій скотъ его, мы въ прачѣ однако предположить, что Пермскъ недостаточно удовлетворяетъ свои первыя потребности. Очень вѣроятно, что хлѣба, производимаго Пермскими полями, хватило бы на ихъ прокормленіе, еслибы часть его не приходилось продавать для уплаты повинностей.

Прокормиться годъ ржанымъ или ячменнымъ хлѣбомъ, не прибѣгая къ разнымъ неудобоваримымъ суррогатамъ въ родѣ сосновой коры—идеалъ Пермска. Объ особенномъ разнообразіи пищи онъ не мечтаетъ. Овощи въ Пермскомъ хозяйствѣ не пользуются расположеніемъ. Въ 1850 г. въ Инвенской дачѣ на домохозяина приходилось не болѣе 55 кв.

---

¹⁾ Поповъ. «Инвен. дача». Ж. М. В. Д. 1855. X, 35.

саж. назначенной подь овощи земли. Если прибавить къ этому, что эти клочки земли совсѣмъ не уваживаются и за посѣянными овощами не бываетъ почти никакого ухода, то станетъ вполнѣ понятнымъ, что овощи у Пермьяковъ рождаются и скудно и плохого качества. Лукъ и картофель Пермьякъ поѣдаетъ весь еще осенью; рѣдки и капусты хватаетъ едва до половины зимы ¹⁾. Въ Вятской губерніи картофель составляетъ, по словамъ г. Добротворскаго, лакомство и подается только къ большимъ праздникамъ или больнымъ ²⁾. Еще меньшее, чѣмъ овощи, мѣсто въ продовольствіи Пермьяка занимаетъ животная пища. Мясо домашнихъ животныхъ годно въ пищу только лѣтомъ. Зимой благодаря плохому питанію — исключительно соломой — коровы и овцы представляютъ только кости да кожу. По той же причинѣ зимой недоступны для Пермьяка и молочные продукты — коровы даже новотелья отъ дурнаго питанія совсѣмъ перестаютъ доить. О подспорьи, представляемомъ домашними птицами, напрасно было-бы и говорить: гусей и утокъ имѣетъ далеко не каждый Пермьякъ; куры въ количествѣ 5—10 составляютъ достояніе дѣвицъ: г. Добротворскій сообщаетъ, что въ Вятской губерніи весь запасъ яицъ, которымъ располагаетъ домъ, уходятъ у нихъ на угощеніе кавалеровъ. Если Пермьякъ по временамъ лакомится животной пищей, то это благодаря охотѣ. Въ лѣсахъ Пермьяцкаго края до сихъ поръ водится много мелкой дичи — зайцевъ, бѣлокъ, рябцовъ и тетеревовъ. Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Глазовскаго и Чердынскаго уѣзловъ Пермьяки въ двѣ-три осеннихъ недѣли настрѣливаютъ и налавливаютъ столько мелкой дичи, что вывозятъ ее возами ³⁾. Было время, когда Пермьякъ съѣдалъ самъ или вымѣнивалъ на хлѣбъ большую часть добытой дичи; теперь онъ обращаетъ ее въ деньги — очень маленькія замѣтнымъ мимоходомъ: пара рябчиковъ напр. продается на мѣстѣ за 10—15 коп.

¹⁾ Поповъ. I. с. 47—48.

²⁾ I. с. III, 250.

³⁾ Ивановъ. I. с.

Обработка, которой въ видахъ приготовленія пищи подвергаются продукты земледѣлія и скотоводства, такъ-же не-сложна, какъ и обработка почвы. На первыхъ порахъ своего знакомства съ земледѣліемъ Пермязкъ приготовлялъ муку, раздробляя зерна камнемъ. Позднѣе для этой цѣли была приспособлена ступа съ пестомъ. Дальнѣйшую стадію развитія составляютъ жерновки, которые до сихъ поръ можно встрѣтить почти въ каждой Пермязцкой избѣ. Жерновки бываютъ двухъ родовъ — одни для приготовленія крупы, другіе для муки. Жерновки для крупы устраиваются у Пермязковъ такъ-же, какъ у Черемисъ, Чувашъ, Башкиръ; въ два ровныхъ деревянныхъ круга вколачиваются лучеобразно обломки косъ и ножей. Жерновки для размолы муки представляютъ уже неизвѣстное въ нашемъ краѣ явленіе. Они дѣлаются изъ дресвы—нижній больше, верхній меньше; для вращенія служитъ рычагъ, который однимъ концемъ упирается въ углубленіе, сдѣланное въ потолкѣ или брусѣ палатей, а другимъ въ верхній жерновокъ. За ручными мельницами слѣдуютъ первобытная по своей конструкціи водяная мельница—такъ называемая „мутовка“. Войдя въ верхнее помѣщеніе такой мельницы мы видимъ, какъ и въ ручной мельницѣ, два горизонтально положенныхъ жернова—нижній неподвижный, верхній вращающійся. Отличіе отъ ручной мельницы заключается въ томъ, что тамъ жерновъ вращается рукой при помощи рычага; здѣсь-же оба жернова надѣты на столбъ—нижній свободно, верхній плотно. Столбъ спускается внизъ, въ помѣщеніе, куда падаетъ вода. Тамъ около него устраивается, также горизонтально, нѣчто въ родѣ пароходнаго колеса съ вѣсвенно расположенными плечами; вода, падая на плечи, приводитъ столбъ въ вращательное движеніе и „мутовка“, вращая, верхній жерновъ, начинаетъ молотъ. Зерно держится надъ жерновами въ наклонно повѣшенномъ лубочномъ ящикѣ съ узкимъ и открытымъ нижнимъ конусомъ; къ ящику придѣлана полочка съ срѣзаннымъ наискось концемъ, которая упирается въ верхній жерновъ. Вращающійся жерновъ под-

талкиваетъ палочку и приводитъ въ легкое сотрясеніе коробокъ съ житомъ. Отъ этихъ сотрясеній жито по зернышку вытекаетъ изъ коробка и падаетъ въ жернова. Такая мельница работаетъ, понятно, чрезвычайно медленно. Въ теченіе цѣлаго дня на парѣ жерновковъ можно смолоть не болѣе пяти пудовъ муки. Приготовленную такимъ образомъ муку Пермякъ не считаетъ нужнымъ просѣвать. Въ непросѣянномъ видѣ мука идетъ и на хлѣбъ и въ жидкое пермяцкое кушанье — шидъ. Шидъ обыкновенно переводятъ русскимъ словомъ щи; на самомъ дѣлѣ это горячая болтушка или, выражаясь деликатно, мучной супъ; кромѣ овсяной муки и вислаго молока — въ постъ коноплянаго масла въ праздники рыбы, — въ этихъ щахъ ничего нѣтъ.

Молоко въ чистомъ видѣ никогда не поступаетъ въ пищу Пермяка. Онъ ѣстъ его или сквашенномъ или въ видѣ сыра (круто посоленные и высушенные кружки творога). Непривлекательныя подробности о качествахъ пермяцкаго квашенаго молока читатель можетъ найти въ не разъ указанной уже статьѣ г. Добротворскаго. Изъ хлѣба, шиды и сквашенаго молока состоитъ повседневная пища средняго Пермяка. Нѣкоторымъ дополненіемъ къ ней служитъ любимое питье Пермяка суръ (брага) изъ солода и овсяной муки. Суръ — густое, мутно-бѣлое, пѣнистое пиво — по питательности, навѣрное, стоитъ выше пермяцкихъ щей. Выпиваютъ его Пермяки чудовищно-много. Въ большой семьѣ, состоящей изъ трехъ брачныхъ паръ съ старикомъ отцемъ и дѣтьми на приготовленіе его уходитъ до 200 пудовъ овса. Одной изъ нелегкихъ обязанной женщинъ въ такой семьѣ является цѣлый день бѣгать за „суромъ“ въ погребъ. Принесетъ Пермячка большую деревянную чашку браги; кажется, хватить напоить трехъ-четырехъ человекъ, а черезъ четверть часа въ погребъ бѣжитъ ужъ другая: который нибудь изъ мужчинъ одинъ вытянулъ всю чашку.

Переходимъ въ жилищу Пермяка. Подобно другимъ финскимъ народностямъ, Пермяки въ отдаленную пору своей

жизни пользовался, какъ убѣжищемъ отъ непогоды и дивихъ звѣрей тѣмъ, что давала обружающая его природа — прежде всего пещерами на берегахъ рѣкъ. Позднѣе по образцу пещеры онъ самъ сталъ рыть землянку и укрѣплять ее кусками дерева. О такихъ землянкахъ и теперь еще живы воспоминанія у Пермиковъ Орловскаго уѣзда ¹⁾). За этимъ первымъ шагомъ въ области строительнаго творчества послѣдовали другіе. Рядомъ съ землянкой, которая удобна зимой, явился рядъ легкихъ сооружений на поверхности земли — ч о м о в ь. За чомами явилась бревенчатая постройка — к е р к у, формы которой постепенно сближались съ формами русской избы. На то, чтобы перейти отъ одной формы жилища къ другой потребовались вѣка; каждая новая, болѣе совершенная форма жилья не вытѣсняла старыхъ, а становилась рядомъ съ ними. Такъ постепенно образовались различные типы сооружений, которые мы видимъ въ пермяцкомъ краѣ на службѣ человѣку и обружающимъ его домашнимъ животнымъ. Наблюдая эти типы, мы изучаемъ исторію пермяцкаго творчества въ области архитектуры, приобретаемъ представленіе о размѣрѣ его творческихъ способностей.

Современнымъ жилищемъ Пермьяка является изба, внѣшній и внутренній видъ которой въ наиболѣе обрусѣвшихъ селеніяхъ почти не отличается отъ русскаго. Въ бассейнѣ Обвы, нѣкогда населенномъ Пермьяками, на нижнемъ теченіи Иньвы до предѣловъ Архангельской волости (въ волостяхъ Майборской и Купросской) мы встрѣчаемъ обычныя на С. русскія избы съ четырехъ-скатной крышей. Только вступивши въ область средняго теченія Иньвы и ея притоковъ, мы начинаемъ замѣчать непривычныя для нашего глаза формы. Двускатная крыша укрѣплена шеломомъ, конецъ котораго обработанъ въ видѣ конской головы съ чудовищно - непропорціональной грудью. Это — о х л у п е н ь. Самые лучшіе образцы его можно видѣть въ Архангельской и Верхъ-Юсвинской волостяхъ. На обработку конька Пермьякъ

¹⁾ Добрет. «Пермьяки». I. с. III, 235; ср. Поповъ. «Зыряне», 20—прим.

кладеть всю свою изобрѣтательность. Одинъ придаетъ головѣ какой-то придатокъ въ видѣ рога, долженствующій замѣнять ухо, другой просверливаетъ глазъ, третій тщательно обрабатываетъ морду и глубоко прорѣзываетъ ротъ. Мотивъ конька примѣняется не исключительно для шелома. Застрѣхи Пермцевыхъ избъ поддерживаются рядомъ уключинъ, концы которыхъ также обработаны въ видѣ конской головы и кромѣ того—въ Чердынскомъ уѣздѣ—разрисованы ломаными линиями и точками при помощи дегтя. Откуда попалъ въ пермскій край этотъ мотивъ—занесли-ли его Русскіе съ С. или онъ навѣянъ „чуждыми“ вещами, среди которыхъ попадаются изображенія животныхъ съ такими-же чудовищными пропорціями—рѣшить не беремса. Рядомъ съ этими декорированными избами встрѣчаются постройки, крыши которыхъ не покрыты шеломомъ, а сдерживаются, какъ крыши черемисскихъ будъ, рамой изъ двухъ жердей, наложенныхъ на крышу поперекъ драницъ и скрѣпленныхъ по двумъ концамъ досками.

Всмотрѣвшись въ пермцкій домъ, который выходитъ на улицу чаще всего не фасадомъ, а профилемъ, мы замѣчаемъ, что онъ состоитъ изъ трехъ совершенно обособленныхъ частей—избы, сѣней въ столбахъ и клѣти. Видно, что на первыхъ порахъ пермцкое жилье составляла одна изба и только съ развитіемъ домашняго хозяйства къ ней стали присоединять клѣть. Такую первоначальную форму дома можно видѣть и теперь, но уже только у бѣдняковъ. Близкую къ подобной бѣднѣйшей и болѣе старой по типу постройку представляютъ собой съ одной стороны баня, съ другой лѣсная охотничья избушка (объ носятъ одно названія—пывсянь-верку). Это четырехугольный срубъ съ односкатной крышей изъ луба, бересты или досокъ, а зачастую и вовсе безъ крыши съ покрытымъ землей или пихтовыми и еловыми вѣтвями потолкомъ. На верховьяхъ Камы сохранилась еще болѣе древняя, служившая когда-то жилищемъ человѣку постройка—это коническій, сдѣланный изъ тонкихъ жердей овиень, остовъ быллаго чума. Такія постройки составляютъ достояніе всего

финскаго міра. Мы знаемъ ихъ у Мордвы, Черемисъ и болѣе развитыхъ западныхъ Финновъ. Рядомъ съ ней, какъ былое зимнее жильё, приспособленное теперь уже къ хозяйственнымъ потребностямъ, стоитъ погребъ.

Къ избѣ Пермьяка въ настоящее время примыкаютъ непосредственно сѣни. Въ настоящее время это покрытый такъ же, какъ и домъ, помостъ съ стѣнами, забранными въ столбы. Передъ сѣнной дверью выступаютъ аршина на два изъ подъ помоста сѣней два бревна, на которыхъ устраивается внѣшній „мостъ“ для крыльца. Для подъема на этотъ мостъ служитъ не лѣстница общерусскаго типа—ни такихъ лѣстницъ, ни нашихъ переносныхъ Пермьяки дѣлать не умѣютъ (вмѣсто переносныхъ служить дерево съ коротко обрубленными сучьями) а нѣчто глубоко первобытное: подъ „мостомъ“ складывается безъ всякихъ скрѣпленій въ клетку нѣсколько толстыхъ плахъ такъ, чтобы два ряда плахъ шли вверхъ уступами, на эти уступы владутся такія-же плахи—ступени. Это—сооруженіе народа, который не знаетъ еще пилы. Глядя на такія старыя, почернѣвшія крыльца, чувствуешь невольную тревогу за людей, которые вынуждены ими пользоваться. Кажется, что стоитъ подуть сильному вѣтру и отъ такого крыльца не останется и слѣда.—Нехитрыя сѣни, съ которыми мы познакомились сейчасъ представляютъ собою уже нѣчто болѣе сложное по сравненію съ тѣмъ первообразомъ сѣней, который имѣетъ мѣсто при болѣе древнихъ формахъ пермяцкаго жилья. Этотъ первообразъ мы можемъ представить себѣ, смотря на передбанникъ пермяцкой бани. Передбанникъ устраивается двояко—въ однихъ случаяхъ къ фасаду бани просто ставятся наклонно жерди или доски, въ другихъ онъ представляетъ собою часть сруба, назначеннаго подъ баню: бревна, назначенныя для боковыхъ стѣнъ, рубятся такъ, что съ той стороны, гдѣ предполагается дверь, остается запасъ примѣрно въ аршинъ; такъ получается съ трехъ сторонъ закрытое пространство—преддверіе. Отсюда уже только шагъ

къ пятистѣнному срубѣ, но у Пермьака не хватило силъ сдѣлать его самостоятельно.

Сѣни въ современномъ жильѣ Пермьака соединяють избу съ клѣтью — чомомъ. Теперь это въ большинствѣ случаевъ двухъ-этажное деревянное сооруженіе для храненія одежды и разнаго домашняго скарба (вверху) и хлѣбныхъ запасовъ (внизу). Названіе (чомъ) показываетъ, что клѣть образовалась изъ прежняго жидья или строилось по его типу, такъ-же, какъ у современныхъ Вогуловъ чамья, у Черемисъ одноэтажныя клѣти. По аналогіи съ вогульской чамьей можно предполагать, что и пермскій чомъ-клѣть стоялъ въ былое время особнякомъ отъ дома, какъ стоятъ и теперь амбары.

Уже наружный осмотръ пермьцкихъ построекъ показываетъ намъ, какой культурно-историческій матеріалъ представляютъ собою всѣмъ, въ особенности на мѣстѣ, присмотрѣвшіеся вещи. Не менѣе поучительнымъ оказывается знакомство съ внутреннимъ устройствомъ пермьцкаго жилья. И здѣсь въ предѣлахъ одного хозяйства (двора) мы найдемъ рядъ переходныхъ ступеней отъ простѣйшихъ и въ то же время древнѣйшихъ формъ къ болѣе сложнымъ, новѣйшимъ.

Землянка, овины, баня и изба имѣють одну общую черту, свидѣтельствующую о томъ, что они развились изъ жилья человѣка; это огнище. Перехода изъ древнѣйшихъ по типу построекъ къ новѣйшимъ, мы будемъ наблюдать картину его постепеннаго развитія. Въ землянкѣ и въ томъ коническомъ сооруженіи, которое теперь по мѣстамъ служитъ овиномъ, огонь раскладывается по серединѣ, прямо на землѣ. Печи здѣсь еще нѣтъ даже въ самой первобытной ея формѣ. Безъ печи оказываются и другія формы пермьцкаго овина. Прямо на землѣ по серединѣ раскладывается огонь и въ охотничьей избушкѣ. Въ банѣ мы встрѣчаемся уже съ „каменкой“, печью, сложенной изъ песчаника. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ — и эти случаи особенно характеристичны — печь занимаетъ въ банѣ тоже мѣсто, что и огнище, т. е. располагается посерединѣ. Здѣсь видно еще дѣйствіе традиціи. По большей части однако

„каменка“ помѣщается въ банѣ въ одномъ изъ угловъ— устьемъ къ боковой стѣнѣ. Въ избахъ Пермяковъ мы встрѣчаемся новый видъ печи—глинобитную. Такъ-же, какъ и въ баняхъ, глинобитная печь помѣщается неодинаково. Въ Глазовскомъ уѣздѣ въ старинныхъ пермяцкихъ избахъ печь занимаетъ мѣсто въ одномъ изъ переднихъ угловъ и обращена устьемъ въ двери ¹⁾. Это положеніе будетъ для насъ вполне понятнымъ, если мы припомнимъ, что избѣ предшествовала у Пермяка землянка, у которой единственнымъ пропускающимъ свѣтъ отверстіемъ была дверь. Печь приходилось ставить въ той сторонѣ, которая была всего болѣе освѣщена, обращать устьемъ туда, откуда единственно проникалъ въ землянку свѣтъ. По традиціи это положеніе печь сохранила и въ надземныхъ, бревенчатыхъ постройкахъ. Въ новыхъ избахъ, съ нѣсколькими окнами по стѣнамъ, печь ставится въ одномъ изъ угловъ около двери—у Орловскихъ Пермяковъ влѣво отъ входа, у Глазовскихъ и Соликамскихъ чаще вправо, чѣмъ влѣво.

Уже изъ положенія печи въ пермяцкой избѣ мы можемъ заключить, что у Пермяковъ Глазовскаго уѣзда сохранились болѣе древнія, первобытныя формы жилья. Къ тому-же заключенію прійдемъ мы и послѣ того, какъ подробнѣе ознакомимся съ здѣшней пермяцкой избой. Въ Глазовскомъ уѣздѣ еще уцѣлѣли избы съ землянымъ поломъ ²⁾. Такія избы составляютъ теперь исключеніе; въ болѣе части избъ имѣется уже „мостъ“, но даже обладая имъ, Глазовскія избы отличаются отъ Соликамскихъ и Чердынскихъ. Онѣ почти всѣ одноэтажны—безъ подпольнаго помѣщенія, которое называется въ Перми „подъизбицей“, иногда голбцемъ.

Избы Соликамскихъ и Чердынскихъ Пермяковъ почти всѣ имѣютъ эту подъизбицу, которая служитъ складомъ для различныхъ хозяйственныхъ принадлежностей; иногда изъ такой

---

¹⁾ Сообщено А. Н. Шатровымъ.

²⁾ Сообщено А. Н. Шатровымъ.

постройки развивается настоящее двух - этажное жильё ¹⁾. Внутренний вид пермяцкой избы резко отличается от избы, которая представляет наш край. Составные элементы жилья тѣ-же—мы видимъ здѣсь полати, лежанку у печи (голбець), лавки и полки вдоль стѣны, но пропорціи, размѣры этихъ частей другія. Пермяцкая изба вообще выше казанскихъ русскихъ. Благодаря этому оказывается возможнымъ то, что полати, на которыхъ у насъ можно только лежать и развѣ согнувшись сидѣть, достигаютъ у Пермяковъ такой высоты, что на нихъ можетъ стоять не касаясь головой потолка самый высокій человѣкъ. Зимой въ сильные холода такія полати служатъ для пермяцкой семьи и спальни и столовой и рабочей комнатой.

Присматриваясь къ обстановкѣ избы, мы имѣемъ возможность расширить составленное уже отчасти представление объ изобрѣтательности и техническихъ способностяхъ Пермяка. Передъ нами житье-бытье человѣка, который все добываетъ „трудами рукъ своихъ“ и очень смутно подовѣриваетъ подъ часъ о возможномъ раздѣленіи труда. Для сидѣнья слу-жать вдоль стѣны лавки (лавицы, вабицы), которые онъ научился дѣлать у Русскихъ. Дополнительная мебель, сработанная самимъ Пермякомъ, верхъ первобытности: это во первыхъ обрубоєъ дерева, пень можно связать — замѣняющій собою стулъ, во вторыхъ своеобразная скамейка, описать которую въ двухъ словахъ нелегко. Пермякъ отыскиваетъ въ лѣсу дерево, нѣсколько корней котораго (два-три) идутъ не въ глубь, а какъ-бы стелятся по землѣ. Такое дерево онъ выкорчевываетъ, обрубаєтъ начисто всѣ корни вромѣ двухъ горизонтальныхъ, у которыхъ обрубаєтъ только тонкія части, обрубаєтъ стволъ на разстояніи полутора-двухъ аршинъ отъ корня, обтесываетъ этотъ стволъ и получаетъ вещь, которая

---

¹⁾ Ходъ въ подвѣзбицу бываетъ черезъ голбець или черезъ западню, которая устраивается въ полу за печью, если печь отдѣлена отъ стѣны примѣрно на аршинъ.

можетъ служить сидѣньемъ, если дерево съ корнями-ножками положить концомъ на лавку или на такой-же обрубокъ дерева, какъ джовъ ¹⁾).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ Глазовскомъ уѣздѣ встрѣчается въ пермяцкихъ избахъ „ступка“—подобіе табурета. Устраивается она такъ: изъ четырехъ нетолстыхъ березовыхъ полѣньевъ вытесываются четыре ножки, основанія и вершины ихъ укрѣпляются въ двухъ крестообразныхъ черемуховыхъ или ивовыхъ вязахъ, а сверху къ нимъ приколачивается доска—сидѣнье ²⁾). Не хитрая пермяцкая мебель дополняется столомъ, простѣйшую форму котораго представляетъ доска съ двумя парами скрещивающихся ножекъ; болѣе сложнымъ является столъ — ящикъ, обшитый со всѣхъ сторонъ досками.

Посуда, которой пользуется Пермьякъ, гармонируетъ съ его мебелью. Она состоитъ изъ покупныхъ котловъ, вадокъ, ложекъ, блювъ и самодѣльныхъ деревянныхъ чашекъ, ковшей, поваренокъ (черпаковъ) и глиняныхъ горшковъ. Чашки, ковши и поваренки готовятся изъ наростовъ, которые въ обилии встрѣчаются на березовыхъ корняхъ. Смотри по тому, что предполагается сдѣлать—чашку или ковшъ съ ручкой—вырубается или одинъ наростъ или съ прилегающей къ нему частью ствола. Наростъ въ свѣжемъ видѣ мягокъ и легко поддается ножу, выдалбливается и обдѣлывается. Въ Музеѣ Отечества въ дѣлнѣ при Казанскомъ университетѣ имѣются образцы такихъ подѣлокъ изъ Соликамскаго, Чердынскаго и Глазовскаго уѣздовъ.

Важную роль въ древнемъ, а отчасти и современномъ хозяйствѣ Пермьяка играетъ ступа. Она изготовляется изъ толстаго березоваго обрубка способомъ, на который стоитъ обратить вниманіе. На одномъ концѣ обрубка высѣкается топоромъ небольшое углубленіе, въ которое накладываются

---

¹⁾ Сообщено А. Н. Шатовымъ.

²⁾ Также.

или горящіе угли или раскаленные куски чугуна; перемѣняя нѣсколько разъ тѣ или другіе, Пермязь достигаетъ того, что получается нужное ему углубленіе ¹⁾. Снаружи ступа почти не обрабатывается и здѣшніе русскіе, чувашскіе и черемисскіе родичи ея выглядятъ передъ ней совсѣмъ элегантными. Было время, когда такая ступа служила мельницей.

Предметовъ, которые мы описали достаточно было - бы уже для того, чтобы сдѣлать кое-какіе выводы относительно техническаго развитія Пермяза—но мы повременимъ нѣсколько съ этой работой и познакомимся предварительно съ пермяцкимъ дворомъ.

Мы знаемъ уже большую часть тѣхъ хозяйственныхъ построекъ, которыя входятъ въ составъ пермяцкаго двора. Если мы присоединимъ сюда хлѣвы (гидъ) съ помѣщающимися надъ ними сѣнницами и погребъ, картина средняго пермяцкаго двора будетъ закончена. Не вездѣ совокупность построекъ, принадлежащихъ данной семьѣ отгорожена отъ другой. Въ Соликамскомъ и Чердынскомъ уѣздахъ намъ случалось бывать въ деревняхъ, гдѣ отдѣльные хозяева не отгораживаются одинъ отъ другого. Въ Вятской губерніи дворъ повсюду уже обнесенъ бревенчатымъ заборомъ. Въ Соликамскомъ уѣздѣ въ особенности въ починкахъ встрѣчаются и крытые на одинъ свать дворы на подобіе тѣхъ, которые распространены у Русскихъ въ губерніяхъ Нижегородской, Костромской и Вятской.

На дворѣ помѣщаются разнообразныя хозяйственныя принадлежности, характеризующія своимъ видомъ изобрѣтательность Пермяза. Вотъ у забора стоитъ мялка для льна и конопля. Для устройства ея Пермязу немного пришлось подумать. Онъ взялъ ту самую „самородную скамейку“ которую мы видѣли въ избѣ, вырубилъ въ ней вдоль углубленіе, привѣршилъ подходящій въ углубленію рычагъ и мялка готова.

---

¹⁾ Сообщено А. Н. Шатровымъ.

Вообще дерево съ однимъ или нѣсколькими горизонтально идущими корнями Пермьякъ приспособляетъ для самыхъ разнообразныхъ цѣлей.

Изъ пары тонкихъ саженой длины стволовъ съ однимъ коротко обрубленнымъ корнемъ у каждаго онъ дѣлаетъ волокушу—орудіе для лѣтней перевозки тяжестей. Стволы для этой цѣли обращаются корнями вверхъ и скрѣпляются поперекъ корней перекладиной. Пара стволовъ образуетъ оглобли, а перекладина—мѣсто прикрѣпленія тяжестей, напр. бревень.

Волокуша вводитъ насъ въ кругъ тѣхъ приспособленій, которыми Пермьякъ пользуется для перевозки тяжестей. Не такъ далеко еще отъ насъ то время, когда единственнымъ для зимы и лѣта перевозочнымъ орудіемъ у Пермьяка были сани—и при томъ не тѣ снабженные полозьями сани, которыя знаемъ мы. Старыя пермяцкія сани—это большая коробка, сшитая изъ бересты, такъ называемый чумань. Въ такихъ коробкахъ кое-гдѣ—напр. въ Глазовскомъ уѣздѣ—и теперь еще свозятъ на поля навозъ.

Полозья Пермьяки увидали впервые у русскихъ и поспѣшили ихъ заимствовать: самыя не хитрыя сани съ полозьями были удобнѣе, легче для животныхъ, чѣмъ пермяцкія чумань. вмѣстѣ съ предметомъ Пермьяки заимствовали и его названіе (повозъ, полозъ). Сани до сихъ поръ остаются у Пермьяковъ главнымъ орудіемъ перевозки во всякое время года. Оригинальное зрѣлище представляетъ для непривычнаго челоуѣка дорога въ Пермьяцкомъ краю. На прекрасныхъ усыпанныхъ галькой, обопанныхъ рвами, земскихъ и Строгановскихъ полотнахъ путешественникъ съ величайшимъ удивленіемъ можетъ въ разгаръ лѣта встрѣтить Пермьяка, который везетъ кладъ на саняхъ. Присмотрѣвшись, онъ откроетъ, что въ Соликамскомъ и Чердынскомъ уѣздахъ на колесныхъ экипажахъ лѣтомъ ѣздятъ только коренные русскіе—крестьяне и торговые—да чиновники. Въ сторону отъ почтовыхъ и земскихъ трактовъ, въ деревни, расположенныя среди лѣсовъ

нельзя проѣхать иначе, какъ верхомъ. Кто не можетъ ѣхать верхомъ, того везутъ на саняхъ. Такая участь ждетъ обыкновенно священника, не способнаго по старости или не привычѣвъ воспользоваться сѣдломъ. Если деревня далеко—а въ Пермскомъ краю случается, что деревня отстоитъ отъ прихода верстъ за 30—священника влечетъ цѣлый поѣздъ: въ сани впрягаются гусемъ 2—3 лошади, на каждой сидитъ по Пермяку; священникъ запасается войлокомъ, подушкой, укладывается на узкихъ саняхъ и поѣздъ трогается. Уѣздный Чердынскій землемѣръ рассказывалъ намъ, что когда онъ отважился проѣхать въ отстоящую отъ с. Кочева верстъ на 30 деревню на телѣгѣ, его прѣздъ составилъ для жителей цѣлое событіе. Старикъ лѣтъ 80 выпелся посмотреть на смѣлаго путника и благодарилъ Бога за то что онъ привелъ его еще разъ увидеть на старости лѣтъ телѣгу. Для края это было открытіе. Съ тѣхъ поръ деревня вступила такъ сказать въ колесный вѣкъ изъ саннаго. Но пионеръ за это поплатился боками. Пробраться на тележкѣ въ деревню было еще не такъ трудно, какъ на ней-же выбраться. Съ грѣхомъ пополамъ удалось запретъ не привычныхъ лошадей въ страшный для нихъ экипажъ. Стоило за тѣмъ телѣгѣмъ захрохотать на покрытой корнями деревьевъ дорогѣ—и лошади пугались и несли. На помощь ямщика, такъ-же привычнаго къ телѣгѣ, какъ и его лошади, напрасно было разсчитывать: онъ пугался самъ, бросалъ возжи и хватался за сидѣнье, чтобы удержаться и не упасть.—Старики рассказывали намъ, что въ пору ихъ молодости даже по большимъ дорогамъ ѣзда происходила лѣтомъ на саняхъ; такъ возили изъ Кочева въ Чердынь за 280 верстъ подати—мѣшки съ тяжелыми Николаевскими мѣдяками.

Въ край, гдѣ сани играютъ такую роль, волокуша уже прогрессивное явленіе. Она не такъ тяжела для лошади, какъ сани, въ особенности въ сухое время или на твердомъ грунтѣ. Въ Соликамскомъ уѣздѣ волокуша дѣлаетъ шагъ, упрочивающій ея побѣду надъ санями: она поднимается и

ось съ первобытными колесами-кругляшами въ родѣ тѣхъ, которыя мы видимъ на деревенскихъ игрушечныхъ тѣлѣжкахъ. Такъ возникаетъ первообразъ телѣги. Въ Орловскомъ и Глазовскомъ уѣздахъ только такія телѣги Пермьякамъ и извѣстны. Въ Соликамскомъ уѣздѣ рядомъ съ такой телѣгой занимаютъ мѣсто для перевозки тяжестей небольшія платформы и ящики на оси съ колесами-кругляшами.

Четырехколесная телега, съ колесами обыкновеннаго типа составляетъ уже у Пермьяковъ чрезвычайную рѣдкость. Чаще можно встрѣтить на такихъ колесахъ тарантасъ или плетенку—у людей, которые „ямщичать“. Колеса и ящики для тарантасовъ Пермьяки покупаютъ у Вятчанъ на торжкахъ или сельскихъ ярмаркахъ и совершаютъ для этого поѣздки верстъ за 80, за 100. Сами Пермьяки часто не умѣютъ даже починить колеса. Въ Кочевской волости Чердынскаго уѣзда, говорилъ намъ одинъ Пермьякъ, едва найдется два—три человѣка, которые сумѣютъ выполнить такую работу.

Продолжимъ образъ тѣхъ предметовъ, которые можно видѣть на пермяцкомъ дворѣ. Рядомъ съ волокушей мы видимъ въ большинствѣ случаевъ соху. Она устроена изъ того же матеріала, что и волокуша; разница только въ томъ, что на этотъ разъ стволы обращены корнями внизъ и на концы корней насажены ральники. Чтобы покончить съ матеріалами, характеризующими уровень технического развитія Пермьяка, скажемъ нѣсколько словъ—несовсѣмъ своевременно—еще объ одномъ видѣ утилизаціи дерева съ идущимъ подъ угломъ корнемъ. Мы видѣли приготовленные изъ него швейки: коротко обрубленный стволъ обрабатывается для донца или сидѣнья, обтесанный корень для прикрѣпленія шитва.

Прежде, чѣмъ перейти въ выводамъ, познакоимся съ одеждой Пермьява. Первой одеждой его была звѣриная шкура. Въ настоящее время Пермьякъ носитъ ткани, по формѣ нѣкоторыхъ принадлежностей костюма сохранилось до сихъ поръ отъ этой старой поры; стоитъ напр. сравнить пермяц-

кія лапти съ обувью Вогуловъ и Остяковъ, чтобы убѣдиться въ ихъ родствѣ.

Костюмъ современнаго Пермьяка не сложенъ: отъ русскаго крестьянина Пермьякъ отличается круглой войлочной татарскаго образца шляпой, синимъ холщевымъ круглымъ или сборчатымъ шабуромъ, лаптями и кушакомъ. Кушаки составляютъ гордость пермяцкихъ рукодѣльницъ: они ткуются изъ шерсти и отличаются правильными геометрическими узорами. Въ корстюмѣ Чердынскихъ Пермьяковъ можно отмѣтить еще одну черту, отличающую ихъ отъ Русскихъ: они носятъ (теперь уже не всѣ) бѣлыя рубашки съ двумя широкими красными вытканными каймами на подолѣ. Въ старину бѣлый цвѣтъ пользовался болѣе широкимъ распространеніемъ.

Женскій костюмъ повсюду въ Пермьскомъ краѣ не отличается отъ обыкновеннаго русскаго: онъ состоитъ изъ сарафана (чаще синяго) и бѣлой рубашки съ вытканными на плечахъ и запястьяхъ рукавовъ узорами, которые многими принимаются за вышивку. Чердынскихъ и Соликамскихъ Пермьячекъ можно отличить по головнымъ уборамъ: первыя носили прежде сороку (въ родѣ Черемисской), носятъ теперь кокошникъ, вторыя — шамшуру.

Мы не будемъ описывать обоихъ этихъ уборовъ: тутъ нужны рисунки. Скажемъ только, что въ украшеніи шамшуръ и кокошниковъ развертываются художественныя способности пермяцкихъ женщинъ. Сравнивая фигуры, которыя они создаютъ изъ бисера и грубаго жемчуга, съ узорами шелковыхъ вышивокъ у Вотячекъ и въ особенности у Черемисовъ, мы можемъ замѣтить, что эти способности у Пермьячекъ ниже, чѣмъ у другихъ нашихъ инородокъ.

Мы познакомились теперь со всѣмъ, что создалъ и создаетъ Пермьякъ для удовлетворенія потребностей въ пищѣ, жилищѣ, одеждѣ, и можемъ перейти къ выводамъ. Стоитъ сдѣлать маленькое усиліе мысли, чтобы найдти черту, объединяющую всѣ разсмотрѣнныя нами издѣлія Пермьяковъ — чашки, ковши, поваренки, ступы, швейки, волокуши. Выдѣлывая эти

вещи, Пермьякъ стоитъ на зачаточной ступени творчества: онъ еще не господинъ того матеріала, который предполагаетъ приспособить къ своимъ потребностямъ, не въ состояніи дать ему ту форму, которая ему желательна; онъ беретъ у природы формы вмѣстѣ съ матеріаломъ. Лѣса окружавшіе Пермьяка, въ изобиліи предлагали его вниманію наросты на корняхъ березъ. Рано или поздно Пермьяку должна была прійти мысль какъ нибудь приспособить эти наросты для своихъ потребностей. Онъ обрубаешь такой наростъ, выдалбливаетъ ножомъ его внутренность, слегка обчищаетъ снаружи и готова первобытная чашка; случайно или намѣренно онъ обрубаешь такой наростъ съ частью корня или ствола и получается сосудъ съ ручкой—ковшъ, поваренка. Тутъ все дано природой; человѣку принадлежитъ лишь идея приспособить готовое къ своимъ цѣлямъ. Такъ начинается творчество въ каждой области техники. Слѣдующія ступени развитія состоятъ въ томъ, что человѣкъ видоизмѣняетъ данныя формы, создаетъ новыя, даетъ матеріалу ту или другую форму по усмотрѣнію. Пермьякъ не дошелъ до нихъ. Онъ остался рабомъ природы—и въ этомъ мѣрка его творческихъ силъ. Первоначальная зависимость въ своемъ творествѣ отъ природы—удѣлъ каждаго народа. Создавшіе высокую культуру Египтяне своими первыми идеями въ области архитектурнаго орнамента обязаны природѣ Нильскаго бассейна, но богатство ихъ творческихъ силъ сказалось въ томъ употребленіи, которое они сдѣлали изъ этого матеріала, въ обиліи видоизмѣненій, въ разнообразіи сочетаній. Разстояніе, отдѣляющее любое изъ такихъ видоизмѣненій отъ даннаго природой первообраза, и служитъ показателемъ тѣхъ творческихъ силъ, которыми располагаетъ народъ. Пермьякъ не пошелъ дальше простаго приспособленія готоваго. Чтобы сдѣлать своей женѣ или дочери швейку, онъ долженъ бродить по лѣсу, отыскивая дерево съ подходящимъ расположеніемъ корней; онъ не дошелъ до мысли, что такого-же рода швейку можно гораздо скорѣе приготовить изъ двухъ отдѣльныхъ

и небольших сравнительно кусковъ дерева; здѣсь ужь нужно создавать, а не приспособлять только.

Достоинство пермяцкихъ издѣлій зависитъ, конечно, не отъ одного размѣра техническихъ способностей народа. Не создавая новыхъ формъ Пермякъ, могъ-бы тоньше обработать то, что дано вчернѣ природой, но для этого нужны уже не тѣ орудія, которыми пользуется Пермякъ, и не столько. На примѣрѣ приготовления ступы мы имѣли уже случай замѣтить, что Пермякъ мастерить въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ, какъ мастерилъ человѣкъ въ ту далекую пору, когда онъ только что овладѣлъ огнемъ. Способъ приготовления остальныхъ пермяцкихъ вещей показываетъ, что Пермякъ не всегда пользуется даже такими орудіями, какъ долото и пила. Пила представляетъ собою инструментъ, назначеніе котораго знаетъ далеко не всякій Пермякъ. На почтовомъ трактѣ, въ селѣ Кочевѣ Чердынскаго уѣзда, еще недавно были возможны такіе случаи, что Пермяки, заготовляя дрова, не пилили, а рубили вывезенныя изъ лѣса деревья. Судебный приставъ, поселившійся здѣсь, рассказывалъ намъ, что ему для этой цѣли пришлось самому купить пилу. Когда онъ разставилъ ее, какъ слѣдуетъ, и далъ Пермяку—рабочему, тотъ повертѣлъ ее съ удивленіемъ въ рукахъ и заявилъ, что не знаетъ, что съ ней дѣлать.

Въ неподвижности, которая характеризуетъ Пермское творчество въ области предметовъ домашняго обихода, называется и другая черта духовной природы Пермяка—слабое развитіе, если не отсутствіе потребности переменъ, лучшаго, потребности, которая является условіемъ развитія въ каждой области.

~~~~~

Глава IV.

Семейныя и общественныя отношенія.

Мы покончили съ тѣмъ отдѣломъ произведеній Пермскаго творчества, который коренится въ удовлетвореніи потребностей въ пищѣ, кровѣ и одеждѣ. Всмотриваясь во всю совокупность относящихся къ нему предметовъ, читатель могъ сдѣлать одно—очень важное, какъ мы увидимъ—наблюденіе: не всѣ вещи, которыми пользуется современный Пермскій, находятся въ строгомъ соотвѣтствіи съ его наличнымъ техническимъ развитіемъ; онъ можетъ напр. сдѣлать глинобитную, подъ часъ даже кирпичную печь, а въ ови́нѣ огонь раскладываетъ прямо на землѣ, т. е. дѣлаетъ то, что дѣлали въ своемъ жилищѣ его отдаленные предки. Старое, оказывается, выживаетъ, остается на службѣ Пермскаго, не смотря на ростъ техническаго развитія. Эту живучесть того, что разъ было создано человѣкомъ, мы замѣтимъ и въ области творчества общественно-бытоваго. И здѣсь при внимательномъ изслѣдованіи въ современности окажется масса обломковъ далекой старины. Разница будетъ только въ томъ, что тамъ—въ области внѣшняго быта—старое не соотвѣтствуетъ техническому развитію современныхъ Пермскихъ, здѣсь—въ области творчества общественно-бытоваго—оно не будетъ соотвѣтствовать его современнымъ взглядамъ, понятіямъ и чувствамъ. Жизнь прихотливо комбинируетъ обломки старины—обычай, которые выполняются по преданію, не зная, зачѣмъ—и рядъ сознательныхъ дѣйствій, вытекающихъ изъ современ-

ныхъ понятій. Этнографъ можетъ двояко отнестись къ этой „натурѣ“. Онъ можетъ тщательно черта за чертой переносить въ свои записи то, что даетъ жизнь заботясь только о томъ, чтобы его запись какъ можно точнѣе воспроизводила дѣйствительность. Онъ можетъ вести дѣло и дальше, можетъ подвергнуть анализу детали скопированной картины, отдѣлить въ ней живое отъ обломковъ старины, отодвинуть старое съ перваго плана въ глубь ея, дать картинѣ культурно-историческую перспективу. Трудность этой операціи заключается въ томъ, чтобы найти для того или другаго обломка настоящее мѣсто въ глубинѣ картины. Основанія этой перспективы, указанія на то, что слѣдуетъ поставить ближе, что дальше даетъ исторія культуры. Условимся еще разъ на счетъ признаковъ стараго. Мы будемъ признавать обломками старины то, что не вытекаетъ изъ современныхъ возрѣній Пермьяка, что продѣлывается имъ безотчетно по преданію.

Для безпрепятственнаго и правильнаго удовлетворенія потребности въ продолженіи рода современный Пермьякъ вступаетъ въ бракъ и избираетъ себѣ одну женщину на всю жизнь. Въ выборѣ этой женщины онъ ограниченъ гражданскими законами о совершеннолѣтіи, церковнымъ правомъ и вытекающими изъ него общественными понятіями о дозволенномъ и не дозволенномъ: онъ не можетъ напр. жениться на родственницѣ ближе извѣстной степени. Здѣсь все мотивировано господствующими въ настоящее время понятіями. Рядомъ жизнь даетъ другую картину, которая стоитъ въ полномъ противорѣчій съ этими возрѣніями. Прежде чѣмъ молодые люди обоого пола вступаютъ въ освященные общественнымъ мнѣніемъ, закономъ и церковью отношенія, они живутъ половой жизнью цѣлыя годы. Законъ для вступленія въ бракъ требуютъ извѣстнаго возраста; для вѣнчаныхъ отношеній нѣтъ другихъ ограниченій, кромѣ естественныхъ. Половая жизнь дѣвушки начинается съ 12—13 лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ у Пермьяковъ, какъ и у Вотьяковъ, почти каждая дѣвушка имѣетъ любовника. Церковь ставитъ

извѣстную степень родства границей для вступленія въ бракъ; въ своихъ внѣбрачныхъ отношеніяхъ пермяцкая молодежь не признаетъ за родствомъ никакого стѣсняющаго значенія. Г. Добротворскому сообщали, что въ глухихъ отдаленныхъ Пермскихъ починкахъ зачастую встрѣчаются случаи сожительства братьевъ съ сестрами ¹⁾. Г. Шатровъ, живущій въ Пермскомъ приходѣ Глазовскаго у., на вопросъ о внѣбрачныхъ отношеніяхъ между родственниками отвѣчаетъ намъ: „среди Пермцевъ, населяющихъ Зюздинскій край, не составляютъ рѣдкости половыя сношенія между очень близкой родней; не считается предосудительнымъ имѣть и дѣтей, прижитыхъ въ кровосмѣшеніи“. Нашъ корреспондентъ знаводитъ и съ нѣкоторыми изъ условій, вызывающихъ кровосмѣшенія. „Всѣ виды кровосмѣшенія совершаются зимою на посидѣнкахъ. Собравшіяся здѣсь молодыя женщины и дѣвушки снимаютъ съ своихъ рукъ по кольцу и складываютъ ихъ всѣ въ одну шапку или коробицу, откуда каждый изъ присутствующихъ на игрищѣ парней не глядя беретъ кольцо. Женщина или дѣвушка, которой принадлежитъ кольцо, переходитъ въ его полное распоряженіе. Онъ сажаетъ ее къ себѣ на колѣни и играя съ нею проводитъ съ нею вечеръ и часть ночи; передъ разсвѣтомъ кто нибудь изъ играющихъ внезапно гаситъ огонь и всѣ присутствующіе на игрищѣ предаются разврату“. Г. Шатровъ къ сожалѣнію не сообщаетъ, такое-ли же значеніе имѣетъ жеребій во время лѣтнихъ игрищъ.

Мы имѣемъ основанія утверждать, что такіе факты, какъ сожительство брата съ сестрой, извѣстны и въ Пермскомъ краѣ — по крайней мѣрѣ въ Соликамскомъ уѣздѣ. Изучая „книги явобъ и жалобъ“ и „книги рѣшеній волостныхъ судовъ“ въ волостяхъ, населенныхъ Пермцами, мы имѣли случаѣ натолкнуться не на одинъ случай, когда Пермцы привлекаются къ волостному суду за то, что назвали

¹⁾ I. с. IV, 565. Ср. Роговъ. Ж. М. В. Д. 29, 74.

другаго такимъ именемъ, въ которомъ заключается указаніе на сожительство съ сестрой (одни писаря приводятъ его en toutes lettres, другіе переводятъ словомъ сестро-насилникъ). То обстоятельство, что обнаруженіе такого факта считается позорящимъ человѣка, показываетъ, что у Соликамскихъ Пермиковъ родство начинаетъ уже считаться препятствіемъ для половыхъ отношеній. Какъ психопатологическій фактъ, можно отмѣтить встрѣченныя нами въ книгахъ явочъ указанія, что сынъ покушался произвести насиліе надъ матерью. Въ рукописи, доставленной намъ П. А. Вологдинымъ, мы находимъ преданіе, записанное въ Архангельской волости. Преданіе это гласитъ что Чудаки, родство которыхъ съ Пермьями мы уже выяснили, не уважали при удовлетвореніи своихъ половыхъ потребностей родственныхъ связей. Свойство еще менѣе, чѣмъ кровное родство, служить у Пермиковъ препятствіемъ для внѣбрачныхъ отношеній. А. П. Ивановъ въ своемъ очеркѣ „Кама-рѣка“ отмѣчаетъ между прочимъ, что въ одномъ пермяцкомъ домѣ Зюдинскаго края родители безъ всякаго стѣсненія сообщили ему, что ихъ дочь прижила ребенка съ мужемъ сестры ¹⁾. Волостнымъ судамъ Пермцаго края приходится по временамъ рѣшать ссоры между братьями изъ за того, что холостой живетъ въ связи съ законной половиной женатаго. Случаи, когда два брата живутъ внѣбрачныхъ отношеніяхъ съ двумя родными сестрами, не составляютъ рѣдкости. Пермьякъ не прочь игнорировать свойство и при заключеніи брака, но сдерживается церковными установленіями.

Какъ слѣдуетъ смотрѣть на факты, подобные тѣмъ, которые мы только что провели? Наблюдатель, признающій излишнимъ для этнографическихъ цѣлей знакомство съ общей исторіей культуры и исторіей данной народности, безъ колебаній объявитъ эти факты выраженіемъ глубокаго нравственнаго упадка народа. Но дѣло можетъ представлять-

¹⁾ Волж. Вѣст. 1883.

ся и иначе. Мы имѣемъ отъ 1501 г. драгоцѣнный въ этомъ отношеніи матеріалъ. Черезъ 35 лѣтъ послѣ крещенія Чердынскихъ Пермьяковъ, Московскій митрополитъ Симонъ ставитъ на видъ новообращеннымъ Пермьякамъ и ихъ князю различные несогласные съ христіанскими требованіями факты въ жизни ихъ. Между этими фактами мы отмѣчаемъ одинъ: Пермьяки вступали въ браки, не стѣсняясь родствомъ („женитьбѣ незаконныхъ не чините, якоже слышу о васъ, что поимаются въ племени по ветхому, по татарскому обычаю: кто у васъ умретъ, а второй его братъ жену его поймаетъ, третій его братъ также творить¹...”). Сопоставимъ эти раздѣленные почти четырьмя вѣками бытовья картины и мы приобрѣтемъ настоящій взглядъ на внѣбрачныя отношенія Пермьяковъ: недопускаемое христіанскою моралью и закономъ, осуждаемое общественнымъ мнѣніемъ является обломкомъ, переживаніемъ стараго до-христіанскаго порядка вещей. Въ пермяцкой дѣйствительности намѣчаются двѣ крупныхъ группы явленій: явленія новыя, навѣяныя христіанствомъ и явленія до-христіанской, самобытно-Пермяцкой старины. Разбираясь въ явленіяхъ этой послѣдней группы, мы замѣтимъ что и они не всѣ могутъ относиться по своему возникновенію къ одной эпохѣ. Одни носятъ на себѣ печать извѣстнаго и можетъ быть даже заимствованнаго порядка (обычай младшаго брата жениться на вдовѣ старшаго), другія характеризуются полнымъ отсутствіемъ чего-либо упорядочивающаго, обязательнаго (внѣбрачныя половыя отношенія на игрищахъ и т. п.). И здѣсь должна быть та или другая преюмственность явленій. Установить эту преюмственность позволяютъ намъ 1) сравненіе съ исторіей развитія семейныхъ отношеній у ближайшихъ родичей Пермьяковъ—Вотьяковъ, 2) та схема развитія семьи, которую даетъ исторія культуры, точнѣе сравнительное бытовѣдѣніе. Въ семейномъ бытѣ Вотьяковъ извѣстны случаи, а) когда отецъ

¹) Перм. лѣт. I, 33. Ср. наши «Черемисы» 127.

пользуется совмѣстно съ сыномъ его женой, b) когда братья и родственники жениха символически заявляютъ о своихъ правахъ на его будущую жену, c) когда парни селенія, изъ котораго уходитъ дѣвица, такъ же символически заявляютъ о своихъ правахъ на нее, d) когда молодежь обоого пола вступаетъ въ кратковременныя связи, разрывая ихъ по первому побужденію инстинкта. Сравнительное бытовѣдѣніе показываетъ, что эти явленія извѣстны въ жизни почти всѣхъ народовъ, находятся въ извѣстной преемственности и составляютъ моменты, изъ которыхъ складывается исторія семьи: первый случай (снохачество) представляетъ собою форму выраждающейся полиандріи (многомужества), второй—выживающій въ формѣ символа остатокъ той-же полиандріи, третій—такой же остатокъ эндогаміи (половыхъ отношеній внутри группы, связанной кровнымъ родствомъ), четвертый—переживаніе эпохи неупорядоченныхъ еще половыхъ отношеній (коммунальнаго брака, гетеризма).

Исходя изъ указаній, которыя даютъ намъ жизнь Вотяковъ и сравнительное бытовѣдѣніе, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что и обломки старины, сохранившіеся въ современномъ бытѣ Пермязковъ, относятся къ различнымъ періодамъ въ исторіи Пермязковъ до-христіанской семьи. Обычай, противъ котораго ратуетъ митрополитъ Симонъ представляетъ собою одну изъ формъ угасающей полиандріи—левиратъ. Другое переживаніе той-же полиандріи представляетъ собою снохачество. Въ настоящее время оно считается уже позорнымъ явленіемъ. Пермязкъ, назвавшій другаго снохачемъ, привлекается за обиду къ суду. Но было время, когда оно представлялось неизбѣжнымъ при заключеніи брака между мальчикомъ и взрослой дѣвицей. Воспоминаніемъ объ этой порѣ до сихъ поръ служить тотъ фактъ, что жена бываетъ на много лѣтъ старше мужа.

Внѣбрачныя половыя отношенія пермязковъ молодежи представляютъ собою переживаніе еще болѣе отдаленной эпохи коммунальнаго брака или гетеризма, эпохи, когда не одна

молодежь, но и всѣ взрослые представители обоихъ половъ жили беспорядочной половой жизнью. Въ пользу того, что Пермь пережила такой періодъ, свидѣтельствуеетъ ихъ терминологія семейныхъ отношеній. Эта терминологія такъ же, какъ и вотяцкая, не вяжется съ современнымъ строемъ Пермской жизни. Въ настоящее время женщина различаетъ мужчину, съ которымъ она связана брачнымъ союзомъ, отъ всякаго другаго представителя мужскаго пола, мужчина въ свою очередь выдѣляетъ изъ среды женщинъ одну, съ которой онъ находится въ бракѣ, оба отличаютъ среди массы дѣтей и подростковъ нѣсколько особей, къ которымъ они стоятъ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ, какъ родители. Если бы такой порядокъ вещей существовалъ издавна, естественно было бы ожидать, что въ языкѣ Пермцевъ съ давнихъ поръ существовали бы различныя слова для обозначенія мужа и мужчины, жены и женщины, сына и дочери съ одной стороны, мальчика и дѣвочки съ другой. Словарь современныхъ Пермцевъ между тѣмъ не оправдываетъ этихъ ожиданій. *А й к а* (мужъ) значитъ въ сущности отецъ, самецъ (*а* + суф. *к а*), *ині*, *иніка* (жена) значитъ самка, женщина. Специальное слово *г ѳ т ы р* не ясно по своему значенію; *ныл*, *нылка* = дѣвка, дочь, *зон*, *зонка* = парень, сынъ. Несотвѣтствіе терминологіи съ современнымъ строемъ жизни можетъ быть объяснено только тѣмъ, что она сложилась при другихъ отношеніяхъ между полами и пережила ихъ. Каковы были эти отношенія, не трудно опредѣлить. Если языкъ не дѣлаетъ различій между мужемъ и мужчиной, между женой и женщиной, то это значитъ что въ эпоху возникновенія терминовъ родства отношенія между мужчинами и женщинами имѣли такой-же неустойчивый и неупорядоченный характеръ, какъ современныя внѣбрачныя отношенія пермской молодежи: особыхъ терминовъ не могло явиться, когда не было особыхъ отношеній къ одной особи изъ цѣлой массы ей подобныхъ.

Состояніе беспорядочнаго сожителства половъ порождаетъ рядъ явленій, которымъ нѣтъ мѣста при нашемъ строѣ жизни. При такомъ состояніи общества прежде всего не можетъ быть, конечно, и рѣчи о какихъ нибудь стѣсненіяхъ родственными отношеніями; половой инстинктъ не подчиняется здѣсь никакимъ ограниченіямъ. Какъ мало подчинялся онъ какимъ бы то ни было ограниченіямъ у древнихъ Пермяковъ, можно судить по вѣбратнымъ отношеніямъ ихъ потомковъ. Затѣмъ съ беспорядочнымъ половымъ сожителствомъ тѣсно связана преобладающая роль женщины-матери относительно дѣтей: мать и рожденные ей дѣти составляютъ единственное устойчивое, покоящееся на твердомъ сознаніи взаимной близости сочетаніе. Это сочетаніе—зародышъ будущей семьи. Мы не считаемъ нужнымъ входить въ подробности на счетъ того, въ чемъ выражается матриархальный порядокъ, зараждающійся на почвѣ гетеризма. Отмѣтимъ изъ связанныхъ съ нимъ явленій только тѣ, намеки на которые даетъ намъ пермяцкая жизнь. При матриархальномъ строѣ въ роли покровителя женщины и ея дѣтей является наиболѣе близкій къ ней мужчина—ея братъ. Понятно, что въ обществѣ, сохраняющемъ даже только слѣды пережитаго матриархата, братъ и дядя по матери пользуются особымъ значеніемъ и почетомъ. Проблески этого особаго почтенія съ стороны женщины къ брату замѣтны по мѣстамъ въ современномъ Пермяцкомъ свадебномъ обрядѣ. Г. Добротворскій говоритъ, что у Пермяковъ Вятской губерніи (Орловскихъ?) невѣста передъ свадьбой приноситъ прежде всѣхъ благодарность „милому брату за то, что вспоилъ, вскормилъ ее и не далъ никому въ обиду“ и въ заключеніи отцу съ матерью ¹⁾. Въ Чердынскомъ уѣздѣ братъ запираетъ ворота передъ поѣзжанами, пріѣхавшими за невѣстой, и символически защищаетъ ее отъ предполагаемыхъ похитителей. Тайлоръ ставитъ въ связь съ выживающимъ матриархатомъ обычай, чтобы зять.

¹⁾ I. с. IV, 561.

поселялся въ домъ жены ¹⁾. Въ настоящее время этотъ обычай составляетъ у Пермьковъ рѣдкое явленіе—и, конечно, въ силу того безправія, на которое обрекается въ домъ тестя приемный зять. У Пермьковъ Вятской губерніи онъ теряетъ связь съ своимъ родомъ, свое фамиліальное имя и принимаетъ имя тестя совершенно также, какъ работникъ въ Пермской губерніи. Его дѣти увеличиваютъ родъ тестя и носятъ также фамиліальное имя послѣдняго ²⁾. По отношенію къ своимъ дѣтямъ онъ значить равно столько, сколько любовникъ незамужной дѣвушки, такъ какъ и тамъ дѣти величаются по отцу матери. Можно думать однако, что этотъ порядокъ въ былое время имѣлъ большее распространеніе. Любопытно то обстоятельство, что Пермьки не имѣютъ особыхъ словъ для обозначенія зятя и тестя: первый обозначается однимъ терминомъ съ пасынкомъ, второй однимъ съ вочимомъ. Результаты этой своеобразности въ терминологіи, замѣтимъ мимоходомъ, выражаются между прочимъ въ томъ, что Пермьки путаютъ Русскіе термины зять и „пасынокъ“ и среди жалобъ разбираемыхъ волостными судами можно встрѣтить такіа, гдѣ Пермькъ просить судъ отобрать у п а с ы н к а (т. е. у зятя) имущество умершей безъ дѣтей дочери. Такое отождествленіе отношеній, съ современной точки зрѣнія различныхъ, могло возникнуть только тамъ, гдѣ зять, какъ и пасынокъ, жили въ домѣ тестя.

Слѣдующую за безпорядочнымъ половымъ сожителествомъ ступень въ развитіи семьи представляетъ порядокъ, при которомъ обладаніе женщиной индивидуализируется, дѣлается болѣе устойчивымъ и господство матери по отношенію къ дѣтямъ уступаетъ мѣсто господству отца. Эта перемѣна обыкновенно ставится въ связь съ возникновеніемъ обычая похищать женщинъ. Такъ-ли шло развитіе пермьцкой семьи, мы точно не знаемъ. Несомнѣнно одно—похищеніе невѣсты, „умыканіе“ было въ обычай у

¹⁾ Этногр. Обзор. V, 7, 8.

²⁾ Добр. 1. с. IV, 567.

Пермяковъ. Воспоминанія о немъ, не говоря уже о фѣтвномъ умыканіи невѣсты по соглашенію съ ней, до сихъ поръ сохраняются въ Пермскомъ свадебномъ обрядѣ. Какъ весь современный бытъ Пермья, свадебный обрядъ заключаетъ въ себѣ черты, которыя не вяжутся съ современными основами жизни. Въ настоящее время бракъ является у Пермяковъ результатомъ соглашенія между родителями обѣихъ сторонъ и до извѣстной степени—доброй воли самихъ брачущихся. Согласно съ этимъ свадьба начинается сватовствомъ, которое ведется совершенно такъ - же, какъ и у Русскихъ. Для переговоровъ съ родными намѣченной невѣсты выбирается свать. Свать заходитъ предварительно къ сосѣдямъ невѣстина отца, наводитъ у нихъ справки и потомъ уже отправляется къ нему въ домъ. Здѣсь начинаются переговоры. Отецъ ссылается на мать, мать замѣчаетъ, что для домашнихъ работъ ей нужна была бы помощница, но выше отца она не станетъ. Дѣло оканчивается тѣмъ, что родители получаютъ за невѣсту задатокъ. Черезъ нѣкоторое время наступаетъ рукобитье. Женихъ ѣдетъ съ отцемъ, крестнымъ братомъ, тысяцкимъ. Въ домъ невѣсты къ невѣстѣ собираются всѣ сосѣди. Женихъ съ отцемъ садятся за столъ и угощаются. Потомъ начинается рукобитье. Отецъ жениха кладетъ свою руку на руку невѣстина отца; оба поднимаютъ сложенные руки и спрашиваютъ присутствующихъ, видѣли-ли рукобитье. Покончивъ рукобитье, родные жениха вызываютъ невѣсту. Невѣста выходитъ изъ кутнаго угла и подаетъ вина женихову отцу. Отецъ проситъ, чтобы она выпила первая сама; невѣста выпиваетъ и подноситъ жениху. Послѣ рукобитья цѣлую ночь идутъ игры. Дѣвушки—подруги невѣсты переходятъ съ рувъ на руки отъ одного гостя къ другому. Неженатая молодежь въ Чердынскомъ уѣздѣ на этотъ вечеръ не допускается (не слѣдуетъ-ли видѣть въ этомъ обычаѣ остатокъ гостепріимнаго гетеризма?). Во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ „женихается“ напротивъ она. Черезъ нѣсколько дней послѣ рукобитья начинается сватьба. Наступаетъ моментъ, когда женихъ долженъ

увезти невесту въ свой домъ, и въ обрядѣ являются черты, несогласныя съ дружественнымъ характеромъ всего предшествующаго. Въ деревню, гдѣ живетъ невеста, въѣзжаетъ группа всадниковъ, размѣры которой зависятъ отъ того, какъ велика родня жениха. Отецъ невесты немедленно запираетъ на запоръ ворота. Деревенская молодежь, которую собираютъ на этотъ случай въ домъ невесты, держитъ на готовѣ ружья и стрѣляетъ изъ нихъ въ поѣзжанъ изъ воротъ и сѣней, отецъ невесты между тѣмъ ведетъ съ старшимъ дружкой жениха ведетъ по русски миролюбивые переговоры на счетъ угощенья. Молодежь, собранная женихомъ, въ свою очередь поднимаетъ коней на дыбы, какъ будто готовясь перескочить черезъ ограду. Послѣ долгихъ переговоровъ братъ невесты за извѣстный выкупъ—въ видѣ бутылки водки напр.—отпираетъ ворота и поѣздъ въѣзжаетъ на дворъ. Дружки вынимаютъ дары и направляются въ избу. Отецъ невесты принимаетъ дары и передаетъ ихъ женѣ, та дочери. Только послѣ даровъ отецъ отпираетъ дверь избы и впускаетъ поѣзжанъ. Женихъ входитъ въ избу, какъ врагъ—шапки не снимаетъ, богу не молится.

Поѣзжане усаживаются безъ приглашенія за столъ, на который невеста ставитъ пиво и рыбный пирогъ. Съ ними усаживается уже безъ шапки и помолясь женихъ. Старшій дружка жениха выкликаетъ теперь невестина отца. Ему подносить пива и вина; дружка приговариваетъ: „батьюшка родимый, за этимъ пивцомъ, за этимъ винцомъ, за этой ѣствой намъ бы нужно было огня летучаго“. Отецъ невесты приноситъ лучину, огнивомъ высѣкаютъ огонь и зажигаютъ свѣчу. Дружка выкликаетъ мать невесты и требуетъ отъ нея „княгиню молодую“. Невеста сидитъ между тѣмъ въ кутномъ углу. Дружка отъ имени жениха вызываетъ ее къ жениху. „NN, приступись ко мнѣ поближе, поклонись пониже“. Отецъ подводитъ невесту и кланяется вмѣстѣ съ ней поѣзжанамъ трижды въ землю. Происходитъ обрученіе. Невеста опять уходитъ въ кутный уголъ. Поѣзжане угощаются и дружка

вызываетъ обрученную невѣсту за столъ. Отецъ ведетъ дочь за платокъ, который она держитъ въ рукахъ, и передаетъ черезъ этотъ платокъ жениху, приговаривая по Пермьцѣ: у меня хорошо жила, живите и вы хорошо, добрымъ людямъ на похвалу, худымъ на зависть“. Получивъ невѣсту, поѣзжане требуютъ отъ ея родителей угощенія. Начинается свадебный столъ, который проходитъ съ тѣми-же церемоніями, что и у Русскихъ. По окончаніи стола невѣсту уводятъ въ церковь и оттуда въ домъ жениха. Въ Орловскомъ уѣздѣ, прежде чѣмъ выводить невѣсту изъ избы, старшій изъ поѣзжанъ — дядя жениха — связываетъ ей руки лычкомъ или мочаломъ. Въ такомъ видѣ ее везутъ до церкви; здѣсь уже самъ женихъ развязываетъ ей руки ¹⁾. Въ Глазовскомъ уѣздѣ женихъ беретъ невѣсту въ охапку и сажаетъ на приведенную для нея лошадь.

Сопоставляя обряды, при которыхъ невѣста увозится въ домъ жениха, съ предшествующими, мы приходимъ къ заключенію, что женихъ и его родня вступаютъ въ домъ отца невѣсты, берутъ ее и увозятъ совсѣмъ не такъ, какъ можно было бы ожидать на основаніи состоявшагося раньше соглашенія. Въмѣсто доброй воли обѣихъ сторонъ мы видимъ здѣсь сплошь насиліе — хотя не дѣйствительное, а символическое, разыгрываемое женихомъ и его спутниками. Несоответствіе сдѣлается понятнымъ, если мы предположимъ, что современный свадебный обрядъ слагается въ сущности изъ двухъ обрядовъ: новаго, основаннаго на соглашеніи сторонъ и стараго, воспроизводящаго „умыканіе“. Логичность свадебнаго ритуала тотчасъ возстановится, лишь только мы отодвинемъ въ глубь картины этотъ кусокъ старины и дадимъ на первомъ планѣ тотчасъ за рукобитіемъ мѣсто вѣнчанію и послѣдующимъ обрядамъ. Съ „умыканіемъ“, конечно, стоитъ въ связи до сихъ поръ господствующій у Пермьцовъ Вятской губерніи обычай брать невѣсту непременно въ другой

¹⁾ Добр. I. с. IV, 562.

деревнѣ (экзогамія вмѣсто первичной эндогаміи, на которую указываетъ виѣбрачныя отношенія). Теперь это объясняютъ желаніемъ имѣть мѣсто, куда можно было-бы на праздники ѣздить въ гости.

Умыканіе и замѣняющая его купля невѣсты измѣняютъ строй семьи: на первое мѣсто въ замѣнѣ матери выступаетъ отецъ. О характерѣ благо патріархальнаго строя можно судить по современной роли отца и мужа. Съ тѣми правами, которыя въ современной Пермской семьѣ принадлежатъ отцу, знакомить насъ прежде всего затронутый уже нами свадебный обрядъ. Мы видѣли уже, что въ настоящее время бракъ возникаетъ на основѣ соглашенія, но соглашеніе это устраивается не между брачащимися, а между ихъ родителями. Одинъ изъ нихъ продаетъ свою дочь въ настоящее время по большей части только символически ¹⁾, другой покупаетъ ее для сына, не считая нужнымъ справиться съ его волей. Символическая продажа дѣтей имѣетъ мѣсто и въ другихъ случаяхъ. Въ случаѣ упорной болѣзни ребенка мать отдаетъ его первому встрѣчному на улицѣ и беретъ съ него въ видѣ платы какую нибудь мѣдную монету. Человѣкъ, купившій ребенка, вноситъ его за тѣмъ въ избу и отдаетъ родителямъ, которые дѣлаютъ видъ, что берутъ уже другаго ребенка. На половину уже не символической, а дѣйствительной является продажа, когда отецъ отдаетъ сына въ дѣти — за отчужденіе ребенка обыкновенно уплачивается тѣмъ или другимъ количествомъ хлѣба. Символическая продажа стоитъ на границѣ между современными ограниченными обычаемъ правами отца и былой безграничной властью его надъ личностью и жизнью дѣтей. По одну сторону этой границы въ прошедшемъ мы видимъ намеки на то, что отецъ воленъ былъ принять или непринять родившагося ребенка: у Глазовскихъ Пер-

¹⁾ Калмыкъ беретъ за невѣсту только въ Чердынскомъ уѣздѣ. На этомъ основаніи между прочимъ Инвеевскіе Пермяки не берутъ женъ у Чердынскихъ.

мяковъ повитуха, вымыши новорожденнаго, передаетъ его отцу, который принявши владеть его или въ зыбку, если она не приготовлена, или на лавку ¹⁾. По другую сторону—въ современномъ быту мы видимъ рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что отецъ является хозяиномъ если не личности сына или дочери, то по крайней мѣрѣ ихъ труда: онъ отдастъ дѣтей въ работники, „строшныя“. Отецъ произвольно располагаетъ сыномъ и въ дѣлѣ выбора ему невѣсты. Въ 40-хъ годахъ сынъ не зналъ даже по имени невѣсты. Въ настоящее время въ Чердынскомъ уѣздѣ отъ такого порядка осталось воспоминаніе въ свадебномъ обрядѣ: старшій дружка учить жениха, какъ звать невѣсту—сообщаетъ ему имя и отчество ея. О томъ произволѣ, который въ этомъ отношеніи предоставленъ обычаемъ отцу, можетъ дать понятіе слѣдующій случай, извлеченный нами изъ дѣлъ одного волостнаго суда: Пермязъ почему-то разсердился на выбранную невѣсту, выбѣжалъ на улицу, увидалъ около церкви совершенно неизвѣстную ему до сихъ поръ дѣвушку и порѣшилъ, что она будетъ женой его сыну. Не располагая лично своей судьбой и дѣятельностью, дѣти не несутъ и личной отвѣтственности за свои проступки. Передъ судомъ общества за нихъ отвѣчаетъ отецъ (отецъ отвѣчаетъ за дочь, обвиненную въ кражѣ). Положеніе жены въ общемъ соотвѣтствуетъ положенію дѣтей. Передъ обществомъ интересы ея представляетъ мужъ. Мужъ условливается относительно вознагражденія за побои, нанесенные вѣмъ-либо его женѣ. Жизнь создаетъ на этой почвѣ весьма своеобразныя положенія. Мужъ ведетъ на примѣръ за жену тяжбу съ ея любовникомъ, который избилъ ее стягомъ, и взыскиваетъ съ него вознагражденіе.

Судя по приведеннымъ примѣрамъ отцевской власти, можно было-бы ожидать, что главы семьи должны быть единственнымъ и полноправнымъ хозяиномъ своего имущества. На дѣлѣ мы видимъ не то. Въ распоряженіи семейнымъ имуще-

¹⁾ Сообщ. А. Н. Шатровымъ.

ствомъ отецъ находится подъ контролемъ цѣлой семьи. Онъ не имѣетъ напр. права на произвольное отчужденіе принадлежащихъ семьѣ земель. Въ дѣлахъ Кочевского волостнаго правленія мы нашли жалобу сына на отца за то, что тотъ безъ его согласія отдалъ крестьянину изъ сосѣдней Юксѣвской волости въ вѣчное пользованіе покось. Здѣсь вступаетъ въ дѣйствіе трудовое начало, которымъ опредѣляется право пользованія и собственности. Это начало регулируетъ экономическія отношенія родичей.

Если большакъ лишаетъ младшаго члена семьи участія въ пользованіи имуществомъ, заведеннымъ общими трудами, судъ приговариваетъ его предоставить младшему его долю (племянникъ жалуется, что дядя не даетъ ему доить корову, которую они купили вмѣстѣ; судъ постановляетъ, чтобы дядя пользовался молокомъ два дня, племянникъ въ третій). Младшій имѣетъ право на долю имущества, если участвовалъ въ приобрѣтеніи его не лично, а черезъ жену (солдатъ). Мать-вдова, выйдя за мужъ вторично, имѣетъ право на долю имущества, которое нажито ея трудомъ.

Права, которыми пользуется въ пермяцкой семьѣ отецъ, распространяются и на всякаго большака—которымъ въ нераздѣлившейся семьѣ является старшій изъ братьевъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ „большину“ правитъ мать—старуха. Большакъ такъ-же распоряжается трудомъ младшихъ членовъ семьи—отдаетъ напр. братьевъ и сестеръ въ работу („въ наймы“). Если кто нибудь безъ согласія старшаго брата, беретъ младшаго въ работники и платитъ ему непосредственно, большакъ взыскиваетъ съ него судомъ вознагражденіе за причиненную хозяйству убыль рабочей силы. Въ настоящее время безъ отца, безъ матери братья рѣдко уживаются вмѣстѣ. Большія семьи (иногда состоящія изъ 8 братьевъ) тотчасъ расходятся по смерти естественнаго главы. Раздѣлъ происходитъ съ вѣдома общества и при его участіи, если дѣлящіеся не могутъ покончить мирно сами. Безъ разрѣшенія общества сынъ отъ отца, братъ отъ брата не можетъ отойти. На

отцовскомъ гнѣздѣ остается обыкновенно младшій сынъ. Если въ числѣ дѣтей, оставленныхъ отцомъ семейства, находится дочь, имѣющая одного или нѣсколькихъ незаконныхъ сыновей, она участвуетъ въ дѣлежѣ движимаго и недвижимаго имущества и остается съ своими дѣтьми на гнѣздѣ отца. По возрѣніямъ Пермяковъ такая дочь является прямой наслѣдницей отца и притязанія боковыхъ родственниковъ, напр. сыновей ея отдѣленнаго брата не могутъ считаться справедливыми.

Стройная, дисциплинированная семья, которая рисуется предъ нашими глазами на основаніи знакомства съ обычнымъ правомъ, представляетъ собою идеалъ. Дѣйствительность— фактическія отношенія между членами семьи — лежитъ въ серединѣ между этимъ идеаломъ и тѣми явленіями жизни, въ которыхъ заключается его полнѣйшее отрицаніе— проступками, подлежащими суду общества. „Книги явокъ и жалобъ“, „книги рѣшеній волостныхъ судовъ“ заключаютъ въ себѣ богатый матеріалъ для сужденія о томъ, въ какой степени идеалъ осуществляется въ жизни, какія стороны въ природѣ Пермяка препятствуютъ полному его осуществленію. Мы будемъ рисовать оборотную сторону медали, набрасывая сначала мелкія черты. Вотъ 17-лѣтній сынъ убиваетъ въ раздраженіи на отца его корову. Вотъ другой наноситъ отцу побои рычагомъ и переламываетъ ему руку, третій бьетъ отца на полѣ стягомъ, четвертый въ пьяномъ видѣ вытаскиваетъ отца изъ избы и сбрасываетъ съ крыльца. Дальше отецъ заявляетъ волостному правленію, что сынъ хочетъ лишить его жизни. Въ другомъ мѣстѣ сынъ грозитъ убить отца и потомъ покончить съ собой. Эти угрозы не пустыя слова. Мы встрѣчаемъ въ одной книгѣ заявленіе отца, что сынъ гонялся за нимъ съ топоромъ, въ другой, что сынъ убилъ отца. Положеніе матери также не всегда совпадаетъ съ идеаломъ. Сынъ не всегда стѣсняется опозорить мать предъ обществомъ доносомъ, что мать въ его домѣ пьянствуетъ и непотребствуетъ съ разными людьми. Подобно отцамъ, матери выносятъ отъ дѣтей и побои, хотя рѣже.

Не лучше выглядят и отношенія родителей къ дѣтямъ. Одинъ отецъ, поссорившись съ сыномъ, не пускаетъ его мыться въ банѣ, которую самъ строилъ, и уноситъ изъ нея печь-каменку, другой при выдѣлѣ сына не даетъ ему полного пая, третій выдѣляетъ себѣ лучшую долю изъ земли. Отецъ, побитый сыномъ, требуетъ отъ него судомъ вознагражденія въ видѣ куска пахатной земли ($\frac{1}{4}$ переѣзда). Здѣсь сынъ заявляетъ суду, что отецъ грозитъ лишить его жизни и даже покушался на это, тамъ женщина является въ волостное правленіе и заявляетъ, что ея мужа отецъ забилъ, кажется, до смерти. Споры изъ за земли между родителями и дѣтьми кончаются иногда такъ-же трагически, какъ и домашнія распри. Мы нашли въ одной книгѣ явоеъ заявленіе, что отецъ изъ-за пашни зарубилъ сына топоромъ.

Отношенія между братьями представляютъ такія-же рѣзкія уклоненія отъ идеала братской любви. Книги, изъ которыхъ мы черпаемъ свои данныя, представляютъ по этой части обильный матеріалъ. Вотъ братья, которые жестоко подрались изъ-за бастрига, который стоитъ одну копѣйку. Вотъ братаникъ грозитъ выпустить кишки другому изъ-за амбара, который тотъ получилъ при раздѣлѣ. Дальше мы видимъ брата, который грозитъ убить другаго, если тотъ поѣдетъ въ устроенныя имъ ворота. Угрозы убійствомъ составляютъ обычный исходъ братскихъ ссоръ. Одинъ грозитъ убить самаго брата, другой присоединяетъ жену, третій похваляется, что изуродуетъ или убьетъ братова сына.

И здѣсь угрозы бросаются не на вѣтеръ. Книги явоеъ заключаютъ заявленія, что въ одномъ мѣстѣ братъ гонялся за братомъ съ топоромъ, въ другомъ мѣстѣ братъ съ своимъ сыномъ нападаютъ въ полѣ на другаго брата и бьютъ его—одинъ рычагомъ, другой обухомъ топора. Имущество такъ-же мало гарантировано, какъ и личность: одинъ жалуется, что у него братъ свезъ со двора на свое поле навозъ, другой—что братъ у него отнялъ покось или гуменникъ, сестра жалуется, что братъ захватилъ ея имущество и выгналъ изъ дома.

Для того, чтобы подобные факты получили все то научное значение, которое они могут имѣть, нужны статистическія операціи—нужно выразить въ цифрахъ отношеніе между зарегистрированными и нерегистрированными фактами этой категоріи, отношеніе общей суммы ихъ къ числу семей или дворовъ, сравнить %, который при этомъ получится, съ % аналогичныхъ фактовъ у другихъ родственныхъ и сосѣднихъ народностей. Изъ ряда этихъ статистическихъ операцій получится то, что нужно этнографу—черта, отличающая Пермьяковъ отъ другихъ народностей въ этомъ специальномъ отношеніи.

Пока наши факты представляютъ во первыхъ коррективъ для тѣхъ выводовъ, которые можно сдѣлать изъ требованій обычая, во вторыхъ указываютъ на ту силу, которая разрушаетъ крѣпость пермяцкой семьи. — Эта сила рѣзко прорывающійся — особенно въ сферѣ экономическихъ отношеній—индивидуализмъ.

Отмѣтить область, въ которой у Пермьяка проявляется индивидуализмъ, существенно важно, такъ какъ въ вопросахъ, касающихся личности, Пермьякъ живетъ еще идеями и чувствами родового быта. Въ высокой степени характерный матеріаль въ этомъ отношеніи представляютъ угрозы местию и самые акты мести, занесенныя въ источники, которыми мы пользуемся. Обиженный Пермьякъ мститъ не своему обидчику исключительно, а лицамъ, связаннымъ съ нимъ узами крови. Въ одной явѣ мы читаемъ, что обиженный пригрозилъ обидчику, что онъ украдетъ у него сына и безъ вѣсти спрячетъ. Другой грозитъ обидчику, что застрѣлитъ или его самого или его сыновей. Третій грозитъ убить или обидчика или его отца. Четвертый похваляется, что убьетъ или самого обидчика или кого-либо изъ его семейства.

Просматривая книги явонъ и жалобъ, книги рѣшеній волостныхъ судовъ, мы можемъ предположить, что имѣемъ дѣло съ людьми, которые не подозреваютъ о существованіи учреждений, призванныхъ ограждать личность и собственность

Вредныя послѣдствія индивидуализма, конечно, сильнѣе, чѣмъ въ естественной семьѣ, должны чувствоваться въ искусственной, которая создается путемъ усыновленія, особенно когда усыновляемый взрослый человѣкъ или имѣетъ самъ семью. Отношенія въ такой семьѣ принимаютъ уже договорный характеръ. Съ усыновленнымъ заключается условіе въ волостномъ правленіи. Усыновляющій обязуется передать пріемышу свое движимое и недвижимое имущество—все, если у него нѣтъ другихъ дѣтей, часть, если есть родной сынъ. Усыновляемый обязуется пропитывать названнаго отца до смерти. На тѣхъ же условіяхъ, какъ и отдѣльныя лица, принимаются у Пермяковъ въ домъ и цѣлыя семьи. Среди разнообразныхъ сдѣловъ и договоровъ, которые намъ приходилось просматривать, мы нашли одно условіе въ этомъ отношеніи весьма любопытное. Пермякъ, не имѣя родныхъ дѣтей, принялъ въ домъ другаго съ женой двумя малолѣтками — сыновьями и одной дѣвочкой. Пріемышъ обязывался пропитывать старика съ женой до смерти, а ранѣе еще принятую ими дочь до замужества. Въ условіи заключенномъ съ пріемышемъ старикъ выговариваетъ себѣ право до своей смерти свободно распоряжаться имуществомъ, обязуясь однако не растерять таковое безъ дѣла. Пріемышъ съ своей стороны выговариваетъ себѣ, на случай прекращенія сдѣлки, вознагражденіе за каждый прожитый годъ въ размѣрѣ ста рублей за годъ или половины всего движимаго и недвижимаго имущества усыновителя, не считая того, что принесъ съ собою усыновленный (скота). Нарушеніе условія влечетъ для стороны, которая является въ этомъ виновной, денежную отвѣтственность. Если пріемышъ уйдетъ отъ усыновителя, этотъ послѣдній взыскиваетъ съ него денежное вознагражденіе.

Кромѣ родовыхъ связей Пермяковъ объединяетъ во многихъ случаяхъ сотрудничество. Въ исключительныхъ случаяхъ оно пріобрѣтаетъ постоянный характеръ на почвѣ земледѣлія. Одинъ Пермякъ отдаетъ напр. другому свой душевный надѣлъ и поселяется въ его домѣ. Чаше оно имѣетъ мѣсто

въ промыслахъ и въ сооруженіи хозяйственныхъ построекъ. Самый распространенной формой союза, основаннаго на общности труда и капитала, является у Пермяковъ мельничныя компаніи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мельницы строятся трудами и на средства цѣлой деревни и каждый домохозяинъ, когда ему нужно, приходитъ на мельницу и мелеть самъ свой хлѣбъ (чаще это дѣлаютъ женщины). По большей части мельницы находятся во владѣннн товариществъ иногда очень крупныхъ—человѣкъ въ 40. Доходъ отъ такой мельницы дѣлится по „суткамъ“. вмѣсто того, чтобы черезъ извѣстный періодъ производить дѣлежъ всего вырученнаго дохода, пайщики по очереди пользуются въ теченіе сутокъ доходомъ, который даетъ мельница. Участіе въ товариществѣ прекращается, какъ только пайщикъ пересталъ участвовать въ ремонтѣ мельницы и въ платѣ повинностей. На мѣсто выбывшаго пайщика приглашается другой или его „сутки“ отдаются въ кортому. Товарищество принимаетъ въ свою среду и такихъ лицъ, которыя не участвовали въ сооруженіи мельницы, если такое лице вноситъ за уступаема ему „сутки“ опредѣленную сумму денегъ. По смерти пайщика, участвовавшаго въ устройствѣ мельницы, паемъ можетъ пользоваться его вдова до новаго замужества. Вступая въ новый бракъ, вдова пайщика не можетъ уже безъ согласія другихъ пайщиковъ передать свой пай новому мужу. О лишеніи пая заявляется волостному правленію.

Кромѣ сравнительно крупныхъ мельничныхъ товариществъ въ жизни Пермяковъ имѣютъ мѣсто товарищества болѣе мелкія. Таковы напр. товарищества, возникающія при постройкѣ бань, овиновъ, при покупкѣ пилы у пильщиковъ. Самымъ распространеннымъ видомъ сотрудничества являются помочи. Пермяки охотно устраиваютъ ихъ, когда приходится рубить лѣсъ для постройки дома, влать срубы, жать хлѣбъ, расчищать новины подъ пашни и покосы, и распахивать ихъ, вывозить навозъ ¹⁾.

¹⁾ Роговъ. I. с. 85.

Просматривая книги явокъ и жалобъ, книги рѣшеній волостныхъ судовъ, мы можемъ предположить, что имѣемъ дѣло съ людьми, которые не подозрѣваютъ о существованіи учрежденій, призванныхъ ограждать личность и собственность обывателя. Пермязь самъ является въ своихъ дѣлахъ и судьей и исполнителемъ. Въ ссорѣ онъ пускаетъ въ дѣло стягъ, ножъ или топоръ, не задумываясь надъ послѣдствіями, которыя можетъ имѣть его поступокъ. Пермязь не знаетъ жалости, ни колебаній, когда уязвлено его чувство и въ особенности когда затронуты его интересы. Стоитъ завидѣть ему на своемъ огородѣ, скверно защищенномъ покосѣ или на полосѣ чужую скотину и онъ весь проникается желаніемъ нанести и этой скотинѣ и ея хозяину возможно большій вредъ. Онъ хватается первое, что попадаетъ ему подъ руку — стягъ, оглоблю, топоръ — и бросается на забредшую скотину. Свиньи чаще всего зарубаются на смерть, коровы и лошади засѣкаются и получаютъ такія увѣчья, которыя дѣлаютъ ихъ негодными на службу человѣку. Одинъ разсѣкаетъ у лошади бокъ топоромъ, другой наноситъ лошади, забравшейся на скверно огороженное озимое поле, 18 ударовъ стягомъ и переламываетъ ей ногу, третій разрубаетъ попавшей въ изгородь лошади голову. Если хозяинъ забредшей скотины прибѣжитъ выручить ее отъ вѣрной гибели, животные остаются въ сторонѣ и тѣже орудія обращаются на человѣка. Завязывается тяжелая ссора. Сосѣди бьютъ другъ друга стягами, обухами топора („замѣтимъ мимоходомъ—это тоже распространенный способъ драки; у Пермязковъ даже „воевать“ обозначается словомъ „бить обухомъ“). Если дѣло дошло до стяговъ, а Пермязь довольно часто прибѣгаетъ къ нимъ, ссора легко можетъ кончиться убійствомъ. Пермязь пользуется стягомъ такъ, что только счастливецъ можетъ избѣжать ранъ или увѣчья. Онъ бьетъ по головѣ и, конечно, не будетъ удивляться, если раздробить ее. Эта тяжелая манера драться, кажется, можетъ быть названа типическою для Пермязковъ. Стягомъ въ голову бьетъ въ ссорѣ и женщина женщину. По головѣ же маленькими

батожками дерутся и дѣти, которые въ своихъ забавахъ и ссорахъ являются точной копией взрослыхъ. Въ с. Верхъ-Иньвѣ намъ пришлось наблюдать слѣдующую уличную сцену. Дѣти шли играть маленькой кучею, которая состояла большею частію изъ дѣвочекъ. Игравшіе быстро поссорились и тотчасъ-же пошли въ ходъ палочки бывшія у нихъ въ рукахъ. Одна изъ дѣвочекъ нанесла другой пермяцкій ударъ въ голову, другая схватилась за камень. Только окончилась эта ссора, началась другая. Игравшіе, повидимому, порѣшили выгнать изъ своей среды дѣвочку лѣтъ 5—6 съ маленькимъ мальчуганомъ лѣтъ 2—3. Ударъ палочкой въ голову началъ ссору. Дѣвочка начала отступать, прикрывая братишку отъ летѣвшихъ щепокъ и палокъ отъ времени до времени она медленно возвращалась съ палкой въ рукѣ, подходила совсѣмъ близко къ кучкѣ и на вѣрномъ разстояніи бросала палку въ голову обидчику; за тѣмъ она отступала также медленно, отбрасываясь палками, которыхъ у нея въ рукахъ образовалась цѣлая куча.

О результатахъ и характерѣ пермяцкой ссоры можетъ дать понятіе слѣдующій случай. Къ дому Пермяка подошли со стягами однодеревенцы и начали бить вышедшаго хозяина. Жена съ полугодовымъ ребенкомъ вышла разнимать. Одинъ изъ пришедшихъ замахнулся на нее стягомъ и разсѣкъ на двѣ части голову ребенка.

Убийство совершенное въ дракѣ для Пермяка естественное явленіе. Даже христіанство съ своимъ ученіемъ объ отвѣтственности въ загробной жизни не измѣнило его возрѣній на душегубство. Пермякъ не считаетъ грѣхомъ убить человѣка въ дракѣ или за дѣло, т. е. за нарушеніе чьего-либо интереса ¹⁾).

За полученную обиду онъ грозитъ смертью обидчику или его роднымъ („брюхо распорю“, „кишки выпущу“, „попадешься одинъ на одинъ, живъ не будешь“, „долго ли ты про-

¹⁾ Добротв. I. с. IV, 576

живешь“), чаще обѣщаетъ загубить какую нибудь скотину обидчика и дѣйствительно губить; рѣже всего встрѣчаются угрозы поджегомъ. Среди явоекъ и жалобъ, которыя намъ приходилось просматривать, особенно часты явки о загубленной изъ мести скотинѣ. Въ явкахъ до свѣдѣнія волостныхъ правленій доводится о заколотой на полѣ коровѣ, о лошадахъ, пораненныхъ на подножномъ корму топоромъ. Пермязъ изобрѣтателенъ на способы удовлетворенія своего мстительнаго чувства и бываетъ по временамъ виртуозно жестокъ. Вотъ два сосѣда покончили тяжбу изъ-за земли. Проигравшій ловить въ полѣ лошадь своего счастливо противника, заматываетъ ей шею вицей (прутомъ) и пытается такимъ образомъ задушить. Въ другой явкѣ мы читаемъ, что лошадь пострадавшаго загнали въ узкій заулочъ, заперли съ двухъ сторонъ и прокололи ей острымъ коломъ грудь между лопатками. Дальше въ явкахъ фигурируютъ лошадь заколотая на смерть коломъ, корова заманенная въ болото и тамъ убитая, овца, у которой сначала топоромъ посѣчены заднія ноги и потомъ обухомъ раздроблена лопатка. Рядомъ съ убитыми (застрѣленными, заколотыми) животными въ качествѣ жертвъ пермяцкой мести являются отравленные или окормленные коровы и овцы.

Видами мести у Пермязковъ являются кромѣ вышеуказанныхъ покража скота, уничтоженіе и порча (изрубленные изгороди) имущества, потрава полей. Покража лошадей въ угрозахъ фигурируетъ, какъ аеть равнозначашій съ ихъ убійствомъ.

Припоминая факты, въ которыхъ сказывается мстительное чувство Пермязка, мы въ правѣ ожидать, что привлекая противника къ суду Пермязъ проявитъ ту-же неумолимость въ отношеніи требуемаго за обиду вознагражденія. Дѣйствительность не оправдываетъ этихъ ожиданій. Пермязъ дешево цѣнитъ свои страданія, если уже не успѣлъ воздать око за око. Приведемъ для примѣра нѣсколько образчиковъ современной пермяцкой виры. Два брата, бившіе своего однопле-

ревенца стягами, уплачиваютъ ему одинъ пять пудовъ ржи, другой—три. Крестьянинъ, избившій жену другаго, предлагаетъ мужу 50 к. За ударъ, нанесенный стягомъ по головѣ, 1 р., за побои палкой—2 р., за два выбитыхъ палкой зуба—6 р., за ударъ, нанесенный женщиной женщиной ведромъ, 25 к. Несоответствіе денежнаго вознагражденія съ тѣмъ удовлетвореніемъ, которое доставляетъ себѣ Пермскъ местию, громадно. Мы не беремса рѣшить, чѣмъ оно объясняется, въ какой степени сильно здѣсь вліяніе экономическихъ условий, высокой цѣнности денегъ. Для рѣшенія этого вопроса нужно особое морально-статистическое изслѣдованіе.

Обозрѣвая всю область общественно-бытоваго творчества, мы намѣтимъ прежде всего его основное направленіе. Согласно природѣ фактовъ творческая дѣятельность должна сказаться здѣсь въ созданіи нормъ, которыя регулировали-бы инстинкты, первыя побужденія человѣка. Мы видѣли, какъ выразилась эта дѣятельность въ области инстинкта продолженія рода. Пермскъ предоставленный самому себѣ до сихъ поръ остается подъ дѣйствіемъ перваго побужденія инстинкта. Инстинктъ опредѣляетъ выборъ и продолжительность половой связи: ни ограниченій узами родства, ни ограниченій возрастомъ, ни опредѣленія времени онъ не признаетъ.

Бракъ самъ по себѣ не вездѣ еще предоставляетъ мужчине исключительныя права на обладаніе женщиной: въ Глазовскомъ уѣздѣ на извѣстныхъ по своему значенію сборищахъ молодежи участвуютъ и молодыя женщины. Можно думать, что онъ предоставляетъ мужу право на трудъ, но не на личность жены.

Отношенія между родителями и дѣтьми въ основѣ своей имѣютъ физическое преобладаніе родителей. Когда этотъ факторъ прекращаетъ свое дѣйствіе, мы видимъ случаи прекращенія родительскаго авторитета: авторитетъ нравственный, покоящійся на установившихся понятіяхъ, обезпеченный общественной поддержкой, только заражается и одно сравнитель-

ное изслѣдованіе въ состояніи установить, насколько самостоятельно.

Наиболѣе отчетливо выступающей нормой является у Пермьяковъ трудовое начало: мы видимъ его одинаково дѣйствующимъ въ семьѣ и сотрудничествѣ; оно одно налагаетъ узду на инстинкты сильнаго и владеть границы его притязаніямъ.

Въ сферѣ тѣхъ общественныхъ явленій, которыя вызываются столкновениемъ интересовъ, мы видимъ Пермьяка подъ дѣйствіемъ перваго побужденія аффекта: почувствовавши личную обиду или ущербъ своимъ интересамъ, онъ стремится немедленно и лично нанести ущербъ или причинить боль обидчику. Сдерживающихъ эти аффекты факторовъ у Пермьяка мы не замѣчаемъ: Пермьякъ не ждетъ суда, не признаетъ нужнымъ соразмѣрить ущербъ, нанесенный ему, съ вредомъ, который въ видѣ мести онъ наноситъ другому, предоставляя мѣру вознагражденія третьему. Нормы, опредѣляющія поведеніе его въ этой сферѣ, наложены извнѣ и онъ не усвоилъ еще ихъ сознательно. Всѣ эти явленія имѣютъ общую черту—близость къ первому побужденію и эта черта объединяетъ творчество общественно бытовое съ творчествомъ въ области внѣшняго быта, гдѣ мы констатировали уже зависимость отъ формъ, данныхъ природой.

Глава V.

Духовное творчество Пермяковъ.

Языкѣ. — Первымъ продуктомъ духовнаго творчества Пермяка является языкѣ. Обозначивши извѣстную группу предметовъ однимъ или нѣсколькими отдѣльными именами, онъ сдѣлалъ первую попытку разобратъся въ окружающихъ вещахъ и классифицировать ихъ. Въ глагольныхъ корняхъ Пермяцкаго языка заключаются представленія Пермяка объ отношеніи между вещами, между окружающей природой и имъ самимъ и наконецъ о происхожденіи вещей—то, что у другихъ народовъ въ развитой формѣ является натур - философійей. Изучая съ этой точки зрѣнія пермяцкій языкѣ, значеніе пермяцкихъ словъ, мы приобретаемъ представленія объ особенностяхъ пермяцкаго ума или, можетъ быть, точнѣе—особенностяхъ человѣческаго ума въ тотъ моментъ развитія, на которомъ находятся Пермяки. Какъ ни скудны въ общемъ тѣ свѣдѣнія, которыми располагаетъ наука относительно финскаго міра, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она поднялась уже подѣ уровнемъ пестрой массы единичныхъ фактовъ, установила крупныя группы, въ которыя они укладываются въ настоящее время, и отношеніе этихъ группъ къ тому единому цѣлому, которое дало имъ начало. Область этихъ единственныхъ захватывающихъ весь финскій міръ обобщеній представляетъ собою языкѣ. Идя вслѣдъ за лингвистами, которые установили звуковыя отношенія между различными финскими нарѣчійями, пользуясь уже обработаннымъ ими матеріаломъ,

этнографъ имѣетъ возможность въ свою очередь дѣлать извѣстныя обобщенія на счетъ философской стороны языка, тѣхъ особенностей, которыми въ области повиманія себя и окружающаго міра обнаруживаетъ объединенная на основаніи чисто филологическихъ данныхъ группа. Здѣсь больше, чѣмъ гдѣ либо, этнографъ имѣетъ право предполагать у данной народности существованіе явленій, которыя констатированы у ближайшихъ родичей.

Въ очеркѣ „Вотяки“ мы ознакомились съ нѣкоторыми особенностями вотяцкаго творчества въ области языка и тѣмъ уровнемъ развитія мысли, который породилъ эти особенности. Мы видѣли, что Вотякъ проявляетъ слабое развитіе обобщающей способности: такія слова, какъ дитя, братья, слова въ которыхъ являются объединенными одними существенными свойствами объекты, отличающіеся въ одномъ случаѣ поломъ, въ другомъ возрастомъ, замѣняются у Вотяковъ сложными, описательными: дитя—пиналъ (сынъ - дочь), братья—агайовыно (старшій - младшій). Другой пробѣлъ въ языкѣ Вотяковъ составляютъ слова отвлеченнаго характера, напр. выражающія состояніе. Затѣмъ изучая значеніе отдѣльныхъ словъ мы отмѣтили, что Вотякъ по случайному признаку—сходству формы напр.—обозначаетъ общимъ терминомъ различныя явленія: ошмесъ = глазъ и родниезъ, собственно отверстіе, изъ котораго бьетъ вода. Въ виду того, что Вотяки являются ближайшими родичами Пермьяковъ по языку, мы имѣемъ право ожидать, что встрѣтимъ такія-же явленія и въ пермяцкомъ словарѣ. Изученіе пермяцкаго языка со стороны значеній вполне подтверждаетъ это предположеніе. Черты, намѣченныя у Вотяковъ, даже съ большей рельефностью выступаютъ въ пермяцкомъ языкѣ. Стремленіе къ сложнымъ словамъ для обозначенія понятій, являющихся на почвѣ нѣкотораго обобщенія, выражается въ цѣломъ рядѣ словъ: родители — ай-мамъ (отецъ - мать), сутки—ой-вунъ (ночь - день), одежда—пасј - комъ (шуба - сапоги), обувь—кѡмъ-кѡтъ, охотиться—кыйны-кыйны (стрѣлать-ловить) и т. д.

Рядомъ съ такими словами мы видимъ слова, которыми объединены рѣзко обособленныя вещи: пым = потъ, кипятокъ; тѳвъ = вѣтеръ, зима; тусј = крупа, зерно, ягоды; гѳнъ = шерсть, пухъ, мелкія перья. Къ категоріи такихъ словъ относятся слова, означающія цвѣта: веж = зеленый, желтый, лѳз = синій и какой-то цвѣтъ (масть) лошадиной шерсти мы встрѣчаемъ въ дѣлахъ названіе лошади синекъ, синьво, но не могли узнать, какую масть тутъ слѣдуетъ разумѣть. Было бы любопытно изслѣдовать эти факты съ точки зрѣнія чутья Пермьяками цвѣтовъ (Farbensinn). Типическимъ для Пермскаго языка сравнительно съ Вотяцкимъ является стремленіемъ обозначать одно дѣйствіе различными терминами по различію предметовъ на которыя оно направляется: мы имѣемъ напр. лемавны—собирать ягоды черемухи (лемъ—черемуха), ошавны—охотиться на медвѣда (ошъ—медвѣдъ), кѳчјавны—зайцевъ ловить, бить (кѳчј—заяць).

П р и м ѣ т ы.—Примѣты являются тѣмъ видомъ творчества, въ которомъ сказываются представленія народа объ отношеніяхъ, связи между явленіями. Говоря о вотяцкихъ примѣтахъ, мы имѣли случай замѣтить, что въ нихъ связаны причинной связью явленія, не имѣющія ничего общаго, кромѣ отношеній простой послѣдовательности. То же можно сказать и о Пермскихъ примѣтахъ.

Приводимъ нѣсколько образчиковъ этихъ примѣтъ.

Хорошій топоръ продавать не слѣдуетъ; купишь новый, ломаться будетъ, да пожалуй онъ и коровъ со двора выведетъ.

Одежду ношеную тоже продавать не слѣдуетъ, другая будетъ скоро драться.

Волосы встаютъ дыбомъ къ смерти.

Если весной дѣти играя собираютъ галю, хлѣбъ родится;—шишки, не родится.

Зимой курицы роются въ шестѣ къ пургѣ.

Если зимой у горящей лучины уголь долго держится и изъ трещины идетъ дымъ, будетъ снѣгъ и мятель; если отскакиваетъ, будетъ морозъ.

Если рыба не попадаетъ, будетъ гроза.

Если ястреба неподвижно держатся въ небѣ, будетъ дождь.

Если весной первый громъ загремитъ въ скоромный (молочный) день, будетъ много молока; — въ постный, рыбы.

Если при таяніи снѣга весной у желобовъ образуются длинныя сосульки, будетъ длинный лень.

Если весной много цвѣта на вербѣ, будетъ много овса, на березѣ—ржи, на ели—льна ¹⁾.

Погребальныя обряды и культъ умершихъ (представленія о жизни и смерти, о душѣ).—Общіе термины, сохранившіеся въ языкѣ Пермьковъ и Вотьяковъ для обозначенія важнѣйшихъ явленій, связанныхъ съ смертію и тѣми послѣдствіями, которыми она сопровождается въ жизни родичей (дул потовъ—исходъ духа, висътонъ—поминки, мыжъ—кара, несомая усопшими за непочтеніе), даютъ намъ право и въ этой спеціальной области идей держаться на почвѣ сравнительнаго изслѣдованія. Но прежде, чѣмъ воспользоваться этимъ матеріаломъ, взглянемъ на то, что даетъ намъ современная пермяцкая жизнь. Познакомимся прежде всего съ пермяцкимъ кладбищемъ.

Для того, чтобы составить себѣ представленіе о томъ, каково было въ недавнее время христіанско-пермяцкое кладбище въ Соликамскомъ уѣздѣ, взглянемъ на „могильникъ“ села Ошиба. Зброшенный въ лѣсную глушь, недавно лишь пріобрѣтшій собственную церковь и приходъ, чисто-пермяцкій по своему населенію, Ошибъ больше, чѣмъ любой старый „погостъ“ Соликамскаго уѣзда, сохранилъ въ своей жизни пермяцкой старины.

Здѣсь можно наблюдать такія особенности погребальнаго обряда, о которыхъ только со словъ узнаешь въ другихъ мѣстахъ. Свообразную картину представляетъ собою этотъ могильникъ. Первое, что бросается въ глаза на легкомъ скло-

¹⁾ Другія примѣты см. у Попова «Инв. дача».

нѣ занятой имъ площади — это обиліе саней оставленныхъ въ разныхъ положеніяхъ. Одни опрокинуты вверхъ полозьями прямо надъ могилой, другія лежатъ околѣ на боку, третьи также возлѣ могилы, но въ обычномъ при ѣздѣ положеніи; цѣлая группа стоитъ около часовни, въ которую привозятъ покойниковъ. Хорошія сани Пермязъ теперъ уже оставляютъ не на могилѣ, а по дорогѣ къ дому и черезъ шесть недѣль забираютъ ихъ. Вступая въ предѣлы самаго могильника, мы замѣчаемъ, что сани далеко не всегда остаются въ цѣломъ видѣ на могилѣ усопшаго: между могилами и въ ложбинкахъ кладбища встрѣчаются отдѣльныя полозья и вязы. Полозья служатъ для нѣкоторыхъ могилъ вмѣсто креста, вставляются въ могилу и поднимаются подъ ней своей загнутой частью. Тоже назначеніе выполняютъ на другихъ могилахъ оглобли. Своеобразное употребленіе оглобель и полозьевъ краснорѣчиво говоритъ о томъ, сколько христіанскаго имѣется въ погребальномъ обрядѣ предоставленнаго себѣ Пермязъ. Пермязъ смотритъ на крестъ, какъ на примѣту, по которой онъ можетъ отличить могилу близкаго ему чловѣка отъ чужой. Чтобы отличить эту могилу, онъ не прочь воспользоваться полозомъ и оглоблей.

Кто не хочетъ ломать сани, втыкаетъ въ могилу въ головы лопату, колы, столбъ съ грубо вырубленной шейкой и закругленной верхней частью, или роетъ могилу такъ, чтобы она пришлась къ пню срубленнаго дерева. Кресты, которые мы встрѣчаемъ на Ошибскомъ кладбищѣ по своей формѣ очень далеко они тѣхъ, которые можно встрѣтить на кладбищахъ нашихъ иноподцевъ. И тутъ Пермязъ старается воспользоваться матеріаломъ, который представляетъ сани: въ дыру одного изъ брусковъ продѣвается кусокъ дерева и получается крестъ. Въ лучшемъ случаѣ крестъ сдѣланъ изъ двухъ палокъ и чуть-чуть поднимается надъ могилой. Всмотриваясь ближе въ обстановку пермязцаго кладбища, мы замѣчаемъ тамъ и самыя валяющіеся обрывки или обрѣзки тканей — холста, пестряди. Одни лежатъ прямо на землѣ, дру-

гіе, повидимому, были обернуты оволо могильныхъ крестовъ и сползли съ нихъ.

Таже картина, но съ новыми деталями, представится намъ, если мы взглянемъ на „могильникъ“ села Кочева Чердынскаго уѣзда. Могильникъ примыкаетъ къ колочку еловаго лѣса и возвышается надъ селомъ, которое расположено по склону къ рѣкѣ Сеполу. На этомъ могильникѣ рядомъ съ знакомыми предметами мы встрѣчаемъ и нѣчто новое. Кромѣ саней, брошенныхъ тамъ и сямъ, почти около всѣхъ могилъ можно найти легкій деревянный срубъ, чаще клѣтку въ одинъ рядъ; въ этотъ срубъ закладывается вырытая изъ могилы земля. На могильной насыпи въ ногахъ стоитъ грубый глиняный горшокъ—иногда съ небольшимъ количествомъ углей. Иногда такіе горшки опрокинуты надъ могильной насыпью и вдавлены въ нее, иногда они просто валяются около могилы. Тутъ-же разбросаны орудія, которыми были выкопаны могилы — лопаты и деревянные кирки, на которыя насаживается ральникъ. вмѣсто горшковъ около иныхъ могилъ встрѣчаются сломанше, продыравленные желѣзные ковши и уполовники. Направление могилы во всемъ пермяцкомъ краѣ одинаково—съ Э. на В.

Въ настоящее время умершіе съ цѣлаго прихода хоронятся на общемъ приходскомъ могильникѣ. Въ былое время каждая болѣе или менѣе отдаленная или крупная деревня имѣла свой особый могильникъ. Такіе могильники легко можно издали узнать въ Чердынскомъ уѣздѣ: они выглядятъ лѣсистыми островками среди окружающихъ полей. О существованіи такихъ особыхъ могильниковъ по деревнямъ Соликамскаго уѣзда мы знаемъ изъ земельныхъ статистическихъ книгъ волостныхъ правленій и изъ рассказовъ Пермьковъ. Старики хоронили, говорили намъ, оволо деревень на веселыхъ, то есть возвышенныхъ съ обширнымъ горизонтомъ мѣстахъ. Оволо деревень хоронили и некрещеныхъ. Сохранились такія старыя отдѣльныя кладбища и въ Глазовскомъ уѣздѣ. Здѣсь замѣчается въ ихъ положеніи особенность, объединяющая

старыхъ Пермьяковъ и Вотяковъ: могильники располагаются не только на возвышенностяхъ, но и по берегамъ рѣкъ. Г. Шатровъ сообщаетъ намъ, что въ старину, когда Зюздинскій край не былъ раздѣленъ на приходы, покойниковъ хоронили здѣсь и отдѣльно — въ лѣсу или въ полѣ, поодаль отъ жилья.

Обзоръ пермяцкаго кладбища оставляетъ открытымъ пѣлый рядъ вопросовъ, касающихся погребенія—таковы вопросы о глубинѣ могилы, способѣ погребенія тѣла и обстановкѣ, которой окружается усопшій; еще менѣе онъ въ состояніи дать намъ матеріаль для исторіи погребальнаго обряда, а она въ богатомъ чудскими могилами пермяцкомъ краѣ существенно важна. Для рѣшенія этихъ вопросовъ намъ придется прибѣгнуть къ языку, повѣрьямъ, рассказамъ и наконецъ къ аналогіи съ явленіями изъ жизни ближайшихъ родичей нашей народности.

Языкъ свидѣтельствуетъ, что Пермьяки издавна „прятали“ (хоронить—дзевавны || прятать) трупы своихъ усопшихъ. Первоначально мѣстомъ, гдѣ прятался покойникъ, служили естественныя углубленія въ землѣ—ямы. Можетъ быть самоѣ ранней формой погребенія было просто оставленіе умершаго въ томъ чумѣ, который ему принадлежалъ. Намеѣ на это какъ будто заключается въ ходячихъ въ Чердынскомъ уѣздѣ разсказахъ, что въ большихъ волокахъ встрѣчаются одинокія избушки съ лежащими въ нихъ покойниками, которые хранятъ съ собой большія сокровища. Позднѣе мѣсто естественныхъ ямъ заступили искусственныя могилы. Могилы рылись очень неглубоко—на $\frac{3}{4}$ аршина—1 аршинъ. О такихъ мелкихъ могилахъ помнятъ до сихъ поръ Пермьяки Зюздинскаго края. Раскольники-Пермьяки роютъ такія могилы здѣсь и до сихъ поръ ¹⁾.

Зюздинскіе Пермьяки сохраняютъ до сихъ поръ воспоминаніе о томъ, какъ въ старину полагались въ могилу усоп-

¹⁾ Сообщено А. П. Шатровымъ.

ше. Трупъ обвертывался берестой и опускался въ такомъ видѣ въ яму безъ всякаго гроба ¹⁾). Дѣтей здѣсь по словамъ г. Шатрова хоронятъ такимъ образомъ нѣкоторые и теперь. Въ настоящее время этотъ обычай по отношенію къ взрослымъ уже вышелъ изъ употребленія. Одни погребаютъ умершихъ въ колодахъ (раскольники; мугортъ = земляной домъ), другіе въ досчатыхъ гробахъ, сшитыхъ лыбами. Послѣдній способъ распространенъ въ Соликамскомъ и Чердынскомъ уѣздахъ; сверху гробъ прикрывается здѣсь еще берестой. Въ Инвенской дачѣ лѣтъ 30 тому назадъ нѣкоторые Пермьяки сами заготовляли себѣ гроба. Въ гробѣ или безъ него покойникъ кладется въ настоящее время въ направленіи съ З. на В. Но было время, когда Пермьякъ клалъ своихъ усопшихъ въ направленіи съ С. на Ю. Мы предполагаемъ это прежде всего на основаніи аналогіи съ обычаями, которые въ этомъ отношеніи имѣютъ мѣсто у Финновъ нашего края. У Вотяковъ-язычниковъ, какъ и у язычниковъ-Черемисъ рядомъ съ усвоеннымъ у мусульманскихъ сосѣдей обычаемъ класть покойника въ направленіи съ З. на В. существуетъ свой собственный обычай—класть трупъ въ направленіи съ С. на Ю. ²⁾). Кромѣ аналогіи мы имѣемъ указаніе на господство этого обычая у предковъ современныхъ Пермьяковъ въ одной пермяцкой примѣтѣ. Пермьяки Инвенской дачи наблюдаютъ весной передъ выгономъ скотины на поля, какъ лежитъ она на дворѣ: если животное лежитъ головой на С., хозяинъ воображаетъ, что лѣтомъ она умретъ ³⁾). На счетъ объясненія этой примѣты не можетъ быть затрудненій: воображенія на счетъ грозящей животному смерти основаны, конечно, на томъ, что оно лежитъ въ томъ положеніи, въ которомъ кладется мертвецъ. Примѣта возникла въ пору, когда

¹⁾ Сообщено А. Н. Шатровымъ.

²⁾ См. наши «Черемисы», 159 и «Вотяки».

³⁾ Поповъ. «Инв. дача».

Пермяки клали усопшихъ головой на С., и пережила этотъ обычай. Констатировать намеки на существованіе разсматриваемаго обычая у древнихъ Пермяковъ существенно важно въ виду того, что мы приобретаемъ благодаря этому новую связь, объединяющую Пермяковъ и Чудь: чудскія могилы на всемъ пространствѣ занятаго Пермцаго края имѣютъ, какъ и древнія Вотяцкія, направленіе съ С. на Ю. и востяки обращены головой на С. ¹⁾). Изъ обстановки погребенія мы имѣемъ уже возможность вывести кое-какія данныя на счетъ Пермцакихъ представленій объ усопшемъ и смерти.

Пермякъ снабжается пищей и одеждой, получаетъ для чего-то палку и деньги. Около его могилы остается все, съ чѣмъ онъ имѣлъ то или другое соприкосновеніе въ послѣдніе моменты своего земнаго бытія. Очевидно, онъ и въ могилѣ сохраняетъ кое-какія потребности живаго существа.

Взгляды Пермяковъ на смерть и усопшаго выяснятся предъ нами съ большей отчетливостью, если мы всмотримся въ тѣ обряды, которые имѣютъ мѣсто около умершаго въ домѣ Пермяка и при позднѣйшемъ поминаненіи его.

Въ Зюздинскомъ краѣ, по словамъ г. Шатрова, Пермяки-раскольники, сохранившіе какъ мы уже видѣли, повидимому, въ большей чистотѣ старыя пермяцкіе обычаи, выносятъ умирающаго изъ избы въ сѣни, на дворъ, на улицу. Что значить этотъ обычай, Пермяки не знаютъ; но его можно объяснить, обратившись въ обычаямъ родственныхъ финнскихъ народностей ²⁾).

Большинство Пермяковъ оставляетъ умершаго въ избѣ. Когда онъ испуститъ духъ, семейныхъ зовутъ кого нибудь изъ родственниковъ, живущихъ отдѣльными домами или постороннихъ людей обмытъ покойника и сдѣлать гробъ. Въ Инвенской дачѣ для изготовленія гроба приглашается нечет-

¹⁾ Сообщено А. Н. Шатровымъ. Ср. Перм. Сборникъ. II, 36.

²⁾ Ср. наши «Черемисы», 152.

ное число 3, 5, 7 чел. ¹⁾). Хозяйка принимается тѣмъ временемъ дѣлать пельняни. Лице, призванное обмывать покойника, обращается къ нему съ просьбой не сердиться: „не сердись на меня; я тебя хочу опелоскать“. Съ такими же просьбами обращаются къ усопшему люди, которые дѣлаютъ ему гробъ, когда приступаютъ къ устройству гроба и когда кладутъ усопшаго въ его домовину. Гробъ дѣлается на улицѣ, потомъ вносится въ избу и ставится на полъ около стола. Въ него складываютъ инструменты, которыми его дѣлали. Потомъ покойника и гробъ окуриваютъ верескомъ или ладаномъ, вещи выбираютъ и кладутъ покойника съ запасомъ одежды на перемѣну. Гробъ съ покойникомъ ставится на лавку или скамейку передъ столомъ, въ старину ставился на полу. На другой скамейкѣ, стоящей около стола, въ Зюдинскомъ краѣ усаживаются родные покойнаго и, возмолвившись Богу, обращаются къ усопшему съ приглашеніемъ раздѣлить ихъ трапезу: „приходи въ послѣдній разъ поѣсть съ нами хлѣба—соли ²⁾“. Въ Соликамскомъ уѣздѣ около покойника въ головахъ ставится ярушникъ и чашка съ брагой и покойника приглашаютъ ѣсть — не сердиться: „с'ой, эн выгас!“ — говорятъ усопшему родные. Подъ подушку въ гробъ кладутъ одну перемѣну бѣлья; около покойника кладется палка, въ руку ему дается мелкая монета, чтобы онъ могъ закупить могилу. Дѣлавшіе гробъ получаютъ въ даръ вещи покойнаго черезъ гробъ. Въ старину ставили стеклянку съ водкой, туясопъ съ пивомъ и рыбный пирогъ. Покончивъ эти обряды, Пермьки покойника торопятся отвезти на кладбище, запрягаютъ въ сани гусемъ, пару или тройку лошадей и поспѣевогонять со двора. На гробъ покойника въ голову кладется хлѣбецъ (челпанъ), который на дорогѣ выдаютъ первому встречному. Повидимому это остатокъ какой-то жертвы, но какой, пока трудно сказать. Съ гробомъ на саняхъ помѣ-

¹⁾ Роговъ. Перм. Сборн. II, 122.

²⁾ Сообщено А. Н. Шатровымъ.

щается и береста. Пермякъ издали готовится къ этому путешествію. Онъ прячетъ обрѣзываемыя ногти, чтобы его легче было везти на могильникъ. Въ 40-хъ годахъ, по словамъ Хлопина, провожавшіе садились на гробъ и пѣли дорогой въ честь усопшаго во всю мочь хвалебныя гимны особымъ напѣвомъ ¹⁾. Хоронили безъ священника, который прѣвзжалъ послѣ. Опуская умершаго въ могилу, Пермяки открываютъ крышку гроба, чтобы покойникъ взглянулъ на свѣтъ въ послѣдній разъ ²⁾. Изъ обрядовъ, которые выполняются въ домѣ умершаго, оказывается, что Пермяки, подобно Вотакамъ, предполагаютъ у умершаго тѣ же потребности, что и у живаго: его кормятъ, поятъ, снабжаютъ одеждой.

Эти потребности умершіи сохраняетъ и послѣ погребенія. Родные считаютъ своею обязанностью снабжать его отъ времени до времени пищей. Обыкновенно это дѣлается по субботамъ или воскресеньямъ. Въ настоящее время старыя обычаи утратили уже свои первоначальныя формы. Угощеніе усопшему носятъ въ церковь и потомъ съѣдаютъ дома сами родные.

Орловскіе Пермяки въ продолженіе трехъ дней послѣ смерти ходятъ на могилу усопшаго, носятъ ярушниковъ, панегъ, иногда водку ³⁾. На третій день въ Орловскомъ уѣздѣ зовутъ за поминальный столъ сосѣдей. Передъ началомъ стола зажигаютъ нѣсколько восковыхъ свѣчъ и ставятъ ихъ на окна и по обѣ стороны порога. Потомъ на нѣсколько времени дверь отворяется, гости садятся за столъ и приглашаютъ душу тѣнь (дола) за общую трапезу. Въ передній уголъ кладется шапка или платокъ смотря по тому, мужчина или женщина былъ усопшій. Мѣсто, гдѣ лежитъ шапка, никѣмъ не занимается; противъ него на столѣ ставится особая чашка, которую до верху наполняютъ блинами, вислымъ

¹⁾ Изв. Р. Геогр. Общ. 1849, I, 31.

²⁾ Добр. I. с. IV, 577.

³⁾ Ibid.

молокомъ, ярушниками, водкой. Всякій гость считаетъ своею обязанностью положить въ чашку покойнаго часть каждаго кушанья, которое подается на столъ, говоря при этомъ: „ѣшь, сватушка“ или „пей брательникъ“. Послѣ обѣда блюдо это выносятъ въ огородъ и ставятъ тамъ въ крапиву, въ какой нибудь укромный уголокъ, чтобы собаки не съѣли. Черезъ три дня смотрять, осталось - ли что въ чашкѣ или нѣтъ. Если вороны не успѣли растаскать всего и въ чашкѣ что нибудь осталось, — значить ѣсть не хочетъ, сердится“¹⁾).

Въ Соликамскомъ уѣздѣ угощеніе покойника происходило у богатыхъ ежедневно въ теченіе шести дней.

Въ 9-й день за покрытый яствами столъ садятся родные умершаго и сидятъ нѣсколько минутъ безмолвно. Въ это время, предполагается, душа принимаетъ предложенныя ей яства. Потомъ кушанья убираются до появленія гостей²⁾).

Торжественное угощеніе усопшему устраивается въ 40-й день и въ години. Остатками языческой старины поминальный обрядъ изобилуетъ у Чердынскихъ — Косинскихъ Пермь-ковъ. Приступая къ устройству поминальнаго стола, большаеъ ставятъ для покойника чашку, ложку, посуду съ брагой. До прибора усопшаго никто изъ поминальныхъ не долженъ дотрагиваться. На столъ ставятся затѣмъ приготовленныя для поминаемыхъ кушанья — рыбный пирогъ, яичница, каша, на блюдахъ съ обоими послѣдними кушаньями лежатъ ложки, которыми должны ѣсть ихъ умершіе. Когда все приготовлено, большаеъ беретъ свѣчку и три раза обходить съ ней вокругъ стола, окуривая яства дымомъ отъ него. Затѣмъ онъ беретъ горячій рыбный пирогъ и разламывая его называетъ имя усопшаго и говорить „азъ вошпы“ — да дойдетъ. Пожеланіе относится къ горячему пару, который поднимается изъ пирога и составляетъ то, что потребляетъ изъ пред-

¹⁾ Добр. I. с. IV, 577—578. Ср. «Черемисы».

²⁾ Роговъ. Мат. Пер. Сб. II, 126.

лагаемаго яства душа усопшаго. Съ такимъ-же пожеланіемъ разламываетъ и ѣсть свою часть и каждый изъ присутствующихъ родичей. Затѣмъ устраивается столъ для постороннихъ и нищихъ. Главнымъ лицомъ здѣсь является человекъ, который дѣлалъ гробъ или обмывалъ покойнаго. Онъ возсѣдаетъ за столомъ вмѣстѣ съ нищими. На поминкахъ присутствуетъ не одинъ усопшій. Въ Чердынскомъ уѣздѣ приглашаются вмѣстѣ съ поминаемымъ усопшимъ „влющивы, ларешники, дѣдушки, бабушки, души безродныхъ, въ лѣсу заблудшіе, въ водѣ утопшіе“. Пермьки убѣждены, что всѣ приглашаемые невидимо присутствуютъ на поминальномъ пиру. При этомъ замѣчаютъ обыкновенно, что такія посѣщенія земли не для всѣхъ усопшихъ легки. Воры должны въ такихъ случаяхъ таскать съ собой то, что было ими украдено. Кто увралъ напр. соху, борону, сани, тотъ обязательно съ ними является на пиръ, и страшно мается, стараясь протащить въ избу громоздкую ношу.

Когда поминальная трапеза оканчивается, человекъ, обмывавшій умершаго и представляющій его своей особой встаетъ и выходитъ первый изъ избы. Родные его провожаютъ со свѣчами, съ нимъ уходитъ душа поминаемаго родителя. Въ Соликамскомъ уѣздѣ за нимъ ѣдутъ изъ села до перваго перекрестка ¹⁾. Въ Глазовскомъ уѣздѣ, по сообщенію г. Шатрова, поминки устраиваются нѣсколько иначе. Хозяева навкрываютъ столъ, ставятъ на него кушанья, очищаютъ и разрѣзаютъ на части свареное яйцо, отерываютъ жбанъ съ брагой, свертываютъ на подобіе треугольника блины, кладутъ на кушанья по ложкѣ, ставятъ передъ иконами горшечекъ съ ладыномъ на каленыхъ угляхъ и отодвигаютъ волоковое окно, чтобы душа могла прилѣтѣть въ избу и насладиться приготовленнымъ ей угощеніемъ. Предполагается, что душа успѣваетъ воспользоваться трапезой пока родные молятся. Здѣсь-же, когда поминаютъ усопшихъ на улицѣ

¹⁾ Роговъ. Перм. Сборн. II, 127.

близь церкви, бросаютъ остатки поминальныхъ яствъ на траву и просятъ птичекъ помянуть усопшихъ. Въ години поминальная трапеза устраивается на могилѣ. Разстилается скатерть, на нее ставятся кушанья, вино, пиво. Старшій изъ поминающихъ и здѣсь обращается отъ имени всѣхъ къ усопшему: „вотъ мы годъ въ тебѣ не ходили, теперь пришли, принесли тебѣ угощеніе; пей, ѣшь, въ намъ не ходи“. За одно съ поминаемымъ родичемъ приглашаются и ранѣе умершіе. По окончаніи поминальнаго пира остатки пива выливается или прямо на могилу или, какъ это было въ 40-хъ годахъ, въ особое углубленіе на ней. Въ Чердынскомъ уѣздѣ помянуть покойнаго на кладбище ходили женщины, выкапывали въ могилѣ ямку противъ рта покойнаго и лили туда брагу, приговаривая „ю, ю!“ (пей, пей!) ¹⁾. Годичными поминками оканчивается кругъ періодическихъ угощеній усопшаго. Затѣмъ онъ наравнѣ съ старыми покойниками получаетъ отъ живыхъ родичей угощеніе въ семикъ и радоницу.

Въ Глазовскомъ уѣздѣ такія угощенія сохраняютъ въ наибольшей чистотѣ старую форму. Родные кладутъ яства въ берестяныя коробочки, уносятъ на могильники и вѣшаютъ на вѣтвяхъ растущихъ тамъ деревьевъ, призывая усопшихъ ѣсть. Мы уже имѣли случай увазать на то, что такія дары умершимъ уносятся и на чудскіе могильники ²⁾.

Сопоставляя поминальный и погребальные обряды Пермскихъ съ Вотяцкими, мы замѣчаемъ, что они больше, чѣмъ эти послѣдніе, подверглись христіанскому вліанію, но подъ слоемъ этихъ позднѣйшихъ вѣрованій скрываются старыя и составляющія достояніе всей пермской группы. Для Пермска, какъ и для Вотяка, смерть не означаетъ прекращенія бытія; это только перемѣна мѣста, переселеніе въ иную область. Усопшій, въ особенности если онъ колдунъ (знаткой), можетъ

¹⁾ Поповъ. Ж. М. В. Д. 1852, т. 29, 463.

²⁾ Сообщ. А. Н. Шатровымъ.

посѣщать своихъ родныхъ. Разказы о такихъ посѣщеніяхъ распространены между Пермьями, какъ и между Вотьяками. Приведемъ нѣсколько подобныхъ разказовъ, чтобы уяснить представленія Пермьяковъ объ умершихъ.

Пермьякъ, умирая наказываетъ женѣ, чтобы она не боялась, если онъ будетъ приходиться въ свою избу послѣ смерти. Стоитъ заткнуть подъ матицу обломокъ стальной косы и онъ ничего не сдѣлаетъ худаго. Умеръ Пермьякъ, похоронили его и онъ дѣйствительно сталъ посѣщать свой домъ не только днемъ, но и ночью. Когда жена уходила куда нибудь или уѣзжала и оставляла дома однихъ ребятъ, ребята разказывали ей потомъ, что у нихъ былъ татяка, весь въ бѣломъ—сидѣлъ на скамейкѣ и ничего не говорилъ. Однажды ночью, когда всѣ спали, Пермьякъ-покойникъ сталъ стучаться въ дверь и просить жену, чтобы она его пустила. Жена проснулась и кривнула „не пуцу, убирайся!“. Покойникъ въ отвѣтъ на это сталъ грызть дверные косяки, но въ избу не попалъ (почему?). На утро, когда всѣ встали, оказалось, что ворота и двери хлѣбовъ растворены и скотина вся выпущена ¹⁾.

Какъ совершаютъ свои путешествія умершіе, показываетъ другой разказъ, записанный тамъ-же. Умершій мужъ одной Пермьячки пришелъ однажды ночью домой. Вставъ передъ постелью жены, онъ разбудилъ ее и, дрожа отъ холода, сталъ просить погрѣть ему руки. Женщина взяла его руки, но сейчасъ-же выпустила ихъ: вмѣсто человѣческихъ рукъ она ощутила собачьи лапы. Бросивши руки покойника, женщина стала добывать огонь. Покойникъ тѣмъ временемъ бросился въ подполье; женщина услышала, какъ стукнула ведущая туда западня. Съ зажженной лучиной въ рукахъ женщина спустилась въ подполье и увидѣла, какъ покойникъ выпорхнулъ въ отдушину на улицу ²⁾.

¹⁾ Сообщено А. Н. Шатровымъ.

²⁾ Также.

Относительно утопленниковъ Пермьки, какъ и Вотьяки, убѣждены, что они не умираютъ, а поступаютъ на службу въ водяному. Если черезъ нѣкоторое время тѣло утопленника и выбрасывается иногда на берегъ или всплываетъ на поверхность рѣки, то это на самомъ дѣлѣ не трупъ, а обрубокъ дерева, которому водяной придаетъ видъ мертваго человека: („обороченный“, „подмѣненный“, в ѣ ж ѓ м). На счетъ этихъ „вѣжѣм'овъ“ существуетъ не мало разсказовъ. Приводимъ одинъ изъ нихъ, доставленный намъ г. Шатровымъ:

Человѣкъ утонулъ въ рѣкѣ. Черезъ нѣкоторое время тѣло его было выброшено и родные его похоронили. Послѣ похоронъ былъ устроенъ поминальный столъ. Жена пошла въ погребокъ за пивомъ и видитъ: ея похороненный мужъ сидитъ тамъ нагой и говорить: вы не меня похоронили, а осиновый чурбанъ. Когда я тонулъ, водяные подхватили меня, сняли съ меня одежду, надѣли ее на этотъ чурбанъ, а на меня надѣли другую одежду. Водяные („ичетки“) вмѣстѣ со мной вышли на луга погулять и наказали мнѣ не проходить мимо травы огневика. Я не послушался, прошелъ мимо этой травы, одежда моя загорѣлась, опалила „ичетиковъ“, они разбѣжались, а я пришелъ сюда. Надѣла баба на мужа одежду, привела его въ избу, потомъ пошли на могилу, разрыли ее и въ самомъ дѣлѣ нашли тамъ осиновый чурбанъ.

Тождественный по содержанию разсказъ мы слышали въ селѣ Ошибѣ Соликамскаго уѣзда.

Подобно Вотьякамъ, Пермьки убѣждены, что покойники приобретаютъ способность невидимо присутствовать среди людей. Эту способность можно заимствовать у нихъ, взявши чтонибудь принадлежащее покойнику. На этомъ вѣрованіи сложились спеціальныя воровскія предметы. Если отнять у покойника руку, зубы или взять его рубашку или монету, съ которой онъ погребается, то можно невидимо для другихъ красть. Въ Чердынскомъ уѣздѣ это-же вѣрованіе породило болѣе мрачную примѣту: если убить женщину, снять съ нея кожу и надѣть на себя, то слѣдешь невидимымъ.

Имѣя одинаковыя съ Вотяками представленія на счетъ смерти и умершихъ, Пермяки естественно такъ-же, какъ и Вотяки, чтутъ ихъ, какъ сверхъестественныхъ дѣятелей. Покойникъ, по пермяцкимъ вѣрованіямъ, не разрываетъ связи съ живыми. За то пропитаніе, которое они ему доставляютъ, онъ охраняетъ ихъ интересы, бережетъ скотину. Благодарительное дѣйствіе усопшаго простирается однако лишь до тѣхъ поръ, пока родные его не забываютъ. Забывчивымъ усопшій напоминаетъ о себѣ щипками, послѣ которыхъ на тѣлѣ остаются синія пятна. Если родные и послѣ такихъ напоминаній продолжаютъ не обращать вниманія на него, усопшій караетъ ихъ. Вѣра въ кару усопшаго составляетъ общее достояніе пермской группы, какъ и служащее для обозначенія этой кари слово—м и ж ъ. Покойники караютъ, насылая на своихъ потомковъ болѣзни или падежъ на скотину.

Въ ряду усопшихъ имѣются такіе, въ дѣятельности которыхъ зло составляетъ преобладающую черту. Это духи убитыхъ, самоубійць и утопленныхъ матерями младенцевъ. Духъ самоубійцы или убитаго остается на мѣстѣ, гдѣ совершено убійство. Проѣзжая мимо такихъ мѣстъ, слышать свистъ или стоны. Духи такихъ усопшихъ гонятся за людьми. Духи утопленныхъ въ водѣ младенцевъ обращаются во враждебныхъ человѣку духовъ „ичетиковъ“ (маленькіе). Ичетики—маленькія существа съ длинными волосами. Живутъ по большей части въ глубокихъ рѣкахъ. Въ представленіяхъ современныхъ Пермяковъ „ичетики“ сливаются съ водяными, т. е. испытываютъ ту же участь, что и родственные имъ по происхожденію вотяцкіе духи—кутисы. Ичетики начинаютъ разсматриваться, какъ владыки водъ и рыбы; рыбаки бросаютъ имъ передъ ловомъ частицы: яйца, блины, хлѣбъ, деньги, клочки сита¹⁾.

Изъ пермяцкихъ представленій о самоубійцахъ и „ичетикахъ“ очевидно, что первоначальнымъ новымъ жилищемъ

¹⁾ Сообщено А. Н. Шатровымъ.

усопшаго они считали то мѣсто, гдѣ погребено было его тѣло. Христіанство внесло представленія о загробномъ мірѣ — рай (свѣтломъ мѣстѣ) и адъ (черномъ мѣстѣ). Для обозначенія ада Пермьки употребляютъ слово, которое можетъ озадачить любого изслѣдователя незнакомаго съ народнымъ языкомъ — ва в р а м е ж ѣ. Слово это отсутствуетъ у Вотьяковъ; нѣтъ его и у Зырянъ. Оно составилось, безъ сомнѣнія, изъ русскаго выраженія: в ѣ а д ѣ в р о м ѣ ж и н ѣ и ѣ.

Съ сложившимися у Пермьяковъ подъ вліяніемъ христіанства понятіями о загробной жизни мы отчасти уже познакомились благодаря приглашеніямъ, съ которыми обращаются къ обитателямъ его во время поминальных трапезъ. Загробный міръ находится въ кѣдѣннѣ кавихъ — то влючниговъ и ларешниговъ, которые, повидимому, завѣдуютъ имъ и приглашаются вмѣстѣ съ усопшими родными за поминальную трапезу. Въ этомъ мірѣ усопшіе терпятъ наказаніе за свои грѣхи: воры осуждены напр. таскать съ собой украденные предметы. Въ Глазовскомъ уѣздѣ на счетъ воровъ — подуночниковъ существуетъ другой рассказъ. Они ходятъ по заостренному „внязьку“ (вошьку) високаго дома и до крови изрѣзываютъ себѣ ноги. Другіе грѣшники брошены въ огненную рѣчку, изъ которой видны только головы ихъ (черезъ эту рѣчку, — замѣтимъ мимоходомъ — нужно переправиться на тотъ свѣтъ каждому умершему. Праведныхъ черезъ нее переносятъ ангелы)¹⁾. Представленія на счетъ рая блѣднѣе. Дѣти, повидимому, превращаются тамъ въ ангеловъ: тѣ, которые передъ смертью были приобщены, имѣютъ по два крылышка; неприобщенныя — одно²⁾.

Остатки языческихъ воззрѣній на природу. — Сходство, которое мы обнаружили между Пермькими и Вотьяцкими вѣрованіями относительно смерти и загробной жизни, даетъ намъ право предполагать, что и въ области

¹⁾ Сообщено А. Н. Шатровымъ.

²⁾ Также.

остальныхъ вѣрованій окажется также близость. Это предположеніе имѣетъ для насъ существенное значеніе. Было время, когда Пермь и Вотьяни исповѣдывали одну и ту же религію; но Пермь крестилась 400 лѣтъ назадъ тому, Вотьяни только 150—да и то не всѣ; часть ихъ до сихъ поръ остается язычниками. Понятно поэтому, что, пользуясь современными Вотьянскими вѣрованіями, мы можемъ востановить въ Пермцахъ то, что или стертъ исторіей или покрылось слоями позднѣйшихъ, чуждыхъ идей.

Современный Пермь—усердный христіанинъ. Духовенство края довольно его усердіемъ къ церкви и въ особенности его стойкостью предъ расколомъ. Въ какой степени онъ усвоилъ себѣ міросозерцаніе христіанства, каковы его представленія о природѣ божества, не легко узнать. Пермь не большой любитель точныхъ формулъ и опредѣленій. Одинъ казанскій офицеръ рассказываетъ намъ, какъ онъ бесѣдовалъ съ пермякомъ—деньщикомъ о Богѣ. Въ первый разъ столкнувшись съ представителемъ незнакомой ему народности, неискушенный въ добываніи этнографическихъ свѣдѣній, офицеръ вознамѣрился узнать, какъ смотритъ его деньщикъ на природу Бога. Ты знаешь, что есть Богъ.—„Знаю, в. б.“ Гдѣ же онъ?—„Вотъ в. б. (показываетъ на уголь, гдѣ висѣла икона).—„Это икона; не знаешь-ли ты другаго Бога, кромѣ нея?—„Какъ же, в. б. (сообщаетъ цѣлый рядъ другихъ „боговъ“—и все это образа святыхъ)“.—Послѣ долгихъ и безплодныхъ разговоровъ офицеръ долженъ былъ отказаться отъ своего замысла. Этотъ случай очень характеристиченъ и поучителенъ для этнографовъ. Для человека, знакомаго съ религіознымъ міровоззрѣніемъ Пермяка, онъ не заключаетъ въ себѣ ничего удивительнаго. Любои Пермь, поставленный въ такое положеніе, давалъ-бы тѣ-же отвѣты. Нужно прожить годы среди Пермцевъ, ловить отдѣльныя, случайно брошенныя фразы, чтобы составить себѣ картину пермцаго міровоззрѣнія. Этнографъ, не располагающій такими условіями для изслѣдованія, поступить цѣлесообразнѣе, если бу-

дети заключать о пермяцких возрѣніяхъ на божество, по тѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ становится къ нему вѣрующей.

Въ честь христіанскаго Бога, который „хочетъ милости, а не жертвъ“, Пермязъ колетъ коровъ и мелкую скотину.

Въ Чердынскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Кочѣ имѣется часовня, возлѣ которой почти въ буквальномъ смыслѣ приносятся гекатомбы. Лѣтъ 20 тому назадъ здѣсь заколалось до 80 коровъ. Коча является своего рода религіознымъ центромъ Пермскаго края. Сюда къ 18 августа идутъ, ѣдутъ, ведутъ обреченную скотину, больныхъ лошадей со всего Содиканскаго и Чердынскаго уѣзда. Въ жертву приносятся скотина, которая была передъ этимъ больна. Пермязъ изъ болѣзни животнаго заключаетъ, что она нужна Богу и общаетъ привести ее въ Кочу, если она выздоровѣетъ. Обреченныя животныя колятся наканунѣ 18 числа. Священники призываютъ благословить заколотыхъ животныхъ и получаютъ для себя лопатки, для церкви кожу. Остальное мясо частью варится и поѣдается толкающимися здѣсь въ массѣ богомольцами, частью разрѣзывается на куски и раздается нищимъ, которые собираются сюда со всего Пермскаго края. Хворые кони вводятся въ рѣчку, протекающую близъ часовни, и едятъ, пока совершается молебствіе и освящается вода. Коней и ихъ хозяевъ набирается въ рѣчку таяя масса, что рѣчка замруживается и вода, раньше едва доходившая человѣку до пояса, поднимается до плечъ. По окончаніи молебна хозяева въ былое время садились на выведенныхъ изъ рѣчки коней и скакали на нихъ что есть мочи отъ берега. Въ настоящее время этотъ обычай преслѣдуется полиціей, такъ какъ при этомъ однажды свачущіе затоптали мужика. Благословеніе коней въ день Фрола и Лавра—замѣтнымъ мимоходомъ—имѣетъ мѣсто во всемъ Пермскомъ краѣ, какъ и на всемъ нашемъ сѣверѣ. Въ селѣ Бѣлоевѣ всадники по окончаніи молебствія становятся въ два ряда въ ожиданіи священника, который окропляетъ лошадей святой водой, и за тѣмъ тихо развѣзжаются,

Пермякъ глубоко вѣрить въ то, что Богу нужны кровавыя жертвы. Даже скотина, по его мнѣнью, чувствуетъ важность той цѣли, для которой ее ведутъ въ Кочу. „Не повѣришь, говорилъ мнѣ одинъ ящичь, разсказывая о томъ, какъ онъ водилъ свою общанную корову въ Кочу, сама бѣжала всю дорогу, ни раза не пришлось подогнать ее“. Другимъ пунктомъ, куда пригоняются крупныя животныя (быки) является деревня Панино Гаинской волости Чердынскаго уѣзда. Часовень, въ который приносятся живыя или зазолотыя телята, поросята, бараны, курицы, имѣется въ каждомъ приходѣ по нѣскольку. Въ однихъ часовняхъ жертвы приносятся на новый годъ (золотые поросята и свиньи, надъ которыми служатъ молебны)¹⁾. Въ нѣкоторыя часовни изъ дальнихъ мѣстъ осенью приносятъ куриць (въ Мелехиной Ошиб. прих. въ день Маріи Галиндухи). Въ Сервѣ Будымкорской волости при этомъ соблюдается таковой порядокъ: одни кладутъ птицу на столъ, другіе даютъ кому нибудь подержать птицу надъ головой и потомъ раздаютъ нищимъ.

Живыя жертвы приводятся по преимуществу въ Чердынскомъ уѣздѣ. Въ обрусѣвшемъ Юрлинскомъ приходѣ имѣется часовня, куда приводятъ и колятъ живыхъ телятъ и ягнятъ.

Въ Гаинской волости въ часовню при деревнѣ Лупъ, въ Юсьвѣ, въ д. Сіѣ Гаинской вол. въ дер. Гаинцахъ, въ дд. Деминной, Новинской Кочевской вол. въ Рождеству со всего Пермскаго края приводятъ живыхъ барановъ, пускаютъ на нѣсколько минутъ, въ часовню, гдѣ животное бѣгаетъ, и затѣмъ рѣжутъ и часть сѣдаютъ сами, часть отдаютъ нищимъ. Живые бараны приводятся и въ деревню Половину Юрлинской волости. Въ Соликамскомъ уѣздѣ въ часовни приносятся уже и поступаютъ „попамъ“ части золотаго мяса — лопатка овцы, свиньи.

¹⁾ Роговъ Мат. Перм. Сбор. II, 26.

Обязательнымъ является приношеніе золотого мяса въ Ильинъ день. На этотъ разъ по мѣстамъ (напр. въ с. Ошибѣ) въ церкви устанавливаются скамьи, на которыя молящіеся раскладываютъ жертвенное мясо. Жертвой является или плечо или голова барановъ. Роговъ кромѣ того упоминаетъ козы головы и рогахъ¹⁾.

Часовни съ жертвоприношеніями встрѣчаются въ приходѣхъ, гдѣ Пермьки наиболѣе обрусѣли — въ Майковскомъ, Купросскомъ, Архангельскомъ.

Убѣжденіе, что богу нужны кровавыя жертвы и что онъ указываетъ на нужное ему животное, посылая на него болѣзнь, имѣетъ всеобщее распространеніе среди Пермьковъ. Не всякій Пермькъ ведетъ такое животное въ Кочу, но почти всякій обѣщаетъ ее по выздоровленіи „богу“ въ ту или другую часовню, „попамъ“, „на мѣрь“ — выраженія варьируются, смотря по степени приближенія хозяина къ христіанскимъ понятіямъ о богѣ. Въ Ошибскомъ приходѣ въ исполненіе своего обѣта хозяинъ такой скотины колетъ ее, отдаетъ часть священнику, остальное съѣдаетъ самъ съ приглашеннымъ народомъ. Рѣжутъ „попамъ“ коровъ и въ другихъ случаяхъ напр. при новосельи. Часть зарѣзаннаго животного поступаетъ духовенству, часть съѣдается.

Богъ или „боги“, по Пермьцки т. е. святыя изображеніи на иконахъ, стоящихъ въ тѣхъ или другихъ часовняхъ, добиваются отъ человѣка жертвъ, насылая болѣзнь или на скотъ или на него самого. Они поступаютъ въ данномъ случаѣ совершенно такъ же, какъ души умершихъ: для обозначенія ихъ вары служатъ тоже слово м и ж ъ. Первой заботой пораженнаго болѣзнию человѣка является узнать, кто поразилъ его („нашелъ“ на него, какъ переводятъ Пермьки слово м и ж ъ ѣ м ѣ) — умершій родственникъ или „богъ“ изъ какой нибудь часовни. Рѣшить этотъ вопросъ берутся особенныя гадальщицы. Гадальщикъ беретъ щепотку соли съ

¹⁾ Перм. Сборн. II,

божницы, бросают ее на раскаленные уголья, надъ углями онъ вѣшаетъ, какъ безмѣнъ, на шнурѣ топоръ и начинаетъ перебирать имена умершихъ родныхъ и затѣмъ святыхъ; при чьемъ имени топоръ колыхнется, тотъ наслалъ кару. Если покараннымъ оказался „богъ“, знахарь указываетъ, куда надо сходить къ нему и что принести. Въ жертву покаранному богу приносится особеннаго рода завитая въ спираль свѣчка и нѣсколько копѣекъ „на прикладъ“. Размѣръ свѣчки опредѣляется характеромъ болѣзни: Если больной испытываетъ общее недомоганіе, свѣчка дѣлается въ ростъ человѣка, если болитъ рука—въ длину руки, если болитъ голова—въ обхватъ головы.

Уже въ жертвоприношеніяхъ Инвенскихъ и Чердынскихъ Пермьяковъ замѣтна ихъ приуроченность къ извѣстному времени. У Пермьяковъ Вятской губерніи, какъ у Зыранъ Вологодской губ., связь жертвоприношеній съ періодами хозяйственной жизни и ихъ общественный характеръ выступаютъ съ полною опредѣленностью. Въ высокой степени цѣнный матеріалъ въ этомъ отношеніи представляютъ сообщенія г. Добротворскаго.

Пермяки встрѣчаютъ, читаемъ мы у этого автора, праздниками первое вскрытіе рѣки, первую озимь, празднуютъ нѣсколько дней передъ посѣвомъ хлѣба и послѣ уборки его; праздникомъ завершаютъ они и осеннюю охоту¹⁾. Къ величайшему сожалѣнію г. Добротворскій не счелъ нужнымъ сообщить, какъ называются всѣ эти праздники, въ какихъ христіанскихъ приурочены, какими обрядами сопровождаются. Пожелаемъ Вятскимъ изслѣдователямъ восполнить этотъ пробѣлъ и отмѣтимъ тѣ изъ связанныхъ съ общественными праздниками явленій, которыя нашли себѣ мѣсто въ очеркѣ г. Добротворскаго.

Весной, когда оголится земля и наступитъ время выѣзжать съ сохою; собирается сходъ, на которомъ за водкой

¹⁾ I. с. IV, 578.

обсуждается, какъ распорядиться участками маломочныхъ работниковъ. Обряды, которые предшествуютъ распиванію водки, являются единственнымъ намекомъ на тотъ характеръ, который имѣло это весеннее собраніе въ старину: изъ толпы выдѣляется старшій по возрасту Пермязъ, наливаетъ водки въ деревянную чашку и долго пристально смотритъ въ нее. затѣмъ онъ выливаетъ водку на землю и объявляетъ, какого урожая слѣдуетъ ждать въ этотъ годъ. За старшимъ въ водѣ поочереди подходятъ остальные члены схода и каждый льетъ остатки своей водки на землю ¹⁾.

Въ Ильинъ день на общественныя деньги покупается быкъ (въ былое время, какъ мы уже знаемъ, олень). Деньги собираются старостой, размѣръ жертвованія не установленъ, жертвующій даетъ отъ себя и отъ своихъ родителей. Колятъ жертву за селомъ на берегу рѣки особымъ священнымъ ножомъ, который хранится у наиболѣе уважаемаго въ деревнѣ старика. Часть мяса поступаетъ духовенству, остальное варится въ общественномъ котлѣ, который хранится при церкви. Жертвенное мясо частію съѣдается, частію хранится, какъ талисманъ, частію относится на могилу къ родителямъ или зарывается въ землю на полосѣ, чтобы хлѣбъ родился лучше. — Небольшія деревни соединяются вмѣстѣ; роль священника исполняетъ мѣстный старикъ, который импровизируетъ молитву. По мѣстамъ такія жертвоприношенія бывають передъ началомъ или окончаніемъ полевыхъ работъ ²⁾. Въ виду того, что обычай приносить отъ имени общества въ жертву быка объединяетъ Вятскихъ Пермязовъ и Вологодскихъ Зырянъ, мы позволяемъ себѣ дополнить картину жертвоприношенія нѣкоторыми деталями, можетъ быть недосмотрѣнными г. Добротворскимъ. Зыряне приносятъ жертвы предъ началомъ сѣва; при выгонѣ свота на подножный кормъ, въ случаѣ обществен-

¹⁾ 1. с. IV, 547.

²⁾ Ibid. 579.

ныхъ бѣдствій. Мясо употребляется также, какъ и у Пермяковъ, но кости и отваръ зарываютъ въ землю — чтобы не стѣли животныя, говорятъ теперь Зыране ¹⁾).

Отношеніе къ иконамъ („богамъ“), которыя держатся въ домахъ, отличаются своеобразностью. Пермязь приписываетъ иконѣ, которая стоитъ у него на божницѣ добро и зло своей домашней жизни. Онъ свыкается съ извѣстной иконой, если жизнь его не выдается изъ жизни другихъ особенной неудачностью. Когда икона устарѣетъ—выцвѣтетъ и является необходимость купить новую, Пермязь старается приобрести изображеніе того-же святаго и не возьметъ иконы съ другимъ святымъ: новый богъ можетъ натворить зла. Если все-же случается, что Пермязь—хотя бы по ошибкѣ—приобрѣтаетъ новую икону и за этой покупкой въ домъ слѣдуютъ какія нибудь неприятели, Пермязь торопится куда нибудь—чаще всего въ церковь—убрать неподходящаго бога. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Пермязь пытается наказать карающаго „бога“. Духовенству приходится иногда видѣть на божницѣ Пермяза икону поставленную внизъ головой. На вопросы, почему такъ стоитъ икона, Пермязь отвѣчаетъ, не стѣсняясь, что въ домѣ случилась бѣда и онъ наказываетъ допустившаго ее „бога“. Особенной способностью творить зло, по мнѣнію Пермяковъ, отличается Николай—Чудотворецъ. Образъ св. Николая странно раздвоился въ сознаніи Пермяковъ. Св. Николай, „Никола - богъ“, безъ эпитета чудотворецъ пользуется громаднымъ почтеніемъ Пермяковъ. Но тотъ-же святой, если въ иконной подписи ему данъ эпитетъ чудотворецъ, считается особымъ и притомъ способнымъ производить всякое зло „богомъ“ ²⁾). Корень этого недоразумѣнія лежитъ въ своеобразномъ представленіи о „чудѣ“. Пермязь понимаетъ „чудо“ какъ бѣдствіе, которое можетъ произвести „богъ“; почему, мы увидимъ ниже, Образъ

¹⁾ Кл. Поповъ. «Зыране». 47.

²⁾ Перм. Еп. Вѣд. 1889, № 14.

Николая Чудотворца Пермьякъ купить только по ошибкѣ и немедленно водворить его въ церковь, лишь только ошибка раскроется.

Въ виду фактовъ, которые мы привели, читатель не найдетъ ничего удивительнаго въ томъ, что Пермьякъ не проявляетъ особаго уваженія къ христіанскому храму и держитъ въ немъ себя, какъ на базарѣ. Шумъ, громкіе разговоры въ церкви составляютъ обычное явленіе. Пермьякъ не прочь забрести въ церковь пьяный, завести тамъ ссору и подчасъ прибѣгнуть къ кулаку. До какой степени далеко могутъ доходить уклоненія отъ церковной дисциплины, показываетъ слѣдующій случай: Пермьячка поручила кому-то изъ молящихся поставить свѣчу Божіей Матери; принявшій свѣчу началъ ее между тѣмъ ставить передъ другой иконой; „какому ты лѣшему ставишь, крикнула на весь храмъ разсерженная Пермьячка: я богородичѣ велѣла“.

Дополнимъ эту картину нѣсколькими деталями, которыя даетъ намъ священникъ, прослужившій въ чисто-Пермяцкомъ (Ошибскомъ) приходѣ 12 лѣтъ. До 70-хъ годовъ въ средніе праздники Пермьяки считали лишнимъ ходить въ церковь и въ тѣхъ случаяхъ, когда нужны были люди — напр. нести иконы на воду—духовенство обращалось къ содѣйствию волостныхъ властей, которые оповѣщали, точнѣе сгоняли, народъ. Исповѣдуются коренные Пермьяки очень рѣдко; иные доживаютъ безъ исповѣди до старости; причащаются еще рѣже. Бываютъ впрочемъ случаи, когда Пермьякъ самъ проявляетъ готовность исповѣдываться, но въ побужденіяхъ для этого мало религіознаго; такъ бываетъ послѣ драки, когда побитый хочетъ напугать обидчика, показать, что тотъ избилъ его смертельно.

Всматриваясь въ картину вѣрованій и обычаевъ, сложившихся у Пермьяковъ на почвѣ христіанства, мы придемъ къ неизбѣжному заключенію, что эта картина не вяжется съ сущностью христіанства. Въ ней слишкомъ много чертъ, чуждыхъ христіанству. „Боги“, которыхъ нашелъ въ христіан-

ствѣ Пермязь, вполнѣ человѣчны по своей природѣ и всего ближе напоминають покойниковъ; какъ покойники, они нуждаются въ жертвахъ, точнѣе въ пищѣ и питъѣ, какъ покойники, требуютъ отъ людей удовлетворенія своихъ потребностей, насылая на нихъ лично или на скотъ болѣзни; ихъ кару, какъ и кару усопшихъ, узнають и возвѣщаютъ пораженному одни и тѣже гадатели и однимъ способомъ.

Подъ какимъ вліяніемъ христіанскія представленія такъ исказились въ сознаніи Пермязь? Перенесемъ за пять столѣтій назадъ, къ той картинѣ, которую встрѣтилъ св. Стефанъ, явившись съ христіанской проповѣдью къ сѣвернымъ Коми. „Баху бо въ Перми, читаемъ мы у Елифанія, кумири различниі, овѣ болшіи и меншіи, другіи-же средніи, а иніи нарочитіи и словутніи. . . овѣмъ у бо рѣдциі моляхуся и худу честь воздаяху, а другимъ же мнози не токмо ближніи, но и дальніи погостове, суть же у нихъ етери кумири, въ нимъ-же изда леча прихождаху и отъ дальнихъ мѣстъ поминки приношаху и за три дня и за четыре и за недѣлю сущі“¹⁾. „Боги ихъ раскопа, говоритъ тотъ-же Елифаній въ другомъ мѣстѣ, еже суть болваны истуканные, изваанныя, издлбленныя, вырѣзомъ вырѣзаемыя... самъ по лѣсу обходя безъ лѣности съ ученики своими и по погостомъ распытуя и въ домѣхъ изыскупа и въ лѣсѣхъ находя и въ привѣжкахъ обрѣтая... А еже повѣшанное около идолъ, или кровля надъ ними или на приношеніе или на украшеніе имъ принесенное или соболи или куніцы или... мѣдвѣдка или рыси или бѣлки—то все сбравъ во едину куцу съладе и огневи предасть я...“²⁾. „Вшедъ въ етеро мѣсто, идѣже нарочитая ихъ кумирница и покушашеса идолы ихъ разорити, и опроверже требища ихъ и боги ихъ раскопа, и божією силою нарочитую кумирницу ихъ зажже и пламенемъ

¹⁾ Пам. Стар. Р. Лрм. III, 136.

²⁾ Ibid.

запали ю... кумирникомъ не бывшимъ ту ¹⁾“. Дополнимъ эту картину тѣми данными, которыми мы располагаемъ относительно обращенія съ своими домашними идолами Остяковъ и Вогуловъ, припомнимъ преданія о томъ, что часовни возникли на мѣстѣ древнихъ языческихъ требищъ и мы восстановимъ тѣ старыя языческія мѣхи, въ которые было влито новое вино христіанства. Сожженные языческія кумирницы смѣнились христіанскими часовнями, идолы—иконами, но въ душѣ Пермяка эта перемѣна не отразилась. На старомъ мѣстѣ, но уже новымъ богамъ приносить онъ по прежнему жертвы. Въ 1501 г. черезъ 30 лѣтъ послѣ водворенія на Камѣ христіанства, митрополитъ Симонъ считалъ нужнымъ наставлять Пермяковъ и ихъ князя, чтобы они кумирамъ не служили ²⁾. Измѣнившіяся экономическія условія измѣнили родъ жертвъ—земледѣлецъ и скотоводъ приносить не то, что приносилъ охотникъ, но идея жертвы, которой требуетъ богъ, осталась старая. По прежнему Пермякъ знаетъ многихъ боговъ, и между этими богами есть такіе, которымъ молятся немногіе, и есть такіе „нарочитые“, въ которыхъ сходятся съ дальнихъ погостовъ, за три, четыре дня и даже за недѣлю пѣшаго пути. По прежнему Пермякъ считаетъ возможнымъ ругать неизвѣстнаго „бога“, наславшаго на него „мыжь“ и наказывать бога, охраняющаго интересы его дома, когда тотъ допускаетъ какое нибудь семейное несчастье. Начавши съ христіанскихъ воззрѣній Пермяка, мы незамѣтно переходимъ въ языческую старину.

Туда-же прійдемъ мы, если вмѣсто историческихъ справокъ обратимся къ сопоставленію пермяцкихъ обрядовъ съ вотяцкими. Мы знаемъ уже, съ какими временами года совпадаютъ праздники Пермяковъ, какъ они проходятъ и кто въ нихъ играетъ главную роль. Все это не согласно съ ду-

¹⁾ Пам. Стар. р. Лрк. III, 132.

²⁾ Перм. лѣт. I, 33. Солов. V, 276.

хомъ христіанства, но вполне гармонируетъ съ вотяцкимъ язычествомъ.

Первый праздникъ Вятскихъ Пермяковъ совпадаетъ съ вскрытіемъ рѣкъ; этотъ же моментъ въ жизни природы привѣтствуетъ и Глазовскими Вотяками (приводы льда, э-велянъ) ¹⁾.

За вскрытіемъ рѣкъ наступаетъ пора, когда начинается зеленѣть озимь, появляется травка на покотинахъ и поля просыхаютъ для яровой пашни. Пермякъ привѣтствуетъ и этотъ періодъ: въ однихъ мѣстахъ льютъ при этомъ на землю воду, въ другихъ рѣжутъ на общій счетъ какое нибудь животное и часть мяса зарываютъ на полосы (Зыряне—кости и отваръ въ землю). Мольбы къ богу возносятъ отъ имени общества старикъ, молятъ Пермяки о томъ, чтобы богъ далъ хорошій сѣнокосъ, уродилъ обильно хлѣбъ.

У Вотяковъ-язычниковъ или язычествующихъ въ это-же время совершается напольное моленіе (бусы-вось), приносятся кровавыя жертвы—лошади, быки, овцы (смотря по мѣстности); моленіе совершаетъ картъ (жрецъ), жертвующіе съѣдаютъ жертву, богамъ остаются кости и наваръ, которыя или сжигаются или зарываются въ землю, въ былое время кожа жертвеннаго быка, которая оставалась на деревѣ; въ видѣ питья отливается по немногу кумышка. Приступая къ пашнѣ, хозяинъ Вотякъ зарываетъ въ землю кусокъ говядины, яйцо и блинъ ²⁾. Въ Глазовскомъ и Сарапульскомъ уѣздахъ въ мѣстностяхъ, гдѣ христіанство уже завоевало для себя кое-какую почву, наблюдается компромиссъ — надъ заколотымъ быкомъ совершаетъ сначала моленіе языческой жрець, потомъ его благословляетъ христіанскій священникъ.

Слѣдующій моментъ, когда Пермяки всюду приносятъ кровавую жертву является Ильинъ день, совпадающій съ окончаніемъ сѣнокоса, началомъ озимой жатвы и приготовле-

¹⁾ Первухинъ. Эск. II, 22.

²⁾ См. наши «Вотяки».

ніемъ къ озимой пашнѣ и сѣву; какъ происходитъ у нихъ праздникъ, мы уже знаемъ. Отмѣтимъ здѣсь тѣ черты его, которыя мы встрѣчаемъ въ языческихъ праздникахъ Вотьяковъ. Передъ началомъ сѣнокоса у Вотьяковъ совершается поминовеніе предковъ (закалается баранъ). вмѣстѣ съ тѣмъ совершается большое моленіе стихійнымъ божествамъ (гѣрбѣр), совпадающее обыкновенно съ Петровымъ днемъ. У Вотьяковъ Малмыжскаго и Сарапульскаго уѣздовъ въ это время, какъ и весной, при участіи языческаго жреца и христіанскаго священника совершается напольное моленіе надъ жертвеннымъ быкомъ, голова и восты котораго зарываются въ ржаномъ полѣ въ особо вырытой ямѣ богу земли — Му-кличиву. Не смотря на свою пріуроченность къ Петрову дню, этотъ праздникъ связанъ несомнѣнно съ началомъ озимой жатвы: въ Глазовскомъ уѣздѣ моментами его являются смотрѣніе и чествованіе ржи; объ этой связи говорить и тотъ фактъ, что жертва приносится въ ржаномъ полѣ. Съ Ильинымъ днемъ у Глазовскихъ Вотьяковъ совпадаетъ такъ называемый почи-гѣрберъ — закалается старшимъ въ домѣ бѣлый баранъ, кости котораго уносятся въ лѣсъ и сожигаются — и путемъ переноса, праздникъ осенней пашни, при которомъ каждый хозяинъ на своей полосѣ также приносить въ жертву барана, выпуская въ землю его кровь ¹⁾).

Если пермяцкое жертвоприношеніе совершается осенью по окончаніи полевыхъ работъ, оно совпадаетъ съ таковымъ же вотяцкимъ, которое носить названіе сизиль-курбонъ (осенняя жертва). Различіе заключается лишь въ томъ, что Вотякъ, обязательно закалающій крупную жертву весной и въ Петровъ день, обходится на этотъ разъ бараномъ, кровь котораго выливается на очагъ.

Звенномъ, соединяющимъ современныя пермяцкія и вотяцкія жертвоприношенія, являются сохранившіяся среди Пермяковъ преданія о культѣ некрещеныхъ Чудаковъ. Въ

¹⁾ Первухинъ. Эским., II, 78.

полтора верстахъ отъ деревни Икъ (Инвенской волости) на правомъ берегу р. Иньвы Пермьяки показываютъ мѣсто, покрытое массой лошадиныхъ и коровьихъ костей. Груды костей образуетъ маленькій холмъ. Это—„чучкое молитвище“. Чудаки, принуждаемые принять христіанство, собрались сюда, закололи сорокъ животныхъ, стѣбли ихъ, сложили кости ихъ въ груды и потомъ задавили себя землей. Другое преданіе о чудскомъ молитвищѣ находимъ мы въ статьѣ покойнаго А. Ѳ. Теплоухова „Die Opferstätte...“¹⁾.

Всматриваясь въ характеръ современнаго христіанскаго культа у Пермьяковъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что формы стараго языческаго культа пережили смѣну вѣрованій. Не сохранились ли и старыя вѣрованія подъ тонкимъ слоемъ новыхъ христіанскихъ? Дать точный отвѣтъ на этотъ вопросъ, повидимому, не трудно. Мы имѣемъ извѣстія о древней религіи Коми въ жизнеописаніи Стефана Пермскаго, лѣтописяхъ и посланіи митрополита Симона. Но этотъ матеріаль возбуждаетъ у изслѣдователя нѣкоторыя недоразумѣнія. Епифаній, какъ мы уже знаемъ, не считаетъ нужнымъ излагать вѣрованія Пермьянъ. Все богословіе ихъ укладывается у него въ рѣчи, вложенной въ уста Пама. „У насъ мнози боги... тѣ намъ даютъ ловлю и все елико на водахъ и елико на воздусѣ и елико въ блатахъ и дубровахъ и въ борѣхъ и въ лузѣхъ и въ порослѣхъ и въ чащахъ и въ березнякѣ и соснягѣ... бѣлки или соболи или куницы и прочая ловля наша“²⁾.... Если къ этому прибавить, что боги, по пермяцкимъ вѣрованіямъ, корчили человѣка, который осмѣлился-бы воспользоваться тѣмъ, что принесено имъ въ жертву, то мы исчерпаемъ всѣ данныя, заключающіяся въ трудѣ Епифанія.

Въ неопредѣленныхъ фразахъ Епифанія вырисовываются фигуры боговъ, завѣдующихъ воздухомъ, водами, лѣсомъ; какъ представляли себѣ Коми этихъ существъ, исчерпывался-ли

¹⁾ Изъ рукописи П. А. Вологодина. Ср. Archiv für Anthropologie, 1879.

²⁾ Пам. Стар. р. Лит. III, 141.

ими міръ духовъ, которымъ они поклонялись, остается неяснымъ. Лѣтописи даютъ голый перечень предметовъ, которымъ поклонялся Коми: мы узнаемъ, что они воздавали божескія почести солнцу, огню, водѣ, камнямъ, деревьямъ, животнымъ и золотой бабѣ ¹⁾. Златая баба вмѣстѣ съ Войпелемъ-болваномъ фигурируетъ и въ посланіи митрополита Симона. И Златая Баба и Войпель, очевидно, названія идоловъ, которымъ рядомъ съ явленіями природы поклонялись древніе Коми. Лѣтописи даютъ намъ право сказать, что въ пору св. Стефана религія Пермьянъ слагалась изъ поклоненія явленіямъ природы непосредственно и изъ служенія многочисленнымъ челоуѣкообразнымъ идоламъ. Что такое представляли собою идолы, находились-ли они въ какихъ нибудь отношеніяхъ къ явленіямъ природы, остается темнымъ. Относительно Войпеля еще можно возлагать нѣкоторыя надежды на языкъ, на значеніе названія. Исслѣдователи Пермской старины дѣлали уже попытки истолковать это названіе изъ Пермскаго языка, но предлагавшіяся до сихъ поръ объясненія отдають комизмомъ: Войпель = вой—сѣверъ + пель — уxo = сѣверное уxo. Мы думаемъ, что отъ попытокъ опредѣлить значеніе слова „Войпель“ изъ нарѣчій пермской группы слѣдуетъ отказаться. Ключъ къ объясненію его долженъ находиться въ языкѣ Югры—Вогуловъ и Остяковъ. Пермьяки заимствовали поклоненіе Войпелю и Золотой Бабѣ у вытѣсняемой Югры (если только—что представляется весьма правдоподобнымъ—русское духовенство не смѣшало предметовъ поклоненія Вымскихъ Вогуличей и Пермьянъ собственно). Въ пользу такого предположенія говорить прежде всего тотъ фактъ, что идолъ Золотой Бабы стоялъ по свидѣтельству писателей XVI в. за Ураломъ въ Обдоріи ²⁾, затѣмъ обычай золотить идоловъ, который существовалъ у Югры въ началѣ XVIII в. по словамъ Новицкаго ³⁾. Писатели, отождествляющіе древнихъ Коми и Биар-

¹⁾ Перм. Лѣтоп. I, 5, 17.

²⁾ Гваньини. *ibid.* 17.

³⁾ Описаніе о нар. ост.

мйцевъ, сближаютъ Золотую Бабу съ идоломъ Біармійскаго Юмалы, который яво-бы изображался въ видѣ безобразной бабы. Это сближеніе слѣдуетъ признать безусловно несостоятельнымъ. Мы знаемъ уже, что между Коми и Біармійцами Скандинавовъ нѣтъ ничего общаго. Утвержденіе же, что Юмала изображался въ видѣ женщины, противорѣчатъ всему тому, что мы знаемъ о немъ изъ источниковъ. Небо представлялось язычествующимъ Суоми (лопарямъ¹⁾, какъ и Пермскій Іенъ мужскимъ существомъ. Идолъ Юмалы въ сагахъ также называется богомъ, а не богиней. Г. Поповъ думаетъ, что воспоминаніе о культѣ Юмалы-бабы сохранилось въ мишской, повидимому, йома-баба (злая баба), которая фигурируетъ въ зырянской пословицѣ йома-баба кодъ лѳоъ (золь, какъ жома-баба)¹⁾. Созвучіе въ данномъ случаѣ ничего однако не говоритъ. Йома по Зырянски значитъ просто злой и имя йома-баба по значенію тождественно съ именемъ 'яга-баба. У Зырянъ былъ собственный богъ, соотвѣтствующій Финнскому Юмалу по значенію, Іенъ—небо.

Оставляя въ сторонѣ болѣе, чѣмъ сомнительное, родство Йумалы съ Золотой Бабой, мы имѣемъ возможность установить, что древняя религія Коми была поклоненіемъ природѣ. Объ источникѣ этого поклоненія, о воззрѣніяхъ на сущность окружающихъ Пермьяка предметовъ мы можемъ догадываться по легендѣ о св. Стефанѣ и „прокудливой“ березѣ. Чтобы побѣдить языческое упорство Пермьянъ, св. Стефанъ рѣшилъ срубить священную березу, стоявшую на мѣстѣ нынѣшняго Усть-Выма. Едва онъ прикоснулся къ священному дереву топоромъ, въ воздухѣ раздались жалобные стоны и крики: „Стефанъ, Стефанъ! за что ты насъ гонишь; это наше старое жилище!“; изъ надрубленныхъ мѣстъ дерева полилась кровь²⁾. Легенда сильно испорчена, безъ сомнѣнія; кромѣ г. Михайлова, который украсилъ ее цвѣтами своей реторики,

¹⁾ Поповъ. «Зыряне», 18.

²⁾ Ibid. 25.

она потеряла уже отъ того рѣтора-христіанина, который ее впервые записалъ. Къ числу такихъ прикрасъ слѣдуетъ отнести слова о женскихъ, мужскихъ, старческихъ и младенческихъ голосахъ, раздавшихся изъ березы. Береза представляется обиталищемъ цѣлаго сонма разнообразныхъ духовъ. Мы не можемъ допустить того, чтобы такъ представлялось дѣло въ первоначальной редакціи легенды. Возстановляя ея старыя черты при помощи сравненія съ родственными вѣрованіями западныхъ, восточныхъ и южныхъ родичей Коми—Лопарей, Югры и Вотяковъ, мы можемъ допустить три предположенія: или культъ воздавался непосредственно березѣ, какъ одухотворенному существу ¹⁾ или она была временнымъ обиталищемъ того духа, для котораго назначалась еумирня ²⁾ или наконецъ его метаморфозомъ ³⁾; въ каждомъ изъ этихъ случаевъ аналогія не допускаетъ рѣчи о множествѣ связанныхъ съ деревомъ духовъ. Кровь, льющаяся изъ дерева и человѣческіе звуки, которые оно издаетъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что древнему Коми дерево представлялось живымъ одухотвореннымъ существомъ. Это воззрѣніе даетъ намъ основаніе предполагать, что такой-же анимистическій источникъ имѣло поклоненіе и остальнымъ явленіямъ окружающаго міра.

Остатки этого стараго анимизма въ представленіяхъ о природѣ можно и теперь, черезъ 500 лѣтъ, наблюдать въ міровоззрѣніи и бытѣ Пермьяка.

Первымъ изъ фетишей, которыхъ предлагала древнему Коми природа, было небо—Іенъ. Въ настоящее время Іенъ, какъ вотяцкій Инмартъ, черемисскій Юмо и западно-финскій Юмала, означаетъ прежде всего Бога въ христіанскомъ смыслѣ этого слова, затѣмъ терминъ для обозначенія всякаго высшаго сверхъ-естественнаго существа. Первичное значеніе его однако

¹⁾ Ср. Лопарей.

²⁾ Ср. Вотяковъ.

³⁾ Ср. Остяковъ.

можно возстановить тѣмъ-же путемъ, каковымъ мы опредѣлили назначеніе вотяцкаго Инмара.

Приводимъ рядъ фразъ въ которыхъ слово јенъ употребляется въ значеніи неба: јенъ југдѣ = свѣтаеть, јен пѣмдѣ = темнѣеть, јен пемдысь = небо потемнѣло („Богъ потемнѣлъ“), јен = небо просвѣтлѣло („Богъ засвѣталъ“), јен-курегъ (звѣзда, „Божья, небесная курица“) „јен-ошка“ = небесный быкъ, радуга, јен зора = дождить, јен-уткѣ = небесная утка, зарница, Јен гымылѣ, чарлалѣ = гремитъ, јен вирдѣлѣ = молнія блескитъ, јенъ лымја = снѣгъ идетъ. Непосредственное поклоненіе смѣнилось позднѣе культамъ человѣкообразнаго существа, владѣющаго небомъ. Первоначальныя представленія объ этомъ существѣ живы у Пермязовъ до сихъ поръ, перейдя на христіанскаго Бога. Орловскимъ Пермязамъ Іенъ рисуется въ видѣ человѣка громаднаго роста и одареннаго необыкновенной физической силой. Онъ живетъ на небѣ въ прекрасно устроенной керѣ и можетъ прожить тысячу лѣтъ.

Слѣды религіозныхъ воззрѣній, съ которыми познакомился Пермязъ въ теченіи своей исторіи, обнаруживаются въ томъ, что Іенъ является источникомъ добра и врагомъ зла, которое нашло себѣ воплощеніе въ кулѣ или шайтанѣ. Образъ куля слѣдуетъ признать заимствованіемъ въ виду того, что имя, которымъ онъ называется, не принадлежитъ языкамъ пермской группы. Выѣстѣ съ кулемъ въ Пермязіи вѣрованія проникли и дуалистическія представленія о борьбѣ Іена и Куля, о роли того и другаго въ мірозданіи (куль создалъ мошекъ, комаровъ, посылаетъ морозы, жары, дожди).

За небомъ въ каждой религіи природы слѣдуютъ небесныя свѣтила. Лѣтописи говорятъ, что Пермязе поклонялись солнцу; Вотяки чтутъ до сихъ поръ солнце-мать или солнцеву мать. У Пермязовъ слѣдовъ этого почитанія мы не нашли, но предположить его мы имѣемъ основаніе въ виду того отношенія къ нему, которое Пермязъ обнаруживаетъ въ своихъ сказкахъ. Въ селѣ Йогвѣ мы записали сказку о мальчикѣ „трехъ отцевъ сынѣ“. Сущность сказки заключается

въ томъ, что три разбойника захватили въ себѣ мальчика, отечески заботились о немъ и при смерти предостерегали не брать пера жарь-птицы. Когда умеръ послѣдній разбойникъ, мальчикъ поѣхалъ по свѣту, встрѣтилъ на дорогѣ перо жарь-птицы, поднялъ его и съ этихъ поръ для него начались испытанія, которыя онъ счастливо проходитъ благодаря своему коню. Для нашей цѣли имѣетъ значеніе по картинѣ, которую рисуетъ рассказчикъ, и въ особенности по вставочнымъ замѣчаніямъ то мѣсто сказки, гдѣ рассказывается, какъ мальчика баринъ послалъ узнать отъ Солнца Праведнаго, отчего оно бываетъ и утромъ красно и вечеромъ красно.

„Поѣхалъ паренекъ. Ъхалъ-ѣхалъ, подъѣзжаетъ къ солнечной избушкѣ. Выходитъ изъ избушки мужикъ, умывается, увидалъ мужикъ паренька и спрашиваетъ „ты трехъ отцевъ сынъ“ („какъ богу не знать!“) Мальчикъ говоритъ: приѣхалъ узнать, отчего ты бываешь каждое утро краснымъ. Входи въ избу, сегодня ужъ заповдали. На утро солнце окунулось въ котлѣ, гдѣ было вскипячено молоко отъ трехъ кобылицъ и красное вышло на небо.—Замѣчаніе, брошенное рассказчикомъ, въ высшей степени характеристично: оно до сихъ поръ показываетъ, что Пермькъ смотритъ на солнце, какъ на божественное существо. Уваженіе, которое они оказываютъ лунѣ, является, конечно, обломкомъ стараго культа этого свѣтила. Сообщая намъ извѣстное у Вотяковъ повѣрье о двушкѣ на лунѣ, Пермькъ-рассказчикъ выразился такъ: „Господь мѣсяцъ праведный поднялъ ее“.

Періодъ цвѣтенія ржи представляетъ собой у Пермьковъ время дѣятельности новой сверхъ-естественной силы: это время, вунъ-шориви, полудницы. Вунъ-шорива рассказываетъ по межамъ и волнуетъ цвѣтущую рожь. Пермькъ, не желающій разсердить ее, не долженъ выходить въ полдень въ поле, на межи. Забота о томъ, чтобы угодить вунъ-шорикѣ, доходила въ былое время до того, что Пермьки въ полдень забирались въ избы, закрывали окна кошмами и сидѣли тихо;

дѣтей въ теченіе нѣсколькихъ дней не выпускали въ полдень на улицу, у бабъ, которые выходили колотить холсты, десятички отбирали ихъ ¹⁾).

За духами одиночныхъ явленій природы слѣдуютъ духи лѣсовъ и водъ. О томъ, въ какомъ видѣ представляютъ себѣ Пермьки этихъ духовъ, свидѣтельствуютъ названія вѣрысь-мортъ, ваисъ-мортъ, т. е. лѣсной человѣкъ, водяной человѣкъ. Эти названія слѣдуетъ считать древнѣйшими, оставшимися еще отъ эпохи совмѣстной жизни съ Вотяками. Подъ вліяніемъ тюрско-мусульманскихъ и христіанскихъ идей мортъ сталъ замѣняться въ нихъ словомъ кулѣ и теперь мы чаще слышимъ ва-кулѣ, кулѣ-панѣ, чѣмъ ваисъ-мортъ; въ названіи лѣснаго мортъ замѣнилось почтительнымъ дядя. Сходные съ вотяцкими по именамъ, пермяцкіе лѣшій и водяной оказываются тождественными съ ними и по существу. Богатый матеріалъ для ознакомленія съ природой обихъ существъ предлагаютъ рассказы о нихъ.

Угрюмый, подозрительный, скрытный Пермькъ въ особености въ большой компаніи не скупится на рассказы о лѣсномъ дядѣ или ваисъ-мортѣ. Въ богатыхъ еще лѣсами приходяхъ Ошибскомъ, Верхъ-Инвенскомъ, Кочевскомъ можно записать не десятки, а сотни рассказовъ, въ которыхъ при однообразіи основнаго содержанія будутъ попадаться масса интересныхъ деталей, раскрывающихъ представленія Пермьковъ о сверхъ-естественномъ. Этотъ матеріалъ еще почти не тронутъ. Приводимъ въ сокращеніи нѣсколько такихъ рассказовъ.

Рассказы о лѣшемъ.—1. Пошелъ Пермькъ (дядя рассказчика) за рыбками въ лѣсъ. Стрѣляетъ, рыбки падаютъ, а найти ихъ Пермькъ не можетъ. Что за диво? Тутъ явился ему молодецъ въ синей шабурѣ и говоритъ: „убирайся, ты моихъ курицъ стрѣляешь!“

¹⁾ Все это имѣетъ мѣсто у Вотяковъ въ такъ называемый Вождырѣ. Ср. Первухинъ. Эск. I, 59—60.

2. Ночевали Пермьки около Кувинскаго завода. Вотъ ночью забирается къ нимъ человекъ громаднаго роста и присаживается съ ними къ огню. Погрѣлся, всталъ и говоритъ одному „не хочешь-ли посмотрѣть мою скотину?“ Пермькъ вышелъ съ нимъ и видитъ—кругомъ черно отъ всякаго звѣрья. Свиснулъ лѣшій и всѣ звѣри съ шумомъ бросились въ одну сторону.

3. Пошелъ лѣсникъ въ лѣсъ. Идетъ мимо плотины и видитъ—лѣшій сражается съ водяными. Водяныхъ вышло видимо-невидимо и всѣ выдаютъ въ него камнями, а лѣшій одинъ и отбивается отъ нихъ деревомъ, вывороченнымъ съ корнемъ. Водяные начали одолевать лѣшаго, лѣшій кричитъ лѣснику: помоги мнѣ—выйдетъ сейчасъ ихъ набольшій, стрѣлай въ него, а съ мелочью я одинъ управлюсь. Только сказалъ онъ это, изъ воды выходитъ главный ваисъ—въ золотой одеждѣ и золотой шапкѣ. Лѣсникъ какъ хватить въ него изъ ружья—водяной повалился, а лѣшій тѣмъ временемъ разогналъ маленькихъ куль-пановъ. Потомъ лѣшій ваялъ мужика къ себѣ въ избу, угостилъ его и далъ денегъ.

4. Запутался Пермькъ и попалъ къ лѣшему въ избу. Лѣшій совсѣмъ какъ мужикъ. Только приходятъ въ избу три его дочери и лицъ не показываютъ. Тутъ только мужикъ догадался, у кого онъ въ гостяхъ ¹⁾.

5. Лежатъ Пермьки въ охотничьей избушкѣ ночью. Середь избушки огонь горитъ, не спать. Вотъ приходитъ къ нимъ старуха съ пряслицей, въ черной одеждѣ. Одинъ старикъ догадался, кто эта старуха и бросилъ въ нее полѣномъ. Тутъ вскочили собаки и прогнали лѣшачиху въ лѣсъ.

6. Лѣшій утащилъ дѣвку, покормилъ ее и держитъ у себя. Прошло немного времени ведетъ онъ парня и угощаетъ его своимъ хлѣбомъ. Дѣвка говоритъ—не ѣшь. Парень не сталъ ѣсть. Лѣшій подержалъ, подержалъ его и унесъ на старое мѣсто.

¹⁾ Ср. у Потанина Вот. сказку о Шуралѣ-лѣшемъ. Изв. Каз. Общ. Арх. Ист. и Эт. III,

7. Жилъ богатый мужикъ-знахарь. У него были срочные (работники). Разъ срочные въ воскресенье плетутъ ладни. Вдругъ въ избу заходитъ мужикъ—не высокій, толстый, въ русской одеждѣ—помолился образамъ и спрашиваетъ, дома-ли хозяинъ. Говорятъ: спать. Велѣлъ разбудить. Хозяинъ проснулся, выслалъ работниковъ и остался одинъ съ гостемъ въ избѣ. Спустя немного гость вышелъ, хозяинъ его проводилъ, зашелъ къ работникамъ и говоритъ: „посмотрите-ка, гдѣ гость“. А онъ на другой горѣ, версты за 8, вихремъ несется.

8. Шелъ мужикъ и увидалъ — вихрь вертитъ пыль на одномъ мѣстѣ. Мужикъ бросилъ въ середину столба ножикъ, вихрь пропалъ, пропалъ и ножикъ. Прошло немного времени, пошелъ онъ въ лѣсъ и забрелъ въ избушку. Въ избушкѣ сидитъ старуха, увидала его, посадила за столъ и начала рѣзать хлѣбъ. Смотритъ мужикъ на ножикъ въ рукахъ старухи и признаетъ его. Что смотришь — спрашиваетъ старуха. — Ножикъ какъ будто мой. — Твой, спасибо, что бросилъ имъ въ сына; ты поранилъ ему правый бокъ; теперь его не возьмутъ на службу. Накормила лѣшачиха мужика обѣдомъ, а лѣшакъ вывелъ его изъ лѣсу и отдалъ ножикъ.

9. Запутался и попалъ мужикъ къ лѣшему въ избу. Лѣшій держалъ его у себя мѣсяца два, потомъ уѣхалъ въ городъ со скотиной — продавать. Мужикъ благословился и убѣжалъ. Приходитъ домой, а тамъ ужъ его поминали, какъ мертваго.

10. Лѣшакъ разбрасывалъ у Пермяка сѣно. Пермякъ не сталъ его ругать, а сталъ молиться: „не ходи, пожалуйста, оставь мою работу, я одинъ, мое дѣло жалко“. Лѣшакъ пересталъ трогать его сѣно, а у тѣхъ, кто его ругалъ, все побросалъ въ воду.

11. Развели лѣшники на пустырькѣ съ сухимъ, выбитымъ лѣсомъ огонь. Вотъ несется вихрь-лѣшакъ. Кто позволилъ на моей дорогѣ огонь раскладывать!—весь востеръ разбросалъ.

12. Пошла баба въ лѣсъ за грибами. Незадолго до нея вышелъ изъ дому въ лѣсу изъ того-же мѣста мужикъ знахарь. Баба смотритъ, что съ мужикомъ: свачеть на сажень отъ земли, ватается по травѣ. Потомъ самъ мужикъ рассказываетъ ей: его трепалъ лѣшій за то, что по пусту кабалы ему писалъ, поднялъ выше себя, бросилъ на землю и давай трепать: зачѣмъ попусту кабалы пишешь, скотину звѣрь ѣсть, а ты меня тревожишь.

13. Ломаетъ вихрь у Пермяка крышу. Пермякъ взмолился: пощади, я лучше тебѣ водки привезу, пожди немного. Ждалъ-ждалъ лѣшій, догадался, что у мужика денегъ нѣтъ. Выѣхалъ Пермякъ боронить, боронить—вдругъ мѣдный котелъ съ серебряными деньгами. Мужикъ подобралъ деньги и говоритъ—ну теперь надо дядѣ вина поставить. Тутъ показался старикъ и спрашиваетъ, куда поставишь? Мужикъ поѣхалъ, купилъ три ведра водки и поставилъ за гумномъ. Лѣшакъ скорехонько выпилъ.

14. Ёдетъ Пермякъ въ Юмъ за хлѣбомъ. Попадается ему въ лѣсу человекъ и не сторонится. Пермякъ стегнулъ его плетью и ёдетъ дальше. Вдругъ остановивъ. Смотритъ мужикъ—лошади нѣтъ. Искали, искали, черезъ 12 дней нашли въ лѣсу, привязана къ дереву.

15. Одинъ „знатной человекъ“ изъ деревни Новожиловой, Бисеровской волости, подружился съ „долгимъ“, принималъ его по ночамъ къ себѣ въ гости и выпивалъ ему по ведру пива и по четверти ведра водки. Долгий помогалъ ему обворовывать сосѣдей и крестьянъ прочихъ деревень, съ условіемъ, чтобы часть добычи знатной ему отдавалъ за труды. Когда мужикъ разбогатѣлъ и пересталъ воровать, ему вздумалось раздружиться съ „долгимъ“. „Долгий“ на это разсердился, разломалъ крышу у амбара, въ которомъ хранилось все награбленное и попытался похитить его, мужикъ замѣтилъ продѣлку „долгаго“, закрылъ крышу и начертилъ на ней крестъ. „Долгий“ еще пуще разсердился, въ глазахъ народа схватилъ у мужика съ поскотинны жорову, поднялъ ее вверхъ

высоко и бросилъ въ низъ головою, корова тутъ-же и сдохла, ушла рогами въ землю¹⁾).

16. Надустился „долгій“ на одного мужика и частенько началъ раззорять его: то утащить у него скотину въ дѣсь куда-нибудь, то развѣть сѣно на лугу, то раскроетъ хоромину (крышу у избы) и т. под. Мужикъ долго терпѣлъ напасти отъ „долгаго“, вышелъ изъ терпѣнья и потомъ подмѣтилъ, какъ „долгій“ началъ во дворѣ у него подымать щепки, солому, хворостъ и т. под., выхватилъ изъ за опояски ножъ и бросилъ имъ въ верхъ. Послѣ этого, вдолгъ уже, идетъ мужикъ по дѣсу и видитъ на встрѣчу шагаетъ большой человекъ въ бѣлой одеждѣ и обѣ одномъ глазѣ. Повстрѣчались, мужикъ и спрашиваетъ большаго человѣка: „гдѣ у тебя другой глазъ?“—а помнишь, тотъ отвѣчаетъ ему:— какъ ты ножомъ-то бросилъ въ верхъ, тогда и выболды у меня глазъ-то. Мужикъ понялъ, что съ нимъ разговариваетъ „долгій“, а большой человекъ исчезъ и больше ужъ не зорилъ мужика“.

Разказы о водянномъ. — 1. Пошелъ одинъ Пермязъ стрѣлять утокъ, замѣтилъ кучку и крадется къ ней. Видитъ вайсь-куль спитъ на солнышкѣ за рѣкой, а къ нему крадется медвѣдь, хочетъ его съѣсть. Пермязъ крикнулъ вайсь-кулю: „вставай, тебя хочетъ съѣсть медвѣдь“. Вайсь-куль вскочилъ и бросился въ воду. Пришелъ Пермязъ вечеромъ домой и легъ спать. Въ полночь къ нему приходитъ вайсь-куль и зоветъ къ себѣ въ гости. Пошелъ Пермязъ съ водянымъ, залѣзли въ воду. Водяной угостилъ его, вывелъ изъ воды и отпустилъ.

2. Пошелъ Пермязъ стрѣлять утокъ. Приходилось переходить черезъ рѣву. По небу тѣмъ временемъ туча идетъ, огнемъ палить; вайсь-куль вышелъ изъ воды и дразнитъ бога (тучу), поколачивая себя по ваду. Пермязъ цодкрался и какъ треснетъ его. Вайсь не успѣлъ броситься въ воду и богъ

¹⁾ Сообщено А. Н. Шадровскимъ.

его спалилъ. Съ тѣхъ поръ у Пермяка ружье стало мѣткое и онъ много настрѣливалъ дичи.

3. Сидитъ вайсь-куль на плотинѣ. Пермякъ выстрѣлилъ въ него изъ ружья.—Водяной упалъ въ воду. Маленькіе водяные вылѣзли изъ воды и погнались за мужикомъ. Нѣскольکو ночей потомъ они ревѣли у его крыльца: „зачѣмъ убилъ у насъ отца!“

4. Жила старуха съ сыномъ. Сынъ былъ дуракъ. Идетъ онъ разъ мимо рѣки, видитъ—рыбаки поймали маленькаго водяного. Парень проситъ—„дайте мнѣ его“. Ночью вайсь-кули вышли изъ воды, собрались вокругъ дома старухи и просятъ—„отдай ребенка, дадимъ казны“. Парень выкопалъ ямку и поставилъ надъ нею волпавъ съ дырой; водяные сыпали-сыпали деньги, насыпали полную ямку.

5. Пошелъ мужикъ не благословясь ловить рыбу. Водяной сидитъ на берегу и чешетъ волосы. Пермякъ забранилъ его. Вайсь схватилъ его за полу и утащилъ съ собою въ воду.

6. Идетъ Пермякъ по плотинѣ и видитъ — держится у мельничнаго затвора громадная щука сажени въ три длиной. Пермякъ ударилъ ее острогой, щука ушла. Ночью къ Пермяку пришелъ вайсь-куль и кричитъ: „пускайте, вашъ мужикъ засѣлъ моего сына; загублю вашу семью“. Маялись, маялись люди и придумали: пошли къ мѣсту, гдѣ былъ засѣченъ вайсь, развели огонь, положили около него чурбанъ, одѣтый въ трапки, и спрятались. Вайсь-куль вылѣзъ и идетъ схватить спящаго. Тутъ его засѣли острогой.

7. Маленькій водяной пугалъ у рыбака рыбу. Рыбакъ его ударилъ острогой. Водяной вышелъ изъ воды и говоритъ рыбаку: пойдѣмъ за мной, зачурь глаза. Пошелъ Пермякъ, видитъ въ водѣ большой домъ, въ немъ водяной съ острогой въ тѣлѣ. Пермякъ вынулъ ее, ему дали денегъ и проводили на берегъ.

8. Спалъ старикъ Пермякъ на мельницѣ въ избушкѣ. Пришли водяные, вытащили его до половины изъ избушки

и стали давить; пальцы у нихъ холодные. „Кто вы“ — спрашивает старикъ, — „Мы водолазы, тундру ѣдимъ“ — говорятъ водяные.

9. Шель Пермякъ-охотникъ по берегу, на бережѣ сидитъ водяной. Пермякъ подстрѣлилъ его. Водяной упалъ въ воду и рѣчка окрасилась синею кровью. Тутъ вышли три водяныхъ и говорятъ: „зачѣмъ убилъ нашего товарища“, — схватили его и засунули до пояса въ болото.

10. Попалъ солдатъ въ водяному въ омутъ, женился тамъ на его дочери и выжилъ много лѣтъ. Потомъ какъ-то ему удалось уйти отъ водянаго. Приходить онъ домой. Войти въ избу нельзя — мѣшаетъ крестъ. А тамъ въ это время была пирушка — жена выходила за другого за мужъ. Пошелъ солдатъ въ погребъ и сталъ ждать, когда пойдетъ жена за брагой. Вотъ приходитъ жена. Солдатъ здоровается съ ней; жена его не видитъ. Солдатъ говоритъ — ступай, принеси мнѣ вѣнчалную одежду и выдай въ меня на отмашь. Жена сдѣлала все, какъ онъ велѣлъ. Солдатъ одѣлся и стало всѣмъ его видно. Спрашиваютъ солдата сосѣди: а какъ-же мы тебя похоронили — тебя выбросило на берегъ. Ступайте, говоритъ солдатъ, на могильникъ и посмотрите, что тамъ зарыто. Пошли мужики, разрыли могилу, нашли тамъ березовую чурку (чурбанъ).

Мы уже имѣли случай замѣтить, что души утопленныхъ младенцевъ начинаютъ въ представленіи Пермяковъ сливаться съ водяными. Приводимъ здѣсь рассказъ, характерный въ этомъ отношеніи.

„Однажды мужикъ пріѣхалъ на мельницу, засыпалъ свою рожь въ жерновы тюрникъ, а самъ прилегъ рядомъ съ мельницею въ „дербенѣ“ въ ожиданіи, пока сметется засыпанная рожь. Въ дербенѣ и на мельницѣ кромѣ его никого не было. Вдругъ, изъ подъ полу выходятъ „ичетики“ — маленькіе мохнатенькіе человѣчки, садятся мужику на руки, ноги и грудь и начинаютъ просить у него пудовку муки и въ случаѣ отказа грозятъ задавить мужика и утащить его къ себѣ въ

воду. Мужикъ общаетъ имъ пудовку ржи, оговариваясь только тѣмъ лишь, что вечѣмъ мухи свѣшать. Ичетики говорятъ, что вѣсы у нихъ найдутся, и тотчасъ-же исчезаютъ. Мужикъ послѣ этого поспѣшно встаетъ и бросивъ засыпанную рожь, съ испугу уѣзжаетъ домой.

Къ разряду водяныхъ-же духовъ относится „шишига“, которая обитаетъ преимущественно въ озерахъ и прудахъ. „Шишига“ по виду будетъ съ взрослою женщиною, одежды у ней нѣтъ, на головѣ имѣеть длинные волосы, которые она нерѣдко чешетъ гребнемъ, выходя на землю изъ воды. „Одинъ рыбаекъ Зюзино-Воскресенскаго прихода, выйдя однажды на известное вѣзмъ „чертово озеро“ порыбачить, увидѣлъ „шишигу“ которая сидѣла на кочкѣ и заплетала свои волосы въ косы. „Шишига“ замѣтивъ мужика и испугавшись его, нырнула въ воду, а гребень, которымъ чесала свои волосы, оставила на кочкѣ. Рыбаекъ подплылъ къ кочкѣ на лодкѣ, взялъ гребень оставленный „шишигою“ и принесъ его къ себѣ въ избу. Въ тотъ-же день, лишь-только съерклось и все семейство рыбака улеглось спать, послышалось постукиванье въ дверь и голосъ „шишиги“, жалобно умолявшей рыбака возвратить ей гребень. Рыбаекъ отворилъ окно и выбросилъ гребень, — схватила его проворно „шишига“ и исчезла“ (Шатровъ).

Прежде чѣмъ дѣлать выводы изъ того матеріала, который заключается въ предложенныхъ разсказахъ, сдѣлаемъ кое-какія поясненія къ деталямъ, которыя представляются непонятными. Въ 4 разсказѣ мужикъ узнаетъ дочерей лѣшаго по тому, что онѣ не показываютъ своихъ лицъ. Ключъ къ этой примѣтѣ, мы думаемъ, заключается въ вотяцкой сказкѣ о лѣшемъ и его дочери, въ которой эта послѣдняя представляется. Въ 13-мъ разсказѣ мы видимъ, что лѣшій трещеть знахаря за то, что онъ ищетъ кабалы. Объ этихъ кабалахъ первое упоминаніе въ литературѣ встрѣчаемъ мы у Подосенова. Пермякъ въ случаѣ пропажи скотины считаетъ нужнымъ обратиться къ лѣшему съ просьбой, чтобы онъ воротилъ ее. Писать кабалы берутся особые знахаря. Кабала пи-

шется на кускѣ бересты углемъ и состоитъ по рассказамъ лицъ, видавшихъ ихъ случайно въ лѣсахъ, изъ подобія геометрическихъ фигуръ, нацарапанныхъ въ серединѣ куска. Знахарь украдкой, чтобы никто не видалъ, относитъ ее въ лѣсъ и вѣшаетъ на дерево или кладетъ на пенъ. Если скотина не заѣдена звѣремъ, лѣшій иногда исполняетъ просьбу. Назойливымъ знахарямъ за то подѣ часъ отъ него достается ¹⁾.

Подбирая изъ приведенныхъ рассказовъ черты, характеризующія лѣшихъ и водяныхъ, мы видимъ, что родъ этихъ стихійныхъ духовъ представляется Пермькамъ такъ-же, какъ и Вотякамъ. „Лѣсной человекъ“ живетъ, какъ и всякій Пермькъ, въ домѣ, ведетъ хозяйство, держитъ скотину, работниковъ, торгуетъ. Избы его указываютъ очень опредѣленно въ глухихъ лѣсахъ той или другой волости. И своть, и людей онъ забираетъ въ лѣсу и возвращаетъ, если его объ этомъ стануть просить. Появляясь среди людей, онъ принимаетъ видъ человека то обыкновеннаго, то очень высокаго роста и одѣвается въ бѣлый шабуръ (какъ одѣвались прежде и сами Пермьки—замѣтимъ мимоходомъ). По словамъ Хлопина, лѣшаго все-же можно узнать по отсутствію рѣсницъ и бровей ²⁾. Отличительный признакъ „долгаго“ у Зюдяевовъ это бѣлый „зипунъ“ (армякъ) запахнутый лѣвою полою наверхъ. Запахнувшихъ лѣвою полою наверхъ, хотя-бы и невзначай, въ Зюздинѣ считаютъ людьми подозрительными и непременно имѣющими сношенія съ „долгимъ“. Лѣшіе живутъ семьями, вступаютъ въ бракъ и плодятся. Во время свадебъ у нихъ бывають такіе-же поѣзда, какъ и у людей. Путь, по которому проѣхалъ свадебный поѣздъ лѣшихъ, можно узнать по сломаннымъ деревьямъ. Подобно своему Вотяцкому тезкѣ, пермяцкій лѣшій путешествуетъ и совершаетъ свои продѣ-

¹⁾ Тоже имѣетъ мѣсто у Олонец. крестьянъ. Этн. Сборн. VI, 12.

²⁾ Изв. Р. Геогр. Общ. 1849, 24.

ки надъ людьми — въ особенности похищаетъ женщинъ—въ видѣ вихря. Въ силу такого возрѣнія на природу вихря женщины особенно его боятся. Въ селѣ Верхъ-Инвенскомъ мы имѣли случай наблюдать характерную въ этомъ отноше- ніи сцену. На пригорѣ надъ р. Инвой собралась кучка дѣвушекъ и молодыхъ людей—пѣли пѣсни, ходили кругомъ. Вдругъ на дорогѣ между огородами показалось несущее пря- мо на игрище облачко пыли. „Лѣшаеъ, лѣшаеъ!“ закричали дѣвушки и рассыпались по сторонамъ.

Сходство пермяцкаго лѣшаго съ вотяцкимъ этимъ не исчерпывается. Мы имѣли случай замѣтить въ очеркѣ „Во- тьяки“, что лѣшій играетъ въ жизни Вотяка видную роль въ такихъ случаяхъ, которые не вяжутся съ его прямымъ сти- хійнымъ значеніемъ: онъ является покровителемъ семьи и до- машняго благополучія. Тамъ-же мы дали и объясненіе для этого явленія. Съ таковой-же ролью является вѣрысь-мортъ и у Пермяковъ. „Власть Вѣрчена, говорить г. Добротворскій не ограничивается однимъ лѣсомъ, какъ у Русскаго лѣшаго; она обнимаетъ всю жизнь Пермяка, одинаково чувствительна въ берѣѣ, въ семьѣ и въ полѣ. . . Захвораетъ-ли жена или кто либо изъ домашнихъ, отправляется-ли онъ въ извозъ, случится-ли какое несчастіе—ездѣ и всегда призываетъ онъ на помощь Вѣрчена, принося ему посильную жертву ¹⁾“. Слѣ- ды такого отношенія можно замѣтить и у Инвенскихъ Пер- мяковъ. Мы припоминаемъ, съ какою грустью отвѣтилъ намъ Пермякъ на вопросъ, участвуетъ-ли лѣшій въ войнахъ: „те- перь пушки пошли, дядѣ нѣтъ больше дѣла до рабовъ („ра- бами“ до сихъ поръ часто называютъ себя Пермяки, бывшіе Строгановскіе вѣрчпостные). Кажется, подобно Вотяцкимъ повитухамъ въ случаѣ трудныхъ родовъ обращаются къ лѣ- шему и Пермяцкія. Главной областью вліянія „дяди“ остает-

¹⁾ Добр. I. с. IV, 574. Замѣтимъ, что слова Вѣрченъ мы у Пермя- ковъ не встрѣтили. Намъ кажется, что вмѣсто него должно быть Вѣрчс- женъ лѣсной богъ.

ся все же лѣсъ и его население. Лѣшій перегоняетъ съ мѣста на мѣсто звѣрей и въ силу этого въ одинъ годъ здѣсь бываетъ удачная охота, въ другой — тамъ. Возрѣнія Пермязовъ на счетъ водяного „вансъ - морта“ такъ-же не отличаются отъ вотяцкихъ. Водяной—человѣкообразное, смертное существо, живетъ въ водѣ въ хорошо устроенной избѣ, забираетъ въ себѣ въ работники утопленниковъ, подмѣнивая ихъ чурками. Человѣкъ можетъ проникнуть въ его жилище, но для этого такъ-же, какъ и по Вотяцкимъ вѣрованіямъ, долженъ закрыть себѣ глаза. Вопросъ о томъ, какъ человѣкъ живетъ въ водѣ, Пермязи разрѣшаютъ одинаковымъ съ Вотяками образомъ: водяные обладаютъ какой-то тайной, которая даетъ имъ возможность свободно передвигаться въ водѣ; болѣе простое рѣшеніе заключается въ общемъ обоимъ народамъ повѣрью, что водяной принимаетъ видъ рыбы--щуки.

Послѣ водяного и лѣшака, образы которыхъ отчетливѣе всего сохранились въ воображеніи Пермязовъ, можно указать слѣды былого поклоненія вѣтрамъ и землѣ. Духи вѣтровъ блѣдно рисуются, какъ и въ вотяцкой мифологіи, сливаясь съ лѣшымъ-вихремъ. Только изъ выраженія „тыль-пэри шувкемъ“ которое употреблялось для обозначенія паралича, можно догадываться, что Вотяки приписываютъ нѣкоторыя болѣзни вѣтрамъ. Отголоски этого вѣрованія слышатся и у Пермязовъ въ названіи судороги ой-тов (сѣверный вѣтеръ).

На былой культъ земли указываетъ обычай зарывать въ землю кости жертвеннаго животнаго, лить при празднествахъ, водку, класть при закладкѣ дома мясо и шерсть и оставлять на полосѣ нѣсколько несжатыхъ колосевъ.

Съ культомъ растений мы уже до извѣстной степени знакомы по легендѣ о „прокудливой березѣ“. Кромѣ березы большимъ уваженіемъ Пермязовъ пользуется верескъ, вѣтвями котораго они, какъ и Вотяки, запасаются въ великій четвергъ, чтобы отгонять злыхъ духовъ. Въ тоже время, по словамъ Хлопина, приносятся пихтовые кражики, которые остаются цѣлый годъ у печки. На культъ растений указываетъ и обы-

чай приносить при закладѣ дома изъ лѣса небольшую елочку, вырванную съ корнемъ, ставить ее въ переднемъ углу и приносить около нея различныя пожеланія. Этотъ обычай имѣеть мѣсто и у Вотяковъ и находится, какъ мы показали въ своемъ мѣстѣ, въ связи съ поклоненіемъ деревьямъ-покровителямъ. Хлопинъ говоритъ объ обычаѣ Пермьяковъ носить во время путешествія на шеѣ ладонку „съ завѣтными травами и корнями“. Когда Пермьякъ дома, такая ладонка хранится на божницѣ и чествуется, какъ святыня ¹⁾. По словамъ Рогова, пихтовое помело, сдѣланное въ Великій четвергъ, защищаетъ печь отъ разрушенія ²⁾.

Лѣтописи говорятъ намъ о культѣ животныхъ. Не вполне довѣряя ея показаніямъ, мы можемъ сказать, что Пермьяки не чужды были тому культу медвѣдя, который такъ развитъ у ихъ восточныхъ родичей—потомковъ древней Югры. Медвѣдь рисуется въ пермяцкихъ сказкахъ, какъ существо челоѣвообразное и обладающее свѣрхъ-естественными свойствами. Приводимъ двѣ характерныхъ сказки о медвѣдѣ.

Пошли три дѣвочки въ лѣсъ за ягодами, заплутались и ночью пришли въ избушку медвѣдя. Спустя немного времени пришелъ медвѣдь и началъ варить кашу; варить и бросаетъ въ нее съ себя шерсть. Когда каша поспѣла, медвѣдь велитъ дѣвочкамъ ѣсть. Двѣ старшія дѣвочки поѣли этой каши, младшая отказалась. Когда дѣвочки поѣли, медвѣдь принесъ ступу и велѣлъ дѣвочкамъ черезъ нее прыгать: которая изъ дѣвочекъ перепрыгнетъ, ту онъ отпуститъ. Двѣ старшія перепрыгнули, младшая не смогла и попала въ ступу. Пришлось ей остаться у медвѣдя. Медвѣдь принесъ зыбку, влѣзъ въ нее и велѣлъ дѣвочкѣ качать, приговаривая: „спи медвѣдь, спи толстой!“ Такъ прожила дѣвочка нѣсколько дней. Приходитъ къ ней баранъ и предлагаетъ увезти ее. Дѣвочка сѣла на барана и поѣхала. Медвѣдь проснулся,

¹⁾ Извѣст. Р. Геогр. Общ. 1849, 24.

²⁾ Перм. Сборн. II, 28.

догналъ дѣвочку и снова посадилъ ее качать. Въ другой разъ, когда медвѣдь спалъ, дѣвушка убѣжала на быкъ.

Пошелъ мужикъ охотится на медвѣдей. Убилъ одного медвѣдя, содралъ съ него шкуру и идетъ домой. Вдругъ слышитъ, кто-то за нимъ гонится, оборачивается — медвѣдь. Испугался мужикъ, не знаетъ, что дѣлать. Тутъ появляется передъ нимъ старичекъ и говоритъ: „сдѣлай липовый лукъ, липовую стрѣлу и выстрѣли въ медвѣдя, потомъ забей ему воль въ голову и изруби все его тѣло на части—тогда уже медвѣдь не встанетъ“. Мужикъ такъ и сдѣлалъ.

Въ связи съ этой способностью медвѣдя мстить своему убійцѣ стоитъ безъ сомнѣнія повѣрье, что если подъ строящійся домъ подбросить медвѣжьи кости, то домъ будетъ несчастливый.

Къ былому культу огня слѣдуетъ отнести обычай разводить „живой огонь“, „деревянный огонь“ (д'урт-би). Огонь этотъ добывается треніемъ одинъ о другой двухъ кусковъ дерева. Одинъ кусокъ устанавливается неподвижно, другой вращается въ горизонтальномъ направленіи при помощи ремня. Когда огонь добытъ, выходы изъ деревни закладываются зажженными торфяными кочками и черезъ нихъ перегонаютъ скотину. „Живой огонь“ разводится осенью или когда скотина болѣетъ. Анимистическое воззрѣніе на огонь сказывается въ томъ, что Пермькъ, желая сказать „огонь не гаснетъ“—говорить „огонь живетъ“.

За существами, которыхъ Пермькъ видитъ въ окружающей природѣ, слѣдуетъ рядъ существъ, которые связаны такъ или иначе съ жилищемъ человѣка. Главнымъ изъ нихъ является—домовой. Но кромѣ „сусѣдка“ Пермьки знали въ былое время рядъ другихъ существъ.

Въ настоящее время Пермькъ, не отдавая отчета—почему, считаетъ необходимымъ заколотъ и съѣсть въ новоотстроенномъ овинѣ пѣтуха. Разгадка этого обычая заключается въ обрядахъ и вѣрованіяхъ Вотьяковъ. И Вотьякъ въ извѣстное время — по окончаніи молотбы — относитъ въ овинную яму

хлѣба и кумышки или колетъ тамъ утку, но онъ знаетъ, для чего это дѣлаетъ. Передъ тѣмъ, какъ совершить жертву и приступить къ трапезѣ, онъ молится Обинь-мурту— „овинному человѣку“ (духу) ¹⁾ и благодарить его за то, что тотъ берегъ овинъ.

Въ заброшенныхъ постройкахъ и нежилыхъ старыхъ избахъ поселяется „кусь-дядя“ (долгій дядя или дѣдушка —лѣсной, лѣшій?). Сначала „кусь-дядя“ поселяется одинъ себѣ, а потомъ съ подругою „викиморой“, вскорѣ у нихъ нарождаются дѣти. Нѣкоторые изъ Пермьяковъ, проходя мимо такихъ мѣстъ въ ночную пору, слыхивали дѣтскій плачь и говоръ... При большомъ плодородіи, наполнивъ амбары хлѣбомъ, зюдыаки поручаютъ храненіе таковаго „кусь-дядѣ“. — Если хлѣбъ долго пролежитъ въ амбарѣ и запахнетъ, то „кусь дядя“ старается такой хлѣбъ забрать въ свою собственность. Рассказываетъ одинъ крестьянинъ, что залежавшуюся у него въ амбарѣ рожь онъ вздумалъ продать мѣстному торговцу. Но не смотря на усилія какъ собственныя, такъ равно и своихъ семейныхъ, онъ не могъ отворить амбарной двери, хотя замокъ державшій дверь хорошо отперся. Кто-то посоветовалъ этому крестьянину купить табакъ и подарить его „кусь-дядѣ“. Купивъ табакъ, крестьянинъ побросалъ его на крышу амбара. На другой-же день смотреть: табакъ на крышѣ нѣтъ, а дверь ведущая въ амбаръ свободно отворяется (Шатровъ). На основаніи обычая относить въ ночь на 1 января (Васильевъ вечеръ) въ хлѣвъ кости отъ свиныхъ и овечьихъ головъ и ногъ можно предположить, что Пермьяки нѣкогда приносили жертвы духу, охраняющему хлѣвъ и скотину ²⁾. Къ числу существъ, связанныхъ съ жилими постройками, относятся у Пермьяковъ „чуды“. У Зырянъ Вологодской и Архангельской губерній существуетъ обычай скакать въ

¹⁾ Первухинъ. Эскизы. I, 96.

²⁾ Ср. Первухинъ. Эскизы.

Крещенье на лошадяхъ по улицамъ ¹⁾). Мы нашли этотъ обычай широко-распространеннымъ во всемъ Пермскомъ краѣ и имѣемъ возможность объяснить его. Скачка эта называется у Пермяковъ „Чуддэз вашетлыны“, Чудовъ топтать, гонять. Въ Крещенье между заутреней и обѣдней („какъ богъ засвѣтаетъ“) около церкви собирается народъ—верхомъ на лошадяхъ, съ вольями, нагайками, человѣкъ до сотни и скачутъ, топчуть Чудовъ и гонять до другой деревни. Чуды бѣгутъ изъ деревень въ воду, въ избу зайти они не могутъ. Изъ распросовъ о томъ, что это за существа Чуды, оказалось, что они появляются на землѣ въ то время, которое приходится ровно черезъ полгода со времени цвѣтенія ржи („цвѣтье“ — р. святки) и рассказываютъ, указывая людямъ, что съ ними будетъ. Къ этому времени у Пермяковъ приурочиваются разнообразнаго рода гаданья на счетъ будущаго. Пермяки ходятъ „слушаются“. Собирается нѣсколько человѣкъ, выходятъ на рѣчку на ледъ, обводятъ три круга, садятся въ немъ съ иконою и слушаютъ. Кому умереть,—Чуды строгаютъ доски, вколачиваютъ гвозди, у кого пожаръ будетъ,—услышится шумъ, крикъ народа, у кого коровы пропадутъ, начнутъ Чуды ногами комки набрасывать. Чтобы узнать, какой хлѣбъ будетъ, ходятъ на гумно: если услышать пѣсни, хорошій урожай будетъ. По описаніямъ Пермяковъ Чуды—маленькіе человѣчки. Одинъ Пермякъ чуть отбился отъ нихъ на своемъ гумнѣ. Въ остальное время года Чуды живутъ въ пустыхъ, заброшенныхъ домахъ и поѣдаютъ всякаго, кто туда забредеть: „не ходи въ пустой домъ, Чуды съѣдятъ“—говорятъ Чердынскіе Пермяки. Живутъ Чуды и въ баняхъ („чудъ-ціаны“) и похищаютъ, перемѣняютъ людей, которые парятся тамъ не благословясь. Одного старика Чуды „перемѣнили“ и онъ сталъ страшнымъ обжорой—съѣдалъ по 5 челпановъ хлѣба.

Что такое представляютъ собою чуды, остается неяснымъ. По имени можно было-бы предположить, что это духи ста-

¹⁾ Максимовъ. Годъ на сѣверѣ.

рыхъ Чудаковъ, освобождающіеся временно изъ другаго міра. У Пермьяковъ чуддѣвъ означаетъ и Чуда, какъ духа, и Чудака, чучкаго—древнѣйшаго обитателя края. Въ пользу такого предположенія говоритъ какъ будто и то, что и Чуды и Чучкіе представляются Пермьякамъ съ одинаковыми физическими признаками: тѣ и другіе маленькіе человѣчки. Такъ по крайней мѣрѣ рисуются чучкіе въ Пермьяцкихъ разсказахъ, которые безъ сомнѣнія лежатъ въ основаніи насмѣшливыхъ разсказовъ о „Вятскихъ“, „пошехонцахъ“. Позволяемъ себѣ привести здѣсь одинъ изъ такихъ разсказовъ, потерявшій свой смыслъ въ русской передачѣ. — Чучкіе были маленькіе человѣчки, жали хлѣбъ шилами, складывали его въ мѣшки размѣромъ съ нынѣшній чулокъ. Однажды 40 чучкихъ жали. До полдня они нажали одинъ суслонъ и легли спать. Пока они спали, пришелъ Іентъ съ серпомъ, нажалъ 40 суслоновъ и оставилъ серпъ (черла, по южн. черва) въ суслонѣ. Чучкіе проснулись, увидали незнакомую вещь, приняли ее за живое существо и порѣшили утопить: привязали къ ручкѣ веревку, сѣли въ лодку, дернули и опрокинулись въ воду.—Было-бы очень желательно собрать побольше разсказовъ о Чудахъ, чтобы выяснитъ ихъ природу¹⁾.

Языческіе боги, до сихъ поръ живущіе въ воображеніи Пермьяка, какъ и боги, данные христіанствомъ, требуютъ отъ человѣка жертвъ — и эти жертвы иногда превосходятъ то, что можетъ предложить Пермьякъ новымъ богамъ. Среди Чердынскихъ и Соликамскихъ Пермьяковъ распространено убѣжденіе, что мельникъ, устраивающій новую мельницу, отдастъ водяному одного или нѣсколько человѣкъ изъ рабочей артели. Этотъ обѣтъ, остатокъ былаго обычая приноситъ

¹⁾ Природа Чудовъ, время ихъ дѣятельности и отношенія къ нимъ Пермьяковъ соответствуетъ тому, что мы знаемъ у Глазовскихъ Вотьяковъ относительно Вожо. Въ Крещенье у нихъ также бывають «проводы Вожо», которые подобно Чудамъ разгуливають по землѣ въ теченіе всѣхъ святокъ (зимняго цвѣтя). Ср. Первухинъ. Эск. II, 105—в. III—сказки о Вожо.

человѣческія жертвы—обычай, который имѣлъ мѣсто у Коми, Югры и Суоми. Вятскіе, Орловскіе Пермьяки сохранили до сихъ поръ воспоминаніе о томъ, что у ихъ предковъ былъ богъ, который требовалъ человѣческихъ жертвъ ¹⁾). Стоятъ послѣ того какъ устроена мельница, по близости ея утонуть человѣку и Пермьяки говорятъ, что это ваисъ - куль взялъ обѣщанную ему мельникомъ жертву. Бойскіе на языкъ люди сообщаютъ, сколько обѣщаль человѣкъ мельникъ. Въ Ошибѣ намъ рассказывали, что въ ихъ волости строилась въ одномъ мѣстѣ мельница. Хозяинъ обѣщаль 9 человѣкъ помочанъ водяному и водяной началъ ихъ вскорѣ забирать. Подошелъ праздникъ. Одинъ молодецъ ходилъ въ часовню, напился и сталъ переходить рѣку — ледъ въ это время уже таялъ — и провалился: водяной взялъ его, осталось еще 8 человѣкъ. Водяной, который извелъ одного мельника, даетъ уже другому свободу. — Въмѣсто человѣка въ настоящее время даютъ водяному кошекъ, собакъ. Представленіе о томъ, что духи могутъ требовать человѣческихъ жертвъ—несомнѣнный остатокъ былого обычая человѣческихъ жертвоприношеній—имѣеть мѣсто и у Глазовскихъ Пермьяковъ. Г. Спицынъ, со словъ А. Н. Шатрова, сообщаетъ любопытное въ этомъ отношеніи преданіе о „чудскомъ камнѣ“ близъ деревни Подгорной Бисеровской волости. Въ былое время въ семикъ, въ Петровъ день и въ Ивановъ день старики приносили на чудской камень яства. Тотъ, кому назначались эти приношенія, видимо не вполне оставался ими доволенъ: разъ передъ однимъ изъ стариковъ явился изъ подъ камня человѣкъ и сказалъ по пермяцки: „дай мнѣ человѣка съѣсть—и я тебѣ выкачу три корчаги денегъ“ ²⁾).

Приступая къ постройкѣ новаго дома, Пермьякъ владеть въ землю нѣсколько мѣдныхъ монетъ, разной зерновой хлѣбъ и разныхъ цвѣтовъ овечью шерсть. Въ насто-

¹⁾ Добротъ. III, 230. Шурма (не Турма? Ср. вогул. Торомъ).

²⁾ Вят. Губ. Бѣд. 1889, № 62.

ящее время этотъ обычай истолковываютъ желаніемъ, чтобы въ новомъ домѣ водились деньги, хлѣбъ и скоть ¹⁾). Когда положить овладные вѣнцы на мѣсто, хозяйка приноситъ хорошую овчину и стелеть ее въ верхъ шерстью на землю по срединѣ сруба. На овчину кладутся приготовленные яства и питья и начинается пиръ помочанъ ²⁾). Поднявъ избу до матицы, хозяинъ предлагаетъ помочанамъ новое угощеніе и опять на овчинѣ посреди пола; въ маточныя гнѣзда кладется разноцвѣтная шерсть. Переходятъ въ новый домъ около полуночи. Хозяинъ дома, взявши съ божицы икону, подходитъ въ голбцу и зоветъ домоваго: „сусѣдушко, братунушко, поидежь въ новый домъ; какъ жили въ старомъ домѣ хорошо, такъ будемъ жить и въ новомъ — люби мой скоть и семейство ³⁾). Затѣмъ всѣ отправляются въ новый домъ. Прежде, чѣмъ войдти, хозяинъ пускаетъ въ избу цѣтуха и курицу и ждетъ до тѣхъ поръ, пока цѣтухъ пропоеть. Икона ставится на божицу, сусѣдко приглашается въ новый голбець.

Наканунѣ Рождества въ каждомъ домѣ готовились изъ тѣста фигурки разныхъ домашнихъ животныхъ—овецъ, свиней, телятъ и т. д. и складывались на божицу, гдѣ ихъ держали до Крещенья ⁴⁾). Въ связи съ старыми вѣрованіями стоятъ, конечно, нѣкоторые трудно объяснимые въ настоящее время обычаи. Таковъ напр. обычай во время грозы выбрасывать въ окно икону, косу; не ѣсть, во время града выбрасывать метелку, икону, яйца, топоры, косы. Въ этихъ обычаяхъ какъ будто перепутались два отношенія къ духамъ, производящимъ грозу и градъ: желаніе умилостивить (выбрасываніе яицъ) и желаніе напугать духа отогнать его новымъ для него предметомъ (икона, желѣзная вещь).

¹⁾ Роговъ. Мат. 98.

²⁾ Ibid. 99—100.

³⁾ Ibid. 102.

⁴⁾ Перм. Сборн. II, 31.

Посредниками между людьми и богами были у древних Пермьковъ волхвы, обаянники. Типомъ ихъ является противникъ св. Стефана Памъ. Памъ былъ сотникомъ въ Вымской области, „держалъ своимъ волшебствомъ всю Пермскую землю“; онъ являлся между прочимъ рѣшителемъ судьбы виновнаго въ святотатствѣ. По отношенію къ богамъ его роль выражается въ томъ, что онъ выдавалъ себя способнымъ напустить боговъ на своего противника и узавать при помощи ихъ, что дѣлается въ дальнихъ странахъ. Эту способность или искусство Памъ, какъ и другіе „волхвы“, приобрѣтали по наслѣдству отъ родителей и, конечно, передавали дѣтямъ ¹⁾). Для выполненія священной миссіи волхвы должны были приходиться въ особенное возбужденное состояніе. На это намекаетъ выраженіе — „волшевеніемъ одержимые“. Сила волхвовъ выражалась въ господствѣ надъ стихіями.—Всматриваясь въ черты, которыми характеризуется Пермскій волхвъ, мы отыскиваемъ полное тождество его съ Лопарскимъ войдомъ и Остяцкимъ шаманомъ. Христіанство уничтожило общественную роль волхвовъ. У новыхъ боговъ явились новые служители. Даже тамъ, гдѣ сохранились общественныя богослуженія, старшій въ деревнѣ только при отсутствіи священника выдвигается впередъ. „Вѣжливы“ сохранили однако свое значеніе въ области христіанскаго культа. Мы знаемъ уже, какъ грубо-материалистически смотритъ Пермькъ на свои отношенія къ „богамъ“: имъ нужны жертвы, пища и чтобы получить ее, они посылаютъ мыжь. Задача постигнутого мыжемъ заключается въ томъ, чтобы опредѣлить, какой „богъ“ требуетъ угощенія и разрѣшить ее можетъ только „вѣжливецъ“, черешванникъ. „Вѣжливецъ“ въ данномъ случаѣ выполняетъ точь въ точь ту роль, которая у Черемисъ принадлежитъ мужедамъ, у Вотяковъ туно.

Искусство напускать боговъ не чуждо и современнымъ вѣжливамъ съ той разницей, что теперь вѣжливецъ напу-

¹⁾ Пам. Стар. р. Лит. III, 145. «У батка своего сего не навыхомъ».

скаеть болѣзни или какое нибудь другое бѣдствіе. Вѣжливецъ можетъ испортить человѣка прикосновеніемъ, дуновеніемъ, взглядомъ. Подобно вотяцкимъ туно и Лопарскимъ нойдамъ, „вѣжливцы“ обладаютъ способностью оборачиваться разными животными сами и оборачивать другихъ. Въ особенности опасными являются „знаткіе“ во время свадебъ: тутъ они могутъ оборотить въ волковъ или другихъ звѣрей цѣлый свадебный поѣздъ. Чтобы предупредить такую бѣду, въ поѣздъ обязательно приглашаютъ человѣка, извѣстнаго за знаткаго. Если въ деревнѣ или околицѣ есть другой „знаткой“, между противниками возникаетъ формальное состязаніе: одинъ обернется напримѣръ коровой и норовитъ загадить дорогу, другой оборачивается волкомъ или медвѣдемъ и бросается за коровой. Результаты этого состязанія выражаются послѣ въ томъ, что одинъ изъ знаткихъ является поматымъ и лежитъ нѣкоторое время въ постели. Старая близость нойдовъ къ богамъ выражается въ настоящее время въ томъ, что знаткіе дружатъ съ лѣшными, водяными и при помощи ихъ пользуются удачей въ охотѣ. „Знаткой“ ловитъ, напр., рыбу безъ сѣтей, прямо руками. Къ „знаткимъ“, какъ мы уже знаемъ, обращаются Пермьки и въ томъ случаѣ, когда нужно написать кабалу лѣшему.

„Знаткимъ“, конечно, принадлежитъ изобрѣтеніе разнаго рода гаданій, которые въ настоящее время являются извѣстными каждому Пермьку. Въ случаѣ кражи всѣмъ сосѣдямъ раздаются ровныя лучинки въ видѣ спицъ. Вора узнаютъ по тому, что онъ обкусываетъ свою лучинку, чтобы сдѣлать незамѣтнымъ ея ростъ. Если воръ остается неизвѣстнымъ, стараются узнать, найдется-ли вещь. Для этого одни бросаютъ рукавицу и смотрятъ, какъ она легла: если пальцемъ вверхъ, найдется; другіе запутываютъ длинное лычко, рѣжутъ на части, потомъ связываютъ на узелки и если изъ связанныхъ частей лычка образуется цѣльная лента, воображаютъ, что пропажа нашла дорогу, т. е. ее не найти. Чер-эшванщики дѣлаютъ видъ, что они гадая приходятъ въ особенное состояніе. Выраженіемъ этого состоянія является усиленная зѣвота.

Въ 40-хъ годахъ по свидѣтельству Хлопина искусствомъ колдовать славились особенно Чердынскіе знахари. Имъ ничего не стоило сглазить человѣка, вселить въ него гадинъ, прицѣпить вилу ¹⁾. Вѣжливцы являются у Пермьяковъ и наиболѣе пользующимися довѣріемъ лекарями. Христіанское духовенство и вѣжливцы не вытравили однако воспоминанія о былой жреческой роли отца семейства. Въ Великій четвергъ онъ еще въ 60-хъ годахъ приносилъ по обычаю жертву домашнему „богу“: ставилъ передъ иконами въ рѣшетѣ зерновой хлѣбъ, челпанъ и соль ²⁾. Въ другіе праздники онъ зажигалъ передъ иконами свѣчу, курилъ ладаномъ и молился во главѣ семьи надъ столомъ, покрытымъ праздничными яствами, которыя потомъ на время убирались ³⁾. Яствами этими въ Васильевъ вечеръ служили овечьи и свиные головы.

Мы обозрѣли всю область духовнаго творчества Пермьяка. Явленія, въ которыхъ оно выражается, показываютъ, что и здѣсь, какъ въ области приспособленія къ своимъ нуждамъ природы и въ области творчества общественно-бытоваго Пермьякъ не пошелъ дальше зачаточныхъ стадій. Въ языкѣ, который служитъ выраженіемъ его понятій о вещахъ и явленіяхъ, онъ не пошелъ дальше конкретныхъ терминовъ; разбираясь въ отношеніяхъ между явленіями, стараясь отыскать ихъ связь, онъ руководствуется исключительно послѣдовательностью ихъ; вопросъ о сущности явленій онъ разрѣшилъ анимистически, признавши жизнь, духъ въ каждомъ предметѣ окружающаго міра; въ культѣ этихъ явленій - духовъ онъ не пошелъ далѣе удовлетворенія ихъ потребностей въ пищу и питьѣ.

Нашъ очеркъ конченъ. Для того, чтобы матеріалъ собранный нами относительно Пермской группы, пригодился для болѣе широкихъ выводовъ, желательно обсто-

¹⁾ Изв. Геогр. Общ. 1849, ср. Москвит. 1847.

²⁾ Роговъ. Перм. Сбор. II, 27.

³⁾ *ibid.* 25.

ятельное изслѣдованіе сѣверныхъ Коми (Зырянахъ). Эта работа уже начата параллельно Императорскимъ Географическимъ Обществомъ и Московскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи. Пожелаемъ-же ей скорого и успѣшнаго конца.

ПОПРАВКА.

На стр. 104, 5 стр. снизу напечатано Со с в ы, должно быть Сыгвы.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ IX, вып. 3.

СОДЕРЖАНІЕ.

Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ Собраній за 1890—91 г.

Отчетъ Общества Археологіи Исторіи и Этнографіи за 1890—91 г.

Списокъ членовъ Общества.

Злая и добрая жена по народнымъ картинкамъ собранія сенатора
Ровинскаго. Р. А. Нелидовой.

Мелкія этнографическія сообщенія.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1891.

Печатано по опредѣленію Общества Археологін, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

И. д. Секретаря *Н. Тихова*.

Засѣданіе Совѣта 16 марта 1890 года.

Присутствовали: Предсѣдатель Н. А. Өирсовъ, тов. предсѣдателя И. А. Износковъ, чл. Сов.: И. Н. Смирновъ, А. А. Штукенбергъ и секретарь П. В. Траубенбергъ.

I. А. А. Штукенбергъ заявилъ, что предпринятое имъ, согласно его предложенію и постановленію Совѣта Общества, приведеніе Музея Общества въ порядокъ и приготовленіе коллекцій къ научно-промышленной выставкѣ въ Казани, въ настоящее время окончено въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ это допускала отпущенная Совѣтомъ Общества сумма, въ израсходованіи которой А. А. Штукенбергомъ были представлены документы.

II. Предсѣдатель Н. А. Өирсовъ представилъ вниманію Совѣта Общества старинную рукопись о кладѣ, доставленную ему почетнымъ членомъ Общества, Его Превосходительствомъ Гр. Вас. Мещериновымъ.

Постановлено: снять копію съ этой рукописи.

III. Предсѣдатель Н. А. Өирсовъ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: „Имѣю честь предложить Совѣту Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи избрать въ члены сотрудники Общества Раису Александровну Нелидову, жену покойнаго профессора Казанскаго Университета Н. К. Нелидова. Раиса Александровна уже давно занимаетъ должность преподавательницы исторіи въ Казанской Маріинской гимназіи. Ведя дѣло преподаванія вообще этого предмета съ любовью, она обратила особенное вниманіе на изученіе русской исторіи. Выходя изъ давно сознанной мысли, что преподаваніе этого предмета, для большей успѣшности, требуетъ, чтобы оно сопровождалось соответствующими иллюстраціями — и, не находя въ педагогической литературѣ достаточныхъ средствъ къ удовлетворенію этого требованія, она рѣшилась не только

изучать какъ первоначальные источники, такъ и важнѣйшія изданія и изслѣдованія (большею частію трудно доступныя по ихъ рѣдкости и дороговизнѣ), дающія изображенія нашего стариннаго быта, но и на основаніи ихъ составить на первое время наглядныя изображенія старинныхъ одѣяній, употреблявшихся въ княжеской и боярской средѣ, и въ формѣ рисунковъ и въ формѣ небольшихъ манекеновъ. Въ настоящее время, послѣ продолжительной, трудной и не дешево стоящей работы, при дѣятельномъ участіи своихъ дочерей, она приготовила 15-ть №№ тѣхъ и другихъ изображеній и изъявила мнѣ желаніе представить эту свою работу вниманію нашего общества, при устномъ объясненіи самого процесса работы и каждаго отдѣльнаго изображенія въ частности. Я имѣлъ случай видѣть произведенія Раисы Александровны Нелидовой и, признавая ихъ съ своей стороны заслуживающими полнаго вниманія, я просилъ бы Совѣтъ Общества въ случаѣ, если онъ избретъ ее, согласно моему предложенію, въ члены-сотрудники, разрѣшить ей въ одно изъ ближайшихъ общихъ засѣданій Общества демонстрировать составленную ею коллекцію, составленную (я не берусь произнести окончательное сужденіе о технику дѣла, которая на мой взглядъ всетаки весьма удовлетворительна) совершенно научнымъ образомъ, на основаніи именно тѣхъ источниковъ науки, которые и должны лечь въ основаніе подобныхъ работъ“.

Постановлено: считать Раису Александровну Нелидову членомъ-сотрудникомъ Общества А., И. и Э. и просить ее сдѣлать сообщеніе о приготовленныхъ ею пособіяхъ для изученія бытовой русской исторіи въ одномъ изъ ближайшихъ общихъ собраній.

IV. Секретарь прочиталъ составленный имъ къ годичному общему собранію членовъ Общества отчетъ о дѣятельности и состояніи Общества за 1889—90 г. Совѣтъ Общества, утвердивъ озаченный отчетъ, постановилъ напечатать его вмѣстѣ съ протоколами за этотъ же годъ.

V. Назначено годичное общее собраніе членовъ Общества на пятницу, 23-го марта, въ 7 часовъ вечера, въ актовомъ залѣ Университета, по слѣдующей программѣ:

1) Д. чл. И. Н. Смирновъ прочтетъ рѣчь: „Юбилей Моск. Арх. Общества и VIII археологическій съѣздъ“.

2) Секретарь читаетъ отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества за 1889—90 г.г.

3) Если соберется достаточное число членовъ (не менѣе 18-ти), то будутъ произведены выборы предсѣдателя, товарища предсѣдателя, 5 членовъ Совѣта, казначея, секретаря и 3-хъ членовъ ревизіонной комиссіи.

Общее Собрание 27 апрѣля 1890 года.

Присутствовали: предсѣдатель Н. А. Өирсовъ, тов. пр. И. А. Износковъ, почетный членъ, ген.-адъют. Г. В. Мещериновъ, д. чл.: А. И. Александровъ, М. П. Веске, І. Ө. Готвальдъ, Ө. Г. Мищенко, В. Н. Витевскій, А. А. Штукенбергъ; чл.-сотр.: Р. А. Нелидова, В. К. Мальмбергъ, П. К. Вагинъ, К. И. Воронцовъ и секретарь П. В. Траубенбергъ.

І. Прочитанъ протоколъ засѣданія Совѣта 16-го марта 1890 г.

ІІ. Предсѣдатель Н. А. Өирсовъ предложилъ Общему Собранію приступить къ избранію: а) въ почетные члены Общества—профессора Кенигсбергскаго Университета Л. Х. Штиды и б) въ дѣйствительные члены А. В. Толстаго.

Общее собраніе избрало означенныхъ лицъ единогласно, безъ баллотировки.

ІІІ. Чл.-сотр. Раиса Александровна Нелидова сдѣлала сообщеніе: „о наглядныхъ пособіяхъ для преподаванія русской исторіи“.

Въ залѣ были выставлены небольшіе манекены, одѣтые въ костюмы русскихъ людей XI—XVII вв. и рисунки костюмовъ и типическихъ русскихъ построекъ, а также манекенъ русской дѣвушки въ полномъ нарядѣ, употреблявшемся въ Казанской губерніи въ первой четверти нынѣшняго столѣтія. По оковчаніи сообщенія и демонстраціи выставленныхъ коллекцій, почетн. чл. Общества, генералъ-адъют. Гр. В. Мещериновъ заявилъ, что, по его мнѣнію, гг. члены Общества должны высказать свое мнѣніе относительно полезности выставленныхъ коллекцій для цѣлей нагляднаго преподаванія русской исторіи и, если Общество найдетъ работы г-жи Нелидовой полезными и заслуживающими поддержки, то въ такомъ случаѣ оно должно поддержать г-жу Нелидову въ началомъ дѣлѣ, для чего слѣдуетъ Обществу ходатайствовать предъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія объ оказаніи г-жѣ Нелидовой матеріальной поддержки.

Общее собраніе единогласно приняло предложеніе своего почетнаго члена, ген.-адъют. Гр. Вас. Мещеринова, и постановило ходатайствовать передъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія о субсидіи чл. сотр. Общ. Р. А. Нелидовой на продолженіе работъ по приготовленію манекеновъ съ русскими историческими одеждами и на изданіе рисунковъ архитектурныхъ памятниковъ и историческихъ одеждъ для употребленія ихъ въ учебныхъ заведеніяхъ.

Засѣданіе Совѣта 2-го мая 1890 года.

Присутствовали: предсѣдатель Н. А. Өирсовъ, тов. пр. И. А. Износковъ; чл. Совѣта: М. П. Веске, И. Н. Смирновъ, А. А. Штукенбергъ; секретарь П. В. Траубенбергъ.

I. Прочитанъ протоколъ общаго собранія 27-го апрѣля 1890 г.

II. Предложены были въ члены-сотрудники слѣдующія лица: г-мъ предсѣдателемъ, Н. А. Өирсовымъ предложень въ члены-сотрудники преподаватель исторіи и географіи Императорской Казанской 1-й гимн. Александръ Корниловичъ Кулагинъ, а секретаремъ Общества, П. В. Траубенбергомъ—воспитатель Казанской татарской учительской школы Михаилъ Николаевичъ Пинегинъ и хранитель ботаническаго кабинета при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ С. М. Смирновъ.

Постановлено: считать означенныхъ лицъ членами-сотрудниками Общ. Арх., Ист. и Этн.

III. Чл. Совѣта А. А. Штукенбергъ представилъ счета по израсходованію 100 руб., опредѣленныхъ совѣтомъ Общества на приведеніе коллекцій музея въ порядокъ и сверхъ того счетъ въ 8 руб., которые слѣдовало уплатить г-ну Иконникову за дополнительныя работы по приведенію коллекцій музея въ порядокъ.

Постановлено: передать представленныя А. А. Штукенбергомъ счета исправляющему обязанности казначея И. А. Износкову и просить его объ уплатѣ г-ну Иконникову 8 руб.

IV. Постановлено напечатать въ „Извѣст. Общ. Арх., Ист. и Этн.“ слѣдующіе рефераты, читанныя въ засѣданіяхъ О-ва: 1) чл.-сотр. Н. Н. Өирсова: Вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ въ комиссіи для составленія уложенія; 2) чл.-

сопр. Р. А. Нелидовой: о пособияхъ для нагляднаго преподаванія русской исторіи; 3) д. чл. Н. В. Сорокина: Толкованіе икона села Царицына (Казанскаго у.), съ приложеніемъ фотографическаго снимка.

V. Для освидѣтельствованія работъ по ремонту болгарскихъ памятниковъ, произведенныхъ лѣтомъ 1889 года, Совѣтъ Общества постановилъ послать въ Булгары комиссію изъ чл. Совѣта А. А. Штукенберга, И. Н. Смирнова и чл.-сопр. архитектора Хр. Гр. Пашковскаго и выдать имъ на поѣздку 45 руб.

VI. Чл. Сов. И. Н. Смирновъ сдѣлалъ предложеніе слѣдующаго содержанія: „Имѣю честь предложить Совѣту Общества Арх., Ист. и Этн. пополнить Музей Общества фотографіями, имѣющими отношеніе къ быту народностей, населяющихъ Казанскую губернію. Пополненіе это можетъ быть произведено безъ всякихъ затратъ, если Совѣтъ Общества дастъ фотографу К. Т. Софонову удостовѣреніе, что онъ имѣетъ право производить для Общества нужные для него снимки, и войти къ начальнику губерніи съ представленіемъ о выдачѣ ему свидѣтельства на право производить фотографическія работы въ городахъ и селеніяхъ Казанской губерніи“.

Постановлено: избрать К. Т. Софорова чл.-сопр. Общества и ходатайствовать передъ губернаторомъ согласно предложенію И. Н. Смирнова.

*Годичное собраніе членовъ Общества Археологіи,
Исторіи и Этнографіи 23-го марта 1890 года.*

Присутствовали: предсѣдатель Н. А. Ойрсовъ, тов. предс. И. А. Износковъ; почетный членъ Общества, г. начальникъ губерніи, камергеръ Двора Его Императорскаго Величества, П. А. Полторацкій; дѣйств. члены: А. И. Соголовъ, І. О. Готвальдъ, В. К. Магнитскій, И. Н. Смирновъ, Н. С. Кузурановъ, В. Н. Витевскій, А. А. Штукенбергъ, Н. В. Сорокинъ, О. Г. Мищенко, А. И. Александровъ, Н. А. Толмачевъ, М. П. Веске, П. А. Пономаревъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, А. Т. Соловьевъ, Д. О. Вѣляевъ, Н. Н. Галвинъ-Врасскій, Я. С. Степановъ и секретарь П. В. Траубенбергъ.

I. Дѣйств. чл. И. Н. Смирновъ прочиталъ рѣчь: „Юбилей Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и VIII археологическій сѣздъ“.

II. Секретарь прочиталъ отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества за 1889—90 г.г.

III. Въ заключеніе были произведены выборы председателя, товарища председателя, пяти членовъ Совѣта, секретаря, казначея и трехъ членовъ ревизіонной комиссіи.

Въ результатѣ оказались избранными: председателемъ— Н. А. Өирсовъ, тов. председат. И. А. Износковъ, членами Совѣта: М. П. Веске, П. А. Пономаревъ, И. Н. Смирновъ, А. И. Соколовъ, А. А. Штукенбергъ, кандидатомъ членовъ Н. В. Сорокинъ, секретаремъ П. В. Траубенбергъ, казначеемъ А. Т. Соловьевъ, членами ревизіонной комиссіи: Н. Н. Буличъ, Н. А. Толмачевъ и Я. С. Степановъ. А Т. Соловьевъ отказался отъ исполненія обязанностей казначея, который принялъ на себя тов. предсѣд. И. А. Износковъ. Н. Н. Буличъ письмомъ на имя председателя также отказался отъ званія члена ревизіонной комиссіи.

Засѣданіе Совѣта 3-го сентября 1890 г.

Присутствовали: Предсѣдатель Н. А. Өирсовъ, тов. предс. И. А. Износковъ, чл. Сов.: И. Н. Смирновъ, Н. В. Сорокинъ, А. И. Соколовъ, П. А. Пономаревъ, А. А. Штукенбергъ и секретарь П. В. Траубенбергъ.

I. Предсѣдатель Н. А. Өирсовъ доложилъ бумаги, полученные имъ въ вакаціонное время, а именно:

1) Отъ правленія Имп. Каз. Ун. отъ 3-го іюня 1890 г. за № 1033 извѣщеніе, что Правленіе У-та увѣдомлено Прокуроромъ Каз. Окр. Суда отношеніемъ отъ 31 мая за № 8031 о томъ, что по нотаріальному духовному завѣщанію Статск. Сов. Григор. Иван. Мѣшкова, утвержденному Каз. Окр. Судомъ въ исполненію въ засѣданіи мая 11 дня 1890 г., должны быть выданы Совѣту Общ. А., И. и Э. при Каз. Ун. 4 портфеля съ гравиров. портретами, и что наслѣдница по сему духовному завѣщанію, вдова подполковника Татьяна Григорьева Степанова, жительствуетъ въ 3 части г. Казани.

на Ново-Комисс. ул. въ своемъ домѣ. Вслѣдствіе этого предсѣдатель О-ва просилъ своего товарища, И. А. Износкова, принять на себя трудъ получить отъ наслѣдницы г. Мѣшкова завѣщанные покойнымъ Совѣту О-ва вещи.

Тов. предс. И. А. Износковъ не могъ выполнить возложеннаго на него порученія, такъ какъ упомянутой выше наслѣдницы г. Мѣшкова лѣтомъ не было въ Казани.

2) Отъ Его Превосходительства г. Каз. губернатора, отъ 6-го іюня 1890 г. за № 2441 слѣдующаго содержанія: „Господину предсѣдателю Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи. Вслѣдствіе сообщенныхъ мною отъ 10-го минувшаго апрѣля за № 1403 свѣдѣній о древнемъ могильникѣ, оказавшемся въ Казанскомъ уѣздѣ при дер. Борисковой, Предсѣдатель Императорской Археологической Комиссіи отъ 29 мая за № 557 увѣдомилъ меня, что Комиссія весьма желательно дальнѣйшее разслѣдованіе этой мѣстности и что если бы Казанское Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи призвало возможнымъ поручить эту работу одному изъ своихъ членовъ, то Археологическая Комиссія не замедлитъ выслать таковому установленный открытый листъ и, въ случаѣ надобности, отъ 150 до 200 руб. на самое производство раскопокъ. Отчетъ о раскопкахъ и вещи, которыя могутъ быть найдены при нихъ, должны быть доставлены на разсмотрѣніе Археологической Комиссіи. Если Общество не пожелаетъ принять на себя эту работу, то Археологическая Комиссія намѣрена поручить раскопку магистру Казанскаго Университета Н. П. Лихачеву, изъявившему согласіе заняться дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ означеннаго могильника.

Сообщая о вышеизложенномъ на распоряженіе Вашего Превосходительства, имѣю честь покорнѣйше просить о послѣдующемъ заключеніи почтить меня увѣдомленіемъ для отвѣта г. Предсѣдателю Императорской Археологической Комиссіи“.

Тогда же г. Предсѣдатель О-ва отвѣчалъ на это отношеніе слѣдующимъ письмомъ: „вслѣдствіе отношенія Вашего Прев. отъ 6-го іюня текущаго года за № 2441 имѣю честь увѣдомить: 1) Такъ какъ по силѣ устава Общества А., И. Э., существующаго при Имп. Каз. У-тѣ, въ лѣтнее время не полагается общихъ собраній Общества, то и не можетъ быть рекомендованъ, какъ представитель Общества, никто изъ его членовъ.

2) Лично я позволяю себѣ сдѣлать нѣкоторыя соображенія, въ пользу дѣла, думаю, влѣнящіяся. Я нахожу съ своей стороны, что выборъ Имп. Арх. Ком. выпалъ на достойнаго молодаго ученаго, состоящаго членомъ-сотрудникомъ нашего Общества, Н. П. Лихачева, котораго я знаю съ отличной стороны какъ бывший его профессоръ и экзаменаторъ и котораго нахожу совершенно способнымъ къ дѣлу, которое намѣчаетъ И. Арх. Комиссія.

3) Тѣмъ не менѣе я съ своей стороны полагалъ бы, что было бы цѣлесообразнѣе къ этому дѣлу привлечь другихъ специалистовъ, а именно: по геологiи, антропологiи, которые въ Казани имѣются и которыхъ я могъ бы рекомендовать лично, какъ предсѣдатель Общества, какъ людей, знающихъ подобныя дѣла. Я лично не откажусь присутствовать при этихъ раскопкахъ.

4) Въ виду того, что предполагаемыя раскопки могутъ совершиться въ рабочую пору, когда трудъ рабочаго долженъ оплачиваться несравненно дороже, я съ своей стороны полагалъ бы, что на это дѣло потребуется 200 рублей, не считая проѣзда г. Лихачева и думалъ бы, что бы всего лучше эти деньги адресовать на имя Вашего Превосходительства.“

III. Предсѣдатель доложилъ письмо на его имя почтен. чл. Общ. А., И. и Э., тайн. Сов. М. И. Семевского, предлагающаго сдѣлать въ сентябрьскомъ засѣданiи Общества сообщенiе: „Петръ Великій и ближніе его люди въ 1682—1699-мъ годахъ по вновь открытымъ запискамъ и вообще бумагамъ князя Бориса Ивановича Куракина (род. 1676 г. † въ маѣ 1727 года)“.

Постановлено: назначить къ слушанiю сообщенiе М. И. Семевского въ ближайшемъ общемъ собранiи, срокъ котораго опредѣлить по полученiи увѣдомленiя отъ М. И. Семевского о времени его прiѣзда въ Казань.

IV. Доложено о томъ, что отъ чл.-сотр. Общ. учителя Больше-Таябинскаго земскаго училища Ив. Явовлевича Зайцева поступила въ Общ. рукопись, „очеркъ села Большой-Таябы, Тетюшскаго у.“, съ просьбой дать отзывъ объ этой работѣ и предложенiе доставлять обществу этнограф. свѣдѣнiя о чувашахъ по программѣ, данной Имп. Моск. Общ. любителей Естеств., Антр. и Этногр.

Сверхъ того г. Зайцевъ просить доставить ему: 1) Отч. Общ. за 1887 г. 2) Изв. Общ. за 1885, вып. II., 1886 и 1887 гг., а также Уставъ Общ.

Постановлено: передать рукопись г. Зайцева на разсмотрѣніе чл. редак. ком. И. Н. Смирнова, и просимыя книги выслать.

V. Доложено отношеніе Каз. Дух. консисторіи отъ 28 августа 1890 года за № 6912 о томъ, что въ г. Чебоксарахъ за ветхостью постановлено сломать колокольню Крестовоздвиженской церкви и выстроить вмѣсто нея новую, средства на построение которой собраны старостой и прихожанами сей церкви. Доставляя при этомъ планъ проектированной къ постройкѣ колокольни, консисторія просить Общ. А. И. и Э. командировать своего члена для осмотра означенной колокольни и сообщить консисторіи свое заключеніе о томъ, не представляеть ли эта колокольня чего либо замѣчательнаго въ археологическомъ отношеніи.

По достаточномъ обсужденіи отношенія Каз. Дух. Консист. большинствомъ голосовъ постановлено: просить чл. Совѣта Н. В. Сорокина съѣздить въ г. Чебоксары осмолрѣть колокольню, сдѣлать рисунокъ ея и, послѣ обсуждения, на основаніи сдѣланнаго г. Сорокинымъ рисунка, значенія колокольни въ археологическомъ отношеніи, сообщить заключеніе Каз. Дух. Консисторіи, а на поѣздку въ г. Чебоксары выдать Н. В. Сорокину 10 рубл.

IV. Въ ближайшемъ общемъ собраніи назначены къ слушанію, кромѣ сообщенія М. И. Семевакаго, слѣд. сообщенія: 1) „Описаніе русской свадьбы въ Красноуф. у.“, г. Безрукова. и 2) „Краткій предварит. отчетъ о поѣздкѣ къ Пермьямъ“, И. Н. Смирнова.

Примчаніе. Ообщеніе М. И. Семевакаго, однавожь, не могло быть сдѣлано, такъ какъ онъ письмомъ на имя предсѣдателя изъ села Надеждина, Сердобскаго у., Саратовской губерніи увѣдомилъ, что, по обстоятельствомъ отъ него независащимъ, онъ не можетъ пріѣхать въ Казань.

Общее Собраніе 11 октября 1890 г.

Присутствовали: предсѣдатель Н. А. Ойрсовъ, тов. предсѣд. И. А. Износковъ, д. чл.: Н. С. Кукурановъ, Ф. Г. Мищенко, И. Н. Смирновъ, А. А. Штувенбергъ; чл.-сотр.: Р.

А. Нелидова, К. И. Воронцовъ, А. К. Кулагинъ, М. Н. Пинегинъ и Н. Н. Өирсовъ.

I. Прочитанъ протоколъ засѣданія Совѣта 3-го сентября 1890 г.

II. И. Н. Смирновъ сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ, посвященныхъ памяти скончавшагося члена Общ. *М. П. Веске*. Присутствующіе почтили память покойнаго вставаніемъ.

III. Секретарь Общества доложилъ сообщеніе г. Безрукова: „Свадебные обряды русскихъ крестьянъ Красноуфимскаго у. Пермской губ“.

IV. *Н. И. Смирновъ* сдѣлалъ сообщеніе: краткій предварительный отчетъ о поѣздкѣ въ Пермскія губ. При этомъ И. Н. Смирновъ представилъ вниманію слушателей привезенныя имъ коллекціи, относящіяся до быта Пермскихъ губ.

V. Сообщеніе учительницы Троицкой „Черемисы Арбанской волости Царевковшайскаго у. Казанской губерніи“ было отложено за недостаткомъ времени до слѣдующаго общаго собранія.

*Засѣданіе Совѣта Общества Археологій, Исторіи и
Этнографіи 1-го ноября 1890 г.*

Присутствовали: Предсѣдатель Н. А. Өирсовъ, тов. предсѣдателя И. А. Износковъ, члены Совѣта: П. А. Пономаревъ, И. Н. Смирновъ и секретарь П. В. Траубенбергъ.

I. Заявлено было о кончинѣ дѣйствительныхъ членовъ Общества: Ал. Өед. Лихачева, извѣстнаго изслѣдователя памятниковъ Булгарской культуры; извѣстнаго ученаго, проф. Каз. Дух. Академіи И. Я. Порфирьева и чл.—сотр. Общества, занимавшагося этнографіей и археологіей Волжско-Камскаго края, Е. Т. Соловьева.

Постановлено: посвятить памяти покойныхъ въ ближайшемъ общемъ собраніи членовъ Общества спеціальныя сообщенія о ихъ жизни и дѣятельности, сдѣлать каковыя взяли на себя И. А. Износковъ и П. А. Пономаревъ.

II. Предсѣдатель Н. А. Өирсовъ напомнилъ, что въ концѣ ноября мѣсяца исполнится годъ со дня смерти перваго предсѣдателя Общества, П. Д. Шестакова, при чемъ пред-

ложилъ сдѣлать сообщеніе о жизни и дѣятельности покойнаго въ общемъ собраніи, ближайшемъ къ годовщинѣ смерти покойнаго. Постановлено: почтить память покойнаго П. Д. Шестакова согласно предложенію предсѣдателя Н. А. Өирсова.

III. Секретарь Общества заявилъ, что вслѣдствіе постановленія Совѣта 2-го мая 1890 г. въ Болгары для принятія работъ отъ члена-согр. Общества, архитектора Х. Гр. Пашковскаго, были уполномочены Совѣтомъ чл. Сов. А. А. Штукенбергъ, И. Н. Смирновъ и Х. Гр. Пашковскій. Донесеніе этихъ лицъ было передано секретарю Общества и можетъ быть прочитано въ ближайшемъ Общемъ собраніи членовъ. Принимая же во вниманіе дѣятельность чл.—согр. Общ., арх. Хр. Гр. Пашковскаго на пользу Общества и оказанныя имъ услуги въ исполненіи одной изъ существеннѣйшихъ задачъ, лежащихъ на Обществѣ, именно поддержанія болгарскихъ памятниковъ и охраненіи ихъ отъ дальнѣйшаго разрушенія, слѣдуетъ Обществу такъ или иначе выразить чл.—согр. Хр. Гр. Пашковскому благодарность.

Постановлено: внести означенное предложеніе, вмѣстѣ съ донесеніемъ А. А. Штукенберга и И. Н. Смирнова на разсмотрѣніе общаго собранія.

IV. Заявлено было о сообщеніяхъ, которыя предположены для чтенія въ общихъ собраніяхъ Общества:

1) П. А. Пonomаревымъ: „По вопросу о монгольскомъ городѣ Укекѣ“ и „По поводу предстоящаго столѣтія Казанскаго театра“.

2) И. А. Износковымъ: „О древнихъ памятникахъ Казанской губерніи съ демонстраціей составленной подъ руководствомъ И. А. Износкова археологической карты Казанской губерніи“.

3) И. Н. Смирновымъ: „Очеркъ исторіи Пермяковъ“ и рядъ сообщеній по этнографіи пермяковъ.

4) М. Н. Пинегинымъ: „О мусульманско - татарской свадьбѣ“.

5) А. И. Александровымъ: „О внѣшнемъ бытѣ сербовъ“.

6) Н. З. Тиховымъ: „о бытѣ болгаръ по памятникамъ народной поэзіи“.

7) Нѣкоторыми студентами Историко - филологическаго факультета—рядъ сообщеній о русскихъ жилищахъ на основаніи памятниковъ народной словесности.

8) В. К. Магницкимъ: „Объ ирихахъ у чувашъ“. (За-

отсутствіемъ В. К. Магницкаго, это сообщеніе доложено будетъ И. А. Износковымъ).

9) П. В. Траубенбергомъ: „По поводу реставраціи Іоанно-Предтеченскаго монастыря“ и „о русскихъ крестьянскихъ постройкахъ Вятской губерніи“.

V. Предсѣдатель Н. А. Өирсовъ заявилъ, что имъ получена чрезъ посредство дѣйствительнаго члена Общества, орд. проф. Н. А. Осокина для напечатанія въ «Изв. Общ. А., И. и Э.» военно-исторической очеркъ, составленный подполковникомъ И. И. Чишовымъ: „Послѣдній Казанскій походъ царя Івана Васильевича Грознаго и покореніе Казани въ 1552 г.“ съ 2 планами и рисунками.

Постановлено: поручить предсѣдателю Общества Н. А. Өирсову заявить Н. А. Осокину, что въ виду скопленія матеріаловъ, прежде предназначенныхъ къ печатанію, и въ виду неимѣнія лишнихъ средствъ, напечатать въ настоящее время рукопись г. Чишова невозможно, что нельзя даже приблизительно указать время, когда Общество получитъ возможность напечатать эту рукопись, но что Совѣтъ Общества съ удовольствіемъ издастъ эту работу отъ своего имени, если будутъ къ тому найдены средства.

IV. Представлены въ члены Общества слѣдующія лица:

Въ члены сотрудинки: архитекторъ Митрофанъ Дмитріевичъ Михайловъ и преподаватель Императорской 1-ой гимназіи Николай Константиновичъ Горталовъ — представлены секретаремъ Общества П. В. Траубенбергомъ; чл. Сов. И. Н. Смирновымъ:

Троицкая, учительница въ Царевококшайскомъ уѣздѣ.

Хорошевъ, учит. въ селѣ Ошибъ, Соликамскаго у.

Логачевъ, учит. въ селѣ Егва, Соликамскаго у.

Постановлено: считать означенныхъ лицъ членами—сотрудинками Общества А., И. и Э.

VII. Чл. Сов. И. Н. Смирновъ и секретарь П. В. Траубенбергъ предложили въ дѣйствительные члены Общества кандидата Историко-филологическаго факультета *Николая Захаровича Тихова*.

Постановлено: предложить Н. З. Тихова въ ближайшемъ Общемъ собраніи въ дѣйствительные члены Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи.

VIII. Чл. Сов. И. Н. Смирновъ сдѣлалъ предложеніе слѣдующаго содержанія: „Въ Совѣтъ Общества Археологій,

Исторіи и Этнографіи. То вниманіе, съ которымъ Общество А., И. и Э. за послѣдніе три года относится къ современному и прошлому быту инородцевъ Казанскаго или точнѣе Волжско-Камскаго края, не осталось безъ результатовъ въ ихъ умственной жизни. Общество насчитываетъ въ настоящее время въ своей средѣ рядъ членовъ - сотрудниковъ изъ учителей — инородцевъ: чувашъ, черемись, мордвы, вотяковъ, пермяковъ—посильно содѣйствующихъ ему въ осуществленіи его научныхъ задачъ путемъ собиранія сырыхъ этнографическихкихъ матеріаловъ. Общество располагаетъ въ настоящее время сборникомъ чувашскихихъ пѣсенъ члена - сотрудника Ефимова, текстами сказокъ и молитвъ члена - сотрудника Аптіева, текстами Пермцевихъ сказокъ члена - сотрудника Хорошева, матеріалами для характеристики быта чувашъ члена-сотрудника Зайцева.

Мнѣ извѣстны, кромѣ перечисленныхъ, и другіе этнографическіе матеріалы, которые въ ближайшемъ будущемъ поступятъ въ распоряженіе Общества; упомяну главнѣйшіе изъ нихъ: сборникъ пѣсенъ, повѣрій и обрядовъ крещеныхъ татаръ священника Апакова, словарь черемисскаго языка г. Троицкаго, свадебные обычаи татаръ—мусульманъ г. Пинегина. Нѣтъ сомнѣнія, что на этомъ дѣло не остановится. Богатѣйшій этнографическій матеріалъ, который заключается въ себѣ окружающая насъ жизнь, только починается. Чтобы это движеніе принесло русской наукѣ возможную пользу, нужно существованіе въ районѣ его органа, который бы служилъ его выраженіемъ и дѣлалъ результаты его достояніемъ ученаго міра. Такимъ органомъ можетъ быть прежде всего, конечно, наше изданіе — „Извѣстія Общества А., И. и Э“. Но при своихъ настоящихъ средствахъ (право печатать бесплатно въ типографіи Университета 13 1/2 листовъ) Общество оказывается далеко не въ состояніи выполнить такую задачу. Разсчитывать увеличить редакціонный бюджетъ изъ крайне скудныхъ доходовъ Общества мы не можемъ, такъ какъ этихъ доходовъ едва хватаетъ на текуція нужды. Считая расширеніе издательской дѣятельности нашего Общества его долгомъ предъ русской наукой и русской жизнью, я позволяю себѣ предложить Совѣту Общества обратиться къ Министерству Народнаго Просвѣщенія съ ходатайствомъ объ ассигнованіи ежегодной субсидіи въ размѣрѣ 700 рублей на изданіе этнографическихкихъ, историческихкихъ и археологическихкихъ.

матеріаловъ и изслѣдованій относительно края. Я опредѣляю эту сумму въ силу того, что въ соединеніи съ университетской субсидіей въ видѣ 13¹/₂ печатныхъ листовъ она дастъ намъ возможность печатать ежегодно до 60 печатныхъ листовъ. Имѣя правительственную субсидію, мы можемъ выпускать наше изданіе въ опредѣленные сроки и сосредоточивать въ немъ всѣ текущія новости—библіографію и замѣтки объ открытіяхъ, относящихся къ кругу дѣятельности Общества. Испрашивая у Министерства субсидію, мы должны будемъ обратить вниманіе на то, что наше общество одно не пользуется таковою; тогда какъ Общества Археологическія, Московское и Петербургское, Общества Естествоиспытателей при Русскихъ Университетахъ, Московское Общество любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи и Кіевское Общество Нестора Лѣтописца получаютъ отъ министерства пособіе отъ 500 до 2000 рублей. Можно надѣяться, что наше Общество, проявляя замѣтную и не бесполезную въ дѣлѣ изученія нашей родины дѣятельность при настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, оправдаетъ довѣріе министерства, если послѣднее отнесется сочувственно къ нашему ходатайству.

Членъ Совѣта, проф. И. Смирновъ.

Совѣтъ Общества, вполне присоединяясь къ предложенію И. Н. Смирнова о необходимости ходатайствовать о субсидіи у Министерства Народнаго Просвѣщенія, съ своей стороны счелъ нужнымъ увеличить размѣръ испрашиваемой субсидіи до 1000 рублей, при чемъ самая субсидія не должна употребляться исключительно на изданіе трудовъ членовъ Общества, а также и на другія нужды Общества, какъ-то: командировки членовъ съ археологической и этнографической цѣлью и т. п. Сверхъ того къ самому ходатайству присоединить перечень всѣхъ изданій Общества. Сверхъ того, Совѣтъ постановилъ поручить предсѣдателю Общества просить отъ имени членовъ Совѣта иопечителя Казанскаго Учебнаго Округа, Его Превосходительства, Н. Г. Потапова объ оказаніи возможнаго содѣйствія означенному ходатайству о субсидіи, а предварительно ходатайство И. Н. Смирнова и постановленіе Совѣта по этому поводу представить на разсмотрѣніе ближайшаго Общаго Собранія членовъ Общества.

IX. Доложено заявленіе чл. Общ. проф. Н. А. Толмачева слѣдующаго содержанія: „Членъ Императорской Археологической Комиссїи, извѣстный ученый, Баронъ Тизенгаузенъ заявлялъ мнѣ въ бытность мою въ С.-Петербургѣ о желаніи имѣть изданія Общества нашего, необходимыя ему для продолженія работъ по составленію Исторіи Золотой Орды. Довода о заявленіи Барона до свѣдѣнія Совѣта, принимаю смѣлость выразить надежду, что онъ найдетъ средства выполнить желаніе почтеннаго ученаго“.

Постановлено: удовлетворить ходатайство Н. А. Толмачева.

X. Назначено общее собраніе членовъ Общества въ пятницу, въ 7 часовъ вечера, по слѣдующей программѣ: 1) Сообщение о смерти членовъ Общества: А. Ѳ. Лихачева, И. Я. Порфирьева и Е. Т. Соловьева.

2) Сообщение П. А. Пономарева: „По вопросу о монгольскомъ городѣ Увекѣ“.

3) Сообщение Н. Троицкой: „Черемисы Арбанской волости Царевококшайскаго уѣзда Казанской губерніи“. Доложить И. Н. Смирновъ.

4) Избраніе въ дѣйствительные члены Н. З. Тихова.

Общее Собраніе 9-го ноября 1890.

За болѣзнью предсѣдателя Н. А. Фирсова собраніе было открыто тов. предсѣдателя И. А. Износковымъ. Въ собраніи присутствовали: дѣйств. члены: А. И. Александровъ, И. Н. Смирновъ, П. А. Пономаревъ, А. И. Соколовъ, Ѳ. Г. Мищенко, А. Т. Соловьевъ, А. Н. Бекетовъ и А. А. Штувенбергъ; члены-сотр.: Р. А. Нелидова, Т. С. Семеновъ, Н. К. Горталовъ, протоіерей Е. А. Маловъ и секретарь П. В. Траубенбергъ.

I. Согласно заранѣе опубликованной программѣ П. А. Пономаревъ сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ памяти скончавшагося д. чл. О-ва А. Ѳ. Лихачева, а тов. предсѣдат. И. А. Износковъ—памяти И. Я. Порфирьева и Е. Т. Соловьева.

Присутствующіе почтили память усопшихъ членовъ Общества А. И. и Ѳ. обычнымъ вставаньемъ.

II. Д. чл. П. А. Пономаревъ сдѣлалъ сообщеніе: „По вопросу о монгольскомъ городѣ Укекѣ“.

Выслушавъ это сообщеніе, общее собраніе, по предложенію д. чл. И. Н. Смирнова, постановило поручить Совѣту Общества заняться вопросомъ объ изысканіи средствъ для производства постепенныхъ раскопокъ въ Укекѣ въ видахъ пріобрѣтенія монгольскихъ древностей и результаты обсужденій представить на разсмотрѣніе Общаго Собранія.

III. Д. чл. И. Н. Смирновъ прочелъ въ извлеченіи сообщеніе учительницы Троицкой: „Черемисы Арбанской волости Царевококшайскаго у. Казанской губерніи“.

IV. Прочитанъ протоколъ засѣданія Совѣта Общ. 1-го ноября 1890 г.

Согласно постановленію Совѣта было доложено общему Собранію донесеніе комиссіи, избранной въ маѣ мѣсяцѣ 1890 г. Совѣтомъ и состоявшей изъ чл. сов. И. Н. Смирнова А. А. Штукенберга и чл.—сотр. О-ва Х. Гр. Пашковскаго для осмотра работъ по ремонту памятниковъ въ Болгарахъ, и Общее Собраніе единогласно постановило выразить чл.—сотр. О-ва А., И. и Э. Х. Гр. Пашковскому глубокую благодарность за произведенныя имъ въ Болгарахъ работы.

V. Обсужденіе внесеннаго въ Совѣтъ Общества И. Н. Смирновымъ предложенія относительно ходатайства у Министерства Нар. Просвѣщенія ежегодной субсидіи Обществу Арх., Ист. и Этногр. на расширеніе издательской дѣятельности Общества, на археологическія и этнографическія экскурсіи членовъ О-ва и другія нужды, за малочисленностью присутствовавшихъ дѣйствительныхъ членовъ, было отложено до слѣдующаго Общ. Собранія. По той же причинѣ было отложено до слѣдующаго Общ. Собранія избраніе въ дѣйствительные члены Н. З. Тихова.

Засѣданіе Совѣта 3-го декабря 1890 г.

Присутствовали: Предсѣдатель Н. А. Ойрсовъ, тов. предсѣдателя И. А. Износковъ, члены Совѣта: И. Н. Смирновъ, Н. В. Соровинъ и секретарь П. В. Траубенбергъ.

I. Прочитанъ протоколъ Общаго Собранія 9-го ноября 1890 г.

По прочтеніи протокола, Совѣтъ Общества, въ виду предложенія П. А. Пономарева относительно принятія участія совмѣстно съ Саратовской Архивной Комиссіей въ раскопкахъ древняго Укека и въ виду того, что Общее Собраніе, принявъ означенное предложеніе въ принципѣ, передало его на окончательное обсужденіе Совѣту Общества, постановилъ: попросить П. А. Пономарева выработать основанія, которыя давали бы возможность Обществу Археологіи, Исторіи и Этнографіи ходатайствовать передъ Императорскою Археологическою Комиссіей, чтобы она дала средства на производство раскопокъ совмѣстно съ Саратовской Архивной Комиссіей.

II. Доложено предложеніе Его Превосходительства Господина Ректора Императорскаго Казанскаго Университета отъ 16-го ноября 1890 г. за № 3557 относительно принятія участія въ орнитологическомъ конгрессѣ, имѣющемъ быть въ г. Буда-Пештѣ въ маѣ мѣсяцѣ 1891-го года. Постановлено: увѣдомить г. Ректора Университета, что Общество Археологіи не приметъ участія въ означенномъ конгрессѣ.

III. Доложено предложеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, отъ 21-го ноября 1890 г. за № 1756—принять участіе въ занятіяхъ Предварительнаго Комитета для выработки программы имѣющаго быть въ 1893 году, въ г. Вильнѣ, IX Археологическаго Съѣзда и съ этой цѣлью избрать изъ среды своей депутатовъ, которыхъ Московское Археологическое Общество покорнѣйше приглашаетъ пожаловать на засѣданіе Предварительнаго Комитета 5-го января 1891 года въ Москву въ д. Общества, на Берсеневкѣ.

Постановлено: доложить объ этомъ Общему Собранію.

IV. Доложено письмо Dr. O. *Fishler*, бібліотекаря Физико-экономическаго Общества въ Кенигсбергѣ отъ 10-го ноября 1890 г., на имя г. предсѣдателя Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, заключающее предложеніе Обществу Археологіи вступить въ обмѣнъ своими изданіями съ изданіями Кенигсбергскаго Физико-экономическаго Общества („Schriften der physikalisch-ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg“), которыя при семъ посланы Обществу.

Постановлено: Благодарить Физико-экономическое Общество въ Кенигсбергѣ за высланное имъ изданіе и вступить съ нимъ въ обмѣнъ изданіями.

V. Членъ Совѣта И. Н. Смирновъ передалъ 43 рубля, полученные отъ продажи VIII-го тома „Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи“ и изданныхъ имъ въ пользу Общества брошюръ: 1) „Этнографія на казанской научно-промышленной выставкѣ“ и 2) „Юбилей Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и VIII Археологическій съѣздъ“.

Къ этому секретарь Общества П. В. Траубенбергъ присоединилъ 5 рубл., доставленные г. Кितिцкимъ изъ г. Голованевска Подольской губ. на присылку VII-го тома и 1-го и 2-го выпусковъ VIII-го тома „Извѣстій“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ чл. Совѣта И. Н. Смирновъ предложилъ внести эти 48 рубл. въ уплату причитающагося за Обществомъ долга типографіи Императорскаго Казанскаго Университета за печатаніе 1 и 2-го вып. VIII-го тома „Извѣстій Общества“.

Совѣтъ Общества, признавъ справедливымъ употребить означенные 48 рубл. на уплату долга, постановилъ передать ихъ исправляющему обязанности казначея Общества, товарищу предсѣдателя И. А. Износкову и просить его объ уплатѣ ихъ Университетской типографіи.

VI. Была выработана слѣдующая программа ближайшаго общаго собранія:

1) Предсѣдатель Н. А. Опрсовъ доложить: „Памяти П. Д. Шестакова (по случаю исполнившейся первой годовщины его смерти)“. Это сообщеніе постановлено напечатать въ „Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн“.

2) И. Н. Смирновъ доложить: «Обзоръ источниковъ и пособій для изученія исторіи и современнаго быта Пермской».

3) Обсужденіе предложенія И. Н. Смирнова ходатайствовать о субсидіи Обществу Археологіи, Ист. и Этн.

4) Избраніе въ дѣйствительные члены Н. З. Тихова.

Такъ какъ послѣдніе два пункта входили въ программу предыдущаго Общаго Собранія, но не могли быть исполнены за неприбытіемъ достаточнаго числа членовъ, то въ предстоящее общее собраніе они должны быть выполнены, на основаніи примѣчанія къ § 18-му „Устава Общества“, каково бы ни было число собравшихся членовъ.

VII. И. Н. Смирновъ сдѣлалъ слѣдующее предложеніе: съ ближайшаго общаго собранія онъ начнетъ рядъ сообщеній,

относящихся до исторіи и этнографіи Пермсково, которыя и составляют цѣльную монографію. Эту монографію онъ желалъ бы напечатать въ „Извѣстіяхъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи“; такъ какъ вся монографія должна заключаться приблизительно на 20-ти печатныхъ листахъ, то онъ испрашиваетъ позволенія воспользоваться изъ имѣющихся на 1891 г. въ распоряженіи Общества въ Университетской типографіи 13½, бесплатныхъ листовъ 12-ю листами съ тѣмъ, чтобы остальные 1½ листа шли на печатаніе трудовъ другихъ членовъ Общества съ присоединеніемъ къ нимъ по мѣрѣ надобности и другихъ листовъ, за которые уплатить можно будетъ изъ суммы редакціоннаго фонда. Причемъ для остальныхъ 7—8 листовъ своей монографіи И. Н. Смирновъ думаетъ воспользоваться какимъ либо изъ мѣстныхъ періодическихъ изданій съ тѣмъ, чтобы отдѣльные оттиски присоединить къ упомянутымъ 12 листамъ и так. обр. составить цѣльную книгу въ 20 листовъ. При этомъ И. Н. Смирновъ отказывается отъ отдѣльныхъ оттисковъ и все изданіе предоставляетъ въ распоряженіе Общества.

Выслушавъ предложеніе И. Н. Смирнова, Совѣтъ постановилъ разрѣшить ему воспользоваться 12-ю листами на вышеизложенныхъ основаніяхъ.

VIII. И. А. Износковъ доложилъ Совѣту, что дѣйствительный членъ Общества В. К. Магницкій, нынѣ инспекторъ народныхъ училищъ Елабужскаго уѣзда, внесъ членскій взносъ 5 рубл. и проситъ выслать 2-й вып. VIII-го тома „Извѣстій“, заключающей изслѣдованіе И. Н. Смирнова „Вотяки“.

Постановлено: удовлетворить.

IX Назначено Общее Собраніе членовъ на понедѣльникъ, 17-го декабря, въ 7 часовъ вечера, въ профессорскомъ залѣ Университета.

Общее Собраніе 17-го декабря 1890 г.

Присутствовали: предсѣдатель Н. А. Өирсовъ, тов. предсѣдателя: И. А. Износковъ; дѣйствительные члены: Д. М. Львовъ, Н. В. Соровинъ, А. И. Соголовъ, А. И. Александровъ, Ө. Г. Мищенко, Н. С. Кукурановъ, И. Н. Смирновъ, А. А. Штувенбергъ, Н. А. Толмачевъ; члены - сотрудники:

Н. Н. Өирсовъ, Р. А. Нелидова, Н. К. Горталовъ, С. М. Смирновъ, М. Е. Кобаевъ, Т. С. Семеновъ, А. К. Кулагинъ, М. Н. Пинегинъ и секретарь П. В. Траубенбергъ.

I. Прочитанъ протоколъ засѣданія Совѣта 3-го декабря 1890 г.

II. Предсѣдатель Н. А. Өирсовъ прочиталъ рѣчь «Памяти П. Д. Шестакова».

III. И. Н. Смирновъ прочиталъ сообщеніе: „Обзоръ источниковъ и пособій для изученія исторіи и современнаго быта Пермскихъ“.

IV. Согласно предложенію Совѣта, единогласно постановлено ходатайствовать передъ Его Сіятельствомъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о ежегодной субсидіи Обществу въ размѣрѣ 1000 руб.

V. Избранъ единогласно въ дѣйствительные члены Общества Н. З. Тиховъ.

Общее Собраніе 14-го января 1890 г.

Присутствовали: Предсѣдатель Н. А. Өирсовъ, тов. предсѣдателя И. А. Износковъ; дѣйствительные члены: И. Н. Смирновъ, Ө. Г. Мищенко, Н. Н. Галкинъ-Врасскій, А. И. Соколовъ, Н. С. Кукурановъ, Н. А. Толмачевъ, Н. З. Тиховъ; чл.-сотр: Н. К. Горталовъ, А. К. Кулагинъ, В. Геркенъ, Т. С. Семеновъ, Р. А. Нелидова, И. С. Кунгурцевъ; за секретаря—дѣйствит. чл. А. И. Александровъ.

I. Доложено г. Предсѣдателемъ письмо г. секретаря Общества о его болѣзни и невозможности присутствовать на настоящемъ засѣданіи. Исполненіе секретарскихъ обязанностей по просьбѣ предсѣдателя принялъ на себя д. чл. А. И. Александровъ.

II. Прочитанъ протоколъ засѣданія Общаго Собранія 17 декабря 1890 года.

III. Ө. Г. Мищенко и Н. А. Өирсовымъ предложень въ дѣйствительные члены Общества В. В. Латышевъ, помощникъ попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, и И. Н. Смирновымъ и А. И. Александровымъ—профессорскій стипендіатъ Казанскаго Университета Н. Н. Өирсовъ. Поста-

новлено единогласно: баллотировать ихъ обоихъ въ слѣдующемъ засѣданіи.

IV. И А. Износковъ сдѣлалъ сообщеніе: „О памятникахъ древности въ Казанской губерніи“. Это сообщеніе И. А. Износковъ закончилъ пожеланіемъ, чтобы всѣ археологическія вещи, находимыя въ Казанскомъ краѣ, не отправлялись прямо въ Императорскую Археологическую Комиссію, а предварительно доставлялись на просмотръ Казанскому Археологическому Обществу.

Постановлено единогласно: обратиться къ г. начальнику губерніи съ просьбой о представленіи археологическихъ находокъ въ области Казанскаго края сначала на предварительное ознакомленіе въ Казанское Археологическое Общество, а потомъ уже отправлять ихъ въ Петербургъ, куда слѣдуетъ.

V Дѣйствит. членъ. И. Н. Смирновъ сдѣлалъ сообщеніе: „Очеркъ исторіи пермяковъ“.

VI. Сообщеніе А. И. Александрова, за позднимъ временемъ, отложено до слѣдующаго засѣданія.

Общее Собраніе 4 февраля 1891 года.

Присутствовали: Предсѣдатель Н. А. Фирсовъ, товарищъ предсѣдателя И. А. Износковъ, члены: А. А. Штуценбергъ, П. А. Пономаревъ, И. Н. Смирновъ, А. И. Александровъ, Н. З. Тиховъ, Н. С. Кузурановъ, Ѳ. Г. Мищенко, Н. А. Толмачевъ, члены-сотрудники: Е. А. Маловъ, Т. С. Семеновъ, Н. К. Горталовъ, С. М. Смирновъ, Р. А. Нелидова, А. К. Кулагинъ, секретарь П. В. Траубенбергъ.

Первымъ было сообщеніе дѣйствительнаго члена А. А. Штуценберга: „Объ одной изъ древнихъ могилъ Спасскаго уѣзда Казанской губерніи“. Главное вниманіе референтъ обратилъ изъ числа другихъ находокъ на мечъ, найденный въ Булымерскомъ могильникѣ у с. Полянокъ и сравнилъ его съ мечемъ, найденнымъ въ Смоленской губерніи и описаннымъ Д. Н. Анучинымъ въ Трудахъ Одесскаго Археологическаго Съѣзда, гдѣ и помѣщено изображеніе. Демонстрированный мечъ вполне тождественъ съ тѣмъ, который описывается у

Анучина, принадлежит къ типу Нормандскому и относится къ XI в. Дѣйствительный членъ Пономаревъ сдѣлалъ нѣсколько добавленій относительно Бульмерскаго могильника, при раскопкахъ котораго принималъ непосредственное участіе. Общество просило П. А. Пономарева сдѣлать болѣе подробное описаніе этого могильника, на что тотъ и выразилъ свое согласіе.

Затѣмъ слѣдовало сообщеніе дѣйств. члена А. И. Александрова „Внѣшній бытъ Сербовъ“. Референтъ, указавъ на расселеніе сербскаго племени, описалъ нѣкоторыя стороны жизни Сербовъ, между прочимъ задружный бытъ и высказалъ свое мнѣніе о томъ, что можетъ ожидать сербское племя, если задруга сохранится у Сербовъ навсегда.

Послѣ этого было прочитано сообщеніе дѣйств. члена Н. З. Тихова: „Болгарскій домъ и относящіяся къ нему постройки по даннымъ языка и народныхъ пѣсень“. Здѣсь референтъ собралъ изъ пѣсень и словарей всѣ выраженія, относящіяся къ болгарскому жилищу, и на основаніи ихъ представилъ картину этого жилища. Онъ обратилъ вниманіе на то, въ какой степени Болгары самостоятельны въ дѣлѣ постройки, что они сохранили отъ др.-славянской эпохи и что заимствовали отъ сосѣднихъ народовъ. Пользуясь данными языка, референтъ особенно отмѣтилъ то, что, не смотря на долговременную рабскую зависимость Болгаръ отъ Турокъ и Грековъ, вліяніе этихъ народовъ сказалось не слишкомъ сильно, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ жилищу.

Назначенные на это засѣданіе Общества выборы въ дѣйствительные члены В. В. Латышева и Н. Н. Өирсова состояться не могли въ виду недостаточнаго числа присутствовавшихъ членовъ и поэтому отложены до слѣдующаго засѣданія.

Засѣданіе Съвета 25 февраля 1891 года.

Присутствовали: Предсѣдатель Н. А. Өирсовъ, товарищъ предсѣдателя И. А. Износковъ, члены: А. И. Соколовъ, А. А. Штувенбергъ, И. Н. Смирновъ, и. д. секретаря А. И. Александровъ.

Было заслушано слѣдующее:

1) Заявленіе секретаря Общества П. В. Траубенберга объ отказѣ его отъ исполненія имъ обязанностей, соединенныхъ съ званіемъ секретаря Общества. Постановлено: Распоряженіе предсѣдателя по поводу этого утвердить и просить г. профессора А. И. Александрова принять на себя временно званіе секретаря Общества; о чемъ сообщить Общему Собранію.

2) Бумага Пермской Ученой Архивной Коммисіи отъ 13 февраля 1891 года за № 35 о бесплатной высылкѣ Трудовъ Казанскаго Археологическаго Общества въ обмѣнъ на Труды Пермской Архивной Коммисіи; постановлено: согласиться на обмѣнъ и увѣдомить объ этомъ Коммисію.

3) Членъ Общества Археологіи, инспекторъ народныхъ училищъ Елабужскаго уѣзда Вятской губерніи В. К. Магницкій препроводилъ въ Общество Археологіи—вотскую женскую дѣтскую рубашку и фартукъ, пожертвованные помощницей учителя Алнашевскаго русско-вотскаго земскаго начальнаго училища Елабужскаго уѣзда Вѣрой Васильевной Ложкиной въ даръ Музею Общества. Постановлено: благодарить жертвовательницу черезъ инспектора Магнитскаго, а вещи передать завѣдывающему музеемъ г. профессору Смирнову.

4) Прошеніе бывшаго письмоводителя Общества И. Груцына о зачтеніи ему въ пособіе отъ Общества суммы—10 р., взятыхъ имъ впередъ въ видѣ жалованья до 1 мая 1891 года. Постановлено: полученные Груцынымъ 10 рублей считать вознагражденіемъ за его прежнюю продолжительную службу и объ этомъ увѣдомить г. товарища предсѣдателя Общества И. А. Износкова.

5) Заявленіе г. предсѣдателя Н. А. Өирсова объ избраніи въ члены Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи Д. Д. Смышляева (Пермь). Постановлено: Предложить Д. Д. Смышляеву, въ виду его ученыхъ трудовъ, касающихся Пермскаго края, войти въ составъ дѣйствительныхъ членовъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

6) Заявленіе г. предсѣдателя Н. А. Өирсова объ увольненіи имъ письмоводителя Груцына и о допущеніи къ исправленію обязанностей письмоводителя Шапшинскаго. Постановлено: принять въ свѣдѣнію.

7) Заявленіе г. предсѣдателя Н. А. Фирсова объ охранѣ Булгарскихъ развалинъ и мѣстъ около нихъ отъ раскопокъ, которыя дѣлаются теперь сосѣдными крестьянами, добывающими камни. Постановлено: Мордвина считать охранителемъ Булгарскихъ развалинъ, сверхъ платы передать ему еще 20 рублей на покупку вещей, находимыхъ на мѣстѣ, въ Булгарахъ, и вмѣнить въ обязанность строго оберегать фигурные камни, колонны и проч. вещи, открываемыя теперь тамъ на мѣстѣ. Дѣйствительнаго члена Общества г. профессора Штукенберга и тѣхъ членовъ, которые бы пожелали, просить сѣздить въ Булгары для осмотра; А. А. Штукенбергу ассигновать на путешествіе 15 рублей изъ суммъ, отпускаемыхъ на охрану Булгарскихъ развалинъ.

8) Предложеніе И. Н. Смирнова о напечатаніи рефератовъ. Постановлено: печатать 1 вып. IX т. (лист. 10—12), въ составъ котораго войдутъ статьи:

А. А. Штукенберга: О древнемъ мечѣ Спасскаго уѣзда, съ фотограф. снимкомъ.

А. И. Соколова: Русскія имена и прозвища въ XVII вѣкѣ.

Н. З. Тихова: О Болгарскихъ постройкахъ.

В. К. Мамитскаго: Объ ирихахъ у чувашъ.

Троицкой: Изъ быта черемисъ.

Зайцева: Изъ быта чувашъ.

Смть: Произведенія народнаго творчества черемисъ, пермяковъ, вотяковъ и чувашъ (записи Петрова, Хорошева, Абаёмова и Аптіева).

9) Предложеніе И. Н. Смирнова устроить для пополненія фивансоваго фонда: а) двѣ публичныя лекціи, б) выставку на Пасхѣ. Совѣтъ Общества въ принципѣ единогласно принялъ предложеніе И. Н. Смирнова и постановилъ: просить директоровъ музеевъ принять участіе въ выставкѣ, а профессора Смирнова выработать планъ и представить Совѣту Общества въ непродолжительномъ времени.

10) Постановлено: назначить на Пятницу 8 марта слѣдующее засѣданіе Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, для выслушанія сообщеній:

А. И. Соколова: Русскія имена и прозвища въ XVII вѣкѣ.

Ө. Г. Мищенко: По поводу перваго выпуска ученыхъ Трудовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

М. Н. Пинегина: Татарская свадьба.

И. Н. Смирнова: Семейный и общественный бытъ Пермьковъ.

Назначить на 8-е же марта избраніе въ дѣйствительные члены Общества В. В. Латышева и Н. Н. Өирсова, несостоявшееся въ прошломъ засѣданіи за неприбытіемъ достаточнаго количества членовъ.

Общее Собраніе 8 марта 1891 года.

Присутствовали: Товарищъ предсѣдателя И. А. Износковъ, дѣйствительные члены: Ө. Г. Мищенко, А. И. Соколовъ, Н. С. Кукурановъ, В. И. Витевскій, А. Н. Бекетовъ, Н. З. Тиховъ, И. Н. Смирновъ, А. А. Штукенбергъ, О. Ө. Готвальдъ, Н. А. Толмачевъ, А. Т. Соловьевъ, члены-сотрудники: К. И. Воронцовъ, Т. С. Семеновъ, Т. С. Яковлевъ, М. Е. Кобаевъ, и д. секретаря А. Александровъ.

По болѣзни предсѣдателя Общества Н. А. Өирсова обязанности предсѣдателя исполнялъ И. А. Износковъ.

1) Дѣлалъ сообщеніе А. И. Соколовъ: Русскія имена и прозвища въ XVII в. По поводу этого сообщенія высказался А. Н. Бекетовъ. Онъ указалъ, что фамиліи на *ихъ* встрѣчаются чаще въ Сибири, и *аго* — въ среднихъ губерніяхъ Россіи; въ Казанской губерніи такія имена явились, можетъ быть, по замѣчанію автора сообщенія, потому, что эта губернія по населенію представляла очень много пришельцевъ изъ другихъ краевъ Россіи. И. А. Износковъ высказалъ пожеланіе, чтобы подобнаго сорта работы увеличивались и дѣлались сборники именъ и прозвищъ, которыя могли-бы служить для объясненія названій мѣстностей. При этомъ необходимо бы было, чтобы въ сборникахъ по возможности точно указывалось время появленія (тѣмъ болѣе это удобно при работахъ по документамъ) именъ, мѣста распространенія и самое происхожденіе, такъ какъ, напр., въ нашихъ мѣстахъ очень много именъ происхожденія ясно инородческаго.

2) Ө. Г. Мищенко сдѣлалъ сообщеніе: По поводу перваго тома сборника ученыхъ Трудовъ Историческаго Общества при

Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ (1890 Спб.). Послѣ нѣсколькихъ словъ по исторіи возникновенія Общества Ѳ. Г. передалъ содержаніе сборника, характеризовалъ всѣ три части тома, причемъ указалъ, что центр тяжести научной части составляютъ статьи самого председателя Общества проф. Кирѣева; большой интерес составляютъ также статьи, напр., Покровскаго и др. Высказался по поводу сообщенія Ѳ. Г. Мищенко И. А. Износковъ; онъ указалъ на отзывъ о сборникѣ въ Журналѣ Сѣверный Вѣстникъ и закончилъ пожеланіемъ, чтобы наше Археологическое Общество вошло въ сношеніе относительно обмѣна изданій съ Историческимъ С.-Петербургскимъ Обществомъ. Постановили: вступить въ обмѣнъ изданіями съ Историческимъ Обществомъ при Петербургскомъ Университетѣ.

3) М. Н. Пинегинъ въ засѣданіи не присутствовалъ и сообщенія о татарской свадьбѣ доложено не было.

4) Единогласно выбраны въ дѣйствительные члены Общества: Помощникъ попечителя Казанскаго учебнаго округа В. В. Латышевъ и кандидатъ Казанскаго Университета Н. Н. Өирсовъ.

5) И. Н. Смирновъ сдѣлалъ сообщеніе о семейномъ бытѣ Пермьяковъ. По поводу нѣкоторыхъ пунктовъ этого сообщенія сдѣлали свои замѣчанія Ѳ. Г. Мищенко, А. А. Штукенбергъ, Н. А. Толмачевъ и В. Н. Витевскій. Онѣ были направлены главнымъ образомъ противъ одного мѣста сообщенія, гдѣ референтъ дѣлаетъ упрекъ этнографамъ въ томъ, что они, за немногими исключеніями, поставляютъ своей единственной задачей сообщеніе сыраго необработаннаго матеріала и не вносятъ въ изслѣдованіе фактовъ отвлеченія и обобщенія, а критикамъ-спеціалистамъ, что они враждебно относятся къ культурно-историческому изслѣдованію этнографическаго матеріала. Ѳ. Г. Мищенко замѣтилъ, что русской наукѣ нельзя дѣлать такого упрека; напротивъ, она иногда страдаетъ отъ поспѣшности обобщеній. А. А. Штукенбергъ замѣтилъ, что въ сообщеніи И. Н. Смирнова обобщенія строятся на фактахъ, интенсивность которыхъ не опредѣлена. Н. А. Толмачевъ заявилъ, что придаетъ докладу выдающееся значеніе по слѣдующему соображенію. И. Н. Смирновъ констатируетъ существованіе правильно организованной семьи, а слѣдовательно и правильнаго семейнаго быта только у той части Пермьяковъ, которая подчинилась христіанск. закону о бракѣ.

Онъ самыми безотрадными чертами изображаетъ семейный бытъ у остальныхъ Пермьяковъ допускающихъ половыя сожителства, неостанавливаемые никакою степенью родства и юнымъ возрастомъ дѣвиць сожителства обуславливаюція всякаго рода кровосмѣшенія, растлѣнія дѣвиць ранняго возраста, публичныя оргіи повальнаго распутства и нерѣдко влекуція за собою драки и убійства. Разсказъ И. Н. напоминаетъ до нѣкоторой степени показанія лѣтописца Нестора и Древлянахъ жившихъ по образу звѣриному. Упомянутое о первобытныхъ нравахъ инородцевъ Восточной Россіи встрѣчались по временамъ у путешественниковъ и въ прежнія времена. Особенность доклада И. Н. заключается въ томъ, что онъ свои показанія заимствовалъ изъ дѣлъ, производившихся въ волостныхъ судахъ—и тѣмъ сдѣлалъ ихъ неопровержимыми. Данныя, сообщенныя И. Н., могутъ поэтому обратить на себя вниманіе кромѣ этнографовъ еще и нашихъ гражданскихъ и духовныхъ властей. В. Н. Витевскій, выражая противъ высказаннаго И. Н. Смирновымъ во время обмѣна мыслей съ Н. А. Толмачевымъ замѣчанія, что роль культурныхъ классовъ въ дѣлѣ ассимиляціи Пермьяковъ ничтожна въ сравненіи съ ролью простаго русскаго народа. Онъ высказалъ убѣжденіе, что говоря только о культурномъ вліяніи крестьянскаго русскаго населенія и отмѣчая отсутствіе вліянія образованнаго слоя общества, онъ грѣшитъ, совершенно забывая дѣятельность цѣлой миссіонерской школы съ ея представителемъ Н. И. Ильминскимъ во главѣ. И. Н. Смирновъ поставилъ В. Н. Витевскому на видъ, что по отношенію къ Пермьякамъ ссылка на миссіонерскую школу не имѣетъ значенія, такъ какъ въ школѣ не было ни одного Пермьяка.

6) А. И. Александровъ и Ѳ. Г. Мищенко предложили въ дѣйствительные члены Общества Археологіи бывшаго воспитанника Казанскаго Университета, а въ настоящее время воспитателя въ 1-й Казанской гимназіи Н. Я. Кирилова. Постановлено: назначить избраніе въ слѣдующемъ засѣданіи Общаго Собранія членовъ Общества.

Засѣданіе Совѣта 12 марта 1891 года.

Заслушано: 1) Письмо вновь избраннаго дѣйствительнаго члена Общества В. В. Латышева на имя Предсѣдателя Н. А. Өирсова, заключающее въ себѣ выраженіе благодарности Обществу Археологіи, Исторіи и Этнографіи за избраніе въ дѣйствительные члены и готовности послужить интересамъ и процвѣтанію Общества. Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

2) Счетъ изъ Университетской Типографіи (за № 189) на 2 рубля за 100 экземпляровъ объявленій на засѣданіе 8 марта. Постановлено: передать И. А. Износкову для погашенія.

3) Представленіе Предсѣдателемъ Н. А. Өирсовымъ работы Р. А. Нелидовой: „Добрая и злая жена по народнымъ картинкамъ“. Постановлено: сдѣлать сообщеніе работы въ ближайшемъ засѣданіи Общества.

4) Прошеніе члена-сотрудника Археологическаго Общества фотографа Софонова, о выдачѣ удостовѣренія въ томъ, что Общество поручаетъ ему фотографическую работу этнографическаго матеріала въ предѣлахъ Вятской и Уфимской губерній. Постановлено: дать желаемое удостовѣреніе и просить гг. Губернаторовъ о содѣйствіи.

5) Предложеніе И. Н. Смирнова о желаніи прочесть двѣ публичныя лекціи: 1) 6 апрѣля—подъ заглавіемъ: *Задачи и значеніе Этнографіи*. 2) 12 апрѣля на тему: *Этнографическій матеріалъ, методы его собиранія и обработки*. Постановлено: принять и просить Г. Ректора Университета сдѣлать возможнымъ пользованіе для этого заломъ и исходатайствовать соотвѣтствующее разрѣшеніе на чтеніе у Г-на Попечителя Округа. Доходъ отъ лекціи употребить на покрытие расходовъ по окончаніи печатанія 2 выпуска IX тома Извѣстій Общества. Плата за слушаніе лекцій будетъ такова; I рядъ—1 р., II и III—75 к., IV, V и VI—50 к. Входъ въ залъ—30 к. За обѣдъ лекціи вмѣстѣ: I рядъ—1 р. 50 к., II и III 1 р., IV, V и VI—75 коп. Входъ—40 коп. Учащіеся, а также учителя и учительницы народныхъ училищъ платятъ половину.

6) Постановлено: слѣдующія Общія Собранія Членовъ Общества назначить: I) на 21 марта:

а) для выслушанія сообщеній;

М. Н. Пинегина: Свадебные обычаи Казанскихъ татаръ.

И. Н. Смирнова: Погребальные обычаи и остатки языческой старины у Пермяковъ.

б) Для избранія въ дѣйствительные члены Н. Я. Кириллова.

II) На 11 апрѣля—для выслушанія сообщеній:

Р. А. Нелидовой: Добрая и злая жена по народнымъ картинкамъ.

В. К. Магницкаго: Объ прихахъ у Чувашъ.

Засѣданіе Совѣта 21 марта 1891 года.

Присутствовали: Предсѣдатель Н. А. Өирсовъ, Товарищ Предсѣдателя И. А. Износковъ. Члены: И. Н. Смирновъ, А. А. Штукенбергъ, и. д. секретаря А. И. Александровъ.

1) Заявленіе Члена Совѣта И. Н. Смирнова о томъ, чтобы печатаніе его труда о Пермякахъ было продолжаемо въ изданіи Общества на томъ условіи, что онъ сверхъ 12 листовъ остальные листы, около семи, принимаетъ на свой счетъ, почему и даетъ довѣренность казначею Университета удерживать изъ получаемого имъ жалованья, а Совѣтъ Общества предоставляетъ ему, г. Смирнову, возмѣстить эти издержки частію входною платою на его публичныя лекціи и частію продажей экземпляровъ его труда по его отпечатаніи.

2) Представленіе Дѣйствительнаго Члена Н. А. Толмачева объ избраніи въ почетные члены Общества Барона Тизенгаузена. Опредѣлено представить.

3) Представленіе дѣйствительныхъ членовъ И. Н. Смирнова, А. И. Александрова и Н. А. Өирсова объ избраніи г.г. Айналова и Шершеневича въ дѣйствительные члены Общества. Постановлено: доложить общему собранію.

4) Дѣйствительный членъ В. В. Латышевъ представилъ въ даръ Обществу свои сочиненія. Принимая съ благодарностію это приношеніе, сообщить о томъ Общему Собранію.

Общее Собраніе 21 марта 1891 года.

Присутствовали: Предсѣдатель Н. А. Өирсовъ, Товарищ предсѣдателя И. А. Износковъ. Члены: А. А. Штукенбергъ,

И. Н. Смирновъ, В. В. Латышевъ, А. И. Соколовъ, М. Н. Пинегинъ, Н. З. Тиховъ, А. Т. Соловьевъ, Н. С. Кукуринъ и Н. А. Толмачевъ; Члены сотрудники: Р. А. Нелидова, Н. К. Горгаловъ, Х. Г. Пашковскій, Т. С. Семеновъ, Яковлевъ. И. д. секретаря А. И. Александровъ.

1) Прочитанъ протоколъ засѣданія Общаго Собранія 8 марта 1891 года и протоколъ засѣданія Совѣта Общества Археологии, Исторіи и Этнографіи 21 марта 1891 года.

2) Сообщалъ М. Н. Пинегинъ: „Свадебные обычаи Казанскихъ татаръ“.

И. Н. Смирновъ съ своей стороны замѣтилъ, что весьма любопытно бы было сопоставить здѣсь и обычаи татаръ крещеныхъ и указать слои мусульманскіе и домусульманскіе.

В. В. Латышевъ указалъ, что, по его мнѣнію, М. Н. Пинегину нужно бы пользоваться болѣе объективнымъ изслѣдователемъ, а не Фюстель-де-Куланжемъ, который всюду старается видѣть формы родового быта.

3) И. Н. Смирновъ сообщалъ: погребальные обычаи и остатки языческой старины у Пермяковъ.

Засѣданіе Совѣта 11 апрѣля 1891 года.

Присутствовали: Предсѣдатель общества Н. А. Өирсовъ товарищъ предсѣдателя И. А. Износковъ, члены А. А. Штукенбергъ, И. Н. Смирновъ и и. д. секретаря А. И. Александровъ.

1) Заявленіе Н. А. Өирсова о необходимости присутствовать и ему на болгарскихъ раскопкахъ. Командировать его на тѣхъ же условіяхъ, что и А. А. Штукенберга.

2) Два 5% билета 1-го Восточнаго займа 1877 г. обмѣнить на 4%.

3) Внести въ неприкосновенный капиталъ 130 руб. въ погашеніе сдѣланнаго долга, согласно прошлогоднему постановленію (проток. 37 стр.)

4) Принимая во вниманіе усердную службу сторожа И. Сироткина, выдать ему въ празднику награду въ количествѣ 5 рублей, а сторожамъ при аудиторіяхъ, за ихъ услуги во время засѣданій Общества, троимъ по одному рублю.

5) а) Н. А. Өирсовъ и А. И. Александровъ представили въ дѣйствительные члены общества профессора П. И. Кротова, бывшего доселѣ членомъ-сотрудникомъ Общества.

б) И. А. Износковъ и Н. С. Кузурановъ представили въ дѣйствительные члены Общества Влалимира Вадимовича Молостова. Постановлено: доложить Общему Собранію.

Общее Собраніе 11 апрѣля 1891 г.

Присутствовали: Предсѣдатель Н. А. Өирсовъ товарищъ предсѣдателя И. А. Износковъ. Члены: А. И. Соколовъ, А. А. Штукенбергъ, Ө. Г. Мищенко, Н. А. Толмачевъ, В. Н. Витевскій, Н. З. Тиховъ, А. К. Кулагинъ; члены сотрудники: Р. А. Нелидова, Н. К. Горталовъ, М. Н. Пинегинъ, діакопъ Т. С. Семеновъ и д. секретаря А. И. Александровъ..

1) Избраны: въ почетные члены Общества баронъ В. Г. Тизенгаузенъ и въ дѣйствительные члены: Г. Ө. Шершеневичъ, Д. Д. Смышляевъ, Д. В. Айналовъ и Н. Я. Кириловъ единогласно.

2) Предложены въ дѣйствительные члены Общества: П. И. Кротовъ и В. В. Молостовъ. Постановлено: баллотировать ихъ въ слѣдующемъ засѣданіи.

3) Сообщение Р. А. Нелидовой: Злая и добрая жена по народнымъ картинкамъ, заключающимся въ изданіи Сенатора Ровинскаго.

И. А. Износковъ замѣтилъ, что лубочныя картинки, часто встрѣчающіяся въ русскомъ населеніи, имѣются хотя и въ меньшемъ количествѣ и у инородцевъ. Ему попались картины, предназначенныя для чувашъ, но онѣ плохо распространяются, потому что текстъ въ нихъ мало соотвѣтствуетъ содержанию.

Н. А. Өирсовъ объяснилъ, почему Р. А. Нелидова обратила вниманіе на рѣдкое собраніе картинъ, находящихся въ нашемъ Музеѣ; бытовой стороной Нелидова занималась давно и вотъ предприняла настоящую работу. Желательно чтобы

ея примѣръ нашель подражателей и Н. А. Фирсовъ готовъ и словомъ и дѣломъ оказатъ содѣйствіе при пользованіи этимъ матеріаломъ.

4) И. А. Износковъ прочель рефератъ В. К. Магнитскаго „Объ прихахъ у чувашъ“.

И. д. Секретаря Н. Тиховъ.

—————

О т ч е т ь

Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ

за 1890—91 годъ.

Составъ Общества. Къ 1 мая 1891 г. Общество имѣло 18 почетныхъ членовъ, 4 члена-соревнователя, 89 дѣйствительныхъ членовъ и 76 членовъ-сотрудниковъ.

Въ этомъ числѣ, за время съ 1 сентября 1890 года по апрѣль мѣсяцъ 1891 г. включительно вновь избрано: а) два почетныхъ члена: 1) Баронъ Тизенгаузенъ В. Г. и 2) Штида Л. Х., профессоръ Кёнигсбергскаго Университета; б) 8 дѣйствительныхъ членовъ: 1) Айваловъ Д. В., приватъ-доцентъ Казанскаго Университета; 2) Кирилловъ Н. Я., надзиратель при 1-й гимназіи; 3) Латышевъ В. В., помощникъ попечителя Казанскаго Учебнаго Округа; 4) Смышляевъ Д. Д.; 5) Тиховъ Н. З., кандидатъ истор.-фил. наукъ; 6) Толстой Л. В., землевладѣлецъ Самарск. губ.; 7) Шершеневичъ Г. Ѳ., приватъ-доцентъ Казанскаго Университета и 8) Ойрсовъ Н. Н., кандидатъ истор.-филол. наукъ, бывший членъ-сотрудникъ Общества. в) 9 членовъ-сотрудниковъ: 1) Горталовъ Н. К., преподаватель Казанской 1-й гимназіи; 2) Кулагинъ А. К., преподаватель той же гимназіи; 3) Логачевъ, учитель села Йогва Соликамск. у.; 4) Михайловъ М. Д., архитекторъ; 5) Пинегинъ М. Н., воспитатель татарской школы; 6) Смирновъ С. М., хранитель ботаническаго кабинета; 7) Софоновъ К. Т., фотографъ-художникъ; 8) Троицкая, учительница въ Царевококшайскомъ уѣздѣ и 9) Хорошевъ, учитель въ с. Ошибѣ Соликамскаго уѣзда.

Въ отчетномъ году Общество понесло тяжелыя утраты въ лицѣ умершихъ: 1) почетнаго члена П. Н. Масленникова, попечит. Казан. Учебн. Округа; 2) дѣйствительнаго члена М. П. Веске, преподав. финск. нарѣчій; 3) члена-основателя А. Ѳ. Лихачева; 4) члена-основателя И. Я. Порфирьева, профес. Духовн. Акад. и 5) члена-сотрудника Е. Т. Соловьева.

Составъ Совѣта. Совѣтъ Общества въ отчетномъ году, какъ и въ 1889 — 90, составляли: предсѣдатель Общества Н. А. Ѳирсовъ, товарищъ предсѣдателя И. А. Износковъ, члены Совѣта: П. А. Пономаревъ, И. Н. Смирновъ, А. И. Соколовъ, Н. В. Сорокинъ, А. А. Штукенбергъ: секретарь П. В. Траубенбергъ. Вслѣдствіе отказа послѣдняго обязанности секретаря (съ 25 февраля 1891 г.) поручено было исполнять дѣйствительному члену профессору А. И. Александрову, а за его отъѣздомъ обязанности эти поручены были дѣйствительному члену Н. З. Тихову.

Членами редакціонной комиссіи были: И. Н. Смирновъ, А. И. Соколовъ и П. В. Траубенбергъ. Музеемъ Общества завѣдывалъ А. А. Штукенбергъ, бібліотекой — И. Н. Смирновъ, отдѣломъ рукописей — А. И. Соколовъ.

Дѣятельность Общества. За время съ 27 апрѣля 1890 г. по 11 апрѣля 1891 г. было 8 засѣданій Совѣта и 9 Общихъ Собраній. На этихъ Общихъ Собраніяхъ были сдѣланы слѣдующія сообщенія: а) предсѣдателя Общества Н. А. Ѳирсова: 1) „Памяти П. Д. Шестакова“; б) товарища предсѣдателя И. А. Износкова: 2) „О памятникахъ древности въ Казанской губерніи; дѣйствительныхъ членовъ: с) И. Н. Смирнова: 3) Предварительный отчетъ о поѣздѣ къ Пермьямъ; 4) „Обзоръ источниковъ и пособій для изученія исторіи и современнаго быта Пермьяковъ“; 5) Очеркъ исторіи Пермьяковъ; 6) „Семейный и общественный бытъ Пермьяковъ“; 7) Погребальныя обычаи и остатки языческой старины у Пермьяковъ; д) А. А. Штукенберга: 8) „Объ одной изъ древнихъ могилъ Спасскаго уѣзда Казанской губерніи“; е) П. А. Пономарева: 9) „По вопросу о Монгольскомъ городѣ Узеке“; ф) А. И. Александрова: 10) Внѣшній бытъ Сербовъ; г) Ѳ. Г. Мищенко: 11) По поводу перваго тома „Сборника ученыхъ трудовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ“; б) В. К. Магнитскаго:

12) „Объ прихахъ у Чувашъ“; i) А. И. Соколова: 13) „Русскія имена и прозвища въ XVII вѣвѣ“; k) Н. З. Тихова: 14) „Болгарскій домъ и относящіяся къ нему постройки“; членовъ-сотрудниковъ: l) Р. А. Нелидовой: 15) „О наглядныхъ пособіяхъ для преподаванія русской исторіи“ и 16) „Злая и добрая жена по народнымъ картинкамъ, заключающимся въ извѣстномъ изданіи сенатора Д. И. Ровинскаго“. m) Троицкой: 17) „Черемисы Арбанской волости Царевококшайскаго уѣзда Казанской губ.“; n) М. Н. Пинегина: 18) „Свадебные обычаи Казанскихъ татаръ“ и o) Безрукова: 19) „Свадебные обряды русскихъ крестьянъ Красноуфимскаго уѣзда Пермской губерніи.

Кромѣ того дѣйствительный членъ И. Н. Смирновъ прочелъ двѣ публичныхъ лекціи на темы: 1) „Задачи и значеніе этнографіи“ и 2) „Этнографическій матеріалъ, его собраніе и обработка“.

Музей Общества обогатился 4 портфелями гравированныхъ портретовъ, переданныхъ по завѣщанію стат. сов. Григорія Ивановича Мѣшкова и частями вотской одежды: женской дѣтской рубашкой и фартукомъ, пожертвованными помощницей учителя В. В. Ложиной.

Библиотека Общества также увеличилась, особенно благодаря обмѣну изданіями съ другими учрежденіями. Общество обмѣнивалось въ отчетномъ году съ Императорскими и Университетами: 1) Казанскимъ, 2) Новороссійскимъ, 3) Киевскимъ и 4) Варшавскимъ; 5) съ Императорскимъ Географическимъ Обществомъ и его отдѣленіями: 6) Оренбургскимъ, 7) Западно-Сибирскимъ и 8) Восточно-Сибирскимъ; съ Императорскими и Археологическими Обществами: 9) Московскимъ и 10) С.-Петербургскимъ, 11) съ Императорскимъ Московскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, 12) съ Псковскимъ и 13) Финляндскимъ Археологическими Обществами 14) съ Историческимъ Обществомъ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ; 15) съ Историко-филологическимъ Обществомъ при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ; 16) съ Эстонскимъ ученымъ Обществомъ въ Дерптѣ; съ Архивными Коммиссіями: 17) Нижегородской, 18) Рязанской, 19) Тамбовской, 20) Саратовской, 21) Таврической, 22) Ярославской, 23) съ Архивомъ Министерства Юстиціи; 24) съ Физико-Экономическимъ Обществомъ въ

Кёнигсбергъ, 25) съ Ростовскимъ и 26) Минусинскимъ Музеями; Губернскими Вѣдомостями: 27) Архангельскими, 28) Казанскими, 29) Нижегородскими, 30) Пермскими, 31) Пензенскими, и 32) Уфимскими; Епархіальными Вѣдомостями: 33) Астраханскими, 34) Казанскими, 35) Нижегородскими, 36) Самарскими, 37) Саратовскими и 38) Симбирскими; съ Редакціями: 39) Волжскаго Вѣстника, 40) Казанскаго Биржевого Листва и 41) Саратовскаго Дневника.

Кромѣ того В. В. Латышевъ представилъ въ даръ Обществу свои сочиненія.

По опредѣленію Совѣта Общества изданъ IX томъ „Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи“. Этотъ томъ распадается на 3 выпуска. Содержаніе перваго выпуска составляютъ труды дѣйствительныхъ членовъ: Н. А. Өирсова: Памяти П. Д. Шестакова; Н. Н. Өирсова: Вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ въ комиссіи 1767 г.; Н. В. Сорокина: Толковая икона села Царицына; Н. З. Тихова: Матеріалы для исторіи развитія славянскаго жилища: Болгарскій домъ; В. К. Магнитскаго: Ирихи у чувашъ; А. И. Соколова: Русскія имена и прозвища въ XVII в. и члена-сотрудника М. Н. Пинегина: Свадебные обычаи Казанскихъ татаръ. Содержаніе втораго выпуска составляетъ трудъ дѣйствительнаго члена. И. Н. Смирнова: Пермьяки—Историко-этнографическій очеркъ, и третьяго выпуска — протоколы, отчетъ за 1890—91 г. и въ приложеніяхъ: трудъ чл.-сотр. Р. А. Нелидовой: „Добрая и злая жена по народнымъ картинкамъ Ровинскаго“.

Денежныя средства Общества.

Приходъ.

Оставалось въ наличности	804 р. 23 к.
Въ томъ числѣ:	
Неприкосновеннаго капитала	450 р. „
На охрану Болгарь	170 р. „
На устройство Музея.	11 р. 75 к.
Редакціоннаго фонда	172 р. 48 к.
Вновь поступило:	
% по купонамъ	21 р. 35 к.
Членскихъ взносов	160 р. „
На охрану Болгарь	300 р. „

Отъ публичныхъ лекцій И. Н. Смирнова.	30 р.	»
Отъ продажи изданій.	75 р.	85 к.
<hr/>		
Итого	1491 р.	43 к.

Расходъ.

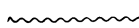
За 5% облигацію 2 Восточн. займа.	102 р.	90 к.
Жалованья писцу и служителямъ	135 р.	50 к.
За охрану и ремонтъ Болгарскихъ раз- валинъ	186 р.	»
По приведенію Музея въ порядокъ	8 р.	»
На экскурсіи.	55 р.	»
На вѣновъ М. П. Веске.	11 р.	»
Въ фотографію	42 р.	»
На типографскіе расходы	76 р.	70 к.
На мелочные расходы.	21 р.	10 к.
<hr/>		
Итого	638 р.	20 к.

Такимъ образомъ въ наличности къ 1 мая

1891 г. остается 853 р. 23 к.

Въ числѣ этихъ суммъ имѣются три 5% облигаціи 2-го Восточнаго займа за №№ 380346, 270656 и 005263 на сумму 300 руб. и квитанція Государственнаго Банка за № 141 на конверсированіе двухъ 5% облигацій 1-го Восточнаго займа на сумму 200 рублей.

И. д. секретаря *Н. Тиховъ.*

СПИСОКЪ ЧЛЕНОВЪ

Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ

къ 1 Мая 1891 г.

(съ указаніемъ времени вступленія въ Общество и мѣста жительства).

І. ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ.

- 1 **Аспелинъ**, проф. универс. (4 окт. 1884 г.). *Гельсингфорсъ.*
Буслаевъ, Федоръ Ивановичъ, академикъ (4 нояб. 1888 г.). *Москва.*
Вычговъ, А. Ѳ., академикъ, директоръ Импер. Публичн. библиотеки (14 февр. 1888 г.). *С.-Петербургъ.*
Бюлеръ, Ѳ. А. почетн. членъ Импер. Академіи наукъ, директоръ Главнаго Архива Министерства Иностр. Дѣлъ (14 февр. 1888 г.). *Москва.*
- 5 **Васильевъ**, В. П., академикъ, заслуж. орд. проф. Импер. С.-Петербург. унив. (14 февр. 1888 г.). *С.-Петербургъ.*
Вирховъ, проф. универс. (30 окт. 1881 г.). *Берлинъ.*
Доннеръ, проф. универс. (4 окт. 1884 г.). *Гельсингфорсъ.*
Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ, предсѣдатель Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Универ. (16 мая 1884 г.). *Москва.*
Мещеряиновъ, Григорій Васильевичъ, командующій войсками Казан. Воен. Округа (22 дек. 1889 г.). *Казань.*
- 10 **Островскій**, Андр. Никол., кандидатъ естеств. наукъ (16 мая 1884 г.). *Казань.*
Павель, Архіепископъ Казанскій и Свияжскій, Членъ Свят. Синода (22 дек. 1889 г.). *Казань.*

- Полтарацкий, Петръ Алексѣевичъ, Казанскій губернаторъ** (22 дек. 1889 г.). *Казань.*
- Леонъ де Ронн, Сенаторъ франц. республики, председатель Париж. Этнографическаго Общества** (30 окт. 1881 г.). *Парижъ.*
- Поповъ, Нилъ Александровичъ, директоръ архива Министерства Юстиціи** (14 февр. 1888 г.). *Москва.*
15. **Саввантовъ. П. И., Членъ Императ. Русскаго Археологическаго Общества** (14 февр. 1888 г.). *С.-Петербургъ.*
- Семевскій, Михаилъ Ивановичъ, Тайн. Совѣтникъ** (4 Нояб. 1888 г.) *С.-Петербургъ.*
- Твенгаузенъ, Владиміръ Густавовичъ, баронъ, членъ Импер. Археологической Коммисіи** (11 Апр. 1891 г.). *С.-Петербургъ.*
- 18 **Штида Людвигъ Христіановичъ, проф. универ.** (27 апр. 1890 г.). *Кенигсбергъ.*

II. ЧЛЕНЫ - СОРЕВНОВАТЕЛИ.

- 1 **Горемыкинъ, Игнатій Ивановичъ, Членъ Окр. Суда** (16 апр. 1879 г.). *Казань.*
- Кожина, Анна Авксентьевна, Потом. поч. гражд.** (27 янв. 1882 г.). *Казань.*
- Унженинъ, Василій Авксентьевичъ, пот. поч. гражд.** (16 мая 1881 г.). *Казань.*
- 4 **Шимановскій, Митроф. Васильевичъ, Членъ суд. Пал.** (28 сент. 1879 г.). *Одесса.*

III. ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ:

а) Городскіе:

- 1 **Айналовъ, Дмитрій Васильевичъ, прив. доц. унив.** (11 апр. 1891 г.).
- Александровъ, Александръ Иванов., проф. унив.** (20 апр. 1889 г.),
- Архангельскій, Александръ Семенов., проф. унив.** (3 нояб. 1885 г.)
- Ахмеровъ, Шахбасъ - Гирей Измаиловичъ, инспекторъ татарской учительской школы** (23 нояб. 1889 г.)
- 5 ***Векетовъ, Андрей Николаев., д. с. с.** (5 сент. 1878 г.).
- Вуличъ, Николай Никитичъ, тайн. сов. (членъ-основатель).**
- Вѣляевъ, Дмитрій Федоров., проф. унив.** (16 мая 1884 г.).
- Васильевъ, Александръ Васильев., проф. унив.** (3 мая 1886 г.)

- Витевскій, Владим. Никол., препод. гимназ. (11 апр. 1879 г.)
- 10 Высоцкий, Николай Федоров., проф. унив. (16 апр. 1879 г.)
Галкинъ - Врасскій, Никол. Никол., членъ суд. пал. (членъ-основатель).
- Готвальдъ, Осипъ Федоров., библиот. унив. (членъ основ.).
Домидонтовъ, Григорій Федоров., проф. унив. (29 дек. 1885 г.)
Загосенинъ, Никол. Павл., проф. унив. (членъ-основат.).
- 15 Заусайловъ, Василій Иванов., пот. поч. гражд. (30 нояб. 1878 г.)
Износковъ, Илюдоръ Александр., директ. реальн. уч. (членъ-основ.).
Ильминскій, Николай Иванов., директ. учит. семин. (членъ-основ.).
Корсамовъ, Дмитрій Александр., проф. унив. (членъ-основ.).
Корсамова, Варвара Дмитриевна (4 ноябр. 1888 г.)
- 20 Кривошапкинъ, Михаилъ Фомичъ, инсп. врач. упр. (членъ-основ.).
Кирillowъ, Никол. Яковлев., надзир. 1-й гимназии (11 апр. 1891 г.)
Кутуфановъ, Никол. Сергѣев., преподав. реальн. уч. (23 нояб. 89 г.)
Латышевъ, Василій Васильев., помощн. попечителя округа (8 марта 1891 г.)
Львовъ, Дмитрій Михайлов., проф. унив. (19 дек. 1885 г.)
- 25 Мищенко, Федоръ Герасимовичъ, проф. унив. (22 дек. 1889 г.)
Нагъевскій, Дарій Ильичъ, проф. унив. (16 дек. 1886 г.)
Насыровъ, Каюмъ Насыровичъ, казанск. купецъ (3 нояб. 1885 г.)
Образцовъ, Дмитрій Иллариевичъ (14 февр. 1888 г.)
Осокинъ, Николай Алексѣев., проф. унив. (членъ-основ.).
- 30 Пономаревъ, Петръ Алексѣев., преподав. Родіон. инст. (членъ-основ.).
Родіоновъ, Владим. Петров., земл. Казан. губ., д. с. с. (25 нояб. 1881 г.) сел. Вездна Спасск. у. Казан. губ.
Розенъ, баронъ Фридрихъ Фридриховичъ, проф. унив. (членъ-основ.)
Рущъ, Генрихъ Бернардовичъ, архитекторъ (14 февр. 1888 г.)
Сластениновъ, Семенъ Иванов., канд. матем. наукъ (17 дек. 1886 г.)
- 35 Смирновъ, Аполлонъ Ивановичъ, проф. унив. (3 мая 1886 г.)
Смирновъ, Иванъ Николаевичъ, проф. унив. (29 дек. 1885 г.)
Сokolovъ, Авдій Ивановичъ (14 февр. 1888 г.)
Соловьевъ, Александръ Титовичъ, казначей университета (16 мая 1884 г.)
- Сорокинъ, Николай Васильев., проф. унив. (членъ-основ.).
- 40 Степановъ, Яковъ Спиридоновичъ, проф. унив. (19 мар. 1881 г.)
Тиховъ, Николай Захаровичъ, канд. истор.-филол. наукъ (17 декаб) 1890 г.)

- Толмачевъ, Николай Александровичъ, проф. унив. (членъ-основ.).
Траубенбергъ, Петръ Викторовичъ, преподав. татарск. школы
(27 февр. 1887 г.).
- Трубниковъ, Юрій Владиміровичъ, землевл. казан. губер. (25 окт.
1885 г.).
- 45 Хрищановичъ, Левъ Казиміровичъ, губерн. инженеръ (29 дек. 1885 г.).
Шершеневичъ, Г. Ѳ., прив. доц. университет. (11 Апр. 1891 г.).
Штуденбергъ, Александръ Антоновичъ, проф. унив. (членъ-основ.).
Щеголевъ, Николай Иванов., Казанскій землевл. (23 декаб. 1885 г.)
•Юшвовъ, Николай Фирсовичъ, (членъ-основат.).
- 50 *Ярыгинъ, Иванъ Александров., чиновн. отд. госуд. банка (19 март.
1881 г.).
Өйрсовъ, Николай Алексѣевичъ, заслуж. ордин. проф. унив. (членъ-
основатель).
Өйрсовъ, Николай Николаевичъ, кандидатъ истор.-филолог. наукъ.
(8 марта 1891 г.).

б) *иногородніе:*

- Вахрамѣевъ, К. А., (14 февр. 1888 г.) *Ярославъ.*
Владиміровъ, Петръ Владиміров. проф. Киевск. универс. (членъ-
основ.) *Кіевъ.*
- 55 Демидовъ, Николай Александров., кандид. юрид. наукъ (17 декаб.
1886 г.). *Василь-Сурскъ.*
Зайцевъ, Алексѣй Михайловичъ, проф. Томск. универс. (3 нояб.
1885 г.). *Томскъ,*
Измайловъ, Александръ Силовичъ, магистръ ветер. наукъ (членъ-
основ.) *С-Петербуръ.*
Кремлевъ, Николай Александровичъ, заслужен. орд. проф. (17 дек.
1886 г.) *С-Петербуръ.*
Красносельцевъ, Николай Ѳомичъ, проф. Новорос. Университ.
(3 мая 1886 г.). *Одесса.*
- 60 Качановскій, Владиміръ Васильевичъ, проф. Нѣж. института (17
декаб. 1886 г.). *Нѣжинъ.*
Кузнецовъ, Степанъ Кировичъ, бібліотекаръ университета (25 окт.
1884 г.) *Томскъ.*
Лихачевъ, Иванъ Ѳедоровичъ, в.-адмир. (25 нояб. 1884 г.) *Москва.*
Магнитскій, Василій Константинов., инспекторъ нар. учил. (3 ноябр.
1885 г.). *Елабуга.*

- Мазункинъ, Николай Михайловъ, землемѣръ (29 сентября 1889 г.).**
Глазовъ.
- 65 **Майковъ, Леонидъ Николаевичъ, помощн. директора И м п е р а т о р .**
Публичн. библиот., д. с. с. (27 января 1879 г.) *С.-Петербургъ.*
- Можаровскій, Александръ Федоровичъ, инспекторъ нар. учил. (4 сент. 1878 г.).**
- Можаровскій, Аполлонъ Федоровъ, преподав. семинаріи (4 сент. 1878 г.)** *Нижній-Новгородъ.*
- Овсянико - Куликовскій, Дмитрій Николаевъ, проф. универ. (14 февр. 1888 г.)** *Харьковъ.*
- Пантусовъ, Николай Николаевъ, правит. канцел. Семирѣч. воен. губери. (3 мая 1886 г.)** *Вурный.*
- 70 **Пельцамъ, Эммануилъ Даниловичъ, Лабор. университет. (30 ноябр. 1878 г.)** *Томскъ.*
- Петровъ, Александръ Васильевъ, преподават. промышлен. училища (22 декабр. 1889 г.)** *Красноуфимскъ.*
- Подтягинъ, Григорій Ивановъ, инженеръ (10 апр. 1880 г.)** *Петро-Александровскъ, Тургайск. обл.*
- *Поливановъ, Владиміръ Николаевъ, камеръ юнкеръ двора Е. Ц. В. (членъ-основат.)** *Симбирскъ.*
- Путиловъ, Александръ Аристарховъ, землевд. Самар. губ. (27 январ. 1879 г.)** *Самара.*
- 75 **Радловъ, Василій Васильевъ, академикъ (членъ - основат.)** *С.-Петербургъ.*
- Рамбо, Альфредъ, докторъ рус. истор., проф. слов. факультета въ Парижѣ (членъ-основ.)** *Парижъ.*
- Сверчковъ, Николай Дмитриевичъ, уѣздн. предв. дворян. (27 янв. 1879 г.)** *Тетюши.*
- Смышляевъ, Дмитрій Дмитриевичъ (11 апр. 1891 г.)** *Пермь.*
- Спасскій, Николай Александровъ, секрет. губ. стат. комит. (22 декабр. 1889 г.)** *Вятка.*
- 80 ***Тимаевъ, Евгенийъ Матвѣевъ, драгоманъ азіатскаго Департ. Мин. Иностран. дѣлъ (членъ-основ.)** *С.-Петербургъ.*
- Титовъ, Андрей Александровъ, потом. почетн. гражд. (27 февр. 1887 г.)** *Ростовъ.*
- Толстой, Александръ Васильевъ, землевд. Саратов. губ. (27 апрѣл. 1890 г.)** *Сызрань.*

- Грутовскій, Владиміръ Констант., членъ Москов. Арх. Общ. (17 дек. 1886 г.) *Москва*.
- Флоринскій, Василій Марковичъ, попечитель западно-сибирскаго учебн. окр. (4 сент. 1873 г.) *Томскъ*.
- 85 Хорошавинъ, Сергій Александр. (членъ-основ.)
Христофоровъ, Иванъ Яковлев., инспект. гимназ. (членъ-основ.)
Симбирскъ.
- *Чевалинъ, Федоръ Федоров., предсѣд. Мир. Съѣзда (29 дек. 1882 г.)
Кузнецкъ.
- Шипшинъ, Федоръ Ростиславовичъ (29 дек. 1885 г.) *Тетюши*.
- 89 Шпилевскій, Сергій Михайловичъ, директоръ Демидовск. лицей.
(членъ-основ.) *Ярославъ*.

IV. ЧЛЕНЫ СОТРУДНИКИ И КОРРЕСПОНДЕНТЫ ОБЩЕСТВА.

- 1 Аптіевъ, Гавріиль Андреевичъ, учитель дер. *Варяшъ*, Бирскаго уѣзд. (19 ноябр. 1889 г.).
Аристовъ, Михайль Николаевичъ, Миров. Судья (22 мар. 1879 г.)
Чистополь.
- Архангельскій, Иванъ Васильев., штати. смотрит. Тетюшскаго уѣзд.
учил. *Тетюши*.
- Валабановъ, Иванъ Петров., редакторъ «Саратов. губерн. Вѣдом.»
(4 окт. 1880 г.) *Саратовъ*.
- 5 Вальковскій, Василій Ефимов., священ. (1 янв. 1880 г.) с. *Воронешское*, Казан. губ.
Вагинъ, Петръ Константинов., учитель (15 дек. 1879 г.) *Казань*.
- Валуловскій, Николай Николаев. (27 январ. 1882 г.) *С.-Петербургъ*.
- Васильевъ, Егоръ Васильев. учитель Бичуринск. учил. Казанской губерніи (10 мая 1887 г.).
- Веселицкій, Владиміръ, священ. села *Богородскаго* Казанск. уѣзда (8 сентяб. 1889 г.).
- 10 Владиміровскій, Василій Федоровичъ, священ. (29 дек. 1885 г.) с. *Болаево*, Свияжск. уѣзда.
Воронцовъ, Константинъ Иванов. (27 мая 1888 г.) *Казань*.
- Гейнель, Магистръ философіи Гельсингф. университет. (30 сент. 1884 г.) *Гельсингфорсъ*.
- Геркенъ, Віра Александровна (18 апр. 1887 г.) *Казань*.
- Горталовъ, Николай Константинов., преподав. 1 гимназіи (1 нояб. 1890 г.) *Казань*.

- 15 Гуляевъ, Константинъ Иванов. (28 мая 1881 г.).
Дмитріевъ, Александръ Алексѣев., преподав. гимназіи (3 нояб. 1885 г.)
Пермь.
Дмитріевскій, Николай Иванов., сельскій учитель (22 ноябр. 1881 г.)
с. Билярскъ.
Дубасовъ, Иванъ Ивановичъ. *Тамбовъ.*
Дьяконовъ, Павелъ Иванов., священ. (22 сент. 1879 г.) *с. Можарово-*
Тетюшскаго уѣзда.
- 20 Ефимовъ, Николай Ефимов. учитель народн. училища (16 мая
1889 г.).
Жялинъ, Алексѣй Дмитріев., священ. (22 мар. 1879 г.) *с. Верхъ,*
Ушмуръ, Вятской губерніи.
Живневскій, А. К. предсѣдатель архивн. комиссіи. *Тверь.*
Зантовъ, Мухаметзянъ Биккининъ, указнй мулла (8 март. 1880 г.)
Куярчино, Ланшевскаго уѣзда.
Зайцевъ, Иванъ Яковлевичъ, сельскій учитель (30 сент. 1884 г.).
Тетюшск. уѣзда.
- 25 Ивановъ, Александръ Павловичъ, преподав. Ксеніинской гимназіи
(25 дек. 1878 г.) *Казань.*
Извозищевъ, Михаилъ Иванов., штатн. смотр. у. учил. (8 нояб.
1879 г.) *Семилей.*
Ильченко, Дмитрій Васильев., директ. народн. учил. (28 апр.
1882 г.) *Тамбовъ.*
Базаринновъ, Всеволодъ Абрамов. (16 апр. 1879 г.) *Казань.*
Банонниковъ, Инокентій Ивановичъ, проф. университет. (28 апр.
1881 г.) *Казань.*
- 30 Каратаевъ, Бахитъ-Джанъ Джієневичъ (30 сент. 1885 г.) *Оренбургъ.*
Катановъ, Николай Федоров. (8 дек. 1884 г.) *С.-Петербургъ.*
Бобаевъ, Макаръ Евсеевичъ, учитель (3 апрѣл. 1889 г.) *Казань.*
Ероговъ, Петръ Иванов., проф. универс. (1 апрѣля 1880 г.) *Казань.*
Булагинъ, Александръ Корниловичъ, преподав. 1 гимназіи (2 мар.
1890 г.) *Казань.*
- 35 Кунгурцевъ, Ипполитъ Семенов., преподав. реал. училища (31
январ. 1890 г.) *Казань.*
Лихачевъ, Николай Петровичъ, магистръ рус. исторіи (22 апрѣл.
1881 г.) *Казань.*
Логачевъ, учитель *с. Йога, Соликамскаго уѣзда* (1 ноябр. 1890 г.).
Любимовъ, Николай Александров., священ. (8 марта 1880 г.) *Арскъ.*

- Люстрицкій, Викторъ Ѳеодоров., инспект. нар. учил. (16 октября 1882 г.) *Казань*.
- 40 Маліевъ, Николай Михайлов. проф. унив. (8 ноября 1879 г.) *Томскъ*.
Маловъ, Ефимій Александровичъ, прот., профессоръ академіи (2 апр. 1884 г.) *Казань*.
Мальмбергъ, Владиміръ Константинов., проф. универ. (27 окт. 1888 г.) *Дерптъ*.
Мелетій, Епископъ Селенгинскій (20 іюля 1878 г.)
Михайловъ, Митрофанъ Дмитріевичъ, архитекторъ (1 нояб. 1890 г.) *Казань*.
- 45 Нелидова, Раиса Александровна (16 мар. 1890 г.) *Казань*.
Нохратскій, Василій Михайлов. сельскій учитель (22 ноябр. 1880 г.) *Чистоп. уѣзд*.
Остроумовъ, Николай Петров., директ. гимназіи (8 март. 1880 г.) *Ташкентъ*.
Пасынзовъ, Павелъ Петров., помощ. исправ. (28 сент. 1889 г.) *Вятка*.
Пашковскій, Христофоръ Григорьев., архитекторъ, препод. реальн. учил. (22 нояб. 1880 г.) *Казань*.
- 50 Пинегинъ, Михайль Николаев., воспитат. татар. школ. (2 мая) 1890 г.) *Казань*.
Пироговъ, П. Г., правитель дѣлъ архив. комиссіи *Рязань*,
Потанинъ, Григорій Николаев. (17 дек. 1880 г.) *С.-Петербургъ*.
Радавовъ, Александръ Николаев. (28 сент. 1879 г.) *Вятка*.
Рейнгольмъ, художникъ (30 сент. 1884 г.) *Гельсингфорсъ*.
- 55 Рябинскій, Константинъ Сергѣевичъ, инспект. город. учил. (16 окт. 1882 г.) *Козмодемьянскъ*,
Сабуровъ, (Василій Васильев., землевл. Пензен. губ. (22 мар. 1879 г.) *Пенза*.
Сапожниковъ, Василій Васильев. (28 сент. 1879 г.) *Рымъ-Пески*.
Селивановъ, А. В. правитель дѣлъ архив. комиссіи. *Рязань*.
Семеновъ, Александръ Ѳеодоров. препод. реал. училища (3 февр. 1883 г.) *Владикавказъ*.
- 60 Семеновъ, Тимофей Семеновичъ, о. діаконъ (3 апр. 1889 г.) *Казань*.
Сююпинъ, Василій Никитичъ (16 апр. 1879 г.) *Чемкентъ*, Смиръ-Дарьин. обл.
Смирновъ, Сергѣй Михайлов., хранитель ботан. кабин. (2 Мая 1890 г.) *Казань*.

- Софоновъ, Константинъ Трифионовичъ (2 мая 1890 г.). *Казань.*
Спицынъ, Александръ Андреев. преподав. гимназіи (4 нояб. 1881 г.)
Вятка.
- 65 Суринъ, Федоръ Осиповичъ, капит. артиллеріи (18 дек. 1880 г.) *Казань,*
Троицкая, учительница въ Царевкокиш. уѣзд. (1 нояб. 1890 г.)
Фанагорскій, Петръ Иванов., священ. (27 янв. 1878 г.) село *Бозьяково.*
Спасск. у.
- Фатьяновъ, Михаилъ Иванов., землевл. (15 дек. 1879 г.) *Семилеевск*
у. Симбир. губ.
- Холмогоровъ, Иванъ Николаев., проф. Лаз. инст. вост. яз. (28
сент. 1879 г.) *Москва.*
- 70 Хорошевъ, учитель въ с. *Ошибь,* Соликамскаго уѣзда (1 ноябр.
1890 г.).
- Швапскій, Евлампій Семеновичъ, учит. уѣздн. училища *Ядринъ.*
Плязовъ, И. А. членъ музея въ *Ростовъ.*
- Щербатовъ, Арсеній Яковлев., проф. универ. (28 апрѣля 1882 г.)
Казань.
- Эрактинъ, Алексѣй Петровичъ (29 дек. 1885 г.) *Казань.*
- 75 Юртовъ, Авксентій Филипповичъ, преподав. учит. семин. (1 февр.
1884 г.) *Казань.*
- 76 Язовлевъ, Трифонъ Степанов., сельскій учитель села *Астраганки,*
Дашевск. у.

ДОБРАЯ И ЗЛАЯ ЖЕНА

ПО НАРОДНЫМЪ КАРТИНКАМЪ,

заключающимся въ извѣстномъ изданіи сенатора Ровинскаго. а.

Представляя Вашему просвѣщенному вниманію, М. Государыни и М. Государя, рефератъ о „Доброй и злой женѣ“, я не имѣю въ виду затрогивать сложнаго и спорнаго вопроса о положеніи русской женщины; не буду также говорить о различныхъ вліяніяхъ, напр. византійскомъ и татарскомъ, отразившихся на ея судьбѣ. Я желаю только познакомить Васъ съ тѣмъ, какъ выразился взглядъ на добрую и злую жену въ нашихъ народныхъ или дубочныхъ картинкахъ и представить Вамъ то, что я почерпнула изъ этого богатаго матеріала и служившаго въ XVII и XVIII вв. поученіемъ и развлеченіемъ не только народа, боярскаго сословія, но даже и царской семьи. „Въ постельныхъ хороммахъ дворца Алексѣя Михайловича, стѣны которыхъ не были украшены живописью, говоритъ Забѣлинъ, висѣли обыкновенно картины, парсуны, т. е. портреты и фряжскіе и нѣмецкіе листы въ рамахъ, безъ стеколъ.—Во дворецъ ихъ покупали въ Овощномъ ряду для государевыхъ дѣтей вмѣстѣ съ игрушками. Малолѣтніе царевичи и царевны забавлялись этими листами и вмѣстѣ съ тѣмъ получали изъ нихъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ предметахъ Естественной Исторіи, Географіи и Св. Исторіи. Такими же картинками были украшены и хоромы бояръ Артамона Сергѣевича Матвѣева и князя В. В. Голицына. (Забѣлинъ. Д. Б. Р. Царей стр. 163—169—171). Извѣстно также, что первый учитель царевича Петра, Зотовъ, училъ его по картинкамъ

а Матеріалы—*Собраніе народныхъ картинъ Ровинскаго*. Примѣч. и дополненія IV томъ *Ровинскаго*. *Домострой*, *Забѣлинъ* Д. Б. Русс. Царей—и *Буслаевъ*—Досуги—Женщина въ народныхъ книгахъ.

или листамъ съ лицевыми прописями, развѣшаннымъ по различнымъ покоямъ царевичевыхъ хоромъ (Забѣлинъ. Опыты. Дѣтство. II. В.). Считаю необходимымъ также добавить, что я не берусь, при описаніи народныхъ картинокъ, опредѣлять откуда каждая изъ нихъ заимствована и какой передѣлкѣ подверглись духовныя сочиненія и французскія, нѣмецкія и польскія фабулы прежде, чѣмъ сдѣлались достояніемъ русскаго народа—это относится къ области исторіи литературы. Я называю эти картинки народными потому, что онѣ вращались среди народа и пользовались, да и до настоящаго времени пользуются, его сочувствіемъ.

Картинки, изображающія различныя стороны характера и семейной жизни русской женщины, занимаютъ въ собраніи сенатора Ровинскаго довольно большой отдѣлъ. Передъ нами проходить цѣлый рядъ картинъ духовнаго и свѣтскаго—забавнаго содержанія, рисующихъ женщину большею частію въ самыхъ неприглядныхъ краскахъ. Съ особенною злобою преслѣдуютъ ее картинки духовныя и дѣлаютъ ее виною всѣхъ заблужденій, даже преступленій мужа. Самыя качества, характеризующія добрую жену, выбраны такія, которыя служатъ только для благополучія ея господина и владыки—мужа; личность женщины, ее нравственное „я“ не существуетъ. Необходимо также замѣтить, что добрая и благочестивая жена, изображается въ старинной русскои одеждѣ, а злая—въ нѣмецкомъ платьѣ.

Посмотримъ же въ чемъ состоитъ, по стариннымъ русскимъ понятіямъ, идеаль доброй жены? Добрую жену никогда слуги не будятъ, встаетъ она вмѣстѣ съ солнцемъ и, помолвившись Богу, обойдетъ и коровники и птичники, побываетъ въ амбарахъ и ледникахъ и присмотритъ за всѣмъ хозяйствомъ. Затѣмъ, въ простой домашней одеждѣ, примется за уборку дома и сама мететъ полъ, подавая этимъ примѣръ опрятности своимъ слугамъ, которымъ, убравъ комнаты, распредѣляетъ всю дневную работу, показываетъ сама какъ что нужно сдѣлать, сшить, связать; научить и кушанье приготовить. Знаетъ добрая жена сколько нужно выдать всякаго припаса; умѣетъ скроить платье мужу и себѣ, а обрѣзочки всѣ спрячетъ—при починкѣ пригодятся. Оттого и слуги ее уважаютъ, и домъ у нея полная чаша, и неимущимъ отъ избытка удѣлить можно. Утреннія заботы всѣ кончены, и добрая жена, поджидая мужа, надѣваетъ свою лучшую, но скромную

одежду, повязываетъ голову убрусомъ такъ, чтобы всѣ волосы прикрыты были. Съ почтениемъ и веселымъ видомъ встрѣчаетъ она своего господина и во всемъ съ нимъ совѣтуется и что онъ скажетъ, то съ любовію и со страхомъ внимаетъ. Мужъ испытующимъ взглядомъ окидываетъ комнату и остается доволенъ: образа чистыми убрусами завѣшаны; лавки, окна и двери вымыты, полъ выскребенъ и выметенъ, у порога войлочекъ положенъ, на лавкахъ чистые полавочки, на столахъ чистыя скатерти—и мужу глядѣть пріятно и женѣ весело. „Добрая жена даетъ жизнь и спасеніе мужу. Въ младости домъ созидаетъ, а въ старости вѣнецъ воздержанія сплетаетъ“. Но и при доброй и благочестивой женѣ, мужъ долженъ постоянно помнить, что онъ владыка въ домѣ, что власть принадлежитъ ему одному, какъ хозяину и господину, жена же должна исполнять свои обязанности, заботиться о мужѣ и домѣ и, главное, смиряться передъ нимъ. Символомъ такой власти служитъ костьль, который мужъ держитъ въ правой рукѣ на разсматриваемой нами картинкѣ (карт. 784—15).

Имѣя такую добрую жену и хорошую хозяйку, мужу и гостей къ себѣ позвать не стыдно: въ время у нея заготовлено много всякаго припаса, и копченья, и соленья; хоть каждый день приглашай гостей, на всѣхъ хватить. И сидятъ благочестивые люди за столомъ, накрытомъ чистою скатертью, у гостепріимнаго хозяина и у привѣтливой хозяйки. Благообразная и скромная служанка подаетъ имъ одно блюдо за другимъ. Кушаютъ они и курники, и пироги слоеватые, и уху курячую, и солонину съ чеснокомъ и зеліемъ, и блины сырныя, и короваи ставленныя, и короваи блинчатые. И кушать гостямъ пріятно и смотрѣть весело: посуды всякой полонъ столъ: и оловянки, и братины, ковши и солоницы, ложки, блюда и ставцы, все чисто вымыто, все блеститъ у доброй жены и хорошей хозяйки, а ширинки и утиральники всѣ расшиты. Послѣ обѣда угощаютъ гостей пивомъ, брагою, медомъ сыченымъ; и пьютъ они всего въ мѣру и ведутъ промежъ себя благочестивые разговоры, а добрая жена въ разговоры не вмѣшивается, скромно слушаетъ и уму—разуму поучается. Блаженъ мужъ, имѣющій такую добрую жену, и не нужно тебѣ на чужую свадьбу ходить: „у себѣ бо ти бракъ по вся дни въ дому твоемъ“. (Карт. 784—17).

Но въ описанныхъ нами картинкахъ, олицетворяются только семейныя добродѣтели доброй жены—хозяйки. Посмотримъ, какъ

рисуютъ онѣ намъ ея нравственную сторону и прослѣдимъ, чѣмъ занимается она въ свободное время, угостивъ и проводивъ своихъ гостей. Добрая жена дурныхъ и пересмѣшныхъ рѣчей не слушаетъ, своихъ слугъ ни о комъ не выспрашиваетъ, ни надъ кѣмъ не посмѣется, никого не осудитъ, ни на кого не клеветаетъ. Невогда ей ни бѣлиться, ни румяниться, да и мысли такія дурныя ей на умъ нейдутъ. Сидитъ она въ томъ же домашнемъ скромномъ платьѣ за столомъ и читаетъ благочестивую и поучительную книгу. И бородастые и юные мужчины такой женой любятъся и восхваляютъ ея добродѣтели: „Права и не клеветлива жена, иже вапы (красками) не мажется; беззаочно бо сіе есть, еже цвѣтъ красоты лица намазываніемъ показывати, а душу потемнѣвшую покаяніемъ не очищати“. (Карт. 784. № 13). Благочестивый мужъ помышляетъ не о тѣлесномъ украшеніи жены своей золотомъ, бисеромъ и дорогими одеждами, а поучаетъ ее цѣломудрію, чистотѣ; благоговѣнію и всякимъ добродѣтелямъ, и подаетъ ей благіе совѣты, безъ которыхъ добрая жена не должна ничего дѣлать. И вотъ передъ нами именно такая картинка: за накрытымъ скатертью столомъ сидитъ благочестивый мужъ въ однорядкѣ и читаетъ поучительную книгу, а для того, чтобы произвести болѣе сильное впечатлѣніе на сидящую противъ него жену, онъ дѣлаетъ отъ времени до времени жесты правою рукою. Жена же съ умиленіемъ слушаетъ чтеніе приложивъ лѣвую руку къ груди. (Карт. 784 № 4).

Вотъ и весь матеріалъ, который даютъ намъ духовныя народныя картинны о доброй женѣ. Какъ видите, въ четырехъ картинкахъ исчерпываются всѣ ея добродѣтели. Добрая жена должна быть хорошею хозяйкой, руководѣльницей, скромной женщиной, находиться въ полномъ повиновеніи у мужа, мыслить его мыслями, сужденій своихъ не высказывать и чувствовать постоянно надъ собою безусловную власть своего господина. Немного понадобилось словъ и красокъ для изображенія доброй жены, но за то съ какою злобою и съ какими подробностями рисуются всѣ недостатки злой жены! Какъ беспощадно караются всѣ ея пороки! Злая жена и непорядлива, и плохая хозяйка, и глуха ко всякимъ благимъ увѣщаніямъ; мужу своему не только не повинуется, но даже сама властвуетъ надъ нимъ, если, конечно, попадется смиренный; если же, какъ говорится, найдетъ коса на камень, то хотя злая жена и подчиняется грубой физической силѣ, но за то едва ли не хуже

допекает мужа мелкими придирками, дѣлаетъ ему все на перекоръ и доводитъ его наконецъ до полного отчаянія и даже до преступленія. Достаточно подробно обрисована та и другая жизнь въ народныхъ духовныхъ картинкахъ, преслѣдующихъ злую жену. Въ домѣ у нея все грязно и не прибрано. Въмѣсто того, чтобы за хозяйствомъ присмотрѣть и мужу обѣдъ приготовить, злая жена оклеветала всѣхъ слугъ передъ мужемъ, а когда онъ не обратилъ вниманія на ея жалобы, она ихъ выгнала (карт. 784. № 1), а мужа обратила въ работника. Сама же нарядилась въ нѣмецкое платье, зачесала свои волосы въ высокую прическу, набѣлилась и нарумянилась и посылаетъ мужа за водой, а чтобы онъ не вздумалъ послушаться, выходитъ сама за нимъ на крыльцо и грозно указываетъ рукою куда ему идти. Мужъ покорно исполняетъ ея приказанія и, склонивъ голову, несетъ на плечахъ коромысло съ ведрами. Ноги его скованы цѣпями, служащими символомъ его рабства, а на дорогѣ сидитъ заяцъ—символь его трусливости. Благочестивые люди, видя такое посрамленіе мужа, восклицаютъ въ негодованіи: „Беззаконно есть и несправедно, аще царь, или князь, или воевода просточинець будетъ, и послѣдняя поносная хула, аще обладаетъ мужемъ жена“. (Карт. 784. № 2). Всѣ средства употребляетъ смиренный мужъ, чтобы задобрить свою злую жену, и вотъ передъ нашими глазами новая сцена: Разодѣтая, зашнурованная и сильно декольтированная жена сидитъ въ креслахъ; голова ея убрана лентами и цвѣтами. У стола на табуреткѣ сидитъ мужъ въ нѣмецкомъ кафтанѣ, а портной кроитъ на столѣ платье женѣ изъ дорогой узорчатой матеріи. Снова заслуживаетъ такой мужъ укору со стороны благочестивыхъ людей: „Страстни челоувѣцы и тѣлолюбцы украшаютъ жены своя многими монисты и прочими украшеньями ризъ, своего ради желанія несытыя любви, женамъ своимъ угождаютъ и тѣмъ всегда Бога прогнѣвляють“. (Карт. 784. № 3). Да и цѣли своей бѣдный мужъ не достигаетъ: злую, сварливую жену ничѣмъ не успокоишь; чѣмъ больше за ней ухаживаешь, тѣмъ она дѣлается требовательнѣе, тѣмъ болѣе она злится. Пользуясь безотвѣтностью мужа, она повалила его на полъ и бьетъ дувхостою плетью. Наступаетъ время обѣда, ничего не приготовлено, не состряпано, садится мужъ за пустой столъ, заливаетъ свое горе водкой и проливаетъ слезы. Тяжело мужу жить съ такою женою и нечего ему на чужія похороны ходить и плакать „у себѣ бо ти вся дни во

дому твоёмъ плачь“. (784. № 18). Дѣло, наконецъ, доходить до того, что злая жена, поваливъ ступу, съ пестомъ въ одной рукѣ и съ кувшиномъ въ другой, гонить изъ дому своего мужа. Мало того, сняла она съ одной ноги башмакъ съ высокимъ коблукомъ и запустила имъ въ голову удаляющагося въ страхѣ супруга. „Злая жена пустота дому и печаль мужу, говорится въ объяснительномъ текстѣ, яко капель изгоняетъ человѣка изъ хоромины въ день слатень (ненастный) тако и злая жена изгоняетъ мужа“. (Карт. 784. № 16). Изливъ свою злобу на бѣднаго мужа, жена, разодѣтая въ европейское платье, съ высокимъ уборомъ на головѣ, сидитъ и смотрится въ зеркало. Въ ногахъ у нея свинья. Въ сторонѣ стоятъ двое мужчинъ и разсуждаютъ: „Якоже златымъ и дорогимъ серьгамъ у свиней въ ноздряхъ быти неприлично и странно, такъ и женѣ злоумнѣ доброта личная“. (784. № 5).

Не будучи въ состояніи укротить свою жену, изгнанный изъ дому мужъ обращается съ мольбою къ священнику повліять на религиозное чувство жены, усовѣстить ее, научить праведному житію. Священникъ исполняетъ просьбу бѣднаго мужа и отправляется къ его женѣ. И вотъ мы видимъ его, сидящаго за столомъ съ книгою; онъ поучаетъ и увѣщаетъ злую жену, но она глуха къ благимъ поученіямъ и съ злобою отворачивается отъ священника. Въ негодованіи онъ восклицаетъ, „Что есть злая жена? Неукротимый звѣрь, глуха на спасеніе: а на беззаконіе слышитъ. Неправдамъ кузнецъ, грѣхомъ пастьхъ, потыкательница на зло, мірскій мятежъ, ослѣпленіе ума“. (Карт. 784. № 7). Не подѣйствовалъ на злую жену и священникъ. Оставшись одна, она приходитъ въ ярость, бросается на землю и въ бессильной злобѣ рветъ на себѣ волосы; вокругъ нея чудовища — символы ея злобы. Въ сторонѣ стоитъ молодой человѣкъ и указываетъ на нее пальцемъ. „Что есть злая жена? восклицаетъ онъ, безстудный звѣрь, неукротимая ехидна, неумолимая скорпія, злообразный свимень (львенокъ), неупержимая аслида. И паки рече: кому вамъ злымъ уподоблю ю?“ (784. № 8). Наступаетъ конецъ мученіямъ несчастнаго мужа, умираетъ его злая жена. Въ печали онъ преклоняетъ голову ко гробу, будто желая обнять его своими руками. Около стоятъ двое молодыхъ людей и выражаютъ сочувствіе его горю“. Не сего ради плачу я, отвѣчаетъ онъ имъ, зане умре ми жена, но сего ради плачу, аще будетъ и другая подобная“. (784. № 9). Напуганный злою женою, мужъ

не вѣрять и въ добродѣтель дѣтей своихъ и, немного дней спустя послѣ ея смерти, идетъ ихъ продавать. Собравшіеся на торгу люди проклянуть его. Онъ же имъ отвѣчаетъ: „Боюсь егда въ мать будутъ, аще возрастуть, то они меня продадутъ“. (784. № 20). Такова семейная жизнь мужа смирнаго и трусливаго; но далеко не всѣ мужья отличаются мягкимъ характеромъ, вслѣдствіе чего получаютъ совершенно противоположные результаты, и семейная жизнь едвали оттого дѣлается лучше. На картинахъ суровые мужья изображаются въ воинскомъ одѣяніи, въ мантии и съ усами, жены же въ первомъ случаѣ очень красивы, а во второмъ—безобразны. Роли здѣсь перемѣняются, не жена бьетъ мужа, а мужъ немилосердно бьетъ жену двухвостую плетью, чѣмъ доставляетъ большое удовольствіе двумъ бѣсамъ, которые обнимаются отъ радости, что имъ удалось посѣлить раздоръ въ семьѣ. (784. № 23). Желая улучшить семейныя отношенія, мужъ идетъ за совѣтомъ къ своему сосѣду, но и у него въ домѣ находятъ тотъ же беспорядокъ, тѣ же ссоры. Сосѣдъ, уже пожилой человѣкъ, одержимый неизлѣчимою болѣзнию, показываетъ язвы на своихъ обнаженныхъ ногахъ и говоритъ: „Злая жена подобна есть перечесу: сюду болитъ, а сюду свербитъ“. (784. № 11). По дорогѣ домой, мужъ встрѣчаетъ другого своего знакомаго, тоже пожилаго человѣка, и рассказываетъ ему о своемъ горѣ. Но тотъ, указывая ему на злую жену, которая, ставши на колѣна, поджигаетъ костеръ, говоритъ: „Во огонь впасти кому горько и болѣзненно есть, тако же и съ женою лютою и любодѣицею равно есть мученіе и зло нестерпимо“. (784. № 14). Не найдя ни въ комъ поддержки и слѣдуя внушенію бѣса, мужъ ищетъ развлечения въ безобразной оргіи, въ обществѣ развращенныхъ женщинъ (786. № 6). Дурное поведеніе мужа еще болѣе усиливаетъ злобу жены. Она платитъ ему тою же монетою: домашнія ссоры принимаютъ самыя угрожающіе размѣры, и мужъ наконецъ рѣшается бѣжать изъ дому: но жена не хочетъ съ нимъ разстаться и всѣми силами старается удержатъ его за мантию. Онъ бѣжить въ лѣсъ, она за нимъ, ни на шагъ отъ себя не отпускаетъ. Въ горахъ видны два разбойника, вдали сидитъ левъ. Поясненіемъ картинки служитъ слѣдующій текстъ: „Встрѣтихъ бо льва на пути, разбойника на распутіи. Ибо всего того зла убѣжа, а злыя жены не могу утечи“. (784. № 24). Послѣ неудачной попытки бѣгства, мужъ впадаетъ въ меланхолію. Злая и безобразная жена на-

до́бла ему донельзя, не привлекають его никакія зрѣлища. Вышелъ онъ на улицу, а жена смотритъ въ окошко. Приятель подходитъ и зоветъ его посмотреть на заморскую обезьяну, которая изображена тутъ же не вдалькѣ сидящею на столбѣ. Мужъ ему отвѣчаетъ: „не иду братъ! Дома имама обезьяну, жену безобразну“. (784—23). Выходитъ наконецъ мужъ изъ терпѣнія, убиваетъ злую жену и хочетъ жениться на другой; но родные невѣсты въ страхѣ говорятъ ему: Какъ выдать намъ за тебя дочь свою, когда ты и первую свою жену убилъ. А онъ имъ отвѣчаетъ: „Аще такая будетъ другая, то посьбу и третью“. (784—10). Далѣе слѣдуетъ дополнительный текстъ, встрѣчающійся въ нашихъ древнѣйшихъ рукописяхъ. „Своимъ происхожденіемъ, какъ говоритъ Буслаевъ (Досуги—Женщина въ народныхъ книгахъ), онъ обязанъ самому крайнему и безпощадному аскетизму, потому что здѣсь уже, безъ всякаго различія между злыми и добрыми женами, немилосердно, въ самыхъ суровыхъ выраженіяхъ, оскорбляется женщина вообще и представляется вмѣстилищемъ всего сквернаго и гибельнаго для души человѣческой“ (Буслаевъ тамъ же—стр. 49). Въ заключеніе разсматриваемыхъ нами духовныхъ картинокъ, приведемъ еще одну, на которой справа изображена Далила, обстригающая спящему Самсону волосы. Слева дьяволъ и змѣя въ образѣ дракона. Изъ за угла видны приближающіеся воины. Вдали Ева соблазняетъ Адама яблокомъ, а правѣе Адамъ засѣваетъ землю. Внизу подпись:

«Золь змѣй, злѣ змѣя дьяволъ,
Злѣ всего злая жена». (Карт. 783).

Безспорно, что семейная жизнь при описанныхъ условіяхъ невыносима, и мужу поневолѣ приходится или радоваться смерти жены, или бѣжать отъ нея, или же, въ крайнемъ случаѣ, рѣшиться на убійство. Но не можемъ же мы согласиться, что, за немногими исключеніями, всѣ женщины злы отъ природы, что всѣ дурныя качества переходятъ къ нимъ изъ рода въ родъ, чуть не съ сотворенія міра; что виновница всѣхъ золъ одна жена. Нѣтъ ли другихъ причинъ, болѣе глубокихъ и серьезныхъ, порождающихъ семейныя невзгоды, портящихъ характеръ жены и вооружающихъ ее противъ мужа? Извѣстно, что у насъ въ допетровской Руси, даже въ боярскомъ сословіи, дѣвушекъ выдавали замужъ, не спрашивая ихъ согласія. Родители жениха и невѣсты рѣшали брачное дѣло между со-

бою, „а невѣсты жениху не покажутъ, говоритъ Котошихинъ, и невѣста его жениха не выдаетъ“. Въ другомъ мѣстѣ, у того же Котошихина читаемъ: „Во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого обманства на дѣвки нѣтъ, какъ въ Московскомъ государствѣ; а такого обычая у нихъ не повелось, смотрити и уговариватися временемъ съ невѣстою самому“⁶. Воздержимся, впрочемъ, отъ высказыванія какого бы то ни было мнѣнія и посмотримъ не дадутъ ли намъ, хотя отчасти, сами народныя картинки отвѣта на интересующіе насъ вопросы. Но прежде, чѣмъ приступить къ обзору картинокъ свѣтскаго содержанія, я считаю необходимымъ замѣтить, что всѣ изображенія на нихъ карриатурны, всѣ сцены отличаются смѣшнымъ, шутовскимъ характеромъ; но это не мѣшаетъ видѣть въ нихъ, скрытый подъ шутовскою вѣшностью глубокой смыслъ и безобидный народный юморъ.

Вотъ передъ нами молодой человекъ во французскомъ кафтанѣ; вокругъ него молодыя дѣвушки разныхъ сословій. Пришла ему охота жениться и стоитъ онъ въ раздумьѣ, не зная какою ему невѣсту за себя взять:

- Богатую взять—будутъ попрекать,
- Хорошую взять—много будутъ люди знать,
- Умную взять—не дастъ слова сказать,
- Иноземку взять—не умѣетъ крестьянскихъ работъ работать,
- Изъ дворянства взять—много убору содержать,
- Изъ посадскихъ взять—вина много содержать (намекъ на пристрастіе посадскихъ женъ къ пьянству, о чемъ свидѣлствуютъ и иностранцы, какъ напр. Оларій).
- Грамотницу взять—станетъ праздникъ разбирать,
- Церковнаго чину взять—кутейникомъ стануть звать,
- Изъ приказныхъ взять—надобно приказный порядокъ знать,
- Изъ холопства взять—будутъ пересмѣхать,
- Изъ крестьянства взять—отъ компаніи отстать,
- Худую взять—стыдно въ люди показать,
- Убогую взять—часто съ нею хлопотать,
- Слѣпую взять—дому не собрать и все растеряетъ,
- Пьяницу взять—то будетъ крадучи вино покупать».

Ни на комъ не можетъ остановиться бѣдный женихъ, всѣ невѣсты неподходящія, а почему? Потому что не за свое дѣло берется, желаетъ своимъ разумомъ жену себѣ выбрать:

6 Котош. О Россіи въ царств. Алекс. Михайлова.

„Аще кто хочеть по праву выбирать, то вѣкъ женату не бывать, надобно спроситься у добрыхъ людей, какъ будутъ выбирать и что разсуждать и намъ о томъ пожаловать сказать“. (Карт. 139). По неволѣ приходится прибѣгнуть къ совѣту и помощи другихъ и вотъ на сцену является сваха—баба веселая, разбитная, расфранченая—на всѣ руки мастеръ: за словомъ въ карманъ не полезеть, мигомъ все дѣло устроить и невѣсту сыщеть и свадьбу справить. Женихъ ведетъ съ ней разговоръ о женитьбѣ и объясняетъ ей, что ему нужна жена, чтобы имѣть покой. „Такъ не бери ты никакой“, говоритъ сваха и, въ отвѣтъ на его изумленіе, поясняетъ:

- Ты будущей женою себя утѣшаешь,
- Какую взять тебѣ вопрошаешь;
- Возьми богатую, такъ будешь ты богатъ;
- Возьми большой родни, боярамъ будешь братъ;
- Возьми разумную къ любви похвальной страсти,
- Возьми прекрасную тѣлесной ради сласти.
- А ты отвѣствуешь: хочу имѣть покой,
- Такъ лучше не бери пожалуй никакой!» (Карт. 138).

Вразумленный такимъ разговоромъ, женихъ отдаетъ свою судьбу въ полное распоряженіе свахи и она прискиваетъ ему невѣсту съ богатымъ приданымъ, роспись котораго доставляетъ жениху. Обычай дѣлать роспись приданого ведется у насъ издавна, да еще и до сихъ поръ не совсѣмъ вывелся—это древняя рядная запись, гдѣ записывалось все приданое невѣсты съ мельчайшими подробностями. „А буде умыслить за жениха выдать, говоритъ Котошихинъ, и жена и сродичи приговорятъ: и онъ (т. е. отецъ) изготovitъ роспись, сколько за тою дѣвицею дать приданого, денегъ и серебряныя и иныя посуды, и платья, и вотчинъ, и дворовыхъ людей“.

Иногда, быть можетъ, случалось, что, для приманки жениха, писали въ рядной записи много такого, чего не было на самомъ дѣлѣ и это-то, думаю, могло послужить поводомъ къ появленію забавной народной картинки, бывшей въ свое время въ большомъ ходу. Въ срединѣ представленъ круглый столъ, за которымъ сидятъ женихъ во французскомъ платьѣ, передъ нимъ лежитъ роспись; на нее указываетъ стоящая слѣва приданая дѣвка невѣсты. Позади стола стоитъ пріятель жениха, съ рюмкою въ одной рукѣ и со штофомъ водки въ другой, вѣроятно желая поздравить жениха съ невѣстою; справа шутъ, а на аван-сценѣ стоитъ разряженная невѣста въ

робронѣ, или въ платьѣ съ фижмами, декольте и въ высокой прическѣ, сверхъ которой воткнуто еще перо.

Надъ картинкою надпись:

«Роспись приданому тебѣ молодцу удалому».

Внизу текстъ:

«Слушай женихъ не вертись, а что написано не сердись».

Затѣмъ слѣдуетъ шутовской текстъ, представляющій пародію на древнія рядныя записи приданого, изъ которой привожу нѣкоторые выдержки для образчика:

Изъ посуды: Липовые два котла, да и то сгорѣли до гла,
Сосновое блюдо, да вязовый кувшинъ въ шесть аршинъ,
Люжина тарелокъ бумажныхъ, да двѣ солонки фантажныхъ.
Щаной деревянный горшокъ, да съ табакомъ свиной рожокъ.

Изъ платья: На голову точеный бармоть, изъ за серпуховскихъ воротъ.
Липовый фантажъ, хоть дегтемъ смажь,
Чепчикъ съ брызжами, да корнетъ съ ушами,
Два полотенца изъ лубоваго поленца,
Ежева шуба петербургскаго манеру, да и та сдѣлана не въ мѣру,
Кофта посконная, да юбка суконная,
Двѣ рубахи мокнуть въ ушатъ, да двѣ косынки сохнуть на ухватъ.
На ноги столярныя башмаки, да штукатурныя чулки.
Въ ларчикъ ароматикъ съ клопами, да табакерка съ блохами,
Рогъ съ чеснокомъ, да пузырь съ табакомъ,
Да еще мушечки, да коклюшечки,
Иголочки, да ножечки, булавочки, да бородавочки (т. е. мушки).

Изъ недвижимаго имѣнья: Пустошь въ четыре десятины, а хлѣба съѣтся
по четыре дубины,
Деревня межъ Кашина и Ростова позади Козьмы Толстаго
Въ той же деревнѣ запасу скотины и дичины:
Пѣтухъ перья алы, да курки малы.
Корова бура, да и та дура, корова пестра, да и та безъ хвоста,
Кобыла безъ копыта, да и то задомъ разбита.

Около постели: Пологъ браный, весь драздраный,
Перина кленова, а наволока ежева,
Подлюжины маленькихъ подушекъ, а пухъ изъ коклюшекъ,
Одѣяло стеганое алаго цвѣта, а какъ лягутъ спать его нѣту,
Чугунный тазъ, да къ постели дѣвка безъ глазъ.
За росписью приданого слѣдуетъ шутовское описаніе красоты невѣсты и заканчивается словами: «и оное приданое все на лицо, какъ свиное выѣденое лицо». (Карт, 143) II полов. XVIII

Оставшись доволенъ количествомъ и качествомъ получаемого приданого, женихъ ударилъ по рукамъ и вступилъ въ законный бракъ. Свадьба сыграна на славу, невѣста хороша, но каково-то съ нею будетъ жить, оправдаетъ ли она всѣ похвалы болтливой свахи? Первая картинка вводитъ насъ въ домъ молодыхъ. Они вполнѣ довольны другъ другомъ и сидятъ обнявшись на диванѣ. На плечахъ ихъ коромысло, на которомъ виситъ гиря, супруги поддерживаютъ ее руками, на гирѣ надпись:

«Прочь горе, перестань бременемъ насъ страшить,
Прочь! зависть и грусть не можетъ насъ разлучить!»

Справа на столѣ лежатъ книги, въ одной изъ нихъ читаемъ:

«Гдѣ мужъ съ женою союзъ обладаетъ,
Тамо супружество счастливо бываетъ».

Вверху картинки, надъ женою:

«Несу сіе бремя и тягость охотно,
Зря мужнее со мною союзство угодно,
Понеже онъ во мнѣ довольство имѣетъ».

Справа, надъ мужемъ:

«Помогай носить бремя жена моя любезна,
Вся мнѣ о тебѣ у насъ является полезна,
Содержу охотнѣе зело домъ нашъ съ тобою
Сердца бо наша свыше связаны суть судьбою».

Внизу: Доброе домосодержаніе:

«Никого боится страха добрая пара,
И тягчайшее бремя никакъ имъ есть страшно
Раемъ ты супружество должно именовать,
Кая зависть или зло счастье увязало
Въ радости и болѣзни чуждо всякаго сvara,
Соединенною рукою несутъ то согласно;
Гдѣ союзъ съ вѣрностью привыкли обитати,
Разрѣшить можетъ имъ же ибо ихъ обязало». (Карт. 151).

Какая счастливая жизнь! на этотъ разъ, кажется, сваха не обманула. Но подождемъ радоваться глядя на молодыхъ супруговъ. Извѣстно, что рѣдко можно рассчитывать на прочное невозмутимое счастье и что ни одна жена въ первый мѣсяцъ послѣ свадьбы не выкажетъ всѣ стороны своего характера и ни одинъ мужъ не станетъ сразу примѣнять свои вла-

стололюбивыя наклонности, не даромъ этотъ мѣсяцъ зовутъ медовымъ.

Дѣйствительно маленькая ссора не замедлила произойти между супругами и мужъ, все еще влюбленный въ свою жену, оказался на этотъ разъ очень уступчивымъ:

Мужъ съ женою сидятъ за столомъ, на которомъ стоитъ блюдо съ жареной уткой. Внизу картины надпись:

«Скажи, о муза, мнѣ, какой злой гнѣвъ жену принудилъ объявить жестокою войну противу своего возлюбленнаго мужа и глупость можетъ ли женѣ злой быть чужа?»

Мужъ будетъ побѣжденъ, сунбурщица не трусь и сдѣлай намъ надъ мужемъ шутку:

Поставили на столъ большую утку,

Жена сказала: это гусь. Не гусь, а утка,

То мужъ держитъ твердо. О сатана!

Кричитъ жена, безъ памяти пылится немилосердо:

Коль ты ослѣпъ, я шлюсь на вкусъ,

Иль я тебѣ такой дамъ тузъ, что ты задремлешь,

Коль гуся моего за утку ты приемлешь!

Отвѣдалъ мужъ: Душа! Сокровище мой свѣтъ!

Гусинаго и запаха тутъ нѣтъ!

Бездѣльникъ это гусь, я знаю это прямо!

Пожалуй женушка, не спорь упрямо,

Я шлюсь на всѣхъ людей, что утка то, не гусь

И въ этомъ не запрусь.

Но чѣмъ окончилась шутка?

Жена ему дала туза

И плюнула въ глаза.

Признался мужъ: на столъ поставленъ

Гусь—не утка (карт. 153).

Послѣ этой ссоры все пошло иначе, куда дѣвалась прежняя любовь, миръ и тишина въ домѣ. Жена оказалась не только упрямой, но и глупой и плохой хозяйкой: ни сварить сама, ни изжарить не умѣетъ. Мужъ выходитъ часто голодный изъ за стола и рѣшается наконецъ показать свою власть и проучить жену. Послѣдняя ужъ тоже начинаетъ побаиваться своего мужа и старается свалить свою вину на другихъ. Передъ нами именно такого рода картинка, гдѣ изображается какъ жена бѣжитъ отъ мужа; на спинѣ ея привязана кошка, которую мужъ стегаетъ треххвостю плетью. Подъ картинкою текстъ:

«Нѣкая жена сдѣлала глупость такую,

Поставила въ печь мяса часть жаркую,

Когда она поставила, толь скоро оловянное блюдо растаяло,
А она не знаетъ какъ мужу сказать.
— Батъка мой, кошка въ печь вскочила
И часть мяса утащила.
Мужъ сталъ просить обѣдать,
Жена отъ мужа стала бѣгать,
Будто сума сошла, изъ палатъ на дворъ ушла.
Мужъ той причинѣ дивился,
Какъ безъ причины у жены моей умъ повредился
Жена моя любезная, что ти приключилось?
Аль отъ кошки сбѣсилась?
И за то я ее расхлестаю.
Тотчасъ кошку поймалъ
И къ женѣ на спину привязалъ.
Началъ кошку плетью хлестать,
А кошка на спинѣ когтями платье рвать.
Ахъ батъка! до моей кожи достала!
Смерть моя! съми кошку съ меня!
Глупая, кошку за блудни бьютъ
А женѣ глупой потачки не дають». II полов. XVIII в. (Карт. 154).

Чѣмъ дальше, тѣмъ мужъ съ женою меньше ладятъ. Дѣло доходитъ до полнаго ожесточенія съ той и другой стороны. Въ домѣ царитъ величайшій безпорядокъ. Ссоры и даже драки повторяются ежедневно. Жена теперь уже болѣе не хозяйка въ домѣ, не любезная подруга своего мужа, а обращена въ служанку и притомъ лишена всякой свободы. Мужъ приходитъ въ отчаяніе и, въ недоумѣніи, задаетъ себѣ вопросъ: кто виновенъ въ томъ, что онъ такъ жестоко обращается съ женою? А жена оплакиваетъ свою горькую судьбу и свою свободу. Подъ названіемъ: „Худое домоправительство“ народная картинка изображаетъ намъ слѣдующую сцену. Мужъ дерется съ женою. Онъ стащилъ съ нея чепецъ и вырвалъ клокъ волосъ изъ косы; жена сдернула съ него парикъ и замахивается на него связкою ключей. Дьяволъ, вѣчный виновникъ всѣхъ золъ, надуваетъ ей въ ухо мѣхами.

Надпись вверху картинки:

«Худое домоправительство когда мужъ у жены отъемлетъ надлежащее ей, тогда Сатана возвѣщаетъ огонь въ домоправительство и ссоры».

Надъ мужемъ:

«Я хочу вѣдать, кто въ томъ виновенъ, что я такъ жестоко съ женою поступаю?»

Надъ женою:

«Повинно ли мнѣ быть служанкою имѣя деньги и свободу, а мужа моего ниже кровь моя услаждаетъ». Внизу картины представлена курица дерущаяся съ пѣтухомъ.

Изъ всѣхъ разобранныхъ нами картинокъ, единственно только въ послѣдней обвиняется не одна жена, а также и мужъ, который своимъ жестокимъ обращеніемъ съ женою, лишеніемъ ее свободы вызываетъ съ ея стороны сильное сопротивленіе и доводитъ ее до озлобленія. Но можно ли и его вполнѣ обвинить? Не жертва ли онъ самъ всего склада русской жизни, взгляда на бракъ и на личность женщины? Могъ ли онъ съ помощью свахи выбрать себѣ жену, которая подходила бы ему вполнѣ по уму и по характеру? Развѣ возможенъ счастливый бракъ безъ взаимнаго уваженія? На эти вопросы народныя картинки, хотя въ грубой и смѣшной формѣ, дали, какъ мнѣ кажется, достаточно полный отвѣтъ.

Въ собраніи сенатора Ровинскаго есть еще нѣсколько картинокъ не совсѣмъ скромнаго содержанія, въ которыхъ слѣдствіемъ плохой домашней жизни является невѣрность жены и разныя ея продѣлки (№№ 164—165 и друг.). Но я не буду ихъ касаться во первыхъ потому, что онѣ скорѣе относятся къ области любовныхъ похожденій какъ мужа такъ и жены и слѣдовательно не подходятъ къ избранной мною темѣ. Во вторыхъ, онѣ уже весьма искусно воспроизведены членомъ нашего Общества Н. Н. Фирсовымъ въ его статьѣ „Изъ области народныхъ картинъ“. Скажу только вкратцѣ, что мужъ, возмущенный поведеніемъ жены, окружаетъ ее доносчиками и шпионами, старается принудить ее къ повиновенію и исправить ея пороки палкой и плетью, какъ напр. въ картинкѣ „мужъ жену бьетъ, зачѣтъ негодная дома не живетъ“ (карт. 161). Ни палка, ни плеть конечно не помогаютъ, жена ожесточается все болѣе и болѣе, старается все дѣлать на зло и на перекоръ мужу и обманываетъ его на каждомъ шагу. Вѣчный адъ въ домѣ, и никакихъ средствъ нѣтъ помочь горю и улучшить жизнь злосчастныхъ супруговъ.

Въ заключеніе считаю необходимымъ добавить, что всѣ разобранныя мною картинки, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, рисуютъ семейную жизнь городскаго зажиточнаго сословія, а не быть русскаго крестьянина, взглядъ котораго на жену и на семейную жизнь былъ гораздо проще, трезвѣе и разумнѣе. Ему нужна жена—хозяйка въ домѣ и помощница въ работѣ.

Именно такую, въ большинствѣ случаевъ, и является крестьянка—жена въ домѣ крестьянина—мужа. Доказательствомъ нашихъ словъ можетъ служить то, что въ обширномъ собраніи картинъ сенатора Ровинскаго нѣтъ ни одной, гдѣ бы осуждалась, или осмѣивалась крестьянская семейная жизнь, а есть только двѣ, на которыя я обращаю Ваше особенное вниманіе. Эти картинки важны для насъ потому, что онѣ представляютъ чисто русское произведеніе, замѣчательное по той вѣрности съ какою изображены наша старинная русская одежда: (сарафанъ и кива на крестьянкѣ; однорядка, лапти и шапка на крестьянинѣ), и домашняя крестьянская работа, а въ текстѣ выразился весь смыслъ русской народной трудовой жизни: „Мужикъ лапти плететь, жена нити прядетъ, огня не гасять, обогатѣть хотять“.

Я позволяю себѣ выразить увѣренность въ томъ, что такая совмѣстная трудовая жизнь супруговъ будетъ надолго отличительнымъ характеромъ нашей русской крестьянской семьи и семьи другихъ общественныхъ классовъ вообще. Не могу не присоединить къ этому желанія, чтобы наши ученые этнографы, изучающіе дальнія страны и чужеземныя народности, обратили особенное вниманіе на складъ русской семьи и на положеніе русской женщины въ семьѣ и въ обществѣ.

МЕЛКІЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ СООБЩЕНІЯ.

1. ПОГРЕБЕНІЕ У ЧЕРЕМИСЬ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНІИ.

17 апрѣля 1891 г. судебно-медицинское слѣдствіе произвело раскопку могилы, въ которой была похоронена мѣсяца за два передъ тѣмъ черемиска. Въ гробу оказалось оwoшко (2 × 2 верш.), наравнѣ съ глазами, съ правой стороны. Когда поднята была крышка, трупъ оказался одѣтымъ въ полную зимнюю одежду, даже не забыты были теплыя рукавицы. Кромѣ того, про запасъ была положена новая смѣна бѣлья. Чтобы мертвая могла починить себѣ при случаѣ одежду, въ азиямъ ея были вколоты иголки съ нитками. Эта черемиска умерла передъ масляницей; чтобы не лишитъ ея масляничнаго удовольствія, за пазуху ей положено было 5 блиновъ. Съ боку въ гробу лежала еще палочка.

Сообщилъ **М. Ивановъ** (1).

2. ИЗЪ РЕЛИГИОЗНЫХЪ ОБЫЧАЕВЪ ВОТЯКОВЪ УФИМСКОЙ ГУБЕРНІИ БИРСКАГО УѢЗДА.

А) Сѣр сѣрс (задняя дорога). Это бываетъ черезъ каждые шесть лѣтъ, даютъ чернаго быка на мѣстѣ подъ названіемъ тѣбѣр кыр—красивая поляна. При этомъ жертвоприношеніи Вотяки умоляютъ духовъ людскихъ болѣзней той

(1) (Уржумскій уѣздъ, Вятской губ., Кужнурской волости с. Старый Тарягъ).

мѣстности, откуда переселились сюда ихъ прадѣды, чтобы эти духи—болѣзни не приходили къ нимъ въ новый край, гдѣ они теперь живутъ, и не причиняли имъ вреда.

В) „Вил' тыл“ (новый огонь). Собираютъ весеннимъ вечеромъ сходку. Когда соберется порядочное количество народу, трутъ деревяшку палочкой. Когда появится огонь, тотчасъ зажигаютъ трутъ, отправляются къ полевымъ воротамъ и, раскладывая постепенно отъ одного столба до другаго солому, сжигаютъ ее, а молодежь перескакиваетъ чрезъ пламя, потомъ почти съ каждаго дома приводятъ верхами и за поводъ ѣзжалыхъ лошадей и на нихъ скачутъ взадъ и впередъ. Пригоняютъ также и гульныхъ лошадей, которыхъ заставляютъ перескакивать, наконецъ приводятъ собаку или взрослого щенка, котораго владутъ на то самое мѣсто, гдѣ былъ огонь и перерубивъ поперегъ живота пополамъ, тотчасъ же волочатъ въ приготовленную заранѣ яму и, сбросивъ, зарываютъ.

С) Мор сѣрс (дорога болѣзней). Это бываетъ ежегодно, въ то самое время, когда бываетъ вил' тыл. Въ полночь приносятъ въ жертву чернаго козла (с'от в'эс'така). Тутъ также умоляютъ духовъ болѣзней той мѣстности, откуда пришли ихъ прадѣды, чтобы они не приходили на домашнихъ животныхъ. Жертву эту приносятъ въ арамъ.

Д) При закладѣ новаго дома дѣлаютъ обыкновенно въ д. Старо-Варяшевой слѣдующіе обряды: на томъ мѣстѣ, гдѣ основывается домъ, стелютъ кругомъ немного соломы, которую потомъ сжигаютъ; это дѣлается въ томъ случаѣ, если на этомъ мѣстѣ окажется тропа или дорожка; солому сжигаютъ для того, чтобы по устройеніи дома не ходили по этой тропѣ или дорожкѣ нечистые духи.

Сообщилъ чл.-согр. Г. А. Аптевъ.

сдѣланныхъ въ Биларскѣ. *Ею-же.*—Описаніе Биларскихъ и Баранскаго городищъ. *В. А. Казаринова.*—Замѣтка о Калмыкахъ Астрахан. губерніи. *П. Смирнова.*—Изъ поѣздки въ село Шуматово Ядр. у. Каз. губ. (быть Чувашъ) *В. К. Майнитскаго.*—О раскопкахъ близъ д. Палкиной на р. Чусовой *П. И. Кротова.*—У Вотяковъ Елабужскаго уѣзда. *Г. И. Потанина.*—Изъ дорожныхъ замѣтокъ во время этногр. экскурсій. *С. К. Кузнецова.*—О Чалдынскомъ городищѣ. *А. М. Зайцева.*—Одно изъ древнихъ булгаро-татарскихъ городищъ въ Тет. у. *Е. Т. Соловьева.*—Преданія Чувангъ и Татаръ Чебокс. у. Каз. т. *М. А. Арзамасова.*—Остатки древности въ с. Увекѣ. *Г. С. Саблукова.*—Предварительное сообщеніе о раскопкахъ близъ с. Шурана. *П. А. Пономарева.*—Предв. сообщеніе о раскопкахъ надъ Ройскимъ истокомъ. *С. К. Кузнецова.*—Замѣтки о вышеноим. раскопкахъ. *А. А. Штукенберга.*—Краткое описаніе Краснослободскаго муж. монастыря (Пенз. т.). *Д. В. Ильченко.*—Описаніе рус. сер. копѣекъ изъ клада 1881 г. *В. К. Савельева.*—Описаніе двухъ коллекцій джуч. монетъ пожерт. обществу. *Ею-же.*—Описаніе клада золотоордынскихъ монетъ, найденнаго въ 1881 г. *Н. П. Заоскина.*—Атамановы кости. *С. К. Кузнецова.*—Замѣтка по поводу сообщенія Г. Н. Потанина: у Вотяковъ Елабужск. у. *С. К. Кузнецова.* К. 1884. Ц. 2 р. 50 к.

Т. IV. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній за 1880—81 г. Приложенія. —Духовная *В. Н. Татищева.*—О Мишаряхъ чистой. уѣзда *В. А. Казаринова.*—Свѣдѣнія о Мишаряхъ. *Е. А. Малова.* К. 1885. Ц. 1 р. 50 к.

Т. V. Протоколы засѣданій Совѣта и общихъ собраній за 1882—84 гг. —Скипскій слѣдъ на биларской почвѣ. *А. Θ. Лихачева.*—Особенности русскаго говора въ Урж. у. Вят. т. *В. К. Майнитскаго.* Смѣсь. К. 1884. Ц. 1 р.

Т. VI. Вып. 1. Извлеченія изъ Протоколовъ за 1885 г. —Стишки крестьянскихъ дѣтей селъ Астраханки и Карташихи Лаишевскаго у. *С. Б. Рябинскаго.* —Замѣтка по поводу этой статьи. *А. Θ. Можаровскаго.*—Къ Археологій Урала. *А. М. Зайцева.* —Нѣсколько словъ о русскомъ вліяніи на инородцевъ въ предѣлахъ Казанскаго края. *И. Н. Смирнова.* К. 1889. Ц. 50 к.

— Вып. 2. Нѣсколько словъ о слѣдахъ употребленія у насъ фигурнаго письма. *Н. Θ. Высоцкаго.*—Развалины древнихъ зданій при селѣ «Болгарахъ». *В. А. Казаринова.*—Одинъ изъ источниковъ исторіи Вятскаго края. *А. А. Спицына.*—Неизданныя грамоты изъ афонскихъ архивовъ. *В. В. Качановскаго.*—Матеріалы для Русскаго словаря (слова, имѣющія особенное значеніе въ говорѣ жителей с. Великорѣчья, Яранск. у.). Свящ. *А. Д. Жилина.*—Обычай колядованія въ Симбирской губерніи. *М. Извошкова.*—Библиограф. замѣтка о двухъ рефератахъ, читанныхъ въ засѣд. VII Арх. Съѣзда въ Ярославлѣ А. Верещегинныхъ. *В. В. Качановскаго.*—Отчетъ и извлеченія изъ протоколовъ за 1887 г. К. 1888. Ц. 1 р.

Т. VII. Изслѣдованія о нарѣчіяхъ Черемисскаго языка *М. П. Веске.*—Новая антропологическая находка въ с. Болгарахъ. *Н. Θ. Высоцкаго.*—Древній Булгаръ и татарскія преданія о немъ. *А. Дмитриева.*—Гдѣ былъ древній Булгарскій городъ Керманчукъ. *Е. Т. Соловьева.*—Старая церковь въ селѣ Богородскомъ (съ рисункомъ). *Н. В. Сорокина.*—Черемисы. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова.* К. 1889. Ц. 2 р.

Т. VIII. Вып. 1. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. *М. П. Веске*. К. 1890. Ц. 2 р.

— Вып. 2. Вотьяки. Историко-этнографическій очеркъ *И. Н. Смирнова*. К. 1890. Ц. 2 р. 25 к.

— Вып. 3. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній, за 1889—90 г.—Письмо Стеньки Разина къ казанскимъ Татарамъ. *А. И. Соколова*.—Отчетъ Общ. А., П. и Э. за 1889—90 г.—Списокъ членовъ Общ. А., П. и Э. К. 1890. Ц. 25 к.

Т. IX. Вып. 1. Вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ въ Комиссiи 1767 г. *Н. Н. Ойрсова*.—Памяти П. Д. Шестакова. *Н. А. Ойрсова*.—Толковая икона седа Царицына (съ фотографіей). *Н. В. Сорокина*.—Материалы для исторiи развитія славянскаго жилища. Болгарскій домъ. *Н. З. Тихова*.—Прихи у Чувашъ. *В. К. Мамытскаго*.—Русскія имена и прозвища въ XVII в. *А. И. Соколова*.—Свадебные обычаи казанскихъ Татаръ. *М. Н. Пинегина*. К. 1891. Ц. 1 р. 25 к.

— Вып. 2. Пермьяки. Историко-этнографическій очеркъ *И. Н. Смирнова*. К. 1891. Ц. 1 р. 75 к.

— Вып. 3. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній за 1890—91 г.—Отчетъ Общ. А., П. и Э. за 1890—91 г.—Списокъ членовъ.—Злая и добрая жена по народнымъ картинкамъ Ровинскаго. *Р. А. Нелодовой*.—Мелкія этнографическія сообщенія. К. 1891. Ц. 30 к.

Изданія, составляющія собственность Общества:

1) Труды IV Археологическаго Сѣзда въ Россiи, бывшаго въ Казани съ 31 июля по 13 августа 1877 г. Т. I и II съ Атласомъ. Казань. 1884—91 г. Цѣна первому тому 7 р., второму вмѣстѣ съ атласомъ 10 р., за оба тома вмѣстѣ—12 р.

2) Архивъ кн. В. П. Баюшева. Разобранъ и приготовленъ къ изданію проф. Н. П. Загоскиннмъ. К. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

3) Памяти гр. Алексѣя Сергѣевича Уварова. Рѣчи, произнесенныя С. М. Шнилевскимъ, П. Д. Шестаковымъ и Д. А. Корсаковымъ. К. 1885. Ц. 75 к.

4) Краткій очеркъ восьмилѣтней дѣятельности Казанскаго Общества Археологiи, Исторiи и Этнографiи и его задачи. К. 1886. Ц. 10 к.

5) Этнографія на Казанской научно-промышленной выставкѣ. *И. Н. Смирнова*. К. 1890. Ц. 20 к.

6) Юбилей Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и VIII археологическiй сѣздъ. *Его-же*. К. 1890. Ц. 20 к.

7) Задачи и значеніе мѣстной этнографiи. *Его-же*. К. 1891. Ц. 25 к.

Всѣ изданія Общества, за исключеніемъ I и II томовъ, можно получать въ Казани у книгопродавцевъ А. А. Дубровина и Н. Я. Башмакова, въ С.-Петербургѣ у А. С. Суворина и Карбасникова.

Выписывающіе отъ Общества за пересылку не платятъ.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

